СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

ЧАСТЬ IV.

ФЕДРЪ. — ПИРЪ. — ЛИЗИСЪ. — ИППІАСЪ БОЛЬШІЙ. — МЕНЕКСЕНЪ. — ІОНЪ. — ѲЕАГЪ. — СОПЕРНИКИ. — ИППАРХЪ. — КЛИТОФОНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

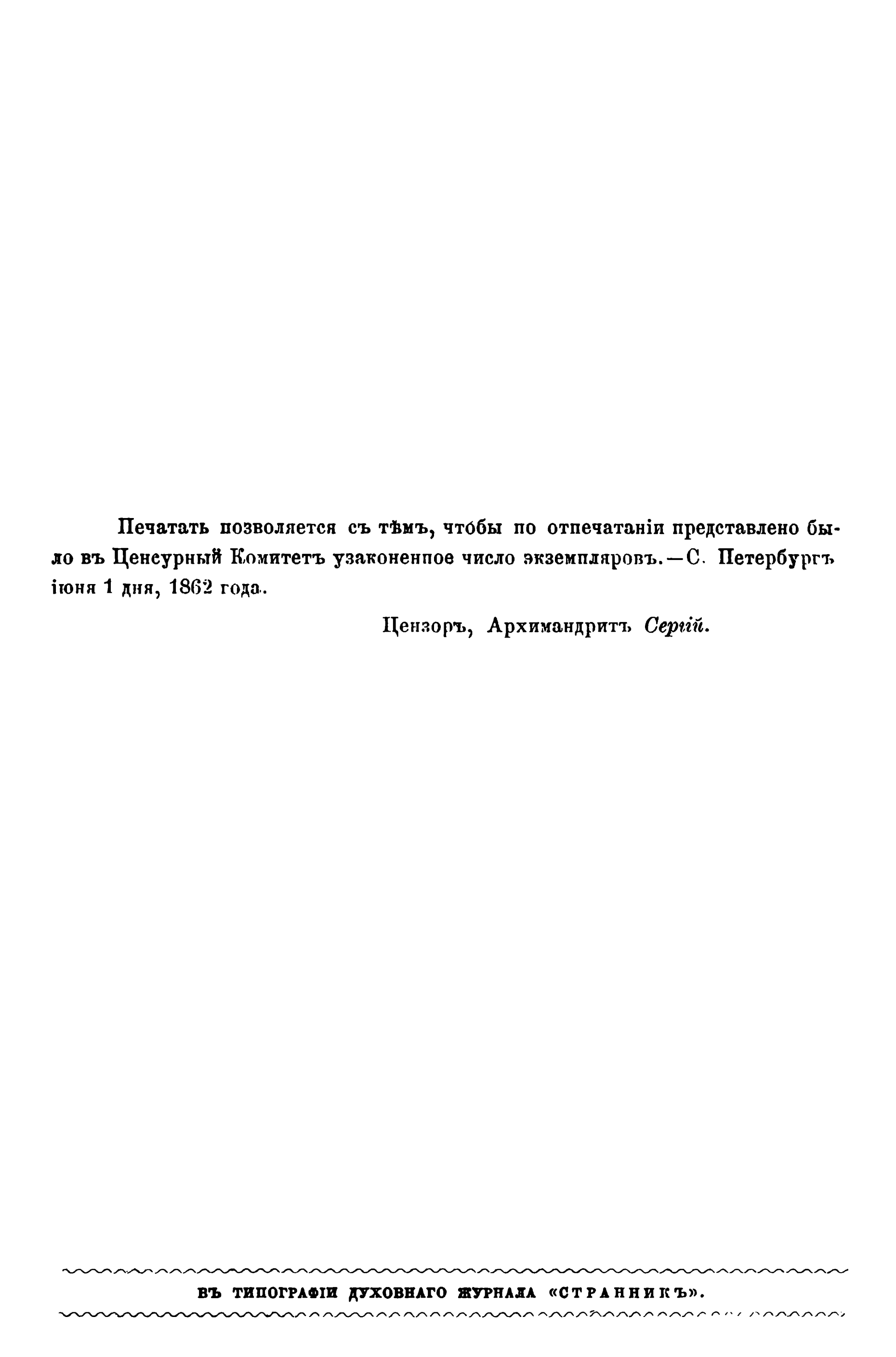
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть IV.

ФЕДРЪ. — ПИРЪ. — ЛИЗИСЪ. — ИППІАСЪ БОЛЬШІЙ. — МЕНЕКСЕНЪ. — ІОНЪ. — ѲЕАГЪ. — СОПЕРНИКИ. — ИППАРХЪ. — КЛИТОФОНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенпое число экземпляровъ.—С. Петербургъ іюня 1 дня, 1862 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

ФЕДРЪ.

ФЕДРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ разговорѣ Платона, подъ заглавіемъ Федръ, Сократъ бесѣдуетъ съ Федромъ. Этотъ собесѣдникъ сына Софрони- скова представляется человѣкомъ молодымъ, съ живыми спо- собностями и добрымъ отъ природы сердцемъ. Еще въ юно- шескомъ возрастѣ онъ уже до страсти любитъ ученыя бесѣды, усердно посѣщаетъ литературныя собранія, самъ участвуетъ въ разсужденіяхъ о любви и съ жадностію пи- таетъ свой умъ всякою новостію въ области словесныхъ произведеній (Symp. p. 176, 178). Но не смотря на то, онъ—на пути заблужденія: благороднымъ его стремленіемъ овладѣлъ лживый духъ времени, требовавшій, чтобы отврати- тельный цинизмъ внутренней жизни вездѣ украшался внѣш- нимъ блескомъ. Федръ вполнѣ преданъ водительству совре- менныхъ ораторовъ и софистовъ, на все смотритъ ихъ глазами, о всемъ судитъ по ихъ началамъ, все опредѣля- етъ ихъ понятіями (Protag. p. 315 C). Искуство слова разумѣетъ онъ, какъ навыкъ свободно и легко блистать фразою, не заботясь о достоинствѣ содержанія и нрав- ственной цѣли сочиненій. За успѣхъ рѣчи, по его мнѣ- нію, должно ручаться умѣнье представлять даже парадоксъ въ формѣ дѣйствительной истины, и способность увлекать вниманіе слушателей къ своекорыстнымъ цѣлямъ оратора. Таковъ былъ взглядъ Федра на краснорѣчіе.

Сократъ встрѣчается съ нимъ въ то время, когда онъ, проведши цѣлое утро въ обществѣ знаменитаго аѳинскаго оратора Лизіаса, возвращался отъ него и шелъ за городъ

прогуляться. Разговоръ завязался съ вопроса о томъ, какъ и чѣмъ угощалъ его Лизіасъ. Федръ началъ съ энтузіазмомъ превозносить любимаго своего оратора и упомянулъ о читанной имъ рѣчи, прибавивъ, что она была эротическаго содержанія. Это сильно подстрекнуло любопытство Сократа и заставило его просить Федра, чтобы онъ пересказалъ слышанное сочиненіе. Молодой человѣкъ, какъ часто бываетъ, сперва сталъ-было отказываться, ссылаясь на недостатокъ памяти, а потомъ соглашался пересказать отрывочно мысли: но Сократъ замѣтилъ у него подъ плащемъ свитокъ, и память на этотъ разъ оказалась ненужною; въ свиткѣ заключалась подлинная рѣчь Лизіаса. Тогда два любителя рѣчей отправились за городъ, къ рѣкѣ Илиссу и, сѣвъ на берегу, подъ тѣнистымъ яворомъ, приступили къ чтенію принесенной Федромъ рѣчи. Легкій очеркъ избраннаго ими загороднаго мѣста для чтенія есть превосходное вступленіе въ бесѣду; потому что онъ мѣтко принаровленъ къ характеру излагаемаго въ ней Платонова ученія о любви. Прозрачныя воды Илисса, посвященныя Нимфамъ и Ахелою, растеніе агнецъ—символъ дѣвственной чистоты и непорочности, журчаніе ручья, выбѣгающаго изъ-подъ явора, пѣсни кузнечиковъ, питающихся одною росою, тихое дыханіе вѣтерка, навѣвающаго прохладу, нѣжная мурава, приглашающая путника къ отдохновенію: все это—искусная обстановка убѣжища, избраннаго философомъ для размышленія объ Эросѣ (p. 227—230 C).

Возлегши на мураву, Сократъ предоставляетъ чтеніе Лизіасовой рѣчи Федру и выслушиваетъ ее отъ начала до конца. Лизіасъ поставилъ въ ней цѣлію убѣдить прекраснаго мальчика, что для него гораздо лучше оказывать благосклонность тому, кто не любитъ его, чѣмъ быть благосклоннымъ къ влюбленному. Встрѣчая такую тему въ рѣчи извѣстнѣйшаго оратора древности, котораго сочиненія, переживъ столько вѣковъ, дошли до насъ, который принадлежалъ къ самому образованному народу въ мірѣ языческомъ и про-

цвѣталъ въ самую блестящую эпоху наукъ и искуствъ въ аѳинской республикѣ, — трудно понять, какимъ образомъ въ умную голову Лизіаса могла войти столь пошлая мысль, а еще труднѣе объяснить себѣ тотъ восторгъ, съ которымъ юношество тогдашней Греціи, донынѣ превозносимое за тонкость и образованность вкуса, принимало подобныя мысли. Одна лишь исторія объясняетъ намъ эти несообразности и даетъ прекрасный урокъ тѣмъ, которые, не опредѣливъ, въ чемъ должно состоять истинное образованіе народа, кричатъ, что только образованность гнушается пороками и движется благороднымъ сочувствіемъ къ ближнему. Наперекоръ замѣчательнымъ успѣхамъ Грековъ въ наукахъ, преимущественно же въ искуствахъ, нравственную жизнь ихъ исторія пятнаетъ самыми низкими пороками, въ числѣ которыхъ особенно отвратительнымъ представляется—*παιδεραστία, παιδικὸς ἔρως* или *τὰ παιδικά*. Въ буквальномъ значеніи этого слова конечно нѣтъ ничего постыднаго; потому что имъ означается любовь къ дѣтямъ того или другаго пола: но крайній развратъ греческаго юношества, опиравшійся, можетъ быть, на нѣкоторыхъ сказаніяхъ [1] столь же развратной эллинской миѳологіи и находившій поводъ къ своему развитію въ самыхъ воспитательныхъ тогдашнихъ учрежденіяхъ [2], не замедлилъ эту чистую и естественную любовь къ дѣтской невинности сдѣлать органомъ гнусной страсти, которая кажется чудовищемъ даже для самой чувственности человѣка. *Παιδεραστία*, въ смыслѣ ужаснаго зла, нравственно убивающаго душу и физически разрушающаго тѣло, во времена Платона въ аѳинскомъ обществѣ почти не надѣвала маски и стала въ совершенную противоположность съ началами здравомыслящей и благонравной философіи, которая тогда, можно сказать, отожествлялась съ

[1] Къ числу подобныхъ миѳическихъ сказаній можно отнесть подробности о Ганимедѣ и Гименеѣ.

[2] Древніе много разсказываютъ о формахъ гимнастическихъ учрежденій въ греческихъ республикахъ, и разсказы ихъ позволяютъ заключать, что гимнастика у нихъ не могла не вредить нравственности.

именемъ Сократа. Посему Платонъ, вообще старавшійся своимъ ученіемъ и сочиненіями положить сильный оплотъ противъ развитія современнаго ему софистическаго вольномыслія и нравственнаго разврата, считалъ своимъ долгомъ подвергнуть глубокому изслѣдованію понятіе περὶ τῶν παιδικῶν и написалъ нѣсколько весьма важныхъ діалоговъ—съ намѣреніемъ раскрыть природу любви и показать аѳинскому юношеству, до какой степени оно обезображиваетъ ее грубою чувственною своею жизнію и извращаетъ высокую цѣль, для которой она пробуждается въ человѣческомъ сердцѣ. Главнымъ и, можно сказать, кореннымъ между діалогами этого рода надобно почитать безспорно тотъ, который теперь подлежитъ нашему разсмотрѣнію, и въ которомъ весьма естественнымъ поводомъ къ разсужденію о любви служитъ Платону рѣчь Лизіаса на упомянутую выше тему.

Но какимъ образомъ къ этому одному предмету могутъ быть сведены, повидимому, слишкомъ разнородные вопросы, служащіе общими задачами главныхъ отдѣловъ Платонова Федра? Критики отвѣчаютъ на это неодинаково, и потому не одно и то же принимаютъ за коренное положеніе цѣлаго разговора. Платоновъ Федръ, съ перваго взгляда, рѣзко дѣлится на двѣ части, по содержанію совершенно различныя: въ первой предлагаются три рѣчи о любви, изъ которыхъ одна Лизіасова и двѣ—Сократовы (p. 231—257); а во второй излагаются правила составленія рѣчей (p. 258—279). Предметы этихъ частей изслѣдованія, очевидно, таковы, что если главнымъ въ цѣломъ сочиненіи мы признаемъ первый, то послѣдній должны будемъ почесть приросшимъ къ цѣлому случайно и неимѣющимъ ничего общаго съ его цѣлію; а когда всю сущность діалога заключимъ въ послѣднемъ, то первый представится въ значеніи слишкомъ широко раскрытаго примѣра для предполагаемой теоріи, или несоразмѣрно долгою практическою игрою умовъ, прежде чѣмъ они принялись за серьезное изслѣдованіе. Въ томъ и другомъ случаѣ Платоновъ Федръ

покажется намъ сочиненіемъ безъ единства содержанія и безъ стройности въ формѣ. Но не спѣша предполагать такіе недостатки въ разсматриваемомъ произведеніи Платонова ума, которое, каково бы ни было наше о немъ сужденіе, располагаетъ насъ невольно увлекаться высотою своихъ идей и изяществомъ изложенія ихъ, мы прежде всего вникнемъ въ рѣчь Лизіаса,—не найдемъ ли въ ней и въ сопровождающихъ ее словахъ Федра достаточнаго основанія для приведенія обѣихъ частей діалога къ желаемому единству.

Въ Лизіасовой рѣчи, какъ видно уже изъ самой ея темы, полагается различіе между равнодушіемъ и влюбленностію въ отношеніи къ красотѣ. Первое изображаетъ ораторъ такъ, что въ немъ нельзя не видѣть скотскаго удовлетворенія возбуждающейся по временамъ похоти; а послѣднюю—такъ, что въ ней мы замѣчаемъ хотя человѣческое, но самое гибельное искаженіе любви, ограниченной представленіями грубыхъ скотоподобныхъ удовольствій. Итакъ человѣка съ равнодушіемъ и влюбленностію, въ отношеніи къ красотѣ, Лизіасъ, самъ того не замѣчая, разсматриваетъ въ состояніи скотства и скотоподобія, а между тѣмъ полагаетъ, что въ его рѣчи разсматривается человѣкъ. Явно, что такое заблужденіе происходило, во-первыхъ, отъ незнанія человѣческой природы, а во-вторыхъ, отъ того, что ораторъ не опредѣлилъ и, не зная природы души, не могъ опредѣлить, что такое—любовь. Но отсюда само собою вытекало положеніе, служащее темою всего разговора, озаглавленнаго именемъ Федра: «чтобы говорить или писать о любви, и вообще о какомъ бы то ни было предметѣ, надобно знать природу любви, или всякаго разсматриваемаго предмета, и при свѣтѣ этого познанія, въ устной ли то бесѣдѣ, или въ письменной рѣчи, прежде всего опредѣлить предметъ разсужденія.» Принявъ это въ Федрѣ за основное положеніе всей бесѣды, которымъ условливается единство ея содержанія и отношеніе ея частей, мы теперь ясно видимъ, что двумя рѣчами, которыя произнесъ въ ней Сократъ, Пла-

тонъ поправляетъ *содержаніе* рѣчи Лизіасовой, т. е. говоритъ о природѣ и видахъ любви; а чрезъ изложеніе правилъ устнаго и письменнаго составленія рѣчей, показываетъ, въ какой *формѣ* надлежало бы Лизіасу написать свою рѣчь, еслибы онъ правильно понималъ, что такое — любовь.

Итакъ, выслушавъ рѣчь Лизіаса и видя, что, по матеріи, въ ней скотское плотоугодіе отличается отъ скотоподобной любви, а любовь въ истинномъ ея значеніи вовсе не разсматривается и не опредѣляется, Сократъ мысленно дѣлитъ любовь на чувственную и разумную и, по настоятельному убѣжденію Федра, говоритъ—одну послѣ другой—двѣ рѣчи, изъ которыхъ въ первой красками самыми яркими изображаетъ низкія удовольствія любви чувственной, а въ другой—языкомъ восторженнаго поэта и глубокомысленнаго философа описываетъ происхожденіе, природу и стремленіе любви разумной. Приступая къ произнесенію рѣчи о сынѣ Афродиты плебейской, Сократъ предувѣдомляетъ Федра, что, дабы не краснѣть отъ стыда и не заикаться, онъ произнесетъ ее съ закрытыми глазами. И дѣйствительно, эту рѣчь надобно нетолько произносить, но и читать, оградившись бронею хорошо развитаго нравственнаго чувства. Впрочемъ, она написана такъ искусно, что, доказывая какъ будто тему Лизіасову, т.-е., что прекрасный мальчикъ получаетъ больше пользы, благопріятствуя невлюбленному, чѣмъ тогда, когда онъ бываетъ расположенъ къ влюбленному, представляетъ чувственную любовь во всемъ ея безобразіи и возбуждаетъ сильное къ ней отвращеніе. Начавъ свою рѣчь опредѣленіемъ чувственной любви, и понимая ее, какъ страсть, влекущую къ удовольствіямъ, проистекающимъ изъ красоты тѣла, Сократъ показываетъ, сколько золъ приноситъ она людямъ, особенно когда лице любимое отвлекаетъ отъ тѣхъ дѣлъ, которыми оно должно пользоваться, какъ плодами истинной мудрости. Имѣя это, искусно прикрытое доброе направленіе, Сократова рѣчь, и по самой своей формѣ, противуположна Лизіасовой. Основанная на опредѣленномъ по-

нятіи о чувственной любви, она потому самому отличается ясностію и связанностію мыслей, стройнымъ расположеніемъ словъ и выраженій, тогда какъ въ рѣчи Лизіаса мысли неопредѣленны и перепутаны, а выраженія раскиданы и держатся только внѣшними, ничего незначущими связями. Когда эта декламація Сократа была окончена, — Федръ и Сократъ увидѣли въ ней только половину дѣла; но въ другой половинѣ предполагали оба не одно и то же: первый надѣялся услышать, что̀ скажетъ Сократъ о выгодахъ благорасположенія къ человѣку нелюбящему; а послѣдній, раскрывъ значеніе любви чувственной, долженъ былъ еще объяснить, что̀ такое любовь разумная или духовная. Удовлетворить ожиданію Федра Сократъ рѣшительно отказывается и, по внушенію своего генія, приступаетъ къ разсматриванію природы божественнаго Эроса—уже съ открытыми глазами.

Если весь Платоновъ Федръ написанъ по мѣстамъ подъ вліяніемъ бо́льшаго или меньшаго поэтическаго воодушевленія, то особенно звучитъ диѳирамвомъ вторая рѣчь Сократа, въ которой онъ созерцаетъ происхожденіе и природу любви духовной. Эта любовь, говоритъ онъ, есть изступленіе, даруемое богами для величайшаго благополучія смертныхъ. Но чтобы понять всю ея важность и силу, надобно разсмотрѣть природу человѣческой души. Всякая душа безсмертна, потому что самодвижима; а какова ея природа,— можно высказать только подобіемъ. Она подобна двумъ крылатымъ конямъ, запряженнымъ въ колесницу и управляемымъ возницею. Но кони боговъ и возничіе ихъ во всемъ совершенны; а прочіе не таковы: изъ коней, везущихъ колесницу души человѣческой, одинъ бодръ и послушенъ, другой золъ и упрямъ; такъ что возничему трудно управляться съ ними. Этимъ объясняется древнее — до-мірное разстройство человѣческой природы, произшедшее слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ люди населили землю, души ихъ обитали въ мірѣ духовномъ и наслаждались блаженствомъ въ сообществѣ съ богами. По числу двѣнадцати главныхъ бо-

жествъ, онѣ дѣлились на двѣнадцать сонмовъ, и каждый сонмъ слѣдовалъ за своимъ богомъ; а всѣ боги составляли свиту великаго Зевса. Итакъ Зевсъ, оставивъ центральное жилище Весты, ѣдетъ на праздникъ подъ зенитъ небеснаго свода, и поднимается по наклонной плоскости, сопровождаемый всѣми богами и героями. Колесницы боговъ катятся плавно и ровно; потому что кони ихъ хорошо вскормлены, и возничіе имѣютъ довольно силы для управленія ими. Они достигаютъ высшей точки орбиты и, прозирая съ ней въ горній міръ безпредѣльнаго свѣта, въ которомъ нѣтъ уже ни матеріальныхъ образовъ, ни формъ бытія, неизъяснимо наслаждаются этимъ духовнымъ созерцаніемъ. Напротивъ, изъ душъ не всѣ возносятся къ желаемой цѣли: только болѣе совершенныя и везомыя старательно воспитанными конями восходятъ къ крайнему предѣлу своего пути, откуда, по безформенности вещей премірныхъ, созерцаніемъ ихъ, вмѣстѣ съ богами, наслаждаются по крайней мѣрѣ возничіе. Прочія же души,—такъ какъ одинъ изъ коней ихъ рвется впередъ,—другой упирается и останавливаетъ колесницу, — неминуемо подвергаются страшнымъ бѣдствіямъ; ибо отъ этого происходятъ замѣшательства и столкновенія, разрушеніе колесницъ и ломка крыльевъ. А когда у коней крылья переломаны,—души не могутъ уже слѣдовать за богами, но стремглавъ летятъ внизъ и, падая на землю, въ наказаніе заключаются въ тѣла.

Это аллегорическое сказаніе о природѣ человѣческой души Сократъ примѣняетъ ко всѣмъ степенямъ и направленіямъ душевной жизни и на такомъ основаніи показываетъ необходимость многихъ и долговременныхъ метаморфозъ одного и того же разумнаго существа, пока оно не возвратится въ то состояніе, къ которому предназначено. Что же касается до значенія изложенной аллегоріи, то оно довольно обстоятельно показывается въ Платоновомъ «Государствѣ», гдѣ подъ именемъ возничаго Платонъ велитъ разумѣть умъ, который въ человѣческой душѣ долженъ быть силою господ-

ствующею; въ добромъ конѣ видитъ природу раздражительную, которая повинуется и помогаетъ уму; а въ конѣ упрямомъ мыслитъ природу пожелательную, увлекаемую страстями и стремящуюся къ удовольствіямъ; крыльями же означаетъ порывъ души къ божественному. Такъ, показавъ образно небесное происхожденіе и судьбу планетнаго существованія душъ. Сократъ отсюда выводитъ значеніе и природу любви.

Стремленіе человѣческой души—разсѣянныя черты вещей собирать въ одно, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ стараніе припоминать и возстановлять тѣ образы, которыхъ созерцаніемъ души наслаждались въ жизни до-мірной. И кто болѣе занимается этимъ, какъ напримѣръ философъ; тотъ скорѣе выращаетъ крылья для паренія на небо, ибо тотъ живѣе возбуждаетъ въ памяти идеи вещей небесныхъ. Но выращеніе крыльевъ есть восторженіе души; а восторженіе или изступленіе ея есть любовь. Полныхъ образовъ истиннаго, добраго, справедливаго и святаго на землѣ нѣтъ; но встрѣчаются иногда чувствопостигаемыя отраженія этихъ идей, — и созерцая ихъ, мы пробуждаемъ въ себѣ идею прекраснаго, которое, потому именно, что напоминаетъ намъ о красотѣ вещей небесныхъ, становится предметомъ любви, умерщвляетъ чувственныя наши пожеланія, привязываетъ насъ къ себѣ узами благоговѣнія и восторгаетъ къ небу. Впрочемъ, отраженія прекраснаго божественнаго въ душѣ не всѣ одинаковы и не на всѣхъ одинаково дѣйствуютъ. Каждый любитъ красоту, сродную тому божеству, которому въ жизни до-мірной онъ сопутствовалъ. Посему совершеннѣйшіе любители суть тѣ, которые любятъ совершеннѣйшее прекрасное; а совершеннѣйшее прекрасное могутъ любить только тѣ, которые принадлежали къ свитѣ Зевса и созерцали умъ царственный. Такіе любители суть философы, любящіе юношей, отъ природы одаренныхъ стремленіями философскими и рожденныхъ для владычества надъ другими. Правда, и здѣсь на землѣ, отъ буйства при-

роды пожелательной, повторяются тѣ же затрудненія и препятствія, съ которыми души боролись въ жизни до-мірной: но благоразуміе и твердость возничаго, при содѣйствіи прирожденной душѣ раздражительности, наконецъ обуздываютъ строптивость коня непослушнаго, и лице любимое само начинаетъ любить то, что кажется наилучшимъ его любителю; ибо въ этомъ случаѣ они помогаютъ другъ другу выращать себѣ крылья и подниматься къ горнему.

Произнесши такую рѣчь, Сократъ выдаетъ ее за палинодію прежней и проситъ Эроса, чтобы онъ никогда не отнималъ у него дара той любви, какая теперь описана, и расположилъ самого Лизіаса сообразоваться съ любовію философскою. Такъ оканчивается первая часть Платонова Федра. Въ ней практически рѣшенъ вопросъ: какъ надобно говорить и писать о любви? и найдено, что только тотъ въ состояніи хорошо и вѣрно разсуждать о ней, кто изучилъ ея природу, или имѣетъ о ней знаніе философское, основывающееся на опредѣленіи метафизическаго существа ея. Распространяя это правило и на всѣ возможные предметы рѣчей, Сократъ на томъ же основаніи излагаетъ теперь общую теорію ораторскаго искуства, и изложенію сей теоріи посвящаетъ вторую часть своей бесѣды съ Федромъ.

Выслушавъ послѣднюю рѣчь Сократа, Федръ полагаетъ, что и Лизіасъ не написалъ бы подобной, даже опасается, какъ бы онъ вовсе не оставилъ своего искуства. Но Сократъ говоритъ, что оставлять это искуство не слѣдуетъ: надобно только помнить, что безъ философіи оно невозможно; потому что ораторъ долженъ основательно знать то, о чемъ намѣренъ говорить. Если же онъ преслѣдуетъ только пустой образъ истины, то его рѣчь нетолько смѣшна, но и гибельна. Въ такомъ случаѣ она есть не произведеніе искуства, а органъ безумнаго опыта. Всякая рѣчь направляется къ убѣжденію слушателей въ какомъ-нибудь предметѣ. Посему, когда ораторъ не постарался напередъ уразумѣть тотъ предметъ, въ которомъ хочетъ убѣдить, тог-

да онъ нетолько обманываетъ другихъ, но обманывается и самъ, а это конечно смѣшно. Раскрывъ такимъ образомъ основное положеніе второй части разговора, Сократъ обращается къ рѣчи Лизіаса и показываетъ, что въ ней недостаетъ именно этого знанія предмета; потому что она есть произвольное накопленіе понятій, неопирающихся на понятіи цѣлаго. Тогда какъ ораторъ долженъ знать, говоритъ онъ, нѣтъ ли въ предметѣ его рѣчи чего-нибудь обоюднаго и сомнительнаго, Лизіасъ не обратилъ вниманія на то, что о природѣ и силѣ любви между людьми много различныхъ мнѣній, и не опредѣлилъ, какъ понимаетъ онъ любовь, а просто началъ разсуждать о ней съ того, чѣмъ другіе оканчиваютъ разсужденіе. Отъ этого-то его декламація не имѣетъ ни основанія, ни порядка, ни единства, ни ясности,— вопреки тому правилу, что всякая рѣчь должна уподобляться живому существу, въ которомъ члены взаимно пропорціональны и находятся въ тѣсной связи. Главное дѣло ораторскаго искуства, при составленіи рѣчи, заключается въ сведеніи всего къ одному роду и потомъ въ раздѣленіи рода на его виды. Это-то значитъ говорить діалектически. Еслибы спросили насъ, какъ сдѣлаться настоящимъ ораторомъ,—мы отвѣчали бы: сперва надобно имѣть способность къ разсужденію объ извѣстномъ предметѣ, потомъ должно знать этотъ предметъ, и наконецъ надлежитъ учиться ораторскому искуству и упражняться въ сочиненіи рѣчей. Полагать, что то, или другое изъ этихъ условій можно заимствовать въ наставленіяхъ нашихъ ораторовъ, значитъ грубо обманываться. Кто хочетъ знать, какимъ путемъ пріобрѣтается имя хорошаго оратора, тотъ смотри на примѣръ Перикла, который украсился этимъ именемъ единственно оттого, что сперва слушалъ Анаксагора и развилъ свой умъ философіею; ибо какъ врачь долженъ напередъ знать устройство тѣла, чтобы заключать о полезномъ или вредномъ дѣйствіи на него извѣстнаго лекарства: такъ и оратору прежде нужно уразумѣть различныя осо-

бенности душъ, чтобы правильно примѣнять къ нимъ свою рѣчь. Тогда только онъ можетъ судить о различныхъ родахъ краснорѣчія и о томъ, который изъ нихъ въ томъ или другомъ случаѣ будетъ имѣть на душу надлежащее дѣйствіе. Напротивъ, съ помощію одного искуства, ораторы идутъ повидимому не къ истинѣ, а къ правдоподобію, и бываютъ весьма довольны, если убѣждаютъ другихъ въ томъ, чего хотятъ сами. Но къ правдоподобному можно ли безбоязненно стремиться тому, кто напередъ не знаетъ справедливаго или истиннаго? Итакъ краснорѣчіе должно основываться на философіи и никакъ не смѣть позволять себѣ такихъ рѣчей, которыя не нравятся безсмертнымъ богамъ. Все это относится однакожъ только къ произношенію рѣчи живымъ голосомъ; что же касается до искуства писать ихъ, то оно полезно лишь для припоминанія въ старости тѣхъ мыслей, которыя занимали нашу молодость. Въ отношеніи же къ изслѣдованію предмета, это искуство приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что ослабляетъ энергію ума и питаетъ въ немъ безпечность. Притомъ писанная рѣчь—все равно, что картина. Она изображаетъ предметы и представляетъ ихъ какбы живыми; а спроси ее объ основаніяхъ ея положеній, — будетъ отвѣчать все одно и то же, ничего не объясняя. Сказавъ это, Сократъ заключаетъ свою бесѣду молитвеннымъ обращеніемъ къ Пану и другимъ мѣстнымъ богамъ.

Смотря на такое содержаніе Федра и особенно обращая вниманіе на поэтическій характеръ его въ рѣчахъ о любви и о природѣ души, многіе критики почитали его раннимъ, какбы еще юношескимъ произведеніемъ Платонова ума. Но эти основанія, по моему, недостаточны для выведенія подобнаго заключенія; ибо раскрытіе того же предмета служитъ содержаніемъ и нѣсколькихъ иныхъ діалоговъ Платона, которыя относятся безспорно къ позднѣйшимъ его сочиненіямъ. Что же касается до поэтическаго тона рѣчи, то его требовалъ самый предметъ, ра-

вно какъ и тотъ восторгъ Федра, съ которымъ онъ превозносилъ рѣчь Лизіаса и подъ который считалъ приличнымъ поддѣлываться Сократъ, говоря о до-мірной жизни душъ. Время, когда написанъ Федръ, гораздо лучше можетъ быть опредѣлено родомъ и степенью раскрытія содержащагося въ немъ ученія. Мы видимъ, что важнѣйшія положенія Платоновой философіи, напримѣръ, — о происхожденіи, природѣ и способностяхъ души, объ идеяхъ, объ истинномъ знаніи и проч., развиты въ немъ вполнѣ и съ такимъ совершенствомъ, какое возможно было для философа не иначе, какъ въ зрѣломъ его возрастѣ. Притомъ Платонъ во второй произнесенной Сократомъ рѣчи явно пользуется представленіями школы пиѳагорейской и раскрываетъ ихъ такъ обстоятельно, что подобное знаніе о нихъ могъ онъ получить не прежде путешествія своего въ Сицилію и Великую Грецію (см. соч. Пл., т. 1, стр. 7). Мнѣніе Шлейермахера, Аста и др. о Федрѣ, какъ о произведеніи ума еще юнаго, не оправдывается и самою формою разговора. Планъ его обдуманъ такъ зрѣло и выполненъ съ такимъ искуствомъ, что юношѣ это было бы не по силамъ. Формальною своею стороною Федръ, безспорно, стоитъ выше многихъ лучшихъ Платоновыхъ сочиненій. Надобно сверхъ того обратить вниманіе и на поразительное сходство разсматриваемаго діалога съ Симпосіономъ или Пиромъ, и мы совершенно убѣдимся, что онъ написанъ былъ послѣ путешествія Платона въ Италію. Оба эти діалога, по содержанію, находятся въ такой близкой связи и зависимости, что составляютъ какбы двѣ части одного и того же сочиненія: ибо въ Федрѣ показывается, что ораторское искуство риторовъ и софистовъ не основывается ни на какихъ философскихъ началахъ, и двѣ рѣчи Сократа излагаются только какъ практическое доказательство того, что чуждая этихъ началъ рѣчь Лизіаса потому самому никуда не годится; а въ Симпосіонѣ, напротивъ, о томъ, чт̀о при чтеніи Федра представляется главнымъ, говорится только мимоходомъ, существенно же и осо-

бенно выпуклымъ предметомъ изслѣдованія является природа и сила философской любви, превосходно олицетворяемой въ Сократѣ. Изъ этого можно съ вѣроятностію заключить, что Федръ и Симпосіонъ написаны почти въ одно и то же время. Такому заключенію, повидимому, противорѣчатъ свидѣтельства Діогена Лаэрція (III, 35, 38) и Олимпіодора, что изъ сочиненій Платона прежде всѣхъ написанъ Федръ: но мнѣніе ихъ, неопирающееся ни на какомъ историческомъ основаніи, можно признать справедливымъ только въ томъ смыслѣ, что Федромъ начинается рядъ діалоговъ, написанныхъ Платономъ по возвращеніи изъ путешествія; ибо нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые свои разговоры онъ написалъ еще при жизни, а другіе вскорѣ послѣ смерти Сократа, когда ученіе, заключающееся въ Федрѣ, еще не было раскрыто имъ. Слѣдовательно приведенное свидѣтельство Лаэрціево и Олимпіодорово позволяетъ въ настоящемъ случаѣ принять за вѣрное только то, что Федръ написанъ прежде Симпосіона, но послѣ всѣхъ, такъ называемыхъ, сократическихъ разговоровъ. Впрочемъ, это заключеніе вытекаетъ и изъ другихъ соображеній. У Атенея (р. 500—1259) приводятся стихи комика Алексиса, который содержаніе ихъ приписываетъ Федру и какбы смѣется надъ понятіемъ Платона о любви. Но тѣ же самые стихи, и почти въ тѣхъ же словахъ, читаются и въ Платоновомъ Симпосіонѣ (р. 103 В sqq.). Слѣдовательно, когда написанъ былъ Симпосіонъ, Платоновъ Федръ уже существовалъ. Притомъ слова въ Симпосіонѣ (р. 182 А): *οὗτοι εἰσιν τὸ ὄνειδος πεποιηκοτες, ὥςτε καὶ τινα τολμᾷν λέγειν, ὡς αἰσχρὸν χαρίζεσθαι ἐρασταῖς*, явно указываютъ на тему Лизіасовой рѣчи въ Федрѣ. Но извѣстно, что Симпосіонъ изложенъ Платономъ въ 3 и 4 году 98 олимп., т. е. за 385 лѣтъ до Р. Хр. Посему надобно полагать, что Федръ вышелъ въ свѣтъ немного раньше этого времени, именно между 385 и 388 годами до Р. Хр.: ибо возвращеніе Платона изъ Сициліи и основаніе Академіи, по показанію Евсевіевой хроники, произошло въ 4 году 97 олимп.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ФЕДРЪ И СОКРАТЪ.

Сокр. А, любезный Федръ! куда и откуда [1]? 227.

Федръ. Отъ Лизіаса Кефалова [2], Сократъ; иду прогуляться за городскою стѣною: вѣдь провелъ у него все время, съ самаго утра. А по дорогамъ прогуливаюсь потому, что исполняю предписаніе моего и твоего друга Акумена [3]: онъ говоритъ, что прогулка тамъ не столь утомительна, какъ въ дромахъ [4]. B.

Сокр. Акуменъ говоритъ хорошо, другъ мой. Такъ Лизіасъ уже въ городѣ?

---

[1] *Куда и откуда? ποῖ δὴ καὶ πόθεν;* — обыкновенная формула вопроса при встрѣчѣ. Такъ и у Горація (Serm. 11, 4, 1): unde et quo tendis? или полнѣе (Serm. 1, 9, 62): unde venis et quo tendis? Употребленіе этихъ и подобныхъ словъ особенно нравилось позднѣйшимъ софистамъ, о которыхъ Аміанъ говоритъ (Epigr. 22. Anthol. graec. T. III, p. 97): *ὦ 'γαθέ καὶ μῶν οὖν, καὶ ποῖ δὴ καὶ πόθεν, ὦ τᾶν, καὶ θᾶμά, καὶ φέρε δή, καὶ κομιδῆ, καὶ ἴθι—ἐκ τούτων ἡ νῦν εὐδοκιμεῖ σοφία.*

[2] ***Отъ Лизіаса Кефалова.*** Во всемъ Платоновомъ Федрѣ дѣло идетъ о Лизіасѣ—извѣстномъ греческомъ ораторѣ.

[3] Акуменъ былъ знаменитый врачь, современникъ Платона. Ксенофонтъ приписываетъ ему изреченіе: умѣренность есть лучшая приправа пирушки. (Memor. *Xenoph.* III, 13, 2).

[4] ***Дромы*** (*δρόμοι*) у Грековъ были строенія для конскихъ бѣговъ и прогулокъ, — нѣчто въ родѣ крытыхъ галлерей (***Ruhnk.*** ad Sim. Gloss. p. 89). Дромамъ здѣсь противуполагаются обыкновенныя загородныя дороги (*ὁδοί*).

Федръ. Да, у Эпикрата [1], въ томъ домѣ Морихіаса [2], что подлѣ олимпійскаго храма.

Сокр. Чѣмъ же вы тамъ занимались? Ужъ, конечно, Лизіасъ угощалъ васъ рѣчами.

Федръ. Узнаешь, если имѣешь досугъ идти и слушать меня.

Сокр. Какъ? развѣ ты думаешь, что для меня, говоря словами Пиндара [3], не выше и самаго недосуга слушать о твоей и Лизіасовой бесѣдѣ?

C. *Федръ.* Такъ иди же.

Сокр. Лишь бы говорилъ.

Федръ. Изволь, Сократъ. Да къ тебѣ-таки и идетъ послушать [4]; потому что предметъ нашей бесѣды, не знаю какъ-то, случился любовный. Лизіасъ, видишь, написалъ, какимъ образомъ одного красавца сманивалъ человѣкъ, въ него не влюбленный. Но хитрость-то именно въ слѣдующемъ: онъ

---

[1] Эпикратъ былъ риторъ и у современниковъ вошелъ въ пословицу необыкновенно большою бородою, за которую остроумные Греки называли его щитоносцемъ (σακεσφόρος). Ἄναξ ὑπήνης, Ἐπίκρατες σακεσφόρε. *Groen. v. Prinster.* Prosopogr. Plat. p. 114. *Aristoph.* Eccles. 71.

[2] *Морихіасъ* извѣстенъ былъ въ Аѳинахъ, какъ человѣкъ, любившій хорошо поѣсть и попить. Воздержаніе казалось ему добродѣтелью непонятною. Лучшими и обыкновенными его собесѣдниками были поэты, ораторы и софисты, которые однакожъ за его хлѣбосольство платили ему насмѣшками среди народной толпы. *Hermias* p. 68. Къ этимъ-то литературнымъ засѣданіямъ вокругъ стола, покрытаго отборными блюдами и чашами вина, примѣнено выраженіе: «впрочемъ явно, что Лизіасъ угощалъ васъ (εἱστία) рѣчами.

[3] *Говоря словами Пиндара, не выше и самаго недосуга....* Слова Пиндара (Isthm. 1, init.) слѣдующія: Μάτερ ἐμά, τὸ τέον, χρυσάσπι Θήβα, πρᾶγμα καὶ ἀσχολίας ὑπέρτερον θήσομαι; т.-е.: «мать моя, златощитная Ѳива! твое дѣло буду поставлять я выше самаго недосуга.»

[4] *Да къ тебѣ-таки и идетъ послушать*: говорится потому, что Сократъ, сознавая свое невѣжество во всемъ прочемъ, почиталъ себя знатокомъ только искуства любить. «Я ничего не знаю, кромѣ любовныхъ дѣлъ (τὰ ἐρωτικά),» говаривалъ онъ (*Plat.* Conviv. 177 D. 212 B). Сократово искуство любить было тожественно съ философіею и состояло въ отклоненіи души отъ всего постыднаго, нечестиваго, нечистаго и низкаго, и въ обращеніи ея къ прекрасному, доброму и праведному. Это ученіе его раскрыто во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ. Впрочемъ см. *Heusd.* Initia philosophiae platonicae. P. 1. p. 96 sqq.

говоритъ, что должно быть благосклоннымъ болѣе къ тому, кто не любитъ, нежели къ тому, кто любитъ.

Сокр. О благороднѣйшій человѣкъ! еслибы онъ еще на-
писалъ, что лучше быть благосклоннымъ къ бѣдному, чѣмъ
къ богатому, лучше къ старику, чѣмъ къ молодому, и такъ
о всемъ, что выгодно для меня и для многихъ изъ насъ! D.
Подобныя рѣчи какъ были бы любезны и полезны народу [1]!
Теперь у меня такая охота слушать, что еслибы ты свою
прогулку сдѣлалъ даже къ Мегарѣ и, дошедши до ея стѣ-
ны, по совѣту Иродика [2], предпринялъ обратный путь, то
и тогда я не отсталъ бы отъ тебя.

Федръ. Что ты это говоришь, почтеннѣйшій Сократъ?
Могу ли я, человѣкъ простой, по надлежащему припомнить
все, что Лизіасъ, превосходнѣйшій изъ нынѣшнихъ писате- 228.
лей, сочинялъ долго и надосугѣ? Куда ужъ мнѣ! хотя, ко-
нечно, я болѣе хотѣлъ бы этого, чѣмъ большаго богатства.

Сокр. О Федръ! если я не знаю Федра, то забылъ и
себя: но нѣтъ;—ни то, ни другое. Мнѣ очень хорошо извѣст-
но, что, слушая рѣчь Лизіаса, онъ слушалъ ее не одинъ
разъ, но приказывалъ повторять себѣ многократно, и Ли- B.
зіасъ охотно повиновался. Ему и этого было мало: нако-
нецъ онъ взялъ свитокъ, пересмотрѣлъ все, что особенно
хотѣлъ, просидѣлъ надъ этою работою съ самаго утра и
потомъ, клянусь собакою, изучивъ на память все сочиненіе,
если только оно не слишкомъ длинно, и утомившись, какъ
мнѣ кажется, пошелъ прогуляться. Пошелъ онъ за город-
скую стѣну, чтобы предаться размышленію, но встрѣтился

---

[1] *Полезны народу.* — Легкій намекъ на заботливость ораторовъ льстить толпѣ и угождать ея страстямъ, вопреки истинѣ и справедливости.

[2] *Эрміасъ* (p. 71) говоритъ, что Иродикъ, искусный врачь, устроилъ за стѣною города (Аѳинъ), въ надлежащемъ отъ него разстояніи, гимназію, и предписывалъ своимъ адептамъ прогуливаться взадъ и впередъ между гимназіею и городскою стѣною. Стало быть, смыслъ Платоновыхъ словъ—слѣдующій: хотя бы ты то же дѣлалъ между Мегарою и Аѳинами, что Иродикъ предписываетъ дѣлать между своею гимназіею и городскою стѣною,—я и тогда не отсталъ бы отъ тебя.

съ человѣкомъ, который страдаетъ недугомъ слушанія рѣчей, увидѣлъ его,—увидѣлъ и, обрадовавшись, что найдетъ въ немъ такого же восторженника, приказалъ ему идти съ
C. собою. Когда же этотъ любитель рѣчей сталъ просить его пересказать слышанное, — онъ началъ жеманиться [1], какъ будто бы ему не хотѣлось; а кончилъ бы тѣмъ, что пересказалъ бы и насильно, еслибы не слушали его по доброй волѣ. Итакъ, сдѣлай теперь, Федръ, по моей просьбѣ то, что весьма скоро сдѣлаешь ты и безъ просьбы.

Федръ. Для меня и въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше пересказать тебѣ, какъ могу; и ты, кажется, не оставишь меня, пока я какъ-нибудь не кончу своего разсказа.

Сокр. Да и очень справедливо тебѣ кажется.

D. *Федръ.* Я такъ и сдѣлаю. Но вѣдь слова-то, въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, я всего менѣе заучилъ; а мысли о томъ, какія преимущества на сторонѣ влюбленнаго и невлюбленнаго, замѣтилъ почти всѣ и, начиная съ первой, въ общихъ чертахъ и по порядку изложу тебѣ каждую.

Сокр. Покажи напередъ, любезный, что ты тамъ держишь въ лѣвой-то рукѣ, подъ плащемъ. Я догадываюсь, что это-то и есть у тебя та самая рѣчь. А если такъ, то вотъ какое имѣй о мнѣ понятіе: сколько я ни люблю тебя, но не допущу, чтобы ты училъ меня и въ присутствіи Лизіаса.
E. Ну-ка покажи.

Федръ. Перестань [2], Сократъ. Ты лишаешь меня надежды испробовать надъ тобою свои силы. Но гдѣ же намъ расположиться для чтенія?
229.

[1] ***Началъ жеманиться***—*ἐθρύπτετο*. Глаголъ θρύπτεσθαι весьма хорошо употребляется для выраженія пріемовъ кокетства, когда оно показываетъ видъ, будто не хочетъ того, чего ему хочется. ***Dorvill.*** ad. Charit. p. 447. У насъ этому глаголу ближайшимъ образомъ соотвѣтствуетъ слово *ломаться*, только оно грубовато и получило значеніе нѣсколько обширнѣе того, какое въ этомъ мѣстѣ имѣетъ глаголъ θρύπτεσθαι.

[2] ***Перестань***, *παῦε*. Переводчики недоумѣваютъ, къ чему здѣсь повелительное *παῦε*, и мысленно прибавляютъ либо *τοῦ λόγου*, либо что другое. Но я думаю, что этимъ словомъ предполагается движеніе Сократа — взять свитокъ изъ рукъ Федра.

Сокр. Повернемъ сюда и пойдемъ по берегу Илисса [1], а потомъ сядемъ себѣ въ тиши, гдѣ понравится.

Федръ. Кстати, кажется, случилось, что я босикомъ [2]: — ты-то ужъ всегда такъ. Освѣжая ноги водою, мы будемъ идти съ большею легкостію и пріятностію, особенно въ это время дня и года.

Сокр. Иди же впередъ и смотри, гдѣ намъ сѣсть.

Федръ. Видишь ли тотъ высокій яворъ?

Сокр. Такъ что жъ?

Федръ. Подъ нимъ есть тѣнь и легкій вѣтерокъ; на той B.
муравѣ мы можемъ сѣсть, а если захотимъ, то и лечь.

Сокр. Ступай же.

Федръ. Скажи мнѣ, Сократъ, не здѣсь ли то мѣсто на Илиссѣ, съ котораго, говорятъ, Борей похитилъ Ориѳію [3]?

Сокр. Да, говорятъ.

Федръ. Такъ неужели здѣсь? Воды дѣйствительно пріятны, чисты и прозрачны; только что дѣвицамъ рѣзвиться въ нихъ.

Сокр. Не здѣсь, а ниже, — стадіи двѣ или три не доходя C.
до храма Агреи [4]. Тамъ, кажется, есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Что-то не замѣтилъ. Но скажи, ради Зевса, Сократъ, думаешь ли ты, что это преданіе справедливо?

---

[1] Илиссъ — небольшая рѣка, выходящая двумя ручьями изъ двухъ частей города Аѳинъ. Во время большихъ жаровъ онъ почти совсѣмъ пересыхалъ. *Strab.* IX, 1.

[2] *Кстати, кажется, случилось, что я босикомъ.* Для древнихъ Грековъ не казалось страннымъ иногда ходить босикомъ. У нихъ молодые и уже нѣсколько изнѣженные воспитаніемъ люди обували свои ноги въ башмаки, *ὑποδήματα,* которыя у Римлянъ назывались calcei cavi; а державшіеся простыхъ обычаевъ старины, особенно философы, ходили босые. Сократъ вовсе никогда не обувался. *Salmas.* ad Tertul. de pallio, p. 415 seq. *Casaub.* ad Theophr. Char. 10, p. 134. Сравн. *Plat.* Conviv. 174 A.

[3] Миѳологія древней Греціи повѣствуетъ, что Ориѳія, дочь аттическаго царя Эрехтея, однажды играя съ нимфами на берегу Илисса, была похищена Бореемъ и унесена во Ѳракію. Греки почитали Борея своимъ сосѣдомъ и воздвигли ему, какъ помощнику въ войнѣ, небольшой храмъ на берегу Илисса. *Herod.* VII, 189.

[4] Агрея, или Агра, также Агротера — была Діана. Она получила это названіе отъ мѣстечка Агры, которое почитало ее домашнею своею богинею. *Ruhnk.* ad Tim. p. 223.

Сокр. Не было бы странно, еслибы я, подобно людямъ мудрымъ [1], и не вѣрилъ ему. Умствуя, какъ они, я сказалъ бы, что Борей былъ вѣтеръ, который, когда Ориѳія рѣзвилась съ Фармакеею [2] на ближнихъ скалахъ, низвергъ ее оттуда. Это-то и подало поводъ говорить, что покойни-
D. ца увлечена Бореемъ,—иначе, съ Марсова холма [3]; вѣдь разсказываютъ и такъ, что онъ похитилъ ее не отсюда, а оттуда. Я думаю, Федръ, что для подобныхъ дѣтскихъ сказокъ (χαρίεντα) нуженъ человѣкъ очень сильный, трудолюбивый и неслишкомъ избалованный счастіемъ,—по той единственно причинѣ, что, кромѣ сего, ему надобно еще трудиться надъ исправленіемъ вида иппокентавровъ, потомъ химеръ,
E. за которыми нахлынетъ цѣлая стая горгонъ, пегасовъ и другихъ необыкновенныхъ природъ, ужасающихъ своимъ множествомъ и своею уродливостію. Еслибы невѣрующій, пользуясь какою-то дикою мудростію [4], захотѣлъ баснѣ о каждомъ изъ этихъ чудовищь придать нѣкоторое правдоподобіе; то ему понадобилось бы много досуга: а у меня для этого вовсе нѣтъ его,—причина та, другъ мой, что я еще не могу, по смыслу дельфійской надписи [5], познать само-
230. го себя; а вѣдь смѣшнымъ представляется, не зная этого,

---

[1] Разумѣются нѣкоторые философы, занимавшіеся объясненіемъ и исправленіемъ миѳологическихъ сказаній. Таковы были Гераклитъ, Анаксагоръ и многіе софисты. Языческимъ баснямъ они старались придавать смыслъ нравственный и видѣли въ нихъ однѣ аллегоріи. *Wolf.* Prolegg. ad Homer. p. CCXII.

[2] Фармакея — одна изъ наядъ, нимфа ручья, который назывался Фармакеею. Tim. Gloss., p. 268.

[3] Ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου, т.-е. съ того самаго мѣста, на которомъ впослѣдствіи находилось знаменитое аѳинское судилище, Ареопагъ.

[4] Ἀγροίκῳ τινὶ σοφίᾳ χρώμενος — т. е. мудростію, занимающеюся разсматриваніемъ дикихъ и низкихъ предметовъ. Отсюда ἄγροικος почитается синонимическимъ слову ἀνελεύθερος—необразованный, грубый. *Ruhnk.* ad Tim. p. 13. Подъ дикими и низкими предметами Платонъ, очевидно, разумѣетъ религіозные предразсудки низшаго сословія.

[5] Указывается на знаменитую надпись на воротахъ дельфійскаго Аполлонова храма: γνῶθι σεαυτόν. О происхожденіи ея см. Protag. 343 A. B. Cн. *Cicer.* de Legg. 1, 22 et alib.

изслѣдывать чужое. Итакъ, оставляя подобныя преданія въ покоѣ и вѣря тому, что̀ о нихъ думаютъ, я, какъ сейчасъ сказано, разсматриваю не то, а себя, — звѣрь ли я, многосложнѣе и яростнѣе Тифона [1], или животное кротчайшее и простѣйшее, носящее въ своей природѣ какой-то жребій божественности и незлобія. Но позволь мнѣ прервать свою рѣчь [2], другъ мой; не это ли то дерево, къ которому ты велъ насъ?

Федръ. Да, это самое. B.

Сокр. Клянусь Ирою, прекрасное убѣжище! Этотъ яворъ очень развѣсистъ и высокъ; ростъ и тѣнь этого агнца [3] пре-

---

[1] Это — одно изъ замѣчательнѣйшихъ классическихъ мѣстъ Платоновой философіи. Въ немъ опредѣляется психологическая задача, или то, къ чему существенно должно быть направлено самопознаніе. Главная сила выраженія здѣсь въ словѣ *φύσει*, то-есть, какимъ существомъ надобно почитать человѣка по его природѣ, а не по случайнымъ проявленіямъ его дѣйствій. Словомъ *πολυπλοκώτερον* указывается не на то, что Тифона представляли съ головою, покрытою, вмѣсто волосъ, змѣями, — къ этому скорѣе имѣетъ отношеніе *ἐπιτεθυμμένον*, а на то, что Тифону приписывали смѣшанный образъ человѣка и звѣря. Поэтому *θηρίῳ πολυπλοκωτέρῳ* противуположно *ζῷον ἁπλούστερον*, а *θηρίῳ ἐπιτεθυμμένῳ* — *ἡμερώτερον*.

[2] ***Позволь прервать свою рѣчь***, *μεταξὺ τῶν λόγων*—формула извиненія, когда кто хочетъ прервать рѣчь другаго. Штальбомъ почитаетъ ее однозначущею съ французскимъ à propos: но мнѣ кажется, это вѣрно не во всѣхъ случаяхъ, а только тогда, когда она говорится безъ предлога *τῶν*, *μεταξὺ λόγων*, какъ у *Лукіана*, Deor. dialog. XX. 5. Contempl. 24. p. 221; см. *Viger*. de Idiot., p. 407.

[3] Агнецъ непорочный, или просто агнецъ (vitex), есть душистое растеніе изъ рода кустарниковъ. Въ древности дѣвицы устилали имъ свои постели, для сохраненія чистоты и непорочности. *Eustath.* in Odyss. k. p. 367. 369. Слѣдующія слова: ***и какая сила цвѣта***, *καὶ ὡς ἀκμὴν ἔχει τῆς ἄνθης*, надобно разумѣть въ значеніи именно силы, а не количества. Что же касается до *ὡς*, то Астъ и Штальбомъ вовсе не справедливо принимаютъ его въ этомъ мѣстѣ за *ὅτι οὕτως*. *Ἀκμὴ* имѣетъ здѣсь смыслъ прилагательнаго, или причастія, т.-е. показываетъ высокую степень напряженія цвѣтности, какбы сказано было: *ὡς ἀκμαῖα*, или *ἀκμάζουσα ἐστὶ ἡ ἄνθη*. Поэтому *ὡς*, какъ обыкновенно предъ прилагательнымъ и нарѣчіемъ, соотвѣтствуетъ литинскому quam и служитъ къ усиленію значенія того имени, или нарѣчія, предъ которымъ поставляется, такъ что выраженію сообщаетъ почти тонъ восклицанія. Подобное мѣсто см. Protag. p. 323 D: *ὡς χάριν σοὶ ἔχω*. Слѣдующее за этимъ *ὡς ἄν*, кажется, не представляетъ никакого затрудненія: *ὡς* предъ глаголомъ значитъ ***чтобы;*** но такъ какъ послѣ него надлежало бы стоять наклоненію неокончательному, а смыслъ рѣчи требуетъ желательнаго, то къ *ὡς* прибавлено *ἄν*.

восходны, — и какая сила его цвѣта! Онъ можетъ распро-
странять благовоніе по всему мѣсту. Или опять,—этотъ те-
кущій изъ-подъ явора игривый источникъ столь холоденъ,
что вода его даже и для ноги ощутительна. Судя по дѣви-
ческимъ изображеніямъ и статуямъ [1], можно полагать, что
C. это мѣсто было посвящено какимъ-нибудь нимфамъ и Axe-
лою. Сверхъ того, если угодно, какъ пріятенъ и услади-
теленъ здѣсь вѣтерокъ! его лѣтній шелестъ вторитъ хору
кузнечиковъ. Но всего роскошнѣе эта мурава; легкая по-
катость ея обѣщаетъ склоненной головѣ удобное положеніе.
Отличный проводникъ ты, любезный Федръ!

Федръ. А ты-то, чудакъ, представляешься чрезвычайно
страннымъ. Ты просто говоришь такъ, что походишь не
на туземца, а на какого-нибудь иностранца, которому ну-
D. женъ проводникъ [2]. Какъ-таки изъ города не отправлять-
ся въ окрестности и даже, кажется, вовсе не выходить за
его стѣну!

Сокр. Извини, почтеннѣйшій; я вѣдь любознателенъ: но
поля и дерева не хотятъ ничему научить меня; а люди—въ
городѣ. Вотъ ты-то, кажется, нашелъ средство вывесть ме-
ня за городъ; потому что ты, подобно тому, какъ ведутъ
за собою голодную скотину, показывая ей зеленую вѣтвь,
или какой-нибудь плодъ, показываешь мнѣ рѣчи въ свит-
E. кахъ и, повидимому, намѣренъ водить меня по всей Аттикѣ,
даже куда тебѣ угодно. Впрочемъ, пришедши теперь сюда,
я думаю лечь; а ты, избравъ положеніе, удобнѣйшее для
чтенія, начинай читать.

---

[1] Ἀπὸ τῶν κορῶν τε καὶ ἀγαλμάτων. Ἀπό, *по причинѣ*, см. Matth. gramm. gr., p. 1180. Κόραι—восковыя, деревянныя, или каменныя фигуры дѣвическихъ лицъ, вѣроятно, были нѣчто въ родѣ каменныхъ бабъ, служившихъ могильными памятниками въ южной Россіи и Сибири. См. Записки одесск. общ., т. I, стр. 174. *Ruhnk.* ad Tim., p. 165 sqq. Ἀγάλματα—изображенія въ честь нимфамъ и Ахелою, ib. p. 6. sq.

[2] *Которому нуженъ проводникъ:* эта мысль заключается въ словѣ ξεναγουμένῳ, которое означаетъ иностранца, при обозрѣніи чужой страны, имѣющаго нужду въ проводникѣ. *Ruhnk.* ad Tim. p. 180. sq.

Федръ. Такъ слушай.

«О моихъ дѣлахъ ты знаешь [1] и, какъ я думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Надѣюсь, что ты не отвергнешь моей просьбы — именно 231.
потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные, когда страсть умолкаетъ, раскаяваются въ добрыхъ своихъ дѣлахъ; а у невлюбленныхъ нѣтъ времени, въ которое надлежало бы имъ раздумывать;—оттого что они всего лучше заботятся о домашнемъ, дѣлаютъ добро не по необходимости, а произвольно [2], сколько позволяютъ имъ силы. Притомъ влюбленные наблюдаютъ, что̀ худаго вышло у нихъ чрезъ любовь и что̀ сдѣлали они хорошаго, и присоединяя къ этому понесенныя хлопоты, думаютъ, что ихъ любимцамъ В.
давно уже воздана должная благодарность. Напротивъ, невлюбленные, по этому самому, не могутъ ни поставлять предлогомъ нерадѣніе о домашнихъ, ни считать понесенныя хлопоты, ни искать въ этомъ причинъ размолвки съ

---

[1] Такъ начинается рѣчь, которую Платонъ выдаетъ за сочиненіе Лизіаса. Но дѣйствительно ли она сочинена Лизіасомъ, или должна быть почитаема пародіею, написанною самимъ Платономъ? Такъ какъ, кромѣ тридцати-четырехъ политическихъ рѣчей этого аѳинскаго оратора, до насъ не дошло никакихъ другихъ его сочиненій; то предложенный вопросъ можетъ быть приблизительно разрѣшенъ только на основаніи древнихъ свидѣтельствъ. Свида говоритъ, что Лизіасъ написалъ семь писемъ: одно дѣловое (πραγματικήν), а прочія любовныя (ἐρωτικάς), и пять изъ нихъ къ мальчикамъ. Имѣя въ виду это свидѣтельство и вмѣстѣ обращая вниманіе на начало и окончаніе изложенной у Платона рѣчи, мы не безъ правдоподобія можемъ почитать ее однимъ изъ любовныхъ писемъ Лизіаса. Эта догадка подтверждается и особенностями языка въ приписываемомъ Лизіасу сочиненіи. Въ немъ отъ начала до конца — все софистическое. Ораторъ говоритъ рѣшительно, но безъ основанія; выражается красиво, но безъ связи; щеголяетъ фразою, а мысль темна и неопредѣленна; часто употребляетъ частицы ἔτι δὲ и καίτι въ началѣ періодовъ, между тѣмъ какъ въ нихъ нерѣдко повторяются прежнія мысли. Притомъ у него почти непрерывный ὁμοιοτέλευτις, или подборъ словъ, ровно и однообразно падающихъ на концѣ фразъ, чего у Платона нигдѣ не находимъ. Впрочемъ, мы не будемъ настаивать на своемъ мнѣніи, если скажутъ, что Платонъ, какъ отличный мимикъ, могъ поддѣлаться подъ тонъ и языкъ Лизіаса.

[2] *Не по необходимости, а произвольно.* Подъ необходимостію, ἀνάγκη, ораторъ разумѣетъ слѣпое стремленіе любви дѣлать добро любимому человѣку. De Rep. V, p. 468 D.

ближними; такъ что, отклонивъ столько золъ, имъ не о-
стается ничего болѣе, какъ усердно дѣлать все, что при-
знаютъ они для себя пріятнѣйшимъ. Притомъ опять, если
C. влюбленныхъ надобно высоко цѣнить потому, что они, какъ
говорятъ, слишкомъ любятъ тѣхъ, въ кого влюблены, и
что, въ угодность своимъ любимцамъ, готовы словомъ и дѣ-
ломъ ненавидѣть всѣхъ прочихъ; то легко понять, что тѣ
же самые влюбленные, если слова ихъ справедливы, каж-
даго изъ будущихъ своихъ любимцевъ предпочтутъ настоя-
щимъ, и даже, если тотъ захочетъ, причинятъ имъ зло.
Да и какъ можно подобное дѣло ввѣрять человѣку, впав-
D. шему въ столь великое несчастіе [1], что его никакой опыт-
ный человѣкъ не могъ бы отвратить? Вѣдь они и сами при-
знаются, что болѣе страдаютъ, чѣмъ мыслятъ здраво, и,
зная худое состояніе своихъ мыслей, не имѣютъ силы вла-
дѣть собою. Какъ же могутъ здравомыслящіе почитать хо-
рошимъ то, чего желаютъ такіе больные? Къ тому жъ, ес-
либы ты захотѣлъ избрать самаго лучшаго изъ влюблен-
ныхъ, то избиралъ бы изъ немногихъ; а избирая изъ про-
чихъ, кто для тебя пригоднѣе, будешь избирать изъ мно-
E. гихъ. Но гораздо болѣе надежды встрѣтить человѣка до-
стойнаго дружбы въ толпѣ многочисленной.

«Если же ты боишься установившагося закона [2], какъ
бы, то-есть, люди, узнавъ объ этомъ, не стали поносить те-
бя; то влюбленные, думая, будто и другіе завидуютъ имъ,
232. какъ сами они—другъ другу, вѣроятно, съ высокомѣріемъ
разскажутъ и тщеславно откроютъ всѣмъ, что они не да-
ромъ хлопотали: напротивъ, невлюбленные, будучи лучше

---

[1] *Подобное дѣло, τοιοῦτον πρᾶγμα,* цвѣтущій возрастъ дѣтства. Человѣкъ, впавшій въ великое несчастіе, — влюбленный, который, не смотря ни на какую опытность, не считаетъ этого несчастія зломъ и не старается отвращать его.

[2] *Ты боишься установившагося закона, τὸν νόμον τὸν καθεστηκότα δέδοικας.* Подъ выраженіемъ, νόμος καθεστηκὸς, разумѣется не политическій законъ, а принятые обычаи, или такъ называемый у древнихъ νόμος ἄγραφος. Legg. VIII, p. 845. Gorg. 512 B.

ихъ, вмѣсто людской молвы, изберутъ самое лучшее [1]. И
еще, влюбленныхъ по необходимости замѣчаютъ, видя, какъ
они и съ какою заботливостью [2] слѣдуютъ за любимцами;
такъ что, когда имъ случится разговаривать между собою
въ виду людей,—всѣ думаютъ, что разговоръ у нихъ либо B.
о прошедшей, либо о будущей страсти: напротивъ, невлюб-
ленныхъ никто не станетъ винить за бесѣду, зная, что
нужно же говорить о дружбѣ, или о какомъ иномъ удоволь-
ствіи. Притомъ, если страшитъ тебя мысль, что нашей
дружбѣ трудно быть постоянною, и что, въ случаѣ наше-
го разлада, хотя бы и отъ другой причины, мы оба под-
вергнемся непріятностямъ; то еще болѣе, конечно, долженъ C.
ты страшиться влюбленныхъ, представляя, что потеря все-
го для тебя драгоцѣннаго нанесетъ величайшій вредъ тебѣ
одному. Вѣдь они огорчаются всякою бездѣлкою и думаютъ,
что все направлено къ ихъ вреду; а потому удаляютъ сво-
ихъ любимцевъ отъ обращенія съ другими, боясь, что они
найдутъ въ комъ-нибудь либо богача, который превосхо-
дитъ ихъ своими деньгами, либо ученаго, который выше
ихъ по уму, — вообще опасаются силы каждаго, кто прі-
обрѣлъ какое-нибудь благо. Внушая тебѣ держаться вдали D.
отъ подобныхъ людей, они поставляютъ тебя внѣ дру-
жескаго общества: а когда ты, имѣя въ виду свое, ста-
нешь подумывать лучше ихъ,—выдетъ размолвка. Напро-
тивъ, тѣ, которые выиграли желаемое дѣло не любовью, а
добродѣтелью, не будутъ завидовать обращающимся съ то-
бою людямъ, а возненавидятъ нежелающихъ этого—въ той
мысли, что послѣдніе оказываютъ тебѣ презрѣніе, а пер-
вые—услужливость. Слѣдовательно, есть надежда, что отсю-
да произойдетъ гораздо болѣе дружескихъ, чѣмъ враждеб-
ныхъ чувствованій. E.

---

[1] *Самое лучшее,* т.-е. полезное для любящаго и для любимаго человѣка.

[2] *Съ какою заботливостью,* ἔργον ποιουμένους. Выраженіе: ἔργον τι ποιεῖσθαι, значитъ—находиться въ хлопотахъ, исполнять трудное, хлопотливое дѣло. Tim. 27 A. *Xenoph.* Hieron. IX, 10. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ гораздо чаще употребляется слово πρᾶγμα, какъ напр. Men. 76 A.

«Сверхъ того, многіе изъ влюбленныхъ получаютъ страсть къ тѣлу, прежде чѣмъ узнали нравъ и развѣдали о другихъ свойствахъ; такъ что имъ еще неизвѣстно, за-
233. хотятъ ли они остаться друзьями и тогда, когда страсть умолкнетъ. Что же касается до невлюбленныхъ, то и прежде, бывъ дружны, они дѣлали это; а потому невѣроятно, чтобы ихъ дружбу уменьшило такое дѣло, изъ котораго для нихъ проистекаетъ удовольствіе: скорѣе она останется памятникомъ для будущаго. Къ тому жъ, ввѣрившись мнѣ, ты, должно быть, сдѣлаешься лучше, чѣмъ ввѣрившись влюбленному; потому что влюбленные, кромѣ истинно хорошаго, хвалятъ всякое слово и дѣло, частію изъ боязни быть отвергнутыми, а частію оттого, что подъ вліяніемъ стра-
B. сти и сами-то хуже понимаютъ. Вѣдь любовь показываетъ вещи такъ: несчастнымъ она представляетъ въ мрачномъ видѣ и то, что̀ въ другихъ не возбуждаетъ никакой скорби; а счастливыхъ заставляетъ хвалить и недостойное удовольствія. Посему о любимыхъ гораздо приличнѣе жалѣть, чѣмъ завидовать имъ. Если же ты ввѣришься мнѣ, то я буду обращаться съ тобою, не служа только настоящему удовольствію, но думая и о будущей пользѣ, не подчиняясь
C. любви, но владѣя собою, не ссорясь сильно за бездѣлицу, но гнѣваясь легко и лѣниво даже за проступки важные, прощая невольныя преступленія и стараясь отклонить отъ произвольныхъ. Все это будетъ ручаться за долговременность нашей дружбы. Если же тебѣ кажется, что дружба не можетъ быть прочна безъ любви; то замѣть, что мы не доро-
D. жили бы, слѣдовательно, ни сыновьями, ни отцами, ни матерями, и не имѣли бы вѣрныхъ друзей, съ которыми соединяемся не этою страстію, а иными отношеніями. Притомъ, если должно быть благосклоннымъ особенно къ людямъ, имѣющимъ нужду; то изъ прочихъ приличнѣе дѣлать добро не самымъ лучшимъ, а тѣмъ, которые болѣе нуждаются; потому что за избавленіе себя отъ величайшаго зла они воздадутъ и величайшую благодарность. Стало

быть, на частный праздникъ надобно приглашать не дру- E.
зей, а просителей и людей, имѣющихъ нужду въ утоленіи голода: они будутъ и ласкать тебя, и ухаживать за тобою, и провожать тебя до дверей, и обнаруживать тебѣ свое удовольствіе, и выражать немалую благодарность, и желать всѣхъ благъ. Впрочемъ, слѣдуетъ быть благосклоннымъ къ людямъ, можетъ быть, не слишкомъ нуждающимся, а къ тѣмъ, которые имѣютъ болѣе возможности благодарить тебя, не къ любящимъ только, а къ стоющимъ дѣла, и не къ тѣмъ, которые будутъ наслаждаться твоею красотою, а къ тѣмъ,
которые подѣлятся съ тобою своимъ имуществомъ, когда 234.
ты постарѣешь. Это—не тѣ, что, сдѣлавши дѣло, будутъ хвастаться предъ другими, а тѣ, что, удерживаясь стыдомъ, постараются предъ всѣми хранить молчаніе. Это—не кратковременные твои угодники, а друзья, неизмѣнные во всю жизнь. Оставивъ страсть, они не будутъ искать предлога къ ссорѣ, но увядшей красотѣ станутъ выражать свою
добродѣтель. Помня все, доселѣ сказанное, замѣть и то, B.
что влюбленныхъ друзья вразумляютъ, такъ какъ они позволяютъ себѣ дѣйствительно злое дѣло; а невлюбленныхъ никто изъ домашнихъ и никогда не бранитъ, что будто бы, то-есть, чрезъ это они дѣлаютъ себѣ зло.

«Можетъ быть, ты спросишь меня, всѣмъ ли невлюбленнымъ я совѣтую тебѣ оказывать благосклонность: но вѣдь и влюбленный, думаю, не приказываетъ тебѣ быть
одинаково расположеннымъ ко всѣмъ влюбленнымъ; потому C.
что и здравое размышленіе не позволяетъ почитать каждаго достойнымъ равной благосклонности, да и невозможно тебѣ успѣть въ своемъ желаніи—скрыться отъ другихъ. Надобно, чтобы изъ этого дѣла не вытекало никакого вреда, и чтобы польза была обоюдная. Теперь я сказалъ все, что, по моему мнѣнію, сказать надлежало: если же ты желаешь еще чего, что почитаешь пропущеннымъ, то спрашивай.»

Что, Сократъ, какъ тебѣ кажется рѣчь? Не правда ли,
что чрезвычайная по всему, а особенно со стороны языка? D.

Сокр. Геніальная, другъ мой! я пораженъ, и притомъ ради тебя, Федръ, смотря, какъ ты во время чтенія будто таялъ отъ рѣчи. Бывъ увѣренъ, что такія вещи извѣстнѣе тебѣ, чѣмъ мнѣ, я слѣдовалъ за тобою; а слѣдуя за твоею восторженною головой, и самъ приходилъ въ восторгъ.

Федръ. Ну, ты ужъ, кажется, шутишь?

Сокр. Какъ? думаешь, я шучу, а не серьёзно говорю?

E. *Федръ*. Вовсе нѣтъ, Сократъ. Но, ради Зевса, покровителя дружбы [1]! скажи по правдѣ, кажется ли тебѣ, что кто-нибудь другой изъ Грековъ можетъ разсуждать о томъ же предметѣ болѣе и лучше?

Сокр. Что? значитъ, я и ты должны теперь хвалить эту рѣчь уже не за одну ясность, круглоту и точность выраженій, но и за то, что писатель сказалъ въ ней все нужное? Если надобно, сдѣлаемъ тебѣ это удовольствіе, хотя
235. послѣдняго свойства въ ней я, по своему тупоумію, не замѣтилъ. Вѣдь мое вниманіе, точно, было обращено на одну ораторскую ея сторону: а въ томъ-то отношеніи [2] и самъ Лизіасъ, думаю, не призналъ бы себя достаточнымъ. Да и дѣйствительно; мнѣ показалось, Федръ, если ты не иначе понимаешь дѣло, что Лизіасъ объ одномъ и томъ же говоритъ два-три раза: значитъ, онъ неслишкомъ способенъ разсуждать объ одномъ и томъ же много; развѣ, можетъ быть, и не заботился объ этомъ. Повидимому, онъ забавлялся, стараясь показать, что умѣетъ объ одномъ и томъ же говорить такъ или иначе, и въ обоихъ случаяхъ отлично.

---

[1] *Ради Зевса, покровителя дружбы*, *πρὸς Διὸς Φιλίου*. См. Euthyphr. p. 6 B. Gorg. p. 519 E.

[2] По-гречески: *τῷ γὰρ ρητορικῷ αὐτοῦ μόνῳ τὸν νοῦν προςεῖχον, τοῦτο δε....* Астъ переводитъ это мѣсто совсѣмъ иначе; а потому считаю нужнымъ замѣтить, что частица *γὰρ* соединяетъ здѣсь причинно предъидущее *συγχωριτέον χάριν* съ послѣдующимъ *τὸν νοῦν προςεῖχον*, что слова *τῷ ρητορικῷ αὐτοῦ μόνῳ τὸν νοῦν προςεῖχον* говоритъ Сократъ по собственному своему, а не по софистическому понятію о риторикѣ, то-есть дѣломъ риторики почитаетъ не фразу, а правильное сочетаніе мыслей, и что поэтому слѣдующее *τοῦτο δὲ* надобно относить не къ дальнѣйшему *το τὰ δέοντα λέγειν*, а къ ближайшему *τὸ ρητορικόν*.

Федръ. Пустяки, Сократъ; это-то особенно и слѣдуетъ взять въ расчетъ. Лизіасъ въ своемъ предметѣ не упустилъ изъ виду ничего, о чемъ стоило сказать; такъ что къ сказанному имъ невозможно прибавить что-либо иное, достойное большей и длиннѣйшей рѣчи. B.

Сокр. Все еще не могу повѣрить тебѣ. Если я соглашусь съ тобою, то меня обличатъ мудрые мужчины и женщины древности, говорившіе и писавшіе о томъ же предметѣ.

Федръ. Кто же это? гдѣ ты слышалъ что-нибудь лучше этого? C.

Сокр. Вдругъ теперь сказать не могу; но явно, что отъ кого-то слышалъ, —либо отъ прекрасной Сафо, либо отъ мудраго Анакреона, либо отъ котораго-нибудь повѣствователя. Но къ чему догадки? грудь моя какъ-то полна, почтеннѣйшій, — и я чувствую, что самъ, кромѣ сказаннаго, могу сказать иное и не хуже. А такъ какъ самому мнѣ никогда бы не придумать подобныхъ мыслей, — это дѣло извѣстное, сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ; то остается, думаю, заключить, что я почерпнулъ ихъ изъ какихъ-то чужихъ источниковъ и чрезъ слухъ влилъ ихъ въ себя, какъ D.
въ сосудъ, а потомъ, по тупости памяти, и забылъ, какъ и отъ кого слышалъ ихъ.

Федръ. Прекрасно сказано, благороднѣйшій человѣкъ. Но если, не смотря на мою просьбу, ты не можешь припомнить, отъ кого и какъ слышалъ свои мысли, то сдѣлай же, что говоришь: обѣщайся, не повторяя написаннаго въ этомъ свиткѣ, сказать [1] о томъ же предметѣ иное, чтò было бы лучше и не менѣе; а я обѣщаю, по примѣру девяти архонтовъ [2], поставить въ Дельфахъ золотое во весь ростъ E.
изображеніе нетолько самого себя, но и тебя.

---

[1] ***Обѣщай сказать,*** ὑποσχέσει εἰπεῖν. Ὑποσχέσει, очевидно,—ошибка переписчика. Мнѣ кажется, можно бы безъ затрудненія исправить это слово по Ven. Ξ ἕτερα ὑποσχέθητι. Если же надобно приблизиться къ буквальному чтенію его въ прочихъ спискахъ, то хорошо бы читать ὑπόσχου σοι.

[2] Девять архонтовъ, получивъ верховную власть надъ Аттикою, клялись

Сокр. Ты—прелюбезный и какъ будто въ самомъ дѣлѣ золотой Федръ, когда понимаешь мои слова такъ, что Лизіасъ во всемъ ошибся и что, вмѣсто всего этого, можно сказать другое. Такой неудачи не случается, думаю, и съ самымъ плохимъ писателемъ. Примѣръ—тутъ же, въ самомъ содержаніи рѣчи. Кто говоритъ, что лучше быть благосклоннымъ къ нелюбящему, нежели къ любящему, тотъ упу-
236. ститъ ли, думаешь, изъ виду хвалить благоразуміе одного и порицать безуміе другаго? Вѣдь это необходимо,—и неужели тутъ можно высказать нѣчто иное? Нѣтъ, я полагаю, что это-то надобно допустить и простить говорящему. Въ подобныхъ рѣчахъ должно хвалить не изобрѣтеніе, а расположеніе: напротивъ, гдѣ такой необходимости не представляется и гдѣ изобрѣтеніе было трудно, тамъ, кромѣ расположенія, цѣнится и изобрѣтеніе.

Федръ. Соглашаюсь съ твоимъ мнѣніемъ; потому что ты говоришь послѣдовательно. Скажу же и я такъ: даю тебѣ
B. предложеніе, что любящій страдаетъ болѣе нелюбящаго,—и если ты скажешь объ этомъ что-нибудь иное, большее и достойное большаго развитія, чѣмъ сказалъ Лизіасъ; то стоять тебѣ вычеканеннымъ въ Олимпіи, близъ священнаго приношенія Кипселидовъ [1].

Сокр. Ты серьёзничаешь, Федръ, полагая, что я, по по-
C. воду твоей любви, рѣшился шутить надъ тобою; ты-таки думаешь, что я и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сказать нѣчто другое, болѣе разнообразное, чѣмъ сказалъ мудрый Лизіасъ.

Федръ. Что касается до этого, другъ мой, то ты набѣ-

всенародно, что будутъ строго исполнять законы республики и не нарушатъ ихъ ни за какіе подарки: въ противномъ случаѣ, нарушитель, вмѣсто штрафа, долженъ будетъ, для умилостивленія Аполлона и за спасеніе Аѳинянъ, поставить въ Дельфахъ золотую съ себя статую. *Muret.* varr. lectt. VIII, 18. *Plut.* Solon. c. 25. VI p. 367.

[1] Въ Олимпіи стояла чеканенная статуя Зевса, посвященная ему сынами коринѳскаго тиранна Кипселоса. *Strab.* VIII. T. III. p. 128, 262. *Aristot.* Polit. V, 11.

жалъ на свою же ловушку [1]: тебѣ не остается ничего бо- C
лѣе, какъ говорить, сколько можешь. А чтобы избавиться отъ необходимости вымышлять грубыя остроты комиковъ [2] и мѣняться ими, то поберегись и не заставь меня повторить собственныя твои слова: «Если я, Сократъ, не знаю Сократа, то забылъ и себя;» также: «хотѣлъ бы говорить, да жеманится.» Подумай-ка, вѣдь мы не уйдемъ отсюда, пока ты не выскажешь всего, чѣмъ, какъ признался, полна твоя
грудь. Здѣсь мы одни въ пустомъ мѣстѣ; я сильнѣе и мо- D.
ложе тебя: такъ изъ всего этого ты поймешь смыслъ моихъ словъ. Не дожидайся же принужденія, лучше говори по охотѣ.

Сокр. Эхъ, почтеннѣйшій Федръ! вѣдь я покажусь смѣшнымъ, когда съ своимъ простоуміемъ и безъ приготовленія буду состязаться съ отличнымъ писателемъ.

Федръ. Знаешь ли что? перестань притворяться предо мною; вѣдь у меня едва ли нѣтъ чего-то, что сказавши, я заставлю тебя говорить.

Сокр. Да не скажешь.

Федръ. Такъ скажу же: вотъ тебѣ честное слово! Даже
клянусь тебѣ—кѣмъ? которымъ богомъ? ну хочешь,—этимъ E.
яворомъ, а? Не произнеси ты рѣчи въ сравненіе съ Лизіасовою,—никогда никакой другой и ничьей не покажу тебѣ и не прочитаю.

---

[1] *Ты набпжалъ на свою же ловушку*, *εἰς τὰς ὁμοίας λαβὰς ἐλήλυθας* — пословица, взятая отъ бойцовъ. Phileb. p. 13 B. *Ἀνιέναι εἰς τὰς ὁμοίας λαβάς.* ***Plut.*** Apophthegm. 186 D. *Ἀλκιβιάδης ἔτι παῖς ὢν ἐλήφθη λαβὴν ἐν παλαίστρα, καὶ μὴ δυνάμενος διαφυγεῖν ἔδακε τὴν χεῖρα τοῦ καταπαλαίοντος.* Смыслъ этой пословицы соотвѣтствуетъ выраженію: ты самъ подалъ поводъ. ***Plat.*** Legg. 682 E: *καὶ ὁ λόγος ἡμῖν οἷον λαβὴν ἀποδίδωσιν.* ***Aristoph.*** Equitt. 837: *ἐπειδὴ σοὶ λαβὴν δέδωκεν.* ***Aristid.*** Oratt. 1. T. II. p. 111: *οὐκ εἰς τὰς ἴσας λαβὰς ἥκομεν.*

[2] *Τὸ τῶν κωμῳδῶν φορτικὸν πρᾶγμα. Φορτικὸν πρᾶγμα*—грубость, ругательство. Древніе комики, для увеселенія зрителей, выводили на сцену лице въ родѣ нашихъ паяцовъ и заставляли ихъ потчивать другъ друга грубыми остротами. Федръ указываетъ здѣсь на прежній свой разговоръ съ Сократомъ p. 228—C.

Сокр. Ахъ злодѣй! умѣлъ же найти средство заставить любителя рѣчей исполнять свою волю!

Федръ. Ну, какъ еще увернешься [1]?

Сокр. Какъ болѣе, если ужъ ты такъ поклялся? Могу ли удержаться отъ такого лакомства?

237. *Федръ.* Говори же.

Сокр. Знаешь ли, что я сдѣлаю?

Федръ. Что такое?

Сокр. Буду говорить, закрывъ глаза [2], чтобы какъ можно скорѣе кончить и чтобы, не смотря на тебя, не заикаться отъ стыда.

Федръ. Только говори; а тамъ дѣлай, что хочешь.

Сокр. Придите же, о музы Лигіи [3], получившія это прозваніе либо отъ вида своихъ пѣснопѣній, либо отъ музыкальнаго поколѣнія Лигурійцевъ,—придите и помогите мнѣ начать свое слово [4], къ произнесенію котораго принуж-

---

[1] *Τί δῆτα ἔχων στρέφει;* глаголъ *στρέφεσθαι* значитъ хитрить и увертываться въ рѣчи; напр., *Aristoph.* Acharn. v. 393: *τί ταῦτα στρέφει, τεχνάζεις τε καὶ πορίζεις τριβάς;* что ты такъ вертишься, хитришь и плодишь рѣчь?

[2] Этими словами Сократъ хочетъ сказать, что онъ не безъ стыда приступаетъ къ разсужденію о чувственной и низкой страсти, которую Лизіасъ называетъ любовію, и что, говоря о такомъ предметѣ, онъ стыдится смотрѣть прямо въ глаза даже Федру, любителю подобныхъ рѣчей.

[3] *Ἄγετε δή, ὦ Μοῦσαι λίγειαι.* Слово *λιγύς*, какъ имя нарицательное, значитъ—острый, визгливый, крикливый, также гармоническій; а какъ собственное,—Лигуріецъ. Древніе поэты весьма часто называли музъ Лигіями въ томъ смыслѣ. что онѣ даютъ бытіе гармоніи звуковъ. Такъ, напримѣръ, Стизихоръ (*Eustath.* Il. *ά*. p. 10): *Δεῦρ' ἄγε, Καλλιόπεια λιγεῖα; ἄγε Μῶσα λιγεῖα.* Но *λιγύς* прилагаемо было и къ сиренамъ (*Hom.* Odyss. XII, 44), а иногда означало просто крикливость голоса (*Eustath.* ad. Il. *υ*. 1040. 48), либо хитрость и увертливость лица говорящаго (Hom. Iliad. 1, 248). Пользуясь такою многознаменательностью слова *λιγύς*, Платонъ, съ цѣлію посмѣяться надъ пустословіемъ и софистическими уловками Лизіаса, котораго рѣчь должна служить для него предметомъ подражанія, свое воззваніе къ музамъ—*ὦ Μοῦσαι λιγεῖαι*—употребляетъ, кажется, въ одномъ изъ послѣднихъ значеній. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что слово *λιγύς* онъ производитъ также и отъ имени Лигуріецъ; а Лигурійцы, безъ особенной способности къ музыкѣ, были такіе охотники пѣть, что даже и во время войны—одна часть ихъ сражалась, а другая пѣла. *Hermias.* p. 84. Schol. p. 314.

[4] ***Помогите мнѣ начать свое слово,*** *Ξύμ μοι λάβεσθε τοῦ μύθου*, вмѣсто *ξυλλάβεσθέ μοι τοῦ μύθου*. Такое отдѣленіе предложной частицы отъ глагола явно

даетъ меня этотъ превосходный человѣкъ. Пусть другъ его, B.
и прежде казавшійся ему мудрымъ, теперь покажется еще мудрѣе.

Итакъ былъ себѣ мальчикъ, или лучше, изнѣженный ребенокъ [1], очень красивый. Его окружало великое число друзей, изъ которыхъ одинъ отличался особенною хитростію. Любя мальчика, какъ и другіе, онъ увѣрялъ, что не любитъ его, и однажды началъ доказывать, что къ не любящему надо имѣть больше благосклонности, чѣмъ къ любящему. Вотъ, что говорилъ онъ:

У людей, приступающихъ съ размышленіемъ къ какому-нибудь совѣщанію, мальчикъ, всегда одно и то же нача- C.
ло—узнать, о чемъ будетъ совѣщаніе; а иначе погрѣшности неизбѣжны. Между тѣмъ многіе и не замѣчаютъ, что имъ неизвѣстно существо каждаго изъ предметовъ. Почитая себя знатоками, они не хотятъ при самомъ началѣ понять силу вопроса, и оттого впослѣдствіи поплачиваются, т.-е. бываютъ несогласны ни съ самими собою, ни съ другими. Итакъ, я и ты не должны подвергаться тому, въ чемъ упрекаемъ прочихъ; но, когда предложенъ намъ вопросъ, кого лучше избрать себѣ другомъ—любящаго или нелюбящаго, мы обязаны напередъ условиться въ понятіи, что̀ такое любовь и въ чемъ состоитъ она, а потомъ, принявъ это понятіе за основаніе, смотря и ссылаясь на него, изслѣдо- D.
вать, полезна ли она, или вредна.

Всякій знаетъ, что любовь есть нѣкоторая страсть; извѣстно также, что страсть къ прекрасному свойственна и нелюбящему: итакъ, чѣмъ отличить любящаго отъ нелюбящаго? Надобно замѣтить, что въ каждомъ изъ насъ есть

настраиваетъ рѣчь на тонъ поэтическій, хотя нельзя согласиться съ Гейндорфомъ и Стефаномъ, будто эти слова заимствованы у какого-нибудь поэта, тѣмъ болѣе, что и все это начало рѣчи отпечатлѣно характеромъ эпической высокопарности, да и самая рѣчь названа шуточно эпическимъ словомъ μῦθος.

[1] *Изнѣженный ребенокъ*, *μειρακίσκος* Atticis usurpatur de molli et pathetico potissimum adolescente. Vid. *Oudendorp*. ad. Thom. Magn. p. 604. *Heindorfius*.

господствующія и руководительныя идеи, которыхъ вожденію мы повинуемся: одна—врожденная страсть къ удовольствіямъ, другая—пріобрѣтенное мнѣніе, влекущее къ наи-
E. лучшему [1]. Эти идеи у насъ бываютъ то согласны, то враждебны между собою, и иногда одна изъ нихъ беретъ перевѣсъ, иногда другая. Если пересиливаетъ мнѣніе и разумно ведетъ человѣка къ наилучшему, то такому перевѣсу мы даемъ имя разсудительности; а когда овладѣваетъ имъ страсть и несмысленно влечетъ его къ удовольствіямъ,—управляющую имъ силу называемъ необузданностію (ὕβρις).
238. Впрочемъ, необузданность имѣетъ много названій; потому что она многочисленна и разновидна: и какой изъ ея видовъ въ человѣкѣ особенно выказывается, такое получаетъ онъ и имя, а названія хорошаго и почтеннаго не удостоивается. Напримѣръ, страсть къ ѣдѣ, получая перевѣсъ надъ расположеніемъ къ наилучшему и надъ всѣми другими страстями, называется обжорствомъ и сообщаетъ свое имя
B. тому, кто ее имѣетъ. Явно также, какое названіе даетъ человѣку господствующая страсть къ пьянству, когда она управляетъ имъ. Вообще очевидно, какія должны быть сродныя съ этими имена сродныхъ съ этими страстей, когда которая-нибудь изъ нихъ становится владычествующею. Причина, почему предварительно говорится о всемъ этомъ,

---

[1] Съ перваго взгляда не видно, почему начало, увлекающее насъ къ наилучшему, Платонъ называетъ пріобрѣтеннымъ мнѣніемъ, ἐπίκτητος δόξα. Но должно замѣтить, что здѣсь говорится о взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку; а эти отношенія опредѣляются законами общества, то-есть мнѣніями; мнѣнія же пріобрѣтаются воспитаніемъ и опытами. Однакожъ отчего они увлекаютъ къ наилучшему и почему противуполагаются страсти къ удовольствіямъ? Платонъ учитъ, что какъ страсти, такъ и мнѣнія суть выраженія двухъ природъ нашей души, τοῦ λογιστικοῦ καὶ τοῦ ἐπιθυμητικοῦ (Polit. IV, 439 D), слѣдовательно, должны стремиться къ тому, къ чему направляются тѣми самыми природами. Но τὸ λογιστικὸν καὶ τὸ ἐπιθυμητικὸν въ стремленіяхъ противуположны; стало быть, и выраженія ихъ, ἐπιθυμία ἡδονῶν и ἐπίκτιτος δόξα, должны быть также взаимно противуположными: ἡ ἐπιθυμία ищетъ частнаго удовольствія, ἡ δόξα блюдетъ и уважаетъ общее благо; потому что первое ἀλόγιστον, а послѣднее διανοίας ἀποτελεύτησις. Sophist. p. 264 A.

явствуетъ почти сама собою: сказанное какъ-то яснѣе того, что не сказано. Страсть, чуждая ума и получившая перевѣсъ надъ мнѣніемъ, стремящимся къ правому, страсть, влекущаяся къ удовольствію красоты и сильно укрѣпляю- C.
щаяся отъ втеченія [1] въ нее другихъ, сродныхъ съ нею страстей, направленныхъ къ красотѣ тѣлесной, страсть побѣждающая вожденіемъ и заимствовавшая свое имя отъ самой силы (ῥώμη), — эта страсть есть любовь.

Не замѣчаешь ли и ты, любезный Федръ, какъ я, что во мнѣ дѣйствуетъ божественное вдохновеніе?

Федръ. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, ты, противъ обыкновенія, такъ и увлекаешься какимъ-то потокомъ рѣчи.

Сокр. Слушай же меня и молчи. Видно, это мѣсто дѣйствительно священное; а потому не удивляйся, если, въ D.
продолженіе своей рѣчи, я и часто буду плѣнникомъ нимфы [2]. Вѣдь и теперь-то сказанное почти уже звучитъ диѳирамвомъ.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. А все ты причиною. Однакожъ слушай далѣе, иначе наитіе, пожалуй, и оставитъ меня. Да объ этомъ пусть печется Богъ; а мое дѣло — продолжать бесѣду съ мальчикомъ.

---

[1] ***Страсть, влекущаяся къ удовольствію красоты и сильно укрѣпляющаяся отъ втеченія..*** ἐρρωμένως ῥωσθεῖσα. Эти слова, равно какъ и слѣдующія: νικήσασα ἀγωγῇ, чрезвычайно затрудняютъ Аста, Шлейермахера и Штальбома, такъ что весь этотъ періодъ Платонова текста они почитаютъ очень испорченнымъ. Желая возстановить его, Штальбомъ слово ἐρρωμένως изгоняетъ изъ текста, а νικήσασα измѣняетъ на κενήσασα или κινηθεῖσα. Напротивъ, по моему мнѣнію, тутъ нѣтъ ничего затруднительнаго. Слова ἐρρωμένως ῥωσθεῖσα прекрасно выражаютъ быстрое возрастаніе страсти, будто рѣки, отъ притока въ нее другихъ страстей. Притомъ Штальбомово κενήσασα никакъ не можетъ стоять безъ винительнаго падежа. Но всего страннѣе переводъ Шлейермахера; онъ переводитъ: erhält (Begierde) von ihrem Gegenstande der Liebe (sic!) den Namen und wird Liebe ganannt. Тутъ нѣтъ и похожаго на правду.

[2] ***Буду плѣнникомъ нимфы,*** Νυμφόληπτος γένωμαι. Въ Греціи вѣрили, что кому случится увидѣть въ ручьѣ образъ нимфы, тотъ непремѣнно придетъ въ восторгъ. Таких-то счастливцевъ Греки называли Νυμφολήπτους, а Римляне Lymphaticos. *Polluc.* Tom. 1. p. 14 *Cuper.* Observv. III. 12.

Хорошо, мой милый; теперь предметъ нашего совѣщанія
высказанъ и опредѣленъ. Будемъ же, смотря на него, гово-
E. рить о прочемъ, то-есть, оказывающій благосклонность чтò
полезнаго или вреднаго получитъ отъ любящаго и отъ не-
любящаго.

Кто покорствуетъ страсти и служитъ удовольствію, то-
му необходимо сдѣлать своего любимца для себя самымъ
пріятнымъ. Больному же все пріятно, что не противится; а
что лучше его или равно ему, то враждебно. Поэтому лю-
бящій не потерпитъ, чтобы его любимецъ былъ либо луч-
ше его, либо равенъ ему, но приготовитъ въ немъ лице
239. ниже и хуже себя. А ниже умнаго бываетъ невѣжда, ниже
мужественнаго—трусъ, ниже говоруна—безсловесный, ни-
же быстраго—медленный. Если въ любимцѣ находится столь-
ко, или болѣе умственныхъ недостатковъ, частію пріобрѣ-
тенныхъ, частію врожденныхъ; то любящій послѣднимъ не-
обходимо радуется, а первые старается скорѣе приготовить,
чѣмъ лишиться настоящаго удовольствія. Такимъ образомъ
онъ непремѣнно бываетъ завистливъ и становится причи-
B. ною великаго вреда, запрещая любимцу входить во мно-
гія полезныя сообщества, чрезъ которыя онъ могъ бы раз-
виться въ мужа, — а еще болѣе вредитъ ему, запрещая
тѣ собесѣдованія, чрезъ которыя онъ развилъ бы свой умъ.
Такова именно божественная философія: отъ ней любящій
непремѣнно гонитъ прочь своего любимца, боясь, какъ бы
онъ не одумался. Вся его забота клонится къ тому, чтобы
послѣдній ничего не зналъ и чтобы, видя только любящаго,
для него былъ самымъ пріятнымъ, а для себя самымъ вред-
C. нымъ. Итакъ, что касается до ума, то человѣкъ, одержи-
мый любовію, есть попечитель и товарищъ ни къ чему не
годный.

Послѣ этого надобно разсмотрѣть, каково попеченіе его о
состояніи тѣла, какъ заботится о покорномъ себѣ тѣлѣ тотъ,
для кого необходимо пріятное предпочитать доброму. Мы
увидимъ, что онъ преслѣдуетъ какого-нибудь нѣжненькаго,

а не черстваго, воспитаннаго не подъ солнечными лучами,
а въ густой тѣни, не знакомаго съ мужскими трудами и
сухимъ потомъ [1], но привыкшаго къ нѣжной и женоподоб-
ной жизни, украшающагося чужими красками и косметиче-
скими средствами, за недостаткомъ собственныхъ, и любя- D.
щаго все въ этомъ родѣ. Дѣло ясное, о которомъ не стоитъ
болѣе и говорить. Мы опредѣлимъ это одною общею чертою
и потомъ перейдемъ къ другому. То-есть, при взглядѣ на
подобное тѣло, какъ на войнѣ, такъ и въ иныхъ нужныхъ
и важныхъ случаяхъ, враги дѣлаются смѣлѣе, а друзья и
сами любящіе робѣютъ. Истина ясная; оставимъ ее.

Теперь слѣдуетъ сказать, какую пользу или вредъ до-
ставляетъ сообщество и попеченіе любящаго по отношенію E.
къ имуществу любимца. Всякому безъ сомнѣнія извѣстно,
а особенно любящему, что онъ болѣе всего желалъ бы ви-
дѣть своего любимца лишеннымъ самыхъ милыхъ, самыхъ
добрыхъ и самыхъ божественныхъ стяжаній, то-есть, же-
лалъ бы видѣть его безъ отца, безъ матери, безъ родствен-
никовъ и друзей, которыхъ считаетъ помѣхою себѣ и уко-
ромъ за сладкое съ нимъ обращеніе. Что же касается до
большихъ денегъ, или другаго имѣнія, то владѣющій этимъ, 240.
думаетъ онъ, не легко уловляется, а если и пойманъ, то не-
легко дѣлается ручнымъ. Оттого любящій по всей необхо-
димости завидуетъ любимцу, когда онъ богатъ, и радуется,
когда онъ лишился имѣнія. Кромѣ того, ему хотѣлось бы,
чтобы любимецъ его какъ можно долѣе оставался безбрач-
нымъ, бездѣтнымъ и бездомнымъ; потому что онъ желаетъ
какъ можно долѣе наслаждаться пріятностію своего обра-
щенія съ нимъ.

Есть тутъ много и другихъ золъ; но какой-то демонъ
примѣшалъ къ нимъ удовольствіе въ настоящемъ, подобно B.

---

[1] *Сухимъ потомъ*, ἱδρώτων ξηρῶν. Греки сухимъ потомъ называли тотъ, который возбуждается трудами и гимнастическими упражненіями, и противуполагали его поту, производимому ванною. *Svidas*. It. *Lenz*. Observ. in Plat. p. 320.

тому, какъ къ лести—страшному звѣрю и великой гибели,
природа примѣшала какую-то тонкую пріятность. Можно
порицать площадную женщину, какъ существо вредное;
можно порицать и иное подобное тому въ нашей всякой
всячинѣ [1], что̀, однакожъ, ежедневно доставляетъ намъ осо-
бенное наслажденіе: но любящій для любимца не просто
вреденъ; онъ и по ежедневному обращенію съ нимъ всего
C. несноснѣе. Вѣдь есть старинная пословица, что возрастъ
возрасту радъ [2],—потому, думаю, что равенство лѣтъ, рас-
полагая людей къ подобнымъ удовольствіямъ, чрезъ то раж-
даетъ въ нихъ дружбу: впрочемъ, и ихъ связь все-таки на-
конецъ насыщается. Но что сказать о необходимости, ко-
торая считается тяжелою для всякаго и во всемъ? А меж-
ду тѣмъ ею-то особенно, кромѣ неравенства лѣтъ, любя-
щій связываетъ любимца. Старикъ, обращаясь съ молодымъ,
добровольно не оставляетъ его ни днемъ ни ночью, но воз-
D. буждается необходимостью и тревогою такой страсти, ко-
торая, посредствомъ непрестаннаго прилива удовольствія,
направляетъ къ любимцу и его зрѣніе, и слухъ, и осязаніе,
и всѣ чувства, такъ что, прильнувъ къ нему, онъ — все-
цѣло къ его услугамъ. И при всемъ томъ, послѣдній-то
какое получаетъ отсюда утѣшеніе, какую радость, чтобы
подобное препровожденіе времени не надоѣло ему до-край-
ности? Какая радость смотрѣть на старое и некрасивое ли-
це, обставленное всѣмъ прочимъ, о чемъ и говорить и слу-
E. шать непріятно, да еще, по требованію необходимости, и
прикасаться къ нему? Что за удовольствіе остерегаться ка-

---

[1] *Въ нашей всякой всячинѣ* — *τῶν θρεμμάτων τε καὶ ἐπιτηδευμάτων. Θρέμματα τε καὶ ἐπιτηδεύματα* соотвѣтствуютъ русской поговоркѣ: «ложка и плошка». У Грековъ эти слова имѣли также силу пословицы.

[2] *Возрастъ возрасту радъ* — *ἥλικα τέρπειν τὸν ἥλικα.* Эту пословицу Схоліастъ (914) выражаетъ слѣдующимъ стихомъ:

ἧλιξ ἥλικα τέρπε, γέρων δέ τε τέρπε γέροντα.

У Римлянъ соотвѣтствуетъ ей: similis simili gaudet; а у насъ: свой своему поневолѣ другъ, или: рыбакъ рыбака видитъ издалека.

раульныхъ, подсматривающихъ за нимъ всегда и въ отношеніи ко всѣмъ, слушать неблаговременныхъ и приторныхъ хвалителей, или принимать укоризны, которыя и отъ трезваго несносны, а отъ пьянаго, кромѣ того, еще срамны; потому что пьяный позволяетъ себѣ невыносимую и слишкомъ откровенную дерзость?

Притомъ влюбленный, пока любитъ, бываетъ вреденъ и
непріятенъ, а оставивъ любовь, впослѣдствіи становится
еще невѣрнымъ въ отношеніи къ тому, котораго прежде
едва могъ удерживать въ несносномъ обращеніи съ собою 241.
множествомъ клятвъ и просьбъ, соединенныхъ со многими
обѣщаніями и питавшихъ надежду на будущія блага. Въ
то время, когда эти обѣщанія надлежало бы выполнить,
онъ, вмѣсто любви и неистовства, находитъ въ себѣ другаго начальника и повелителя [1], то-есть умъ и разсудительность, и, перемѣнившись, забываетъ о любимцѣ. Послѣдній,
разговаривая съ нимъ, будто съ прежнимъ, напоминаетъ
ему о всѣхъ дѣлахъ и словахъ и требуетъ себѣ благодарности; а онъ отъ стыда и сказать не смѣетъ, что перемѣнился, да и не знаетъ, какъ теперь, подъ руководствомъ
ума и разсудительности, выполнить клятвы и обѣщанія тог- B.
дашней безумной власти,—какъ сдѣлать прежнее, не дѣлаясь похожимъ на прежняго и опять — тѣмъ же самымъ. Такимъ образомъ, вотъ онъ и бѣглецъ. Не связываясь болѣе необходимостію страсти, бывшій любовникъ измѣняется и бѣжитъ,—марка перевернулась [2]; а тотъ съ негодовані-

---

[1] *Находитъ въ себѣ другаго начальника.* Я принимаю здѣсь чтеніе: μεταβαλὼν ἄλλον ἄρχοντα, а не μεταλαβών, какъ читаютъ Беккеръ и Астъ; потому что μεταβάλλειν τι значитъ перемѣнять что-нибудь безъ сознанія, или подвергаться перемѣнѣ, что именно и случается съ любовникомъ, когда страсть умолкаетъ; а μεταλαμβάνειν τι значитъ перемѣнять что-нибудь сознательно, т.-е. умышленно производить перемѣну. Такое употребленіе этихъ глаголовъ см. de Rep. IV, p. 424 C. ib. VII, p. 335 D. ib. X, p. 620 A. *Eurip.* Iphig. Aul. v. 343. *Plat.* Polit. p. 246. Phileb. p. 21 C.

[2] *Марка перевернулась* — ὀστράκου μεταπεσόντος, — пословица, означающая внезапную перемѣну. Она взята отъ игры, называвшейся ὀστρακίνδα, или ὀστράκου περιστροφή, которая состояла въ томъ, что дѣти, раздѣлившись на

емъ и проклятіями преслѣдуетъ его, вовсе не знавъ сначала, что надобно оказывать благосклонность не тому, кто любитъ
C. и неизбѣжно бываетъ безуменъ, а лучше тому, кто не любитъ, да имѣетъ умъ: въ противномъ случаѣ, ему придется отдать себя человѣку невѣрному, брюзгливому, завистливому, непріятному, вредному, и для имѣнія и для состоянія тѣла, а еще болѣе вредному въ отношеніи къ образованію души, драгоцѣннѣе которой нѣтъ и не будетъ ничего ни для людей, ни для боговъ. Тебѣ, мальчикъ, надобно замѣтить и узнать то, что дружба любовника не соединена съ благожеланіемъ, но служитъ ему къ насыщенію, какъ пища.

D. Какъ волки любятъ ягнятъ, такъ любовники мальчиковъ любятъ.

Вотъ и все, Федръ; болѣе не услышишь отъ меня; здѣсь да будетъ конецъ моей рѣчи.

Федръ. А вѣдь я думалъ, что она на половинѣ, что ты будешь говорить еще о благосклонности къ нелюбящему и покажешь происходящія изъ этого выгоды. Зачѣмъ же остановился, Сократъ?

E. *Сокр.* Замѣтилъ ли ты, почтеннѣйшій, что я говорю уже героическими стихами, а не диѳирамвами, даже и при порицаніи [1]. Такъ что же мнѣ, по твоему мнѣнію, придется

двѣ половины, бросали вверхъ остракинду (остракинда съ одной стороны была наведена смолою, съ другой выполирована) и, смотря по тому, которою стороною ложилась она къ верху, одна партія дѣтей должна была бѣжать, а другая догонять ее. *Herm.* p. 90 Schol. ad. Polit. VII, p. 521 C.

[1] *Я говорю уже героическими стихами, а не диѳирамвами — даже и при порицаніи.* — Смыслъ рѣчи слѣдующій: если и при порицаніи я говорю уже не диѳирамвами, въ которыхъ поэтъ излагаетъ собственныя свои чувствованія (de Rep. III, p. 494 C), слѣдственно можетъ и хвалить и порицать, —а героическими стихами, основывающимися на подражаніи (ib.), слѣдственно имѣющими цѣлію прославленіе героевъ (de Rep. II, p. 379 A); то что придется мнѣ дѣлать, когда я начну хвалить другаго? То-есть, Сократъ началъ тономъ диѳирамвическимъ (см. выше p. 238 D), окончилъ же рѣчь стихомъ эпическимъ; а дѣло-то все еще въ порицаніи· какой же высшій тонъ принять для похвалы? Развѣ, можетъ быть, сами нимфы вдохновятъ меня? говоритъ онъ.

дѣлать, когда я начну хвалить другаго? Развѣ ты знаешь, что нимфы, которыхъ вліянію я умышленно подвергнутъ тобою, сами ясно вдохновятъ меня? Скажу коротко: за что мы порицали одного, противное тому находится въ другомъ. Къ чему много словъ? Довольно сказано объ обоихъ;—пусть моя рѣчь потерпитъ то, что слѣдуетъ ей потерпѣть. Теперь, 242.
я перехожу на другой берегъ рѣки, прежде чѣмъ ты принудишь меня къ чему-нибудь большему.

Федръ. Только не прежде. Сократъ, чѣмъ пройдетъ зной. Развѣ не видишь, что почти полдень, и притомъ такъ называемый жгучій [1]? Подождемъ же здѣсь и поговоримъ о прежнемъ предметѣ; а когда будетъ прохладнѣе,—пойдемъ домой.

Сокр. Если дѣло зайдетъ о рѣчахъ, то ты, Федръ,—божественный, просто дивный человѣкъ. Мнѣ кажется, изъ всѣхъ произнесенныхъ въ твое время рѣчей, никто не произвелъ ихъ столько, сколько ты, либо самъ говоря, либо B.
какимъ-нибудь образомъ заставляя говорить другихъ. Исключаю изъ счета одного Симміаса ѳивскаго [2]; прочіе же далеко ниже тебя. Вотъ и теперь опять ты, кажется, будешь причиною того, что я скажу нѣчто въ родѣ рѣчи.

Федръ. О, это не объявленіе войны [3]! Но какъ и что такое скажешь ты?

Сокр. Лишь только я подумалъ, мой милый, перейти

---

[1] ***Почти полдень, и притомъ такъ называемый жгучій***, *ὡς σχεδὸν ἤδη μεσημβρία ἵσταται ἡ δη καλουμένη σταθερά*. Эту фразу многіе филологи не безъ причины почитаютъ испорченною. Вмѣсто *ἤδη μεσημβρία*, или, по другимъ спискамъ, *ἡ δὴ μεσημβρία*, кажется, лучше бы читать *νῦν δὴ μεσημβρία ἵσταται*; а послѣдующее *ἡ δὴ* кстати бы перемѣнить на *καὶ δή*. Что же касается словъ: *καλουμένη σταθερά*, то Астъ не безъ основанія замѣчаемъ, что *σταθερὰ* современнымъ капризомъ языка могло быть произведено отъ глагола *στοθεύειν*—жечь, и имѣло силу поговорки, какъ у насъ: жгучій полдень.

[2] Объ этомъ Симміасѣ и Кевисѣ — ученикахъ Сократа см. *Plat.* Crit. p. 45 B, а особенно Phaed. p. 85 C, гдѣ первый изъ нихъ представляется ревностнымъ изслѣдователемъ истины.

[3] *О, это не объявленіе войны*, *οὐ πόλεμόν γε ἀγγέλλεις*, — поговорка, выражающая радость при какомъ-нибудь пріятномъ извѣстіи. *Steph.* annot. ad. h. l. Phaedri. Схоліастъ p. 315: *οὐ πόλεμον ἀγγέλλεις — ἐπὶ τῶν ἀγαθὰ ἀγγελλόντων*

чрезъ рѣку, вдругъ мнѣ—то божественное, столь привычное знаменіе [1]; а оно всегда удерживаетъ меня, какъ ско-
C. ро я располагаюсь что-нибудь сдѣлать. Даже будто послышался въ то мгновеніе и какой-то голосъ [2], запрещавшій переходить, прежде чѣмъ очищусь отъ грѣха противъ божества. Видно, и я провѣщатель,—конечно неважный, однакожъ, какъ и плохіе грамотѣи, для себя одного достаточный. Теперь хорошо знаю свой грѣхъ. Такъ вотъ, другъ мой, и душа есть нѣчто провѣщавающее. Меня что-то тревожило и тогда еще, какъ я говорилъ рѣчь; меня, по примѣру
D. Ивика, коробила мысль [3], какъ бы не пріобрѣсть чести отъ

---

[1] ***Вдругъ мнѣ — то божественное, столь привычное знаменіе***, *τὸ δαιμόνιον τε καὶ τὸ εἰωθὸς σημεῖον*. На это *τὸ δαιμόνιον*, или *τὸ δαιμόνιον σημεῖον*, Сократъ ссылается во многихъ разговорахъ Платона. Извѣстно также, что это *τὸ δαιμόνιον* подало поводъ врагамъ Сократа обвинять его предъ судомъ въ религіозномъ расколѣ (*Plat.* Apol p. 31 D). Но какъ изъ другихъ мѣстъ, напр. de Rep VI, p. 496 C, гдѣ читается: *τὸ δαιμόνιον σημεῖον*, Euthyd. p. 272 E. Theag. p. 129 B, гдѣ сказано: *τὸ εἰωθὸς σημεῖον τὸ δαιμόνιον*, такъ и изъ приведенныхъ словъ въ Федрѣ видно, что Сократово *τὸ δαιμόνιον* было не божество, а нѣчто божественное, не существительное имя, а прилагательное. Впрочемъ, и Цицеронъ говоритъ о немъ (de divin. 1, 54): esse divinum quiddam, quod daemonium apellat, cui semper pareat. Касательно слѣдующихъ затѣмъ словъ см. прим. къ Апол. Сокр. р. 31. Для филологовъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ приведенномъ текстѣ: *τὸ εἰωθὸς σημεῖον*, — *τὸ* въ Flor. c. опущено,—и это чтеніе, очевидно, вѣрнѣе.

[2] Удерживаясь своимъ *τῷ δαιμονίῳ* отъ совершенія нѣкоторыхъ поступковъ, или принимая отъ него наставленія отрицательныя, Сократъ могъ почитать его въ этомъ отношеніи руководителемъ философскимъ, то-есть голосомъ ума, который обыкновенно живѣе и яснѣе сознаетъ не то, что мы должны, а то, чего не должны дѣлать. Но когда потомъ онъ прибавляетъ, что ему даже послышался какой-то голосъ, запрещавшій уходить, не очистившись отъ грѣха противъ божества; то этимъ уже указываетъ на положительное внушеніе, или ограниченіе души и, для отличенія отъ философскаго, называетъ его пророческимъ.

[3] Ивикъ, современникъ Поликрата, жилъ на островѣ Самосѣ и написалъ семь книгъ стихотвореній (*μελῶν*) на дорійскомъ нарѣчіи. Нѣкоторые отрывки его сочиненій собраны Урсиномъ и Стефаномъ. Но имя Ивика передано потомству не столько его сочиненіями, сколько пословицею: Ивиковы журавли. Попавшись въ руки разбойниковъ и готовясь къ смерти, Ивикъ призывалъ въ свидѣтели случайно летѣвшихъ журавлей. Злодѣи посмѣялись надъ нимъ и убили его. Но чрезъ нѣсколько времени послѣ того, сидя на площади въ толпѣ народа, они увидѣли журавлей и, забывшись, сказали: вотъ доносчики о смерти Ивика. Близъ сидѣвшіе, услышавъ это, схватили ихъ, и убійство

людей цѣною заблужденія касательно боговъ. Теперь чувствую свой грѣхъ.

Федръ. Такъ что же ты скажешь?

Сокр. Ужасную рѣчь, Федръ, ужасную! Ты самъ подалъ поводъ и заставляешь меня говорить ее.

Федръ. Какъ такъ?

Сокр. Безумную и нѣсколько нечестивую [1]; а такой рѣчи что можетъ быть ужаснѣе?

Федръ. Конечно ничто, если только говоришь правду.

Сокр. Да какъ же? Эроса не признаешь ли ты сыномъ Афродиты и однимъ изъ боговъ?

Федръ. Полагаютъ.

Сокр. Но полагаетъ не Лизіасъ, и не твоя рѣчь, которую ты произнесъ моими, обвороженными тобою устами. E.
Если Эросъ есть то, что дѣйствительно есть,—именно богъ, или нѣчто божественное; то онъ — не какое-нибудь зло. Между тѣмъ въ обѣихъ своихъ рѣчахъ мы представили его чѣмъ-то злымъ. Стало быть, въ отношеніи къ нему наши рѣчи согрѣшили. И глупость-то ихъ довольно еще тонка: не заключая въ себѣ на самомъ дѣлѣ ни здраваго смысла, ни уваженія къ истинѣ, онѣ еще тщеславились собою, будто дѣльныя, и обманывали насъ, какъ людей ничтожныхъ. 243
Итакъ, мнѣ необходимо очиститься, другъ мой. Древній же способъ очищенія тѣхъ, которые погрѣшили въ ученіи о богахъ, извѣстенъ былъ не Омиру, а Стизихору. Лишен-

---

открыто. *Hoffmann*. Lexicon. v. Ibyc. Этому-то Ивику Сократъ приписываетъ изреченіе, что не должно пріобрѣтать чести отъ людей цѣною заблужденія касательно боговъ.

[1] *Безумную и нѣсколько нечестивую*,—εὐήθη καὶ ὑπό τι ἀσεβῆ. Слово εὐήθης значитъ собственно простякъ, человѣкъ недальнаго ума, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ означается и человѣкъ благонравный. См. *Phavor*. въ εὐήθης. Выраженіе ὑπό τι однозначительно съ латинскимъ prope modum и, подобно послѣднему, употребляется отрѣшенно. Gorg. p 493. *Aristoph*. Vesper 1281. Ecclesiaz. 1062. Греки говорили также: ὑπό τι μικρόν. См. interpr. ad Strabon. T. 11, p. 209, ed. Tiedem. Предполагаемую рѣчь Сократъ называетъ нечестивою — конечно потому, что въ ней философское созерцаніе должно вознестись выше народныхъ вѣрованій язычества.

ный зрѣнія за то, что порицалъ Елену, Стизихоръ не былъ такъ недогадливъ, какъ Омиръ [1], но, обладая талантомъ музыкальнымъ, тотчасъ узналъ причину своего несчастія и немедленно сказалъ:

Нѣтъ, мой невѣренъ стихъ;
Ты на разубранный корабль не восходила,
B. Въ Пергамъ троянскій не плыла.

И написавъ всю, такъ называемую палинодію, онъ вдругъ прозрѣлъ. Въ настоящемъ случаѣ я буду умнѣе ихъ именно тѣмъ, что, не ожидая, пока понесу наказаніе за порицаніе Эроса, постараюсь произнесть ему палинодію — уже съ открытою головою, а не какъ прежде, закрывшись отъ стыда.

Федръ. Для меня, Сократъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе этихъ словъ.

Сокр. Значитъ, и ты тѣхъ же мыслей, добрый мой
C. Федръ, что наши рѣчи—моя и прочитанная тобою въ свиткѣ—обѣ безстыдны. Еслибы какой-нибудь благородный человѣкъ кроткаго нрава, любящій кого-нибудь, или нѣкогда любимый, случайно услышалъ отъ насъ, что любовники за бездѣлицу платятъ величайшею ненавистію и своимъ любимцамъ завидуютъ и вредятъ; то какъ не подумалъ бы, что онъ слышитъ людей, воспитанныхъ, вѣроятно, между матросами [2], которые не имѣютъ истиннаго понятія о любви
D. благородной, и какъ согласился бы съ нами въ томъ, въ чемъ мы порицаемъ Эроса?

---

[1] О Стизихорѣ имерейскомъ, изобрѣтателѣ τῶν παιδικῶν, или παιδιῶν, см. *Mohnike* Geschichte der Litteratur. T. I, p. 304 sq. Платонъ сравниваетъ двухъ поэтовъ-слѣпцовъ, Стизихора и Омира, предполагая, что оба они поражены слѣпотою за порицаніе Елены; только Стизихоръ скоро одумался и написалъ палинодію, отчего и возвратилъ зрѣніе, а Омиръ этого не сдѣлалъ. См. *Isocr.* Helen. p. 245, ed. Bekk.

[2] Сословіе матросовъ у Грековъ и Римлянъ почиталось самымъ грубымъ и необразованнымъ, См. Interpr. ad Athenaeum VI, p. 254 B. p. 174, гдѣ приводятся слова Θеопомпа: πλήρεις εἶναι τὰς Ἀθήνας διονυσοκολάκων, καὶ ναυτῶν, καὶ λωποδυτῶν κ τ. λ. Читай и Платона Legg. IV, p. 704 sqq. Горацій говоритъ: (Sat. V, 4): Inde forum Appi differtum nautis, cauponibus atque malignis.

Федръ. Можетъ быть, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Итакъ, стыдясь подобнаго человѣка и боясь Эроса, я хочу горечь прежнихъ нелѣпостей заглушить сладостію новаго слова. Совѣтую и Лизіасу какъ можно скорѣе написать, что, ради подобныхъ побужденій, надобно оказывать благосклонность болѣе любящему, чѣмъ нелюбящему.

Федръ. Повѣрь, что такъ и будетъ. Когда ты скажешь похвальное слово любовнику, я непремѣнно заставлю и Ли- E.
зіаса написать рѣчь о томъ же предметѣ.

Сокр. Вѣрю, пока ты будешь тотъ же кто теперь [1].

Федръ. Такъ говори смѣло.

Сокр. Но гдѣ тотъ мальчикъ, къ которому я обращался? Надобно, чтобы онъ слушалъ меня; въ противномъ случаѣ, пожалуй, поспѣшитъ оказать благосклонность нелюбящему.

Федръ. Онъ очень близко возлѣ тебя—всякій разъ, когда пожелаешь.

Сокр. Итакъ, замѣть, прекрасный мальчикъ, что прежняя рѣчь принадлежитъ Федру Питоклову изъ Мирринун- 244.
та; а теперь я произнесу слово Стизихора Евфимова, Имерейца [2]. Оно гласитъ такъ:

Та рѣчь несправедлива, которая говоритъ, что когда

---

[1] *Пока ты будешь тотъ же, кто теперь*, ἕωσπερ ἂν ᾖς ὅς εἶ. Здѣсь ὅς употреблено вмѣсто οἷος, потому что Платонъ указываетъ не на свойство Федра, а на самую его природу, по которой онъ—страстный любитель прекрасныхъ рѣчей. Примѣры такого употребленія ὅς собраны у Гейндорфа къ этому мѣсту Федра.

[2] Древніе писатели вообще любили примѣнять значеніе собственныхъ именъ къ содержанію рѣчи Такъ здѣсь первую рѣчь Платонъ приписываетъ Федру, т -е. человѣку, увлекающемуся пріятною наружностію предмета (φαιδρὸς). Федръ называется сыномъ Питокла, т.-е. искателя славы (πειθοκλῆς отъ πείθω и κλειτὸς). Притомъ онъ изъ Мирринунта, т.-е. какбы любитъ покоиться на миртахъ (отъ μυῤῥινός), подобно человѣку изнѣженному и праздному. См. Polit. II, 372 B. Напротивъ, вторая рѣчь, долженствующая имѣть характеръ лирическій и религіозный, приписывается Стизихору, т.-е. установителю хора (отъ στάω или ἵστημι и χόρος), сыну Евфимову, т.-е. человѣку благочестивому, или благонамѣренному (отъ εὖ и φήμη), родомъ имерейцу, т.-е. посвященному въ таинство любви (ἱμέρῳ). О стараніи древнихъ

есть любовникъ, надобно быть болѣе благосклоннымъ къ нелюбящему,—надобно будто бы потому, что первый находится въ состояніи изступленія, а послѣдній—въ здравомъ умѣ. Это было бы сказано хорошо, еслибы изступленіе мы могли почитать просто зломъ: но оно иногда бываетъ даромъ Божіимъ, и въ этомъ случаѣ становится источникомъ
B. величайшихъ благъ. Напримѣръ, хоть бы дельфійская провѣщательница и додонскіе жрецы, находясь въ состояніи изступленія, дѣлали весьма много добра и частнымъ людямъ, и вообще Греціи, а въ состояніи спокойнаго размышленія—или мало, или вовсе ничего. Еслибы мы стали говорить о Сивиллѣ и другихъ, которые, обладая божественнымъ даромъ пророчества [1], вѣрно предсказали многимъ и много такого, что исполнилось въ будущемъ, то намъ пришлось бы говорить долго о томъ, что всякому извѣстно. Впрочемъ, нельзя не сослаться и на свидѣтельство древнихъ, которые, устанавливая значеніе именъ, не почитали
C. изступленія чѣмъ-то постыднымъ, или безчестнымъ, иначе прекраснаго искуства судить о будущемъ не назвали бы изступленіемъ: видно оно хорошо (если дается Богомъ), когда получило такое имя. Между тѣмъ наши современники въ слово *μανική*, по неопытности, вставили *тавъ* (τ) и предсказаніе у нихъ стало *μαντική* [2]. Подобнымъ образомъ, уга-

---

примѣнять этимологическое значеніе собственныхъ именъ къ содержанію рѣчи см. *Meineck.* ad. Euphor. 130. *Creuzer.* de art. hist. gr. p. 52.

[1] *Обладая божественнымъ даромъ пророчества*, *μαντικῇ χρώμενοι ἐνθέῳ*. *Μαντικὴν ἔνθεον* Платонъ противуполагаетъ *τῇ παρ ἀνθρώπῳ γιγνομένῃ*. Такъ вообще древніе различали предсказанія. Iis igitur assentior, говоритъ Цицеронъ, (de divin. 1. 18), qui duo genera divinationum esse dixerunt, unum quod particeps esset artis, alterum, quod arte careret. Est enim ars in iis, qui novas res conjectura persequuntur, veteres observatione dixerunt: carent autem arte ii, qui non ratione aut conjectura, observatis ac notatis signis, sed concitatione quadam animi aut soluto liberoque motu futura praesentiunt (quod et somniantibus saepe contingit et nonnunquam vaticinantibus per furorem). Поэтому *ἡ μαντικὴ ἔνθεος* у Платона далѣе (C) называется также *θείᾳ μοίρᾳ γιγνομένη*, (D) *μανία ἡ ἐκ θεοῦ*.

[2] *И предсказаніе у нихъ стало μαντική*. *Μανία* есть корень слова *μανικός*; а отъ *μανική* Платонъ производитъ *μαντική*, между тѣмъ какъ *μαντική*, очевидно,

дыванiе будущаго, совершаемое умными людьми по полету птицъ и по другимъ знакамъ, древнiе называли *οἰονοϊστικήν*, D. такъ какъ *οἰονοϊστική* происходитъ отъ *διάνοια* и къ человѣческому мнѣнiю — *οἰήσει* присоединяетъ *νοῦς* и *ἱστορία*; а нынѣшнiе почтили это слово *омегою* (ω) и говорятъ: *οἰωνιστική*. Ну такъ—восколько совершеннѣе и почтеннѣе пророчество въ сравненiи съ птицегаданiемъ, имя—съ именемъ, дѣло—съ дѣломъ, востолько изступленiе, даруемое Богомъ, по понятiю древнихъ, лучше здравомыслiя, бывающаго въ людяхъ. Случалось также, что когда какiя поколѣнiя, вслѣдствiе древнихъ отъ кого-нибудь угрозъ, подвергались болѣзнямъ и величайшимъ бѣдствiямъ,—среди ихъ являлось изступленiе и, пророчествуя, указывало, кому требовалось, избавленiе, прибѣ- E. гало къ молитвѣ и служенiю богамъ, удостоивалось очищенiя и освященiя и возвращало здравiе на время настоящее и будущее всякому, кто имѣлъ его, даже избавляло отъ страданiй собственно изступленнаго и одержимаго [1]. Третiй родъ одер- 245. жимости и изступленiя бываетъ отъ музъ: овладѣвая нѣжною

происходитъ отъ *μέμανται*—неупотребительной формы глагола *μανθάνω*. Шлейермахеръ принимаетъ это за ошибку Платона и извиняетъ его тѣмъ, что тогда не было еще исторiи языка. Но Платонъ не ошибся, а только захотѣлъ посмѣяться надъ обыкновенiемъ софистовъ — относить слова къ тому или другому корню, смотря по надобности. Можетъ быть, онъ указывалъ даже на Антисѳена, которому Дiогенъ Л. (VI, 17) приписываетъ много сочиненiй филологическаго содержанiя. Это еще болѣе подтверждается слѣдующимъ далѣе произведенiемъ слова *οἰωνιστική* отъ *οἴησις*, *νοῦς* и *ἱστορία*. Могъ ли Платонъ не знать, что *οἰωνιστική* происходитъ отъ глагола *οἰωνίζειν* (*ἰωνός*)? Впрочемъ, ошибка Шлейермахера есть только повторенiе ошибки Цицерона, который говоритъ (de divin. 1, I): Itaque ut alia nos melius multa, quam Graeci, sic huic praestantissimae rei (divinationi) nomen nostri a divis, Graeci, ut Plato interpretatur, a furore — duxerunt. Въ произведенiи послѣдняго слова иронiя Платона была тѣмъ естественнѣе, что слово *οἰωνιστική* у древнихъ Грековъ писалось *οἰονοϊστική*, потому что они еще не имѣли въ своемъ алфавитѣ буквы *ω*. Muret. Warr. Lectt. XVIII, 1.

[1] *Собственно изступленнаго и одержимаго*, *μανέντι τε καὶ κατασχομένῳ*. Подъ словомъ *κατασχόμενος* разумѣется человѣкъ, одержимый высшимъ существомъ, или воодушевленный Богомъ до изступленiя, такъ что находится въ состоянiи страдательномъ. Сравн. *Plat.* Ion. p. 539 E. Men. p. 99 D. Symp. p. 215 C. *Xenoph.* Symp. 1, 19.

и дѣвственною душою [1], возбуждая и восторгая ее къ одамъ и другимъ стихотвореніямъ, и украшая въ нихъ безчисленныя событія старины, это изступленіе даетъ уроки потомству. Кто идетъ къ вратамъ поэзіи [2], не изступленный музами,—въ той мысли, что и одно искуство сдѣлаетъ его поэтомъ, тотъ и самъ несовершенъ, и его поэзія, какъ произведеніе человѣка съ разсудкомъ, исчезаетъ предъ поэзіею изступленнаго.

B. Вотъ какъ много, да еще и болѣе прекрасныхъ дѣлъ производитъ изступленіе, когда оно ниспосылается богами! Такъ мы не боимся его, и никакая рѣчь не заставитъ насъ своими угрозами избрать въ друзья человѣка съ разсудкомъ, предпочтительно предъ умоизступленнымъ. Пусть она торжествуетъ побѣду, доказывая, что боги не къ добру посылаютъ любовь въ сердце любящаго и любимаго: мы до-

---

[1] *Дѣвственною душою,* *ἄβατον ψυχήν*. Слово *ἄβατος* прилагалось собственно къ священному мѣсту, куда непосвященнымъ вступать не позволялось. Поэтому здѣсь оно весьма хорошо характеризуетъ душу, въ которую никогда не проникали нечистыя пожеланія.

[2] *Идетъ къ вратамъ поэзіи,* *ἐπὶ ποιητικὰς θύρας ἀφίκηται*. Подъ этимъ выраженіемъ надобно разумѣть не просто вступленіе въ храмъ поэзіи, или занятіе поэзіею, но нищенское домогательство произвесть что-нибудь поэтическое; потому что *ἐπὶ θύρας ἰέναι, ἀφικνεῖσθαι* у Грековъ значило нищенствовать, испрашивать помощи или милостыни, унижаясь предъ кѣмъ-либо для полученія выгоды. Такъ, напр., Polit. II, 364 E: *ἀγύρται τε καὶ μάντεις ἐπὶ πλουσίων θύρας ἰόντες*, VI, 489 B: *οὐδὲ τοὺς σοφοὺς ἐπὶ τὰς τῶν πλουσίων θύρας ἰέναι*. Значитъ, выраженіе: приступать къ вратамъ поэзіи, Платонъ употребляетъ въ смыслѣ презрѣнія, какбы, то-есть, человѣкъ безъ воодушевленія хочетъ нищенски выманить себѣ даръ пѣснопѣній. Это самое высказываетъ и Ювеналъ (VII, 10):

neque enim cantare sub antro
Pierio thyrsumve potest contingere sana
Paupertas.

и Горацій (Ars poët. 295):

Ingenium misera quia fortunatius arte
Credit et excludit sanos Helicone poëtas.

Греческое выраженіе взято, вѣроятно, отъ обычая молиться предъ вратами храмовъ. *Wesseling.* ad Diod. Sic. XIV, 25. T. I, p. 660. *Wernsdorf.* ad Homer. p. 366.

кажемъ противное, что изступленіе дается богами для ве-
личайшаго благополучія. Впрочемъ, люди сильные [1] наше- C.
му доказательству не повѣрятъ, а повѣрятъ ему мудрецы.
Мы сперва вникнемъ въ божественную и человѣческую при-
роду души и постараемся вѣрно уразумѣть ее въ состоя-
ніи дѣйствія и страданія. Начало нашего доказательства—
слѣдующее:

Всякая душа безсмертна: ибо что всегда движется, то
безсмертно [2]; а что сообщаетъ движеніе другому и само дви-
жется отъ другаго, въ томъ съ прерывочностію движенія
соединяется и прерывочность жизни. Итакъ, одно только дви-
жущееся само по себѣ, поколику оно не оставляетъ себя, —
никогда не перестаетъ двигаться и даже служитъ источни-
комъ и началомъ движенія другихъ движущихся предметовъ. D.
Но начало не имѣетъ начала: потому что отъ начала должно
было произойти все, что произошло, самому же началу про-
изойти не изъ чего; а когда оно произошло бы изъ начала,
то уже не было бы началомъ. Если же начало не имѣетъ
начала, то не можетъ и разрушиться; потому-что, разру-
шившись, оно и само не произойдетъ изъ другаго, и дру-
гое не произойдетъ изъ него, какъ скоро все должно про-
изойти изъ начала. Итакъ, начало движенія движется само
по себѣ: это самодвижимое не можетъ ни произойти, ни раз-
рушиться; иначе, за его разрушеніемъ, слѣдовало бы слія-
ніе и остановка всего неба, всего рожденія, и не было бы E.
уже причины, по которой движимое снова пришло бы въ
движеніе. Если же самодвижимое мы назвали безсмертнымъ,

---

[1] *Люди сильные*, δεινοῖς. О значеніи слова δεινὸς и о противуположности его слову σοφός см. Protagor. p. 341 A.

[2] *Что всегда движется, то безсмертно*, τὸ ἀεικίνητον ἀθάνατον. Движеніе здѣсь разумѣется не внѣшнее, не перехожденіе съ одного мѣста на другое, также не возрастаніе или уменьшеніе, но внутренняя самодвижимость; τὸ αὑτὸ κινοῦν, mera agitatio. Κινεῖν произведено отъ слова κίω или κιέω, соотвѣтствующаго латинскому cio, или cieo, и потому однозначительное съ словомъ agito. Но послѣ оно приложено уже и къ движенію внѣшнему, выражаемому глаголомъ moveo.

то никто не постыдится сказать, что такова сущность души, что такъ и надобно понимать ее: потому что всякое тѣло, движимое извнѣ, неодушевленно; а движущееся извнутри, само изъ себя, называется одушевленнымъ, что и составляетъ природу души. Когда же такъ, когда самодвижимое есть не иное что, какъ душа; то душа безначаль-
246. на и безсмертна. Но о ея безсмертіи — довольно; теперь скажемъ о ея идеѣ.

Изслѣдовать, какова эта идея, есть дѣло божественное и требующее долгаго времени [1]; а показать, чему она подобна,—человѣческое и короткое. Итакъ возьмемся за послѣднее. Мы уподобимъ ее нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго [2]. Кони боговъ и

---

[1] Говоря о неизслѣдимости идеи, доступной только уму божественному, Платонъ разумѣетъ идею, какъ τὸ αὐτὸ καθ’ αὑτὸ, или истинно-сущее. О философскомъ значеніи идеи онъ разсуждаетъ мѣстами во многихъ своихъ «разговорахъ», а особенно въ Парменидѣ. Въ Федрѣ же разсматривается идея главнымъ образомъ со стороны психологической и притомъ большею частію символически.

[2] Астъ въ этомъ подобіи видитъ шутку Платона и пародію на нѣкоторыя мѣста Омировой Иліады, напр. V 41. sq. VIII, 768 sqq., а особенно на безсмертныхъ коней Ахиллеса. XVI, 148 sq., XXIII, 276 sq. Его догадка повидимому подтверждается словами Аристотеля (Ret. III, 7). Но, по моему мнѣнію, здѣсь нѣтъ ничего похожаго на шутку. Сократъ во всемъ этомъ монологѣ описываетъ силу божественной любви, которою проникнуты души, посвященныя въ небесныя таинства. Эта, по своей природѣ, никогда не угасающая любовь окрыляетъ и возвышаетъ ихъ, сообщаетъ имъ жизнь и самодвижимость, — такъ что нетолько разумное въ нихъ, но и неразумное, пріобщаясь силѣ небесной любви, обнаруживаетъ свойственнымъ себѣ образомъ силу пернатости, чтобы, если не прямо, по крайней мѣрѣ посредствомъ созерцанія прекрасныхъ предметовъ въ природѣ, восходить къ высочайшему типу ихъ—къ прекрасному божественному. Разумное въ душахъ, по смыслу Платоновой аллегоріи, есть возничій τὸ αὐτὸ κινοῦν, λόγος или λογιστικόν, божественное въ человѣкѣ; а неразумное—пара крылатыхъ коней, запряженныхъ въ колесницу, т.-е. раздражительная (θυμοειδές) и пожелательная (ἐπιθυμητικὸν) стороны души, дѣйствующія въ органическомъ тѣлѣ. Первый изъ этихъ коней послушнѣе уму, нежели послѣдній: потому что первый, получивъ бытіе непосредственно отъ боговъ сотворенныхъ, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ ихъ безсмертія; а послѣдній, хотя также ихъ твореніе, однакожъ постоянно носитъ печать земной своей природы (Tim. 69 C). Символическое изображеніе души посредствомъ возничаго, управляющаго двумя крылатыми конями,

всѣ возничіе сами по себѣ, конечно, добры и произошли отъ добрыхъ; а у другихъ это смѣшано. И во-первыхъ, пра- B.
витель нашъ управляетъ парою: одинъ изъ коней у него прекрасенъ и добръ, да и произошелъ отъ такихъ же; а другой и произошелъ отъ противныхъ тому, и самъ по себѣ противенъ. Такъ управленіе нами по необходимости затруднительно и неудобно. Теперь постараемся высказать, откуда получило свое имя животное смертное и безсмертное [1]. Всякая душа печется о всякомъ неодушевленномъ [2]: она обтекаетъ цѣлое небо и, по различію мѣстъ, является въ различныхъ видахъ. Душа совершенная и пернатая носится въ C.
воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ; а растерявшая перья влечется внизъ [3]—до тѣхъ поръ, пока не

находится также у Зороастра (*Diochrisost.* Orat. XXXIV p. 449 D) и у Индійцевъ, *Stob.* Ecl. phys. T. II, p. 885 A. Oupneckhat. T. I, p. 303. II, p. 314. Впрочемъ, заимствовалъ эту аллегорію Платонъ, говорятъ, у Пиѳагорейцевъ. *Hierocles* in aur. carm. ad. v. 69.

[1] Этотъ поворотъ рѣчи представляется какъ-то неожиданнымъ. Чтобы видѣть его естественность, надобно замѣтить, что предъидущая мысль о различіи коней у боговъ и человѣковъ прямо приводитъ къ вопросу, отчего произошло такое различіе. На этотъ вопросъ Платонъ долженъ былъ отвѣчать однимъ словомъ: оттого, что человѣческая душа сдѣлалась животнымъ смертнымъ, Но такъ какъ понятіе о животномъ смертномъ само по себѣ темно; то, для отвращенія темноты отвѣта, онъ предварительно объясняетъ, что̀ такое животное смертное и безсмертное.

[2] *Всякая душа печется о всякомъ неодушевленномъ*, πᾶσα ἡ ψυχὴ παντὸς ἐπιμελεῖται τοῦ ἀψύχου. Вмѣсто πᾶσα ἡ ψυχή, нѣкоторые критики читаютъ здѣсь πᾶσα ψυχή, или, какъ у Аста, ἡ ψυχὴ πᾶσα. Поводъ къ этому различію чтенія подаютъ, съ одной стороны, древніе списки Платоновыхъ сочиненій, съ другой — неопредѣленность скрывающагося здѣсь ученія. Трудно опредѣлить, какую душу въ этомъ мѣстѣ разумѣетъ Платонъ—міровую ли, πᾶσαν ψυχήν, или частную—πᾶσαν τὴν ψυχήν. Душа въ первомъ значеніи какъ будто умѣстнѣе здѣсь — оттого, что, по различію мѣстъ, она является въ различныхъ видахъ, слѣдовательно въ каждомъ видѣ — вся, πᾶσα ψυχή, и что она сперва носится высоко и распоряжаетъ міромъ. Но понятіе о душѣ частной, повидимому, сообразнѣе съ до-мірнымъ существованіемъ душъ, о которомъ будетъ говорено ниже. Держась этого контекста, я принимаю ее въ послѣднемъ значеніи.

[3] Подъ потерею перьевъ Платонъ разумѣетъ ослабленіе стремленія и любви къ небесному, помраченіе божественнаго въ человѣкѣ. *Plot.* Ennead. II, 9 p. 462 D. У Эмпедокла души, лишенныя перьевъ, называются θεήλατοι καὶ

встрѣтится съ чѣмъ-нибудь твердымъ [1], гдѣ нашедши себѣ жилище и тѣло, и движась собственною силою, называется въ цѣломъ составѣ животнымъ, сложеннымъ изъ души и тѣла, и получаетъ имя смертнаго. Понятія же о безсмертномъ нельзя пріобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ [2]. Не
D. видавъ и достаточно не разумѣя Бога, мы представляемъ его какимъ-то животнымъ безсмертнымъ, имѣющимъ также тѣло и душу; только тѣло и душа въ немъ вѣчно соединены между собою. Впрочемъ, пусть это будетъ и зовется такъ, какъ угодно Богу. Мы обратимся къ причинѣ, по которой душа лишилась перьевъ, или вылиняла. Причина эта—слѣдующая:

Сила пера состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы тяжелое поднимать на высоту,—въ пространство воздуха, гдѣ обитаетъ поколѣніе боговъ. И такъ какъ душа, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастна божественному [3]; божественное же

οὐρανοπετεῖς δαίμονες. *Plut.* de vit. aer. al. p. 830 F. Древніе начало зла производили вообще изъ отпаденія душъ отъ жизни Божіей. *Schwarz*, Diss. de lapsu primorum humani generis parentum a paganis adumbrato. 1830.

[1] *Пока не встрѣтится съ чѣмъ-нибудь твердымъ.* Это нѣчто твердое, στερεόν τι, безъ сомнѣнія, есть отвердѣвшая, или, по понятію древнихъ, сгустившаяся матерія, планетное убѣжище души. Ученіе Платона объ этомъ предметѣ довольно неопредѣленно.

[2] *Понятія же о безсмертномъ нельзя пріобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ.* Читая слова Платона: «душа совершенная и пернатая носится въ воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ», можно было думать, что это говоритъ онъ о душѣ безсмертной, которой противуполагается смертная, растерявшая перья. Но мы видимъ, что, по его мнѣнію, понятія о безсмертномъ нельзя пріобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ. Явно, что здѣсь скрывается намѣреніе Платона отличить безсмертіе въ смыслѣ безусловномъ, свойственное истинному Богу, отъ безсмертія, приписываемаго душамъ и богамъ сотвореннымъ. На эту мысль указываетъ, во-первыхъ, p. 246 и 247 A; во-вторыхъ, слово πλάττομεν, поврежденное, вмѣсто πλαττομένου, которымъ выражается необходимость—представлять Бога человѣкообразно, а человѣка—богообразно, что дѣлали Греки; въ-третьихъ — ἀθάνατον τὸ ζῶον, которое къ истинному Богу, непознаваемому никакимъ умозаключеніемъ, приложено быть не можетъ, а къ богамъ сотвореннымъ и къ человѣку прилагается.

[3] *Такъ какъ душа, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастна божественному,* κεκοινώνηκε δέ πῃ μάλιστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θείου ψυχή. Гейндорфъ, а за нимъ и Астъ, основываясь на авторитетѣ Плутарха (Quaest. Plat. p. 1004 C: πῶς

есть прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное: то этимъ-то особенно питаются и возращаются крылья души; E. а отъ постыднаго, злаго и противнаго высшему они ослабѣваютъ и гибнутъ. Итакъ, великій вождь на небѣ, Зевсъ [1] ѣдетъ первый на крылатой своей колесницѣ, устрояя вез-

---

ποτὲ ἐν τῷ Φαίδρῳ λέγεται τὸ τὴν τοῦ πτεροῦ φύσιν, ὑφ' ἧς ἄνω τὸ ἐμβριθὲς, ἀνάγεται, κεκοινωνηκέναι μάλιστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θείου), изгоняютъ изъ этого текста слово *ψυχὴ* и глаголъ *κεκοινώνηκε* относятъ къ именительному *ἡ πτεροῦ δύναμις*. Но должно замѣтить, что Платонъ говоритъ здѣсь о душѣ, поколику она находится уже въ тѣлѣ, слѣдовательно причастна тѣлесности; а потому приведенный текстъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Гораздо страннѣе было бы приписать Платону мысль, что перо, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастно божественному. Притомъ нѣтъ ни одного списка Платоновыхъ сочиненій, въ которомъ не удерживалось бы здѣсь слово *ψυχή*. Впрочемъ, переводъ Шлейермахера: auch theilt er vorzüglich der Seele mit von dem was des göttlichen Leibes ist,—нисколько не походитъ на правду.

[1] *Итакъ, великій вождь на небѣ, Зевсъ* и проч... Этими словами начинается знаменитый Платоновъ миѳъ, объясняющій образно, гдѣ находилась человѣческая душа до своего пришествія въ этотъ земной міръ, что̀ она тамъ имѣла и чѣмъ наслаждалась, какъ и по какой причинѣ удалилась изъ прежняго своего отечества, отчего всегда жаждетъ возвратиться въ него и какимъ образомъ это для ней возможно. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльныя черты, входящія въ разсматриваемую теперь философско-поэтическую картину Платона, заимствованы имъ изъ космологическихъ представленій Филолая и Эмпедокла. Филолай, вмѣстѣ съ прочими Пиѳагорейцами, училъ, что въ средоточіи міра находится алтарь Весты, а самый міръ дѣлилъ на двѣ области: на область неизмѣняемости, простирающуюся отъ души міра (т.-е. Весты) до луны, и на область измѣняемости, лежащую между луною и землею (*Stob.* Ecl. 1 p. 422, 488). Подобно этому, и Эмпедоклъ принималъ два міра: одинъ мысленный, другой чувственный (*Sturs.* Emped. Agrig. p. 277 sq. 280 sq.). Въ Платоновомъ миѳѣ міръ чувственный представляется сферою, вращающеюся внутри мысленнаго; а точка созерцанія того и другаго утверждается въ центрѣ вселенной; такъ что горизонтъ философа есть цѣлое полушаріе космоса. Предположивъ это, мы легко поймемъ смыслъ Платоновыхъ образовъ и выраженій. Двѣнадцать боговъ (потому что главныхъ Греція признавала двѣнадцать, *Paus.* Attic. 3, 40), которыхъ колесницами, или видимыми знаками (вегикулами) древніе обыкновенно почитали небесныя свѣтящіяся тѣла, ѣдутъ отъ Весты, своей матери, души міра, и каждый, въ сопровожденіи геніевъ и героевъ, вслѣдъ за Зевсомъ, совершаетъ свой путь въ предѣлахъ неба. Надобно замѣтить, что геніи и герои здѣсь—не иное что, какъ души, по разумной своей природѣ, созданныя Богомъ истиннымъ и получившія безсмертіе, а по тѣлесной или неразумной—богами звѣздными, и въ этомъ отношеніи смертныя, жившія на различныхъ звѣздахъ, согласно стихійнымъ свойствамъ своихъ тѣлъ (Tim. p. 41). Окончивъ дѣло устройства вселенной,

дѣ порядокъ и объемля все своею заботливостію. За нимъ слѣдуетъ воинство боговъ и геніевъ, раздѣленное на один-
247. надцать отрядовъ; потому что одна только Веста остается въ жилищѣ боговъ, прочіе же, въ числѣ двѣнадцати, поставленные начальниками, предводительствуютъ каждый ввѣреннымъ себѣ отрядомъ. И какое множество восхитительныхъ зрѣлищъ въ предѣлахъ неба! Сколько тамъ поприщъ, по которымъ протекаютъ блаженные боги, исполняя всякій свое дѣло! Слѣдуютъ же они за Зевсомъ, поколику всегда хотятъ и могутъ; такъ какъ ненависть нахо-
B. дится внѣ сонма боговъ. Но отправляясь на праздникъ и пиръ, они ѣдутъ подъ высшее пространство небеснаго свода уже вверхъ по наклонной плоскости. Поэтому колесницы боговъ, послушныя ихъ управленію, катятся ровно и легко, а прочія—съ трудомъ; потому что конь, причастный злу, не бывъ хорошо вскормленъ возничими, какъ-то тяжелъ, порывается и тяготѣетъ къ землѣ. Отсюда въ душѣ

боги, сопровождаемые этими геніями и героями, ѣдутъ на пиръ, то-есть ѣдутъ питаться умомъ и чистымъ вѣденіемъ, созерцать истину въ самостоятельномъ и нераздѣльномъ ея бытіи: потому что истина, или сущее само въ себѣ, есть единственная пища, поддерживающая разумность и безсмертіе сотворенныхъ существъ (Tim. p. 41). Но, отправляясь на пиръ, имъ надобно восходить по наклонной плоскости вверхъ, т.-е. къ зениту космическаго горизонта, и тамъ, ставъ на периферіи вращающагося чувственнаго міра и вращаясь вмѣстѣ съ нею, наслаждаться созерцаніемъ истины въ мірѣ духовномъ, пока периферія, сдѣлавъ оборотъ вокругъ своего центра, не придетъ опять въ то же положеніе. Явно, что души, рожденныя не подъ одинакими звѣздными условіями и не съ равнымъ успѣхомъ воспитанныя своимъ возничимъ — умомъ, не могли всѣ легко возноситься за богами къ предѣламъ міра мыслимаго. Многія изъ нихъ, едва выникнувъ изъ сферы чувствопостигаемаго и едва вкусивъ нѣчто отъ трапезы духовныхъ наслажденій, увлекались тяготѣніемъ своей смертной природы и падали на землю. Такъ понималъ Платонъ происхожденіе человѣческаго рода, а главное—тѣхъ идей, которыя, составляя основу разумности души и будучи сокровищами міра мыслимаго, манятъ ее въ прежнее ея отечество и возращаютъ въ ней крылья, чтобы летѣть туда! Въ этомъ миѳѣ, между прочимъ, особенно-замѣчательно то, что Платонъ своимъ созерцаніемъ возносится высоко надъ политеистическими вѣрованіями современныхъ Грековъ и явно приходитъ къ понятію о единомъ истинномъ сущемъ, котораго свѣтомъ и жизнію должны питаться самые боги Греціи, чтобы поддержать свою разумность и безсмертіе.

раждается безпокойство и упорная борьба. Души, называемыя безсмертными, достигнувъ вершины и вышедши внѣ неба, становятся на хребтѣ его [1]. Стоя на немъ, онѣ вра- C.
щаются вмѣстѣ съ орбитою и созерцаютъ за-небесное. Мѣста за-небеснаго, вѣроятно, не воспѣвалъ никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспоетъ, какъ надобно. Оно таково — осмѣлимся уже высказать истину, особенно когда говоримъ объ истинѣ — оно есть существо безцвѣтное, необразное, неосязаемое, дѣйствительно сущее и созерцаемое однимъ правителемъ души—умомъ; родъ истиннаго знанія только около его имѣетъ свое мѣсто [2]. Итакъ D.
мысль бога, питающаяся умомъ и чистымъ вѣденіемъ, и мысль всякой души, любящей принимать должное, радуется, что по временамъ видитъ сущее, и, усматривая истину, насыщается и наслаждается ею, пока вращающаяся орбита не придетъ опять въ то же положеніе. Во время этого кругооборота, она созерцаетъ справедливость, созерцаетъ разсудительность, созерцаетъ знаніе, и не такое, какое раждается, или заключается одно въ другомъ, какъ это бываетъ теперь у насъ, но знаніе, находящееся въ истин- E.
но-сущемъ. Насладившись созерцаніемъ и другихъ истинно-сущихъ предметовъ, она снова пускается во внутрен-

---

[1] *Вышедши внѣ неба, становятся на хребетъ его,* ἔξω πορευθεῖσαι ἔστησαν ἐπὶ τῷ τοῦ οὐρανοῦ νώτῳ. Нѣкоторые истолкователи этого выраженія полагали, что периферію чувственнаго міра Платонъ почиталъ чѣмъ-то твердымъ, и боги выходили изъ нея сквозь отверстіе: истолкованіе нелѣпое и ни на чемъ не основанное! Слово νῶτον употреблено здѣсь, очевидно, въ значеніи метафорическомъ, какъ, напр., у Омира (Il. II, 159): εὐρέα νῶτα θαλάσσης. А какъ разумѣлъ Платонъ периферію, или предѣлъ чувственнаго міра, ясно видно изъ его ученія въ Федонѣ (109 C): «Самая чистая земля стоитъ подъ чистымъ небомъ, и небо, усѣянное звѣздами, у многихъ, занимающихся этимъ предметомъ, называется также эѳиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающее въ земныя впадины.»

[2] *Родъ истиннаго знанія только около его* (т.-е. дѣйствительно-сущаго, περὶ τὴν οὐσίαν ὄντως οὖσαν) *имѣетъ свое мѣсто.* Къ истинному знанію Платонъ относитъ разсудительность, справедливость и проч., и все это — въ смыслѣ безусловномъ. Что же будетъ то, около чего имѣютъ свое мѣсто идеи безусловныхъ совершенствъ?—Это истинно-сущее. Предъ судомъ народной религіи Платонъ не рѣшается назвать истинно-сущее Богомъ.

ность неба и идетъ домой. По возвращеніи же ея, возничій, поставивъ коней къ яслямъ, даетъ имъ амвросіи и сверхъ того поитъ ихъ нектаромъ. Такова жизнь боговъ. Что же касается до прочихъ душъ, то однѣ изъ нихъ, наи-
248. лучше слѣдуя за богомъ и подражая ему [1], выникаютъ головою возничаго во внѣшнее мѣсто [2] и увлекаются также орбитою, но обезпокоиваемыя конями, съ трудомъ созерцаютъ сущее; а другія то выникаютъ, то опускаются, и насилуемыя конями, иное видятъ, иного — нѣтъ. Нѣкоторыя же наконецъ, сколь ни сильно хотятъ онѣ подняться вверхъ, отъ слабости погружаются, падаютъ стремглавъ [3], попи-
B. раютъ, давятъ другъ друга и стараются войти въ міръ явленій одна прежде другой. Отсюда — волненіе, толкотня и чрезвычайный потъ. Многія изъ нихъ при этомъ случаѣ, отъ глупости возничихъ, дѣлаются калѣками [4], многія много ломаютъ перьевъ, а всѣ вообще, послѣ такихъ трудовъ, остаются непосвященными въ созерцаніе сущаго и идутъ питаться пищею мнѣнія [5]. Но отчего это великое

---

[1] *Однѣ изъ нихъ, наилучше слѣдуя за богомъ и подражая ему*, и пр. θεῷ ἑπομένη καὶ εἰκασμένη, то же, что ὁμοιοῦσα. Подражаніе богу было нравственнымъ началомъ философіи Пиѳагора и Платона.

[2] Т.-е. возносятся въ міръ мысленный только идеями ума, которыми онѣ необходимо соединены съ истинно-сущимъ, а не раздражительною и пожелательною своею частію.

[3] Т.-е., отъ преобладанія пожелательной стороны души, до того становятся слабы умственно, что въ область міра духовнаго не выникаютъ даже и головою возничаго, никогда не мыслятъ о предметахъ жизни высшей, но постоянно влекутся къ чувственному, и притомъ опережая одна другую; потому что въ этомъ состояніи всякой хочется скорѣе облечься въ формы земной жизни.

[4] Это выраженіе хорошо объясняется въ VII книгѣ Платонова «Государства» (p. 535 D), гдѣ значеніе хромой души опредѣляется по аналогіи хромаго тѣла.

[5] Подъ именемъ мнѣній Платонъ обыкновенно разумѣетъ человѣческія познанія, неимѣющія взаимной связи и потому непрестанно измѣняющіяся. Онъ поставляетъ ихъ въ противуположность съ познаніями философа, которыя всегда находятся въ зависимости одно отъ другаго и составляютъ гармоническое цѣлое. Понятіе о мнѣніи, поколику оно есть достояніе земнородныхъ, Платонъ могъ заимствовать у Парменида, который говоритъ: δόκος ἐπὶ πᾶσι τέτεκται. Sext. Emp. adv. Math. VII, 49, 116.

стремленіе видѣть поле истины, гдѣ она находится? От-
того, что приличная пища благороднѣйшей части души
добывается только съ той пажити, и природа пера, об-
легчающая душу, питается только тою пищею. Да таково C.
и опредѣленіе Адрастеи [1], что, слѣдуя по стопамъ бога
и отчасти видя истину, душа до другаго кругообращенія
остается безопасною [2], и если всегда можетъ дѣлать то же,
то вредъ никогда къ ней не приражается. Напротивъ, ког-
да, не имѣя силы слѣдовать за богомъ, она ничего не ви-
дитъ и, подвергшись какому-нибудь бѣдствію, помрачается
забвеніемъ и зломъ, такъ-что отяжелѣваетъ и, отяжелѣвъ,
роняетъ перья и падаетъ на землю: тогда опять законъ
—при первомъ рожденіи не поселять ея ни въ какую жи- D.
вотную природу [3], но много созерцавшую вводить въ заро-
дышъ человѣка, имѣющаго быть или философомъ, или лю-
бителемъ прекраснаго, или какимъ музыкантомъ, или эро-
тикомъ [4], вторую за тѣмъ — въ будущаго законнаго госу-

---

[1] Адрастея собственно значитъ неизбѣжность (отъ δράω), олицетвореніе непреложныхъ законовъ природы. У Гераклита, въ болѣе обширномъ смыслѣ, она называется εἱμαρμένη. *Plut.* de pl. phil. 1, 28.

[2] Здѣсь указывается на то же періодическое движеніе неба, о которомъ сказано выше p. 247 D.

[3] Платонъ предполагаетъ, что рожденіе души, или проявленіе ея въ тѣлѣ, сообразно періодическому движенію неба, должно повторяться до безконечности, причемъ душа всякій разъ будетъ облекаться въ тѣлесныя формы такого существа, которому она нравственно уподоблялась въ теченіе прежняго періода. А что при первомъ рожденіи законъ не позволяетъ поселять ее въ природу животную, причина заключается въ томъ, что разумная ея часть сотворена Богомъ, слѣдовательно не можетъ не стремиться къ небу.

[4] Такъ какъ основаніе блаженства душъ, по ученію Платона, есть созерцаніе истины, то этимъ самымъ основаніемъ опредѣляются и степени блаженства ихъ. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ философъ-любитель истины есть существо счастливѣйшее. Но почему въ этотъ храмъ счастія вводится музыкантъ, а особенно ἐρωτικός?—Потому, что гармонія, въ обширномъ смыслѣ, т.-е. музыка природы, стройное соотношеніе вещей, есть предметъ философскаго созерцанія. На этомъ основаніи философію Платонъ называетъ также τὴν μεγίστην μουσικήν. Phaedon. p. 61 A. Почти въ такомъ же смыслѣ разумѣетъ онъ и слово ἐρωτικός. Быть почитателемъ любви на его языкѣ значило созерцать прекрасное въ формахъ, къ какому бы роду лицъ или

царя, либо въ военачальника, либо въ правителя; третью
— въ политика, въ домостроителя, или въ промышленника; четвертую — въ трудолюбиваго гимнастика, либо въ
будущаго врачевателя тѣла; пятую — въ человѣка, имѣющаго вести жизнь прорицателя, или посвященнаго; шестая
E. будетъ прилична поэту, или иному мимику, седьмая — художнику, либо земледѣльцу; осьмая — софисту, или народному льстецу; девятая—тиранну. И во всѣхъ этихъ состояніяхъ, — живя праведно, она получаетъ лучшую участь, а
неправедно, — худшую. Но въ состояніе, изъ котораго вышла, каждая возвратится не прежде, какъ чрезъ десять ты-
249. сячь лѣтъ [1]; потому что до того времени не окрылится, —
развѣ то будетъ душа человѣка, безъ хитрости философ-

вещей эти формы ни относились. А такъ какъ формальную сторону предмета Платонъ почиталъ выраженіемъ идеи, слѣдовательно развитіемъ мысли божественной, то созерцаніе прекраснаго въ формахъ значило у него созерцаніе прекраснаго божественнаго. Таково основаніе часто повторяемой платонической любви. На второй, третьей, четвертой, и такъ далѣе, степеняхъ, въ нисходящемъ порядкѣ воплощенія душъ, сфера созерцанія становится тѣснѣе и тѣснѣе, такъ что наконецъ ограничивается однимъ человѣческимъ Я. Государь созерцаетъ благо и гармонію цѣлаго государства; домоправитель осуществляетъ идею благоденствія домашняго; прорицатель имѣетъ въ виду пользу одного или нѣсколькихъ лицъ, притомъ *οἱ θεομάντεις καὶ οἱ χρησμῳδοὶ οὐ σοφίᾳ ἀλλὰ φύσει τινὶ ἐνθουσιάσουσιν*, говоритъ Платонъ (*Apul*. p. 22 C. Menon. p. 99 C); поэтъ и мимикъ *φαντάσματα, ἀλλ᾽οὐκ ὄντα ποιοῦσιν* (de Rep. X, p. 398), слѣдовательно не заботятся ни о чемъ существенномъ; земледѣлецъ есть эгоистъ въ чувственномъ, софистъ—въ умственномъ, а тираннъ—въ нравственномъ отношеніи. *Рихтеръ* (de ideis Plat. p. 19) подъ этими девятью степенями разумѣетъ степени познанія, а Астъ (Annot. ad Phaedr. 496) — степени нравственности. Но ни то, ни другое предположеніе отдѣльно не оправдывается свойствомъ степеней: онѣ справедливы только въ соединеніи; потому что созерцаніе истины, по ученію Платона, есть вмѣстѣ и созерцаніе добра (de Rep. VII, 502 A; см. выше прим. къ стр. 246 D), хотя въ жизни души на землѣ нравственная порча гибельнѣе умственной, а умственная — хуже чувственной (de Rep. VIII, p. 562 A, 199).

[1] Десятью тысячами лѣтъ Платонъ опредѣляетъ также время или періодъ существованія міра (см. *Holsten. Ritterhus.* ad Porphyr. de vita Pythag. p. 24). Это мнѣніе заимствовано, кажется, у Египтянъ: по крайней мѣрѣ Геродотъ (11, 113, *Creutz.* comment. Herod. P. 1, p. 317) свидѣтельствуетъ, что періодъ души мудрой Египтяне, какъ и Платонъ, опредѣляли тремя тысячами лѣтъ.

ствующаго [1], или философски-любящаго [2]. Такія души, если онѣ трижды сряду избирали одну и ту же жизнь [3], въ третьемъ, тысячелѣтнемъ кругообороте наконецъ окрыляются и въ трехтысячномъ году отходятъ; прочія же, совершивъ первый періодъ, являются на судъ и, по приговору суда, однѣ изъ нихъ, сошедши въ подземныя жилища, получаютъ тамъ наказаніе, а другія возводятся судомъ на нѣкое небесное мѣсто и живутъ примѣнительно къ тому, какъ жили въ образѣ человѣка. Въ тысячномъ же году, тѣ B.
и другія отправляются для полученія и избранія второй жизни, и—избираютъ, какую каждая хочетъ. Тогда человѣческая душа переходитъ и въ жизнь животнаго, а изъ животнаго, бывшая нѣкогда человѣческою,—опять въ человѣка; потому что никогда не видавшая истины не получитъ этого образа. Вѣдь человѣкъ долженъ познавать истину подъ формою такъ называемаго рода (εἶδος) [4], который состав-

---

[1] *Безъ хитрости философствующаго.* Φιλοσοφεῖν ἀδόλως, по мнѣнію Филона (T. II, p. 388), τὴν θεωρίαν ἄνευ πράξεως πολιτικῆς ἀγαπῆσαι, καὶ πάντα τὰ ἄλλα παρ᾽ οὐδὲν ἔχειν, καὶ ταῖς καθαρτικαῖς ἀρεταῖς ἑαυτὸν παραδοῦναι, καὶ πρὸς μόνην τὴν ἱερὰν τελείωσιν ἄγεσθαι: изъясненіе, очевидно, въ духѣ александрійской школы. Философствовать безъ хитрости значитъ стремиться къ истинѣ, не приноровляясь къ опредѣленнымъ мнѣніямъ человѣческимъ и не ограничиваясь расчетами житейскими.

[2] *Философски-любящаго,* παιδεραστήσαντος μετὰ φιλοσοφίας. Παιδεραστεῖν принимается здѣсь отрѣшенно. Предметъ этой любви есть сама философія, или стремленіе къ божественной истинѣ. Такъ въ другомъ мѣстѣ (Gorg. p. 482 A) Сократъ называетъ философію τὰ ἑαυτοῦ παιδικά.

[3] Платонъ приписываетъ душѣ свободу избирать себѣ то или другое состояніе въ новомъ періодѣ жизни. Въ этомъ отношеніи οὐχ ὑμᾶς δαίμων λήξεται, ἀλλ᾽ ὑμεῖς δαίμονα αἱρήσεσθαι, говоритъ онъ (de Rep. X, 617 D). Впрочемъ, πρῶτος ὁ λαχὼν, πρῶτος αἱρείσθω βίον ᾧ ξυνέσται ἐξ ἀνάγκης, т.-е. свобода будетъ ограничиваться качествами жизни предъидущей и постепенно превращаться въ необходимость. Что особенно нравилось человѣку въ первомъ періодѣ бытія, того будетъ желать онъ и во второмъ.

[4] Эта мысль указываетъ на необходимую связь логики съ метафизикою въ діалектикѣ Платона. Форма, εἶδος, по его мнѣнію, есть общее представленіе разсудка (λογισμός), состоящее изъ частныхъ воззрѣній; но она не можетъ составиться изъ частей, если въ умѣ (νοῦς) предварительно не будетъ идеи (ἰδέα), которая есть достояніе небесное, предметъ воспоминанія, или созерцанія вѣчной истины. Отсюда видно, что Платоновъ εἶδος одною стороною принадлежитъ небу, а другою — землѣ.

ляется изъ многихъ чувственныхъ представленій, приводимыхъ разсудкомъ во-едино; а это дѣлается чрезъ воспоми-
C. наніе о томъ, что̀ душа знала, когда сопровождала бога, и, презирая все, называемое нынѣ существующимъ, приникала мыслію къ истинно-сущему. Потому-то достойно окрыляется только мысль философа, такъ какъ его воспоминаніе, по мѣрѣ силъ, всегда направлено къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ направляясь, самъ богъ есть существо божественное. Такими-то воспоминаніями пользуясь правильно, человѣкъ достигаетъ полнаго освященія и одинъ бываетъ
D. истинно-совершенъ. Правда, чуждый житейскихъ заботъ и преданный божественному, онъ терпитъ укоризны толпы, какъ помѣшанный: но толпа не замѣчаетъ, что онъ въ энтузіазмѣ.

Такъ вотъ куда привела насъ рѣчь о четвертомъ родѣ изступленія [1]. Въ немъ находится тотъ, кто, видя здѣшнюю красоту и воспоминая о красотѣ истинной, окрыляется и, окрылившись, пламенно желаетъ летѣть выспрь. Еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о
E. дольнемъ не заботится, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій. Такой восторгъ, по самому происхожденію своему, лучше всѣхъ восторговъ — и для того, кто сообщаетъ его, и для того, кому онъ сообщается. Причастный такому изступленію, любитель прекраснаго называется любовникомъ. Всякая человѣческая душа, какъ сказано, по природѣ своей, созерцала сущее; иначе и не вошла бы въ

[1] Платонъ обѣщался (p. 245 C) представить новое доказательство, что изступленіе лучше спокойнаго размышленія. Но это доказательство должно было вытекать изъ ученія о безсмертіи, происхожденіи и значеніи души; слѣдовательно, предъидущая рѣчь о душѣ есть эпизодъ, имѣющій непосредственную связь съ существомъ дѣла и изложенный съ тою цѣлію, чтобы изъ него вывести новый результатъ въ пользу изступленія, и вмѣстѣ показать четвертый видъ его, — чтобы, т.-е., опредѣлить значеніе изступленія религіознаго, нравственнаго и поэтическаго, опредѣлить также, въ чемъ состоитъ изступленіе философское, или эротическое, служащее основаніемъ всѣхъ прочихъ восторговъ.

это животное. Но вспоминать по здѣшнему о тамошнемъ 250.
легко не для всякой: это не легко и для тѣхъ, которыхъ созерцаніе тамъ было кратковременно, и для тѣхъ, которыя, ниспавши сюда, подверглись бѣдствію, то-есть, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь обществъ уклонившись къ неправдѣ, забыли о видѣнныхъ ими нѣкогда священныхъ предметахъ. Остается немного душъ, у которыхъ еще довольно памяти; да и тѣ, видя какое-нибудь подобіе тамошняго [1], такъ поражаются имъ, что выходятъ изъ себя и, не имѣя достаточно разборчиваго чувства, сами не понимаютъ, что̀ значитъ страсть ихъ. Притомъ, въ здѣшнихъ подобіяхъ спра- B.
ведливости, разсудительности, и въ другихъ, для души драгоцѣнныхъ, вовсе нѣтъ блеска. Приступая къ образамъ съ тусклыми своими орудіями, немногіе, — и то съ трудомъ, созерцаютъ видъ образуемаго. Восхитительно было зрѣть красоту тогда, когда, вмѣстѣ съ хоромъ духовъ слѣдуя за Зевсомъ, а другіе за кѣмъ-либо другимъ изъ боговъ, мы наслаждались дивнымъ видѣніемъ [2] и зрѣлищемъ, и посвящены были въ тайну, блаженнѣе которой и назвать невозможно, — когда мы праздновали ее, какъ непорочные [3] и C.
чуждые зла, ожидавшаго насъ въ будущемъ. Допущенные къ непорочнымъ, простымъ, постояннымъ и блаженнымъ видѣніямъ, и созерцая ихъ въ чистомъ сіяніи, мы и сами были чисты и не погребены въ этой оболочкѣ [4], которая

---

[1] Платонъ училъ, что всѣ вещи міра видимаго сотворены по подобію, или по прототипамъ мыслимаго, духовнаго, божественнаго. Tim. p. 39 E.

[2] Платонъ разумѣетъ философовъ. См. выше p. 246 A.

[3] Это выраженіе принаровлено къ обрядамъ при освященіи иниціатовъ въ таинства. Иниціаты должны были отличаться чистотою и непорочностію души. Прежде чѣмъ вводили ихъ въ сокровенный смыслъ оргій, имъ позволялось видѣть только образы боговъ, φάσματα. Въ таинствѣ посвященія душъ въ жизнь блаженную, этимъ образамъ, или видѣніямъ Платонъ уподобляетъ идеи, представляемыя созерцанію человѣка философіею.

[4] *Не погребены въ этой оболочкѣ*, ἀσήμαντοι, отъ корня σῆμα, могила. Платонъ внушаетъ ту мысль, что тѣло, называемое теперь σῶμα, должно было назваться могилою — σῆμα. Такое вообще понятіе имѣлъ онъ объ отношеніи тѣла къ душѣ. Gorg. p. 493 A, Cratyl. p. 400 B, Phaedon. p. 62 B sqq.

теперь называется тѣломъ, и которою мы связаны, какъ
улитки. Итакъ, да припишется это воспоминанію, что, при
его посредствѣ, жажда тогдашняго произвела нынѣ такое
длинное разсужденіе. Что же касается до красоты, то она
D. блистала, какъ сказано, существуя еще тамъ,—съ видѣнія-
ми; пришедши же сюда, мы замѣтили живость ея блеска и
здѣсь, и замѣтили это яснѣйшимъ изъ нашихъ чувствъ.
Вѣдь между тѣлесными чувствами, зрѣніе слыветъ у насъ
самымъ острымъ, которымъ однакожъ разумность не пости-
гается; иначе она возбудила бы сильнѣйшую любовь, если-
бы могла представить зрѣнію столь же живой образъ себя
и все достойное любви въ себѣ. Нынѣ этотъ жребій при-
надлежитъ одной красотѣ; ей только суждено быть нагляд-
нѣйшею и любезнѣйшею. Впрочемъ, не новопосвященный [1],
E. или развратный не сильно стремится отсюда туда—къ кра-
сотѣ самой въ себѣ, когда на комъ-нибудь здѣсь видитъ
ея имя: онъ смотритъ на нее безъ уваженія и, ища удо-
вольствія, рѣшается всходить по обычаю четвероногаго и
251. осѣменять ее. Думая о сладострастіи, онъ не боится про-
водить жизнь въ наслажденіи, несообразномъ съ природою.
Напротивъ, только что посвященный, созерцавшій много
тамошняго, при взглядѣ на богообразное лице, хорошо от-
печатлѣвшее на себѣ красоту, или какую-нибудь безтѣлес-
ную идею, сперва приходитъ въ трепетъ [2] и объемлется
какимъ-то страхомъ тамошняго; потомъ, присматриваясь,
чтитъ его, какъ бога, и еслибы не боялся прослыть очень
изступленнымъ, то своему любимцу приносилъ бы жертвы,
будто священному изваянію, или богу. Это видѣніе красо-
ты, какбы чрезъ дѣйствіе страха, измѣняетъ его, бро-

---

[1] *Неновопосвященный*, *μὴ νεοτελής*, противуполагается здѣсь не тому, кто посвященъ недавно, а тому, кто еще не посвященъ въ тайны божественныхъ видѣній, слѣдовательно не помнитъ красоты небесной; иначе, отъ созерцанія земнаго ея блеска тотчасъ переносился бы мыслію къ идеальному ея величію.

[2] *Приходитъ въ трепетъ*, *ἔφριξε*, выраженіе взято отъ священнаго трепета, объемлющаго новопосвященныхъ. Осюда — *ὄργια φρικτὰ θεῶν*. *Orph.* Argon. v. 469.

саетъ въ потъ и разливаетъ въ немъ необыкновенную теп- B.
лоту. Принимая чрезъ органъ зрѣнія истеченіе прекраснаго, которымъ увлажняется природа пера, онъ становится тепелъ; а посредствомъ теплоты размягчается все, что относится къ возрастанію, и что прежде, находясь въ состояніи затвердѣнія, препятствовало росту. Когда же притокъ пищи открылся,—стволъ пера, вздымаясь и поспѣшно выбѣгая изъ корня, разрастается во всѣхъ видахъ души; потому что нѣкогда она была вся перната. Въ это вре-
мя душа цѣлымъ своимъ существомъ кипитъ и брызжетъ C.
и, какое страданіе бываетъ отъ зубовъ, когда они только что начинаютъ рость, т.-е.—зудъ и несносное раздраженіе десенъ, то же самое терпитъ и душа человѣка, начинающаго выращать перья: выращая ихъ, она находится въ жару, раздражается и чувствуетъ щекотаніе. Взирая на красоту мальчика и принимая въ себя вытекающія изъ ней частицы (μέρη,—отсюда-то и происходитъ ἵμερος, вожделѣніе) [1], она увлекается и получаетъ теплоту, чувству-
етъ облегченіе отъ скорби и радуется. Когда же остается D.
одна,—отверстія, изъ которыхъ спѣшатъ выбиться перья, засыхаютъ, а засыхая, сжимаются и замыкаютъ въ себѣ ростки перьевъ. Эти ростки, вмѣстѣ съ вожделѣніемъ замкнутые внутри, бьются на подобіе пульса и толкаются во всякій прегражденный имъ выходъ; такъ что душа, изъязвленная со всѣхъ сторонъ, мучится и терзается, и только одно воспоминаніе о прекрасномъ радуетъ ее. Смѣшеніе этихъ противуположностей повергаетъ душу въ странное состояніе: находясь въ междучувствіи, она неистовствуетъ
и, какъ бѣшеная, не можетъ ни спать ночью, ни оставать- E.
ся на одномъ мѣстѣ днемъ, но бѣжитъ съ своею жаждою

---

[1] Μέρη — *отсюда-то и происходитъ* ἵμερος *вожделѣніе.* Слово ἵμερος филологи производятъ отъ ἱέναι, μέρη и ῥεῖν. Matth. Gramm. gr. p. 408. Такое производство можетъ быть оправдываемо развѣ привычкою Платона въ шутку или не въ шутку прибѣгать иногда къ самымъ страннымъ этимологическимъ соображеніямъ. См. Cratyl. p. 102 C. passim.

туда, гдѣ думаетъ увидѣть обладателя красоты; а увидѣвши его и оживившись въ своемъ вожделѣніи, даетъ просторъ тому, что прежде было заперто, и, успокоившись, освобождается отъ уязвленій и скорби, и въ тѣ минуты пи-
252. тается сладчайшимъ удовольствіемъ. Поэтому произвольно не оставляетъ она своего красавца и никого не почитаетъ прекраснѣе его. Тутъ забываются и матери, и братья, и друзья; тутъ нѣтъ нужды, что чрезъ нерадѣніе гибнетъ имущество. Презрѣвъ всѣ обыкновенныя правила своей жизни и благоприличія, которыми прежде тщеславилась, она готова рабствовать и, гдѣ позволятъ, лежать сколько можно ближе къ своему желанному, потому что нетолько чтитъ его, какъ обладателя красоты, но и находитъ въ немъ единственнаго врача величайшихъ своихъ скорбей.
B. Эту-то страсть, прекрасный мальчикъ, къ которому направлена моя рѣчь, люди называютъ Эросомъ: но услышавъ, какъ называютъ ее боги, ты, по молодости, справедливо будешь смѣяться. Объ Эросѣ есть два стиха, которые, какъ я полагаю, заимствованы изъ тайныхъ стихотвореній какими-нибудь омиристами [1]. Изъ этихъ стиховъ одинъ очень нескроменъ [2] и слишкомъ нестроенъ. Поютъ ихъ такъ:

---

[1] Платонъ смѣется надъ стараніемъ нѣкоторыхъ Грековъ заключить всю мудрость въ предѣлы Омировыхъ твореній. Эти омиристы изучали нетолько то, что было написано Омиромъ, но и то, что будто бы перешло отъ него по преданію, или такъ называемыя ἀπόθετα ἔπη—тайныя стихотворенія. Впрочемъ, приведенные здѣсь стихи, вѣроятно, — произведеніе самого Платона, намѣренно примѣненное къ дурному вкусу омиристовъ.

[2] Такъ какъ Платонъ не сказалъ, на который именно стихъ здѣсь указывается, то филологи разошлись въ своихъ мнѣніяхъ объ этомъ. Гейндорфъ и Шлейермахеръ ищутъ нескромности въ первомъ стихѣ, т.-е. въ словахъ: «пернатый Эросъ.» Этими словами, говорятъ они, Платонъ указываетъ на вѣтреность и непостоянство бога любви; потому что во времена Платона Эросу будто бы не придавали еще крыльевъ,—что весьма ложно (см. Fragmenta hymnorum, qui Orpheo adscribuntur VI, 2, p. 260. *Herm.* 58, 2, p. 324. У Эрмія находимъ также стихъ: *χρυσαῖς πτερύγεσσι φορευμένος ἔνθα καὶ ἔνθα*). Но выше Сократъ говоритъ: «эту-то страсть люди называютъ Эросомъ.» Тутъ сказано все, что заключается въ первомъ стихѣ, кромѣ только слова «пернатый». Потомъ онъ прибавляетъ: «но услышавъ, какъ называютъ ее боги, ты, по молодости, справедливо будешь смѣяться.»

Это пернатое люди всѣ называютъ Эросомъ; C.
А у боговъ, за птичій похоти зудъ, оно—Птеросъ.

Приведеннымъ стихамъ можно вѣрить и не вѣрить: но причина и страсть людей любящихъ—это самое. Итакъ, когда подъ власть того пернато-именнаго подпадаетъ кто-нибудь изъ послѣдователей Зевса [1],—онъ можетъ нести тяжелѣйшее бремя: напротивъ, пойманные Эросомъ и какъ-нибудь обиженные любимцемъ слуги и сопутники Марса, бываютъ кровожадны и готовы принесть въ жертву своей страсти и себя и любимца. То же и по отношенію къ каждому бо- D.
гу: кому изъ нихъ кто слѣдовалъ, того и чтитъ, тому и подражаетъ, такъ и живетъ; пока не развратится и не совершитъ перваго поприща бытія, въ такихъ находится связяхъ и сношеніяхъ съ любимцами и съ прочими людьми. Посему каждый избираетъ себѣ Эроса красоты по нраву [2],

---

А боги, во второмъ стихѣ, называютъ ее Птеросомъ; слѣдовательно, въ этомъ стихѣ и именно въ словѣ «Птеросъ» должно скрываться смѣшное. Слово *πτέρος* значитъ *крыловращатель:* оно, по всей вѣроятности, сформовано самимъ Платономъ, да только въ его сочиненіяхъ и сохранилось, а въ языкѣ народномъ никогда не было употребляемо. Это одно уже могло придавать ему нѣкоторую странность; а странное названіе, приложенное къ греческому божеству, для языческой совѣсти должно было казаться оскорбительнымъ и нескромнымъ. Такого мнѣнія держится и Астъ, только нескромности ищетъ онъ въ словахъ: *διὰ πτερόφοιτον ἀνάγκην*—за птичій зудъ похотливости. Здѣсь *φοιτὸς* или *φοιτάλεος* — то же, что *λυσσώδης*—неистовый волокита. Надобно замѣтить однакожъ, что Гейндорфъ читаетъ: *διὰ πτερόφυτον ἀνάγκην*; а это напоминаетъ о стремленіи прекраснаго возращать перья, слѣд. имѣетъ ближайшую связь съ миѳомъ Платона.

[1] Зевсъ, по ученію Платона, есть образъ высочайшаго разума. Phileb. p. 29 D. Cratyl. p. 396 A. B.

[2] Нашедши общее происхожденіе любви къ прекрасному въ припоминаніи до-мірнаго созерцанія хора боговъ, т.-е. въ идеѣ прекраснаго божественнаго, Платонъ долженъ былъ предотвратить слѣдующее возраженіе: если источникъ любви къ прекрасному — одинъ, то откуда безконечное различіе понятій о прекрасномъ въ мірѣ явленій? Стараясь быть вѣрнымъ своему началу, Платонъ, какъ языческій философъ, нашелъ основаніе для изъясненія различныхъ представленій прекраснаго въ самомъ многобожіи. Боги, по своимъ свойствамъ различны; но всѣ люди были спутниками того или другаго бога; слѣдовательно и всѣ люди, *ὅταν ὑπ' ἔρωτος ἁλῶσι*, въ своихъ эстетическихъ стремленіяхъ, должны быть различны. Такое раскрытіе и приложеніе системы до-мірнаго бытія душъ (systema praeexistentiae), льстя теоріи поли-

создаетъ и украшаетъ его, будто статую самого бога—съ намѣреніемъ приносить ему въ жертву свое почитаніе и свои восторги. Такъ, напримѣръ, слѣдовавшіе за Зевсомъ
E. ищутъ въ своемъ любимцѣ души какой-то зевсовской, то-есть наблюдаютъ, философъ ли онъ и вождь по природѣ, и если находятъ его и любятъ, то употребляютъ всѣ силы, чтобы сдѣлать его такимъ. Люди этого рода, хотя бы прежде и не занимались подобными предметами, теперь рѣшаются, откуда только можно, узнать ихъ, и сами доходятъ.
253. Изслѣдывая шагъ за шагомъ природу своего божества чрезъ собственныя усилія, они получаютъ успѣхъ, потому что бываютъ принуждены неослабно взирать на бога; когда же постигаютъ его своею памятью, тогда, приходя въ восторгъ, заимствуютъ отъ него нравы и наклонности, сколько можетъ человѣкъ пріобщаться божественному. И такъ какъ этимъ они почитаютъ себя обязанными любимцу, то еще болѣе любятъ его и, почерпая свое сокровище изъ нѣдръ Зевса, подобно вакханкамъ [1], переливаютъ его въ душу любимца и стараются, чтобы онъ, сколько можно болѣе, походилъ на ихъ бога. Такимъ же образомъ, послѣдовавшіе
B. за Ирою ищутъ любимца царственнаго [2] и, нашедши его, поступаютъ съ нимъ, какъ и прежніе. Тотъ же обычай у

теизма, вмѣстѣ удовлетворяло и астрологическимъ понятіямъ Платона, по внутреннему убѣжденію котораго, слѣдованіе человѣка извѣстному богу означало зависимость его отъ извѣстнаго созвѣздія.

[1] Т.-е. питая душу созерцаніемъ своего божества, или, просто сказать, увлекаясь наклонностію своей природы, они ту же самую пищу сообщаютъ и своимъ любимцамъ, какъ вакханки, которыя, по миѳологическимъ сказаніямъ Грековъ, находясь въ состояніи восторженномъ, почерпаютъ изъ рѣкъ медъ, молоко и вино, а въ состояніи обыкновенномъ — простую воду. Cнес. Ion. 594 A.

[2] Иру или Юнону Греки чтили, какъ царицу и τὶ βασιλικὸν никогда, не смѣшивали съ τὸ ἡγεμονικόν. Подъ словомъ τὸ βασιλικὸν они разумѣли безусловное господство — внѣшнее выраженіе власти (imperiositas), а подъ словомъ τὸ ἡγεμονικὸν—высочайшее достоинство, или внутреннее право на власть. Поэтому Платонъ говоритъ, что превосходное государство есть то, въ которомъ или царь философствуетъ, или философъ царствуетъ; поэтому также Зевсъ у Платона называется μόνος ἡγεμῶν ἐν οὐρανῷ. См. выше р. 246 E.

сопутниковъ Аполлона и прочихъ боговъ: всѣ ищутъ себѣ мальчика, идучи за своимъ богомъ, и, какъ скоро имѣютъ его, то, управляясь подражаніемъ сами, посредствомъ убѣжденій и настроенія, ведутъ и своего любимца къ сообразнымъ тому богу свойствамъ и къ его идеѣ, сколько у каждаго достаетъ способностей. Они не дѣйствуютъ на избраннаго ни ненавистью, ни грубыми вспышками, но всѣ свои дѣйствія согласуютъ со всевозможнымъ стараніемъ непремѣнно вести его къ совершенному подобію себѣ и тому богу, C.
которому воздаютъ почтеніе. Итакъ, заботливость и внутреннія, о которыхъ говорю, наставленія людей, истинно любящихъ, достигая своей цѣли, бываютъ прекраснымъ благодѣяніемъ избранному другу со стороны друга, изступленнаго любовію. Склоняется же избранный слѣдующимъ образомъ:

Какъ, при началѣ своей рѣчи, я раздѣлилъ каждую душу на три вида, и два изъ нихъ представилъ подъ образомъ коней, а третій подъ образомъ возничаго: такъ пусть D.
это остается у насъ и въ настоящемъ случаѣ. Но, сказавъ, что одинъ конь добръ, а другой нѣтъ, мы тогда не объяснили, въ чемъ состоитъ доброта перваго и зло послѣдняго: объяснимъ же теперь Одинъ изъ нихъ отличной стати [1], съ виду прямъ и хорошо сложенъ; шея его высока, носъ дугою [2],

---

[1] Излагаемая здѣсь физіогномика коней, безъ сомнѣнія, есть плодъ наблюденій философа не надъ конями, а надъ внѣшними, органическими чертами людей, служащими выраженіемъ того или другаго настроенія души. И въ этомъ случаѣ Платонъ является искуснымъ портретистомъ. Въ описаніи добраго коня ясно видишь человѣка съ душою благородною, открытою и мужественною, которая столь же живо чувствуетъ свой долгъ, какъ и сознаетъ свои достоинства. Это вѣрнѣйшій типъ разумнаго существа въ естественномъ его величіи среди языческаго общества. Напротивъ, изображеніе коня злаго воплощаетъ предъ глазами нашими духа непріязненнаго, волнуемаго неистовствомъ страстей, дышущаго яростію и стремящагося къ грубымъ удовольствіямъ, которыя болѣе гибельны для другихъ, чѣмъ сколько пріятны для него самого, и которыя онъ считаетъ удовольствіями, кажется, потому, что видитъ въ нихъ ядъ, поражающій ближнихъ смертію.

[2] *Носъ дугою,* орлиный, у Грековъ пользовался особенною честію. Они называли его царскимъ: *γρυπὸς, ἐπίγρυπος, ὅν καὶ βασιλικὸν οἴονται.* Pollux. II, p. 189.

шерсть бѣлая [1], глаза черные; онъ любитъ честь, однакожъ вмѣстѣ разсудителенъ и стыдливъ; онъ — другъ истинной славы, не дожидается удара, но слушается одного приказанія и слова. Напротивъ, другой кривъ, безобразно расплыл-
E. ся въ толщину и крѣпкоуздъ; шея его коротка [2], носъ вздернутъ [3], шерсть черная, глаза синіе и подернуты кровью; онъ—другъ похотливости и наглости, около ушей косматъ, глухъ ко всему и едва слушается бича и удилъ. Итакъ, когда возничій, видя любящее лице, согрѣвшее всю душу его теплотою чувства [4], возбуждается тревогами щекотанія и страсти, — одинъ конь, послушный ему и въ то время,
254. какъ всегда, удерживается стыдомъ и умѣряетъ себя, какъ бы не наскочить на любимца; напротивъ, другой не укрощается ни удилами, ни бичемъ, но прыгая, насильственно тянетъ колесницу и, всячески надоѣдая какъ своему товарищу, такъ и возничему, понуждаетъ ихъ идти къ любимцу и оставить память любовныхъ наслажденій. Сперва они съ негодованіемъ противятся ему, такъ какъ влекутся имъ къ
B. постыдному, ужасному и беззаконному, но потомъ, не видя конца злу, послѣдуютъ его влеченію, уступаютъ ему и со-

---

[1] Ѣздить на бѣлыхъ коняхъ въ Греціи имѣли право особенно эвгенеты. *Jacobs* de Philostr. p. 369. Бѣлыхъ коней хвалитъ и Омиръ: λευκότεροι χιόνος θείειν τ'ανέμοισιν ὅμοιοι. Iliad. X, 437.

[2] Короткую шею древніе физіогномисты почитали признакомъ тупоумія и нездравомыслія. Такъ, въ книгѣ Аристотеля φυσιογνωμικῶν (C. III. p. 1173 B) признаки глупыхъ между прочимъ суть: «мясистая, сплюснутая, связанная шея и толстый затылокъ.» Тамъ же читаемъ и другое, нѣсколько отличное наблюденіе: «толстый и полный затылокъ есть признакъ робости, а слишкомъ короткій показываетъ коварство.» Аристотель приводитъ и свидѣтельство Адаманція (ib. c. XVI, p. 207), который говоритъ: «люди слишкомъ короткошейные незлобивы, неповоротливы, простоваты и неопрятны.»

[3] *Носъ вздернутъ* — σιμοπρόσωπος. О людяхъ съ такою чертою физіогноміи Аристотель въ упомянутой книгѣ (p. 1179 B) говоритъ: «курносые—похотливы.» То же, по его мнѣнію, означаютъ и косматыя уши.

[4] *Любящее лице, согрѣвшее всю душу теплотою чувства,* по-гречески: ἐρωτικὸν ὄμμα πᾶσαν αἰσθήσει διαθερμήνας τὴν ψυχήν. Здѣсь причастіе мужеское, διαθερμήνας, стоитъ внѣ всякой связи съ выраженіемъ, и потому, согласно съ мнѣніемъ Штальбома, я полагаю, что, вмѣсто διαθερμήνας, надобно читать διαθερμῆναν.

глашаются сдѣлать по его желанію. Вотъ они уже близко, и видятъ свѣтлый взоръ любимца. Въ возничемъ, при взглядѣ на него, пробуждается воспоминаніе о природѣ красоты[1], которую, какъ утвержденную на непорочномъ основаніи, онъ снова созерцаетъ съ разсудительностію, созерцая же, поражается страхомъ и, отъ благоговѣнія, склоняясь на спину, въ
то самое время по необходимости такъ сильно тянетъ назадъ C.
возжи, что оба его коня садятся на крестцы—одинъ охотно, потому что не имѣетъ противнаго стремленія, а другой—похотливый—совершенно противъ воли. Отошедши далѣе, первый изъ нихъ, отъ стыда и изумленія, всю душу орошаетъ пóтомъ, а послѣдній, избавившись отъ боли, которую причиняли ему узда и паденіе, и едва дыша отъ гнѣва, начинаетъ браниться и сильно поносить какъ возничаго, такъ и своего товарища, что, по трусости и малодушію, они
нарушили порядокъ и согласіе; потомъ, убѣждая ихъ снова D.
подойти, едва уступаетъ ихъ просьбѣ отложить это до другаго времени. Когда же предназначенное время наступило, а добрый конь и возничій притворились, будто забыли, — онъ напоминаетъ, насилуетъ, ржетъ, влечетъ, заставляетъ снова приблизиться къ любимцу и повторяетъ прежнія свои слова, а приблизившись, сгибается, раскидываетъ хвостъ, закусываетъ удила и рвется съ крайнимъ безстыдствомъ.
Но возничій, исполняясь знакомымъ себѣ чувствомъ, еще E.
болѣе прежняго переваливается какбы за перегородку козелъ и съ такою силою оттягиваетъ узду изъ зубовъ похотливаго коня, что обагряетъ кровію злорѣчивый его языкъ и скулья, повергаетъ его на лядвеи и крестецъ и даетъ ему чувствовать боль. Терпя это часто, лукавый конь наконецъ оставляетъ свою похотливость, послушно слѣдуетъ волѣ возничаго и, при видѣ красавца, чувствуетъ страхъ; такъ
что душа любящаго теперь обращается съ любимцемъ уже 552.

---

[1] *Воспоминаніе о природѣ красоты.* Подъ словами: ἡ τοῦ κάλλους φύσις, разумѣется красота безусловная, красота сама въ себѣ, или идея красоты.

стыдливо и уважительно. Но какъ скоро послѣдній, для
любви непритворной и дѣйствительно чувствуемой, стано-
вится существомъ равнымъ богу и предметомъ всякаго по-
чтенія, то, располагаясь самою природою быть другомъ сво-
его почитателя [1], онъ съ его дружбою сочетаваетъ свою
собственную. И если сперва, разубѣждаемый товарищами
дѣтства или кѣмъ другимъ, что стыдно сближаться съ лю-
бящимъ, онъ и убѣгаетъ отъ него: то, по прошествіи нѣ-
котораго времени, возрастъ и потребность все-таки приво-
B. дятъ его въ сообщество съ нимъ. Видно, не опредѣлено зло-
му дружиться съ злымъ, а доброму не сводить дружбы съ
добрымъ. Сближаясь же съ любящимъ, вступая съ нимъ въ
разговоръ и обращеніе, онъ вблизи сильно поражается его
благорасположеніемъ и чувствуетъ, что предъ боговдохно-
венною дружбою любящаго дружба всѣхъ прочихъ друзей
и домашнихъ ничего не значитъ. Продолженіе подобныхъ
C. дѣйствій и сближеніе съ нимъ чрезъ прикосновеніе въ гим-
назіяхъ и другихъ мѣстахъ собраній производитъ то, что
источникъ тока [2], названный отъ Зевса, по поводу любви
его къ Ганимеду, вожделѣніемъ, переливаясь съ обиліемъ
въ любовника, частію остается въ немъ, а частію отъ
полноты вытекаетъ внѣ: то-есть, какъ вѣтеръ или звукъ,
отражаясь отъ гладкихъ и твердыхъ тѣлъ, возвращается ту-
да, откуда происходилъ; такъ и токъ красоты чрезъ гла-
за — обыкновеннымъ путемъ вхожденія въ душу — льется
опять въ красавца, а возвратившись въ него и служа ему

---

[1] *Располагаясь самою природою быть другомъ своего почитателя.* Мысль здѣсь та, что любящій и любимый въ жизни до-мірной созерцали одинъ и тотъ же образъ прекраснаго; слѣдовательно, природы ихъ стремятся къ одной и той же идеѣ, а потому каки естественно сближаются между собою. Ὡς αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς πρὸς τὸν ὁμοῖον. Odyss. XVII. 218.

[2] *Источникъ тока* — ἡ τοῦ ῥεύματος πηγή въ смыслѣ нравственномъ есть ἵμερον, т.-е. истеченіе красоты чрезъ органъ зрѣнія (р. 251 С). Этимъ именемъ, по мнѣнію Платона, дѣйствіе любви назвалъ самъ Зевсъ, когда, плѣнившись красотою Ганимеда, взялъ его на Олимпъ и возложилъ на него обязанность наливать и подносить богамъ нектаръ,—такъ что изліяніе нектара было какбы символомъ изліянія любви.

возбужденіемъ, орошаетъ поры перьевъ, способствуетъ къ D.
быстрѣйшему ихъ выращенію и душу любимца снова наполняетъ любовію. Такимъ образомъ, онъ хоть и любитъ, но самъ не знаетъ, что: онъ и не понимаетъ собственнаго чувства, и не можетъ высказать его; то-есть, подобно человѣку, который, занявъ отъ другаго глазную болѣзнь [1], не умѣетъ найти ея причину, — онъ забылъ, что въ любящемъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ самого себя. Поэтому, когда одинъ на глазахъ, — другой, подобно первому, не чувствуетъ грусти; а какъ-скоро его нѣтъ, то, — опять подобно первому, — жаждетъ и бываетъ предметомъ жажды, поколику взаимную любовь принимаетъ за образъ Эроса [2], и этотъ образъ почитаетъ не любовію, а дружбою. Онъ желаетъ,— E.
хотя и слабѣе, чѣмъ любящій, — видѣть его возлѣ себя, прикасаться къ нему, цѣловать его, лежать съ нимъ и, ужъ вѣроятно, дѣлать слѣдующее за тѣмъ. Когда же они лежатъ вмѣстѣ, — наглый конь любовника знаетъ, что̀ говорить возничему: за великіе труды онъ требуетъ небольшаго наслажденія. А конь любимца ничего не можетъ ска- 256.
зать: въ любовной горячкѣ и недоумѣніи, онъ обнимаетъ и цѣлуетъ любовника, лаская его, какъ человѣка благорасположеннаго; и еслибы послѣдній, лежа вмѣстѣ, попросилъ, то первый съ своей стороны, можетъ быть, и не отказался бы оказать ему благосклонность. Но другой конь и возничій

---

[1] *Занявъ отъ другаго глазную болѣзнь.* — Прекрасное подобіе, взятое отъ мнѣнія древнихъ, что болѣзнь глазъ сообщается чрезъ зрѣніе. *Gesner.* ad orat. de garuspicum respons. p. 345, edit. Wolf.

[2] *Взаимную любовь принимаетъ за образъ Эроса.* Любимцу Платонъ приписываетъ не любовь, а изображеніе, или копію любви — *εἴδολον ἔρωτος* въ томъ смыслѣ, что любимецъ исполняется тою самою любовію, которая перелита имъ въ любящаго, и которая отъ любящаго отразилась снова на любимцѣ. Такимъ образомъ послѣдній, въ отношеніи къ понятію о своей любви, находится подъ вліяніемъ оптическаго обмана, т.-е. въ любящемъ любитъ отраженіе собственной красоты, собственное свое созданіе. Съ этой точки зрѣнія весьма хорошо объясняется нравственное и религіозное значеніе слова «идолъ». Нашъ идолъ есть произведеніе нашей страсти; онъ оцѣнивается ею и вмѣстѣ съ нею исчезаетъ.

снова противупоставляютъ ему стыдъ и убѣжденіе. Итакъ, если одерживаютъ побѣду благороднѣйшіе виды души, располагающіе человѣка къ добропорядочному поведенію и фи-
B. лософіи: то люди проводятъ жизнь счастливо и согласно; потому что тогда, покоривъ часть души, скрывающую въ себѣ зло, и давъ свободу той, въ которой заключено добро, они бываютъ воздержны и скромны, а по смерти, сдѣлавшись пернатыми и легкими, выигрываютъ одно изъ трехъ истинно олимпійскихъ сраженій [1], то-есть, достигаютъ такого блага, болѣе котораго не можетъ доставить намъ ни человѣческая разсудительность, ни божественное изступленіе. Если
C. же, напротивъ, люди ведутъ жизнь грубую и нефилософскую, а между тѣмъ честолюбивы, то легко можетъ статься, что въ минуты опьяненія, или въ самозабвеніи другаго рода, необузданные кони, нашедши души безъ охраненія, согласятъ ихъ избрать и совершить то, что чернь называетъ блаженствомъ; а совершивъ однажды, онѣ сдѣлаются склонными къ тому же избранію и впослѣдствіи, — хотя, конечно, изрѣдка, потому что будутъ совершать это съ согласія не всей души. Эти тоже живутъ въ дружбѣ; но ихъ дружба—въ любви ли ея основаніе, или внѣ любви — гораздо ниже друж-
D. бы тѣхъ: и имъ также представляетя, что имѣютъ другъ къ другу величайшую довѣренность, которую не годится употреблять во зло и идти на ссору; но подъ конецъ они не окрыляются, а только оставляютъ тѣло съ желаніемъ окрылиться, и въ этомъ получаютъ немалую награду за любов-

---

[1] *Выигрываютъ одно изъ трехъ истинно-олимпійскихъ сраженій.* Подъ этими тремя олимпійскими сраженіями, въ которыхъ душа философствующая должна одержать побѣду, Платонъ разумѣетъ три періода существованія, или, по отношенію къ философамъ, три тысячелѣтія. Побѣда души будетъ состоять въ томъ, что въ каждомъ тысячелѣтіи она изберетъ себѣ все тотъ же философскій образъ жизни (p. 249). Эти сраженія названы олимпійскими примѣнительно къ правиламъ олимпійскихъ игръ, на которыхъ только тотъ провозглашаемъ былъ полнымъ побѣдителемъ, кто восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ σταδίῳ, διαύλῳ καὶ δολίχῳ, т.-е. на простомъ, двойномъ и двѣнадцатикратномъ поприщѣ, слѣдовательно, кто одержалъ верхъ во всѣхъ видахъ сраженія. Снес. Euthyd. p. 277 C и примѣч. къ сему мѣсту.

ное свое изступленіе. Вѣдь нѣтъ закона, чтобы начавшіе уже странствовать шли во тьму и блуждали подъ землею [1]: провождая свѣтлую жизнь, они, вмѣстѣ съ другими, должны E.
идти къ блаженству и, ради любви, опериться когда бы то ни было.

Вотъ сколь великія и божественныя блага можетъ доставить тебѣ, мальчикъ, дружба любящаго! А короткость человѣка, чуждаго любви, растворенная смертнымъ благоразуміемъ, произведетъ столь же смертные и скудные плоды: она поселитъ въ дружеской душѣ расчетливость, которую толпа восхваляетъ, какъ добродѣтель, и заставитъ душу въ 257.
продолженіе девяти тысячь лѣтъ носиться около земли и безъ ума—подъ землею.

Эта-то, любезный Эросъ, по нашимъ силамъ, самая лучшая и прекраснѣйшая, представляется и посвящается тебѣ палинодія. Въ угодность Федру, я принужденъ былъ, кромѣ прочаго, облечь ее въ языкъ поэтическій [2]. Прости же меня за первую и похвали за послѣднюю мою рѣчь. По своей благосклонности и милости, не отнимай у меня и, въ гнѣвѣ, не обезображивай даннаго мнѣ тобою искуства любви. Позволь мнѣ еще болѣе, чѣмъ теперь, пользоваться уваженіемъ красавцевъ. Если же Федръ и я прежде гово- B.
рили о тебѣ нѣчто непристойное; то, приписавъ это отцу рѣчи, Лизіасу, отврати его отъ подобныхъ рѣчей и обрати

---

[1] *Блуждали подъ землею.* Древніе учили. vitiis et sceleribus contaminatos deprimi in tenebras atque in coeno jacere. Cicer. ap. Lactant. III, 19, 6 Самъ Платонъ, въ своемъ Федонѣ, говоритъ: «кто сойдетъ въ преисподнюю непосвященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ (p. 81 C).» Учили также, что души, преданныя земнымъ удовольствіямъ, по смерти не отрѣшаются отъ тѣла, но вмѣстѣ съ его элементами блуждаютъ въ нѣдрѣ земли, переходя или воплощаясь въ различные виды вещей, чуждыхъ ума и свободы. Phaedon 81 C.

[2] Т.-е. изложилъ ученіе о прекрасномъ въ формахъ миѳическихъ и сообщилъ рѣчи по мѣстамъ тонъ диѳирамба. Къ такому изложенію ея Платонъ возбуждаемъ былъ нетолько философско-поэтическимъ своимъ геніемъ, но, вѣроятно, и духомъ столь свойственнаго ему мимизма, чтобы, т.-е., прилично откликнуться на восторгъ Федра при чтеніи рѣчи Лизіаса.

къ философіи, къ которой обратился братъ его Полемархъ, чтобы этотъ его любитель не колебался уже, какъ теперь, но сообразовалъ свою жизнь просто съ Эросомъ, понимаемымъ философски.

C. *Федръ*. Съ твоею молитвою, Сократъ, я соединяю и свою, если только это для меня лучше. Твоя рѣчь давно уже удивляетъ меня: какъ далеко она лучше первой! Я даже опасаюсь, что Лизіасъ будетъ ниже тебя, хотя бы и рѣшился, въ сравненіе съ твоею, написать свою — новую. Притомъ, одинъ изъ политиковъ, недавно раздраженный рѣчами Лизіаса, по этому случаю порицалъ его и, вмѣсто всякой брани, называлъ писакою рѣчей [1]: такъ можетъ быть, самолюбіе и удержитъ его отъ сочиненія намъ рѣчи.

D. *Сокр*. Смѣшное дѣло, молодой человѣкъ. Да ты крайне ошибаешься въ своемъ другѣ, если думаешь, что онъ такъ боится шуму. Можетъ быть, ты полагаешь, что и порицавшій его порицалъ по убѣжденію.

Федръ. Казалось такъ, Сократъ. Впрочемъ ты, вѣроятно, и самъ знаешь, что люди, въ обществѣ сильные и почетные, стыдятся писать рѣчи и оставлять свои рукописи потомству, боясь, какъ бы молва въ послѣдующее время не назвала ихъ софистами.

Сокр. Ты забылъ, Федръ, что «сладкій рукавъ» полу-
E. чилъ свое имя отъ большаго нильскаго рукава [2]; а вмѣстѣ

---

[1] ***Писакою рѣчей***, *λογογράφον*. О значеніи этого слова см. Euthyd. p. 305 C и примѣч. къ сему мѣсту. Здѣсь можно прибавить только то, что значеніе логографовъ, въ отношеніи къ содержанію ихъ рѣчей, надобно принимать въ самомъ обширномъ смыслѣ. Логографы не ограничивались приготовленіемъ рѣчей только для цѣлей политическихъ, но писали о всемъ и на всякую тему. По крайней мѣрѣ Лизіасъ, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго (T. II, p. 82, ed. Sylburg.), приготовлялъ рѣчи всякаго рода, не исключая панегирическихъ, эротическихъ и эпистолярныхъ.

[2] Это мѣсто весьма затрудняло всѣхъ истолкователей Федра. Почему большой рукавъ Нила могъ быть названъ рукавомъ сладкимъ? Нѣкоторые филологи, если не для преодолѣнія, то для избѣжанія затрудненія, вмѣсто *γλυκὺς ἀγκών*, хотѣли читать *γλυκεῖ᾽ ἀνάγκη*, и утверждали, что это выраженіе Платонъ заимствовалъ изъ схоліи Вакхилида (Athen. II, p. 40, ed. Casaub.). Но подлинность и вѣрность чтенія *γλυκὺς ἀγκών* не подлежитъ никакому сомнѣнію и

съ тѣмъ забываешь, что самые тщеславные изъ политиковъ особенно любятъ умѣнье писать и оставлять списки. Они-то именно, написавъ какую-нибудь рѣчь, такъ уважаютъ хвалителей, что прежде всего вписываютъ въ нее имена тѣхъ, которые ихъ хвалятъ.

Федръ. Какъ это? Я не понимаю.

Сокр. Ты не понимаешь, что въ началѣ рѣчи, написанной политикомъ, первое мѣсто занимаетъ хвалитель? 258.

Федръ. Какимъ образомъ?

Сокр. Онъ, конечно, говоритъ: «сенату», либо «народу», либо «тому и другому угодно было» [1]. А кто такъ говоритъ, то-есть государственный докладчикъ (*συγγραφεύς*), тотъ, важно и величаво желая выставить и собственную особу [2],

---

подтверждается всѣми списками Федра. Для объясненія этихъ словъ мы слѣдуемъ авторитету Эрмія, который говоритъ, что приведенное выраженіе имѣло силу пословицы и заимствовано отъ одного мѣста на Нилѣ, представлявшаго великія затрудненія плавателямъ, такъ что они называли его иронически *ἀγαθὸν δαίμονα*, за то чрезвычайно сокращавшаго путь отъ Навкратиса до Мемфиса (v. Mannert. Geograph. Afr. P. I, p. 540). Это-то отношеніе близости плаванія къ его трудности и заставило дать рукаву названіе *γλυκὺς ἄγκων*. Принявъ такое основаніе, мы поймемъ значеніе словъ Сократа. «Ты забылъ, Федръ, говоритъ онъ, что пословица, *γλυκὺς ἄγκων* выражаетъ совсѣмъ не то, что показываютъ ея слова: названіе-то хорошо, да самое дѣло трудно.» Политикамъ, дѣйствительно, нравится писать рѣчи и оставлять ихъ потомству; да они скрываютъ это подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы боятся прослыть софистами. Отсюда видно, что пословица, *γλυκὺς ἄγκων*, совершенно соотвѣтствуетъ русской: «зеленъ виноградъ.»

[1] ***Онъ, конечно, говоритъ — угодно было***, *ἔδοξέ πού φησι*. Нѣкоторые переводчики Платона энклитическую частицу *πού* въ этомъ текстѣ относили къ глаголу *ἔδοξε*. Посему считаю нужнымъ замѣтить , что ее надобно относить къ *φησί*. А что она стоитъ не послѣ, а прежде своего глагола,—дѣло весьма обыкновенное въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголъ, къ которому она относится, есть слово вносное, или вставочное. См. *Buttmann* in indice ad Menon. h. v. *Ast*. de Legg. p. 216. Comment. ad Prot. p. 99. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующее мѣсто (Legg. III, p. 681 E): *κτίσσε δὲ Δαρδανίην γάρ πού φησιν, ἐπεὶ οὔπω Ἴλιος ἰρή κ. τ. λ.* Тому же правилу слѣдуютъ и другія энклитическія частицы: напр. Legg. VI, p. A: *ὦ ποῖ τοίνυν φῶμεν*. ib. X, p. 899 D: *ὦ ἄριστε δή φῶμεν*. — Непосредственно за этимъ стоящія слова: *αὐτὸ τὸ σύγγραμμα*, безъ всякаго сомнѣнія, привнесены чуждою рукою и въ нѣкоторыхъ спискахъ, дѣйствительно, не встрѣчаются.

[2] ***Желая выставить и собственную особу*** — *τὸν ἑαυτὸν δὴ... ἐγκωμιάζων*. *Τὸν ἑαυτὸν* отнюдь не должно переводить возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*. Членъ

вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ показывать хвалителямъ свою мудрость и иногда пишетъ очень длинный докладъ [1]. Такъ чѣмъ же инымъ представляется тебѣ его сочиненіе, какъ не написанною рѣчью?

B. *Федръ*. Не инымъ чѣмъ.

Сокр. И если рѣчь принята, онъ возвращается съ веселіемъ въ сердцѣ, какъ поэтъ изъ театра; а когда отвергнута, когда искуство писать рѣчи и достоинство писателя ему не даются,—онъ печаленъ вмѣстѣ съ друзьями.

Федръ. Конечно.

Сокр. Стало-быть, явно, что этого занятія не презираютъ, а удивляются ему.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. И что, еслибы ораторъ или царь былъ столь спо-
C. собенъ, что, облекшись властію Ликурга, Солона либо Дарія, могъ обезсмертить себя въ обществѣ сочиненіемъ рѣчей: — непочиталъ ли бы онъ и самъ себя равнымъ богу еще въ этой жизни? и не то же ли бы заключили о немъ потомки, разсматривая его сочиненія?

Федръ. И очень.

Сокр. Такъ будетъ ли, думаешь, кто-нибудь изъ подобныхъ людей, сколь бы ни раздраженъ былъ онъ противъ Лизіаса, порицать его именно за то, что онъ пишетъ?

Федръ. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что, конечно, не будетъ [2]; иначе онъ порицалъ бы, какъ видно, и собственное свое расположеніе.

предъ мѣстоименіемъ дѣлаетъ на немъ сильное удареніе и живо выражаетъ софистическое хвастовство эгоизма. Напр., Theaet. p. 166 A: *Γέλωτα δῆτα τὸν ἐμὲ ἐν τοῖς λόγοις ἀπέδειξε.*

[1] *Очень длинный докладъ*—*πάνυ μακρὸν σύγγραμμα*. *Συγγραμμα* здѣсь—то же, что *ψήφισμα*, т.-е. мнѣніе, или опредѣленіе государственнаго совѣта, которое *συγγραφεύς*, т.-е. статсъ-секретарь, долженъ былъ докладывать народному собранію и доказывать его пользу и важность. Начальная формула доклада всегда была: *γνώμη βουλῆς*, либо *γνώμη βουλῆς καί δήμου*, чтобы, т.-е., зная предварительно о согласіи совѣта и народа на предлагаемое мнѣніе, толпа благосклоннѣе выслушала его и единодушно одобрила.

[2] *Что, конечно, не будетъ*—*οὔκουν εἰκός γε*. *Οὔκουν γε* Греки употребляютъ

Сокр. Вѣдь всякому извѣстно, что сочиненіе рѣчей само-то по себѣ не есть что-либо постыдное. D.

Федръ. Какже.

Сокр. Но вотъ это-то ужъ, конечно, постыдно, когда кто говоритъ и пишетъ не хорошо, а дурно и злонамѣренно.

Федръ. Разумѣется.

Сокр. Какимъ же образомъ можно писать хорошо и нехорошо? Не нужно ли намъ, Федръ, разсмотрѣть въ этомъ отношеніи и Лизіаса, и всякаго, кто когда-нибудь написалъ или напишетъ—политическое ли то сочиненіе, или частное, измѣреннымъ ли языкомъ, какъ поэтъ, или неизмѣреннымъ, какъ обыкновенный писатель [1]?

Федръ. Не нужно ли? спрашиваешь ты. Да для чего же, E. правду сказать, и живемъ мы, какъ не для подобныхъ удовольствій? Вѣдь не для тѣхъ же, конечно, жить намъ, которымъ должна предшествовать скорбь, чтобы ихъ чувствовать,—каковы почти всѣ, относящіяся къ тѣлу и справедливо названныя рабскими.

Сокр. Притомъ, теперь мы, кажется, и на досугѣ; да и кузнечики [2], какъ обыкновенно въ жаркое время, посредствомъ своихъ пѣсней, разговариваютъ между собою надъ нашими головами и смотрятъ на насъ. Если они увидятъ, что 259.
мы, подобно черни, въ полдень молчимъ и, убаюкиваемые

въ тѣхъ случаяхъ, когда сомнѣніе другаго въ отношеніи къ какому-либо предмету рѣчи отвергаютъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Напр., Cratyl. p. 408 B: Οὔκουν ἀμήχανός γ' εἰμὶ λόγου. Lachet. p. 195 A: Οὔκουν φησί γε Νικίας. ibd. p. 192 D: Οὔκουν δίκαιόν γε.

[1] *Какъ обыкновенный писатель*, ὡς ἰδιώτης, разумѣется прозаикъ. Сравн. Sympos. p. 118 B. *Plut.* Vit. vol. II, p. 135. 10, edit. Schöf.

[2] Сократъ обращаетъ вниманіе Федра на кузнечиковъ, какъ на возбудителей къ собесѣдованію; потому что въ древности они служили символами ораторской и поэтической говорливости (*Eustath.* ad Iliad. III, p. 395). Слѣдовательно, Астъ напрасно ищетъ здѣсь насмѣшки надъ Федромъ и вообще надъ Аѳинянами, хотя Аристофанъ, дѣйствительно, сравнивалъ Аѳинянъ съ кузнечиками.

Οἱ μὲν οὖν τέττιγες ἕνα μῆν' ἢ δύο
Ἐπὶ τῶν κραδῶν ᾄδουσιν, Ἀθηναῖοι δ' ἀεὶ
Ἐπὶ τῶν δικῶν ᾄδουσιν πάντα τὸν βίον.

ими, отъ умственнаго бездѣйствія дремлемъ; то по всей справедливости будутъ смѣяться на нашъ счетъ и подумаютъ, что въ ихъ убѣжище пришли какіе-то рабы [1], чтобы, какъ овцы въ полдень, заснуть на берегу ручья. Если же, напротивъ, замѣтятъ, что мы разговариваемъ и проплыли мимо
B. ихъ, будто мимо сиренъ [2], не поддавшись очарованію, то охотно заплатятъ намъ тѣмъ, чѣмъ далъ имъ Богъ честь платить человѣку.

Федръ. Какую же это честь? Кажется, я никогда не слыхивалъ.

Сокр. А вѣдь любителю музъ неприлично не знать этого. Говорятъ, что кузнечики [3] нѣкогда, еще до существованія музъ, были также люди. Когда же музы родились и начали пѣть, тогда нѣкоторые изъ современныхъ людей до такой степени были увлечены удовольствіемъ, что, принявшись сами за пѣ-
C. ніе, забыли о пищѣ и питьѣ и въ самозабвеніи умирали. Отъ этихъ-то людей впослѣдствіи и произошла порода кузнечиковъ. Принявъ отъ музъ такую честь, эта порода не имѣетъ нужды въ пищѣ [4] и поетъ до самой смерти, не чувствуя ни голода, ни жажды, а послѣ смерти доноситъ музамъ, кто между людьми которую изъ нихъ чтитъ здѣсь на землѣ. Терпсихорѣ кузнечики рекомендуютъ отличныхъ плясуновъ, Эратѣ — лю-
D. дей, дѣлающихъ ей честь эротическими занятіями, вообще

---

[1] Платонъ искусно указываетъ на мысль Федра о рабскихъ удовольствіяхъ. Сонъ, безъ сомнѣнія, относится къ удовольствіямъ этого рода.

[2] Миѳъ о сиренахъ, обитавшихъ на трехъ камняхъ Пестскаго залива, чит. *Homer*. Odyss. XII, 39 sqq. *Virgil*. Aen. V. 864 sq.

[3] Басня о кузнечикахъ выдумана, конечно, самимъ Платономъ съ тою цѣлію, чтобы миѳически объяснить происхожденіе и силу страсти къ наукамъ.

[4] Древніе вѣрили, что кузнечики ничѣмъ не питаются (*Artemidor*. III, 49). Аристотель (Histor. animal. IV, 7. 9. V, 30) даетъ имъ въ пищу только росу. То же говоритъ и Анакреонъ (43).

Μακαρίζομέν σε, τέττιξ
Ὅτι δενδρέων ἐπ᾽ ἄκρων
Ὀλίγην δρόσον πεπωκὼς
Βασιλεὺς ὅπως ἀείδεις.

всякой—по роду ея достоинства, а старшей, Калліопѣ, и слѣдующей за нею,Ураніи [1], докладываютъ о людяхъ, занимающихся философіею и уважающихъ науки этихъ музъ; потому что Калліопа и Уранія, преимущественно предъ прочими, имѣя дѣло съ небомъ и зная божескія и человѣческія рѣчи, издаютъ прекраснѣйшіе звуки. Итакъ, въ полдень, по многимъ причинамъ, надобно о чемъ-нибудь говорить, а не спать.

Федръ. Да, надобно.

Сокр. Стало-быть, надобно изслѣдовать, что сейчасъ пред- E.
положено, т.-е., какимъ образомъ можно говорить и писать хорошо, и какимъ—нѣтъ.

Федръ. Явно.

Сокр. Ну такъ въ томъ, что должно быть сказано хорошо и изящно, не слѣдуетъ ли предположить душу говорящаго, знающую истинное въ предметѣ, о которомъ онъ намѣренъ говорить?

Федръ. Объ этомъ-то, любезный Сократъ, я слыхалъ вотъ
что: кто желаетъ быть ораторомъ, тому нѣтъ нужды знать 260.
дѣйствительно справедливое [2]; довольно, если онъ знаетъ, чтò кажется справедливымъ суду народа. Равнымъ образомъ, для чего ему истинное доброе и прекрасное? Знай онъ, чтò такимъ кажется. Вѣдь отсюда-то проистекаетъ убѣжденіе, а не изъ истины.

Сокр. Мнѣній, высказанныхъ мудрецами [3], отвергать ко-

---

[1] Калліопу, музу гармоніи, Платонъ почитаетъ покровительницею философіи — вѣроятно потому, что философія, какъ говорится въ его Федонѣ, есть *μεγίστη μουσική*. А Уранія, съ своею астрономіею, во времена Платона еще не выступала изъ области философіи. Притомъ, отношеніе этихъ двухъ музъ Платонъ могъ видѣть въ Пиѳагоровой гармоніи небесныхъ тѣлъ, которая, какъ видно, и ему нравилась.

[2] Федръ упоминаетъ здѣсь о характерѣ краснорѣчія софистическаго, которое обыкновенно отличалось внѣшнею нарядностію и, не заботясь объ истинѣ, старалось только льстить любимымъ страстямъ слушателей. Истина у всякаго своя, говорили софисты: поэтому, если хочешь нравиться извѣстному человѣку, или обществу, проповѣдуй ему собственную его истину. Къ сему-то роду ораторовъ относился и Лизіасъ.

[3] *Высказанныхъ мудрецами* — *ὃ ἂν εἴπωσι σοφοί*. Подъ именемъ мудрецовъ

нечно не должно, Федръ; однакожъ надобно изслѣдовать, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь [1]. Поэтому и теперь сказанныя слова оставить безъ разсмотрѣнія не годится.

Федръ. Ты правду говоришь.

Сокр. Изслѣдуемъ же ихъ такъ.

Федръ. Какъ?

B. *Сокр*. Еслибы я убѣждалъ тебя, для отраженія непріятелей, пріобрѣсти себѣ коня; а между тѣмъ оба мы не знали бы, чтó такое конь, и я зналъ бы только, что конемъ Федръ почитаетъ одно изъ кроткихъ животныхъ съ большими ушами.

Федръ. Смѣшно было бы, Сократъ.

Сокр. Это-то еще нѣтъ. Но еслибы, называя осла конемъ, я не шутя убѣждалъ тебя написать ему похвальное слово и говорить, что это животное всего лучше и дома и на войнѣ, что на немъ полезно и сражаться, и перевозить
C. вьюки, и удовлетворять множеству другихъ нуждъ.

Федръ. Ужъ до крайности было бы смѣшно.

Сокр. Но не лучше ли быть смѣшнымъ, чѣмъ ужаснымъ и коварнымъ другомъ?

Федръ. Кажется.

Сокр. Итакъ, если ораторъ, не зная добра и зла, будетъ говорить столь же несвѣдущему обществу и расточать похвалы — не тѣни осла [2], вмѣсто коня, но злу, вмѣсто добра, и если, заботясь о мнѣніи толпы, убѣдитъ совершить

Сократъ разумѣетъ здѣсь софистовъ и называетъ ихъ мудрецами иронически. Это видно изъ самаго выраженія, въ которомъ слово σοφοί стоитъ безъ члена, слѣдовательно означаетъ насмѣшку, или презрѣніе. См. примѣч. къ Protag. p. 314 E и ниже Phaedr. p. 368 C.

[1] *Нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь* — μή τι λέγωσι, т.-е. не скрывается ли въ нихъ какого-либо основанія. Нѣкоторые въ этомъ выраженіи, вмѣсто λέγωσι, читаютъ λέγουσι; но такое измѣненіе дѣлается безъ нужды; иначе, надлежало бы перевесть: точно ли они говорятъ дѣло, — чтò противорѣчило бы слову σοφός.

[2] *Не тѣни осла*—μὴ περὶ ὄνου σκιᾶς. Слова: περὶ ὄνου σκιᾶς—пословица, означающая разговоръ или заботу о ничтожной вещи. Schol. ad Aristoph. Vesper. 191. *Zenob*. VI, 28 et al.

первое, вмѣсто послѣдняго; то его ораторство, послѣ тако- D.
го посѣва, какой, думаешь, пожнетъ плодъ?

Федръ. Конечно, неслишкомъ хорошій.

Сокр. Впрочемъ, любезный, не сильнѣе ли, чѣмъ слѣдуетъ, порицаемъ мы искуство рѣчей? Можетъ быть, оно скажетъ: что за вздоръ несете вы, чудаки? Вѣдь я никого не заставляю учиться говорить, кто не знаетъ истины; но кто пріобрѣлъ ее, тотъ, сколько можетъ быть полезенъ ему мой совѣтъ, беретъ и меня. Главное въ томъ: безъ меня, знающій истину мало успѣетъ въ искуствѣ убѣжденія.

Федръ. Что же, развѣ не правду скажетъ оно? E.

Сокр. Согласенъ, если другія-то, встрѣчающіяся съ нимъ рѣчи засвидѣтельствуютъ, что оно есть искуство. Но я какъ будто слышу, что нѣкоторыя изъ нихъ, подходя, свидѣтельствуютъ противное, то-есть, что оно лжетъ, что оно не искуство, а безъискуственное упражненіе [1]. Настоящаго искуства слова, независимо отъ истины, говоритъ Лаконецъ [2], нѣтъ и никогда не будетъ.

---

[1] *Оно не искуство, а безъискуственное упражненіе* — οὐκ ἔστι τέχνη, ἀλλ' ἄτεχνος τριβή. Это одно изъ тысячи мѣстъ, въ которыхъ Платонъ сильно возстаетъ противъ самостоятельности такъ называемыхъ формальныхъ наукъ, особенно же риторики. Вопросъ всегда былъ въ томъ, можетъ ли риторика постановлять какія-нибудь твердыя правила краснорѣчія, если она не основывается на неизвѣстномъ ей понятіи объ истинѣ. Платонъ доказывалъ, что всякая внѣшняя форма должна быть выраженіемъ идеи, слѣдовательно на ней и основываться, изъ ней почерпать и правила для своего развитія. Поэтому, гдѣ нѣтъ идеи, гдѣ форма берется отрѣшенно—сама по себѣ, тамъ не искуство, а безъискуственное упражненіе, иногда называемое также ἄλογος τριβή. См. ниже 270 B. Phileb. p. 55 E. Gorg. p. 501, или еще ἐμπειρία καὶ τριβή. Gorg. p. 463 B. Phileb. p. 55 E. По выраженію Апулея (Doctr. Plat. II, p. 16, ed. Elm.): usus, nulla ratione collectus.

[2] Приводимое здѣсь положеніе Лаконца, по мнѣнію Гейндорфа, Шлейермахера и Аста, есть вставка, внесенная въ текстъ è margine. Единственное доказательство неподлинности этого мѣста состоитъ въ томъ, что будто бы прерывается здѣсь связь между мыслію Сократа и слѣдующими далѣе словами Федра. Я тутъ не вижу никакого нарушенія связи и, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, почитаю вводныя слова весьма умѣстными, какъ лакедемонскую пословицу, которая приводится и Плутархомъ (Apophth. lac. 233, 13): μεγαλυνομένου τινὸς ἐπὶ τῇ ῥητορικῇ τέχνῃ εἶπε τις Λάκων, ἀλλὰ νὴ τὼ Σιώ, τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἥφθαι οὔτε ἔστιν οὔτε μήποτε γένηται.

261. *Федръ.* Такія рѣчи намъ нужны, Сократъ; подай ихъ сюда къ допросу, чтò и какъ онѣ говорятъ.

Сокр. Такъ подойдите, благородныя произведенія, и докажите отцу прекрасныхъ дѣтей [1], Федру, что если онъ не будетъ достаточно философствовать, то ни о чемъ и ничего не скажетъ удовлетворительнаго. Пусть-ка Федръ отвѣчаетъ.

Федръ. Спрашивайте.

Сокр. Риторику вообще нельзя ли назвать руководительницею души посредствомъ рѣчей, нетолько въ судахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, но и въ частной жизни, —
B. руководительницею души и въ маломъ и въ великомъ? И правильная ея дѣятельность бываетъ не гораздо ли почтеннѣе, касаясь предметовъ важныхъ, чѣмъ когда она относится къ маловажнымъ? Какъ ты слыхалъ объ этомъ?

Федръ. Совсѣмъ не такъ, клянусь Зевсомъ. По правиламъ искуства всего чаще говорятъ и пишутъ какъ-то примѣнительно къ судамъ и народнымъ собраніямъ; а больше я не слыхивалъ.

Сокр. Да неужели ты слышалъ только о словесныхъ ис-
C. куствахъ Нестора и Одиссея [2], которыя они, отъ нечего дѣлать, писали подъ стѣнами Трои, а о Паламидовыхъ ничего не слышалъ?

Федръ. Даже и о Несторовыхъ-то, клянусь Зевсомъ, не

---

[1] *Отцу прекрасныхъ дѣтей*, т.-е. γενναίων θρεμμάτων, къ которымъ теперь дѣлается обращеніе и которыя своимъ рожденіемъ обязаны Федру, какъ возбудителю ораторовъ писать и произносить прекрасныя рѣчи (см. выше р. 242).

[2] *О словесныхъ искуствахъ Нестора и Одиссея.* Извѣстно, что въ сонмѣ Омировыхъ героевъ Улиссъ и Несторъ почитались мудрецами, и что, по свидѣтельству Омира, первый отличался особенною пріятностію, а послѣдній особенною силою слова. Современники Сократа, принося дань удивленія красноречію своихъ софистовъ, не замедлили сравнить ихъ съ троянскими героями, и Горгіаса леонтинскаго называли Несторомъ, а Тразимаха халкидонскаго и Θеодора византійскаго — Улиссомъ (Schol. p. 318). Поводомъ къ шуткѣ, что Несторъ и Улиссъ подъ стѣнами Трои, отъ нечего дѣлать, занимались изложеніемъ теоріи риторики, послужило Сократу преданіе о хитромъ и всезнающемъ Паламидѣ, который, говорятъ, для препровожденія времени, изобрѣлъ подъ Троею игру въ кости (см. *Aristoph.* Ran. 1488, *Schweig.* ad Athen. T. I, p. 145). Колкость этой шутки состоитъ въ томъ, что софисты пишутъ свои теоріи отъ нечего дѣлать и осаждаютъ ими города для денегъ и славы.

слыхалъ, если подъ Несторомъ ты не разумѣешь какого-нибудь Горгіаса, а подъ Одиссеемъ—какого-нибудь Тразимаха и Ѳеодора.

Сокр. Можетъ быть; но оставимъ ихъ. Скажи мнѣ, что̀ дѣлаютъ въ судахъ противныя стороны? не спорятъ ли одна съ другою? Что будемъ отвѣчать?

Федръ. Это самое.

Сокр. О справедливомъ и несправедливомъ?

Федръ. Да.

Сокр. И кто слѣдуетъ искуству, тотъ сдѣлаетъ такъ, D.
что одно и то же однимъ и тѣмъ же покажется либо справедливымъ, либо, если захочетъ, несправедливымъ?

Федръ. Какже.

Сокр. И въ народномъ собраніи одно и то же представится городу иногда добрымъ, а иногда противнымъ?

Федръ. Конечно.

Сокр. Но не извѣстно ли намъ, что и элейскій Паламидъ [1] слѣдуя правиламъ искуства, говоритъ та̀къ, что его слушателямъ одно и то же кажется подобнымъ и неподобнымъ, однимъ и многимъ, покоющимся и движущимся?

Федръ. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно словопреніе, употребляется нетолько въ судахъ и народныхъ собраніяхъ, но, какъ видно, E.
и во всякихъ бесѣдахъ оно есть одно нѣкоторое искуство. Если же это искуство, то оно должно быть такимъ, которое бываетъ въ состояніи уподобить все возможное всему возможному и выводить на свѣтъ уподобленіе, сокровенно дѣлаемое другимъ.

Федръ. Какъ же это понимаешь ты?

Сокр. А вотъ какъ, повидимому, выражусь я вопрошателямъ. Гдѣ скорѣе бываетъ обманъ, — въ большомъ или маломъ различіи вещей?

---

[1] *Элейскій Паламидъ*. Такъ называетъ Сократъ Зенона элейскаго, который, для защищенія положеній своей школы, пользовался хитрыми изворотами слова, похожими на игру Паламида (Parm. p. 128 D).

262. *Федръ.* Въ маломъ.

Сокр. Но переходя понемногу, ты не столь ощутительно придешь къ противному, какъ переходя помногу.

Федръ. Какже.

Сокр. Стало-быть, кто хочетъ обмануть другаго, не обманываясь самъ, тотъ долженъ съ точностію распознавать сходство и несходство вещей [1].

Федръ. Это необходимо.

Сокр. Но возможно ли, не зная истины каждой вещи, замѣтить малое или великое сходство вещи незнаемой съ дру-
B. гими вещами?

Федръ. Невозможно.

Сокр. Итакъ, мнѣнія, несообразныя съ дѣйствительностью, и заблужденія входятъ въ людей, очевидно, чрезъ какія-нибудь сходства.

Федръ. Такъ и бываетъ.

Сокр. Но можетъ ли какой-нибудь искусникъ, не познакомившись съ истиною каждой вещи, понемногу, рядомъ подобій, всякій разъ переводить другаго отъ дѣйствительности къ противному, или остеречься, чтобы другой не провелъ его самого?

Федръ. Никогда.

C. *Сокр.* Слѣдовательно, кто не знаетъ истиннаго искуства рѣчей, другъ мой, тотъ, гоняясь за мнѣніями, будетъ представлять себѣ искуство какое-то смѣшное и повидимому безъискуственное.

Федръ. Должно быть.

Сокр. Теперь, хочешь ли видѣть, что̀ есть, какъ сказа-

---

[1] *Долженъ съ точностію распознавать сходство и несходство вещей.* Ходъ Сократовыхъ вопросовъ въ настоящемъ случаѣ направляется къ раскрытію слѣдующей мысли: кто хочетъ ввесть въ заблужденіе другаго, тотъ переходитъ отъ истиннаго къ ложному не вдругъ,—иначе ложь сдѣлалась бы слишкомъ замѣтною, а постепенно, чрезъ уподобленіе вещей едва различныхъ, и наконецъ заключаетъ, что вещи, совершенно различныя, подобны, даже тожественны.

но, искуственнаго и безъискуственнаго въ принесенной тобою рѣчи Лизіаса и въ рѣчахъ, произнесенныхъ нами?

Федръ. Даже всего болѣе: вѣдь доселѣ-то мы говорили довольно сухо, безъ достаточныхъ примѣровъ.

Сокр. Такъ видно, какой-нибудь счастливый случай расположилъ насъ сказать двѣ рѣчи, чтобы онѣ служили примѣ- D.
ромъ, какъ знатокъ, поддѣлывая въ рѣчахъ истину, можетъ проводить своихъ слушателей. Я-то приписываю ихъ, Федръ, мѣстнымъ богамъ [1]; а можетъ быть и поющіе надъ нашими головами пророки музъ вдохнули въ насъ это преимущество, потому что мнѣ вовсе неизвѣстно искуство говорить.

Федръ. Пусть и такъ; только выскажи свою мысль.

Сокр. Прочитай же мнѣ начало Лизіасовой рѣчи.

Федръ. «О моихъ дѣлахъ ты знаешь и, думаю, слышалъ, E.
что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Впрочемъ, смѣю надѣяться, что ты не отвергнешь моей просьбы—именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные раскаяваются.»

Сокр. Постой. Теперь надо сказать, въ чемъ Лизіасъ погрѣшилъ и поступилъ безъискуственно. Не правда ли? 263.

Федръ. Да.

Сокр. Не ясно ли для всякаго по крайней мѣрѣ то, что въ иномъ здѣсь мы согласны, а объ иномъ готовы спорить?

Федръ. Кажется, я понимаю, что̀ ты говоришь, но выскажи еще яснѣе.

Сокр. Когда кто-нибудь произноситъ слово: *желѣзо* или *серебро*, тогда всѣ мы разумѣемъ не одно ли и то же?

Федръ. Конечно.

Сокр. А когда—слово: *справедливость* или *добро*, тогда не расходятся ли наши мысли и не разногласимъ ли мы какъ другъ съ другомъ, такъ и сами съ собою?

---

[1] *Мѣстнымъ богамъ,* т.-е. Пану, Ахелою и нимфамъ. См. р. 232, 238, 263, 279.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

B. *Сокр*. Стало-быть, въ иномъ мы сходимся, а въ иномъ нѣтъ.

Федръ. Такъ.

Сокр. Но чѣмъ мы удобнѣе вводимся въ заблужденіе и въ чемъ риторика болѣе сильна?

Федръ. Очевидно, въ томъ, въ чемъ можемъ обманываться.

Сокр. Посему, приступающій къ искуству риторическому долженъ путемъ различить это,—долженъ взять какой-нибудь характеръ обоихъ видовъ,—и того, въ которомъ народъ необходимо обманывается, и того, въ которомъ нѣтъ.

C. *Федръ*. Да, Сократъ, тотъ имѣлъ бы прекрасное понятіе объ обоихъ видахъ, кто взялъ бы это.

Сокр. Потомъ, обращаясь къ частному дѣлу, не забывать этого, но живо чувствовать, къ которому роду относится содержаніе преднамѣреваемой рѣчи.

Федръ. Какже.

Сокр. Итакъ, что скажешь объ Эросѣ? къ обоюднымъ ли относится онъ предметамъ, или нѣтъ?

Федръ. Конечно къ обоюднымъ; иначе кто позволилъ бы тебѣ говорить то, что ты говорилъ о немъ, то-есть, что онъ
D. вреденъ для любящихся, и опять, что онъ — величайшее благо?

Сокр. Превосходно сказано. Скажи же еще, — самъ-то, бывъ тогда въ восторгѣ, несовсѣмъ помню, — опредѣлилъ ли я Эроса въ началѣ своей рѣчи?

Федръ. Даже, клянусь Зевсомъ, чрезвычайно какъ точно.

Сокр. То-то! видишь, сколько нимфы Ахелоевы и Панъ Эрміевъ въ составленіи рѣчей искуснѣе Лизіаса Кефалова? Впрочемъ, не ошибаюсь ли я? Можетъ быть, начиная эротическую рѣчь, Лизіасъ заставилъ насъ принимать Эроса
E. за такое существо, какого хотѣлось ему самому, и потомъ уже, сообразно съ этимъ, развивалъ въ ней все дальнѣйшее? Хочешь ли опять прочитаемъ ея начало?

Федръ. Пожалуй, если угодно; только въ ней не найдешь того, чего ищешь.

Сокр. Однако читай, чтобы слышать самого Лизіаса.

Федръ. «О моихъ дѣлахъ ты знаешь и, думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Впро- 264.
чемъ, смѣю надѣяться, что ты не отвергнешь моей просьбы—именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные, когда страсть умолкаетъ, раскаяваются въ добрыхъ своихъ дѣлахъ.»

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ далекъ кажется Лизіасъ отъ того, чего мы здѣсь ищемъ! Онъ велитъ своей рѣчи плыть не отъ начала, а отъ конца, спиною назадъ, и выходитъ изъ того, что любовникъ могъ бы сказать любимцу уже въ заключеніи. Развѣ не правда, Федръ, любезная голова?

Федръ. Такъ и есть, Сократъ: эти слова, дѣйствительно, B.
болѣе приличны на концѣ.

Сокр. А прочія? не представляются ли они разбросанными въ рѣчи кое-какъ? Думаешь ли, что сказанное на второмъ мѣстѣ должно стоять необходимо на второмъ, или тутъ умѣстнѣе что-нибудь другое сказанное? Мнѣ, какъ человѣку ничего незнающему, показалось, что писатель все такое говорилъ произвольно: а ты, конечно, видишь въ рѣчи какую-нибудь необходимую нить, по которой онъ расположилъ все послѣдовательно одно за другимъ?

Федръ. Ты любезенъ, если почитаешь меня способнымъ разбирать это съ такою точностію. C.

Сокр. Но то-то и тебѣ, думаю, представляется, что всякая рѣчь, подобно животному, должна являться въ приличномъ тѣлѣ, то-есть не должна быть ни безъ головы, ни безъ ногъ, но имѣть средніе и крайніе члены въ правильномъ отношеніи одинъ къ другому и къ цѣлому.

Федръ. Какъ же иначе?

Сокр. Разсмотри же рѣчь своего друга, такова она, или

нѣтъ,—и найдешь ее нисколько не отличною отъ надписи,
D. сдѣланной, говорятъ, на гробницѣ фригійскаго Мидаса [1].

Федръ. Что же это за надпись, и какова она?

Сокр. А вотъ слѣдующая:

Я, мѣдная дѣва, покоюсь на тѣлѣ Мидаса,
Доколѣ и воды текутъ, и древа зеленѣютъ;
Я здѣсь безотлучна на гробѣ, оплаканномъ мною;
Прохожимъ вѣщаю, что тутъ былъ Мидасъ похороненъ.

E. Ты, думаю, замѣчаешь, что въ ней всякій стихъ безъ различія можно поставить и прежде и послѣ.

Федръ. Ты, Сократъ, насмѣхаешься надъ нашею рѣчью.

Сокр. Такъ оставимъ ее, чтобы не досаждать тебѣ, — хотя, мнѣ кажется, въ ней много примѣровъ, на которые полезно было бы смотрѣть, чтобы неслишкомъ рѣшаться подражать имъ,—и перейдемъ къ другимъ рѣчамъ. Въ нихъ,
265. повидимому, есть также нѣчто, достойное вниманія людей, изслѣдывающихъ свойство рѣчи.

Федръ. Что же именно?

Сокр. То, что онѣ взаимно себѣ противорѣчили. Одна убѣждала быть благосклоннымъ какбы къ любящему, а другая какбы къ нелюбящему.

Федръ. И обѣ—очень сильно.

Сокр. Мнѣ казалось, что ты говорилъ истину, потому что говорилъ съ изступленіемъ. Такъ вотъ это-то и было предметомъ моего изслѣдованія. Вѣдь Эроса мы назвали какимъ-то изступленіемъ. Такъ ли?

Федръ. Да.

---

[1] Эту надпись одни относятъ къ сочиненіямъ Омира (Homeri. vit. c. 11 ib. *Vesseting*. ad Herod. p. 250), другіе, основываясь на свидѣтельствѣ Симонида, приписываютъ ее Клеовулу линдскому, который писалъ загадки, грифы и иныя сочиненія того же рода (*Diog. Laert*. 1, 89). У Діогена Лаерція она излагается полнѣе. Послѣ стиха: «Доколѣ и воды текутъ», и проч., слѣдуетъ:

Ἠέλιος τ᾽ἀνιών λάμπῃ λαμπρά τε σελήνη
Καὶ ποταμοί γε ῥέωσιν, ἀνακλίζῃ δὲ θάλασσα.

Сокр. Но изступленіе бываетъ двухъ родовъ: одно, происходящее отъ человѣческихъ болѣзней, а другое—отъ божественной перемѣны обыкновеннаго состоянія.

Федръ. Конечно такъ. B.

Сокр. Изступленіе божественное, — даръ четырехъ боговъ, раздѣлили мы на четыре вида: на пророческое, внушаемое Аполлономъ; усовершительное, производимое Діонисомъ; поэтическое, происходящее отъ музъ, и четвертое—эротическое, посылаемое Афродитою и Эросомъ. Послѣднее назвали мы превосходнѣйшимъ и, не зная, какъ изобразить его, а между тѣмъ касаясь какой-то истины, или увлекаясь чѣмъ другимъ, измыслили несовсѣмъ невѣроятную рѣчь — миѳическій гимнъ, и въ немъ, Федръ, скромно и благопристой- C.
но прославили моего и твоего властелина, Эроса, покровителя прекрасныхъ дѣтей.

Федръ. И мнѣ очень пріятно было слушать это.

Сокр. Изъ этого-то мы должны понять, какимъ образомъ рѣчь отъ порицанія можетъ перейти къ похвалѣ.

Федръ. Что хочешь ты сказать?

Сокр. То, что хотя иное говорено было, повидимому, только для шутки, однакожъ, кто постигаетъ искуствомъ силу тѣхъ двухъ случайно высказанныхъ родовъ [1], тотъ не D.
будетъ неблагодаренъ.

Федръ. Которыхъ именно?

Сокр. Смотря на одну идею, онъ постарается подвесть подъ нее разсѣянное, чтобы, опредѣляя каждый предметъ, выяснить, чему хотѣлъ онъ учить, подобно тому, какъ теперь объ Эросѣ — хорошо ли, худо ли разсуждалось, по крайней мѣрѣ опредѣлено, чтò такое онъ. Эта-то ясная и сама съ собою согласная задача должна быть раскрываема въ рѣчи.

---

[1] Здѣсь, очевидно, говорится о двухъ методахъ познанія,—синтетической и аналитической: первую Греки называли *θεωρείαν*, или *μέθοδον συνθετικήν*, а вторую — *μέθοδον διαιρετικήν*. *Arist*. Top. 1711, 2. Одну изъ нихъ Сократъ выдержалъ въ первой своей рѣчи, другую—во второй.

Федръ. Но что называешь ты, Сократъ, другимъ родомъ?

E. *Сокр*. Другой, наоборотъ, состоитъ въ умѣньи дѣлить предметъ на виды—и дѣлить, какъ водится, почленно, такъ чтобы, подобно плохому повару, не раздробить ни одной части [1]. Напримѣръ, въ тѣхъ двухъ рѣчахъ безуміе при-
266. нято за одинъ общій видъ. Но какъ изъ одного тѣла выраcтаютъ два соименные члена, называемые лѣвымъ и правымъ: такъ и изъ тѣхъ двухъ рѣчей, принявшихъ безуміе за одинъ прирожденный намъ видъ, первая, разрѣшая лѣвую его часть, дотолѣ не остановилась въ дѣленіи, пока не нашла въ ней такъ называемой лѣвой любви и по надлежащему не побранила ея; а вторая, направляя насъ къ
B. правой сторонѣ изступленія, открыла хотя соименную той, однакожъ божественную любовь и, выставляя ее на свѣтъ, восхвалила, какъ причину величайшихъ благъ.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Эти-то дѣленія и соединенія, Федръ, я и самъ люблю, чтобы умѣть говорить и мыслить, и если кого-нибудь почитаю способнымъ всматриваться въ одно и многое по природѣ [2], то гоняюсь за нимъ по слѣдамъ, какъ за богомъ [3].
C. Людей, могущихъ это, я донынѣ, Богъ знаетъ, справедливо или нѣтъ, называю діалектиками,— но какъ назвать тѣхъ, которые учатся у тебя и Лизіаса? Не это ли искуство рѣ-

---

[1] ***Чтобы не раздробить ни одной части***. Подобное выраженіе см. Menon. 77 A. Дѣлить, не раздробляя, значитъ разрѣшать предметъ, слѣдуя естественному соединенію частей его. Hoc non est dividere, sed frangere, говоритъ Цицеронъ (de Fin. 11, 9). То же читаемъ и у Сенеки (Epist. 89, 2): Faciam ergo, quod exigis, et philosophiam in partes, non in frusta, dividam; dividi enim illam, non concidi utile est.

[2] ***Всматриваться въ одно и многое по природѣ***—εἰς ἓν καὶ πολλὰ ὁρᾶν. Эти слова Платонъ понимаетъ не просто какъ логическое правило дѣленія и соединенія понятій, но какъ діалектическую меѳоду изслѣдованія самыхъ вещей. Всякая вещь, по своей природѣ, есть одно и многое: одно въ ней—идея, обнаруживающаяся единствомъ внѣшней формы; многое — части ея, которыя, бывъ взяты сами по себѣ, опять суть идеи, и слѣдовательно, опять содержатъ въ себѣ многое. Parmenid. p. 157, 158.

[3] ***Гонялсь за нимъ по слѣдамъ, какъ за богомъ*** — κατόπισθε μετ' ἴχνιον ὥστε θεοῖο: походитъ на полустишіе Омировыхъ гексаметровъ. Odyss. V, 193; VII, 38.

чей, съ помощію котораго Тразимахъ и прочіе нетолько сами сдѣлались мудрыми въ словѣ, но надѣлили мудростію и другихъ, желавшихъ приносить имъ дары, какъ царямъ [1].

Федръ. Они, конечно, люди царственные; однакожъ того-то не знаютъ, о чемъ ты спрашиваешь. Назвавъ этотъ родъ діалектикою, ты, кажется, справедливо назвалъ его: но родъ риторики, повидимому, еще ускользаетъ отъ насъ. D.

Сокр. Что ты говоришь? То должно быть нѣчто прекрасное [2], что пропущено діалектикою, а между тѣмъ подчиняется искуству. Этимъ отнюдь не надобно пренебрегать ни мнѣ, ни тебѣ. Скажемъ же, что именно остается еще для области риторики.

Федръ. Весьма многое, Сократъ,—все, что пишется въ свиткахъ объ искуствѣ рѣчей.

Сокр. Хорошо, что напомнилъ. Въ началѣ рѣчи, я думаю, надобно излагать приступъ. Не правда ли, что это ты называешь торжествомъ искуства?

Федръ. Да. E.

Сокр. Во-вторыхъ, какое-нибудь—повѣствованіе и свидѣтельство на него; въ-третьихъ—доказательства; въ-четвертыхъ—подобія; а великій византійскій Дедалъ рѣчей [3],

---

[1] ***Приносить имъ дары, какъ царямъ.*** Софисты, жадные къ деньгамъ и высоко цѣнившіе свои уроки, сравниваются съ персидскими царями, которымъ и частные люди, и цѣлыя провинціи должны были представлять необычайные дары. Alcib. 1, p. 123. *Wesseling.* ad Diodor. T. 1, p. 62. Поэтому еще Исіодъ называлъ ихъ: *βασιλῆες δωροφάγοι.* Opp. et Dd. 1, 38, 262. Ὁ *βασιλικὸς φόρος* относится и къ Лакедемонянамъ, которымъ платили огромныя суммы; слѣдовательно, писатель могъ имѣть въ виду и царей лакедемонскихъ.

[2] ***То должно быть нѣчто прекрасное:*** рѣчь ироническая; прямой смыслъ ея состоитъ въ томъ, что все дѣльное въ риторикѣ относится къ области діалектики, безъ которой риторика есть пустая и произвольная топика, *ἄλογος τριβὴ καὶ ἐμπειρία.* См. выше p. 260 E.

[3] ***Византійскій Дедалъ рѣчей***, т.-е. Θеодоръ византійскій, риторъ и софистъ, въ свое время отличавшійся искуственными, тонкими и сухими дѣленіями понятій. *Arist.* Rhet. III, 13. *Cicer.* Orat. 12. Haec tractasse Trasimachum chalcedonium primum et leontinum ferunt Gorgiam, Theodorum inde Bizantium multosque alios, quos *λογοδαιδάλους* appellat in Phaedro Socrates; quorum satis arguta multa, sed ut modo primumque nascentia minuta et versicolorum similia quaedam nimiumque depicta. Изъ этихъ словъ Цицерона видно, что

помнится, говоритъ еще объ убѣжденіи и надубѣжденіи [1].

Федръ. Ты разумѣешь добряка Ѳеодора?

267. *Сокр.* Почему не такъ? Надобно даже излагать обличеніе и надобличеніе — какъ въ обвиненіи, такъ и въ защищеніи. Не вывести ли еще на сцену прекраснаго Эвена паросскаго, который первый изобрѣлъ подпоказаніе и косвенныя похвалы, а косвенныя порицанія, для облегченія памяти, говорятъ, заключилъ въ стихахъ. Такой мудрецъ! Оставить ли въ покоѣ Тизіаса [2] и Горгіаса, которые открыли, что правдоподобное надобно предпочитать истинному, которые силою слова могутъ маловажное представлять какъ великое, а великое какъ маловажное, которые о
B. новомъ умѣютъ говорить какъ о древнемъ, а о древнемъ какъ о новомъ, которые нашли способъ разсуждать о всемъ и коротко и до безконечности продолжительно? Когда я разсказалъ объ этомъ Продику [3],—онъ засмѣялся и началъ доказывать, что ему одному принадлежитъ честь открытія, каковы должны быть рѣчи сообразно съ искуствомъ, а именно—онѣ должны быть ни длинны, ни коротки, а умѣренны.

Федръ. Какой мудрецъ этотъ Продикъ!

логодедалами назывались бездарные труженики, неутомимо старавшіеся наряжать свои рѣчи всѣми мелочными затѣями, какія могла придумать тогдашняя формальная теорія словесности. См. *Lamb.* ad Horat. T. 1, p. 15 sq.

[1] *Объ убѣжденіи и надубѣжденіи*—*πίστωσιν καὶ ἐπιπίστωσιν.* Какое значеніе у Ѳеодора имѣли эти слова, опредѣлить трудно. Не обращая вниманія на взаимное ихъ различіе, можно понимать ихъ вообще, какъ формы убѣжденія. Къ столь же выразительной терминологіи надобно отнесть слѣдующее далѣе *ὑποδήλωσις.* Но въ словахъ *παρέπαινος* и *παράψογος,* — хитромъ изобрѣтеніи Эвена паросскаго, есть нѣсколько смысла. Ими означается похвала во внѣшней формѣ порицанія, и порицаніе во внѣшней формѣ похвалы.

[2] *Тизіаса.* О немъ см. *Ciceron.* Brut. 12, 16. de Orat. I, 20, 21, III, 21, et al. Кораксъ и Тизіасъ почитались древнѣйшими излагателями теорій краснорѣчія; за ними слѣдовалъ Горгіасъ леонтинскій.

[3] *Когда я разсказалъ объ этомъ Продику.* Сократъ былъ коротко знакомъ съ Продикомъ. См. Menon. p. 96 D. Protag. p. 341 A. Charm. p. 163 D. Cratyl. p. 384 B. Соображая надменность и самоувѣренность этого софиста (см. Protag. p. 337 A. B. C), легко понять, что Сократъ говоритъ о немъ иронически.

Сокр. Не сказать ли и объ Иппіасѣ? Впрочемъ, этотъ элейскій пришлецъ, помнится, одного мнѣнія съ Продикомъ.

Федръ. Вѣроятно.

Сокр. А какъ назовемъ опять музыку рѣчей Полоса [1], C.
напримѣръ, его сугубословіе, мыслесловіе, образословіе и всѣ эти имена, которыя подарилъ ему Ликимній въ пользу благорѣчія?

Федръ. Но у Протагора, Сократъ, развѣ не то же почти?

Сокр. У него, сынъ мой, какое-то праворѣчіе [2] и много другихъ прекрасныхъ вещей. Искуствомъ же рѣчей, жалобно воющихъ и увлекающихъ къ старости и бѣдности, мнѣ кажется, особенно торжествуетъ сила оратора халкидонскаго [3]. Этотъ мужъ весьма способенъ вдругъ воспламе-

---

[1] *Музыку рѣчей Полоса.* Гейндорфъ догадывается, что τὰ μουσεῖα λόγων было заглавіе написанной Полосомъ книги. Но вѣроятнѣе почитать это выраженіемъ насмѣшки надъ варварскою и безсмысленною терминологіею Полоса: διπλασιολογία, γνωμολογία, εἰκονολογία, или, какъ у прочихъ логодедаловъ: ἐπιπίστωσις, ἐπεξελέγχος, ὑποδήλωσις, παρέπαινος, παράψογος и проч. Признаюсь, что, переводя эти слова на русскій языкъ, я не менѣе умышленно, какъ и по необходимости долженъ былъ составить, для созвучія имъ, столь же странные термины. Этого требовало намѣреніе Сократа—показать всю нелѣпость и мелочность софистической мудрости въ дѣлѣ краснорѣчія, которое такъ каррикатурно называетъ онъ благорѣчіемъ, εὐέπεια. Кому угодно знать, въ чемъ состояла Полосова διπλασιολογία, тотъ увидитъ это изъ слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ самимъ Полосомъ въ Платоновомъ Горгіасѣ (p. 448 C): «люди изобрѣли много искуствъ изъ опытовъ опытно; потому что опытность дѣйствуетъ по искуству — κατὰ τέχνην, а неопытность по случаю, κατὰ τύχην, и какъ то, такъ и другое перенимается иными у иныхъ иначе, отличными у отличныхъ.» Такая гармоническая мудрость заимствована Полосомъ у Ликимнія, который былъ его учителемъ. Различіе между наукою учителя и ученика состояло, кажется, въ томъ, что первый предметомъ своей заботливости имѣлъ κάλλος τῶν ὀνομάτων (*Arist.* Rhet. III, 7), а послѣдній—μουσεῖαν τῶν λόγων.

[2] *Какое-то праворѣчіе* — ὀρθοέπειά γέ τις. Подъ этимъ словомъ надобно разумѣть рѣчь, выражаемую именами въ собственномъ ихъ значеніи—κυριολεξίαν. Эрміасъ говоритъ: διὰ γὰρ τῶν κυρίων ὀνομάτων μετήρχετο ὁ Πρωτάγορας τὸν λόγον, καὶ οὐ διὰ παραβολῶν (*Wossii* de arte grammat. 1, 7). Но, по свидѣтельству Аристотеля (Rhet. III, 5, de sophist. elench. p. 574, ed Buhl). Протагорово ὀρθοέπεια состояло въ изъясненіи грамматическихъ формъ и въ опредѣленіи правильнаго произношенія словъ. Впрочемъ, ὀρθοέπειαν не должно смѣшивать съ тѣмъ, что разумѣется подъ заглавіемъ ὀρθότης ὀνομάτων. См. Cratyl. p. 391 C.

[3] *Сила оратора халкидонскаго.* Говорится о Тразимахѣ халкидонскомъ,

D. нить гнѣвъ, а разгнѣванныхъ снова укротить — будто чарами; онъ очень силенъ, говорятъ, какимъ бы то ни было образомъ, возбудить ненависть и избавить отъ ненависти. Что же касается до окончанія рѣчи, то оно, по общему мнѣнію всѣхъ, должно состоять изъ обозрѣнія, сказанныхъ истинъ, что одни называютъ возвращеніемъ (ἐπάνοδον), а другіе—другими именами.

Федръ. Но согласенъ ли ты, что въ концѣ рѣчи надобно припоминать слушателямъ все сказанное?

Сокр. Согласенъ и на это, и на прочее, что говорится въ искуствѣ о рѣчахъ.

Федръ. Прочее-то маловажно и не стоитъ словъ.

268. *Сокр.* Такъ маловажное-то оставимъ, а разсмотримъ при полномъ свѣтѣ то, какую силу и когда обнаруживаетъ это искуство?

Федръ. Очень великую, Сократъ, по крайней мѣрѣ въ народныхъ собраніяхъ.

Сокр. Да, обнаруживаетъ; однакожъ, почтеннѣйшій, посмотри и ты, — эта ткань не покажется ли и тебѣ стольже дырявою, какъ мнѣ?

Федръ. Только показывай.

Сокр. Отвѣчай-ка мнѣ. Еслибы кто-нибудь пришелъ къ твоему другу Эриксимаху, или къ его отцу, Акумену, и сказалъ: я умѣю сообщать тѣлу нѣчто такое, что, если захо-
B. чу, оно согрѣется, либо прохладится, также, когда вздумаю, его будетъ рвать или слабить,—много и другаго тому подобнаго. Зная же это, я объявляю себя врачемъ и вызываюсь сдѣлать такимъ же другаго, кому преподамъ свое знаніе. Что, по твоему мнѣнію, отвѣчали бы ему слушатели?

Федръ. Чтò больше, какъ не спросили бы, знаетъ ли онъ

который много разсуждалъ о возбужденіи страстей. Написанныя съ этою цѣлію книги его извѣстны были подъ заглавіемъ ἔλεοι. *Arist.* Rhet. III, 1, 20. *Hermias* p. 182. Упоминая о немъ, Платонъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ выражается поэтически, чтобы подстроиться подъ тонъ его элегій.

сверхъ того, въ комъ, когда и въ какой степени надобно производить каждое изъ этихъ явленій?

Сокр. А еслибы онъ сказалъ, что совсѣмъ нѣтъ; но кто научится у меня этому, тотъ самъ въ состояніи дѣлать то, C.
о чемъ спрашиваешь?

Федръ. Въ такомъ случаѣ, думаю, сочли бы его человѣкомъ сумасшедшимъ [1], который, вычитавъ нѣчто изъ книгъ, или случайно обращавшись съ лекарствами, а искуства вовсе не зная, думаетъ, что онъ уже сдѣлался врачемъ.

Сокр. И опять, еслибы кто, пришедши къ Софоклу и Эврипиду, сказалъ, что онъ о маловажномъ предметѣ умѣетъ разсказывать очень длинно, а о важномъ — очень коротко, или, что онъ можетъ, по произволу, дѣлать свой разсказъ то D.
жалобнымъ, то вдругъ страшнымъ и грознымъ, либо инымъ тому подобнымъ, и вообразилъ бы, будто, уча этому другаго, онъ учитъ писать трагедіи?

Федръ. Мнѣ кажется, Сократъ, что и они тоже засмѣялись бы, когда бы кто почиталъ трагедію чѣмъ-то другимъ, а не взаимно-гармоническимъ соединеніемъ частей въ цѣломъ.

Сокр. Впрочемъ, побранили бы его, думаю, не грубо, подобно тому, какъ музыкантъ, встрѣтившись съ человѣкомъ, который почитаетъ себя знатокомъ музыки, потому что случайно научился поднимать и опускать струну, не сказалъ бы E.
грубо: ты-де съ ума сошелъ, бѣднякъ, — но съ свойственною музыканту мягкостію: почтеннѣйшій! кто хочетъ быть знакомъ съ гармоніею, тому, конечно, необходимо знать и это; однако человѣку съ твоею способностію ничто еще не мѣшаетъ вовсе не понимать гармоніи. Вѣдь ты имѣешь познанія, нужныя предъ гармоніею, и не самую гармонію.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Стало-быть, то же сказалъ бы своему трагику и 269.
Софоклъ: ты знаешь нѣчто предшествующее трагедіи, а не

---

[1] *Человѣкомъ сумасшедшимъ* — *μαίνεται ἄνθρωπος*. О значеніи слова *ἄνθρωπος*, когда оно безъ члена, см. Protag. p. 314 E.

трагическое,—и Акуменъ: ты знаешь нѣчто предшествующее врачебному искуству, а не врачебное искуство.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но что̀, по нашему мнѣнію, сказалъ бы медоустый Адрастъ [1], или хотя бы Периклъ, услышавъ объ этихъ прекрасныхъ затѣяхъ искуства, объ этихъ краткословіяхъ, образословіяхъ и о проч., что̀ было разсматриваемо нами и что̀, какъ мы говорили, надобно изслѣдовать въ полномъ свѣтѣ? Стали ли бы они обнаруживать свою досаду, подобно мнѣ
B. и тебѣ, какими-нибудь невѣжливыми выраженіями противъ людей, пишущихъ и преподающихъ это подъ именемъ риторики, — или, будучи мудрѣе насъ, дали бы намъ слѣдующій урокъ: Федръ и Сократъ! вы должны не сердиться, а извинять, когда иные, не умѣя разговаривать, не могутъ опредѣлить, что̀ такое риторика, и оттого, владѣя познаніями, необходимыми предъ искуствомъ, обыкновенно ви-
C. дятъ въ нихъ самую риторику. Тому же учатъ они и другихъ и думаютъ, что у нихъ учатся дѣйствительно риторикѣ. А говорить о каждомъ предметѣ убѣдительно и составлять одно цѣлое,—это бездѣлица, это ихъ ученики въ своихъ рѣчахъ должны дѣлать сами собою.

Федръ. Конечно, Сократъ, таково вѣроятно искуство, которое эти люди пишутъ и преподаютъ подъ именемъ ри-

---

[1] *Медоустый Адрастъ*. Прилагательнымъ «медоустый» Платонъ намекаетъ на стихъ Тиртея (Fragm. III, v. 8): *οὐδ' εἰ—γλῶσσαν δ' Ἀδρήστου μειλιχόγηρυν ἔχον*. Адрастъ Аргивянинъ, лице изъ героическихъ временъ Греціи, приходилъ къ Тезею и съ удивительнымъ краснорѣчіемъ умолялъ его подать себѣ помощь (*Isocr.* Panath. p. 829; *Paus.* 1, p. 37). Астъ и Штальбомъ полагаютъ, что подъ именемъ Адраста Платонъ разумѣлъ котораго-нибудь лучшаго изъ позднѣйшихъ ораторовъ, и говорятъ, что онъ указываетъ именно на Антифона рамнузійскаго, какъ прежде именами Нестора, Одиссея и Паламида называлъ современныхъ себѣ софистовъ. Антифонъ, дѣйствительно, былъ весьма пріятный ораторъ; такъ что, уважая въ немъ *μέλιτος γλυκίονα αὐδήν*, Греки придавали ему имя Нестора (v. *Ruhnk.* dissert. de Antiph. orat. Att. T. VII, p. 810, ed. Reisk). Притомъ, обвиненный въ измѣнѣ, Антифонъ, точно какъ нѣкогда Адрастъ къ Тезею, прибѣгалъ къ Аѳинянамъ съ прошеніемъ, и столь краснорѣчиво защищалъ свою невинность, что, по свидѣтельству Ѳукидида (VIII, 68), всѣхъ превзошелъ въ этомъ отношеніи.

торики; ты, мнѣ кажется, говоришь правду: но какъ и откуда взять искуство объ истинно-риторическомъ и убѣдительномъ? D.

Сокр. Совершенство на поприщѣ краснорѣчія, вѣроятно, а можетъ быть и необходимо, пріобрѣтается, Федръ, какъ и все прочее. Если отъ природы дано тебѣ быть ораторомъ, то ты будешь ораторомъ достойнымъ похвалы, соединивъ въ себѣ знаніе съ упражненіемъ; а не имѣя того либо другаго, въ томъ самомъ отношеніи останешься несовершеннымъ. Искуство здѣсь,—какую бы силу ни обнаруживало, идетъ, очевидно, не тѣмъ путемъ, которымъ идутъ Тизіасъ и Тразимахъ:

Федръ. А которымъ?

Сокр. Мнѣ кажется, почтеннѣйшій, что въ риторикѣ, E.
по справедливости, совершеннѣе всѣхъ Периклъ.

Федръ. Почему такъ?

Сокр. Во всѣхъ великихъ искуствахъ требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ [1]. Отсюда-то непонятнымъ образомъ проистекаетъ та высота мыслей и та дѣй- 270.
ственность слова [2], которыми, кромѣ естественныхъ способ-

---

[1] *Требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ.* Сократъ доселѣ направлялъ разговоръ къ тому, чтобы въ риторикѣ отличить форму отъ содержанія и доказать, что первая безъ послѣдняго не составляетъ искуства, и что, слѣдовательно, всѣ чисто формальныя теоріи упомянутыхъ софистовъ сами по себѣ ничего не значатъ. Послѣ сего естественно родился вопросъ: что еще требуется въ помощь къ этимъ теоріямъ, чтобы рѣчь оратора могла убѣждать?—Требуется содержаніе; надобно форму одушевить мыслію, нужно мертвую теорію ритора оживить глубокомысліемъ и созерцательностію философа. Это-то глубокомысліе и созерцательность, примѣняясь къ образу мыслей и выраженію необразованнаго народа о философіи, Сократъ называетъ пустословіемъ и верхоглядствомъ о природѣ, и свое положеніе объясняетъ примѣромъ Перикла.

[2] *Та высота мыслей, та дѣйственность слова.*—Высота мыслей, τὸ ὑψηλόνουν, есть свойство ума входить въ предметъ глубоко, разсматривать его природу; дѣйственность слова, τὸ τελεσιουργόν, есть дѣйствіе убѣждать не искуственными оборотами и софизмами, а самымъ существомъ предмета. Такой умъ древніе приписывали Периклу. *Cicer.* Orat. 4. Quum alia praeclara quaedam et magnifica didicisset, ob eam rem et foecundum fuisse gnarumque, quibus orationis modis quaeque animarum partes pellerentur.

ностей, обладалъ Периклъ. Привязавшись къ Анаксагору, —человѣку тѣхъ самыхъ качествъ, привыкши къ верхоглядству, обращаясь къ природѣ разума и неразумія [1], о чемъ Анаксагоръ говорилъ много, Периклъ извлекалъ изъ этого все полезное для искуства рѣчей.

Федръ. Какъ ты понимаешь это?

B. *Сокр.* Способъ искуства риторическаго, вѣроятно, тотъ же, какой и врачебнаго.

Федръ. А какой именно?

Сокр. Въ обоихъ искуствахъ надобно разсматривать природу: въ одномъ—тѣла, въ другомъ—души, какъ-скоро рѣшаешься не навыкомъ только и опытомъ, а искуствомъ доставить: тѣлу, посредствомъ врачевства и пищи,—здоровье и крѣпость, душѣ, посредствомъ бесѣдъ и правильныхъ наставленій,—убѣдительность и, какую хочешь, добродѣтель.

Федръ. Ужъ вѣроятно такъ, Сократъ.

C. *Сокр.* Но думаешь ли, что можно, какъ слѣдуетъ, знать природу души, не зная природы всего?

Федръ. Если вѣрить Иппократу изъ касты Асклепіадовъ, то безъ этой методы нельзя знать и тѣла.

Сокр. Иппократъ говоритъ очень хорошо, другъ мой; однако кто изслѣдываетъ, тому надобно еще спросить разумъ, согласенъ ли онъ.

Федръ. Полагаю.

Сокр. Смотри же, что говорятъ о природѣ—Иппократъ [2]

---

[1] *Обращаясь къ природѣ разума и неразумія.* Извѣстно, что Анаксагоръ первый началъ учить о верховномъ умѣ, какъ о существѣ, отдѣльномъ отъ матеріальной природы, слѣдовательно долженъ былъ опредѣлять источники разума и неразумія.

[2] *Смотри же, что говоритъ о природѣ Иппократъ.* Мысли Иппократа изложены Галеномъ такъ (p. 16, 26): «Предполагая въ этой книгѣ опредѣлить природу нашего тѣла, Иппократъ, для опредѣленія ея, пользовался слѣдующею методою. Сперва онъ изслѣдовалъ, простое ли нѣчто она, или многовидное; потомъ, нашедши, что многовидное, разсматривалъ въ ней сущность началъ простыхъ, какова она, т.-е. способна ли страдать отъ чего или дѣйствовать. Такой же методѣ слѣдовалъ и Платонъ, когда разсматривалъ природу души.» Очевидно, что здѣсь указывается на тѣ же два вида методы, о которыхъ говорено было выше, p. 265 D.

и истинный разумъ. Не такъ ли слѣдуетъ разлагать мыслію D. всякую природу, въ которой хотимъ быть искусны сами и сдѣлать знатоками другихъ, чтобы сперва разсмотрѣть, проста она, или многообразна: потомъ, если проста, наблюдать ея силу, то-есть, какая природа и на что способна дѣйствовать, либо, какая и отъ чего можетъ приходить въ страдательное состояніе, — а если многообразна, исчислять ея образы и что тамъ было дѣлано съ однимъ, то здѣсь дѣлать съ каждымъ, то-есть смотрѣть, какая дѣятельность и какое страданіе свойственны каждому недѣлимому?

Федръ. Должно быть, Сократъ.

Сокр. Безъ этого, метода была бы подобна ходьбѣ слѣпца; а того, кто руководствуется искуствомъ, нельзя упо- E. добить ни слѣпому, ни глухому. Напротивъ, ясно, что кто учитъ другаго писать рѣчи сообразно съ искуствомъ, тотъ тщательно раскрываетъ сущность той природы, о которой надобно будетъ говорить; а это-то и есть душа.

Федръ. Какже.

Сокр. Итакъ, къ этому клонится вся его забота; въ этомъ-то старается онъ внушить убѣжденіе. Не такъ ли?

Федръ. Да.

Сокр. Стало-быть, явно, что и Тразимахъ, и всякій дру- 271. гой, преподающій риторическое искуство не шутя, во-первыхъ, со всею точностію опишетъ и покажетъ душу, одно ли она, равное самому себѣ по природѣ.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Во-вторыхъ, разсмотритъ, на что ей свойственно дѣйствовать, или отъ чего принимать дѣйствія.

Федръ. Какже.

Сокр. Въ-третьихъ, поставивъ въ порядокъ роды рѣчей B. и душй, и свойства ихъ, различитъ причины и будетъ принаравливать одно къ другому, замѣчая, какая душа, отъ какихъ рѣчей и по какой причинѣ необходимо либо убѣждается, либо не убѣждается.

Федръ. Это, повидимому, было бы прекрасно.

Сокр. По крайней мѣрѣ, другъ мой, кто станетъ доказывать и говорить иначе, тотъ не напишетъ и не скажетъ ничего, удовлетворяющаго искуству, о чемъ бы ни говорилъ
C. онъ. Что же касается до тѣхъ, которыхъ ты слышалъ и которые нынѣ пишутъ искуства рѣчей, то они хитрецы,—они только скрываются, а душу знаютъ превосходно. Посему, доколѣ не выскажутъ и не напишутъ этого способа, мы не будемъ вѣрить, будто пишутъ они сообразно съ искуствомъ.

Федръ. Какого способа?

Сокр. Самыми словами не выразить этого скоро; а какъ надобно писать, чтобы удовлетворить искуству, по возможности скажу.

Федръ. Конечно, скажи.

Сокр. Такъ какъ сила рѣчи направляется душою, то
D. желающій быть ораторомъ необходимо долженъ знать, изъ сколькихъ видовъ состоитъ душа. Положимъ, ихъ столько, или столько, и они таковы или таковы: тогда и рѣчи должны быть такія или другія. Различивъ же это, ты опять найдешь столько или столько видовъ въ рѣчахъ, и свойства каждаго; ты узнаешь, что такіе-то люди, такими-то рѣчами, по такой-то причинѣ, должны убѣждаться въ томъ-то, а другіе, потому-то, не убѣждаются. Размысливъ объ
E. этомъ достаточно, надобно еще смотрѣть и быстро слѣдовать вниманіемъ за ходомъ дѣлъ въ жизни практической; иначе не будешь знать ничего, кромѣ наставленій, слышанныхъ нѣкогда отъ учителя. А когда ты въ состояніи дать себѣ отчетъ, кто и чѣмъ убѣждается, и, при будущихъ встрѣчахъ, можешь сознательно сказать, что вотъ теперь на
272. самомъ дѣлѣ—тотъ человѣкъ и та природа, къ которой, какъ мнѣ говорили, надобно прилагать такія-то рѣчи, такимъ-то образомъ, для убѣжденія въ томъ-то,—когда все это ты уже помнишь, да сверхъ того берешь еще въ расчетъ время говорить и удержаться, также наблюдаешь благоприличіе или неблагоприличіе краткословія, сожалительности, пылкости и всѣхъ выученныхъ тобою видовъ рѣчи; тогда

твое искуство будетъ отдѣлано прекрасно и въ совершенствѣ,—но только тогда, а не прежде. Напротивъ, кто, го- B.
воря, уча или сочиняя, упускаетъ изъ виду показанныя правила, а между тѣмъ утверждаетъ, что держится искуства, тому продолжаютъ не вѣрить. Такъ что же, Федръ и Сократъ, скажетъ, можетъ быть, этотъ писатель,—такъ ли, по вашему мнѣнію, или какъ иначе надобно оцѣнивать принятое искуство рѣчей?

Федръ. Иначе конечно нельзя, Сократъ; однакожъ дѣло-то, мнѣ кажется, немалое.

Сокр. Твоя правда. Потому-то всѣ рѣчи надобно поворачивать такъ и сякъ и смотрѣть, не откроется ли пути къ искуству болѣе легкаго и короткаго, чтобы, когда есть не- C.
большой и удобный, не предпринимать понапрасну длиннаго и труднаго. Впрочемъ, если, слушая Лизіаса, или кого другаго, ты узналъ иной способъ, то припомни его и постарайся сообщить мнѣ.

Федръ. Можно бы, конечно, для опыта, но теперь какъ-то не въ состояніи.

Сокр. Такъ хочешь ли, я скажу тебѣ, что̀ слышалъ объ этомъ отъ другихъ?

Федръ. Почему не хотѣть?

Сокр. Вѣдь говорятъ, Федръ, что можно извинять себя и по-волчьи [1].

Федръ. Ну дѣлай и ты то же. D.

Сокр. Утверждаютъ, что нѣтъ никакой надобности представлять это столь важнымъ и длинными излучинами возводить столь высоко. Въ самомъ дѣлѣ, еще при началѣ своей бесѣды, привели мы мнѣніе, что кто хочетъ быть надлежащимъ ораторомъ, для того не нужно истинное понятіе о

---

[1] ***Можно извинять себя и по-волчьи.*** Указывается на извѣстную басню Езопа: *Λύκος ἰδὼν ποιμένας ἐσθίοντας ἐν σκηνῇ πρόβατον, ἐγγὺς προσελθὼν, Ἡλίκος ἂν ἦν ὑμῖν θόρυβος, εἰ ἐγὼ τοῦτο ἐποίουν.* Изъ этой басни могла произойти пословица: *τὸ τοῦ λύκου εἰπεῖν*—извинять себя по обычаю злодѣевъ. Такъ именно въ слѣдующемъ монологѣ извиняются ораторы.

справедливыхъ и добрыхъ дѣлахъ, либо о такихъ, по при-
родѣ и воспитанію, людяхъ; потому что въ судахъ никто и
нисколько не заботится объ истинѣ въ этомъ отношеніи, но
всѣ думаютъ о вѣроятномъ. А это значитъ, что намѣре-
вающійся говорить сообразно съ искуствомъ долженъ обра-
Е. щать вниманіе на правдоподобіе. Иногда не надобно раз-
суждать и о томъ, что̀ уже сдѣлано, если это сдѣлано не-
правдоподобно: какъ въ обвиненіи, такъ и въ защищеніи
разсуждай о правдоподобномъ. Ораторъ вообще обязанъ слѣ-
дить за правдоподобіемъ, а съ истиною вовсе распрощать-
273. ся. Это-то свойство и составляетъ искуственность рѣчи,
если имъ проникнута вся она.

Федръ. Ты, Сократъ, раскрылъ именно то, что говорятъ
люди, выдающіе себя за мастеровъ рѣчей. Теперь я вспо-
минаю, что прежде мы слегка коснулись этой мысли; но
она въ такомъ случаѣ кажется весьма важною.

Сокр. Впрочемъ, ты вѣдь до точности, конечно, изучилъ
и самого Тизіаса: такъ пусть онъ скажетъ намъ и объ этомъ,
—что̀ другое, по его мнѣнію, называется правдоподобнымъ,
В. какъ не кажущееся народу.

Федръ. Чему быть другому?

Сокр. Тизіасъ, помнится, мудро выдумалъ и мастерски
написалъ вотъ что: Если человѣкъ слабосильный, но муже-
ственный напалъ на сильнаго, но трусливаго, съ намѣре-
ніемъ снять съ него плащъ, или что другое, и за то приве-
денъ въ судъ; то оба они должны говорить неправду. Трусъ
будетъ доказывать, что на него напалъ мужественный не
одинъ; а мужественный будетъ спорить, что они были одни,
и въ заключеніе скажетъ: какъ же было мнѣ, такому, под-
С. нять руки на такого? Между тѣмъ первый, конечно, не со-
зна̀ется въ своей трусости, но рѣшится лгать какъ-нибудь
иначе и скоро дастъ противнику случай обличить себя. Ис-
куство Тизіаса и о другихъ предметахъ говоритъ нѣчто по-
добное. Не такъ ли, Федръ?

Федръ. Какже.

Сокр. Куда хитеръ долженъ быть въ изобрѣтеніи сокровеннаго искуства этотъ Тизіасъ, или кто бы то ни былъ и откуда бы ни получилъ свое названіе! Не обратить ли намъ своего слова лучше къ нему самому, другъ мой? D.

Федръ. Какого слова?

Сокр. Да вотъ: Тизіасъ! еще задолго до твоего прибытія, мы говаривали, что народъ имѣетъ понятіе о правдоподобномъ только по причинѣ сходства его съ истиннымъ. А эти сходства, какъ мы недавно показали, прекрасно умѣетъ вездѣ находить тотъ, кто знаетъ истину. Посему, если объ искуствѣ рѣчей ты хочешь сказать что-нибудь другое, мы готовы слушать тебя; а когда нѣтъ, будемъ вѣрить тому, E. о чемъ нынѣ разсуждали, то-есть: кто не въ состояніи разсчитывать природныя качества своихъ слушателей, дѣлить все сущее на виды и въ одной идеѣ разсматривать каждый изъ нихъ, тотъ никогда не сдѣлается искуснымъ въ словѣ, сколько то возможно человѣку. Но это ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтается безъ великихъ усилій, которыя въ человѣкѣ умномъ бываютъ не для того, чтобы бесѣдовать и дѣйствовать въ обществѣ людей, а для того, чтобы умѣть говорить пріятное богамъ и посильно совершать все угодное имъ [1]. Вѣдь и тѣ, которые мудрѣе насъ, Тизіасъ, говорятъ, что человѣкъ съ умомъ долженъ стараться угождать не подобнымъ себѣ рабамъ, развѣ только между дѣломъ, а 274. господамъ добрымъ и происходящимъ отъ добрыхъ. Не удивляйся, что этотъ путь длиненъ: вѣдь по немъ надобно идти къ высшей цѣли, а не къ той, которая тебѣ представляется [2]. Впрочемъ, кто, какъ говорится, захочетъ, тотъ изъ послѣдней цѣли прекрасно выведетъ и первую.

---

[1] *Умѣть говорить пріятное богамъ и посильно совершать все угодное имъ.*— Это есть одно изъ выраженій высшей цѣли человѣческой жизни, по ученію Платона. На всѣ свои слова и поступки, касающіеся людей, смотри такъ, какбы ты говорилъ первыя и совершалъ послѣдніе не предъ людьми и не для людей, а предъ очами боговъ, для исполненія воли ихъ.

[2] *По немъ надобно идти къ высшей цѣли, а не къ той, которая тебѣ представляется*: т. е. надобно стараться о томъ, какъ бы угодить богамъ,

Федръ. По моему мнѣнію, Сократъ, это сказано превосходно, лишь бы только быть въ состояніи.

Сокр. Но кто предпринимаетъ хорошее, тому, если слу-
B. чится, хорошо и потерпѣть.

Федръ. И очень.

Сокр. Теперь касательно искуства и не-искуства рѣчей довольно.

Федръ. Пожалуй.

Сокр. Остается еще сказать о приличіи и неприличіи письменнаго изложенія, то-есть, когда оно бываетъ хорошо и когда неприлично. Не такъ ли?

Федръ. Да.

Сокр. Знаешь ли, чѣмъ лучше угодить Богу, какъ скоро дѣло идетъ о рѣчахъ, сочиняя или произнося ихъ?

Федръ. Я не знаю; а ты?

C. *Сокр.* Я разскажу тебѣ преданіе древнихъ; а древніе знали правду. Впрочемъ, если мы сами откроемъ ее, то будемъ ли еще заботиться о мнѣніяхъ человѣческихъ?

Федръ. Смѣшной вопросъ! Но разсказывай, что слышалъ.

Сокр. Я слышалъ, что близъ египетскаго Навкратиса жилъ одинъ изъ тамошнихъ древнихъ боговъ, которому посвящена была птица, называемая ибисомъ. Имя этого божества—Теутъ [1]. Онъ первый изобрѣлъ число, ариѳметику, геометрію и астрономію, игру въ шашки и кости, изобрѣлъ

а не о томъ, какъ бы убѣдить слушателей, хотя, стремясь къ первой цѣли, тѣмъ легче достигнешь и послѣдней.

[1] *Имя этого божества—Теутъ.*—Теутъ, кажется, имѣлъ родовое значеніе Бога: потому что это имя близко къ греческому Δεύς и латинскому Deus, также къ древнему корню восточныхъ языковъ di (отсюда dia, dio и проч.), dew и deu (отсюда санскр. dew-ta, латинск. dei-tas). По крайней мѣрѣ извѣстно, что Теута Греки называли также Меркуріемъ, которому, по свидѣтельству Эліана (H Nat. X, 29), посвященъ былъ ибисъ. Притомъ Цицеронъ говоритъ (de nat. D. 1, 36): quartus (Mercurius) Nilo patre, qui Argum dicitur invenisse ob eamque causam Aegyptum profugisse atque Aegyptiis leges et litteras tradidisse. Hunc Aegyptii Thoth appellarunt. Что же касается до самой басни, то она, по всей вѣроятности, выдумана самимъ Платономъ. Это, кажется, чувствовалъ и Федръ, когда говорилъ: «ты легко сочиняешь и египетскія и какія угодно повѣсти.»

также и буквы. Царемъ всего Египта въ то время былъ D.
Ѳамусъ[1], сидѣвшій въ большомъ городѣ верхней части страны. Этотъ городъ Греки называютъ египетскими Ѳивами, а бога—Аммономъ. Однажды Теутъ, пришедши къ Ѳамусу, объявлялъ ему о своихъ искуствахъ и говорилъ, что надобно сообщить ихъ всѣмъ Египтянамъ; но послѣдній спросилъ его: какую пользу можетъ доставить каждое изъ нихъ? Когда Теутъ началъ объяснять это,—царь, смотря по тому, хорошимъ или худымъ представлялось ему объясненіе, иное порицалъ, иное хвалилъ. Вообще, много говорилъ онъ Теуту E.
о каждомъ искуствѣ въ ту и другую сторону: разсказывать объ этомъ было бы долго. Наконецъ дѣло дошло до буквъ, и Теутъ сказалъ: Государь! эта наука сдѣлаетъ Египтянъ мудрѣе и памятливѣе; я изобрѣлъ ее, какъ средство для памяти и мудрости. Но царь отвѣчалъ: Многоученый Теутъ! одинъ способенъ раждать искуства, а другой судить, сколько вреда или выгоды принесутъ они людямъ, которые будутъ пользоваться ими. Вотъ ты, отецъ буквъ, по родитель- 275.
ской любви, приписалъ имъ противное тому, что онѣ могутъ. Вѣдь это, ослабляя заботливость о памятованіи, произведетъ въ душахъ учениковъ забывчивость[2]; потому что, полагаясь на внѣшнее письмо, изображенное чужими знаками, они не будутъ вспоминать впечатлѣній внутренно—сами въ

---

[1] *Ѳамусъ*, Θαμοῦς—то же, что Ἀμοῦς или Ἀμμοῦς, по-латини—Jupiter Ammo, ѳивскій богъ, бывшій прежде царемъ египетскимъ. О различномъ произношеніи этого имени см. *Gal*. ad Iamblich de myst. IX 4 p. 304. Впрочемъ, далѣе (p. 275 D) Ѳамуса Платонъ самъ называетъ Аммономъ. А ближайшія слова (274 D.): καὶ τὸν θεὸν Ἄμμωνα, Штальбомъ признаетъ внесенными чуждою рукою, и его догадка правдоподобна.

[2] *Это, ослабляя заботливость о памятованіи, произведетъ забывчивость.* Ученіе, что имѣть подъ руками мысли другихъ, изложенныя на бумагѣ, болѣе вредно для памяти, нежели полезно, Платонъ заимствовалъ, кажется, у Пиѳагорейцевъ, которые, слѣдуя постановленію Пиѳагора, считали преступленіемъ распространять его ученіе письменно (*Porphyr*. vit. Pythag. 58). Впрочемъ, должно замѣтить, что Пиѳагоръ имѣлъ въ виду совсѣмъ другую цѣль. *Plut*. vit. Num. T. 1, 75 D. Впослѣдствіи мнѣніе Платона о вредной сторонѣ письменности принялъ и Сенека (Ep. 88, 28): Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet.

себѣ. Значитъ, ты изобрѣлъ средство не для памятованія, а для напоминанія. Да и мудрость ученики пріобрѣтутъ [1] у тебя не истинную, а кажущуюся; потому что многаго наслушавшись и ничего не изучая, будутъ представлять себя многознайками и, какъ мнимые мудрецы, вмѣсто истинныхъ,
B. останутся большею частію невѣждами и людьми въ обществѣ несносными.

Федръ. Ты, Сократъ, легко сочиняешь и египетскія, и какія угодно повѣсти.

Сокр. Но разсказывали же [2], другъ мой, что въ храмѣ додонскаго Зевса первымъ провѣщателемъ былъ дубъ. Такъ видно, въ тѣ времена жили не такіе мудрецы, какъ вы— молодые люди: они, въ простотѣ сердца, довольствовались и провѣщаніемъ дуба, либо камня, только бы говорили имъ правду; а тебѣ кажется не все равно, кто бы ни сказалъ
C. и откуда бы онъ ни былъ, — ты смотришь не на то одно, такъ ли это, или иначе.

Федръ. Выговоръ справедливъ; касательно буквъ и мнѣ представляется то же, что говоритъ Ѳивеецъ.

Сокр. Стало-быть, кто думаетъ, что искуство онъ заключилъ въ буквы, и увѣренъ также, что отъ буквъ оно получитъ какую-то ясность и твердость: тотъ слишкомъ простъ и дѣйствительно не понимаетъ Аммонова предска-
D. занія; ему кажется, что мысли написанныя гораздо лучше умѣнья помнить, что̀ написано.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Да, Федръ, такова-то бѣда съ письмомъ, равно

---

[1] *Да и мудрость ученики пріобрѣтутъ у тебя* и проч.—Самое осязательное, опытное и современное намъ доказательство, что письменность не всегда полезна.

[2] *Но разсказывали же*... Сократъ слегка упрекаетъ Федра, что разсказъ о Теутѣ онъ почитаетъ вымысломъ и какбы презираетъ его. — Почему же представляется тебѣ маловажнымъ провѣщаніе Ѳамуса, хотѣлъ онъ сказать, когда у насъ, въ Греціи, первымъ провѣщателемъ былъ дубъ?—О додонскомъ дубѣ см. *Herod*. 11, 52, а о пророчественномъ камнѣ — Odyss. XIX, 163, Iliad. XXII, 126.

какъ и съ живописью. Произведенія послѣдней стоятъ будто живыя: а спроси ихъ о чемъ-нибудь, преважно молчатъ. То же и рѣчи: подумаешь, что онѣ говорятъ, какъ умныя; а когда кто спрашиваетъ ихъ, съ намѣреніемъ понять содержаніе, отдѣлываются одними и тѣми же выраженіями. Всякая, однажды написанная рѣчь бродитъ вездѣ—и между E.
людьми, разумѣющими ее, и между тѣми, къ которымъ она не относится: она не знаетъ, кому говорить, кому нѣтъ; а потому, подвергаясь оскорбленіямъ и несправедливому порицанію, всегда имѣетъ нужду въ помощи своего отца. Самой ей невозможно ни защититься, ни помочь себѣ.

Федръ. И это также очень справедливо.

Сокр. Что же теперь? не посмотрѣть ли намъ и на дру- 276.
гую рѣчь—родную сестру ея, какъ она происходитъ и восколько бываетъ лучше и сильнѣе?

Федръ. На какую это, и что разумѣешь ты подъ происхожденіемъ?

Сокр. На ту, которая вписывается въ душу познающаго вмѣстѣ съ знаніемъ, которая можетъ защищать сама себя и понимаетъ, съ кѣмъ говорить и предъ кѣмъ молчать..

Федръ. Ты разумѣешь рѣчь человѣка знающаго — живую и одушевленную; такъ что написанная справедливо можетъ быть названа ея изображеніемъ?

Сокр. Безъ сомнѣнія. Скажи же мнѣ: благоразумный земледѣлецъ, заботясь о своихъ сѣменахъ и желая отъ нихъ B.
плодовъ, согласится ли, не шутя, посѣять ихъ лѣтомъ въ садахъ Адониса [1], чтобы наслаждаться созерцаніемъ ихъ красоты впродолженіе осьми дней, или сдѣлаетъ это только для забавы и ради праздника, если сдѣлаетъ? тѣ же, которыми

---

[1] *Посѣять въ садахъ Адониса*. Греки въ честь Адониса праздновали ежегодно восемь дней и къ этому времени засѣвали рожью и пшеницею принадлежавшіи къ его храму поля, которыя назывались садами Адониса—'Αδώνιδος κῆποι, а въ самый храмъ приносили множество корзинъ съ плодами и вазъ со скоро увядающими цвѣтами—въ знакъ того, что земныя удовольствія кратковременны. Отсюда произошла пословица: 'Αδώνιδος κῆποι—блестящія бездѣлки, минутныя наслажденія (Diction. des cultes religieux).

хочетъ воспользоваться серьёзно и по правиламъ земледѣльческаго искуства, посѣетъ, гдѣ слѣдуетъ, и будетъ желать, чтобы посѣянное созрѣло въ восьмой мѣсяцъ?

C. *Федръ*. Вѣроятно такъ, Сократъ: одно сдѣлаетъ онъ не шутя, а другое иначе, то-есть, какъ говоришь.

Сокр. Но скажемъ ли, что у человѣка, обладающаго познаніями праведнаго, прекраснаго и добраго, меньше ума для своихъ сѣмянъ, чѣмъ у земледѣльцевъ?

Федръ. Никакъ не менѣе.

Сокр. Слѣдовательно, не шутя, онъ не будетъ писать на водѣ [1] чернилами и сѣять посредствомъ трости да словъ [2], которыя не могутъ ни разумно помочь самимъ себѣ, ни достаточно высказать истину.

Федръ. Ужъ вѣроятно, не будетъ.

D. *Сокр*. Конечно, нѣтъ; напротивъ, луга письменности, должно быть, станетъ засѣвать и исписывать, если станетъ, ради забавы,—приготовляя и себѣ сокровище замѣтокъ на время забывчивой старости, и всякому идущему тою же дорогою, чтобы радоваться, смотря на ихъ нѣжную молодость. Когда другіе предаются инымъ забавамъ, орошая себя [3] пирами и прочими, сродными съ этимъ удовольствіями; тогда онъ, вдали отъ подобныхъ удовольствій, вѣроятно, будетъ наслаждаться тѣми, о которыхъ я говорю.

E. *Федръ*. Прекрасная забава, Сократъ, вмѣсто худой, когда

---

[1] ***Будетъ писать на водѣ*** — *ὕδατι γράψει*. Выраженіе *ὕδατι γράφειν* у Грековъ, какъ и у насъ, имѣетъ силу пословицы и означаетъ суетный трудъ, или, точнѣе, намѣреніе неисполнимое; *ἐπὶ τῶν μάτην ποιούντων*. Въ томъ же значеніи употребляется выраженіе: *πόντον σπείρειν, εἰς ὕδωρ*, или *ἐν ὕδατι σπείρειν*.

[2] ***Сѣять посредствомъ трости да словъ*** — *σπείρειν διὰ καλάμου μετὰ λόγων*. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что *μετὰ λόγων* должно соединять не съ *σπείρειν*, какъ нѣкоторые дѣлали, а съ *διά καλάμου*, какбы стояло: *διά καλάμου καὶ λόγων*. Подобныя сочетанія см. выше p. 253 E: *μάστιγι μετὰ κέντρων; τιμῆς ἐραστὴς μετὰ σωφροσύνης τε καὶ αἰδοῦς*.

[3] ***Орошая себя*** — *ἄρδοντες αὐτούς*. *Ἄρδειν* — орошать, указываетъ на средство возращенія крыльевъ, о которомъ говорено было выше (251 B сл.). Предполагается, что чрезъ возращеніе и поддержаніе крыльевъ облегчается старость.

кто, умѣя забавляться рѣчами, размышляетъ [1] о праведности и о прочихъ, упомянутыхъ тобою предметахъ.

Сокр. Конечно такъ, любезный Федръ; но тотъ еще лучше, думаю, заботится объ этомъ, кто, пользуясь діалектикою и избравъ приличную душу, насаждаетъ и посѣваетъ
въ ней проникнутыя знаніемъ мысли, которыя въ состояніи 277.
помочь и самимъ себѣ, и сѣятелю, которыя не безплодны, но заключаютъ въ себѣ сѣмя, а потому, бывъ способны осѣменить мыслями и другіе умы, всегда служатъ залогомъ безсмертія, и кто имѣетъ ихъ, тому доставляютъ блаженство, сколько можетъ вмѣстить его человѣкъ.

Федръ. Это, въ самомъ дѣлѣ, гораздо лучше.

Сокр. Такъ согласившись съ послѣднимъ, мы можемъ теперь уже судить и о первомъ.

Федръ. О чемъ?

Сокр. О томъ, что̀ желали мы узнать, пускаясь въ эти разсужденія, то-есть изслѣдовать упрекъ, сдѣланный Лизіасу
за письменное изложеніе рѣчей, и самыя рѣчи, какія изъ B.
нихъ могутъ быть написаны сообразно съ искуствомъ, какія нѣтъ. Вѣдь мы, кажется, порядочно отличили искусное отъ неискуснаго.

Федръ. Да, казалось такъ; однакожъ напомни мнѣ, какимъ образомъ.

Сокр. Кто сперва не узнаетъ истины каждаго предмета, о которомъ говоритъ или пишетъ, и не будетъ въ состояніи опредѣлить цѣлое само по себѣ, либо, опредѣливши, не съумѣетъ опять раздѣлить его на виды до самыхъ недѣлимыхъ; кто, разсматривая такимъ же образомъ природу души, не
будетъ искать приличнаго каждой природѣ вида и не поста- C.
рается располагать и украшать свою рѣчь такъ, чтобы раз-

---

[1] *Размышляетъ*—*μυθολογοῦντα*. Глаголъ *μυθολογεῖν* противуполагается здѣсь слову *διαλέγεσθαι* и значитъ: свободно предаваться размышленію, ничѣмъ не стѣсняясь и не связываясь строгими законами діалектики. Глаголу *μυθολογεῖν* въ этомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ наше простонародное слово «балагурить».

новидной душѣ [1] высказывать разновидныя и совершенно стройныя, а простой простыя мысли: тотъ, къ какому бы роду рѣчей ни приступалъ, не сдѣлается въ искуствѣ сильнымъ ни для наученія, ни для убѣжденія, какъ это видно изъ прежнихъ нашихъ разсужденій.

Федръ. Да, это-то безъ сомнѣнія какъ-то такъ представлялось намъ.

D. *Сокр*. Что же теперь? похвально ли говорить и писать рѣчи, или постыдно? и въ какомъ случаѣ упрекъ за это былъ бы справедливъ, въ какомъ нѣтъ? Не рѣшаются ли эти вопросы тѣмъ, что сказано незадолго прежде?

Федръ. А что сказано?

Сокр. То, что если Лизіасъ, да хоть и кто другой,—писалъ, или будетъ писать, либо частно, либо для общества, обнародывая политическія свои мнѣнія, какъ законодатель, и предполагая въ нихъ много основательности и ясности; то писателю въ этомъ случаѣ—упрекъ, высказывается ли онъ кѣмъ-нибудь, или нѣтъ. Вѣдь совершенное незнаніе [2]
E. справедливости и несправедливости, добра и зла, не избѣгнетъ должнаго порицанія, хотя бы оно слышало похвалы отъ всего народа.

Федръ. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Такой-то человѣкъ въ писанной рѣчи о всякомъ предметѣ необходимо предполагаетъ лишь много забавы, и ни одного стихотворнаго и нестихотворнаго сочиненія не почитаетъ достойнымъ того, чтобы оно могло быть писано,

---

[1] ***Разновидной душѣ.... разновидныя и совершенно стройныя.... мысли*** — *ποικίλῃ μεν ποικίλους ψυχῇ καὶ παναρμονίους... λόγους*. Слово *ποικίλος* употребляется для выраженія разноцвѣтности въ природѣ, искуствахъ, одеждахъ и проч. Прилагаемое къ душѣ, это слово метафорически означаетъ душу, обогащенную различными познаніями, образованную и дѣйствующую подъ условіями свѣтскихъ приличій. Для такой души такая нужна и рѣчь.

[2] ***Совершенное незнаніе*** — *τὰ ἀγνοεῖν ὕπαρ τε καὶ ὄναρ*. Это греческое выраженіе есть пословица, буквально соотвѣтствующая русской поговоркѣ: «во-снѣ и на-яву»; *οὔτ' ὄναρ οὔθ' ὕπαρ*, ни во-снѣ, ни на-яву. Phileb. p. 36. E. *Lobeck*. ad Phryn. p. 422 sq., т.-е. *никогда*, или *никакимъ образомъ*.

или говорено серьёзно, какъ будто все это рапсодіи [1], которыя читаются безъ разбора и знанія, имѣющаго цѣлію убѣжденіе. Между тѣмъ лучшія изъ нихъ пишутся для на- 278.
поминанія людямъ знающимъ: это—сочиненія учительныя [2], которыя произносятся для наставленія и, дѣйствительно вписывая въ души уроки о праведномъ, прекрасномъ и добромъ, носятъ на себѣ характеръ дѣйственности и совершенства, достойнаго серьёзной внимательности. Такія рѣчи писатель долженъ почитать какбы родными своими дѣтьми, то-есть, сперва рѣчь, возникшую въ немъ самомъ, если она есть, потомъ произшедшія отъ ней порожденія и сестры ея, развившіяся въ душахъ другихъ людей, а прочія оставить. И B.
вотъ, должно быть, тотъ человѣкъ, котораго я и ты, Федръ, желали бы осуществить собою.

Федръ. Да, я желаю и прошу себѣ именно того, о чемъ ты говоришь.

Сокр. Но, кажется, довольно уже намъ забавляться рѣчами. Теперь поди ты и скажи Лизіасу, что мы ходили къ ис-

---

[1] *Какъ будто все это рапсодіи*—ὡς οἱ ῥαψῳδούμενοι. Λόγοι ῥαψῳδούμενοι, или ῥαψῳδίαι отъ (ῥάπτειν τὴν ᾠδήν), по изъясненію Аста, суть carmina continua, quae solus cantat; vel continua pronunciatione (recitatione) utitur, ideoque a histrione distinguitur (Rep. II, 373 B. Legg. VI, 764 D). Такое понятіе о рапсодіяхъ, очевидно, поставляетъ онъ въ противуположность съ сочиненіями драматическими; слѣдовательно, согласно съ изъясненіемъ Аста, всякая эпопея будетъ рапсодія. Но это — явное недоразумѣніе. Рапсодія, конечно, есть пѣснь непрерывная; но она предполагаетъ эпопею, изъ которой должна быть заимствована. Поэтому рапсодіи Омировы суть разсказы о богахъ и герояхъ, на основаніи эпопей Омира (см. Jon. 530 B. C). Рапсодіями Греки называли также краткія импровизаціи пѣвцовъ о любовныхъ дѣлахъ и событіяхъ вымышленныхъ. На такія рапсодіи указываетъ Свида — ῥαψῳδῆσαι ἐστι τὸ φλυαρῆσαι, ἢ τὸ ἁπλῶς λαλεῖν καὶ ἀπαγγεῖλαι χωρὶς ἔργου τινός. Подобнаго рода рапсодами на сѣверѣ были барды или баяны, а рапсодіями ихъ—выдержки изъ народныхъ преданій, баллады, героическія и романтическія повѣсти. Впрочемъ здѣсь, очевидно, различаются два рода рѣчей: однѣ рѣчи (писанныя и неписанныя, прозаическія и стихотворныя), неимѣющія знанія о прекрасномъ, добромъ и справедливомъ; другія, основывающіяся на этомъ знаніи и напечатлѣвающія его въ душахъ.

[2] Разумѣются сочиненія философскія, въ которыхъ должно быть раскрываемо ученіе объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ; такъ какъ въ этомъ ученіи всякая ораторская рѣчь должна найти свое основаніе и твердость.

C. точнику нимфъ, въ убѣжище музъ, и слышали тамъ слова, которыми повелѣвалось намъ объявить, во-первыхъ, ему со всѣми другими писателями рѣчей, во-вторыхъ, Омиру со всѣми слагателями стиховъ для пѣнія и не для пѣнія[1], въ-третьихъ, Солону со всѣми политическими ораторами, которые подаютъ свои мнѣнія въ смыслѣ законовъ,—объявить слѣдующее: кто, сознавая истину дѣла, написалъ о немъ и можетъ помочь ему, когда написанное подвергается испытанію, и кто устными объясненіями въ состояніи доказать, что написанное ниже этихъ объясненій тотъ долженъ носить названіе не
D. по тѣмъ рѣчамъ, а по другимъ, которыми занимался серьёзно.

Федръ. Какія же ты дашь ему названія?

Сокр. Назвать его мудрецомъ, Федръ, мнѣ кажется, слишкомъ много,—это имя прилично одному Богу: гораздо сообразнѣе и пристойнѣе было бы называться ему либо любителемъ мудрости[2], либо подобнымъ этому именемъ.

Федръ. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего несообразнаго.

Сокр. Напротивъ, кто опять болѣе всего любитъ—сочиненное или написанное долго вертѣть такъ-и-сякъ, одно съ дру-

---

[1] *Со всѣми слагателями стиховъ для пѣнія и не для пѣнія* — *καὶ εἴ τις ἄλλος αὖ ποίησιν ψιλὴν ἢ ἐν ᾠδῇ συντέθεικε.* Ποίησις ψιλὴ есть повѣсть простая, или пѣснь, неположенная на ноты, неназначенная для пѣнія, слѣдовательно противуположная стихотворенію лирическому. *Tyrwhitt.* ad Arist. de poes. p. 115 Legg. II, 669 D.

[2] *Называться ему любителемъ мудрости*—*φιλόσοφον*. Основываясь на этомъ мѣстѣ Платона, Мейнерсъ (Fortg. u. Verf. d. Wissensch. in. Griech. u. Rom. T. 1, p. 119) полагаетъ, что первый, оставившій названіе мудреца, и начавшій называться философомъ, былъ Сократъ. Но Сократъ старался только утвердить и доказать законность этого имени; а изобрѣтено оно Пиѳагоромъ. *Cicer.* Tuscul. V. 3. *Wittenb.* Bibl. crit. V. II T. IV, 118 sqq. Quamquam si verum est, quod Heraclide Pontico auctore veteres narrant, Pythagoram primum semet ipsum vocitasse *philosophum,* quum ante qui in rerum contemplatione studium posuissent *sapientes* essent nominati, hoc etiam veri est simile Platonem (germanae philosophiae partim restitutorem partim inventorem) hac quoque in re Pythagorae sententiam sophisticae vitio tum fere obscuratam iterum in lucem protulisse et pythagorium *φιλόσοφον* data opera opposuisse *σοφῷ* vel *σοφιστῇ* sui temporis. Это мѣсто имѣлъ въ виду и Климентъ Алекс. Paedag. 1, 10. T. I, p. 153. Pott: *σοφὸς δὲ ὁ θεὸς μόνος, ἀφ' οὗ ἡ σοφία, καὶ τέλειος μόνος, διὰ ταῦτα καὶ μόνος ἐπαινετός.*

гимъ склеивать и одно отъ другаго отнимать; того не на- Е.
зовешь ли ты по справедливости либо поэтомъ, либо писателемъ рѣчей, либо излагателемъ законовъ?

Федръ. Почему не назвать?

Сокр. Скажи же это своему другу.

Федръ. А ты-то что? Какъ поступишь? Вѣдь нельзя умолчать и о твоемъ другѣ?

Сокр. О комъ это?

Федръ. О красавцѣ Исократѣ [1]. Что объявишь ты ему, Сократъ? Какимъ именемъ назовешь его?

Сокр. Исократъ еще молодъ, Федръ; впрочемъ, пожалуй,
я скажу, чего ожидаю отъ него. 279.

Федръ. А чего именно?

Сокр. Судя по рѣчамъ Лизіаса, дарованія Исократа, кажется, лучше, да и нравъ благороднѣе; такъ что не должно удивляться, если, достигнувъ возраста болѣе зрѣлаго, онъ, въ томъ самомъ родѣ рѣчей, которымъ нынѣ занимается, станетъ выше не однихъ мальчиковъ, иногда рѣшающихся писать рѣчи. Даже, когда и того будетъ ему мало, божественное стремленіе повлечетъ его далѣе; потому что въ
разсудкѣ этого человѣка, другъ мой, есть какое-то природ- В.
ное любомудріе. Такъ вотъ что, по волѣ здѣшнихъ боговъ, я объявлю своему любимцу Исократу, а ты своему—Лизіасу—объяви сказанное прежде.

Федръ. Такъ и будетъ. Однакожъ пойдемъ, теперь и жаръ послабѣе.

---

[1] *О красавцѣ Исократѣ.* Исократъ былъ другъ и ученикъ Сократа (auct. anonym. in vit. Isocr. p. VIII.). Въ его рѣчахъ ясно отразились правила и мысли его учителя. Поэтому Платонъ имѣлъ о немъ высокое понятіе и совершенно противуполагалъ его Лизіасу, который былъ старше Исократа двадцатью двумя годами. Исократъ родился 1, 86 олимп. См. *Taylor.* vit. Lys. p. 101. Reisk. Это мѣсто имѣлъ въ виду и Цицеронъ (Orat. 13): но объ Исократѣ отзывается онъ невыгодно. Quin ipsum Isocratem, quem divinus auctor Plato, suum fere aequalem, admirabiliter in Phaedro laudari fecit a Socrate, quem omnes docti summum oratorem esse dixerunt, tamen hoc in numero non repono. Діогенъ Лаэрцій замѣчаетъ (III, 8), что, по поводу этого отзыва Платона объ Исократѣ, возникла вражда между Исократомъ и Лизіасомъ,

Сокр. Но не приличнѣе ли намъ удалиться отсюда, помолившись здѣшнимъ богамъ?

Федръ. Почему не такъ?

Сокр. О любезный Панъ и прочіе здѣшніе боги! Даруйте мнѣ быть прекраснымъ внутренно, и съ моимъ внутрен-
C. нимъ согласите все, что имѣю, внѣшнее. Богатымъ да почитаю я мудраго,—и такого золота да будетъ у меня столько, сколько не можетъ ни унесть, ни увезть никто, кромѣ человѣка разсудительнаго.

Просить ли еще чего-нибудь, Федръ? Для меня-то достаточно.

Федръ. Того же проси и для меня; вѣдь у друзей все общее [1].

Сокр. Пойдемъ.

---

[1] *У друзей все общее*—*κοινὰ τὰ τῶν φίλων*. Схоліастъ къ эт.: *κοινὰ τὰ τῶν φίλων, ἐπὶ τῶν εὐμεταδότων*. То-есть, слова эти относились къ тому, что̀ легко передавать. Пословица, говорятъ, высказана сперва въ Великой Греціи — въ то время, когда жилъ тамъ Пиѳагоръ и требовалъ. чтобы всѣ тамошніе обитатели пользовались неразлѣльно своимъ имуществомъ.

ПИРЪ.

ПИРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ ученѣйшіе критики древней греческой литературы единодушно соглашаются, что Пиръ или Симпосіонъ Платона надобно почитать превосходнѣйшимъ памятникомъ эллинскаго краснорѣчія и философствующаго ума. Будемъ ли смотрѣть на изящество и пріятность рѣчи:—она своею легкостію, ясностію, тонкостію, игривостію и ироніею, удивительно какъ мѣрно и ловко господствующею во всемъ сочиненіи, сообщаетъ ему необыкновенную увлекательность, красоту, изящество! Обратимъ ли вниманіе на цѣлость разсказа:—невозможно придумать болѣе пріятнаго разнообразія и болѣе мѣткой характеристики тѣхъ лицъ, которыя разговариваютъ въ этомъ діалогѣ; здѣсь всѣ они списаны съ натуры, или, лучше сказать, здѣсь всѣ они изображаютъ сами себя—своимъ образомъ мыслей, нравственными правилами, даже словами и движеніями; такъ что, читая Симпосіонъ Платона, какъ будто видишь предъ собою сценическое представленіе. Взвѣсимъ ли, наконецъ, важность и достоинство содержанія:—въ этомъ отношеніи нельзя не приписать Симпосіону особенно высокаго значенія, видя, въ какой тѣсной связи поставляется въ немъ любовь съ истиною и добромъ! Но что касается до цѣли разсматриваемаго разговора, то критики высказывали объ этомъ не одинаковыя мнѣнія. Одни полагали, что Платонъ написалъ Симпосіонъ съ намѣреніемъ показать, каковъ былъ Сократъ на пиршествахъ и въ сообществѣ друзей; дру-

гіе думали, что цѣлію этого Платонова труда было — восхвалить любовь и, восхваляя ее, показать опыты игриваго остроумія тогдашнихъ ученыхъ Грековъ; иные утверждали, что Платону въ этомъ діалогѣ хотѣлось защитить Сократа отъ обвиненій въ постыдной любви, какую иногда приписывали ему, и вмѣстѣ противупоставить свой Симпосіонъ Симпосіону Ксенофонтову. Но всѣ приведенныя и другія подобныя мнѣнія о цѣли разсматриваемой книги далеко ниже того искуства, съ которымъ она изложена, и того предмета, о которомъ въ ней разсуждается. Цѣль Симпосіона опредѣляется его формою и содержаніемъ.

Общимъ формальнымъ признакомъ этого діалога надобно почитать то, что въ немъ философская бесѣда выходитъ уже изъ вторыхъ устъ, а не непосредственно отъ самого Сократа, подобно тому, какъ это дѣлается въ Платоновомъ Пармениде. Побужденіемъ къ избранію такой формы было, кажется, намѣреніе Платона—популярный и каждому доступный предметъ о любви, который казался столь близкимъ къ нравственному воззрѣнію Сократа, возвысить до значенія идеальнаго и основать его на болѣе твердыхъ—метафизическихъ началахъ. Такъ позволяется думать, соображая нетолько цѣль, достигаемую тѣмъ же способомъ въ Парменидѣ, гдѣ изслѣдованія Кефала направляются прямо къ платоническому источнику истины,—но и свойства лицъ, разсказывающихъ о бесѣдѣ на вечерѣ Агатона. Эти лица—Аристодемъ и Аполлодоръ, изъ которыхъ первый самъ находился между пировавшими, а послѣдній пересказываетъ рѣчи пировавшихъ, какъ слышалъ ихъ отъ перваго. Нельзя не замѣтить, что такіе разсказчики, по особеннымъ чертамъ философскаго своего настроенія, избраны Платономъ какъ нельзя примѣнительнѣе къ развитію идеи Симпосіона. Въ Аристодемѣ видимъ мы самаго преданнаго Сократу ученика, который нетолько буквально слѣдовалъ ученію своего учителя, но и подражалъ образу внѣшней его жизни, подобно Киникамъ. Этотъ разсказчикъ есть типъ самого Сократа, вѣрный передаватель

нравственно-практическихъ понятій о любви. Но истина, переливаясь изъ одной души въ другую, необходимо оттѣняется частными, подлежательными ея свойствами и выходитъ болѣе или менѣе окрашенною. Такъ отцвѣтилась и истина Сократова, когда перелилась чрезъ живое чувство Аполлодора. Разсказывая своимъ друзьямъ о бесѣдѣ гостей на Агатоновомъ праздникѣ, какъ передана была она Аристодемомъ, Аполлодоръ конечно сохраняетъ историческую вѣрность формальной стороны произнесенныхъ тогда рѣчей и выдерживаетъ самое содержаніе ихъ; но, силою своего чувства внѣдряясь глубже въ значеніе любви, незамѣтно возвышается до внутренней, или собственно идеальной чистоты ея. Преданный Сократу, какъ и Аристодемъ, онъ въ то же время нетолько презираетъ другихъ, нисколько не заинтересованныхъ его философіею, но жалуется и на самого себя, зачѣмъ заронившееся въ его душѣ сѣмя сократической мысли не находитъ въ этой почвѣ столько пищи, чтобы развиться и раскинуться въ огромное сѣннолиственное дерево. Поэтому въ Аполлодорѣ мы видимъ типъ философа, стремящагося по ступенямъ опытно-нравственныхъ понятій о любви возвыситься къ ея идеѣ, съ площади отъ Сократа перейти въ академію Платонову. Но такой переходъ могъ быть сдѣланъ только съ нѣкоторою послѣдовательностію,—и Платонъ, какъ увидимъ, выдержалъ ее со всею строгостію.

Повѣствователь переноситъ вниманіе своихъ слушателей далеко назадъ — къ тому времени, когда драматическій поэтъ Агатонъ, по торжественному приговору судей искуства, получилъ въ аѳинскомъ театрѣ награду перваго трагика, и давалъ вечеръ своимъ друзьямъ, сочувствовавшимъ блистательной его побѣдѣ. Въ домѣ Агатона собралось общество людей веселыхъ и молодыхъ, которые однако успѣли уже болѣе или менѣе заявить Аѳинянамъ свою любовь къ наукѣ, а иные даже заинтересовали ихъ литературною своею дѣятельностію. Цѣлію собранія было попировать, по обычаю тогдашней разгульной молодежи, любившей вакхи-

ческія оргіи. Гости уже за столомъ; прислуга въ хлопотахъ, а въ отдаленномъ углу залы—флейщица, готовая увеселять пирующихъ своею игрою и мимическими тѣлодвиженіями. Вдругъ Павзаній, а за нимъ Аристофанъ, Эриксимахъ, Федръ и даже самъ Агатонъ, въ которыхъ не изгладились еще слѣды и вчерашней попойки, приходятъ къ мысли о томъ, какимъ бы образомъ соединить имъ свое пированье съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, и полагаютъ, что всего бы лучше было, оставивъ на волю каждаго пить, сколько кто хочетъ, безъ принужденія, вмѣнить всякому въ обязанность сказать рѣчь въ похвалу Эроса. Это предложеніе тотчасъ всѣми одобрено, и предполагавшійся шумный пиръ превращается въ литературный вечеръ, въ философскую бесѣду, въ рядъ смѣлыхъ и разнохарактерныхъ импровизацій на одну и ту же опредѣленную тему. Такое необычайное превращеніе пира произведено Платономъ съ удивительною ловкостію и отчетливостію во всѣхъ подробностяхъ. Здѣсь не сказано и не сдѣлано ничего случайно, или безъ мысли, но все напередъ расчитано и твердо держится въ цѣломъ. Такъ какъ собесѣдники отъ удовольствій внѣшнихъ, грубыхъ и матеріальныхъ рѣшились перейти къ удовольствію внутреннему, болѣе благородному и высокому, и желали наслаждаться гармоніею умныхъ рѣчей; то флейщица была выслана, и предметомъ общаго вниманія, всѣхъ разсужденій и похвалъ является Эросъ.— Это божество тоже вдохновляетъ, какъ и Діонисъ, только послѣдній извнѣ дѣйствуетъ на-внутрь, а первый—извнутрь на-внѣ; этотъ пользуется средствами органическими, и производитъ страстное раздраженіе чувства, а тотъ непосредственно овладѣваетъ чувствомъ, и выражаетъ его въ прекрасномъ словѣ. Такимъ образомъ гости Агатона, собравшіеся дѣлать возліянія Діонису, съ жаждою того же воодушевленія, ближе всего могли прейти къ жертвеннику Эроса. При этомъ весьма замѣчательною особенностію представляется и то, что первый, предложившій собесѣдникамъ говорить рѣчи въ похвалу бога любви, былъ Федръ; а послѣднимъ орато-

ромъ, который возвелъ любовь къ значенію чистой идеи, является Сократъ. Смотря на эту сторону Платонова Симпосіона, мы не можемъ не видѣть ближайшаго сходства его съ Платоновымъ діалогомъ, носящимъ имя того самаго Федра, который въ Симпосіонѣ называется отцомъ рѣчей и котораго рѣчью начинается рядъ другихъ импровизацій. Въ Платоновомъ Федрѣ онъ изображается, какъ неотступный слушатель Лизіаса, открывающій бесѣду съ Сократомъ чтеніемъ эротической Лизіасовой рѣчи, и возбуждающій Сократа къ созерцанію небеснаго происхожденія любви. Федръ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, является безотчетнымъ почитателемъ софистическаго ума и отличается грубыми, чувственными понятіями объ Эросѣ: напротивъ Сократъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, разсматриваетъ любовь съ точки зрѣнія нравственно-религіозной и понятіе о ней возводитъ до чистоты идеальной. Необыкновенное искуство, съ какимъ Платонъ изложилъ свой Симпосіонъ, усматривается и въ томъ, что этотъ діалогъ, состоящій изъ нѣсколькихъ рѣчей на извѣстную тему, при всей разнохарактерности ихъ, составляетъ одно органическое цѣлое. Аполлодоръ не берется пересказать своимъ друзьямъ все, что говорено было у Агатона; потому что многаго не могъ, говоритъ, вспомнить и самъ Аристодемъ. Разсказчикъ обѣщаетъ передать только тѣ рѣчи собесѣдниковъ, которыя были особенно замѣчательны, и по поводу ихъ замѣчательности, изъ отдѣльныхъ похвалъ Эросу составляютъ одно, систематически развитое ученіе о любви,—одну, такъ сказать, эпопею Эроса. Причемъ замѣчательно, что собесѣдники въ томъ самомъ порядкѣ и сидятъ за столомъ, въ какомъ должны были идти одна за другою рѣчи ихъ, чтобы цѣлое раскрывалось постепенно и связно, безъ перерывовъ и повтореній; такъ что даже и икота Аристофана, помѣшавшая ему говорить рѣчь въ свою очередь, случилась не просто, а по требованію систематическаго развитія предмета. Съ перваго взгляда страннымъ можетъ казаться только то, почему вслѣдъ за Сократомъ, тогда какъ онъ въ своей рѣчи

раскрылъ самую идею любви, и такимъ образомъ исчерпалъ предметъ какбы до дна, говоритъ рѣчь еще Алкивіадъ, и хвалитъ уже не Эроса, а Сократа. Это кажущееся отступленіе отъ предмета удивляетъ насъ не какъ недостатокъ, повидимому, разрушающій единство діалога, а какъ высокое совершенство плана, предначертаннаго Платономъ для изложенія Симпосіона; потому что заключительною рѣчью Алкивіада довольно выпукло обрисовывается даже самая цѣль, которую имѣлъ въ виду Платонъ, при изложеніи разсматриваемаго сочиненія. Описывая внутреннія и внѣшнія качества Сократа, разсматривая дѣла и отношенія его къ обществу и лично къ самому себѣ, Алкивіадъ видитъ въ немъ практическое осуществленіе той самой теоріи философской любви, которую Сократъ раскрывалъ въ своей рѣчи, и которую, по собственному его признанію, всегда старался осуществлять своею жизнію. «Утверждаю, говорить онъ, что Эроса долженъ чтить каждый человѣкъ; да и самъ я чту дѣло эротическое, особенно подвизаюсь въ немъ и внушаю то же другимъ (Р. 212 В).» Потому-то Алкивіадъ приходитъ къ Агатону не при началѣ пира, а въ концѣ его—въ тотъ самый моментъ времени, когда Сократъ только что кончилъ свою рѣчь, и не имѣя болѣе матеріи для теоретическаго разсматриванія Эроса, нашелъ ее въ практической любви прежняго своего учителя. Итакъ, предметъ Алкивіадовой рѣчи есть равнымъ образомъ похвала Эросу, но Эросу въ смыслѣ эротической дѣятельности, являвшейся въ жизни Сократа и осуществлявшей идею любви, которою проникнута была душа его.

На пирѣ Агатона собесѣдники, какъ передаетъ бесѣду ихъ Аполлодоръ, произнесли въ похвалу Эроса семь рѣчей. Разсмотримъ содержаніе ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали одна за другою, чтобы яснѣе видѣть взаимное ихъ отношеніе и легче схватить главныя мысли всего діалога. Первое похвальное слово Эросу произнесено было, какъ сказано, Федромъ. Этотъ любитель рѣчей, въ на-

стоящемъ случаѣ, вступаетъ на поприще эротическаго оратора со всѣми пріемами тогдашней софистики. Основавшись на словахъ Омира и Исіода, онъ полагаетъ, что Эросъ есть божество самое древнее, и доказываетъ многими историческими фактами, что его-то силою дӯши людей возбуждались ко всякой добродѣтели. Такимъ двусторроннимъ взглядомъ на предметъ вызвался онъ обнять какъ самое существо Эроса, такъ и его дѣйствія. Но здѣсь тотчасъ открывается софистическая вертлявость Федра. Предположивъ говорить о существѣ предмета, онъ, вмѣсто того, разсуждаетъ о его древности, какъ будто послѣдняя въ самомъ дѣлѣ можетъ быть чертою его сущности. Притомъ, взявъ за основаніе миѳическое представленіе старинныхъ космогоній, въ которыхъ Эросъ принимается только въ смыслѣ раждательной и все связующей силы природы, Федръ, повидимому, хочетъ развить отсюда и нравственныя явленія любви: но для вывода и опредѣленія этихъ явленій миѳическая древность не даетъ оратору никакихъ посылокъ, и онъ, сколько ни говоритъ объ Эросѣ, никакъ не можетъ выдти изъ заколдованнаго круга грубой чувственности. Чтó, однакожъ, и какимъ образомъ говоритъ онъ? Рѣчь, влагаемая Платономъ въ уста Федра, составлена такъ искусно и характеристично, что читатель ея живо представляетъ себѣ отсутствіе всякаго логическаго такта въ головѣ оратора и всякаго нравственнаго чувства въ его сердцѣ. Вся формальная сторона этой рѣчи состоитъ изъ софизмовъ и паралогизмовъ, а все содержаніе ея, съ начала до конца, мелочно, пошло и парадоксально. Чтобы не разсматривать ея съ той и другой стороны до подробностей, прочитаемъ первыя строки: «будучи самымъ древнимъ, Эросъ есть виновникъ для насъ величайшихъ благъ; ибо я не могу сказать, чтò было бы бóльшимъ благомъ для перваго юнаго возраста, какъ не добрый любитель, а для любителя,—какъ не любимое дитя». Какая это колкая насмѣшка надъ логикою Федра, поставляющаго связь лицъ, — любящаго и любимаго, въ зависимость отъ древности Эроса! Столь же не-

лѣпыми выставляются и самыя отдѣльно взятыя мысли, и причина нелѣпости ихъ скрывается именно въ томъ, что выражаемая ими любовь постоянно удерживаетъ характеръ слѣпой, чувственной страсти. Такъ, напримѣръ, вся сила Эроса, говоритъ Федръ, опирается на стыдѣ въ дѣлахъ постыдныхъ, и на честолюбіи въ подвигахъ похвальныхъ; а стыдъ и честолюбіе, по его мнѣнію, зависятъ не отъ какихъ-нибудь психическихъ побужденій, а отъ эротическаго отношенія между любящимися. Изъ этого очевидно вытекаетъ заключеніе, совершенно противное намѣренію Федра, видно, то-есть, что не любовь раждается отъ Эроса, какъ хотѣлось ему доказать, а Эросъ отъ любви, выражающей чувственное отношеніе любящихся. Не лучше и вторая мысль Федровой рѣчи, что и самая добродѣтель есть дѣло Эроса, и что она больше уважается богами, когда отъ любимаго предмета направляется къ любящему, нежели когда отъ любящаго къ любимому. Явно, что этимъ положеніемъ любовь чувственно-скотская возводится на степень любви чувственно-эгоистической, которая любитъ другаго только въ себѣ, и отъ любимаго предмета требуетъ безусловныхъ жертвъ; слѣдовательно добродѣтель, вопреки словамъ Федра, становится у него уже не дѣломъ Эроса, а вынужденіемъ деспота или совершеннымъ рабствомъ (178 В—180 В).

Вовсе неразборчивая и безусловная похвала, высказанная Федромъ Эросу, тогда какъ этотъ ораторъ понималъ его въ значеніи любви только чувственной, тотчасъ замѣчена была Павзаніемъ, который, говоря рѣчь послѣ Федра, счелъ поэтому долгомъ исправить односторонній взглядъ своего предшественника и показать различіе между Эросомъ похвальнымъ и постыднымъ. Эросовъ два, говоритъ онъ, потому что двѣ Афродиты: одна небесная, другая земная или народная. Итакъ, надобно сперва смотрѣть, которой Афродитѣ сопутствуетъ Эросъ, да тогда уже и хвалить его, либо порицать; потому что самъ по себѣ, независимо отъ той или другой Афродиты, онъ ни хорошъ, ни худъ. Принявъ это как-

бы за основаніе, Павзаній далѣе разсматриваетъ, кто идетъ за Афродитою небесною и кто—за земною, и въ формѣ этой второй посылки умозаключенія, въ которой хотѣлъ онъ, повидимому, въ коррелятъ различія двухъ Эросовъ, взять душу и тѣло, на самомъ дѣлѣ, согласно съ взглядомъ тогдашняго аѳинскаго и лакедемонскаго общества, беретъ совершенно произвольное понятіе о психическомъ различіи двухъ половъ—мужескаго и женскаго. Эллинское сознаніе съ глубокой древности лелѣяло мысль объ умственномъ превосходствѣ мужчины предъ женщиною. Отсюда родилось понятіе, что мужчина достойнѣе любви, чѣмъ женщина. Въ этомъ понятіи любовь имѣла, конечно, значеніе нравственное: но такъ какъ одна чисто умственная сторона человѣка не можетъ питать любви въ значеніи нравственномъ; то мужчина, чтобы сдѣлаться достойнымъ ея предметомъ, долженъ былъ, при умственныхъ своихъ преимуществахъ, имѣть преимущества и нравственныя. Въ этомъ, казалось бы, нѣтъ ничего худаго, еслибы психологія въ самомъ дѣлѣ согласилась, что мужчина умственно превосходнѣе женщины. Но здѣсь къ нравственному взгляду на мужчину нечувствительно прививается сперва чувство эстетическое, побуждающее созерцать истинное и доброе въ прекрасномъ тѣлѣ, чрезъ что любовь къ мужчинѣ тотчасъ превращается въ болѣе ограниченную любовь къ дитяти, а потомъ—чувство скотское, влекущееся къ прекрасному дѣтскому тѣлу подъ вліяніемъ половыхъ побужденій, безъ всякаго уже отношенія къ умственному и нравственному достоинству человѣка. Такое-то казуистическое положеніе о любви къ прекрасному мальчику подводитъ Павзаній подъ начало своего силлогизма, предположенное въ формѣ раздѣлительной, и этою казуистикою прикрывая самый гнусный порокъ своего общества, заключаетъ, что любовь, если она основывается на красотѣ ума и стремленіи къ добродѣтели, достойна похвалы; а когда имѣетъ въ виду только благообразіе тѣлесное, — обращается въ безчестіе и любящему и любимому (180 C. 185 C).

Послѣ Павзанія надлежало ораторствовать Аристофану; но у него на ту пору сдѣлалась икота и мѣшала ему говорить. Нѣтъ ничего страннаго, что эта выходка, по намѣренію Платона, долженствовала быть антрактною шуткою, чтобы его Симпосіонъ не представлялся бесѣдою монотонною и педантскою: но если мы обратимъ вниманіе на содержаніе рѣчей Эриксимаховой и Аристофановой, то и кромѣ того легко замѣтимъ, что первая, съ одной стороны, имѣетъ ближайшую связь съ рѣчью Павзанія и Федра и должна была слѣдовать за ними, съ другой, могла быть произнесена естественнѣе всего врачемъ, тогда какъ комическая импровизація Аристофана, поставленная между серьезными рѣчами Павзанія и Эриксимаха, была бы вовсе не на мѣстѣ и обезображивала бы цѣлое. Итакъ вмѣсто Аристофана импровизируетъ Эриксимахъ и говоритъ: Какъ ни хорошо поступилъ Павзаній, что различилъ двухъ Эросовъ; но эти Эросы, разсматриваемые только въ отношеніи къ человѣческой душѣ, остаются все-таки явленіемъ одностороннимъ. Сила Эроса простирается такъ далеко, что проникаетъ души и тѣла въ цѣлой природѣ. Это дознается какъ другими естественными науками, такъ особенно медициною. Она находитъ, что какъ вездѣ есть два Эроса—небесный и земной, такъ и въ тѣлахъ постоянно обнаруживается два расположенія—здоровое и болѣзненное: первое укрѣпляется, а послѣднее изгоняется медициною; потому что дѣло медицины—внѣдрять въ тѣла расположеніе къ вещамъ здоровымъ и приводить къ согласію противуположности, каковы — наполненіе и испражненіе, теплота и холодъ, сухость и влажность. Такая же цѣль и гимнастики, и земледѣлія, и музыки; къ тому же стремятся и религія, и мантика, служащія посредницами отношеній между богами и человѣками. Всѣ эти противуположности сближаются любовію. Дѣлая такой взглядъ на Эроса, Эриксимахъ своимъ понятіемъ объ Эросѣ обнимаетъ, очевидно, всю природу, какъ физическую, такъ и нравственную: но яснаго сознанія тѣхъ степеней, по которымъ Эросъ развиваетъ свою дѣятельность,

начиная отъ низшихъ слоевъ бытія до человѣческаго тѣла, и отъ тѣла до человѣческой души, въ его представленіи не видно. Поэтому, хотя взглядъ у него на Эроса въ природѣ одинъ натурфилософскій; но стороны, подъ которыми представляется ему природа относительно къ Эросу, непрестанно смѣняются, какъ вѣчное теченіе явленій у Гераклита. Оставляя неприкосновеннымъ и какбы чѣмъ-то центральнымъ общность любви, Эриксимахъ не пользуется этимъ общимъ для упорядочиванія вещей отдѣльныхъ, но совершенно теряется въ массѣ эмпирическихъ частностей. Можно, конечно, замѣчать, что любовь у него происходитъ какбы изъ недостатка или потребности цѣлаго; видно и съ другой стороны, что въ ней лежитъ сила, производящая цѣлое изъ противуположностей: но эти противуположности, сближаясь между собою, по словамъ Эриксимаха, выражаютъ свое сближеніе гармоніею, а не любовью, которая представляется чѣмъ-то выше гармоніи. Слѣдовательно, гармонія хотя и составляетъ нѣчто среднее между противуположностями и любовью и это посредствующее звѣно легко вывесть изъ противуположностей: но какимъ образомъ къ тѣмъ же противуположностямъ относится любовь и что̀ въ отношеніи къ нимъ заключаетъ она въ своей природѣ,—Эриксимаховъ натурализмъ не говоритъ (186 A—188 E).

На этотъ вопросъ пришлось отвѣчать Аристофану, и онъ отвѣчалъ, какъ свойственно было комику, вполнѣ комически. Въ древности, говоритъ, не такова была природа человѣческая, какъ теперь: тогда люди имѣли двойное тѣло—мужеское и женское, были андрогинами, то-есть, относительно половъ, существами средними. Но владѣя поэтому сильнымъ тѣломъ, они обнаруживали заносчивость духа и готовы были возстать на самихъ боговъ. Это побудило Зевса разсѣчь ихъ тѣла пополамъ, такъ что мужескій полъ отдѣленъ былъ отъ женскаго. Такимъ способомъ люди были ослаблены и обузданы, и каждый человѣкъ, помня, что природа его лишена цѣлости, направился къ другой заботѣ—сталъ думать о

томъ, какъ бы найти ему свою половину и соединиться съ нею. И въ этомъ-то стремленіи къ соединенію съ другою половиною древняго своего существа состоитъ природа Эроса. Вникая въ такое поэтическое представленіе Аристофана, нельзя не заметить, что у него съ отыскиваніемъ другой половины существа соединяется мысль о постепенномъ его усовершенствованіи. Теперь непосредственное единство противуположностей, подъ оболочкою миѳа, является уже состояніемъ первобытнымъ, котораго болѣе нѣтъ, и котораго идеалъ, какимъ-то образомъ уцѣлѣвшій въ человѣческой природѣ, влечетъ человѣка въ будущее и предоставляетъ будущему полное свое осуществленіе. Даже выходитъ почти такъ, что первобытный человѣкъ имѣлъ чудовищный образъ, подобный тому, какой приписывалъ ему Эмпедоклъ, прежде чѣмъ надъ отдѣляющею силою ненависти не получила перевѣса организующая сила любви. Въ настоящемъ состояніи человѣка любовь движется не просто эмпирическими фактами непрестаннаго теченія явленій, какъ это было у Эриксимаха, но видимо возводится къ основанію идеальному, что, то-есть, возвышеніе человѣческаго духа надъ природою состоитъ именно въ этомъ свободномъ и постепенномъ самоусовершеніи. Посему здѣсь моментъ дѣятельной силы въ любви не остается безотчетнымъ чувствомъ, но выступаетъ гораздо опредѣленнѣе; чувство же недостаточности въ недѣлимомъ, относительно физической его природы, сознается какъ односторонность пола, а относительно духовной,—какъ раздробленіе даровъ и силъ между различными недѣлимыми. Наконецъ, здѣсь указывается и на ту глубокую мысль, что боги имѣютъ нужду въ поклоненіи людей; такъ какъ міръ явленій необходимъ для проявленія идеи: а такимъ образомъ любовь становится уже союзомъ конечнаго и безконечнаго. Но хотя форма Аристофанова миѳа, по взгляду Платона, имѣетъ значеніе философское, такъ какъ вообще хорошо объясняетъ происхожденіе любви; однакожъ нельзя не замѣтить, что въ ней не представляется образнаго основанія для отличенія люб-

ви чувственной отъ духовной. Зевсъ разрѣзываетъ андрогина въ отношеніи къ поламъ: слѣдовательно стремленіе, человѣка найти свою половину, по значенію миѳа, должно быть только половое; а стремленіемъ половымъ обнаруживается одна любовь чувственная. Поэтому приписываемая Аристофану форма миѳическаго представленія есть не общая, а частная,—не философская, а поэтическая. Притомъ исканіе другой—половой половины, какъ половой, можетъ производиться не для иной цѣли, какъ для дѣторожденія; а отсюда Аристофанъ долженъ былъ прямо заключить, что стремленіе педерастическое противуестественно. Между тѣмъ, онъ въ этомъ случаѣ явно отступаетъ отъ своего миѳа и на педерастію смотритъ не какъ на дѣло противуестественное, а только какъ на случайное. Такимъ образомъ въ рѣчи Аристофана двоякій Эросъ Павзанія и Эриксимаха совершенно устраненъ, и высшая цѣль любви—сочетаніе душъ, является противорѣчіемъ—цѣлію, съ ея стремленіями несовмѣстимою и неимѣющею никакого значенія. Стало-быть, Эросъ совершенно теряетъ право на имя примирителя временныхъ дѣйствій съ вѣчными требованіями (189 A—193 D).

Во всѣхъ произнесенныхъ доселѣ рѣчахъ, кромѣ внутреннихъ, или матеріальныхъ недостатковъ, свойственныхъ частному направленію каждой изъ нихъ, нетрудно было замѣтить одинъ общій, формальный недостатокъ ясности. Федръ хорошо было установилъ взглядъ на предметъ, вознамѣрившись разсмотрѣть сперва существо Эроса, а потомъ дѣла его; но не выполнилъ своего обѣщанія и вдался въ сенсуализмъ. Хорошо сдѣлалъ и Павзаній, что замѣтилъ различіе между Эросомъ чувственнымъ и нравственнымъ; но, невѣрно понявъ нравственную любовь, опредѣлилъ ее примѣнительно къ взгляду своего общества, и явился эмпиристомъ. Правъ и Эриксимахъ, что двухъ Эросовъ видѣлъ не въ человѣческой только жизни, а во всей природѣ; но видя его вездѣ, онъ не показалъ его существа, способовъ отношенія его къ природѣ, самостоятельной его дѣятельности,

и впалъ въ натурализмъ. Нельзя винить и Аристофана, что Эроса производилъ онъ изъ стремленія человѣка къ самовосполненію и самосовершенствованію; но онъ упустилъ изъ вида цѣль самовосполненія, а потому не могъ опредѣлить, каково, по природѣ любви, долженствовало быть самоусовершеніе, и смѣшавъ такимъ образомъ любовь нравственную и чувственную въ одно понятіе о жизни, является просто идонистомъ. Замѣчая во всѣхъ сказанныхъ рѣчахъ такой недостатокъ методы, Агатонъ, подобно Федру, считаетъ нужнымъ сперва узнать существо Эроса и потомъ уже опредѣлить его дѣйствія. По существу, говоритъ онъ, Эросъ всего прекраснѣе и всего добрѣе, и разсматриваетъ, во-первыхъ, отдѣльныя черты его красоты, во-вторыхъ, отдѣльные виды его добродѣтелей. Къ чертамъ красоты Эроса относитъ онъ вѣчную его молодость и по этому поводу опровергаетъ мнѣніе Федра о его старости, или древности; затѣмъ его нѣжность, и притомъ въ смыслѣ нравственномъ, какъ такое свойство, по которому онъ утверждаетъ свое жилище въ нѣжныхъ душахъ боговъ и людей; наконецъ его тонкость или благоразуміе. Добродѣтели Эроса разсматриваетъ Агатонъ подъ извѣстными категоріями добродѣтелей Платоновой нравственности и говоритъ, что Эросъ не обижаетъ и не получаетъ обиды, слѣдовательно справедливъ, господствуетъ надъ удовольствіями и страстями, слѣдовательно разсудителенъ, всѣми владѣетъ, слѣдовательно мужественъ, даетъ успѣхи на поприщѣ наукъ и искуствъ, слѣдовательно мудръ. Такими чертами опредѣляетъ Агатонъ природу Эроса и потомъ, сообразно съ этою природою, слегка очертываетъ общество, управляемое и проникаемое любовію, говоря, что она сближаетъ людей на всѣхъ путяхъ ихъ жизни, дѣлаетъ ихъ кроткими, благорасположенными, милостиивыми, привѣтливыми, ревнительными къ пользѣ добрыхъ, и проч. (195 А — 197 Е). Вникая въ отличительныя свойства этой рѣчи, мы видимъ, что она, по своей методѣ, превосходнѣе всѣхъ прежнихъ; по крайней мѣрѣ замѣтно, что

Агатонъ въ развитіи ея предмета постоянно идетъ путемъ анализа. Но нельзя не замѣчать и того, что найденныя аналитически частныя свойства Эроса скучены произвольно, не ручаются за полноту его природы и далеко не возводятъ мысли къ идеѣ его существа, долженствующей служить повѣркою того, что наблюденіе надъ нимъ сдѣлано непогрѣшительно и что природа его исчерпана совершенно. Возвесть созерцаніе Эроса къ идеѣ и изъ идеи развить все, что долженъ онъ заключать въ своемъ существѣ, то-есть изложить ученіе о любви синтетически—оставалось Сократу.

Намѣреваясь идти къ рѣшенію вопроса другимъ, противуположнымъ путемъ, Сократъ, если когда, то теперь особенно естественъ, удивительно ловокъ и пріятенъ въ своей ироніи. Онъ превозноситъ краснорѣчіе Агатона, искрящееся преимущественно въ концѣ его рѣчи, то-есть тамъ, гдѣ, кромѣ словъ и красивыхъ выраженій, не на чемъ больше остановить вниманіе, и почти готовъ бѣжать, сознавая свою неспособность сказать что-нибудь столь же прекрасное. Мало того,—онъ направляетъ свою иронію и противъ всѣхъ прежнихъ ораторовъ, которые, взявшись хвалить Эроса, думали только о томъ, какъ бы показать видъ, что хвалятъ его, а не о томъ, чтобы, хваля его, говорить правду, или, какъ бы въ Эросѣ замѣтить то, что кажется прекраснымъ, а не то, что въ самомъ дѣлѣ прекрасно. Эта иронія ясно уже намекала, что Сократъ намѣренъ разсматривать предметъ не въ мірѣ явленій, а самъ въ себѣ, то-есть намѣренъ возвесть его къ значенію идеальному.

Пріемъ возведенія понятія объ Эросѣ къ значенію идеи составляетъ *прологъ* рѣчи Сократовой. Агатонъ, разсматривая природу Эроса аналитически, пришелъ, повидимому, къ тому заключенію, что Эросъ есть стремленіе къ прекрасному. Выше этого положенія Агатоновъ анализъ подняться не могъ. Но Сократъ предлагаетъ своему другу очень простой вопросъ: имѣетъ ли Эросъ то, къ чему стремится, или чего желаетъ?—Отвѣчать надлежало конечно отрица-

тельно, а изъ такого отвѣта необходимо вытекало слѣдствіе, что Эросъ не прекрасенъ. Притомъ, такъ какъ и доброе есть прекрасное; а Эросъ не прекрасенъ; то выходило, что онъ и не добръ. Это заключеніе своею смѣлостію должно было изумить слушателей и показаться имъ парадоксомъ, даже противурелигіозною мыслію. Посему Сократъ тотчасъ прикрываетъ свое ученіе авторитетомъ мантинейской жрицы Діотимы, у которой научился онъ, говоритъ, такъ смыслить объ Эросѣ, хотя въ другомъ мѣстѣ какъ будто шутитъ надъ нею, сравнивая ее съ софистами.—Ссылка на Діотиму имѣетъ здѣсь весьма важное значеніе по отношенію къ прежде произнесеннымъ рѣчамъ. Во-первыхъ, учитъ Сократа и строго укоряетъ за невѣжество касательно любви — не кто другой, какъ женщина; а между тѣмъ у Павзанія женскій полъ въ дѣлѣ эротическомъ униженъ, какъ ничего незначущій. Во-вторыхъ, въ лицѣ этой женщины является служительница боговъ, которая поэтому считаетъ справедливымъ изучать природу Эроса на пути отношеній человѣка къ міру метафизическому, и такимъ образомъ показываетъ, что Эриксимаховъ эмпиризмъ для изученія его природы достаточнымъ быть не можетъ. Жреческимъ значеніемъ Діотимы дѣлается наведеніе на мысль и о направленіи стремленій Эроса — не отъ людей къ людямъ, а къ прекрасному божественному; слѣдовательно косвенно обличается въ неосновательности и коренное положеніе въ рѣчи Аристофана. Такимъ направленіемъ своего ученія объ Эросѣ, Діотима, какъ жрица, защитившая Аѳинянъ отъ голода тѣлеснаго, какъ окрыленная религіознымъ восторгомъ философка, въ состояніи предотвратить отъ нихъ и голодъ душевный (199 С—201 С).

Явно однакожъ, что вопросъ объ Эросѣ, какъ о чемъ-то непрекрасномъ и недобромъ, поставленъ Сократомъ въ сферѣ формальнаго мышленія, или въ области явленій, наполненной противорѣчіями. Эросъ является теперь съ одной стороны между безобразіемъ и зломъ, съ другой — между

прекраснымъ и добрымъ, къ которому онъ стремится. Отсюда сама собою вытекала необходимость рѣшенія: что такое онъ по своему существу, въ реальномъ своемъ значеніи, самъ въ себѣ? Рѣшеніе этого вопроса составляетъ *первую часть* рѣчи Сократовой. Основываясь на коренной мысли, что къ чему кто стремится, того тотъ не имѣетъ, Сократъ приходитъ къ общему положенію, что Эросъ есть нѣчто среднее между безобразнымъ и прекраснымъ, злымъ и добрымъ, невѣжественнымъ и мудрымъ, человѣческимъ и божественнымъ, и что эта срединность его условливается стремленіемъ отъ худшаго къ лучшему, поколику то лучшее безконечно и вполнѣ никогда не достигается. Поэтому Эросъ въ области чувствованія — любитель, въ области знанія и нравственной дѣятельности — философъ, въ области разумныхъ существъ—геній, связующій собою человѣческое съ божественнымъ. Первый питается истеченіемъ красоты, второй водится правильными мнѣніями, третій передаетъ молитвы людей богамъ и благословенія боговъ людямъ; и всѣ такіе виды стремленія конечнаго къ безконечному, отъ присутствія въ нихъ любви къ прекрасному, какъ одной и той же во всемъ, означая разныя степени развитія Эроса, составляютъ одну и ту же его природу. Но этотъ Эросъ въ вѣчномъ своемъ развитіи — однакожъ не лице, а только идея. Откуда же взялась она? въ чемъ получаетъ она плоть и кровь и становится идеально осязаемою? Такимъ вопросомъ Сократа Діотима вынуждается дать Эросу психическое значеніе и, чтобы свой отвѣтъ сдѣлать нагляднымъ, излагаетъ его въ формѣ миѳической. Она беретъ образы двухъ противуположныхъ началъ—Пенію и Пора. Пенія (бѣдность)—начало низшее, земнородное, смотритъ на пиршество боговъ, по случаю рожденія Афродиты. Въ этомъ дѣйствіи смотрѣнія или созерцанія божественнаго мы видимъ повтореніе мысли Платона, высказанной въ Федрѣ, гдѣ душа, слѣдуя за хоромъ боговъ, наслаждается созерцаніемъ дивнаго свѣта на послѣдней орбитѣ вселенной,—и такое со-

зерцаніе долженствовало быть первымъ условіемъ рожденія Эроса. Поръ (богатство)—начало высшее, божественное, упившееся нектаромъ, напиткомъ боговъ, означающимъ олимпійскую восторженность, идетъ опочить въ садъ — мѣсто успокоенія и наслажденія существъ земнородныхъ, подобно тому какъ въ Федрѣ боги, послѣ прогулки между небесными сферами, возвращаются къ мирному очагу Весты,—и это было второе условіе рожденія Эроса. Пенія, увлеченная созерцаніемъ блаженнаго пированія боговъ, задумала получить дитя отъ Пора, пошла въ садъ и обременѣла Эросомъ. Такимъ образомъ Эросъ явился на свѣтъ, какъ плодъ земнородной матери и божественнаго отца, и, сдѣлавшись природою среднею, образовавшеюся изъ двухъ противуположныхъ природъ, сталъ на точкѣ отношеній земнаго къ небесному. Такова въ своемъ стремленіи къ прекрасному человѣческая душа! Этотъ Эросъ не богатъ и не бѣденъ, не живетъ и не умираетъ, не мудръ и не глупъ, не временен и не вѣченъ. По матери, онъ нечистъ и терпитъ нужду, а по отцу, старается материнской своей распущенности придать видъ благообразія, и отъ этого является коварнымъ, мужественнымъ, дерзкимъ, стремительнымъ, бываетъ благоразуменъ, изобрѣтателенъ и всегда философствуетъ. Такими и подобными чертами изображаетъ Діотима формальную изворотливость рожденнаго въ душѣ Эроса; этимъ опредѣляется его природа (201 D—204 D).

Но что дѣлаетъ онъ, какую пользу доставляетъ людямъ? Рѣшеніемъ сего вопроса занимается *вторая часть* рѣчи Сократовой. Чтобы рѣшить его, Діотима прежде всего обращаетъ вниманіе на цѣль, для которой Эросъ стремится къ прекрасному. Можно подумать, какъ подумалъ было и Сократъ, что цѣлью его стремленія бываетъ пріобрѣтеніе прекраснаго: но мантинейская иностранка конечно спросила бы о цѣли и самаго пріобрѣтенія, — для чего нужно Эросу овладѣть прекраснымъ? Сократъ на этотъ вопросъ отвѣчать не могъ, а наши современники, безъ сомнѣнія, отвѣча-

ли бы, что—для наслажденія. Не знаемъ, согласилась ли бы съ этимъ Діотима; намъ кажется, что философствуя въ духѣ Платона, она скорѣе вознегодовала бы на нихъ и сказала: зачѣмъ же, добрые люди, хочется вамъ убить Эроса? Вѣдь вы допускаете, что Эросъ, по природѣ, есть стремленіе къ прекрасному: но овладѣвъ прекраснымъ, онъ уже не стремился бы къ нему; слѣдовательно пересталъ бы быть Эросомъ, и прекрасное было бы уже не прекрасно, и не осталось бы мѣста наслажденію. Итакъ, наслажденіе — не въ цѣли стремленія къ прекрасному, а въ самомъ стремленіи къ нему; цѣль же еще не отыскана. Но вспомнимъ, что прекрасное есть доброе, и спросимъ себя: для чего мы любимъ добро? Не ясно ли для каждаго, что эта любовь направляется къ доброму для того, чтобы достигнуть счастія? Слѣдовательно, цѣль любви къ прекрасному есть счастіе. Правда, многіе ищутъ счастія, любя, повидимому, не прекрасное, а напримѣръ деньги, гимнастику, философію: но всѣ эти виды стяжанія называются добромъ, и ко всѣмъ этимъ видамъ добра Эросъ прикасается своею любовію, только, любя всякое добро, коварно скрываетъ онъ свое имя и, увлекая людей къ счастію, заставляетъ ихъ думать, будто они, томясь безконечною жаждою счастія, терпятъ это мученіе не отъ любви къ прекрасному,—не отъ Эроса. Такъ въ рѣчи Сократа опредѣляется цѣль, съ которою Эросъ преслѣдуетъ прекрасное. Затѣмъ Діотима показываетъ способъ, которымъ оно преслѣдуется и дѣлаетъ людей счастливыми. Способъ этотъ совершенно соотвѣтствуетъ миѳическому происхожденію Эроса чрезъ рожденіе его отъ Пеніи и Пора: стремясь къ прекрасному, онъ располагаетъ каждаго человѣка раждать душевно и тѣлесно прекрасное въ прекрасномъ, и чрезъ такое рожденіе достигать счастія. Прекраснымъ самимъ въ себѣ, какъ выше сказано, овладѣть нельзя; но можно въ животномъ смертномъ полагать сѣмя рожденія прекраснаго безсмертнаго, и такимъ образомъ прекрасное, неуловимое въ вѣчности, преслѣдовать вѣчнымъ про-

долженіемъ времени. Поэтому Эроса надобно почитать также Эросомъ безсмертія и родителемъ не прекраснаго, а родильнаго плода въ прекрасномъ. Состояніе эротическаго беремененія, или, какъ въ Федрѣ, чувствованіе зуда при опереніи Эроса, во всякомъ случаѣ бываетъ въ душѣ; но рожденіе плода можетъ совершаться какъ душевно, такъ и тѣлесно, и обоими путями направляться къ постепенному проявленію прекраснаго безсмертнаго. Путь тѣлесный, это—половое соединеніе людей и животныхъ, чрезъ которое они стремятся обезсмертить прекрасное въ поколѣніи и стараются продолжить и увѣковѣчить его, не щадя самихъ себя. На семъ пути одно состарѣвается и проходитъ, но не умираетъ; — потому что продолжаетъ жить потомственно—въ дальнѣйшемъ развитіи нетолько тѣлесныхъ, но и душевныхъ своихъ порожденій. Такимъ образомъ сохраняется все смертное—не въ томъ смыслѣ, будто бы оно—всегда то же самое, подобно божественному, а въ томъ, что отходящее и состарѣвающееся оставляетъ по себѣ другое, новое, каково было само. Путь душевный, это—беремененіе душъ помыслами мудрости и добродѣтели, которыхъ рождателями бываютъ поэты, художники, философы, — вообще всѣ прекрасные воспитатели прекраснаго юношества. На семъ пути тоже пріобрѣтается поколѣніе дѣтей—порожденій мысли и сердца, и чрезъ нихъ увѣковѣчивается любовь къ прекрасному божественному, обнаруживающаяся поколѣннымъ стремленіемъ къ истинному и доброму, — по тому направленію, какое указано ему воспитателемъ. Такимъ образомъ, въ рѣчи Сократа педерастія, превознесенная прежними ораторами, превращается просто въ педагогію. Смотря на дѣтей съ педагогической точки зрѣнія, Діотима показываетъ Сократу, съ какою постепенностью и послѣдовательностью долженъ онъ вести дѣтство по пути стремленія его къ прекрасному, пока человѣкъ мало по малу не сдѣлается способнымъ къ созерцанію прекраснаго самого въ себѣ, и наконецъ, съ истинно пиѳическимъ восторгомъ начертываетъ образъ прекраснаго божествен-

наго. Онъ долженъ, говоритъ Діотима, сперва располагать дѣтей къ прекраснымъ тѣламъ и прекраснымъ рѣчамъ, — внушая имъ, что прекрасное принадлежитъ не тому или другому недѣлимому, а всѣмъ, съ тѣлесной стороны прекрасно развитымъ и прекрасно говорящимъ. Потомъ онъ долженъ направить взглядъ дѣтей такъ , чтобы душевную красоту они предпочитали тѣлесной, и избыткомъ первой прикрывали недостатокъ послѣдней: это заставитъ ихъ цѣнить прекрасное въ законодательствѣ и во всѣхъ душевныхъ занятіяхъ. Но занятія приковываютъ человѣка большею частію къ чему-нибудь одному и дѣлаютъ взглядъ его узкимъ, чисто опытнымъ: этого не должно быть; всякое частное дѣло надобно совершать въ горизонтѣ болѣе обширномъ, во всякомъ частномъ занятіи надобно быть философомъ, пока не будетъ достигнуто знаніе прекраснаго всеобщаго , божественнаго. Это прекрасное уже по всему прекрасно, всегда прекрасно, и во всѣхъ прекрасно, и блаженна была бы жизнь того человѣка, который бы ощутилъ и узрѣлъ его; потому что тогда мы раждали бы не образы добродѣтели, а самую истину, и были бы безсмертны. (204 D—212 B).

Въ ту самую минуту, какъ Сократъ кончилъ свою рѣчь, въ общество пировавшихъ друзей приходитъ Алкивіадъ—пьяный. Такое состояніе новаго собесѣдника, по намѣренію Платона, требовалось конечно для того, что онъ долженъ былъ высказать многое , несовмѣстимое съ совѣстливостію человѣка трезваго. Алкивіаду надлежало также подчиниться постановленію общества и импровизировать на предложенную тему; онъ соглашается и изображаетъ Эроса такимъ, какимъ описывалъ его Сократъ, только не въ идеѣ, а въ идеальномъ представленіи, осуществленномъ личностію самого Сократа. Въ этомъ изображеніи схвачены и приписаны Сократу всѣ черты раскрытой имъ идеи: здѣсь — та же внѣшняя, земная Пенія, и тотъ же внутренній , божественный Поръ; та же необутость и вѣчная скитальческая жизнь по дорогамъ, площадямъ, гимназіямъ, и то же препровожденіе цѣлыхъ но-

чей подъ открытымъ небомъ въ глубокомъ и благоговѣйномъ размышленіи объ истинахъ высшей философіи, какбы на праздникѣ олимпійскихъ боговъ; то же пиѳическое вліяніе на юношей, съ одной стороны, высотою мудрости приводящее ихъ въ восторгъ, съ другой — колкостію ироніи наносящее нестерпимую боль ихъ самолюбію. Сократъ въ рѣчи Алкивіада, точно какъ Эросъ въ рѣчи Сократа, является чародѣемъ, хитрецомъ, отравителемъ и страшнымъ софистомъ. Начало и конецъ этой параллели (p. 215 A—221 D) есть силенообразность сына Софроникова, представляющая странное противорѣчіе между внѣшнимъ и внутреннимъ, и стоящая въ непосредственной связи съ заключеніемъ всего діалога. Здѣсь взглядъ на безобразное лице, оживляемое улыбкою ироніи, есть сторона комическая; а прямое и серьезное опроверженіе того взгляда глубокимъ созерцаніемъ истины имѣетъ характеръ трагическій, — и обѣ эти стороны должны восполнять одна другую, — приходить къ единству. Но истинное единство этой, просто отрицательной методы возможно только тогда, когда она скрываетъ въ себѣ воззрѣніе положительное, силою котораго разрѣшеніе конечнаго приводится не къ нулю, какъ это бываетъ иногда при рѣшеніи политическихъ вопросовъ волнующагося общества, а къ безконечному, какъ къ высочайшей истинѣ. Такъ и въ Сократѣ— внѣшняя невзрачность его должна была заставить оратора открыть этого Силена, что бы во внутренней его жизни показать высокіе образцы прекраснаго. Поэтому, когда въ заключеніи діалога говорится, что истинный поэтъ долженъ быть въ одномъ лицѣ комикомъ и трагикомъ, — подъ этимъ надобно разумѣть не проэктъ какой-нибудь реформы въ области поэзіи, а отверженіе того и другаго вида ея, въ значеніи видовъ отдѣльныхъ, и обозначеніе стремленія, выходящаго за предѣлы всякой поэтической односторонности, — стремленія философскаго, которое, внѣдряясь въ высочайшее единство прекраснаго, должно проявить высшую и истинную поэзію. Но такого энтузіастическаго Сократова созер-

цанія оба поэта — комикъ и трагикъ, Аристофанъ и Агатонъ, обремененные виномъ, не поняли и заснули. Въ этомъ восторженіи Сократа къ высочайшему единству прекраснаго состоитъ засвидѣтельствованное Алкивіадомъ его превосходство надъ другими людьми и несравнимость съ ними (p. 221 C sq.),—несравнимость нетолько съ поэтами, но и съ знаменитыми людьми государственными. Тутъ опять нельзя не удивляться чрезвычайно удачному уподобленію его Силенамъ и Сатирамъ — не въ томъ уже отношеніи, что они стояли въ мастерскихъ, имѣли смѣшную фигуру и внутри себя скрывали драгоцѣнныя изваянія, а въ томъ, что были полубоги, геніи, и напоминали собой о геніальности Сократа (p. 219 C), въ которомъ живетъ геній геніевъ — Эросъ. Приступая къ своей импровизаціи, Алкивіадъ, по нетрезвому состоянію, не ручается за порядокъ своей рѣчи (p. 215 A); однакожъ и она, какъ рѣчь Агатона и Сократа, изображаетъ этого философа—Эроса сперва въ его природѣ, а потомъ въ его дѣлахъ. Природа Сократа обрисовывается сходствомъ его, во-первыхъ, съ Силеномъ—и по наружности, и по тѣмъ сокровищамъ, которыя скрывались въ душѣ его; во-вторыхъ, съ Сатиромъ—по той насмѣшливости, которая всегда отражалась въ его ироніи, и по удивительной силѣ рѣчей, которыя очаровывали слушателей больше, чѣмъ флейта Марсіаса, называемаго Сатиромъ. Изъ дѣлъ же Сократа Алкивіадъ описываетъ именно тѣ, которыя пораждаемы были Эросомъ и представляли въ Сократѣ человѣка, благодѣтельствовавшаго согражданамъ, какъ своею философіею, такъ и военными своими подвигами.

Разсмотрѣвъ форму и содержаніе Симпосіона, мы, кажется, легко уже можемъ видѣть, какая цѣль всего этого сочиненія. Платонъ хотѣлъ внушить своимъ читателямъ, что ни риторы, ни софисты, ни даже поэты не знаютъ, что̀ такое истинно-философская любовь и какимъ образомъ надобно стремиться къ ней; потому что понятія ихъ о любви шатки и неопредѣленны, образуются подъ вліяніемъ побужденій

чувственныхъ, непрестанно измѣняющихся и оразноображиваемыхъ то подлежательными наклонностями, то предлежательными ограниченіями. Что такое любовь по самой ея природѣ и какимъ образомъ способствуетъ она къ созерцанію вещей божественныхъ,—объ этомъ можетъ судить и это въ состояніи опредѣлить только достойная своего имени философія, выражающая свою мудрость не однимъ теоретическимъ созерцаніемъ прекраснаго, но прекрасную теорію оправдывающая прекрасною жизнію, которая чувственныя пожеланія обуздываетъ силою духа и постепенно приближается къ прекрасному божественному—сродняющему небо съ землею.

Кто сталъ бы сближать Симпосіонъ Платона, по содержанію, съ другими его діалогами; тотъ съ перваго взгляда замѣтилъ бы, что это сочиненіе всего сроднѣе съ Федромъ. Въ обоихъ этихъ діалогахъ—главный вопросъ о любви; оба направлены къ обличенію риторовъ и софистовъ; въ томъ и другомъ производится состязаніе Сократа съ риторами въ импровизаціи рѣчей. Но, не смотря на такое сходство Симпосіона и Федра, немало между ними и различія. Въ Федрѣ открыто обличается неумѣнье риторовъ развивать рѣчь методически, и это обличеніе занимаетъ большую часть діалога, напротивъ въ Симпосіонѣ мнѣнія софистовъ о любви затрогиваются весьма тонкою ироніею, которая, не оскорбляя собесѣдниковъ, только увеселяетъ общество и вразумляетъ улыбкою. Въ обоихъ сочиненіяхъ разсужденія о любви направляются къ раскрытію силы и природы философскаго энтузіазма: но въ Федрѣ божественная любовь разсматравается такъ, что изъ ней выводятся и объясняются причины и условія любви земной; а въ Симпосіонѣ, наоборотѣ, показывается, какимъ образомъ человѣкъ, подъ руководствомъ Эроса, долженъ отъ прекраснаго земнаго постепенно возвышаться къ созерцанію прекраснаго божественнаго. Посему одинъ изъ этихъ разговоровъ служитъ какбы дополненіемъ и повѣркою другаго и оба они появились на свѣтъ,

кажется, въ небольшой промежутокъ времени. Но который изъ нихъ написанъ прежде? Судя по чрезвычайной цвѣтистости рѣчи, и по восторженности философскаго созерцанія, какое господствуетъ въ Федрѣ, можно полагать за вѣрное, что Федръ написанъ прежде Симпосіона. Это подтверждается и однимъ мѣстомъ въ Симпосіонѣ (р. 182 А), которымъ ясно указывается на главную тему рѣчи Лизіаса въ Федрѣ.

Основываясь на словахъ въ рѣчи Аристофана (р. 193 А), видно также, что Симпосіонъ написанъ Платономъ послѣ четвертаго года 98 олимпіады, въ которомъ разрушена была Мантинея (*Thucyd.* V, 29. *Xenoph.* Hellen. V, 2. *Aristot.* Pol. II, 1. *Diodor.* XV, 5). Но скоро ли по разрушеніи этого города Платонъ написалъ Симпосіонъ? Такъ какъ Мантинея была возстановлена въ третьемъ году 102 олимпіады (*Xenoph.* Hellen. VI, 5, 1; *Diodor.* XV, 12), а о возстановленіи ея Платонъ не упоминаетъ; то можно думать, что разсматриваемый діалогъ Платона вышелъ въ свѣтъ между 98 и 102 олимпіадами.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

АПОЛЛОДОРЪ И ДРУГЪ АПОЛЛОДОРА, ГЛАВКОНЪ.

ЛИЦА ВВОДНЫЯ:

АРИСТОДЕМЪ, СОКРАТЪ, АГАТОНЪ, ФЕДРЪ, ПАВЗАНІЙ, ЭРИКСИМАХЪ, АРИСТОФАНЪ, ДІОТИМА, АЛКИВІАДЪ.

172. Кажется, я не неприготовленъ [1] къ разсказу о томъ, о чемъ вы спрашиваете меня. Вѣдь вотъ недавно случи-

[1] Этотъ разсказъ о пирѣ Агатона, какъ видно изъ самаго вступленія въ разговоръ, передаваемъ былъ послѣдовательно три раза. Сперва разсказалъ о немъ нѣкто Аристодемъ, который самъ былъ въ числѣ гостей Агатоновыхъ, и, помня, что говорили они о любви, сообщилъ содержаніе ихъ рѣчей Финику и Аполлодору. См. p. 173. B. Потомъ Главконъ, слышавшій тотъ же разсказъ отъ Финика, сталъ просить Аполлодора, чтобы и онъ со своей стороны передалъ его подробнѣе,—и Аполлодоръ, которому впослѣдствіи пересказывалъ объ этомъ самъ Сократъ, въ то время согласился удовлетворить его желанію. Теперь того же Аполлодора просятъ друзья снова возобновить въ памяти все, что на Агатоновомъ пирѣ было дѣлано и говорено. Вотъ почему Аполлодоръ говоритъ, что онъ недавнею бесѣдою съ Главкономъ не неприготовленъ къ этому разсказу. Что касается до перваго Аполлодорова разговора съ Главкономъ, то нельзя и сомнѣваться, что онъ происходилъ еще при жизни Сократа, какъ это видно изъ свидѣтельства на стр. 172 C. Можно почитать вѣроятнымъ даже и то, что и второй разсказъ Аполлодора, послѣдовавшій вскорѣ за первымъ, предшествовалъ Сократовой смерти; по крайней мѣрѣ такъ можно думать, основываясь на словахъ (p. 173 D): *καὶ δοκεῖς μοι ἀτεχνῶς πάντας ἀθλίους ἡγεῖσθαι πλὴν Σωκράτους κ. τ. λ.* Если же Аполлодоръ разсказывалъ о пирѣ Агатона, когда живы были еще и Агатонъ и Сократъ, то этотъ разсказъ могъ относиться къ третьему, или четвертому году 94 олимп.

лось мнѣ изъ своего фалерскаго дома [1] идти въ городъ,
какъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, шедшій позади, увидѣлъ
меня издалека и, желая остановить, шутливо крикнулъ: Охъ
этотъ фалерскій Аполлодоръ [2]! что бы подождать! — Я оста-
новился и подождалъ. Тогда онъ сказалъ: вѣдь я недав-
но еще [3] искалъ тебя, Аполлодоръ, съ намѣреніемъ рас-
просить о собесѣдованіи Агатона [4], Сократа, Алкивіада
и другихъ, присутствовавшихъ тогда на вечерѣ, — какія B.
рѣчи вели они о любви. Мнѣ разсказывалъ о нихъ нѣ-
кто слышавшій это отъ Финика, сына Филиппова, и гово-
рилъ, что то же извѣстно и тебѣ: но въ его разсказѣ не бы-
ло ничего яснаго. Такъ разскажи мнѣ ты; потому что тебѣ
всего приличнѣе передавать рѣчи твоего друга. И во-пер-
выхъ, скажи, примолвилъ онъ: самъ ты участвовалъ въ этой
бесѣдѣ, или нѣтъ? — Изъ твоего вопроса, участвовалъ ли
я, видно уже, что твой разсказчикъ не разсказалъ тебѣ ни- C.
чего ясно, если ты представляешь это собесѣдованіе, какъ

---

[1] *Изъ своего фалерскаго дома идти въ городъ.* Фалерою называлась аѳинская гавань, отстоявшая отъ самаго города на двадцать стадій. *Meurs.* de Populo Att. p. 805 и въ Piraeo c. 10. Conf. *Pausan.* VIII, 10. Въ этой гавани Аполлодоръ имѣлъ свой домъ; почему и говорится, что онъ шелъ οἴκοθεν εἰς ἄστυ, т.-е. въ Аѳины.

[2] *Охъ этотъ Фалерскій Аполлодоръ!* ὦ φαλερεύς οὗτος Ἀπολλόδωρος. Платонъ и другіе греческіе писатели нерѣдко употребляютъ именительный падежъ вмѣсто звательнаго, когда предметъ восклицанія берется въ смыслѣ не субъективномъ, а объективномъ. См. Hipp. mai. p. 281 in. Да и здѣсь ниже, p. 213 B: Σωκράτης οὗτος ἐλλοχῶν—ἐνταῦθα κατέκειτο. Нѣтъ также ничего страннаго, что въ этомъ случаѣ предъ именительнымъ иногда полагается ὦ, какъ и у Эврип. Suppl. v. 277: ὦ φίλος, ὦ δοκιμώτατος Ἑλλάδι. *Aristoph.* Nubb. 1169: ὦ φίλος, ὦ φίλος. Но гораздо чаще встрѣчается ὦ οὗτος, какъ у Софокла Aiac. 89: ὦ οὗτος Αἴας. Всѣ такія выраженія, какъ ὦ φαλερεύς οὗτος Ἀπολλόδωρος, по справедливому замѣчанію Вольфа, in sono, quo vox pronuntiatur, festivitatem quandam adumbrant, или обнаруживаютъ тонъ шутливости, подобный тому, какой выражается Gorg. p. 495 D.

[3] *Вѣдь я недавно еще,* καὶ μὴν καὶ ἔναγχος. — Καὶ μὴν подтверждаетъ, или усиливаетъ смыслъ выраженія, такъ что соотвѣтствуетъ русскому: въ самомъ дѣлѣ. Другое же καί, предъ ἔναγχος, усиливаетъ значеніе этого самаго слова.

[4] Агатонъ, по свидѣтельству Атенея, V, p. 217, въ четвертомъ году 90 олимп. получилъ въ Линеяхъ общественную награду, и эту честь, по обычаю древнихъ, праздновалъ двухдневнымъ пиромъ. *Wolf.* Prolegg. p. XLIV sqq. *Prinsterer* in Prosopogr. Platon. p. 166 sqq.

дѣло, происходившее недавно.—И я то же думаю.—Куда мнѣ, Главконъ [1]! примолвилъ я; развѣ не знаешь, что протекло уже много лѣтъ, какъ Агатонъ [2] и не пріѣзжалъ сюда? А тому, какъ я началъ обращаться съ Сократомъ и каждый день ревностно замѣчать, что̀ онъ говоритъ или дѣлаетъ, не прошло еще и трехъ лѣтъ. До этого же времени я бѣгалъ, куда
173. случалось, и, думая, будто что-то дѣлаю, былъ жалче всѣхъ, не менѣе, чѣмъ ты теперь съ твоею мыслію, что лучше все дѣлать, нежели философствовать. — Не смѣйся, прервалъ онъ, а скажи мнѣ, когда происходило это собесѣдованіе.— Происходило еще во время нашего дѣтства, когда Агатонъ, выигравъ награду первою своею трагедіею, на другой день приносилъ жертву благодарности вмѣстѣ съ своими хористами [3].—Стало-быть, это было, какъ видно, очень давно. Кто же тебѣ пересказывалъ? не самъ ли Сократъ?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ я; но тотъ же, кто Финику, — нѣ-
B. кто Аристодемъ, Кидатинеецъ [4], человѣкъ маленькій и всег-

---

[1] Этого Главкона надобно отличать отъ Главкона, брата Платонова, о которомъ упоминается въ Платоновомъ Государствѣ. Приводимый здѣсь Главконъ встрѣчается и въ Хармидѣ, p. 154 A. О его родѣ см. *Procl.* ad Tim. p. 25.

[2] Агатонъ, какъ человѣкъ, любившій жизнь роскошную и веселую, не довольствовался удовольствіями общества аѳинскаго, но вскорѣ уѣхалъ въ Македонію и проводилъ тамъ время на пирахъ тиранна Архелая. См. Schol. ad Aristophan. Ran. v. 85. Отъѣздъ его относится не позднѣе, какъ къ первому году 93 ол., что видно изъ изслѣдованій *Ritsch.* De Agathonis vita p. 19 sqq.

[3] *Вмѣстѣ съ своими хористами,* т.-е. съ тѣми лицами, которыя составляли хоръ, когда выполняема была его трагедія; потому что Агатонъ принялъ на себя должность χορηγοῦ и образовалъ хоръ собственными своими средствами. *Wolf.* ad Demosth. or. adv. Septin. Prol. p. 89. Commentat. p. 236, 247.

[4] *Аристодемъ Кидатинеецъ.* Κυδαθήναιον было имя одной аттической деревни. *Stephan. Byzant.*: Κυδαθήναιον δῆμος τῆς πανδιονίδος φυλῆς. ὁ δημότης Κυδαθηναιεύς. Conf. *Harpocration* s. v. Κυδαθηναιεὺς и *Meursius* de popul. Attic. p. 741. А что Аристодемъ всегда бывалъ ἀνυπόδητος, то въ этомъ онъ, повидимому, подражалъ Сократу, котораго очень любилъ и за которымъ ходилъ неотступно. См. Phaedr. p. 229 A и *Xenoph.* Memor. 1,4,2, гдѣ онъ называется также μικρός, и говоритъ такъ, что отрицаетъ почитаніе боговъ. Впрочемъ de ἀνυποδησίᾳ philosophorum и особ. Сократа см. interpp. ad *Aristophan.* Nubb. v. 103, 362 и *Ernest.* ad Xenophont. Mem. 1,6,2.

да босоногій. Онъ былъ въ томъ собраніи, потому что любилъ Сократа, какъ мнѣ кажется, больше всѣхъ тогдашнихъ. Впрочемъ, объ иномъ, что слышалъ отъ того, послѣ спрашивалъ я и у Сократа, и онъ подтвердилъ, чтò тотъ разсказывалъ. — Почему же, спросилъ онъ, ты не разскажешь этого мнѣ? Вѣдь дорога-то въ городъ такова, что идущихъ располагаетъ говорить и слушать. — Итакъ, идучи вмѣстѣ, мы завели о томъ рѣчь. Вотъ причина, что я, какъ сказалъ сначала, не неприготовленъ къ этому. И если те- C.
перь надобно разсказывать, то должно сдѣлать это; потому что, кромѣ пользы, которую думаю получить, я вообще бываю чрезвычайно радъ, когда или самъ говорю что-нибудь о философіи, или слушаю другихъ; а что касается до иныхъ рѣчей, особенно каковы онѣ у васъ—людей богатыхъ и дѣловыхъ, то вы надоѣдаете ими,—и мнѣ жаль друзей вашихъ; потому что, ничего не дѣлая, вы думаете, будто что-то дѣлаете. Можетъ, и вы съ своей стороны почитаете меня несчастнымъ, и я полагаю, что ваше мнѣніе справедливо; только относительно васъ-то у меня—не мнѣніе, а знаніе.

Др. Ты всегда тотъ же [1], Аполлодоръ, — всегда порицаешь и себя и другихъ, и мнѣ кажется, начиная съ себя, просто всѣхъ почитаешь жалкими, кромѣ Сократа. Не знаю, откуда взяли называть тебя этимъ именемъ — именемъ неистоваго [2]; только въ своихъ рѣчахъ ты всегда таковъ, — сердишься и на себя и на всѣхъ другихъ, кромѣ Сократа.

---

[1] *Ты всегда тотъ же*, ἀεὶ ὅμοιος εἶ. Такъ употребляется ὅμοιος Charm. p. 170 A: ἀλλ᾽ἐγὼ κινδυνεύω ἀεὶ ὅμοιος εἶναι De Rep. IX, p. 585 C. Phaedr. p. 271 A, al.

[2] *Этимъ именемъ—именемъ неистоваго*, ταύτην τὴν ἐπωνυμίαν—τὸ μανιός. Последнее слово во многихъ спискахъ измѣнено въ μαλακός, очевидно, отъ ошибочнаго понятія критиковъ. Подлинность слова μανικός подтверждается самымъ отвѣтомъ Аполлодора: ὅτι οὕτω διανοούμενος καὶ περὶ ἐμαυτοῦ καὶ περὶ ὑμῶν μαίνομαι καὶ παραπαίω. Значеніе слова μανικός весьма хорошо объясняютъ мѣста Apolog. Socrat. p. 21 A и Charmid. p. 153 B. Херефонъ, въ Хармидѣ называющійся μανικός, въ Апологіи описывается какъ σφοδρὸς ἐφ᾽ ὅ τι ὁρμήσειεν. Такое же значеніе этого слова встрѣчаемъ въ Politic. p. 302 B; *Athen*. X., p. 435 B; T. II, p. 964, ed. Dind.: Φίλιππος ἦν τὰ αἰὲν φύσει μανικὸς καὶ προπετὴς ἐπὶ τῶν κιν-

Аполл. Ахъ, любезнѣйшій! ужъ разумѣется [1], что если я такъ мыслю и о себѣ и о васъ, то неистовствую и заблуждаюсь.

Др. Но теперь, Аполлодоръ, не стоитъ спорить объ этомъ; а вотъ о чемъ мы просили тебя,—не откажись и разскажи, какія тогда были рѣчи.

Аполл. Были какія-то такія. Но лучше постараюсь раз-
174. сказать вамъ все съ начала такъ, какъ тотъ мнѣ разсказывалъ.

Онъ говорилъ: Встрѣтившись съ Сократомъ, вымывшимся и обутымъ въ туфли, что случалось съ нимъ рѣдко, я спросилъ его: куда онъ идетъ такимъ хорошимъ? А онъ отвѣчалъ: на пиръ къ Агатону. Вчера я ушелъ съ его торжества, испугавшись толпы, и обѣщался придти сегодня. Такъ вотъ и принарядился , чтобы къ хорошему идти хорошимъ.
B. А ты, Аристодемъ, спросилъ онъ, какъ находишь намѣреніе идти [3] на ужинъ незванному?—Да такъ, отвѣчалъ онъ, какъ прикажешь.—Пойдемъ же вмѣстѣ, сказалъ онъ, и испортимъ пословицу [4] такимъ измѣненіемъ, что къ столамъ

δύνων. Аполлодоръ названъ μανικός, неистовымъ,—потому, что и въ похвалахъ, особенно Сократу, и въ порицаніи другихъ лицъ увлекался въ крайности.

[1] ***Ужъ разумѣется***, καὶ δῆλόν γε δή. Въ этомъ выраженіи δή сообщаетъ словамъ Аполлодора смыслъ ироническій. Силу ироніи созналъ здѣсь и другъ его, какъ показываетъ отвѣтъ: οὐκ ἄξιον περὶ τουτων νῦν ἐρίζειν.

[2] ***Такъ вотъ и принарядился***, ταῦτα δή ἐκαλλωπισάμην. Ταῦτα здѣсь отнюдь не зависитъ отъ ἐκαλλωπισάμην, но указываетъ на предшествующую причину τοῦ καλλωπίσασθαι, и поставлено вмѣсто διά ταῦτα. Такъ Protag. p. 310 E: αὐτὰ ταῦτα νῦν ἥκω παρὰ σέ. *Xenoph.* Symp. IV, 55,25. *Aristoph.* Pac. v. 414: Ταῦτ' ἄρα πάλαι παρεκλεπιέτην. *Matthiae.* Gr. § 467, 14, p. 873.

[3] ***Какъ находишь намѣреніе***, πῶς ἔχεις πρὸς τὸ ἐθέλειν ἂν ἰέναι... Здѣсь ἂν съ перваго взгляда представляется лишнимъ. Въ кодексахъ оно соединяется съ глаголомъ ἰέναι, какбы, то-есть, собесѣдники отъ Фалеры поднимались въ городъ. Но едва ли не вѣрнѣе относить ἂν къ глаголу ἐθέλειν, какбы сказано было: πῶς ἔχεις; ἐθέλοις ἂν ἰέναι;

[4] ***Испортимъ пословицу***... Пословица, на которую здѣсь указываетъ Сократъ, выражалась слѣдующимъ стихомъ: αὐτόματοι δ' ἀγαθοὶ δειλῶν ἐπὶ δαῖτας ἴασι. См. Schol. Platon. p. 43, ed. Ruhnk. et *Athen* Deipnos. IV, 27. Смыслъ ея тотъ, что добрый и честный человѣкъ не имѣетъ надобности извиняться, приходя безъ зова къ человѣку худшему; потому что приходъ его для по-

добрыхъ людей добрые идутъ сами собою. Вѣдь Омиръ-то, должно быть, нетолько испортилъ эту пословицу, но и посмѣялся надъ нею, когда, Агамемнона изобразивъ въ воинскихъ дѣлахъ человѣкомъ отлично хорошимъ, а Менелая вои- C.
номъ слабымъ, заставилъ послѣдняго, въ то время какъ Агамемнонъ принесъ жертву и давалъ праздникъ, придти къ его столу незваннымъ,—заставилъ худшаго придти на пиръ къ лучшему. — Выслушавъ эти слова, тотъ сказалъ: такъ можетъ быть, и я поступлю неладно, — не какъ ты говоришь, Сократъ, а какъ говоритъ Омиръ, что, будучи человѣкомъ плохимъ, приду незванный на пиръ человѣка мудраго. Развѣ, ве-
дя меня, ты самъ скажешь что-нибудь въ мое оправданіе? Вѣдь D.
я-то не признаюсь, что пришелъ незванный, но что приглашенъ былъ тобою. — Идучи двое вмѣстѣ, сказалъ онъ, будемъ думать другъ за друга [1], что̀ говорить. Пойдемъ. —Потолковавъ между собою, говоритъ, о чемъ-то такомъ, мы пошли. Но Сократъ, углубившись какъ-то въ самого себя, остановился на дорогѣ и, когда я хотѣлъ ждать его, велѣлъ мнѣ
идти впередъ. Пришедши къ дому Агатона [2], я нашелъ дверь E.
отворенною и испыталъ тутъ, говоритъ, нѣчто смѣшное. Въ домѣ [3] встрѣтился какой-то мальчикъ и повелъ меня прямо туда,

---

слѣдняго и безъ того долженъ быть пріятенъ. Сократъ портитъ эту пословицу тѣмъ, что ведетъ ἀγαθὸν 'Αριστόδημον ἄκλητον οὐκ ἐπὶ δειλοῦ, ἀλλ' ἐπ' ἀγαθοῦ Ἀγάθωνος δαῖταν, и извиняетъ себя примѣромъ Омира, который совершенно извратилъ ту же пословицу, представивъ, что Менелай, полководецъ слабый, пришелъ незваннымъ на пиръ къ Агамемнону, полководцу мужественному. Указывается, т.-е., на мѣсто Иліады β, v. 408: αὐτόματος δέ οἱ ἦλθε βοὴν ἀγαθὸς Μενέλαος, который въ другомъ мѣстѣ (Iliad. ρ, υ. 188) называется μαλθακὸς αἰχμητής.

[1] *Идучи двое вмѣстѣ, будемъ думать другъ за друга.* Сократъ дѣлаетъ аллюзію къ словамъ Иліады X, v. 224: Σύν τε δύ' ἐρχομένω, καί τε προ ὃ τοῦ ἐνόησεν, Ὅππως κέρδος ἔῃ. Этимъ же оборотомъ воспользовался онъ и въ Протагорѣ, p. 348.

[2] *Пришедши къ дому Агатона,*—'Επειδὴ γενέσθαι ἐπὶ τῇ οἰκίᾳ τῇ 'Αγάθωνος. О неокончательномъ послѣ ἐπειδή въ косвенной рѣчи см. de Republ. X, p. 617 D: σφᾶς οὖν, ἐπειδὴ ἀφικέσθαι, εὐθὺς δεῖν ἰέναι; id. p. 614 A, 619 C. Сравн. *Rost.* § 121 3. 4, p. 466.

[3] *Въ домѣ встрѣтился*... οἷ... ἀπαντήσαντα. Οἷ часто употребляется вмѣсто ποῖ, куда, — и въ такомъ случаѣ требуетъ послѣ себя род. падежа. Но эта

гдѣ сидѣли другіе, и гдѣ я засталъ ихъ собиравшимися уже ужинать. Тамъ Агатонъ, только что увидѣлъ меня, тотчасъ сказалъ: а! Аристодемъ? кстати пришелъ [1]; будешь вмѣстѣ съ нами ужинать [2]. А если приходъ твой—для чего инаго, то отложи до другаго времени. Я и вчера искалъ тебя, чтобы пригласить, да не могъ увидѣть. А для чего не привелъ ты къ намъ Сократа?—Тутъ, обернувшись, я увидѣлъ, говоритъ, что Сократа за мною не было, и сказалъ: вѣдь и мнѣ самому случилось придти съ Сократомъ, который позвалъ меня сюда на ужинъ.—И хорошо сдѣлалъ [3], примолвилъ Агатонъ: но гдѣ же Сократъ?—Остался позади, сейчасъ вой-
175. детъ. Впрочемъ, я и самъ удивляюсь, гдѣ бы могъ онъ быть. —Мальчикъ, посмотри, сказалъ, говоритъ, Агатонъ, и введи Сократа; а ты, Аристодемъ, примолвилъ онъ, садись подлѣ Эриксимаха.—

Мальчикъ обмылъ меня, говоритъ, чтобы мнѣ возлечь; а другой кто-то изъ мальчиковъ пришелъ и доложилъ, что этотъ Сократъ, пошедши назадъ, остановился у сосѣдняго крыльца и, по моему зову, не хотѣлъ войти.—Вздоръ говоришь, сказалъ Агатонъ; зови его и не отпускай [4].—А я при-

---

частица значитъ также и *гдѣ*, и тогда поставляется отрѣшенно, какъ напр. Gorg. p. 492 B, Lachet. p. 187 A. Conf. *Krüger*. ad Dionys. Historiogr. p. 119.

[1] ***Кстати пришелъ***, *εἰς καλὸν ἥκεις*,—весьма обыкновенный идіотизмъ. Menon. p. 90 A: *εἰς καλὸν ἡμῖν αὐτὸς ὅδε παρεκαθέζετο*. Hipp. Maj. p. 286 C. E. Euthyd. p. 275 *ἥκετον εἰς κάλλιστον*. Theag. p. 122 A. *Xenoph*. Symp. 14. Вѣроятно, отъ этого греческаго идіотизма произошло русское привѣтствіе: добро пожаловать.

[2] ***Будешь вмѣстѣ съ нами ужинать***, *ὅπως συνδειπνήσεις*. Послѣ *ὅπως* слѣдовало бы стоять соглагательному наклоненію; но въ формулахъ приглашенія Греки никогда не употребляли его и замѣняли будущимъ временемъ. Hipp. Maj. p. 286 B: *ἀλλ' ὅπως παρέσει καὶ αὐτὸς καὶ ἄλλους ἄξεις*. *Aristoph*. Avv. 131. Невѣжливъ былъ бы Агатонъ, еслибы сказалъ: *εἰς καλὸν ὅπως συνδειπνήσῃς*. Поэтому *ὅπως συνδειπνήσεις* надобно понимать какъ выраженіе независящее отъ словъ *εἰς καλὸν ἥκεις*.

[3] ***И хорошо сдѣлалъ***, *καλῶς γ' ποιῶν σύ*: вмѣсто *πεποίηκας*,—часто употребляющійся идіотизмъ. Charmid. p. 156 A, 162 E. Hipp. Maj. init. Lachet. p. 192 B. Theaet. p. 181 D. Lysid. p. 204 A.

[4] ***Зови его и не отпускай***, *καλεῖς αὐτὸν καὶ μὴ ἀφήσεις*. Καλεῖς здѣсь не настоящее, а будущее аттическое. *Aristoph*. Eccles. 1179, ed. Dind: *Οὔκουν ἅπασι δῆτα γενναίως ἐρεῖς καὶ μὴ παραλείψεις μηδένα*. *Sophocl*. Trachin. 1183. *οὐ θᾶσσον οἴσεις μηδ' ἀπι-*

молвилъ, говоритъ: нѣтъ, оставьте его; вѣдь у него какъ-то B. такая привычка. Иногда онъ отойдетъ, куда случится, и станетъ. Я думаю, придетъ тотчасъ; поэтому не трогайте его, оставьте.—Сдѣлаемъ и такъ, если тебѣ угодно, сказалъ Агатонъ. А вы, мальчики, угощайте насъ и непремѣнно подавайте все, что захотите, такъ какъ надъ вами нѣтъ распорядителя, чего я никогда не дѣлалъ. Представляйте теперь, что и я приглашенъ вами на ужинъ, и эти прочіе, и служите C. намъ, чтобы мы хвалили васъ.—

Послѣ этого стали мы, говоритъ, ужинать, а Сократъ не входилъ. Агатонъ часто приказывалъ звать Сократа, но онъ не соглашался. Пришелъ и онъ въ непродолжительномъ времени,—по своему обычаю, для собесѣдованія, но пришелъ тогда, какъ ужинъ былъ уже на-половинѣ. Тутъ Агатонъ, которому случилось возлежать послѣднимъ одному, сказалъ, говоритъ: сюда, Сократъ; помѣстись подлѣ меня, чтобы, при- D. касаясь къ тебѣ, я насладился тою мудростію, которая представлялась тебѣ тамъ—у крыльца. Вѣдь явно, что ты нашелъ ее и держишь; а безъ того и съ мѣста не сошелъ бы.— Сократъ сѣлъ, говоритъ, и сказалъ: прекрасно было бы, Агатонъ, еслибы мудрость была такова, что изъ полнѣйшаго между нами текла бы въ пустѣйшаго, когда мы прикасаемся другъ къ другу, какъ вода въ чашахъ изъ полнѣйшей чрезъ шерсть течетъ въ пустѣйшую [1]. Вѣдь, еслибы такова была и мудрость, то для меня много значило бы склониться E. возлѣ тебя; потому что отъ тебя я наполнился бы, думаю,

---

στήσεις ἐμοί; Eurip. Hippol. 500: *οὐχὶ συγκλείσεις στόμα καὶ μὴ μεθήσεις αὖθις αἰσχίστους λόγους.*

[1] ***Какъ вода въ чашахъ изъ полнѣйшей чрезъ шерсть течетъ въ пустѣйшую.*** Подобіе представляетъ двѣ соприкасающіяся своими краями чаши, изъ которыхъ одна наполнена водою, а другая пустая. Внутреннія полости этихъ чашъ приведены въ сообщеніе мокрою шерстяною покромкою такъ, что одинъ конецъ ея опущенъ въ чашу съ водою, а другой въ чашу безъ воды. Въ такомъ случаѣ вода изъ чаши полной должна, чрезъ шерстяной проводникъ, переходить въ чашу порожнюю. Можно думать, что Сократъ намѣренно воспользовался этимъ подобіемъ, желая выразить отношеніе между собою и пировавшими друзьями Агатона.

обширною и прекрасною мудростію. Моя-то мудрость, можетъ быть, плоха и сомнительна, какъ сновидѣніе, а твоя блистательна и весьма успѣшна: она въ тебѣ, человѣкѣ еще молодомъ, вонъ съ какою силою недавно возсіяла и проявилась, при свидѣтельствѣ болѣе чѣмъ тридцати тысячь [1] Эллиновъ. —Насмѣшникъ ты, Сократъ, сказалъ Агатонъ. Немного спустя, мы — я и ты — разсчитаемся съ тобою относительно мудрости, и обратимся къ суду Діониса; а теперь примись-ка прежде за ужинъ. —

176. Послѣ того какъ Сократъ восклонился, говоритъ, и поужиналъ, собесѣдники стали дѣлать возліянія, воспѣвать бога, совершать все прочее обычное и обратились къ питью [2]. Тутъ Павзаній [3] началъ, говоритъ, слѣдующую рѣчь. — Нуте-ка, друзья, сказалъ онъ, какимъ бы образомъ намъ легче [4] было пить? Говорю вамъ, что и послѣ вчерашней попойки я по-правдѣ чувствую себя очень ху-
В. до, и прошу нѣкотораго отдыха; да многіе и изъ васъ, думаю, въ этомъ имѣютъ нужду, потому что вчера тоже были здѣсь. Такъ разсудите; какимъ бы образомъ полегче намъ пить. —

---

[1] По этому показанію можно судить объ обширности бывшаго въ Аѳинахъ линнсйскаго театра, о которомъ см. *Dodwell.* Jtinerary of Greece 1, 2, c. 10.

[2] *Виттенбахъ* (ad Plutarchi septem sapient. conviv. p. 939) говоритъ: пиръ по обыкновенію совершался такъ, что, когда гости покушали, столы были выносимы; затѣмъ гостямъ раздаваемы были вѣнки, и при звукѣ флейтъ производилось возліяніе богамъ; а наконецъ по срединѣ залы поставляемъ былъ кратеръ, и слуги приносили стаканы. *Xenophon.* Symp. II, 1: *ὡς δ' ἀφῃρέθησαν αἱ τράπεζαι καὶ ἔσπείσαντο καὶ ἐπαιάνισαν, ἔρχεταί τις αὐτοῖς ἐπὶ κῶμον Συρακούσιος ἄνθρωπος κ. τ. λ.* Hellen. IV, 7, 4. VII, 2, 23. Scholiasta Ruhnk. p. 43 замѣчаетъ: *ἐκιρνῶντο γὰρ ἐν αὐταῖς (ταῖς συνουσίαις) κρατῆρες τρεῖς καὶ τὸν μὲν πρῶτον Διὸς Ὀλυμπίου καὶ θεῶν Ὀλυμπίων ἔλεγον· τὸν δὲ δεύτερον Ηρώων· τὸν δὲ τρίτον Σωτῆρος, ὡς ἐνταῦθά τε* (Phileb. p. 65 D) *καὶ δὴ καὶ ἐν Πολιτείᾳ* (IV p. 383 A).

[3] Павзаній былъ любитель Агатона. Protag. 315 D. E. *Davis.* ad Max. Tyr. XXVI, 8, p. 27. *Wolf.* introduct. ad Sympos. p. XLI sqq. *Schneider.* ad Anabas. p. 420.

[4] *Легче*, въ подлинникѣ *ῥᾶστα*. Schol.: *ῥᾶστα τὸ ἥδιστα ἐνταῦθα σημαίνει.* Въ такомъ же смыслѣ немного ниже надобно понимать выраженіе: *ῥαστώνη τις τῆς πόσεως.*

На это Аристофанъ [1] сказалъ: ты дѣйствительно хорошо говоришь, Павзаній; надобно всячески придумать какое-нибудь облегченіе въ попойкѣ; я и самъ изъ тѣхъ, которые вчера нагрузились [2].—Слыша, говоритъ, ихъ, Эриксимахъ [3], сынъ Акумена, сказалъ: вы прекрасно вздумали; хотѣлось бы еще услышать одно,—находитъ ли себя способнымъ пить Агатонъ.—Нѣтъ, сказалъ онъ, и я неспособенъ.—Такъ для
насъ, какъ видно, находка, примолвилъ онъ, то-есть, для C.
меня, Аристодема, Федра [4] и подобныхъ, если и вы, самые сильные питухи, теперь отказываетесь; вѣдь мы-то всегда очень слабы. Сократа я исключаю; потому что онъ способенъ къ тому и другому,—и будетъ доволенъ, что ни дѣлали бы мы изъ этихъ противуположностей. А такъ какъ изъ присутствующихъ никто не расположенъ, кажется мнѣ, пить много вина; то если я скажу правду о пьянствѣ, каково оно,—можетъ, буду несовсѣмъ непріятенъ. Вѣдь это-то из-
вѣстно мнѣ, думаю, изъ врачебнаго искуства, что пьянство D.
для людей тяжело; потому и самъ я не хотѣлъ бы впередъ пить по доброй волѣ, и другому не посовѣтовалъ бы,—особен-

---

[1] Личность Аристофана всѣмъ извѣстна. Это былъ неутомимый говорунъ, весельчакъ и шутникъ. Такимъ изображаетъ его и Платонъ въ настоящемъ своемъ разговорѣ. Притомъ замѣчательно, что этого комика поставляетъ онъ въ дружескія отношенія къ Сократу и тѣмъ доказываетъ, что Сократъ нисколько не питалъ ненависти къ человѣку, надъ нимъ смѣявшемуся, и что вовсе несправедливо, будто смерть Сократа была ускорена его насмѣшками.

[2] *Нагрузились.* Глаголъ *βαπτίζεσθαι* прилагается къ тѣмъ, которые пили много вина. Въ этомъ смыслѣ употреблялъ его и Лукіанъ. Т. III, p. 81: *καρηβαροῦντι καὶ βεβαπτισμένῳ ἔοικεν.* *Clem. Alex.* Phaed. II, p. 182; 29: *ὑπὸ μέθης βαπτιζόμενος εἰς ὕπνον.*

[3] О врачѣ Эриксимахѣ, сынѣ врача Акумена, см. Protag. p. 315 C; *Xenoph.* Mem. III, 13. Онъ былъ другомъ того Федра, именемъ котораго надписанъ одинъ изъ Платоновыхъ разговоровъ. См. p. 268 B, 227 A.

[4] О Федрѣ, сынѣ Питокла, котораго Атеней (XI, p. 505 F) не почитаетъ однакожъ сверстникомъ Сократа, упоминается также въ Протагорѣ (p. 315), какъ о собесѣдникѣ Калліаса. Онъ былъ человѣкъ изнѣженный и *σοφὸς τὰ ἐρωτικά.* См. Phaedr. p. 227 A. Слѣдуя сицилійскимъ риторамъ, особенно же Тизіасу и Лизіасу, онъ болѣе всего любилъ изысканную красоту рѣчи. Phaedr. p. 227—273. Поэтому рѣчь его и въ Пирѣ отличается необыкновенными прикрасами и щегольствомъ.

но если онъ съ похмѣлья отъ прошедшаго дня. — Да, прервалъ его, говоритъ, Федръ мирринусскій; я уже привыкъ вѣрить тебѣ, особенно когда ты говоришь что-нибудь о врачебномъ искуствѣ: а теперь, если хорошо размыслятъ, повѣрятъ тебѣ и прочіе.—Выслушавъ это, всѣ согласились въ
E. настоящее время вести бесѣду, не предаваясь пьянству, а пить такъ [1] — для удовольствія.

—Итакъ, если намъ показалось, сказалъ Эриксимахъ, пить, сколько каждый захочетъ, безъ всякаго принужденія; то я подаю голосъ [2] отпустить вошедшую сюда флейщицу; пусть она играетъ сама для себя, или, когда ей угодно, для находящихся въ домѣ женщинъ: мы же займемся теперь бесѣдами между собою; а какими бесѣдами, о томъ хочу предложить вамъ. — Тутъ всѣ заговорили, объявляли желаніе и просили его предлагать. — Тогда Эриксимахъ ска-
177. залъ: началомъ моей рѣчи будетъ Эврипидова Мелониппа [3], и мысль, которую намѣренъ я высказать, принадлежитъ не мнѣ, а этому Федру [4]. Федръ всякій разъ надоѣдаетъ мнѣ слѣдующимъ вопросомъ: не ужасно ли, Эриксимахъ, говоритъ онъ, что другимъ нѣкоторымъ богамъ поэты сочинили гимны и кантаты; а Эросу, такому и столь великому богу, изъ числа столь многихъ поэтовъ ни одинъ ни-
B. когда не сочинилъ никакой похвальной пѣсни? Посмотри, если угодно, на добрыхъ софистовъ [5]; они писали прозою

---

[1] *Пить такъ—для удовольствія,* οὕτω πίνοντας πρὸς ἡδονήν. Здѣсь οὕτω употреблено δεικτικῶς, какъ частица, отрицающая причину и цѣль, слѣдовательно исключающая всякую разумность дѣйствія, чтобы путемъ этого отрицанія разумности получалось удовольствіе.

[2] *Я подаю голосъ,* εἰςηγοῦμαι. 'Εἰςηγεῖσθαι значитъ предлагать, но не совѣтовать. Συμβουλεύειν выражаетъ больше обязательности, чѣмъ простое подаваніе голоса. Crit. p. 48 A: οὐκ ὀρθῶς εἰςηγεῖ, εἰσηγούμενος—δεῖν ἡμᾶς φροντίζειν.

[3] Эврипидова Меланиппа вошла у Грековъ въ пословицу и примѣнялась къ людямъ, склоннымъ выражать всѣмъ свои жалобы.

[4] Мысль о прославленіи Эроса усвояется Федру, какъ человѣку, τὰ ἐρωτικὰ σοφωτάτῳ.

[5] *Посмотри на добрыхъ софистовъ.* Тонкая иронія, равно какъ и въ выраженіи: ὁ βέλτιστος Πρόδικος.

похвалы Ираклу [1] и другимъ, равно какъ и добрѣйшій Продикъ. Да это еще и не такъ удивительно [2]: мнѣ случилось видѣть одну книгу мудраго мужа, въ которой излагалась дивная похвала соли [3] за получаемую отъ ней пользу; превозносимы были похвалами и многіе другіе того же рода предметы, и для этого употреблено немало старанія; а Эроса C.
даже до настоящаго дня никто изъ людей достойно воспѣть не рѣшился. Вотъ какъ нерадятъ о толикомъ богѣ! Такъ это Федръ говоритъ, мнѣ кажется, хорошо. Потому и я вмѣстѣ съ нимъ желаю принесть свою долю и благодарить Эроса; да въ настоящее время намъ, присутствующимъ, почтить этого бога, думаю, и прилично. Итакъ, если то же нравится и вамъ,—матеріи для настоящей бесѣды будетъ у насъ довольно. Мнѣ кажется, всякій изъ насъ, справа попорядку, D.
долженъ сказать Эросу, какую только можетъ, прекраснѣйшую похвальную рѣчь. А начинать первому Федру; потому что онъ и первый возлежитъ, и вмѣстѣ есть отецъ рѣчи [4].—

---

[1] ***Похвалы Ираклу и другимъ.*** Платонъ разумѣлъ конечно высокопарный разсказъ Продика объ Ираклѣ, помѣщенный Ксенофонтомъ въ его Memor. II, 1,21 sqq.

[2] ***Да это еще и не такъ удивительно,*** *τοῦτο μὲν ἧττον καὶ θαυμαστόν.* *Καὶ* часто полагается послѣ слова, предъ которымъ должно бы стоять, когда то слово заключаетъ въ себѣ особенную силу выраженія. *Thucyd.* VI, 1: *ἢ μᾶλλον καὶ ἐπέθεντο.* *Xenoph.* Cyrop. 1, 6, 39, p. 104. ed. Bornem. *Ταῦτα γαρ μᾶλλον καὶ ἐξαπατᾶν δύναται.* Synesius De providentia p. 15, ed. Krabing.: *ἀλλὰ τὰ μεγάλα δεῦρο μείζοσι καὶ φροιμίοις προσαναδείκνυται.* *Platon.* Sophist. p. 218 A: *ἆρα τοίνυν οὕτω καὶ, καθάπερ εἶπε Σωκράτης, πᾶσι κεχαρισμένος ἔσει.*

[3] ***Дивная похвала соли.*** Подобную мысль встрѣчаемъ у Исократа. Helen. Laudat. p. 304: *τῶν μὲν γὰρ τοὺς βομβυλιοὺς καὶ τοὺς ἅλας καὶ τὰ τοιαῦτα βουληθέντων ἐπαινεῖν οὐδεῖς πώποτε λόγων ἠπόρησεν.* Древніе ораторы считали дѣломъ недостойнымъ низводить свое слово въ кругъ предметовъ простыхъ и посвящать его вещамъ, относящимся къ обстановкѣ матеріальной жизни человѣка. Первые начавшіе, по тогдашнимъ понятіямъ, злоупотреблять благороднымъ даромъ ораторскаго слова были софисты, которые брались разсуждать о всемъ, или, какъ тогда говорили, *τὰ ἥττω κρείττω ποιεῖν.* На подобное злоупотребленіе ораторскою рѣчью указываетъ и Цицеронъ (Brut. § 47): singularum rerum laudationes vituperationesque conscripsit, quod judicaret hoc oratoris esse proprium, rem augere posse laudando vituperandoque rursus affligere. См. *Wolf.* Prolegg. ad Demosthen. Leptin. p. XXXV sqq.

[4] ***Онъ*** (Федръ) ***отецъ рѣчи***, т.-е. о любви, *ὡς τὰ ἐρωτικὰ σοφώτατος* и какъ пер-

Никто не будетъ отвергать твоего предложенія, Эриксимахъ, сказалъ Сократъ; даже не откажусь и я, утверждая, что
E. не знаю ничего другаго, кромѣ предметовъ эротическихъ [1]; не откажутся и Агатонъ, и Павзаній, и даже Аристофанъ, у котораго все дѣло — съ Діонисомъ и Афродитою [2], и никто другой изъ всѣхъ, которыхъ здѣсь вижу. Правда, мы, возлежащіе послѣдними, въ этомъ случаѣ не уравниваемся: но если первые раскроютъ предметъ хорошо и достаточно, — для насъ это будетъ удовлетворительно. Итакъ, въ добрый часъ! Начинай, Федръ, восхвали Эроса. — То же самое при этомъ
178. повторили и всѣ прочіе, и приказывали, что̀ приказывалъ Сократъ. Но всего, что высказано каждымъ, не помнилъ хорошо Аристодемъ; да не все, слышанное отъ Аристодема, помню и я: а что особенно казалось мнѣ стоющимъ памятованія, въ томъ отношеніи перескажу вамъ рѣчь каждаго.

Первый [3], повторяю, говоритъ, ораторствовалъ Федръ, начавъ свою рѣчь откуда-то издалека, что, то-есть, Эросъ былъ богъ, между людьми и богами высокій и дивный, какъ
B. во многихъ другихъ отношеніяхъ, такъ не менѣе въ отношеніи къ рожденію. Важно то, сказалъ онъ, что Эросъ изъ боговъ особенно [4] древенъ; а доказывается это тѣмъ, что

вый, потребовавшій похвальныхъ рѣчей такого содержанія. Phaedr. p. 257 B: *Φαῖδρος τε καὶ ἐγώ, Λυσίαν τὸν τοῦ λόγου πατέρα αἰτιώμενος.*

[1] *Не знаю ничего другаго, кромѣ предметовъ эротическихъ.* Объ этой профессіи Сократа см. ниже p. 212 B. Phaedr. p. 227 C. Lysid. p. 204 B. *Xenop.*, Mem. II, 6, 28. Sympos. III, 3. *Maxim. Tyr.* XXIV, 4. *Themist.* oratt. XIII, p. 161. О смыслѣ такого признанія см. введеніе къ Хармиду и Симпосіону.

[2] *Все дѣло съ Діонисомъ и Афродитою.* Критики смотрятъ на такое товарищество Аристофана, какъ на необходимое условіе греческой комедіи, которая, по самому своему существу, должна была имѣть дѣло съ этими божествами. См. *Casaub.* De poës. Satyr. p. 9, ed. Rambach. Но, кажется, нельзя сомнѣваться, что этою чертою Сократъ опредѣляетъ нравственное состояніе Аристофана, котораго и Эриксимахъ выше отнесъ къ числу собесѣдниковъ *δυνατωτάτων πίνειν.*

[3] *Первый ораторствовалъ Федръ.* Въ похвальномъ словѣ Эросу Федръ разсматриваетъ, во-первыхъ, древность его происхожденія, и многими, взятыми изъ древней исторіи примѣрами доказываетъ божественное его вліяніе на души людей, для возбужденія ихъ ко всякой добродѣтели; потомъ учитъ, что люди, преданные Эросу, удостоиваемы были отъ боговъ величайшихъ наградъ.

[4] *Особенно древенъ, ἐν τοῖς πρεσβύτατον εἶναι.* Ἐν τοῖς обыкновенно прилагается

нѣтъ ни одного — ни прозаика [1], ни поэта, который говорилъ бы о его рожденіи. Исіодъ сказалъ, что прежде былъ Хаосъ, а потомъ

Широкогрудая Гея, всѣхъ безопасное лоно,
И Эросъ [2].

Послѣ Хаоса, говоритъ, явились эти два—Гея и Эросъ. А Парменидъ учитъ, что Генеса (рожденіе)

Первымъ изъ всѣхъ боговъ беременѣла въ мысли Эросомъ [3].

Съ Исіодомъ согласенъ и Акусилай [4]. Такимъ образомъ мно- C.

къ превосходной степени, какъ латинское longe, multo, imprimis, praecipue, omnium. Думаютъ, что оно выражаетъ формулу опущенія; но Вольфъ (ad Reizii librum de inclin. accent. p. 21) не безъ причины сомнѣвается въ этомъ; потому что ἐν τοῖς прибавляется также къ именамъ женскаго рода, соединеннымъ съ прилагательными въ превосходной степени. *Viger*. p. 787 и ниже p. 178 C.

[1] *Ни прозаика*, οὔτε ἰδιώτου. Ἰδιώτης противуполагается τῷ ποιητῇ, какъ Phaedr. p. 288 D; ибо это слово получаетъ разныя значенія, смотря по тому, чему оно противуполагается. См. *Hemsterchus*. ad Lucian. Necyom. p. 484. *Ruhnken*. ad Long. p. 410, ed. Weisk. Что у Эроса не было родителей, учили многіе, и уже послѣ временъ Платона является мнѣніе, что онъ происходилъ отъ Юпитера и Венеры. См. *Walekenar*. Diatrib. p. 160 sq. и ученое разсужденіе Аста о томъ же предметѣ въ концѣ перевода Федра и Пира на нѣмецкій языкъ, p. 273 sq.

[2] Эти стихи Исіода взяты изъ его Theogon. v. 117 sq. *Plutarch*. Amat. p. 756 E: Ἡσίοδος δὲ φυσικώτερον ἐμοὶ δοκεῖ ποιεῖν Ἔρωτα πάντων πρεσβύτατον, ἵνα πάντα δι᾽ ἐκείνου μετάσχῃ γενέσεως.

[3] Эти стихи Парменида нѣкоторымъ критикамъ кажутся подозрительными, хотя выпустивъ ихъ, нельзя почитать умѣстнымъ слѣдующее дальше показаніе, что съ Парменидомъ сходятся въ убѣжденіи многіе. Мнѣ кажется, смѣшно было бы, приведши только стихи Исіода и Ахусилая, заключать, что многіе убѣждены въ древности Эроса. Между тѣмъ подлинность приведеннаго здѣсь показанія изъ Парменида подтверждается и тѣмъ, что Агатонъ, произнося ниже свою рѣчь и опровергая въ ней Федра, упоминаетъ нетолько объ Исіодѣ, но и о Парменидѣ. Странно впрочемъ, что въ стихѣ Парменида глаголъ μητίσατο — *беременѣла*—относится къ какому-то подлежащему, котораго здѣсь невидно. Это недоумѣніе впослѣдствіи объяснили Штальбомъ и Германъ, принявъ слово γένεσις за имя собственное и написавъ его прописною буквою, какбы, то-есть, Парменидъ Γένεσιν принималъ за одно и то же съ Афродитою и почиталъ ее плодотворящею силою природы. Такъ понялъ ученіе Парменида и Аристотель (Metaph. 1, 4.): καὶ γὰρ οὗτος (ὁ Παρμενίδης) κατασκευάζων τὴν τοῦ παντὸς γένεσιν, πρώτιστον μὲν, φησίν, Ἔρωτα θεῶν μητίσατο πάντων, гдѣ слово γένεσιν прямо замѣняетъ Афродитою. Amat. p. 756 F.

[4] Объ Акусилаѣ разсуждалъ *Sturzius* въ концѣ книги de Pherecydis Fragmentis p. 215 sq. На это мѣсто указываетъ *Clem. Alex*. (VI, p. 629 A) и гово-

гіе сходятся въ убѣжденіи, что Эросъ — богъ самый древній. А будучи самымъ древнимъ, онъ есть виновникъ для насъ величайшихъ благъ; ибо я не могу сказать, что̀ было бы бо́льшимъ благомъ для перваго юнаго возраста, какъ не добрый любитель, а для любителя, какъ не любимое дитя. Вѣдь что̀ должно руководствовать людьми, которые намѣреваются всю свою жизнь провесть хорошо, того не въ состояніи доставить имъ такъ прекрасно, какъ Эросъ, ни родство, ни по-
D. чести, ни богатство, и ничто другое. Но что я тутъ разумѣю? Въ дѣлахъ постыдныхъ — стыдъ, а въ похвальныхъ — честолюбіе; ибо безъ этого ни городъ, ни частный человѣкъ не могутъ совершать дѣлъ великихъ и прекрасныхъ [1]. Утверждаю, что человѣкъ любящій, бывъ обличенъ въ какомъ-нибудь постыдномъ поступкѣ, или перенесши отъ кого-нибудь обиду, по невозможности отмстить [2], не станетъ такъ мучиться ни предъ глазами отца, ни предъ друзьями, ни предъ другимъ кѣмъ-либо, какъ предъ любимцемъ. То же самое замѣча-
E. емъ и въ любимцѣ: и онъ особенно стыдится любителей, когда попадается въ дѣлѣ постыдномъ. Поэтому, еслибы представился какой способъ составить городъ, или лагерь изъ любителей и любимцевъ, то нельзя было бы лучше устроить его,

---

ритъ, что Исіода перелагали въ прозу и выдавали какбы за собственное произведеніе Эвмелъ и Акусилай.

[1] Здѣсь коротко, но ясно и живо опредѣляются главныя опоры языческой нравственности. Человѣкъ, предоставленный водительству собственной своей природы, находился подъ вліяніемъ двухъ ограничивавшихъ его мотивовъ: если удерживался отъ зла, то единственно потому, что стыдился дѣлать зло и боялся потерять доброе имя у людей; а если дѣлалъ добро, то опять единственно потому, что находилъ въ томъ источникъ самоуслажденія и удовлетворялъ собственному самолюбію. Рѣшимость пожертвовать своимъ эгоизмомъ для блага другихъ и стремленіе попрать условные расчеты стыда ради пользы ближнихъ — были недостижимы для языческаго нравоученія. Этими высокими правилами нравственной дѣятельной философская ѳѳика обязана ученію христіанскому, которое, облагородивъ и озаривъ своимъ свѣтомъ душу человѣка, нашло потомъ и въ ней самой сѣмена тѣхъ порывовъ къ истинной доблести.

[2] У язычниковъ почиталось дѣломъ человѣка мужественнаго отмстить за полученную обиду; а кто отказывался отъ мести, тотъ подвергался презрѣнію, какъ трусъ. Crit. p. 49 C. *Stahlb.* ad h. l.

какъ воздерживаясь отъ всего постыднаго и уважая другъ дру- 179.
га. Сражаясь вмѣстѣ, они, и при своей малочисленности, одерживали бы побѣду, можно сказать, надъ всѣми людьми; потому что человѣкъ любящій въ глазахъ своего любимца, больше чѣмъ въ глазахъ всякаго другаго, не захотѣлъ бы оставить строй или бросить оружіе [1], но скорѣе рѣшился бы много разъ умереть, чѣмъ показаться ему [2]. А оставить-то любимца, или не помочь ему въ опасности, — да такого дурнаго человѣка и нѣтъ, чтобы его, какъ подобнаго себѣ по отличной природѣ, не одушевилъ къ мужеству самъ Эросъ. И дѣйствительно, нѣ- B.
которымъ героямъ, какъ говоритъ Омиръ [3], самъ богъ внушалъ отвагу: но такую отвагу раждаетъ изъ себя и внушаетъ любителямъ именно Эросъ.

Одни любящіе рѣшаются умереть другъ за друга, — рѣшаются, говорю, нетолько мужчины [4], но и женщины. Достаточное свидѣтельство этого рода представляетъ Грекамъ дочь Пелея Алкеста, которая рѣшилась одна умереть за своего му-
жа, тогда какъ у него были отецъ и мать, которыхъ она, ради C.
любви, настолько превосходила дружбою, что доказала отчужденіе ихъ отъ сына и сродство съ нимъ только по имени. Совершивъ такое дѣло, она совершительницею дѣла прекраснаго показалась нетолько людямъ, но и богамъ; такъ что изъ многихъ, сдѣлавшихъ много прекраснаго, боги только нѣкоторымъ, весьма немногимъ, оказали такую честь, что отпустили ихъ души

---

[1] *Оставить строй, или бросить оружіе.* Λειποταξία считалось дѣломъ самымъ постыднымъ. Аттическій законъ, о которомъ упоминаетъ ораторъ Лизіасъ, (κατα Φίλωνος δοκιμασίας, T. V, p. 887, ed. Reisk., et *Demosthen.* adv. Neaer. T. II, p. 1353), былъ таковъ: τόν λιπόντα τήν τάξιν ἀπέχεσθαι ἀγορᾶς μήτε στεφανοῦσθαι μήτ' εἰσιέναι εἰς τὰ ἱερὰ τὰ δημοτελῆ. Не меньше безчестно было и бросать оружіе, о чемъ подробно говоритъ *Klotz.* ad Tyrt. 1, 10, 27 et de Republ. V, p. 468 B. Legg. XII, p. 945, *Aristot.* de moribus V. 3.

[2] Чѣмъ показаться ему, πρὸ τούτου, т.-е. πρὸ τοῦ ὀφθῆναι ὑπό παιδικῶν.

[3] *Какъ говоритъ Омиръ, самъ богъ внушалъ отвагу.* Такихъ мѣстъ у Омира много. Напр. Iliad. X, v. 482: τῷ δ' (Diomedi) ἐμπνεύσαι μένος γλαυκῶπις 'Αθήνη; XV, 202: ὣς εἰπὼν (Apollo) ἐμπνέυσαι μένος μέγα ποιμένι λαῶν (Nestori).

[4] *Говорю, нетолько мужчины,* οὐ μόνον ὅτι ἄνδρες. Здѣсь ὅτι заставляетъ подозрѣвать λέγω, какбы стояло такъ: οὐ λέγω μόνον ὅτι ἄνδρες. *Xenoph.* Memor. II, 9, 8: οὐχ ὅτι μόνον ὁ Κρίτων ἐν ἡσυχίᾳ ἦν, ἀλλὰ καὶ οἱ φίλοι αὐτοῦ.

изъ преисподней; а ея душу, за этотъ поступокъ, отпустили
D. съ радостію. Такъ-то, усердіе и добродѣтель ради любви пользуются уваженіемъ и у боговъ. Выслали они изъ преисподней и Орфея, сына Іагрова, не позволили ему достигнуть цѣли, но показали только одинъ призракъ жены, за которою онъ приходилъ, а самой не показали; ибо открылось, что, какъ пѣвецъ подъ звуки цитры, онъ былъ изнѣженъ, и не рѣшился ради любви умереть, какъ Алкеста, но ухитрился проникнуть
E. въ преисподнюю живымъ. За это-то именно боги и назначили ему наказаніе и сдѣлали такъ, что смерть его произошла отъ женщинъ, а не такъ, какъ почтили они и послали на острова блаженныхъ [1] сына Θетиды, Ахиллеса, который, узнавъ отъ своей матери [2], что если онъ убьетъ Гектора, то умретъ, а если не убьетъ, то возвратится домой и скончается въ ста-
180. рости, рѣшился избрать первое — помочь любезному Патроклу и, съ местію въ душѣ, нетолько умереть за друга, но и по смерти друга. Послѣ того чрезвычайно обрадованные боги отлично почтили его за то, что онъ столько дорожилъ своимъ любителемъ. Эсхилъ болтаетъ вздоръ [3], утверждая, будто Ахиллесъ любилъ Патрокла. Вѣдь первый былъ красивѣе нетолько послѣдняго, но и всѣхъ героевъ: притомъ у него не имѣлось и бороды; онъ, какъ говоритъ Омиръ, находился

---

[1] Объ островахъ блаженныхъ душъ см. Gorg. p. 523 A. Menexen. p. 235 D.

[2] *Узнавъ отъ своей матери.* Iliad. σ. υ. 94 sqq. ι. υ. 410 sqq. Apol. Socr. p. 28 C. *μή ἀποκτείνας δέ τούτον — τελευτήσοι.* Тотъ легко пойметъ это ораторское объясненіе Омировыхъ мѣстъ, кто будетъ имѣть въ виду самыя мѣста. Что Ахиллесъ умретъ вскорѣ по смерти Гектора, о томъ у Омира пророчествуетъ Θетида, Iliad. XVIII, 24; а что оставивъ поле битвы и возвратившись домой, Ахиллесъ долго проживетъ, о томъ говоритъ онъ самъ. Iliad. X, 414 sqq. Такимъ же образомъ объяснялъ Омира и Эсхилъ. См. *Timarch.* c. 59. ed. Bremi.

[3] *Эсхилъ болтаетъ вздоръ.* Извѣстно, что Омиръ (Iliad. XI, 787) изображалъ Патрокла, какъ человѣка, который былъ лѣтами старше Ахиллеса. Поэтому, согласно съ представленіемъ педерастовъ, казалось естественнѣе думать, что любителемъ былъ Патроклъ, а любимцемъ Ахиллесъ. Это самое утверждаетъ и Федръ. Напротивъ, трагики честь любителя приписывали Ахиллесу, а Патрокла представляли лицомъ, которое онъ любилъ. За это-то теперь Эсхилъ и подвергается укоризнѣ со стороны Федра. Впрочемъ, о любви Ахилла и Патрокла см. *Fabric.* ad Sext. Emp. Pyrrhon. Hypot. III, 24, et interp. ad Lucian. Erot. § 4.

еще въ ранней молодости. Боги, конечно, особенно уважаютъ это мужество ради любви, однакожъ болѣе удивляют- B.
ся, чувствуютъ удовольствіе и благотворятъ, когда любимецъ любитъ любителя, чѣмъ когда любитель любитъ любимца; потому что любитель божественнѣе послѣдняго,—онъ боговдохновенъ. Поэтому и Ахиллеса почтили они больше, чѣмъ Алкесту [1],—послали его на острова блаженныхъ. Итакъ, я говорю, что Эросъ изъ боговъ есть самый старшій, самый почтенный и самый вліятельный для доставленія мужества и счастія людямъ—какъ живущимъ, такъ и умершимъ.

Такую почти рѣчь, говоритъ, сказалъ Федръ; а послѣ C.
Федра произносили другіе, которыхъ вспомнить онъ не могъ, и потому, оставивъ ихъ, передалъ рѣчь Павзанія [2]. Павзаній началъ такъ. Нехорошо, мнѣ кажется, Федръ, изложилъ ты намъ свою рѣчь, если она, просто за просто [3] состоитъ въ одной похвалѣ Эросу. Пускай ужъ такъ, еслибы Эросъ былъ одинъ; а то онъ вѣдь не одинъ: если же не одинъ, то правильнѣе будетъ

---

[1] Ахиллеса почтили они больше, чѣмъ Алкесту,—потому, то-есть, что послѣдняя рѣшилась умереть за свою любовь къ мужу, а первый предсталъ предъ лицо смерти за любовь къ Патроклу, какъ его любимецъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, высшій героизмъ любви по праву принадлежитъ, конечно, Алкестѣ, а не Ахиллесу; потому что Ахиллесъ, мстя за смерть человѣка, который любилъ его, мстилъ за оскорбленіе собственнаго эгоизма. Но это-то и составляетъ софистическій характеръ рѣчи Федра.

[2] У Ксенофонта (Sympos. c. VIII) Сократъ говоритъ: *καίτοι Παυσανίας γε, ὁ Ἀγάθωνος τοῦ ποιητοῦ ἐραστής ἀπολογούμενος ὑπὲρ τῶν ἀκρασίᾳ συγκυλινδουμένων, εἴρηκεν, ὡς καὶ στράτευμα ἀλκιμώτατον ἂν γένοιτο ἐκ παιδικῶν τε καὶ ἐραστῶν*. Основываясь на этомъ свидѣтельствѣ Ксенофонта, Тиршъ (Specim. de Plat. Sympos. p. 7) и другіе полагали, что Павзаній написалъ эротическое сочиненіе, въ которомъ защищалъ пользу любовной связи мальчиковъ съ людьми возрастными, и заключали, что приписываемая ему въ Платоновомъ Симпосіонѣ рѣчь есть не иное что, какъ очеркъ содержанія его книги. Но мнѣніе, будто Павзаніемъ написана была книга объ этомъ предметѣ, подвергается сомнѣнію самымъ Платоновымъ Симпосіономъ, въ которомъ мысль, приписываемую у Ксенофонта Павзанію, Платонъ, какъ мы видѣли, усвояетъ Федру. Вѣрнѣе, кажется, думать, что въ рѣчи Симпосіона, произнесенной Павзаніемъ, выражено просто нравственное настроеніе Павзанія, какъ оно проявлялось въ его жизни. Въ этомъ согласенъ съ нами и Атеней, v. 56.

[3] *Просто за просто*, ἁπλῶς οὕτως. О нарѣчіи οὕτως, когда оно употребляется δεικτικῶς, или per appositionem, см. выше. p. 176 D.

D. предварительно сказать, котораго изъ нихъ надобно хвалить. Итакъ, я постараюсь поправить это: сперва скажу, котораго Эроса должно хвалить, а потомъ превознесу его похвалами, достойными бога. Всѣ мы знаемъ, что безъ Эроса нѣтъ Афродиты [1]: поэтому, еслибы Афродита была одна,—одинъ былъ бы и Эросъ: а такъ какъ первыхъ двѣ, то, по необходимости, два и послѣднихъ. Да и какъ богинь не двѣ? Вѣдь одна-то старшая, неимѣющая матери, дочь Урана (неба), которую и называемъ небесною; а другая младшая дочь Зевса и
E. Діоны, которой имя — всенародная. Поэтому необходимо и Эроса, помощника послѣдней, правильно называть всенароднымъ, а того—небеснымъ. Итакъ, хвалить слѣдуетъ, конечно, всѣхъ боговъ; однакожъ нужно постараться сказать, которому что свойственно. Всякое дѣло таково, что, совершаемое само
181. по себѣ, оно ни прекрасно, ни постыдно. Напримѣръ, то, что дѣлаемъ мы теперь,—пьемъ, поемъ, разговариваемъ, само по себѣ не имѣетъ ничего прекраснаго, но дѣло наше выдетъ такимъ, смотря по тому, какъ сдѣлается: если дѣлаемое—хорошо и правильно,—окажется прекраснымъ, а неправильно,—постыднымъ. То же самое и въ любви: не всякій Эросъ прекрасенъ и достоинъ похвалы, а только тотъ, который внушаетъ любить хорошо.

Итакъ, сопутникъ всенародной Афродиты по-истинѣ есть
B. всенародный Эросъ, и совершаетъ онъ, что случится; и вотъ

---

[1] *Безъ Эроса нѣтъ Афродиты.* Павзаній ведетъ свое доказательство такъ: Афродита необходимо должна быть сопровождаема Эросомъ (такъ какъ женское начало рожденія безъ мужескаго невозможно). Поэтому, еслибы Афродита была одна, то одинъ былъ бы и Эросъ. А какъ Афродитъ двѣ,—одна небесная, другая земная; то два должно быть и Эроса. О двухъ Афродитахъ, по ученію Платона, разсуждали Апулей (Apolog. p. 281), Плотинъ (Enn. Lib. III, c. 2, p. 158 E), Крейцеръ (Symb. 1, стр. 729, 733). А что Афродита (πρεσβυτέρα) называется ἀμήτωρ, то это обыкновенно вмѣнялось въ великую похвалу богамъ, что у нихъ не было одного изъ родителей. *Wesseling.* observv. II. 10, p. 177 sqq. Объ Афродитѣ (νεωτέρα), родившейся отъ Зевса и Діоны, см. interpr. ad Cicer. de Nat. D. III, 33. *Creuser.* in Melett. 1, p. 27. Впрочемъ, надобно замѣтить, что излагая свое доказательство, Павзаній по произволу измѣняетъ эти басни, примѣнительно къ своей цѣли.

его-то любятъ люди дурные. Такіе люди любятъ не менѣе
женщинъ [1], какъ и мальчиковъ; потомъ, въ тѣхъ, кого лю-
бятъ, смотрятъ больше на тѣла, чѣмъ на души; и наконецъ,
любятъ сколько возможно несмысленныхъ, имѣютъ въ виду
лишь совершить дѣло, не заботясь о томъ, хорошо ли это
будетъ, или нѣтъ. Отсюда приходится имъ дѣлать то, что
случится, — иногда доброе, иногда противное тому: ибо ихъ
любовь — отъ той богини, которая гораздо моложе, чѣмъ C.
другая, и которая принимаетъ участіе въ рожденіи дѣтей
мужескаго и женскаго пола; напротивъ, та — отъ богини
небесной, принимающей участіе не въ женскомъ полѣ, а
только въ мужескомъ (и это-то есть любовь къ мальчикамъ),
слѣдовательно [2] отъ старшей, непричастной сладострастію.
Потому-то воодушевленные этимъ Эросомъ обращаются къ
полу мужескому, по природѣ сильнѣйшему, и любятъ то,
въ чемъ больше ума. Влекомыхъ дѣйствительно этимъ Эро-
сомъ можно узнать и по самой любви ихъ къ мальчикамъ; D.
потому что послѣдніе становятся любезными имъ по при-
родѣ не прежде, какъ ставъ смыслящими, — что сближается
съ возрастомъ совершеннолѣтія. Съ того времени, думаю,
они готовы бываютъ любить мальчиковъ такъ, чтобы обра-
щаться съ ними во всю жизнь и жить съобща, а не обманы-
вать юношу, овладѣвъ имъ еще въ возрастѣ несмысленномъ,
чтобы потомъ посмѣяться надъ нимъ и перебѣжать къ друго-
му. Должно даже постановить законъ, запрещающій любить E.
мальчиковъ, чтобы о дѣлѣ неизвѣстномъ не имѣть много за-
боты; ибо неизвѣстно, зломъ или добромъ окончатъ мальчи-
ки свой возрастъ относительно къ душѣ и тѣлу. Добрые и
сами по себѣ охотно исполняютъ этотъ законъ; но должно
принуждать къ сему и тѣхъ [3] всенародныхъ любителей, какъ

---

[1] *Не менѣе женщинъ, какъ и мальчиковъ.* О равнодушіи древнихъ Грековъ къ женщинамъ и презрѣніи ихъ см. *Meiners* vermischte Schriften T. 1, p. 80 sqq.

[2] *Слѣдовательно*, ἔπειτα. Союзъ Ἔπειτα иногда имѣетъ значеніе частицы заключительной. *Косовичь* такое употребленіе его указываетъ въ Odyss. XVII, 185: ξεῖν' ἐπεὶ ἄρ' ἔπειτα πόλιν δ' ἰέναι μενεαίνεις.

[3] *И этихъ всенародныхъ любителей*, τούτους τοὺς πανδήμους ἐραστάς. Здѣсь членъ

182. принуждаемъ ихъ, сколько можемъ, не любить свободныхъ
женщинъ. Вѣдь эти-то люди безчестятъ любовь; такъ что нѣкоторые осмѣливаются говорить, будто постыдно оказывать ласки любителямъ. А говорятъ они подобнымъ образомъ, смотря на ихъ притѣсненіе и неправду; потому что всякое дѣло, совершаемое несовсѣмъ благопристойно и законно, по справедливости вызываетъ порицаніе. Притомъ, законъ касательно любви въ другихъ городахъ понять легко; потому что тамъ
B. онъ опредѣляется просто; а здѣсь и въ Лакедемонѣ труденъ онъ для опредѣленія [1]. Въ Элидѣ [2], напримѣръ, и Бэотіи, гдѣ нѣтъ мудрецовъ словесности, законъ говоритъ просто, что хорошо оказывать ласки любителямъ, — и никто, ни юноша ни старецъ, не скажетъ, что это дѣло постыдное,—не скажетъ потому, думаю, чтобы не имѣть нужды убѣждать молодыхъ людей рѣчами, въ которыхъ тамъ несильны. Напротивъ, по всей Іоніи и вездѣ въ другихъ странахъ, какія только подвластны варварамъ, почитается это постыднымъ; потому что у варваровъ, по ихъ тиранніи, любовь постыдна столько же, какъ
C. философія [3] и гимнастика. Вѣдь для правителей, думаю, не полезно, когда подвластные ихъ имѣютъ высокіе помыслы, крѣпкую дружбу и общеніе; между тѣмъ какъ Эросъ это-то особенно между прочимъ и любитъ внушать, что̀ здѣшніе тиранны дознали самымъ дѣломъ: вѣдь извѣстно, что любовь

τους πανδήμους послѣ τουτους выражаетъ презрѣніе. Criton. p. 45 A: οὐχ ὁρᾷς τούτους τους συκοφάντας ὡς εὐτελεῖς.

[1] *Труденъ для опредѣленія*, ποικίλος, т.-е. неопредѣлененъ, можетъ быть истолковываемъ различно. Phileb. p, 53 E: Λέγε σαφέστερον—ὅτι λέγεις.—Socrat. Οὐδὲν ποικίλον. Tim p. 59 C. Gorg. 491 D.

[2] *Въ Элидѣ, напримѣръ*... У Ксенофонта (Sympos. VIII, § 32—35) Павзаній говоритъ нѣсколько иначе. О нравахъ Лакедемонянъ въ этомъ отношеніи см. *Xenoph.* Respubl. Laced. II, 13, 14. *Plutarch.* Laced. inst. p. 257 B. О Ѳивянахъ см. *Aelian.* V, п. XIII, 5. *Athenaeus* XIII, 2. Объ Элейцахъ см. *Xenoph.* Sympos. VIII, 35. De Republ. Laced. l. c. *Aelian.* l. c.

[3] Очень естественно, что Павзаній поставляетъ любовь въ отношеніе къ философіи и гимнастикѣ; потому что педерастія, по справедливому замѣчанію Рейндерсія, начиналась большею частію въ философскихъ школахъ и гимназіяхъ. *Cicer.* Tuscul. IV, 33. *Platon.* Legg. 1, 633 B.

Аристогитона и дружба Армодія [1], получивъ силу, уничтожили власть ихъ. Итакъ, гдѣ принято, что постыдно оказывать ласки любящимъ, тамъ это произошло отъ худаго качества законодателей, отъ притязательности правителей и отъ слабости подвластныхъ: а гдѣ думаютъ просто, что это хо- D.
рошо, тамъ такое правило бездѣйствіемъ своей души допустили законодатели. Здѣсь законъ въ этомъ отношеніи гораздо лучше: но его, какъ я сказалъ, нелегко понимать. Здѣсь господствуетъ [2] мысль, что лучше любить, какъ говорятъ, открыто, чѣмъ тайно, и любить особенно самыхъ благородныхъ и добрыхъ, хотя бы они были и не такъ красивы, какъ другіе,—тѣмъ болѣе, что любящій поддерживается удивительнымъ отъ всѣхъ ободреніемъ, какъ будто бы дѣлаетъ не что-нибудь постыдное; такъ что, если поймалъ, это кажется хоро- E.
шимъ, а не поймалъ—постыднымъ. Да и законъ далъ любящему право стараться ловить и хвалиться совершеніемъ чудныхъ своихъ дѣлъ. А кто осмѣлился бы дѣйствовать, преслѣдуя что-нибудь другое, и совершать иное, кромѣ этого; тотъ навлекъ бы на свою философію великое негодованіе [3]. Вѣдь еслибы, 183.
съ намѣреніемъ получить деньги отъ кого-нибудь, или правительственную власть, или иную силу, захотѣлъ онъ дѣлать то, что дѣлаютъ любители въ отношеніи къ своимъ любимцамъ,—а любители разливаются въ упрашиваніяхъ и умаливаніяхъ, даютъ клятвы, лежатъ у дверей, рѣшаются на такую рабскую службу, какой не несетъ ни одинъ рабъ; — то

---

[1] Объ этомъ событіи см *Meurs.* in Pisistrato c. XIII et *Hipparch.* p. 229.

[2] *Здѣсь господствуетъ мысль*, ʼενθυμητέντι. Начавъ эту перикопу причастіемъ, Павзаній такъ увлекся множествомъ представившихся ему вводныхъ мыслей, что какбы вовсе забылъ о главномъ предметѣ своей рѣчи и даже потерялъ изъ виду грамматическій смыслъ начатаго имъ предложенія. За упущенную здѣсь нить хватается онъ снова почти чрезъ цѣлую страницу, p. 183 c.: ταυτῃ μὲν οὖν οἰηθείη ἄν τις πάγκαλον νομίζεσθαι κ. τ. λ. Но тому причастію ἐνθυμητέντι напрасно стали бы мы здѣсь искать чего-нибудь соотвѣтствующаго.

[3] *Тотъ навлекъ бы на свою философію великое негодованіе.* Подъ именемъ философіи Павзаній разумѣетъ извѣстный тонъ практической жизни, поддерживаемый уваженіемъ человѣка къ собственной личности. Такой философіи противуполагаетъ онъ ниже ласкательство, умаливаніе, лежаніе при дверяхъ и проч.

B. ему воспрепятствовали бы въ этомъ и друзья и враги, — по-
слѣдніе стали бы порицать его за ласкательство и низость, а
первые по этому случаю вразумлять и стыдить. Напротивъ,
любящій, дѣлая все подобное, слышитъ одобреніе; да и за-
конъ позволяетъ ему такія дѣла безъ укоризны, какъ будто
бы онъ совершалъ что-нибудь вполнѣ прекрасное. Важнѣе
же всего то, что поклявшись, какъ говорятъ многіе, онъ
одинъ получаетъ отъ боговъ прощеніе въ клятвопреступле-
ніи; потому что въ любви, полагаютъ, нѣтъ клятвы [1]. Такимъ
C. образомъ, любителя, по смыслу здѣшняго закона, облекаютъ
всѣми правами и боги и люди. Такъ исполняясь этою мыс-
лію, можно въ нашемъ городѣ почитать дѣломъ вполнѣ пре-
краснымъ — любить и быть другомъ любителей. Если же от-
цы, поставляя надъ любимцами педагоговъ, не позволяютъ
имъ разговаривать съ любителями, и педагогу приказыва-
ютъ смотрѣть за этимъ, а сверстники и друзья, видя что-
нибудь такое, начинаютъ порицать ихъ, старшіе же не мѣ-
D. шаютъ ихъ порицанію и не бранятъ за то, что они говорятъ
неправильно; то смотря на это, можно опять подумать, что
такое дѣло считается здѣсь очень постыднымъ. Между тѣмъ
все состоитъ въ слѣдующемъ: несомнѣнно то, что̀ сказано
вначалѣ, что, то-есть, это само,—само по себѣ, ни прекрас-
но, ни постыдно, но если совершается прекрасно, — пре-
красное, а постыдно, — постыдное. Совершать его постыдно
значитъ оказывать ласки человѣку дурному и дурно; а со-
E. вершать прекрасно—значитъ благопріятствовать доброму и
добрымъ способомъ. Дурной человѣкъ есть тотъ любитель
всенародный, любящій больше тѣло, чѣмъ душу; потому
что и самъ непостояненъ, и не любитъ ничего постояннаго.
Какъ скоро тѣло отцвѣло, — онъ тотчасъ улетаетъ отъ лю-
бимца, осрамивъ его множествомъ словъ и обѣщаній. На-
противъ, любитель нрава добраго остается на всю жизнь,

[1] *Въ любви нѣтъ клятвы.* О позволеніи нарушать клятву въ любви говорит-ся и въ Филебѣ (р. 65 C) и подтверждается, что боги въ этомъ случаѣ не взыски-ваютъ за клятвопреступленіе. *Ἐν ταῖς ἡδοναῖς περὶ τἀφροδίσια—καὶ τὸ ἐπιορκεῖν συγγνώμην εἴληφε παρὰ θεῶν.*

такъ какъ онъ слитъ съ постояннымъ. Этихъ-то законъ намъ 184.
велитъ хорошенько испытывать и однимъ оказывать ласки, а другихъ убѣгать, за одними слѣдовать, а отъ другихъ удаляться. Онъ установилъ даже пробы и мѣры, чтобы узнать, къ которымъ относится любитель и къ которымъ любимецъ. По этой-то причинѣ, во-первыхъ, постыднымъ признается дѣломъ уловляться скоро, чтобы было время, которымъ многое испытывается, повидимому, хорошо; потомъ, постыднымъ также дѣломъ признано уловляться деньгами и политическимъ мо- B.
гуществомъ, хотя бы уступка и недостатокъ упорства происходили отъ притѣсненій, или, хотя бы не было отказа—въ видахъ получить деньги и вступить въ общественныя должности. Вѣдь все подобное кажется и нетвердо, и непостоянно,—кромѣ того, что отсюда дружба благородная не происходитъ. Итакъ, нашему закону остается одинъ путь, которымъ мальчикъ можетъ любителю оказывать ласки хорошо. По силѣ нашего закона, какъ любители могутъ, не опасаясь ни порица- C.
нія, ни упрека въ ласкательствѣ, рабствовать своимъ любимцамъ всѣми родами рабства: такъ и для любимцевъ не предосудительнымъ остается тотъ единственный видъ произвольнаго рабства, которымъ имѣется въ виду добродѣтель; ибо у насъ постановлено, что кто желаетъ служить кому-нибудь, въ надеждѣ сдѣлаться чрезъ него лучшимъ—либо въ какой-нибудь мудрости, либо въ иномъ видѣ добродѣтели, для того произвольное рабство не считается ни постыднымъ, ни ласкательнымъ. Оба эти закона о любви и къ мальчикамъ, и къ фило- D.
софіи, и ко всякой другой добродѣтели, надобно соединить въ одинъ, если хотятъ согласиться, что ласки мальчиковъ любителю — дѣло хорошее. Вѣдь когда любитель и любимецъ, — тотъ и другой водясь закономъ, соглашаются въ томъ, чтобы первый за ласки мальчика платилъ ему, чѣмъ велитъ платить справедливость, а послѣдній, слѣдуя также справедливости, помогалъ ему сдѣлать себя мудрымъ и добрымъ, — чтобы тотъ содѣйствовалъ къ развитію его разумности и другой добродѣтели, а этотъ чувствовалъ нужду въ полученіи E.

образованія и всякой мудрости; тогда, по соединеніи этихъ законовъ въ одно, и только тогда—ласки мальчика любителю будутъ дѣломъ хорошимъ, а больше ни въ какомъ случаѣ. Подъ этимъ условіемъ не стыдно быть и обманутымъ; а при всѣхъ другихъ условіяхъ,—обманутъ ли оказывавшій ласки,
185 или нѣтъ, — равно стыдно: ибо оказывалъ ли ихъ кто любителю, какъ богачу, ради богатства, и былъ обманутъ—не получилъ денегъ, обнаружилось ли, что любитель человѣкъ бѣдный;—тѣмъ не менѣе стыдно. Такой является какъ будто обличителемъ самого себя, что онъ для денегъ готовъ всякому служить всѣмъ; а это нехорошо. Такимъ же точно образомъ, хотя бы кто, оказывая любителю ласки, какъ доброму, и съ тѣмъ, чтобы чрезъ дружбу съ нимъ сдѣлаться лучшимъ, былъ отъ него обманутъ, потому что онъ явился человѣкомъ
B. худымъ, нестяжавшимъ добродѣтели,—этотъ обманъ былъ бы хорошъ; потому что обманутый опять какъ будто открылъ бы внутреннюю сторону своей души, что для добродѣтели-то и изъ желанія стать лучшимъ онъ готовъ всякому сдѣлать все, а это тоже всего прекраснѣе. Итакъ, оказывать ласки для добродѣтели вполнѣ хорошо. Это—Эросъ богини небесной и самъ небесный, неоцѣнимо полезный какъ городу, такъ и
C. частнымъ людямъ, и побуждающій къ добродѣтели какъ самого любящаго, такъ и любимаго имъ. Всѣ же прочіе суть Эросы другой богини — всенародной. Вотъ что, говоритъ, я высказалъ тебѣ, Федръ, объ Эросѣ, безъ приготовленія [1].

Когда произошла Павзаніева пауза [2] (такъ выражаться

---

[1] ***Безъ приготовленія***, *ὡς ἐκ τοῦ παραχρῆμα*. Значеніе этого выраженія хорошо опредѣляется выраженіемъ противуположнымъ: *λέγειν τι βουλευσάμενον*.. *Xenoph.* Hell. I, 1, 21: *λέγειν τὰ μὲν ἀπὸ τοῦ παραχρῆμα, τὰ δὲ βουλευσαμένους*. Лат. quasi ex improviso.

[2] ***Когда произошла Павзаніева пауза*** — Παυσανίου δὲ παυσαμένου, когда, т.-е. Павзаній пересталъ говорить. Здѣсь, очевидно, этимологическая игра словъ, какою во времена Сократа особенно любили заниматься софисты, какъ чѣмъ-то важнымъ и остроумнымъ. Объ этомъ см. *Heindorf.* ad Phaedr. § 114, ad Gorg. p. 9 et 79. *Wesseling.* ad Diod. Sicul. XII, p. 514. T. 1.— *Τὰ ἴσα σχήματα*, по свидѣтельству Гермогена, *περὶ δεινοῦ* (p. 38), почитались тѣ украшенія рѣчи, которыя извѣстны были подъ именами *ὁμοιοτέλευσις, παρήχησις* etc.

учатъ меня наши мудрецы), — разсказываетъ Аристодемъ, надлежало говорить Аристофану. Но, или отъ пресыщенія, или отъ чего другаго, возбудилась у него на тотъ разъ икота; такъ что онъ никакъ не могъ говорить, и потому, обратившись къ врачу Эриксимаху, который возлежалъ ниже его, D.
сказалъ: Эриксимахъ! ты долженъ или прекратить мою икоту, или говорить вмѣсто меня, пока она сама не прекратится. А Эриксимахъ отвѣчалъ: изволь, сдѣлаю то и другое, — буду говорить вмѣсто тебя; когда же перестанешь икать, тогда ты — вмѣсто меня. Но между тѣмъ, какъ я буду говорить, постарайся, — если хочешь, чтобы икота твоя прекратилась, подолѣе задержать въ себѣ дыханіе; а не то, — выполощи горло водою; когда же и тутъ икать не перестанешь, — возьми что-нибудь E.
такое, чѣмъ можно пощекотать носъ, и чихни. Если сдѣлаешь это разъ или два, то, какъ ни сильна была бы икота, — прекратится. — Недолго же тебѣ говорить, сказалъ Аристофанъ, я сдѣлаю это.

Эриксимахъ началъ [1] такъ: Павзаній вступилъ въ свою 186.
рѣчь хорошо, а окончилъ ее неудовлетворительно: поэтому мнѣ кажется необходимымъ постараться приладить къ его рѣчи конецъ. Что Эросовъ два, — это раздѣленіе мнѣ представляется хорошимъ: но Эросъ не въ однихъ человѣческихъ душахъ направляется къ прекраснымъ; онъ стремится ко

---

[1] Въ этой рѣчи Эриксимахъ прославляетъ силу и дѣйственность Эроса уже нетолько въ людяхъ, какъ прославляли его Федръ и Павзаній, и даже не въ животныхъ только, но во всѣхъ царствахъ природы. Судя по содержанію его рѣчи, можно думать, что онъ имѣлъ въ виду мнѣніе нѣкоторыхъ древнихъ, до-платоновскихъ философовъ, особенно Эмпедокла, который полагалъ, что взаимно-враждебныя стихіи міра, находящіяся между собою въ непрерывной борьбѣ, примиряются и упорядочиваются дружбою. *Aristot.* Metaph. 1, 4, p. 614, T. II, ed. Duval, Interpr. ad Aristoph. Av. v. 695 sqq. *Πρότερον δ᾽οὐκ ἦν γένος ἀθανάτων, πρὶν Ἔρως συνέμιξεν ἅπαντα. Συμμιγνυμένων δ᾽ ἑτέρων ἑτέροις, γένετ᾽ οὐρανὸς ὠκεανὸς τε καὶ γῆ πάντων τε θεῶν μακάρων γένος ἄφθιτον κ. τ. λ.* Итакъ, Эросомъ въ обширномъ смыслѣ ораторъ называетъ ту господствующую въ вещахъ силу, которая все въ нихъ враждебное примиряетъ и соединяетъ. Давая этой рѣчи такое направленіе, Платонъ влагаетъ ее именно въ уста Эриксимаха врача, конечно, потому, что врачи, больше чѣмъ кто другой, должны были и въ его время изучать свойства вещей видимой природы.

многому и въ прочихъ вещахъ, какъ-то въ тѣлахъ всѣхъ животныхъ, въ земныхъ растеніяхъ, просто сказать,—во всѣхъ существахъ; и только изъ врачебной науки, изъ нашего
B. искуства, можно усмотрѣть, какъ великъ и дивенъ этотъ богъ, какъ простираетъ онъ свою власть на всѣ вещи человѣческія и божескія. Итакъ, чтобы почтить Эроса, я начну свою рѣчь изъ основаній, представляемыхъ врачебнымъ искуствомъ. Природа тѣлъ заключаетъ въ себѣ двоякаго Эроса: потому что здоровое состояніе тѣла и состояніе, признаваемое болѣзненнымъ, различны между собою и неподобны одно другому; а неподобныя одно другому неподобнаго и желаютъ, неподобное и любятъ. Поэтому иной Эросъ въ здоровомъ, и
C. иной въ больномъ. Стало-быть, какъ сейчасъ сказалъ Павзаній, что добрымъ людямъ оказывать ласки хорошо, а развратнымъ—постыдно: такъ и въ отношеніи къ самымъ тѣламъ,—добрымъ и здоровымъ частямъ каждаго тѣла благопріятствовать хорошо и слѣдуетъ,—и въ этомъ состоитъ призваніе врача,—а худымъ и болѣзненнымъ благопріятствованіе [1] постыдно, но требуется неблагопріятствованіе, если кто хочетъ быть знатокомъ своего дѣла. Вѣдь врачебная наука, говоря коротко, есть знаніе любовныхъ свойствъ тѣла относительно къ его насыщенію и опорожненію [2]. Распознающій въ этомъ Эроса хорошаго и постыднаго есть са-
D. мый лучшій врачъ: а кто при томъ производитъ перемѣны въ дѣлахъ эротическихъ, то-есть, вмѣсто одного Эроса помогаетъ пріобрѣтать другаго, или, у кого нѣтъ его, а надобно, чтобы онъ былъ, тому умѣетъ дать, либо имѣющагося уже можетъ изгнать, тотъ—отличный мастеръ; ибо надобно умѣть

[1] Это правило почти такимъ же образомъ излагаетъ *Иппократъ*, de morbo sacro. *Χρή—μὴ αὔξειν τὰ νοσήματα, ἀλλὰ σπεύδειν τρύχειν, προσφέροντας τῷ νούσῳ τὸ πολεμιώτατον ἑκάστῃ, μὴ τὸ φίλον καὶ σύνηθες· ὑπὸ μὲν γὰρ συνηθείας θάλλει καὶ αὔξεται, ὑπὸ δὲ τοῦ πολεμίου φθίνει καὶ ἀμαυροῦται.*

[2] Это опять мнѣніе Иппократа, примѣненное Эриксимахомъ къ любовнымъ дѣламъ. Hippocr. de flat. p. 296 II, ed. Foes. *Ἰατρικὴ γὰρ ἐστὶ πρόσθεσις καὶ ἀφέρεσις· ἀφέρεσις μὲν τῶν ὑπερβαλλόντων, πρόσθεσις δέ τῶν ἐλλειπόντων. Ὁ δὲ κάλλιστα τουτο ποιέων ἄριστος ἰητρός.*

дѣлать такъ, чтобы самыя враждебныя начала въ тѣлѣ прихо-
дили въ содружество и взаимно себя любили. Начала же са-
мыя враждебныя суть самыя противныя, какъ холодное теп-
лому, горькое сладкому, сухое влажному, и все тому подоб-
ное. Умѣвшій между такими противуположностями возстанов- E.
лять любовь и согласіе, родоначальникъ нашъ Асклетій, какъ
разсказываютъ эти поэты [1], и чему я вѣрю, изобрѣлъ наше
искуство. Врачебная наука, говорю, вся управляется этимъ
богомъ, равно какъ гимнастика и земледѣліе. А что касается
до музыки, то всякому, кто хотя немного обращалъ на нее 187.
вниманіе, совершенно извѣстно, что съ нею то же бываетъ,
что̀ съ упомянутыми искуствами, какъ это, можетъ быть, хо-
тѣлъ выразить и Гераклитъ [2], хотя въ словахъ-то его недо-
вольно выразительности: единое, говоритъ онъ, разноглася-
щее само съ собою, приходитъ въ согласіе, какъ гармонія лу-
ка и лиры. Весьма нелѣпо было бы думать, будто гармонію
Гераклитъ поставляетъ въ разногласіи и даже производитъ ее
изъ разногласія: онъ хотѣлъ сказать, можетъ быть, то, что
гармонія изъ разногласящихъ сперва звуковъ — высокаго и B.
низкаго, которые потомъ были подстроены, произведена му-
зыкальнымъ искуствомъ; потому что изъ разногласныхъ-то по-
ка еще звуковъ, высокаго и низкаго, гармоніи, вѣроятно, быть
не можетъ. Вѣдь гармонія есть созвучіе; а созвучіе изъ началъ

---

[1] *Какъ разсказываютъ эти поэты.* Платонъ указываетъ, конечно, на двухъ присутствовавшихъ на пирѣ поэтовъ: на Агатона и Аристофана.

[2] О приведенномъ здѣсь положеніи Гераклита разсуждаютъ *Creuzer.* Studior. T. II, p. 261. Mytholog. T. II, p. 181 sqq. *Boeck.*, Studia T. III, p. 13. *Schleiermach.* Museum. Studior p. 413 sqq. Мысль его, явно, состоитъ въ слѣдующемъ: Во всей вселенной (*τὸ ἕν*) дѣйствуетъ такой законъ, что съ противнымъ борется противное, однакожъ такъ, что противныя взаимно себя не уничтожаютъ, но и въ самой борьбѣ стремятся къ одной и той же цѣли — къ гармоніи. Поэтому, предполагаемая Гераклитомъ гармонія называется *παλίντονος*. Такъ понимаетъ это мѣсто и Симплицій ad Aristot. Phys. p. 2 A: *ἐνεδείκνυτο δὲ (Ἡράκλιτος) τὴν ἐν τῇ γενέσει ἐναρμονίαν μῖξιν τῶν ἐναντίων.* Приспособляя Гераклитову мысль къ музыкѣ, Эриксимахъ, очевидно, невѣрно истолковываетъ философа и обвиняетъ его, основываясь на произвольномъ толкованіи. Такое понятіе о приведенномъ положеніи Гераклита Платонъ приписываетъ Эриксимаху, вѣроятно, затрогивая его хвастовство софистическою ученостію.

разногласящихъ, пока они разногласятъ, невозможно. Притомъ, пока начала разногласятъ и несоглашены, согласными представлять ихъ нельзя; равно какъ и риѳмъ происходитъ
C. сперва изъ началъ—быстраго и медленнаго, которыя потомъ приводятся къ согласію. Согласіе всему этому, какъ тамъ—врачебное искуство, такъ здѣсь доставляетъ музыка, внушая любовь и взаимное единеніе; а потому музыка есть знаніе любви въ дѣлѣ гармоніи и риѳма. И въ самомъ-то составѣ гармоніи и риѳма нетрудно различить эротическое; да тутъ нѣтъ и двухъ Эросовъ. Когда же риѳмъ и гармонію нужно бываетъ
D. разсматривать людямъ, которые или сочиняютъ,—что называется композиціею мелоса, или пользуются правильно сочиненными мелосами и метрами, что названо образованіемъ; тогда-то уже и трудно это, и требуется хорошій мастеръ. Здѣсь возвращается къ намъ то же слово, что людямъ благонравнымъ и тѣмъ, которые должны сдѣлаться благонравнѣе, если еще не были, надобно оказывать ласки и беречь ихъ Эро-
E. са; это Эросъ прекрасный, небесный,—Эросъ музы небесной. А сынъ Полимніи [1] — Эросъ всенародный, котораго надобно допускать съ осторожностію, къ кому бы онъ ни допускался, чтобы удовольствіями его пользоваться, а невоздержанію отнюдь не предаваться; равно какъ и въ нашей наукѣ—великое дѣло хорошо удовлетворять пожеланію услугами поварскаго искуства, такъ чтобы наслаждаться предлагаемымъ отъ него удовольствіемъ, не подвергаясь болѣзни. Стало-быть, и въ музыкѣ, и во врачебной наукѣ, и во всемъ другомъ—человѣческомъ и божественномъ, надобно, сколько возможно, различать
188. того и другаго Эроса; потому что они есть вездѣ. Вѣдь и состояніе годовыхъ временъ находится подъ владычествомъ ихъ обоихъ; и если подъ вліяніемъ мірового Эроса тѣ начала, о

---

[1] ***А сынъ Полимніи — Эросъ всенародный.*** Производя площаднаго, или всенароднаго Эроса отъ Полимніи, или Полигимніи, Платонъ, кажется, имѣлъ въ виду этимологическое значеніе этой музы и принималъ его въ смыслѣ нравственномъ, что, то-есть, она способна или сама пѣть разныя пѣсни, или увлекаться множествомъ ихъ.

которыхъ я недавно говорилъ, — теплое и холодное, сухое и влажное, вступаютъ между собою въ мудрую гармонію и благораствореніе, то приносятъ плодородіе и здоровье какъ людямъ, такъ и прочимъ животнымъ и растеніямъ, и ничѣмъ не вредятъ имъ: а когда надъ временами года владычествуетъ Эросъ невоздержимый,—многое получаетъ порчу и вредъ; по- B.
тому что отъ этого часто бываютъ заразы и многія другія различныя болѣзни какъ въ животныхъ, такъ и въ растеніяхъ. — Отъ перевѣса и несоразмѣрности между собою тѣхъ любовныхъ стремленій происходятъ [1] инеи, грады, губительныя росы: это знаетъ наука о теченіи звѣздъ и годовыхъ временъ, называемая астрономіею [2]. Кромѣ того, и всѣ жертвы, и то, надъ чѣмъ начальствуетъ провѣщаніе (а это есть взаимное общеніе боговъ и людей), не иное что-либо имѣютъ C.
въ виду, какъ сохраненіе Эроса и исцѣленіе; потому что тамъ обыкновенно бываетъ всякое нечестіе, гдѣ, при всякомъ дѣлѣ, не оказываютъ ласки, не воздаютъ почестей и уваженія Эросу благонравному, а воздаютъ другому, какъ относительно родителей—живущихъ и умершихъ, такъ и относительно боговъ. Поэтому, провѣщанію предписано наблюдать надъ Эросами и врачевать; поэтому опять, провѣщаніе есть зиждитель дружбы D.
между богами и людьми; ибо оно знаетъ, какая человѣческая любовь стремится къ законному и какая къ нечестивому. Итакъ, обширную, великую, или лучше, всю силу имѣетъ вообще всякій Эросъ: но тотъ, который упражняется въ добрѣ съ разсудительностію и справедливостію, какъ у насъ, такъ и у боговъ,—тотъ одаренъ силою величайшею, доставляетъ намъ

---

[1] ***Происходятъ инеи, росы***—*πάχναι καὶ χάλαζαι γίνεται*. О соединеніи глагола въ единственномъ числѣ съ именами множественнаго, хотя бы эти имена были и не средняго рода, см. *Ast.* ad Phaedr. p. 310, ad Politic p. 469, *Heindorf.* ad Euklyd. p. 459, *Matthiae* § 303.

[2] ***Называется астрономіею.*** Здѣсь подъ именемъ астрономіи Платонъ разумѣетъ науку нетолько о движеніи звѣздъ, но и о воздушныхъ перемѣнахъ, или о всемъ томъ, что нынѣ относится къ метеорологіи. Такъ понимаетъ онъ астрономію и въ седьмой книгѣ de Republ. p. 257 D sqq. Метеорологія во времена Платона еще не получила отдѣльной организаціи.

всякое благополучіе и дѣлаетъ то, что мы можемъ и между собою сводить дружбу, и съ превосходнѣйшими насъ — богами.

E. Можетъ быть, и я, хваля Эроса, многое пропускаю, но только не произвольно. Впрочемъ, если что-нибудь и опущено мною, твое дѣло, Аристофанъ, пополнить. Но ты, можетъ быть, имѣешь въ виду какъ иначе хвалить бога,— въ такомъ случаѣ хвали, такъ какъ теперь икота твоя прекратилась.

189. Тутъ, по разсказу Аристодема, взялся говорить Аристофанъ и началъ слѣдующимъ образомъ: Въ самомъ дѣлѣ прекратилась, только не прежде, какъ я противупоставилъ ей чихоту, и удивляюсь, почему это благопристойность тѣла требуетъ такого шума и щекотанья, какое производится чихотою [1]; ибо икота тотчасъ прекратилась, какъ скоро я началъ чихать.—А Эриксимахъ сказалъ: смотри, что ты дѣлаешь, добрякъ Аристофанъ;—собираясь говорить, смѣешься на мой счетъ и тѣмъ побуждаешь меня подстерегать твою рѣчь, не скажешь ли чего смѣшнаго [2], тогда какъ она могла бы идти спокойно.—Къ этому Аристофанъ со смѣхомъ примолвилъ: ты хорошо говоришь, Эриксимахъ; пусть же сказанное не сказано: но подстерегай меня не въ томъ, что будто я боюсь, какъ бы, намѣреваясь говорить, не сказать мнѣ чего смѣшнаго,—вѣдь это было бы выгодно и нашей музѣ прилично, — а въ томъ, что недостойно осмѣянія. — Откидываешь хвостъ [3],

---

[1] Этимъ разсказомъ о прекращеніи икоты посредствомъ чиханья Аристофанъ смѣется надъ положеніемъ Эриксимаха, что любовь происходитъ изъ противуположныхъ началъ, поколику они примиряются между собою и образуютъ одну гармонію, подобно тому, какъ икота и чиханье произвели *τὸ κόσμον τοῦ σώματος*. Намѣреніе Аристофана было, напротивъ, доказать, что любовь состоитъ въ стремленіи противуположностей къ возстановленію того единства, изъ котораго они выступили, какъ противуположности.

[2] ***Не скажешь ли чего смѣшнаго***—*ἐάν τι γελοῖον εἴπῃς*. *Γέλοιος* имѣетъ двоякій смыслъ: значитъ—смѣшной, веселый, забавный, и—достойный смѣха, нелѣпый. Аристофанъ различаетъ эти значенія, и въ первомъ веселое почитаетъ дѣломъ хорошимъ и приличнымъ музѣ комической, а во второмъ—оно, говоритъ, есть дѣло, достойное подстереженія, и называетъ его въ собственномъ смыслѣ *καταγέλαστον*.

[3] ***Откидывать хвостъ*** — *βαλὼν γε φάναι*. Пословица — *Sridas* Т. 1, р. 414.

Аристофанъ, и думаешь уйти, сказалъ Эриксимахъ: однакожъ будь внимателенъ и говори такъ, чтобы дать отчетъ; тогда я, C.
если понравишься мнѣ, отпущу тебя.—

Но въ умѣ-то у меня, Эриксимахъ, примолвилъ Аристофанъ, говорить иначе, чѣмъ какъ говорили ты и Павзаній [1]. Мнѣ кажется, что люди нисколько не поняли силы Эроса, потому что, понявъ-то, они воздвигли бы ему величайшіе храмы и жертвенники, и приносили бы драгоцѣнныя жертвы. Теперь относительно къ нему ничего такого нѣтъ [2]; между тѣмъ какъ надлежало бы этому быть болѣе всего. Вѣдь Эросъ есть человѣколюбивѣйшій изъ боговъ, попечитель людей и D.
врачь ихъ; и еслибы они исцѣлились, то человѣческій родъ наслаждался бы величайшимъ счастіемъ. Итакъ, я постараюсь раскрыть его силу вамъ; а вы потомъ будете учителями другихъ. Сперва надобно вамъ знать человѣческую природу и ея свойства; потому что въ древности природа наша была не такова, какая нынѣ, а иная. Въ древнія времена было три рода людей, а не какъ теперь два—мужескій и женскій. Тог-

---

ed. Kost.: Βυλῶν φεύξεσθαι οἴει πρὸς τοὺς κακόν τι δράσαντας καὶ οἰομένους ἐκφεύγειν V. *Erasmi* Adagg. p. 1219, *Wittenbach.* ad Plat. d. S. N. v. p. 6. Русское выраженіе этой пословицы взято отъ инстинкта лисицы—откидывать въ сторону хвостъ, когда она убѣгаетъ отъ собакъ, и чрезъ то скрывать свое направленіе.

[1] ***Какъ говорили ты и Павзаній***—*σύ τε καὶ Παυσανίας εἰπέτην.* Здѣсь надлежало бы ожидать глагола во второмъ, а не въ третьемъ лицѣ. Но ***Elmslejus*** ad Aristoph. Acharn. v. 773, Med. v. 1041 et *Monkius* ad Euripid. Med. v. 288 замѣчаютъ, что второе лицо единственнаго числа нѣкогда не отличалось отъ третьяго. Если въ этомъ и можно сомнѣваться, то несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что писатели на древнемъ аттическомъ нарѣчіи часто второе лицо оканчивали на *την*. Я вмѣстѣ съ Шеферомъ полагаю, что древній греческій языкъ въ прошедшемъ времени дѣйствительнаго залога допускалъ безразлично окончаніе *ετον* и *ετην*; но позднѣе грамматика установила между ними различіе примѣнительно къ лицамъ, и окончаніе *ον* отнесла ко второму, а *ην* къ третьему. У Платона двойственное *ην* вмѣсто *ον* употребляется во многихъ мѣстахъ. Euthyd. p. 273 E, 244 E. Legg. IV, p. 705 D VI, p. 753 A.

[2] Этихъ словъ Платона въ рѣчи Аристофана нельзя принимать въ смыслѣ свидѣтельства, будто Эросу Греки-язычники вовсе не воздвигали алтарей. См. *Valken.* Diatrib. in Fragm. Eurip. c. XI; *Jacobs* Vermischte Schriften p. III, p. 538. Здѣсь вся сила рѣчи сосредоточена на словѣ: величайшіе храмы—*μέγιστα ἱερά.*

да присоединялся къ нимъ еще третій, составленный изъ
E. того и другаго, котораго нынѣ осталось одно имя, а самъ онъ исчезъ: тогда былъ андрогинъ [1] въ одномъ лицѣ, и по виду и по имени общій тому и другому полу, мужескому и женскому; а теперь его нѣтъ, кромѣ имени, сдѣлавшагося поноснымъ. Тогда весь образъ каждаго человѣка былъ шаровидный: спина и бока округлялись; рукъ было четыре; да и ногъ столько же,
190. сколько рукъ; на одной шеѣ вертѣлись два совершенно схожихъ лица, смотрѣвшія въ противуположныя стороны, и оба принадлежавшія одной головѣ; а ушей было четыре и два дѣтородныхъ члена; такъ и все прочее сообразно съ этимъ. Ходилъ онъ прямо, какъ теперь, въ которую бы сторону ни захотѣлъ. Когда же нужно было ему бѣжать скоро, катился онъ какъ кольцо, подобно тѣмъ, которые катятся клубкомъ, поднимая ноги кверху, и упирался тогда осьмью членами тѣла.
B. Три такихъ рода имѣлось потому, что родъ мужескій вначалѣ былъ порожденіемъ солнца, женскій — порожденіемъ земли, а тотъ и другой свойственъ лунѣ [2], такъ какъ луна причастна обоихъ половъ. Такъ шарообразны были люди и сами, и походка ихъ, потому что уподоблялись своимъ родителямъ. Имѣли они также страшную силу, крѣпость и высокіе помыслы — до того, что замышляли зло богамъ; и что̀ говоритъ Омиръ

---

[1] Миѳъ объ андрогинахъ вѣроятно, былъ взятъ Платономъ изъ преданій языческой древности и, кажется, особенно сходился съ міровоззрѣніемъ Эмпедокла, Анаксимандра и другихъ философовъ механико материалистической іонійской школы. Такъ какъ этотъ миѳъ имѣетъ характеръ вымысла, порожденнаго самымъ мечтательнымъ воображеніемъ, и притомъ нечуждъ комизма, то Платонъ нашелъ приличнымъ вложить его въ уста Аристофана — необузданнаго мечтателя и поэта комическаго — съ цѣлію изъяснить изъ него взаимное влеченіе половъ, какъ выраженіе любви.

[2] Мнѣніе о вліяніи солнца, земли и луны на образованіе мужчины, женщины и андрогина, кажется, принадлежало тѣмъ древнимъ, особенно египетскимъ мудрецамъ, которые огню приписывали силу движенія, а землѣ — женственную способность воспринимать силу огня. *Arist.* Metaph. 1, 3, 6. Phys. 1, 6, de Gener. I, 3, II, 3. *Cicer.* Acad. IV, 37. *Menag.* ad Diog. Laert. p. 74, 317, 318. Но такъ какъ луна представляется въ срединѣ между солнцемъ и землею, то ей приписывали природу воды, и изъ воды производили существа среднія между полами—мужескимъ и женскимъ

объ Эфіалтѣ и Отѣ [1], то говорится и о нихъ, что, то-есть,
они рѣшались взойти на небо, съ цѣлію напасть на боговъ. C.

Тогда Зевсъ и прочіе боги начали совѣтоваться, что имъ
дѣлать, и находились въ недоумѣніи: потому что, если пора-
зить ихъ громами, какъ поражены гиганты, то родъ ихъ ис-
чезнетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ [2] почести богамъ и хра-
мы ихъ; а съ другой стороны, какъ и оставить такую дер-
зость. Насилу наконецъ Зевсъ придумалъ, и говоритъ: мнѣ
кажется, я нашелъ средство, какъ людямъ и существовать, и
оставить свою необузданность, сдѣлавшись слабѣе. Теперь D.
каждаго изъ нихъ, сказалъ онъ, я разрѣжу надвое, и они
сдѣлаются частію слабѣе, частію полезнѣе для насъ; потому
что увеличатся количественно, и будутъ ходить прямо на
двухъ ногахъ. А если и послѣ того окажутся дерзкими и не
захотятъ жить смирно,—я опять, говоритъ, разрѣжу ихъ на-
двое, чтобъ они ходили, прыгая на одной ногѣ. Сказавъ это,
разрѣзалъ онъ людей надвое, какъ разрѣзываютъ ягоды ря-
бинныя, когда хотятъ солить ихъ, или какъ раздвояютъ воло-
сами яйца [3]. И когда кого разрѣзывалъ онъ, тотчасъ приказы- E.
валъ Аполлону лицо и половину шеи повернуть назадъ — къ
сторонѣ разрѣза, чтобы, смотря на свой разрѣзъ, человѣкъ
былъ скромнѣе,—и потомъ все это залечить. Аполлонъ лицо
повернулъ и, стянувъ со всѣхъ сторонъ кожу на то мѣсто,
которое нынѣ называется брюхомъ, подобно тому, какъ стя-
гиваютъ кошелекъ, происшедшее отъ того одно отверстіе за-
вязалъ на срединѣ брюха, что теперь называютъ пупкомъ; 191.
выгладилъ также много морщинъ и устроилъ грудь, поль-

---

[1] Объ Эфіалтѣ и Отѣ—дѣтяхъ Нептуна и Ифимедіи — см. *Homer.* Odyss. XI, v. 307 sqq. и къ тому же мѣсту *Eustathium.*

[2] *Исчезнутъ почести богамъ и храмы ихъ.* Съ этими словами въ ближайшей аналогіи стоятъ слова Аристофана въ его Aves, гдѣ Зевсъ, чтобы боги не погибли отъ голода, ввѣрилъ владычество птицамъ.

[3] *Раздвояютъ волосами яйца.* Зиденгамъ и Астъ принимаютъ эти слова за пословицу и находятъ ее у Плутарха, Amat. T. II, p. 770, 13: *ὥσπερ οἱ τὰ ᾠὰ ταῖς θριξὶ διαιροῦντες.* А Гоммелій говоритъ, что разрѣзываніе яицъ волосами была какая-то игра.

зуясь такимъ орудіемъ, какимъ пользуются сапожники, когда разглаживаютъ морщины кожи на колодкѣ; а немногія, около самаго брюха и пупка, оставилъ въ память прежняго состоянія людей. Какъ скоро природа ихъ была разрѣзана надвое,—каждая половина, стремясь вожделѣніемъ къ другой своей половинѣ, сошлась съ нею; обнялись онѣ руками, сплелись между собою и, желая срастись, умирали отъ голода и вообще
B. отъ бездѣйствія; потому что ничего не хотѣли дѣлать одна безъ другой. Когда такимъ образомъ одна изъ половинъ умирала, а другая оставалась,—оставшаяся искала новой и сплеталась съ нею, была ли то половина цѣлаго женскаго пола, которую мы теперь называемъ женщиною, или мужескаго; и такъ всѣ погибали. Тогда, сжалившись надъ ними, Зевсъ придумалъ еще одно средство,—дѣтородные ихъ члены переставовилъ напередъ; ибо прежде они были назади, такъ что люди зачинали и сообщали сѣмя не другъ другу, а землѣ,
C. какъ кузнечики [1]. Переставовивъ же дѣтородные члены напередъ, онъ сдѣлалъ ихъ такимъ образомъ способными зачинать другъ въ другѣ—въ женщинѣ чрезъ мужчину,—съ тою цѣлію, чтобы, если мужчина сойдется съ женщиною, они зачали и произвели плодъ, а когда мужчина съ мужчиною,—удовлетворившись сходкой, оставили это и, обратившись къ
D. дѣламъ, позаботились объ иной жизни. Такъ вотъ съ какого давняго времени Эросъ прирожденъ людямъ и, какъ сводитель древней природы, стремится дѣлать изъ двухъ единое и врачевать человѣческую природу.

Итакъ, каждый изъ насъ есть купонъ [2] человѣка,—как-

---

[1] О томъ, какъ кузнечики кладутъ яйца, одинъ естествоиспытатель, наблюдавшій надъ этимъ явленіемъ самъ, говоритъ такъ: самка кузнечика дѣлаетъ это посредствомъ иглы, находящейся на задней ея части и составляющей третью часть всей ея долготы. Этою иглою она буравитъ землю и кладетъ яйца въ пробуравленный песокъ, гдѣ солнечная теплота оплодотворяетъ ихъ.

[2] *Купонъ человѣка* — ἀνθρώπου ξύμβολον. *Aristot.* de generat. animal. 1, 18: Ἐμπεδοκλῆς φησὶ ἐν τῷ ἄῤῥενι καὶ ἐν τῷ θήλει οἷον σύμβολον εἶναι, ὅλον δ᾽ ἀπ᾽ οὐδετέρου ἀπιέναι, и на это, повидимому, ученіе указываетъ Аристофанъ. Сло-

бы отрѣзокъ, камбала. Мы двоица изъ одного, и потому каж-
дый изъ насъ всегда ищетъ другаго своего купона. Отрѣзки,
ставшіе мужчинами изъ общаго состава, который тогда назы-
вался андрогиномъ, склонны къ женщинамъ, и отъ этого рода
происходитъ много любодѣяній, а сдѣлавшіеся женщинами лю- E.
бятъ мужчинъ, и отъ этого рода бываютъ также блудодѣянія.
Кромѣ того, женщины, отрѣзанныя отъ женскаго пола, не-
слишкомъ обращаютъ вниманіе на мужчинъ, но больше рас-
положены къ женщинамъ, и отъ этого рода происходятъ рас-
путницы [1]. А которыя отрѣзаны отъ мужескаго пола, тѣ го-
няются за мужескимъ поломъ, и притомъ—пока онъ еще въ
дѣтствѣ, и какъ части мужескаго пола, любятъ мужчинъ, на-
ходя удовольствіе лежать съ ними и обниматься,—и это луч- 192.
шіе изъ мальчиковъ и дѣтей, такъ какъ по природѣ они весь-
ма мужественны. Правда, нѣкоторые называютъ ихъ без-
стыдными, но это ложь; потому что они поступаютъ такъ не
отъ безстыдства, а отъ рѣшительности, мужества, и мужепо-
добія, любя то, чтò на нихъ походитъ. И вотъ сильное дока-
зательство: эти только выходятъ наконецъ людьми самыми
способными къ дѣламъ политическимъ. Когда же возмужаютъ,
они сами любятъ мальчиковъ и, по природѣ, не думаютъ о
супружествѣ и дѣторожденіи, развѣ бываютъ принуждаемы
къ тому закономъ [2]; для нихъ достаточно жить между собою B.

вомъ *σύμβολον* здѣсь означается какбы tessera hospitalitatis, по которой одна половина должна узнавать сродную себѣ другую.

[1] *Происходятъ распутницы*—*ἑταιρίστριαι*—*γίγνονται*. *Ἑταιρίστριαι* у Тимея, p. 123, называются *αἱ καλούμεναι τριβάδες*—такимъ словомъ, которому буквально соотвѣтствуетъ русское — распутница. По Рункенію, это mulieres lesbiades frictrices et subagitatrices; а по Клименту Алекс. (Paedag. II, p. 264) *γυναῖκες ἀνδρίζοντες παρὰ φύσιν*. Надобно впрочемъ замѣтить, что Аристофанъ въ выводѣ *τῶν γυναικωδῶν γυναικὸς τμημάτων*, равно какъ и въ слѣдующемъ далѣе объясненіи происхожденія *τῶν τεμαχίων τοῦ ἄῤῥενος*, отступаетъ отъ положеннаго имъ въ основаніе понятія объ андрогинахъ, потому что на этомъ основаніи не могло появиться ни женщинъ, отрѣзанныхъ отъ женщины, ни мужчинъ—отъ мужчины. Если же положимъ, что онъ допускалъ возможность соединенія всякихъ отрѣзковъ со всякими, то чрезъ это уничтожится самое предположеніе андрогиновъ, и Эросъ тутъ останется безъ опоры.

[2] Здѣсь, какъ и въ рѣчи Павзанія, подъ именемъ закона надобно разумѣть,

безбрачными. Стремясь всегда къ сродному себѣ, такой, безъ сомнѣнія, любитъ мальчиковъ и любимъ ими. А если ему и всякому иному случается сойтись съ своею половиною, то, по
C. дружбѣ, свойству и любви, они дивно какъ привлекаются одинъ другимъ, не хотятъ, просто сказать, ни на минуту отойти другъ отъ друга и остаются неразлучными на всю жизнь, даже не могутъ сказать, чего имъ хочется одному отъ другаго, — ибо любовная связь имъ и на мысль не приходитъ: они сошлись какбы только для того, чтобы жить вмѣстѣ;
D. душа каждаго изъ нихъ хочетъ, очевидно, чего-то иного, о чемъ не можетъ сказать, а только чувствуетъ и гадательно выражаетъ свои желанія. И пусть бы тогда, какъ они лежатъ вмѣстѣ, предсталъ предъ ними Ифестъ съ орудіями своего искуства, и спросилъ ихъ: «чего хочете вы, люди, другъ отъ друга?» и когда они недоумѣвали бы, что̀ отвѣчать, пусть онъ сказалъ бы имъ опять: «не того ли желаете вы, чтобы вамъ
E. быть вмѣстѣ и ни днемъ, ни ночью не оставлять другъ друга? если это ваше желаніе, то я сплавлю и срощу васъ въ одно, чтобы вмѣсто двухъ сдѣлался одинъ, и пока живете, чтобы оба вы жили общею жизнію, какъ одинъ, а когда умрете, чтобы и тамъ опять, въ преисподней, вмѣсто двухъ васъ, съобща умершихъ, былъ одинъ; только смотрите, къ этому ли стремитесь вы и это ли удовлетворитъ васъ, если будетъ получено.» Выслушавъ такое предложеніе, знаемъ, ни одинъ изъ нихъ не отречется отъ него и не обнаружитъ никакого другаго желанія, но тотъ и другой, дѣйствительно, подумаетъ, что онъ слышитъ то самое, чего давно желаетъ, чтобы, то-есть, сошедшись и сплавившись съ любимцемъ, изъ двухъ сдѣлаться однимъ. И причина—та, что древняя наша природа была та-
193. кова, что мы составляли цѣлое, и этой страсти къ цѣлому, этому преслѣдованію цѣлаго имя—Эросъ. Въ древности, какъ

конечно,—обычай; ибо ни изъ чего не видно, чтобы въ Аѳинахъ безбрачное состояніе когда-нибудь воспрещалось закономъ. См. *Wachsmuth.* Antiquitt. Gr. T. II, P. 1, p. 266, тогда какъ въ Спартѣ такіе законы дѣйствительно существовали. *Stobaeus* Sermon. 65, p. 410.

я говорю, были мы одно; а теперь, за неправду, разрознены богомъ—какъ Аркадяне—Лакедемонянами[1]. Итакъ, надобно бояться, какъ бы, въ случаѣ нашего неблагоговѣйнаго отношенія къ богамъ, намъ не быть снова разсѣченными и не выдти похожими на оттиснутыя на столбахъ профильныя изображенія[2], какъ бы, то-есть, разрѣзанные по ноздрямъ, мы не уподобились раздвоеннымъ игральнымъ костямъ. Поэтому всякій человѣкъ долженъ быть благочестивъ предъ богами, чтобы то- B.
го избѣжать, а другое получить, въ чемъ начальникъ и вождь нашъ — Эросъ. Никто не дѣлай противнаго этому: а противное дѣлаетъ тотъ, кто оскорбляетъ боговъ. Вѣдь сдѣлавшись друзьями и примирившись съ богомъ, мы найдемъ и встрѣтимъ соотвѣтственныхъ нашей природѣ любимцевъ, въ чемъ теперь успѣваютъ немногіе. И пусть не возражаетъ мнѣ Эриксимахъ, смѣясь надъ этими словами, какъ будто въ нихъ я разумѣю Павзанія и Агатона. Можетъ быть, и они принадле- C.
жатъ къ этому разряду, такъ какъ оба, по природѣ, пола мужескаго: но я говорю о всѣхъ мужчинахъ и женщинахъ, и утверждаю, что тогда нашъ родъ будетъ блаженствовать, когда каждый, нашедши сроднаго себѣ любимца, возвратится къ древней природѣ. Если же это—дѣло наилучшее, то по необходимости наилучшимъ дѣломъ будетъ и то, чтò въ явленіяхъ

---

[1] Лакедемоняне, разрушивъ Мантинею и ея стѣны, не хотѣли, чтобы Мантинейцы снова сошлись въ свой городъ, и разсѣяли ихъ по деревнямъ. Это случилось въ 4 году 98 олимпіады. Пиръ Агатона долженствовалъ быть гораздо ранѣе этого времени. Стало-быть, здѣсь — явный анахронизмъ. Оправдывать Платона въ такой ошибкѣ нельзя, да и нѣтъ надобности: излагая свой Симпосіонъ вскорѣ по разсѣяніи Мантинейцевъ по Аркадіи, онъ не обращалъ вниманія на хронологическія несообразности, а имѣлъ въ виду только выразительность подобія.

[2] *Оттиснутыя на столбахъ профильныя изображенія,*—καταγραφὴν ἐκτυπώμενοι. Подъ словомъ καταγραφαί, въ соединеніи съ глаголомъ ἐκτυποῦν, разумѣются баральефы, которыми Греки украшали стѣны. *Herman* in Programmat. De veterum Graecorum pictura parietum p. 8. Καταγραφὴ само по себѣ есть профильное изображеніе, которое, по свидѣтельству Плинія (XXXV, 34), изобрѣтено Кимономъ Кленейцемъ. Hic catharpapha invenit, hoc ist, obliquas imagines. Такія изображенія, естественно, представляются разрѣзанными по ноздрямъ, διαπεπρισμένοι κατὰ τας ῥῖνας.

настоящаго времени весьма близко къ этому. А близко къ этому пріобрѣтеніе любимца, сроднаго себѣ по уму, за что
D. восхваляя бога, какъ виновника, мы, по справедливости, должны восхвалять Эроса, который и теперь приноситъ намъ большую пользу, ведя насъ къ сродному, а на послѣдующее время подаетъ величайшую надежду, если мы будемъ благочестивы предъ богами, возвращая насъ къ древней природѣ, чтобы, исцѣленные имъ, мы сдѣлались блаженными и счастливыми.

Вотъ моя рѣчь объ Эросѣ, Эриксимахъ, сказалъ Аристофанъ. Она не такова, какъ твоя; но не смѣйся надъ нею,
E. какъ я просилъ тебя, чтобы намъ послушать и прочихъ, что скажетъ каждый, особенно же, что скажутъ остальные—Агатонъ и Сократъ.—Послушаюсь тебя, сказалъ, говоритъ, Эриксимахъ; потому что твоя рѣчь мнѣ понравилась. И еслибы я не зналъ, что Сократъ и Агатонъ въ дѣлѣ эротическомъ сильны, то очень боялся бы, не окажется ли недостатка въ матеріи для рѣчей послѣдующихъ, такъ какъ высказано уже многое
194. и разнообразное. Теперь же я увѣренъ. — А Сократъ на это сказалъ: ты прекрасно подвизался, Эриксимахъ, но еслибы находился на моемъ мѣстѣ въ настоящую минуту, а особенно на моемъ мѣстѣ, можетъ быть, тогда, когда скажетъ рѣчь Агатонъ [1], то, конечно, испугался бы еще болѣе и былъ бы точно въ такомъ состояніи, въ какомъ я сейчасъ. — Ты хочешь заворожить меня, Сократъ, сказалъ Агатонъ, чтобы я смѣшался отъ представленія великихъ ожиданій собранія, что моя рѣчь будетъ хороша.—Я былъ бы дѣйствительно забыв-
B. чивъ, Агатонъ, отвѣчалъ Сократъ, еслибы, видѣвши твое мужество и присутствіе духа, когда, взошедши на подмостки вмѣстѣ съ актерами и смотря на огромную массу зрителей,

---

[1] Рѣчь Агатона отличается особенными, больше поэтическими чертами. По замѣчанію Принстерера (Prosopographia Platonis p. 167), Платонъ удивительно какъ въ этой рѣчи приспособился къ образу мыслей и выраженію Агатона. Она исполнена звучныхъ словъ, принаровленій, торжественности, что такъ живо изображаетъ въ немъ ученика Горгіасова.

ты собирался показать себя въ рѣчахъ и нисколько не смущался,—еслибы могъ подумать, что тебѣ легко смѣшаться предъ нами—немногими лицами.—Что же, Сократъ? спросилъ Агатонъ: развѣ я такъ занятъ театромъ, что не знаю, восколько страшнѣе для человѣка благоразумнаго немногіе мудрецы, чѣмъ многіе невѣжды? — Я, конечно, сдѣлалъ бы нехорошо, C.
отвѣчалъ Сократъ, еслибы составилъ о тебѣ, Агатонъ, такое дикое понятіе. Нѣтъ, мнѣ очень извѣстно, что встрѣчаясь съ людьми, которыхъ почитаешь мудрыми, ты больше озабочиваешься ими, чѣмъ толпою; но таковы ли именно мы-то? Вѣдь мы же присутствовали и тамъ и принадлежали къ толпѣ. Вотъ еслибы ты встрѣтился съ другими мудрецами, то, думая, можетъ быть, сдѣлать что-нибудь предосудительное, конечно, постыдился бы ихъ. Или какъ полагаешь?—Ты правду говоришь, сказалъ онъ. — А толпы, думая сдѣлать что-нибудь дурное, D.
не постыдился бы?—Но тутъ Федръ, говоритъ, прервалъ его и сказалъ: любезный Агатонъ! если ты станешь отвѣчать Сократу, то для него будетъ все равно, что ни положили бы сдѣлать присутствующіе здѣсь, лишь бы только было съ кѣмъ разговаривать, и особенно, если собесѣдникъ прекрасенъ. Я и самъ охотно слушаю, когда Сократъ разговариваетъ: но теперь мнѣ необходимо позаботиться о похвалѣ Эросу и выслушать о немъ рѣчь каждаго изъ васъ. Принесите же оба вы дань богу, и потомъ разговаривайте.—Ты хорошо говоришь, Федръ, сказалъ Агатонъ. Да и ничто не мѣшаетъ мнѣ E.
предложить вамъ рѣчь; потому что съ Сократомъ придется нерѣдко бесѣдовать и послѣ.

Но я намѣренъ сперва сказать о томъ, какъ должно мнѣ говорить, а потомъ уже и начну свою рѣчь: потому что всѣ, прежде говорившіе, не бога, мнѣ кажется, восхваляли, а ублажали людей ради тѣхъ благъ, которыхъ виновникъ для нихъ 195.
богъ; каковъ же самъ тотъ, кто подавалъ эти блага, никто не сказалъ. Прямой способъ всякой похвалы, относительно ко всему,—одинъ: раскрыть въ словѣ,—каковъ и чего виновникомъ бываетъ тотъ, о комъ идетъ рѣчь. Поэтому-то и намъ, хваля

Эроса, слѣдуетъ сказать сперва о томъ, каковъ онъ, а потомъ
о его дѣлахъ. Итакъ, я говорю, что Эросъ, если позволи-
тельно и не преступно сказать, блаженнѣе всѣхъ блаженныхъ
боговъ, что онъ есть существо самое прекрасное и самое доб-
рое [1]. Относительно красоты онъ таковъ: во-первыхъ, юнѣй-
B. шій между богами, Федръ, и это слово сильно доказываетъ
самъ онъ, стремительно убѣгая отъ старости [2], которая, извѣст-
но, очень быстра, и гораздо скорѣе, чѣмъ нужно, приходитъ
къ намъ. Старость Эросу ненавистна; онъ и близко къ ней не
подходитъ: а съ юношами всегда въ обращеніи, всегда вмѣ-
стѣ; ибо справедлива старинная пословица, что подобное по-
стоянно стремится къ подобному. Соглашаясь съ Федромъ во
многомъ другомъ, я несогласенъ съ нимъ въ томъ, будто
C. Эросъ старше Кроноса и Япета, и говорю, что онъ младшій
между богами и всегда молодъ. Древнія же дѣла боговъ, о ко-
торыхъ разсказываютъ Исіодъ и Парменидъ [3], надобно при-
писать Ананкѣ [4] (необходимости), а не Эросу, если только
разсказы ихъ справедливы; ибо будь въ тѣ времена Эросъ, —
не было бы тогда ни оскопленія, ни узъ [5], ни многихъ иныхъ

---

[1] *Существо самое прекрасное и самое доброе.* Этими словами Агатонъ указываетъ на двѣ части своей рѣчи. Въ первой части онъ прославляетъ красоту Эроса, а во второй его дѣла и добродѣтели.

[2] *Стремительно убѣгая отъ старости*—φεύγων φυγῇ τὸ γῆρας. Этотъ плеоназмъ, напоминающій о восточномъ характерѣ выраженія, встрѣчается у многихъ греческихъ писателей. *Lucian.* adv. indoct. § 16: φυγῇ φευκτέον ἀπὸ τῶν βιβλίων. *Liban.* Decl. IV, p. 136: τὰ ἐργαστήρια φυγῇ φεύγεις. *Aristid.* Orat. Plat. II, 153. T. II: φυγῇ φευξούμεθα τὰ πράγματα—et cetera.

[3] Имя Парменида, по мнѣнію Аста, внесено сюда вмѣсто Эпименида; потому что Пармениду древность не усвояетъ никакой ѳеогоніи. Но почему не допустить, что во второй части своего стихотворенія, которая до насъ не дошла, Парменидъ разсуждалъ о происхожденіи и подвигахъ боговъ? *Brandis* comment. Eleat. p. 127. Притомъ явно, что Агатонъ указываетъ здѣсь на вышесказанныя слова Федра объ Исіодѣ и Парменидѣ p. 170 B.

[4] Сила Ананки, или необходимости, по убѣжденію древнихъ, была такова, что она владычествовала нетолько надъ людьми, но и надъ богами.

[5] *Ни оскопленія, ни узъ.* Указывается на извѣстный миѳъ, въ которомъ высказано, что хотя люди сами признаютъ Зевса лучшимъ и справедливѣйшимъ изъ боговъ, однакожъ соглашаются, что Зевсъ, связавъ своего отца, оскопилъ его—за то, что онъ пожиралъ дѣтей. *Hesiod.* Theogon. 173 sqq.

насилій: по воцареніи Эроса надъ богами, воцарились любовь и миръ, какъ теперь. Итакъ онъ юнъ, да кромѣ того, и нѣженъ; а изображать нѣжность бога есть дѣло такого поэта, D. какъ Омиръ [1], который Ату называетъ богинею и притомъ нѣжною, говоря, что

Нѣжны стопы у нея; не касается ими
Праха земнаго; она по главамъ человѣческимъ ходитъ.

Прекрасное, мнѣ кажется, привелъ онъ доказательство нѣжности, что не по твердому ходитъ она, а по мягкому мѣсту. Этимъ же доказательствомъ воспользуемся и мы примѣни- E. тельно къ Эросу, что онъ нѣженъ; ибо Эросъ ходитъ не по землѣ и даже не по головамъ, которыя неслишкомъ мягки, а по самому мягкому изъ существъ, и тамъ обитаетъ. Вѣдь онъ утверждаетъ свое жилище въ нравахъ и душахъ боговъ и человѣковъ, хотя не по порядку во всѣхъ душахъ, но если встрѣчаетъ душу, имѣющую нравъ жестокій, то удаляется, а когда мягкій—обитаетъ. Итакъ, прикасаясь всегда и ногами, и всѣмъ, къ мягчайшему изъ мягкихъ, Эросъ по необходимости нѣ- 196. женъ. Онъ въ высшей степени юнъ и нѣженъ, но при этомъ и гибокъ; потому что иначе не могъ бы ни войти во всякую душу, чтобы скрыться въ ней, ни выдти, если она жестока. Важнымъ доказательствомъ этой соразмѣрной и гибкой идеи служитъ благообразіе, которое, по согласію всѣхъ, особенно свойственно Эросу; потому что безобразіе и Эросъ всегда взаимно враждебны. О красотѣ краски въ лицѣ этого бога свидѣтельствуетъ то, что его мѣсто на цвѣтахъ; а что не цвѣ- B. тетъ, или отцвѣло,—тѣло ли то, или душа, или что другое,—тамъ онъ не садится: онъ сидитъ и остается, встрѣчая только мѣсто цвѣтущее и благовонное.

О красотѣ бога довольно и этого, хотя оставалось бы сказать еще многое. Теперь надобно говорить о добродѣтели Эроса. Важнѣйшее здѣсь то, что Эросъ и не обижаетъ и не по-

---

[1] Приводимые здѣсь стихи Омира взяты изъ его Иліады—XIX, 92 sqq.

лучаетъ обиды: обида не существуетъ для него—ни отъ бога, ни въ отношеніи къ богу, ни отъ человѣка, ни въ отношеніи къ человѣку. Онъ и самъ терпитъ не отъ насилія, если что терпитъ, ибо насиліе къ Эросу не прикасается; и другимъ
C. дѣлая насиліе, не дѣлаетъ, потому что всякій даетъ ему все охотно. А въ чемъ вольному воля; то, какъ говорятъ царственные законы города, справедливо. Кромѣ справедливости, Эросъ показываетъ и весьма много разсудительности. Вѣдь разсудительность, какъ извѣстно, господствуетъ надъ удовольствіями и страстями: но ни одно удовольствіе не бываетъ могущественнѣе Эроса. Если же они слабѣе, то побѣждаются Эросомъ, и онъ бываетъ побѣдителемъ. А побѣждая удовольствія и страсти, Эросъ долженъ быть особенно разсудителенъ. И опять, что касается до мужества, то Эросу не можетъ про-
D. тивустоять и Арей; ибо не Арей владѣетъ Эросомъ, а Эросъ, сынъ Афродиты, какъ разсказываютъ, владѣетъ Ареемъ; владѣющій же могущественнѣе того, кѣмъ онъ владѣетъ. Но владѣя тѣмъ, кто мужественнѣе прочихъ, онъ долженъ быть самымъ мужественнымъ изъ всѣхъ. Итакъ, о справедливости, разсудительности и мужествѣ бога сказано; остается сказать о его мудрости. Постараюсь, сколько могу, не опустить здѣсь ничего. И во-первыхъ, чтобы и мнѣ почтить наше искуство,
E. какъ Эриксимахъ почтилъ свое, скажу: этотъ богъ такой мудрый поэтъ, что и другихъ дѣлаетъ поэтами; ибо всякій, сколь бы ни былъ прежде необразованъ, непремѣнно становится поэтомъ, какъ скоро прикасается къ нему Эросъ. И вотъ доказательство, которымъ прилично намъ воспользоваться, что Эросъ—добрый поэтъ, если сказать вообще, во всѣхъ родахъ музыкальнаго творчества [1]: чего кто или не имѣетъ, или не знаетъ, того тотъ не можетъ дать и другому, либо научить другаго. Къ тому же, будетъ ли кто утверждать, что творе-

---

[1] *Музыкальнаго творчества*—*ποίησιν τὴν κατὰ μουσικήν*. Слово *ποίησις* у Грековъ означало не одну поэзію, а всякую работу. Поэтому для означенія собственно поэзіи, Агатонъ прибавляетъ: *ποίησιν τὴν κατὰ μουσικήν*, потому что рѣчь размѣренная подводима была подъ категорію музыки.

ніе всѣхъ животныхъ не есть дѣло мудрости Эроса, которою 197.
онъ раждаетъ и возращаетъ ихъ? А что касается до производительности искуствъ, то развѣ не знаемъ, что кому этотъ богъ былъ учителемъ, тотъ вышелъ извѣстнымъ и славнымъ; а кого онъ не касался, тотъ оставался во мракѣ? Вѣдь искуство-то стрѣльбы, врачеванія и провѣщанія Аполлонъ изобрѣлъ подъ руководствомъ охоты и любви; такъ что и онъ былъ ученикомъ Эроса. Подъ тѣмъ же руководствомъ и музы B.
изобрѣли музыку, и Ифестъ—кузнечество, и Аѳина—ткацкое мастерство, и Зевсъ—управленіе богами и людьми. Оттого-то и устроились дѣла боговъ, что былъ между ними Эросъ, то-есть, богъ прекраснаго, ибо на безобразное онъ не дѣйствуетъ. Прежде Эроса, какъ я сказалъ вначалѣ, съ богами случалось, говорятъ, много ужаснаго, и это происходило отъ владычества Ананки: а когда этотъ богъ родился,—отъ любC.
ви къ прекрасному произошли всѣ блага и для боговъ и для людей. Такъ кажется мнѣ, Федръ: Эросъ первый былъ существомъ прекраснѣйшимъ и добрѣйшимъ; а потомъ уже послужилъ онъ причиною того же и въ другихъ. При этомъ приходитъ мнѣ на мысль сказать и нѣчто измѣренное, что онъ именно творитъ

Между людями миръ [1], спокойствіе на морѣ,
Отишіе вѣтровъ, на ложѣ сонъ заботамъ.

Онъ удаляетъ насъ отъ отчужденія и сближаетъ другъ съ D.
другомъ, устанавливаетъ всѣ подобныя нашему собранія и бываетъ вождемъ на праздникахъ, въ хорахъ, при жертвоприношеніяхъ; онъ распространяетъ кротость и изгоняетъ дикость, съ любовію одаряетъ благоволеніемъ и не любитъ выражать неблаговоленіе; онъ милостивъ къ добрымъ, доступенъ мудрымъ, любезенъ богамъ, вожделѣненъ неимѣющимъ его, вѣренъ получившимъ; онъ—отецъ роскоши, нѣги,

---

[1] Эти стихи приводятся здѣсь такъ, какбы они принадлежали самому Агатону. По мнѣнію Крейцера, Annal. Uindobb. c. p. 111, поэтъ имѣлъ предъ глазами стихи Омира Odyss. ν'. 168 sq.; но это сомнительно.

удовольствій, прелестей, приманокъ, пожеланій; онъ — попечитель добрыхъ и пренебрегатель злыхъ; онъ въ трудѣ, въ
E. страхѣ, въ желаніи, въ словѣ — правитель, товарищь, защитникъ и добрый оберегатель; онъ—украшеніе всѣхъ боговъ и человѣковъ, прекраснѣйшій и добрѣйшій вождь, которому долженъ слѣдовать всякій, кто хорошо восхваляетъ его и усвояетъ себѣ ту прекрасную пѣснь, которую онъ поетъ, услаждая души всѣхъ боговъ и человѣковъ.

Эта моя рѣчь, Федръ, сказалъ онъ, наполненная выраженіями частію игривыми, частію серьезными, сколько это было для меня возможно, да будетъ посвящена богу.—

198. Когда Агатонъ кончилъ, — всѣ присутствовавшіе, говоритъ Аристодемъ, зашумѣли—отъ того, что юноша говорилъ достойно себя и бога. А Сократъ, взглянувъ на Эриксимаха, сказалъ: кажется ли тебѣ теперь, сынъ Акумена, что прежній мой страхъ былъ напрасенъ? Не пророческое ли было недавнее мое слово, что Агатонъ скажетъ рѣчь удивительно, и что я поставленъ буду въ затрудненіе? — Одно, кажется мнѣ, отвѣчалъ Эриксимахъ, произнесъ ты пророчески, что Агатонъ будетъ говорить хорошо; другое же, что ты при-
B. дешь въ затрудненіе, — не думаю. — Да какъ же не затрудняться, почтеннѣйшій, и мнѣ, и всякому другому, примолвилъ Сократъ, намѣреваясь говорить послѣ такой прекрасной и многообъемлющей рѣчи? Другое-то еще неравно удивительно; но на концѣ—какой слушатель не былъ бы пораженъ
C. красотою словъ и выраженій? Чувствуя самъ, что не въ состояніи сказать ничего, и приблизительно столь хорошаго, я отъ стыда едва ли бы не убѣжалъ, еслибы было куда. Вѣдь его рѣчь напоминаетъ мнѣ Горгіаса; такъ что со мною случилось именно то, что говорится у Омира [1]: я испугался, какъ бы наконецъ Агатонъ не швырнулъ въ мою рѣчь голо-

[1] Указывается на мѣсто Омира въ Odyss. λ' 632, гдѣ Улиссъ опасается, какъ бы, смотря на голову Горгоны, не превратиться въ камень. Сходство именъ страшнаго чудовища, Горгоны, и софиста Горгіаса, представляетъ Сократу случай къ забавному сближенію этихъ предметовъ.

вою Горгіаса, сильнаго въ словѣ, и не превратилъ меня въ безгласный камень. И мнѣ пришло тогда на мысль, какъ я былъ
смѣшонъ, согласившись съ вами принять участіе въ вашихъ D.
похвалахъ Эросу и назвавъ себя сильнымъ въ дѣлахъ эротическихъ, тогда какъ нисколько не знаю, какимъ образомъ надобно восхвалять кого бы то ни было: я, по своему невѣжеству, думалъ, что о каждомъ восхваляемомъ предметѣ слѣдуетъ говорить правду, что это должно быть дѣломъ основнымъ [1], и что изъ этого выбирая черты прекраснѣйшія, нужно излагать ихъ самымъ приличнымъ способомъ. И слишкомъ уже
много мечталъ я о себѣ, что заговорю хорошо, какъ будто бы E.
истина объ умѣньи хвалить кого-нибудь мнѣ была извѣстна. А между тѣмъ не въ этомъ, какъ видно, состоитъ хорошая похвала какой-нибудь вещи, но въ томъ, чтобы приписывать ей все самое великое и прекрасное, такова ли она дѣйствительно или не такова. Если же въ похвалѣ окажется ложь,—нѣтъ нужды; потому что напередъ, какъ видно, было положено, чтобы каждый изъ насъ не хвалилъ Эроса, а показывалъ видъ, что хвалитъ его. Поэтому-то, думаю, вы столь усильно приписываете Эросу всѣ совершенства и называете
его такимъ виновникомъ толикихъ благъ, чтобы онъ пока- 199.
зался прекраснѣйшимъ и добрѣйшимъ,—очевидно, для тѣхъ, которые не знаютъ его, а не для тѣхъ, конечно, которые знаютъ. Эта похвала, въ самомъ дѣлѣ, хороша и почетна; но я не зналъ такого способа хвалить и, не зная, согласился самъ принять участіе въ похвалѣ: языкъ далъ обѣщаніе, а умъ — нѣтъ. Такъ прощай она; не буду хвалить такимъ образомъ, потому что не могу: — да, не могу, а правду, если хотите,
скажу—по моему, не поставляя своей рѣчи въ сравненіе съ B.
вашими, чтобы не возбудить смѣха. Смотри же, Федръ, нуж-

---

[1] Это должно быть дѣломъ основнымъ—*καὶ τοῦτο μὲν ὑπάρχειν*. Такъ употребляется у Платона глаголъ *ὑπάρχειν*. Шнейдеръ (ad Xenoph. Oecon. XXI, II) весьма справедливо замѣчаетъ: *ὑπάρχειν* dicuntur a Platone quaecunque fundamenti loco adesse debeut, ubi quis quid exsequi voluerit. Vid. Menex. 237 B.

но ли сколько-нибудь слышать и такую рѣчь, въ которой высказывалась бы объ Эросѣ истина, и притомъ въ такомъ составѣ словъ и выраженій, какой придетъ на мысль. — Тутъ Федръ и другіе, разсказываетъ Аристодемъ, приказали ему говорить такъ, какъ онъ самъ находитъ нужнымъ.—Но напередъ позволь мнѣ, Федръ, сказалъ Сократъ, спросить кое-о-чемъ Агатона, чтобы начать мнѣ рѣчь, согласившись съ
C. нимъ.—Позволяю, сказалъ Федръ; спрашивай.—Послѣ этого Сократъ началъ, говоритъ, почти вотъ съ чего.

Ты, дѣйствительно, хорошо упорядочилъ свою рѣчь, любезный Агатонъ, положивъ, что она сперва должна показать, каковъ самъ Эросъ, а потомъ,—каковы его дѣла. Такое начало очень обрадовало меня. Но разсмотрѣвши такъ прекрасно и величественно все прочее касательно Эроса, каковъ
D. онъ, потрудись сказать мнѣ и слѣдующее: таковъ ли Эросъ, что онъ чей-нибудь, или ничей? Спрашиваю не о томъ, есть ли у него мать или отецъ (ибо такой вопросъ былъ бы смѣшонъ, — Эросъ есть ли Эросъ отца или матери),— а такъ, какъ еслибы я спрашивалъ объ этомъ самòмъ — объ отцѣ: отецъ есть ли отецъ чей-нибудь или нѣтъ? На этотъ вопросъ ты, вѣроятно, отвѣчалъ бы мнѣ, еслибы хотѣлъ отвѣчать хорошо, что отецъ есть отецъ сына или дочери. Не правда ли? — Конечно, сказалъ Агатонъ. —
E. Не такъ ли и мать? — Согласился и на это. — Отвѣчай же мнѣ еще немного болѣе, сказалъ Сократъ, чтобы узнать тебѣ, чего я хочу. Еслибы я спросилъ: что, братъ, будучи тѣмъ самымъ, что онъ есть, чей ли-нибудь онъ братъ, или нѣтъ? — Чей-нибудь, отвѣчалъ онъ. — Стало-быть, брата или сестры?—Согласился.—Постарайся же сказать и объ Эросѣ, примолвилъ Сократъ. Эросъ есть ли Эросъ чей-нибудь, или
200. ничей [1]? — Конечно чей-нибудь. — Сбереги же это слово для

[1] Всѣ эти вопросы Сократъ, очевидно, наклоняетъ къ ограниченію понятія объ Эросѣ, или къ тому, чтобы Эросъ представлялся не отвлеченнымъ понятіемъ, а показателемъ дѣйствительныхъ свойствъ того человѣка, которому онъ принадлежитъ,—чтобы Эроса поселить не въ воздухѣ гдѣ-нибудь, а въ человѣческомъ сердцѣ.

себя, сказалъ Сократъ, и помни о немъ, а между тѣмъ скажи: Эросъ стремится ли пожеланіемъ къ тому, чего онъ Эросъ, или нѣтъ?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Тогда ли стремится пожеланіемъ и любовію, когда имѣетъ то, чего желаетъ и что любитъ, или когда не имѣетъ?—Вѣроятно, когда не имѣетъ, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, примолвилъ Сократъ, ужъ не вѣроятно, а необходимо такъ, что желающее желаетъ того, въ чемъ нуждается, и не желаетъ того, въ чемъ не чувствуетъ нужды. По мнѣ-то, Агатонъ, это крайне необходимо, а по B.
тебѣ какъ? — И мнѣ то же кажется, сказалъ онъ. — Ты хорошо говоришь; потому что великій хочетъ ли быть великимъ, или сильный—сильнымъ?—По сказанному выше, это невозможно.—Вѣдь тотъ, кто что-нибудь есть, конечно, не можетъ нуждаться въ томъ, что̀ онъ есть.—Твоя правда.—Равно, еслибы и сильный желалъ быть сильнымъ, сказалъ Сократъ, и быстрый—быстрымъ, и здоровый—здоровымъ.... Но можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, что такіе и подоб- C.
ные такимъ, имѣя это, могутъ и желать всего того, что имѣютъ? — я говорю съ тою цѣлію, чтобы намъ не обмануться. Вѣдь подобнымъ людямъ, Агатонъ, если понимаешь, имѣть то, что у нихъ есть, хотятъ они или не хотятъ, необходимо въ настоящемъ; а этого-то кто можетъ желать? Когда же кто скажетъ: я, пользующійся здоровьемъ, я, богатый, хочу и быть богатымъ, и желаю того самаго, что имѣю, — мы замѣтимъ ему: ты, человѣкъ, пользующійся богатствомъ, здоровьемъ и силою, хочешь имѣть это и на будущее время, по- D.
тому что въ настоящемъ-то, хочешь или не хочешь, а имѣешь. Смотри же, когда ты говоришь: желаю настоящаго,—иное ли что говоришь, кромѣ слѣдующаго: желаю, чтобы нынѣшнее настоящее и на будущее время было настоящимъ. Не согласился ли бы онъ съ нами?—Согласился бы, сказалъ Агатонъ.—Но стремиться къ тому-то, продолжалъ Сократъ, что, какъ настоящее, скрывается для него во времени будущемъ, не значитъ ли стремиться еще къ неготовому,—къ тому, чего онъ еще не имѣетъ?—Конечно, сказалъ онъ.—Стало-быть, и E.

этотъ, и всякій другой, желая неготоваго, желаетъ не настоящаго,—желаетъ, чего не имѣетъ, что онъ не есть самъ, и въ чемъ нуждается. Такъ вотъ—что-то такое, къ чему направляются желаніе и Эросъ. — И очень, сказалъ онъ. —Давай же, согласимся въ своихъ положеніяхъ, примолвилъ Сократъ. Не правда ли, что Эросъ есть, во-первыхъ, чей-нибудь, во-вторыхъ, Эросъ того, въ чемъ онъ имѣетъ нужду?—Да,
201. сказалъ Агатонъ.—Такъ вспомни же теперь, чьимъ въ своей рѣчи назвалъ ты Эроса. А если хочешь, напомню тебѣ я. Кажется, ты какъ-то такъ сказалъ, что дѣла боговъ устроены были чрезъ Эроса, ибо Эросъ не можетъ быть Эросомъ постыднаго. Не такъ ли какъ-то говорилъ ты? — Говорилъ, былъ отвѣтъ Агатона.—Да и хороша твоя мысль, другъ мой, примолвилъ Сократъ; и если это такъ, то инымъ ли чѣмъ будетъ Эросъ, какъ не Эросомъ прекраснаго, безобразнаго же—не будетъ?—Согласился.—Не согласились ли мы также,
B. что онъ стремится къ тому, въ чемъ нуждается и чего не имѣетъ?—Да, отвѣчалъ Агатонъ.—Слѣдовательно, Эросъ нуждается въ красотѣ и не имѣетъ ея? — Необходимо, сказалъ онъ. — Что же? нуждающееся въ красотѣ и отнюдь не получившее ея назовешь ли ты прекраснымъ?—Не такъ-то.—Такъ будешь ли еще держаться той мысли, что Эросъ прекрасенъ, если это справедливо? — Должно быть, Сократъ, я нисколько не зналъ, что̀ тогда говорилъ, отвѣчалъ Агатонъ. — И однакожъ говорилъ хорошо, Агатонъ, примолвилъ Сократъ.
C. Скажи еще немного. Доброе не кажется ли тебѣ и прекраснымъ [1]? — Кажется. — Но если Эросъ нуждается въ прекрасномъ, а доброе прекрасно; то онъ, вѣроятно, нуждается и въ

---

[1] *Доброе не кажется ли тебѣ и прекраснымъ?* Прекрасное и доброе у Грековъ тѣсно соединялись между собою; такъ что изъ этихъ стихій составили они одно понятіе—καλοκαγαθία и прилагали его къ человѣку, въ общественной жизни совершенному. Доброе и прекрасное нерѣдко отожествлялъ самъ Платонъ. См. Lysid. p. 216 D. Hipp. Maj. p. 296 A sqq. Menon. p. 97 B. Причины этого отожествленія излагаются въ Филебѣ p. 64 sqq. Поэтому нисколько не удивительно, что Агатонъ на предложенный вопросъ Сократа отвѣчалъ положительно.

добромъ.—Я не могу противорѣчить тебѣ, Сократъ, сказалъ онъ. Пусть будетъ такъ, какъ ты говоришь.—Ты не можешь, конечно, противорѣчить истинѣ, любезный Агатонъ, примолвилъ тотъ; а противорѣчить Сократу-то нѣтъ ничего труднаго.

Теперь тебя-то я оставлю и скажу рѣчь объ Эросѣ, слы- D. шанную мною нѣкогда отъ Мантинеянки Діотимы [1], которая и въ этомъ была мудра, и во многомъ другомъ, и когда Аѳиняне приносили жертву предъ голодомъ, сдѣлала отсрочку болѣзни на десять лѣтъ. Она и мнѣ сообщила познаніе о дѣлахъ эротическихъ, и ея рѣчь, примѣнительно къ тому, въ чемъ согласились мы съ Агатономъ, я постараюсь раскрыть вамъ, говоря, сколько могу, самъ по себѣ. Но надобно, какъ и ты сдѣлалъ, Агатонъ, сперва показать, кто такой Эросъ и E. каковъ онъ, а потомъ его дѣла. Мнѣ кажется, легче будетъ раскрыть этотъ предметъ такъ, какъ раскрыла его нѣкогда та иностранка, то-есть, предлагая мнѣ вопросы. Вѣдь и я го-

---

[1] Кто была эта Мантинеянка Діотима? Мнѣніе тѣхъ, которые почитали ее лицомъ вымышленнымъ, почти не заслуживаетъ вниманія; потому что тогда съ подобною основательностію можно бы почитать вымышленными также лицами и Аспазію, и другихъ подобныхъ собесѣдницъ въ діалогахъ Платона. Притомъ Сократъ прямо говоритъ, что Діотима была Мантинеянка и предъ пелопонезскою войною избавила Аѳинянъ отъ язвы. Слѣдовательно, она нетолько дѣйствительно существовала, но извѣстна была Аѳинянамъ, какъ мудрая женщина. О личности Діотимы древность оставила два свидѣтельства: одно Проклово, а другое принадлежитъ схоліасту Аристида. Проклъ (in Platonis Remp. p. 420) причисляетъ ее къ Пиѳагореянкамъ, и этому мнѣнію слѣдовали — Фабрицій (Bibl. Gr. v. II, p. 403) и Шлегель (Griechen und Kömer p. 253 sqq.) А схоліастъ Аристида у Крейцера (Lect. Plat. въ концѣ Платона de pulchrit. p. 527—468, ed. Dindorf.) называетъ ее жрицею Зевса ліанскаго, котораго чтили въ Аркадіи и о которомъ см. Remp. p. 565 D et al. Впрочемъ Крейцръ (Annal. Vindobb. vol. 56, a. 1831, p. 140) соглашаетъ эти мнѣнія, почитая Діотиму и Пиѳагореянкою и жрицею. Признавая такія свидѣтельства древности справедливыми, легко понять, почему Платонъ въ свой разговоръ о любви ввелъ Діотиму. Намѣреваясь любовь въ понятіи своихъ собесѣдниковъ одуховить, отторгнуть отъ земли и вознести на небо, онъ ученіе о ней могъ всего естественнѣе приписать жрицѣ, какбы въ той мысли, что спасши нѣкогда Аѳины отъ заразы физической, она, чрезъ одухновленіе понятія о любви, въ состояніи отогнать отъ нихъ и заразу нравственную.

ворилъ ей тогда почти то же, что теперь говорилъ мнѣ Ага-
тонъ, что, то-есть, Эросъ — великій богъ и одинъ изъ пре-
красныхъ; но она опровергла меня тѣми же доказательства-
ми, какими я опровергъ его, что, то-есть, Эросъ, по моимъ
основаніямъ, ни прекрасенъ, ни добръ. Я сказалъ ей: что̀ это
ты, Діотима? Развѣ Эросъ безобразенъ и золъ? — А она въ
отвѣтъ: говори лучше; неужели думаешь, будто что непре-
красно, то непремѣнно безобразно? — Непремѣнно. — Неужели
же что немудро, то невѣжественно? развѣ не знаешь, что
между мудростію и невѣжествомъ есть нѣчто среднее? — Что
202. же это? — Такъ ты не знаешь, что правильное мнѣніе, кото-
раго не можешь подтвердить доказательствомъ, не есть ни
знаніе (ибо дѣло недоказанное какъ могло бы быть знані-
емъ?), ни незнаніе (потому что дѣло, касающееся существен-
ности [1], какъ могло бы быть незнаніемъ?). Это-то именно пра-
вильное мнѣніе [2], вѣроятно, и есть средина между невѣже-
ствомъ и разумностію. — Ты правду говоришь, сказалъ я.
B. — Итакъ, что непрекрасно, того не заставляй быть безобраз-
нымъ, равно какъ, что недобро, — быть злымъ. Поэтому
и Эроса, если соглашаешься, что онъ ни добръ ни прекра-
сенъ, не думай оттого почитать безобразнымъ и злымъ,
а чѣмъ-то, говоритъ, среднимъ между этими крайностя-
ми. — Но вѣдь всѣми признано, сказалъ я, что онъ великій
богъ. — О всѣхъ незнающихъ говоришь ты, спросила она,
или и о знающихъ? — О всѣхъ вообще. — Тутъ она засмѣя-

---

[1] *Дѣло, касающееся существенности* — τὸ τοῦ ὄντος τυγχάνον. Подъ этими словами никакъ нельзя разумѣть идей, а разумѣются только правильныя мнѣнія, которыя хотя и въ области идеальнаго, однакожъ не утверждаются въ ней на основаніи, и потому не имѣютъ постоянства.

[2] *Правильное мнѣніе* — τὸ ὀρθὰ δοξάζειν. Ἡ δόξα относится къ вещамъ чувственнымъ и не заключаетъ въ себѣ познанія истины въ собственномъ смыслѣ слова: напротивъ, ἐπιστήμη относится къ ὄντως ὄντα, то-есть къ идеямъ, въ созерцаніи которыхъ только и постигается истина. Но такъ какъ δόξα, имѣя предметомъ вещи чувственныя, по мнѣнію Платона, и нечужда истины, и не имѣетъ устойчивости настоящаго знанія; то ясно, что она должна находиться μεταξὺ φρονήσεως καὶ ἀμαθίας. Theaet. p. 196 A sqq. Sophist. p. 263 sqq. Phileb. p. 87 A sqq. De Rep. V, p. 477 A sqq. VI, p. 506 C sqq.

лась и сказала: какъ же, Сократъ, признаютъ его великимъ C.
богомъ тѣ, которые утверждаютъ, что онъ даже не богъ? — Кто же это? спросилъ я. — Одинъ — ты, говоритъ, другая — я. — Какъ это понимаешь ты? спросилъ я. — Легко понять, говоритъ она. Скажи мнѣ: не всѣхъ ли боговъ называешь ты счастливыми и прекрасными? или осмѣлишься кого-нибудь изъ нихъ не назвать прекраснымъ и счастливымъ? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ я. — Счастливыми же называешь не тѣхъ ли, которые обладаютъ добромъ и красотою? — Конечно. — Между тѣмъ ты согласился, что Эросъ-то, по недостатку въ добромъ и прекрасномъ, желаетъ того самаго, D.
чего ему недостаетъ. — Согласился. — Какъ же можетъ быть богомъ тотъ-то, кто не имѣетъ прекраснаго и добраго? — Выходитъ, что никакъ. — Такъ видишь ли? говоритъ; Эроса и ты не почитаешь богомъ. — Что же бы такое могло быть — Эросъ? спросилъ я. Смертный онъ? — Всего менѣе. — Такъ что же? — Подобное прежнему, сказала она, — среднее между смертнымъ и безсмертнымъ. — А что именно, Діотима? — E.
Это — великій геній [1], Сократъ; потому что все геніальное находится между богомъ и смертнымъ. — Но какая свойственна ему сила? спросилъ я. — Истолковывающая и переносящая къ богамъ человѣческое, а къ человѣкамъ — божеское; отъ людей — молитвы и жертвы, а отъ боговъ — повелѣнія и воздаянія за жертвы. Находясь въ срединѣ, онъ наполняетъ ее собою между тѣми и другими; такъ что имъ связуется все. Чрезъ него проходитъ и всякое просвѣщеніе, и искуство жрецовъ, занимающихся жертвами, мистеріями, обаяніями, 203.
всякимъ гаданіемъ и чародѣйствомъ.

Богъ не смѣшивается съ человѣкомъ; но всякое сношеніе и бесѣда боговъ съ людьми, какъ бодрствующими, такъ

---

[1] *Это — великій геній.* Ученія о геніяхъ — δαιμονίοις — Платонъ касается во многихъ мѣстахъ своихъ діалоговъ, напр. Politic. p. 271. 539 Epinom. p. 984 sqq. Всѣ послѣдующіе писатели, разсуждавшіе о томъ же предметѣ, предполагали источникъ его въ ученіи орфическомъ. Это видно впрочемъ и изъ того, что отрывокъ орфеевыхъ гимновъ, сохранившійся у Климента Алекс. (Stom. V, p. 724) содержитъ въ себѣ почти то же, что говоритъ Діотима Сократу.

спящими, производится чрезъ него. И человѣкъ, въ этомъ отношеніи мудрый, есть человѣкъ геніальный; а мудрый въ чемъ-нибудь иномъ, — въ искуствахъ ли то или въ рукодѣльяхъ какихъ, бываетъ ремесленникомъ. Этихъ геніевъ много, и они различны: одинъ изъ нихъ есть Эросъ.—Но кто же
B. отецъ его и мать? спросилъ я.—Долго разсказывать, отвѣчала она; однакожъ скажу тебѣ.

Когда родилась Афродита [1], боги сдѣлали пиръ, на которомъ между прочими былъ Поръ (богатство), сынъ Митиды. Когда они ужинали, привлеченная пированьемъ Пенія (бѣдность) пришла къ нимъ просить милостыни и стала у дверей. Поръ, упившись нектаромъ,—ибо вина тогда еще не было,—вошелъ въ садъ Зевса и, обремененный излишествомъ, заснулъ. Пенія, коварно задумавъ въ помощь своей бѣдности получить отъ Пора дитя, прилегла къ нему и зачала Эроса. Потому-то
C. Эросъ и сдѣлался сопутникомъ и слугою Афродиты, что онъ родился въ день ея рожденія и вмѣстѣ былъ по природѣ любитель красоты, а Афродита была прекрасна. Ставъ же сыномъ Пора и Пеніи, Эросъ такую наслѣдовалъ и участь.

---

[1] Миѳъ о рожденіи Эроса у древнихъ и новѣйшихъ его излагателей обрисовывается различными чертами. См. *Plutarch.* de Iside et Osir. p. 374 C sqq. X, 4, p. 107. *Orig.* c. cels. IV, p. 532. *Euseb.* Praep. Ev. XII, 11. *Damascius* περὶ ἀρχῶν p. 362, ed. Köpp. *Sydeuhamus* у Вольфія p. 75. *Schelling.* Brunon. p. 188. У Платона Діотима разсказываетъ этотъ миѳъ примѣнительно къ главной своей мысли объ Эросѣ, что онъ не есть ни богъ ни человѣкъ, ни прекрасенъ ни безобразенъ и проч., и что, слѣдовательно, онъ—не больше, какъ геній, существо, занимающее средину между людьми и богами. Чтобы эту мысль выразить всѣми подробностями аллегоріи, Діотима отцомъ Эроса представляетъ Пора — богача, какбы какое божественное существо, обладающее всѣми небесными совершенствами, а матерію его—Пенію, неимѣющую нисколько тѣхъ небесныхъ совершенствъ и обреченную нищенствовать на землѣ. Притомъ, для рожденія Эроса отъ этихъ противуположныхъ началъ, Пору надлежало опьянѣть и заснуть въ саду Зевса, который своею цвѣтучестію и плодоносіемъ какбы сближаетъ небесныя радости съ земными и чрезъ то представляетъ возможность встрѣчи духовнаго богатства съ физическою бѣдностію. Не безъ цѣли также Эросъ зачатъ въ день рожденія Афродиты: не имѣя совершенствъ отца и однакожъ возвышаясь своимъ стремленіемъ надъ недостатками матери, онъ подъ звѣздою богини красоты осуществляетъ свое стремленіе любовію къ прекрасному и неуклонно слѣдуетъ за Афродитою.

Во-первыхъ, онъ всегда бѣденъ, и далеко не нѣженъ и не прекрасенъ[1], какимъ почитаютъ его многіе, напротивъ, сухъ, неопрятенъ, необутъ, бездоменъ, всегда валяется на землѣ D.
безъ постели, ложится на открытомъ воздухѣ, предъ дверьми, на дорогахъ, и имѣя природу матери, всегда терпитъ нужду. Но по своему отцу, онъ коваренъ въ отношеніи къ прекраснымъ и добрымъ, мужественъ, дерзокъ и стремителенъ, искусный стрѣлокъ, всегда строитъ какое-нибудь лукавство, любитъ благоразуміе, изобрѣтателенъ, во всю жизнь философствуетъ, страшный чародѣй, отравитель и софистъ. Онъ обыкновенно ни смертенъ ни безсмертенъ, но въ E.
одинъ и тотъ же день то цвѣтетъ и живетъ, когда у него изобиліе, то умираетъ,—и вдругъ, по природѣ своего отца, опять оживаетъ. Между тѣмъ богатство его всегда уплываетъ, и онъ никогда не бываетъ ни бѣденъ ни богатъ. Тоже опять въ рединѣ онъ между мудростію и невѣжествомъ; потому что въ этомъ отношеніи онъ таковъ. Изъ боговъ никто не философствуетъ и не желаетъ быть мудрымъ, такъ 204.
какъ уже мудръ; не философствуетъ и всякій другой, поколику мудрецъ. Точно также не философствуютъ и невѣжды и не желаютъ быть мудрецами; ибо то-то и тяжко въ невѣжествѣ, что не будучи ни прекраснымъ, ни добрымъ, ни умнымъ, невѣжда кажется себѣ достаточнымъ, а потому, не думая, что нуждается, онъ и не желаетъ того, въ чемъ нуждается.—Кто же философствуетъ, Діотима, спросилъ я, если и не мудрецы, и не невѣжды?—Это-то понятно и ребенку, B.
отвѣчала она, что занимающіе средину между обоими и что къ нимъ принадлежитъ Эросъ. Вѣдь мудрость направляется къ прекраснѣйшему; а Эросъ есть любовь красоты; сталобыть, Эросу необходимо любить мудрость—быть философомъ, и философъ долженъ занимать мѣсто между мудрецомъ и невѣждою. Причина этого и здѣсь есть его рожденіе—отъ отца

---

[1] *Какимъ почитаютъ его многіе.* Сократъ этими словами довольно деликатно затрогиваетъ Агатона; p. 195 D. E.

мудраго и богатаго, отъ матери же немудрой и неимущей. Итакъ, природа генія, любезный Сократъ, такова. А то, что
C. ты думалъ объ Эросѣ, нисколько неудивительно; судя по твоимъ словамъ, ты думалъ, кажется, что Эросъ есть любимое, а не любящее; потому-то, думаю, Эросъ и представлялся тебѣ прекраснѣйшимъ. Вѣдь любимое-то, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно, нѣжно, совершенно и достойно блаженства; а любящее, — это другая идея, которую я раскрыла.—

Тутъ я сказалъ: пусть такъ, иностранка; ты хорошо говоришь. Но если Эросъ таковъ, то въ чемъ полезенъ онъ лю-
D. дямъ?—Это, Сократъ, сказала она, я и постараюсь теперь раскрыть тебѣ. Эросъ—таковъ по природѣ; но онъ, какъ ты говоришь, есть также Эросъ прекраснаго. Итакъ, еслибы кто спросилъ насъ: для чего, Сократъ и Діотима, онъ есть Эросъ прекраснаго? или, спрошу яснѣе: любящій прекрасное для чего любитъ?—Чтобы оно досталось ему, отвѣчалъ я.—Но твоимъ отвѣтомъ возбуждается слѣдующій вопросъ: что будетъ тому, кому достанется прекрасное?—На этотъ вопросъ
E. мнѣ вдругъ не найти отвѣта, сказалъ я.—А еслибы кто превратилъ его, говоритъ, и вмѣсто прекраснаго поставилъ доброе, да и спросилъ: представь, Сократъ, что любящій любитъ доброе; для чего любитъ онъ?—Чтобы оно досталось ему, отвѣчалъ я.—А что будетъ тому, кому достанется доб-
205. рое?—На это легче отвѣчать, сказалъ я: тотъ будетъ счастливъ.—Потому что счастливые, скажетъ, счастливы чрезъ пріобрѣтеніе добра. И далѣе уже не нужно спрашивать: для чего хотящій быть счастливымъ, хочетъ этого? Здѣсь отвѣтъ кажется конченнымъ.—Твоя правда, сказалъ я.—Но это хотѣніе и этого Эроса почитаешь ли ты общимъ для всѣхъ людей и всѣ ли всегда хотятъ себѣ добра, или какъ ты думаешь?—Такъ, отвѣчалъ я, что оно обще для всѣхъ.—Почему же Сократъ, спросила она, мы говоримъ, что не всѣ любятъ, если только всѣ и всегда любятъ то же самое, но
B. утверждаемъ, что одни любятъ, а другіе—нѣтъ?—Я и самъ дивлюсь этому, былъ мой отвѣтъ.—Не дивись, сказала она;

мы, взявъ какой-нибудь видъ Эроса, называемъ этимъ именемъ цѣлый родъ, а прочіе виды означаемъ иными именами. — Напримѣръ? спросилъ я. — Напримѣръ такъ: тебѣ извѣстно, что творчество многовидно; ибо всему, что изъ небытія переходитъ въ бытіе причина есть творчество; такъ что и произведенія всѣхъ искуствъ—творчество, а произво- C.
дители ихъ—творцы.—Правда.—Однако, ты знаешь также, продолжала она, что они называются не творцами, а имѣютъ другія названія: тутъ изъ всего творчества отдѣляется только одна часть, свойственная музыкѣ и метру, и служитъ именемъ цѣлаго рода. Вѣдь творчествомъ называется одно это, и имѣющіе эту часть творчества удерживаютъ имя творцовъ (поэтовъ).—Правду говоришь, сказалъ я.—То же самое D.
и объ Эросѣ. Главное здѣсь то, что всякое желаніе добра и счастія для каждаго есть величайшій и лукавый Эросъ; только нѣкоторые обращаются къ нему иными различными способами: занимаясь то пріобрѣтеніемъ денегъ, то гимнастикою, то философіею, они не называются ни любящими, ни любителями, за то, направляясь заботливо лишь къ одному виду, удерживаютъ имя цѣлаго рода, то-есть имя Эроса — любящаго и любителя.—Должно быть, говоришь правду, ска- E.
залъ я.—И вотъ есть мнѣніе, говоритъ, что любятъ тѣ, которые ищутъ своей половины: а я думаю, что Эросъ не есть Эросъ ни половины, ни цѣлаго, если это, мой другъ, не добро; потому что люди соглашаются на отнятіе у себя ногъ и рукъ, когда имъ кажется, что эта собственность ихъ нехороша. Вѣдь и своего, думаю, никто не любитъ, развѣ когда своимъ называютъ доброе, а чужимъ—злое; такъ что всѣ ничего 206.
болѣе не любятъ, кромѣ добра. Или тебѣ кажется иначе? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ я. — Итакъ, не слѣдуетъ ли просто положить, спросила она, что люди любятъ добро? — Да, отвѣчалъ я.—Но что? не нужно ли прибавить, говоритъ, чтобы добро было для нихъ? — Нужно прибавить. — И притомъ, чтобы нетолько было, говоритъ, но и всегда было? — — И это прибавимъ. — Слѣдовательно, вообще, сказала она,

Эросъ есть желаніе всегдашняго себѣ добра. — Ты весьма
B. справедливо говоришь, примолвилъ я.—Если же это—Эросъ, сказала она, то ревность и стремленіе преслѣдующихъ его по какому способу и дѣятельности называется Эросомъ? Какое тутъ бываетъ дѣло? Можешь ли сказать?—Еслибы могъ, Діотима, отвѣчалъ я, то не удивлялся бы твоей мудрости и не ходилъ бы къ тебѣ учиться этому самому.—Такъ я скажу тебѣ, примолвила она: это есть рожденіе въ прекрасномъ, какъ по тѣлу, такъ и по душѣ. — Тутъ нужно искуство провѣщателя, чтобы понять твои слова, замѣтилъ я, а мнѣ не
C. понять ихъ. — Но я скажу яснѣе, прибавила она. Всѣ люди беременѣютъ, Сократъ, и по тѣлу и по душѣ, и какъ скоро наша природа достигаетъ извѣстнаго возраста,—тотчасъ желаетъ раждать. Раждать же можетъ она не въ безобразномъ, а въ прекрасномъ; потому что соединеніе мужчины и женщины есть рожденіе. Это дѣло божественное; беременѣніе и рождаденіе,—это въ животномъ истинно смертномъ есть безсмертное, и въ нестройномъ этого быть не можетъ. Нестройное для
D. всего божественнаго безобразно, а стройное прекрасно. Итакъ, красота есть Парка и Илиѳія [1] рожденія: и если беременѣющее приближается къ прекрасному, то обнаруживаетъ нѣжную расположенность, разливается въ радости и раждаетъ; а когда—къ безобразному,—помрачаетъ лицо, скорбно сжимается, отвращается, склубляется и не раждаетъ, но сдерживая бремя, чувствуетъ тяжесть. Отсюда у беременѣющаго и уже готоваго разрѣшиться бываетъ сильный трепетъ въ виду прекраснаго; потому что оно можетъ избавить его отъ великихъ мукъ рожденія. Такъ Эросъ, вопреки твоему мнѣнію, Сократъ, есть Эросъ не прекраснаго. — А чего же? — Раждანія и родильнаго плода въ прекрасномъ.—Пускай, сказалъ я.—

---

[1] *Парка и Илиѳія рожденія.* Подъ именемъ Илиѳіи Греки разумѣли богиню, присутствующую и помогающую при родахъ. *Boettiger* de Ilithia, Vinar. 1799 a. *Creuzer.* Symbol. T. II, p. 140 sqq. Подругою и спутницею Илиѳіи почитаема была Парка. Въ такой связи съ Илиѳіею воспѣваютъ её и поэты, называя *πάρεδρον Μοιρᾶν*. *Spanheim.* ad Callimach. Hymn. in Dian. 22.

Конечно такъ, примолвила она.—Но почему ражданія?—По-
тому что ражданіе, проявляясь въ смертномъ, бываетъ вѣчно
и безсмертно; безсмертія же, какъ согласились мы выше, не-
обходимо желать вмѣстѣ съ добромъ, если только Эросъ есть 207.
желаніе себѣ добра; а отсюда необходимо слѣдуетъ, что Эро-
са надобно почитать также Эросомъ безсмертія. —

Этому-то всему учила она меня, когда говорила о предме-
тахъ эротическихъ, и однажды спросила: какая причина, ду-
маешь, Сократъ, этого Эроса и пожеланія? Развѣ не замѣча-
ешь, что къ нему сильно расположены всѣ животныя, какъ
скоро желаютъ раждать? Развѣ не видишь, что и сухопутныя
и пернатыя проникнуты вожделѣніемъ [1] и настроены эро- B.
тически,—что всѣ они сперва стремятся смѣшиваться между
собою, а потомъ заботятся о пищѣ для своего приплода,—что
и слабѣйшіе изъ нихъ готовы драться за своихъ дѣтей [2] съ
сильнѣйшими и умереть,—что сами они томятся голодомъ,
лишьбы напитать свое порожденіе, и съ такимъ же располо-
женіемъ дѣлаютъ все прочее? Люди-то, можно подумать, со-
вершаютъ это по внушенію ума: а у животныхъ какая причи-
на располагаться такъ эротически? Можешь ли сказать? —
Я опять отвѣчалъ, что не знаю.—А она и говоритъ: подумай C.
же, можешь ли ты когда-нибудь быть сильнымъ въ предме-
тахъ эротическихъ, если этого не понимаешь?—Но для того-
то, Діотима, я, какъ уже говорилъ, и хожу къ тебѣ, что со-
знаю нужду въ учителяхъ. Ты сама скажи мнѣ какъ о при-
чинѣ этого, такъ и о прочемъ относительно дѣлъ эротиче-
скихъ.—Такъ не удивляйся, продолжала она, если вѣришь,
что Эросъ, по природѣ, есть Эросъ того, что̀ мы многократно

---

[1] *Проникнуты вожделѣніемъ* — *νοσοῦντα*. Такъ употребляется слово *νοσεῖν* въ смыслѣ метафорическомъ: имъ означается страстная похоть, то-есть не-только страдательное состояніе человѣка, но отъ недостатка въ чемъ-нибудь даже страдающее чувство его. Phaedr. p. 238 B.

[2] *За своихъ дѣтей* — *ὑπὲρ τούτων*. Это мѣстоимѣніе множественнаго числа относится къ *τοῦ γενομένου*. Но какъ *τὸ γενόμενον* принято въ смыслѣ имени собирательнаго, то грамматика не препятствуетъ относящееся къ нему мѣсто-имѣніе поставлять въ множественномъ числѣ. *Dorvill.* ad Charit. p. 353.

усвояли ему. Вѣдь и здѣсь [1] такимъ же образомъ, какъ тамъ, природа смертная, по возможности, старается быть всегдашнею и безсмертною; а возможность ея заключается только въ этомъ способѣ — чрезъ рожденіе оставлять молодое вмѣсто стараго; ибо и въ то время, когда каждое животное называется живущимъ и тѣмъ же самымъ, какбы оно съ дѣтства и до старости удерживало свое тожество, въ немъ, и при этомъ тожествѣ, никогда не имѣется того же самаго, но всег-
E. да приходитъ обновленіе и потеря въ волосахъ, въ плоти, въ костяхъ, въ крови и во всемъ тѣлѣ. Да и не въ тѣлѣ только, но и въ душѣ — ни нравы, ни привычки, ни мнѣнія, ни пожеланія, ни удовольствія, ни скорби, ни опасенія,—ничто такое никогда, у кого бы то ни было, не остается тѣмъ же, но одно раждается, другое исчезаетъ. А еще гораздо страннѣе этого, что и изъ познаній у насъ одни сохраняются, а
208. другія исчезаютъ, и что даже въ отношеніи къ нимъ мы никогда не остаемся тѣми же, но каждое наше познаніе подвергается одинакой участи; потому что, когда бываетъ размышленіе, тогда познаніе уходитъ [2],—такъ какъ забвеніе есть удаленіе познанія, а размышленіе, впечатлѣвая опять новое, вмѣсто ушедшаго, хранитъ память о познаніи, — и намъ кажется, будто оно—то же самое. Такимъ образомъ сохраняется все смертное, не въ томъ смыслѣ, будто бы оно всегда было совершенно тожественное, подобно божественному, а въ томъ,
B. что отходящее и состарѣвающееся оставляетъ по себѣ другое — новое, каково было само. Вотъ способъ, Сократъ, сказала она, которымъ смертное дѣлается причастнымъ безсмертія [3], — какъ тѣло, такъ и все прочее; другой невозможенъ.

---

[1] *Здѣсь*, то-есть въ царствѣ животныхъ; *тамъ*, то-есть у людей.

[2] *Когда бываетъ размышленіе, тогда познаніе уходитъ.* Здѣсь указывается на удивительное дѣйствіе памяти, которая, собственно говоря, есть забвеніе всѣхъ прочихъ познаній, когда мы размышляемъ объ одномъ изъ нихъ. Понятіе о забвеніи излагается въ Филебѣ. Впрочемъ познаніемъ Платонъ называетъ здѣсь не то познаніе абсолютное, которое у него постоянно и неизмѣнно, а частное, получаемое отвнѣ.

[3] *Смертное дѣлается причастнымъ безсмертія.* Такъ различаетъ Платонъ

Поэтому не удивляйся, что все чтитъ свое порожденіе; потому что всякую вещь понуждаетъ своя забота,—свой Эросъ ради безсмертія. — Выслушавъ эту рѣчь, я удивился и спро- C.
силъ: пускай, мудрѣйшая Діотима; да точно ли такъ это бываетъ? — А она, будто какой совершенный софистъ, отвѣчала мнѣ: хорошо знай это, Сократъ. Вѣдь если захочешь ты всмотрѣться и въ честолюбіе людей, то будешь дивиться ихъ безумію, пока не сообразишь того, о чемъ я говорила, размышляя, какъ увлекаются они Эросомъ—сдѣлаться именитыми и сохранить свою славу безсмертною во всѣ времена, готовые ради этого подвергаться всѣмъ опасностямъ — еще болѣе, чѣмъ ради дѣтей, расточать деньги, предпринимать всевозможные труды и даже умереть. Подумай, говоритъ, умерла ли бы Алкеста за Адмета, умеръ ли бы Ахиллесъ послѣ Патрокла, или поторопился ли бы своею смертію вашъ Кодръ за царство дѣтей, еслибы всѣ они не думали, что память ихъ добродѣтели будетъ безсмертна, какою теперь мы и почитаемъ ее? Совсѣмъ нѣтъ, сказала она. Я думаю, что всѣ люди знаменитые дѣлаютъ это для безсмертной добродѣтели и такой же славы; и чѣмъ они лучше, тѣмъ больше, E.
потому что любятъ безсмертіе. Между тѣмъ, продолжала она, беременѣющіе тѣлесно обращаются больше къ женщинамъ и бываютъ послѣдователями Эроса этимъ способомъ, думая стяжать безсмертіе, память и счастіе во всѣ послѣдующія времена, чрезъ дѣторожденіе. Беременѣющіе же душевно [1].... 209.

безсмертіе животныхъ отъ безсмертія, свойственнаго человѣку. Животнымъ онъ приписываетъ безсмертіе родовое, то-есть допускаетъ вѣчное продолженіе ихъ родовъ, тогда какъ недѣлимыя, состарѣваясь и разрушаясь, исчезаютъ. Напротивъ, человѣка почитаетъ онъ безсмертнымъ въ самой его недѣлимости, или въ личномъ его бытіи, такъ какъ человѣкъ окрыленъ любовію къ прекрасному самъ по себѣ и для себя. Изъ этого видно, насколько взглядъ Платона выше взгляда Гегелева: различіе этихъ взглядовъ таково же, каково различіе между человѣкомъ и животнымъ; и когда человѣкъ ищетъ безсмертія по законамъ жизни животной, тогда онъ и получаетъ безсмертіе, свойственное только животнымъ,—если получаетъ и это, а для безсмертія своей души ничего не дѣлаетъ, хотя и тутъ не перестаетъ быть безсмертнымъ. См. далѣе—р. 209.

[1] *Беременѣющіе же душевно*—οἱ δὲ κατὰ τὴν ψυχὴν, т.-е. κύοντες. Послѣ этихъ

ибо есть и такіе, говоритъ, которые беременѣютъ въ душахъ еще болѣе, чѣмъ въ тѣлахъ, смотря по тому, что зачинать и чѣмъ беременѣть свойственно душѣ. А чѣмъ свойственно? разумностію и прочими добродѣтелями, которыхъ пораждателями бываютъ всѣ поэты, а изъ художниковъ такъ называемые изобрѣтатели. Величайшее, говоритъ, и прекраснѣйшее дѣло разумности [1] есть распорядительность относительно городовъ и семействъ, называемая разсудительностію и
B. справедливостію. Кто, по душѣ будучи божественнымъ, беременѣетъ ими съ молодыхъ лѣтъ; тотъ, и при наступленіи возраста, желаетъ развивать ихъ и раждать. И этотъ, думаю, повсюду ищетъ прекраснаго, чтобы въ немъ родить; ибо въ безобразномъ никогда не родитъ. Какъ беременѣющій, онъ и тѣла любитъ больше прекрасныя, чѣмъ безобразныя; а если притомъ встрѣчаетъ прекрасную, благородную и даровитую душу, то уже очень любитъ то и другое, и къ этому человѣку тотчасъ обращаетъ рѣчь о добродѣтели и о томъ,
C. какимъ долженъ быть добрый человѣкъ, чѣмъ слѣдуетъ ему заниматься, и начинаетъ его образованіе. Входя въ связь съ прекраснымъ, продолжала она, и бесѣдуя съ нимъ, онъ, думаю, развиваетъ и раждаетъ то, чѣмъ давно беременѣлъ, мыслитъ о прекрасномъ въ глаза и за глаза и вмѣстѣ съ нимъ воспитываетъ рожденное, чтобы взаимное общеніе ихъ получило еще бóльшую силу, и дружба сдѣлалась еще тверже, чѣмъ чрезъ рожденіе [2] обыкновенныхъ дѣтей, такъ какъ они

словъ рѣчь вдругъ прерывается; потому что Сократъ увлекается многими представленіями, служащими къ объясненію понятія о душевномъ беременѣніи. Прерванная мысль возобновляется гораздо далѣе — словами: τουτων δ' αὖ ὅταν τις ἐκ νέου ἐκῃ. *Кто, по душѣ будучи божественнымъ, беременѣетъ ими съ молодыхъ лѣтъ:* но грамматическая связь ихъ съ началомъ совсѣмъ теряется изъ виду; потому что конструкція ихъ примѣняется уже къ мыслямъ вводнымъ.

[1] *Распорядительность относительно городовъ и семействъ.* Нравственное свое ученіе Платонъ раскрывалъ обыкновенно, примѣняясь къ требованіямъ и цѣлямъ общественной жизни; а потому разумность понималъ какъ распорядительность относительно городовъ и семействъ. Это, по его словамъ (De Rep. V, p. 473 D. E), μεγίστη καὶ καλλίστη τῆς φρονήσεως.

[2] *Общеніе ихъ получило еще большую силу, чѣмъ чрезъ рожденіе обыкновенныхъ дѣтей*—πολὺ μείζω κοινωνίαν τῆς τῶν παίδων. Греческое выраженіе здѣсь

обобщились въ дѣтяхъ прекраснѣйшихъ и безсмертнѣйшихъ.
Да и всякій гораздо скорѣе согласился бы родить себѣ такихъ D.
дѣтей, чѣмъ человѣчныхъ [1], смотря на Омира и Исіода, и со-
ревнуя другимъ отличнымъ поэтамъ, которые оставили послѣ
себя такія порожденія, какія, соотвѣтственно самимъ себѣ [2],
доставляютъ имъ безсмертную славу и память, или, если хо-
чешь, говоритъ, какихъ дѣтей оставилъ въ Лакедемонѣ и Ли-
кургъ: это спасители нетолько Лакедемона, но, можно ска-
зать, и всей Эллады. За рожденіе законовъ достойны почте-
нія и вашъ Солонъ, и подобные въ другихъ странахъ, — му- E.
жи, у Эллиновъ и варваровъ проявившіе много прекрасныхъ
дѣлъ и породившіе многоразличную добродѣтель. За такихъ
дѣтей имъ воздвигнуто уже много храмовъ, а за человѣч-
ныхъ — нигдѣ ни одного.

Вотъ, можетъ быть, эротическая наука, Сократъ, въ ко-
торую я посвятила тебя. Но къ вступленію на совершеннѣй-
шую и таинственную ея степень, для которой существуютъ
и прежнія, если кто идетъ правильно, не знаю, способенъ ли 210
ты. Итакъ, я буду спрашивать тебя, сказала она, и не осла-
бѣю въ усердіи; а ты постарайся слѣдовать за мною, если
можешь [3]. Идущій, говоритъ, къ этому предмету правильно,

очень сжато и можетъ возбудить недоумѣнія. Членъ τῆς заставляетъ разумѣть опущеніе κοινονίας; а κοινονία τῆς κοινονίας τῶν παίδων будетъ то же, что κοινονία διὰ τῶν κοινῶν παίδων.

[1] *Чѣмъ человѣчныхъ*, ἢ τοὺς ἀνθροπίνους. Разумѣются дѣти, раждаемыя по законамъ органической связи половъ, и противуполагаемыя порожденіямъ отъ непосредственнаго соприкосновенія душъ, — порожденіямъ чистой, безплотной мысли.

[2] *Какія* (порожденія), *соотвѣтственно самимъ себѣ*, — αὐτὰ τοιαῦτα ὄντα, то-есть, славныя и безсмертныя, доставляютъ имъ безсмертную славу и память.

[3] Съ этихъ словъ Діотима начинаетъ открывать Сократу степени знанія, возводя его мало по малу къ созерцанію вещей идеальному. Первая степень, говоритъ она, на которую возводится посвящаемый въ тайны знанія, состоитъ въ томъ, что человѣкъ привязывается только къ прекрасному тѣлу и старается родить изъ него добродѣтель — плодъ добрыхъ рѣчей, причемъ любитъ не одно какое-нибудь тѣло, но всѣ, отличающіяся красотою. Вторая за тѣмъ степень должна возвысить человѣка до созерцанія красоты душевной, предъ которою тѣлесная ничтожна и которая открывается въ нравахъ, законахъ, постановленіяхъ. На третьей же степени онъ вступаетъ, наконецъ, въ

долженъ съ юности начать свое шествіе къ прекраснымъ тѣламъ, и притомъ, если руководитель руководствуетъ вѣрно, сперва любить одно тѣло и здѣсь раждать прекрасныя рѣчи; потомъ сообразить, что прекрасное въ какомъ-нибудь одномъ
B. тѣлѣ сродно съ прекраснымъ въ другомъ, и какъ скоро надобно преслѣдовать прекрасное видовое, то было бы великое безуміе не почитать его однимъ и тѣмъ же во всѣхъ тѣлахъ. Думая же такъ, онъ долженъ сдѣлаться любителемъ всѣхъ прекрасныхъ тѣлъ, а ту сильную любовь къ одному, презрѣвъ и уничиживъ, ослабить. Послѣ сего слѣдуетъ ему прекрасное въ душахъ цѣнить выше, чѣмъ прекрасное въ тѣлѣ, такъ что еслибы кто, по душѣ благонравный, лицо имѣлъ и
C. мало цвѣтущее, — этого довольно должно быть ему, чтобы любить его, заботиться о немъ и стараться раждать въ немъ такія рѣчи, которыя дѣлаютъ юношей лучшими. Такимъ образомъ онъ опять принужденъ будетъ созерцать прекрасное въ занятіяхъ и законахъ, и видѣть его, какъ сродное себѣ, а красоту тѣлесную уничижать. Отъ занятій же ему надобно переводить любимца къ знаніямъ, чтобы послѣдній испыталъ красоту познаній и, смотря уже на прекрасное многоразличное, не любилъ болѣе красоты въ одномъ прекрасномъ или мальчикѣ, или человѣкѣ, или занятіи, будто рабъ, дабы, слу-
D. жа ему, не сдѣлался плохимъ или мелочнымъ, но, обратившись къ обширному морю красоты и созерцая различныя, прекрасныя и величественныя рѣчи, пораждалъ мысли въ нѣдрѣ независтливой философіи, пока, укрѣпившись въ этомъ и усилившись, не усмотритъ такого одного знанія, которое есть знаніе прекраснаго самого въ себѣ. Постарайся же теперь, говоритъ, слушать меня со всѣмъ вниманіемъ, съ ка-
E. кимъ только можешь.

Кто, относительно предмета эротическаго, возведенъ до этой степени послѣдовательнаго и вѣрнаго созерцанія красо-

храмъ философіи и, воспламеняясь любовію къ мудрости, созерцаетъ красоту истинную, постоянную и вѣчную.

ты; тотъ, въ эротическомъ приближаясь уже къ концу, вдругъ увидитъ нѣкое дивное по природѣ прекрасное, — то самое прекрасное, Сократъ, ради котораго предпринимаемы были всѣ прежніе труды. Во-первыхъ, оно всегда существуетъ и 211.
ни раждается ни погибаетъ, ни увеличивается ни оскудѣваетъ; потомъ, оно не таково, что по этому прекрасно, а по иному безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нѣтъ, либо для одного прекрасно, а для другаго безобразно, либо тамъ прекрасно, а здѣсь безобразно, либо однимъ прекрасно, а другимъ безобразно. Это прекрасное не будетъ представляться ему опять какбы какое лицо, или руки, или что другое причастное тѣлу, ни какъ мысль или знаніе, ни какъ сущее въ чемъ-нибудь другомъ, напримѣръ, въ животномъ, B.
въ землѣ, въ небѣ, или въ иномъ предметѣ, но какъ сущее само по себѣ, всегда съ собою одновидное. Всѣ же прочія прекрасныя вещи приходятъ въ общеніе съ нимъ, напримѣръ, такъ, что когда онѣ раждаются и уничтожаются,—это не дѣлается ни больше ни меньше и ничего не терпитъ. Итакъ, кто, вышедши оттуда, чрезъ правильную любовь къ дѣтямъ, началъ бы созерцать то прекрасное, тотъ почти коснулся бы самой цѣли. Вѣдь правильное шествіе, или водительство со стороны другаго къ предметамъ эротическимъ, въ томъ и состоитъ, чтобы, начавъ съ тѣхъ прекрасныхъ вещей ради прекраснаго, всегда подниматься выше, какбы по лѣстницѣ, — C.
отъ одного къ двумъ, отъ двухъ ко всѣмъ прекраснымъ тѣламъ, отъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ занятіямъ, отъ прекрасныхъ занятій къ прекраснымъ наукамъ, съ намѣреніемъ — отъ наукъ перейти наконецъ къ той наукѣ, которая есть наука не иного чего, а того самаго прекраснаго, и такимъ образомъ окончательно узнать, что̀ есть прекрасное. Тогда-то жизнь, любезный Сократъ, сказала мантинейская D.
иностранка, болѣе чѣмъ когда-нибудь, бываетъ жизненна въ человѣкѣ, созерцающемъ само прекрасное. Еслибы это прекрасное ты увидѣлъ, то и не подумалъ бы сравнивать его ни съ золотомъ, ни съ нарядомъ, ни съ прекрасными мальчика-

ми и юношами, что̀ видя, теперь поражаешься и готовъ самъ, подобно многимъ другимъ, которые видятъ своихъ любезныхъ и всегда обращаются съ ними, если возможно, не ѣсть и не пить, а только смотрѣть и быть вмѣстѣ съ предметомъ люби-
E. мымъ. Такъ что же, говоритъ, еслибы, думаемъ мы, кому досталось узрѣть само прекрасное, истинное, чистое, несмѣшанное, неоскверненное человѣческою плотію, тѣнями цвѣтовъ и другими многими смертными мелочами,—узрѣть само божественное, одновидное, прекрасное? Думаешь ли, говоритъ, что худа была бы жизнь человѣка, смотрящаго туда,
212. созерцающаго то и обращающагося съ тѣмъ, съ чѣмъ должно? Не разумѣешь ли, говоритъ, что тогда ему одному, созерцая красоту, чѣмъ можно созерцать ее, досталось бы раждать не образы добродѣтели, поколику касался бы не образа, а истинное, поколику коснулся бы истины? Раждая же и питая добродѣтель истинную, этотъ человѣкъ не сдѣлался ли бы любезнымъ Богу и безсмертнымъ больше, чѣмъ кто другой изъ людей? —

B. Это-то, Федръ и прочіе, говорила Діотима; а я вѣрилъ и, увѣрившись самъ, стараюсь увѣрять и другихъ, что помощника человѣческой природѣ лучшаго, чѣмъ это стяжаніе — Эросъ, имѣть нелегко. Посему-то утверждаю, что Эроса долженъ чтить каждый человѣкъ; да и самъ я чту дѣло эротическое, особенно подвизаюсь въ немъ и внушаю то же другимъ, —какъ теперь, такъ и всегда,—сколько могу, восхваляю си-
C. лу и мужество Эроса. Прими же, Федръ, если хочешь, эту рѣчь за похвальное слово Эросу, а не то, — назови ее чѣмъ угодно и какимъ нравится тебѣ именемъ. —

Когда Сократъ сказалъ это,—одни стали хвалить, а Аристофанъ, такъ какъ въ рѣчи Сократа указано было на его слова [1], намѣревался что-то говорить. Но вдругъ вмѣстѣ съ

---

[1] Это указаніе на слова Аристофана см. p. 205 D. E: «есть мнѣніе, что любятъ тѣ, которые ищутъ своей половины: а я думаю, что Эросъ не есть Эросъ ни половины, ни цѣлаго.»

стукомъ въ сѣнную дверь произошелъ шумъ, и слышенъ былъ
голосъ какбы гулякъ и флейщицы. Тутъ Агатонъ сказалъ:
ребята! посмотрите,—и если это кто-нибудь изъ друзей,— D.
зовите; а не то,—говорите, что мы не пьемъ, но уже пошли
на покой. Спустя немного, на дворѣ послышался голосъ Ал-
кивіада, который былъ очень пьянъ, и съ крикомъ спраши-
вая, гдѣ Агатонъ, приказывалъ вести себя къ нему. Тогда
флейщица и нѣкоторые другіе сопутники взяли его, привели
къ намъ и поставили у дверей, увѣнчаннаго густымъ плю- E.
щемъ и фіалками, и имѣвшаго на головѣ множество лентъ [1]:
Здравствуйте, друзья, сказалъ онъ; примите въ свою попойку
человѣка очень пьянаго. Развѣ уйдемъ мы отсюда, не обвя-
завши Агатона, къ которому пришли? Вчера-то, говоритъ, я
не имѣлъ возможности прійти, а теперь пришелъ,—и вотъ
на головѣ моей ленты, чтобы, снявъ ихъ съ моей головы, об-
вязать ими голову, такъ сказать [2], человѣка мудрѣйшаго и
прекраснѣйшаго. Но вы смѣетесь надо мной, какъ надъ пья-
нымъ? Смѣйтесь! однакожъ я хорошо знаю, что говорю прав-
ду. Говорите сейчасъ: войти мнѣ подъ этимъ условіемъ, или
нѣтъ? Будете пить со мной, или не будете?—Тутъ всѣ зашу- 313.
мѣли, предлагали ему войти и возлечь; да и самъ Агатонъ

---

[1] *Увѣнчаннаго густымъ плющемъ и фіалками, и имѣвшаго на головѣ множество лентъ.* У Грековъ былъ обычай украшать головы людей вѣнками, когда они либо оказали услугу отечеству, напримѣръ одержали побѣду, или по какому-нибудь случаю праздновали дома съ друзьями. *Ruhnken.* ad Tim. gloss. p. 246 sqq. *Paschal.* de coronis IV, 8. Interpet. ad Horat. Odar. IV, 11, 2. О бражничествѣ Алкивіада см. *Atheneum* XII, p. 534 *Spanhem.* ad Iulian. orat. 1, p. 124.

[2] *Обвязать ими голову человѣка, такъ сказать, мудрѣйшаго и прекраснѣйшаго.* Критики въ этомъ мѣстѣ діалога чрезвычайно затрудняются словами: *такъ сказать*—*ἐὰν εἴπω οὑτωσί*—до того, что либо поставляютъ ихъ въ другую конструкцію, либо совсѣмъ изгоняютъ изъ текста. А мнѣ кажется, здѣсь они весьма умѣстны и показываютъ ловкость Платона въ оттѣненіи словомъ всѣхъ положеній человѣка. Ἐὰν εἴπω οὑτωσί есть выраженіе, прекрасно характеризующее здѣсь говоръ пьянаго Алкивіада. Прибавка-то этихъ словъ, повидимому, и разсмѣшила собесѣдниковъ; потому что Алкивіадъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «смѣйтесь! однакожъ я хорошо знаю, что говорю правду.» Даже и приказаніе «говорите сейчасъ» — *λέγετε αὐτόθεν*, а особенно нарѣчіе *αὐτόθεν*, какъ будто отзывается здѣсь нетрезвостію.

звалъ его. И онъ, ведомый людьми, вошелъ и, снимая съ себя ленты, чтобы обвязать ими хозяина, не замѣтилъ бывшаго предъ его глазами Сократа, но сѣлъ возлѣ Агатона, между
B. имъ и Сократомъ, который, когда тотъ занималъ мѣсто, отодвинулся. Сѣвши же, Алкивіадъ сталъ обнимать и обвязывать Агатона; а Агатонъ сказалъ: ребята! разуйте Алкивіада, чтобы возлечь ему третьимъ [1].—Конечно, сказалъ Алкивіадъ; да кто же у насъ тутъ третій-то сочашникъ?—и вдругъ, обернувшись, увидѣлъ Сократа, увидѣвши же его, отскочилъ и вскричалъ: О Ираклъ! что это? ты, Сократъ, здѣсь, въ заса-
C. дѣ, чтобы опять подстеречь меня, какъ и всегда! ты вдругъ являешься тамъ, гдѣ я менѣе всего ожидалъ твоего присутствія! Зачѣмъ ты сегодня пришелъ? для чего здѣсь восклонился? Видишь?—не подлѣ Аристофана, который больше всѣхъ смѣшонъ и хочетъ смѣшить;—нѣтъ, ухитрился, какъ бы возлечь подлѣ прекраснѣйшаго изъ всѣхъ здѣсь находящихся. — Агатонъ! сказалъ Сократъ; смотри, не защитишь ли ты меня. Любовь этого человѣка дѣлаетъ мнѣ немало хлопотъ. Вѣдь съ того времени, какъ онъ полюбилъ меня, нельзя мнѣ
D. ни взглянуть на кого-нибудь, ни поговорить съ какимъ-нибудь красавцемъ; въ своей ревности и зависти этотъ человѣкъ дѣлаетъ со мною чудеса—бранится и едва отводитъ отъ меня свои руки. Смотри же, чтобы онъ и теперь не сдѣлалъ чего-нибудь; примири насъ, или, какъ скоро вздумаетъ употребить насиліе, защити; потому что я очень боюсь любовнаго его бѣшенства.—Нѣтъ, сказалъ Алкивіадъ, между мною и тобою мира не будетъ; за это я опять стану мучить тебя. Теперь,
E. Агатонъ, возврати мнѣ, говоритъ, ленты, чтобы обвязать ими чудную голову этого человѣка; пусть онъ не порицаетъ меня, что тебя-то я обвязалъ, а его, своими рѣчами побѣждающаго всѣхъ людей — нетолько недавно, какъ ты, но и

---

[1] *Разуйте Алкивіада, чтобы возлечь ему третьимъ.* Во время обѣдовъ гости восклонялись на диваны, обыкновенно снявъ обувь. *Gataker*, Advers. Miscll. c. 19. Возлечь третьимъ, то-есть, ниже Агатона и Сократа.

всегда, вслѣдъ за тобой не обвязалъ. — Тутъ взялъ онъ ленты, возложилъ ихъ на Сократа и занялъ мѣсто; усѣвшись же, сказалъ: Хорошо, друзья; вы, какъ мнѣ кажется, трезвы,—этого позволить вамъ нельзя, надобно пить,—такое было у насъ условіе. И пока вы достаточно не упьетесь, распоряженіе въ попойкѣ я беру на себя. Пусть же Агатонъ принесетъ большую, какая у него есть, чашу; или—не нужно, говоритъ: парень! принеси-ка лучше тотъ холодильникъ [1],
который, на-взглядъ, вмѣщаетъ въ себѣ больше восьми коти- 214.
ловъ [2]. Наполнивъ его, онъ сперва выпилъ самъ, потомъ велѣлъ налить для Сократа и въ то же время сказалъ: Сократу, друзья, этотъ софизмъ ничего не значитъ: сколько поднеси ему, столько онъ и выпьетъ, а пьянъ никогда не будетъ.—Итакъ, когда мальчикъ налилъ, Сократъ выпилъ. Но тутъ Эриксимахъ сказалъ: Что же это дѣлается у насъ, Алкивіадъ? Такъ-то вѣдь, занимаясь чашей, мы и не говоримъ и не по-
емъ, а просто—пьемъ, будто для утоленія жажды.—Алкиві- B.
адъ же на это отвѣчалъ: здравствуй, Эриксимахъ, лучшій сынъ лучшаго и умнѣйшаго отца!—Тоже и ты, примолвилъ Эриксимахъ; да зачѣмъ пить-то?—Какъ тебѣ угодно; надобно тебя слушаться.

Врачь драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣковъ [3].
Приказывай же, что хочешь.—Послушай-ка, сказалъ Эриксимахъ. Мы, прежде чѣмъ ты вошелъ, положили, чтобы,
начавъ справа по порядку, каждый изъ насъ произнесъ воз- C.
можно лучшую похвальную рѣчь Эросу. Вотъ всѣ, здѣсь находящіеся, и говорили: но ты не говорилъ, а пилъ; поэтому долженъ теперь говорить, сказавши же, велѣть Сократу, чтò захочешь, а Сократъ—слѣдующему справа, и такъ всѣ прочіе.—Хорошо говоришь ты, Эриксимахъ, возразилъ Алкиві-

---

[1] *Тотъ холодильникъ*—ψυκτῆρα. Ψυκτὴρ былъ большой и широкій сосудъ, который наполнялся холодною водою, чтобы въ эту воду ставить сосуды съ виномъ для охлажденія. Ruhnkenius.

[2] Котилъ—греческая мѣра вмѣстимостей. *Wurm.* De ponderibus, nummis et mensuris apud Graecos et Romanos p. 133 sqq.

[3] Этотъ стихъ взятъ изъ Омировой Иліады λ' v. 514.

адъ; но человѣкъ пьяный—въ произнесеніи рѣчей съ трезвыми не въ уровнѣ. Притомъ, почтеннѣйшій, ужели вѣришь ты
D. тому, чтò недавно говорилъ Сократъ? Развѣ не знаешь, что все, сказанное имъ, имѣетъ смыслъ противуположный? Вѣдь если я въ его присутствіи буду хвалить бога ли то, или другаго человѣка, кромѣ его,— онъ не отведетъ отъ меня рукъ. — Говори лучше, сказалъ Сократъ.—Клянусь Посидономъ! вскричалъ Алкивіадъ. Не спорь противъ того, что въ твоемъ присутствіи я не буду никого хвалить.—Такъ сдѣлай, если хочешь, вотъ что, сказалъ Эриксимахъ: хвали Сократа.—
E. Какъ ты говоришь? спросилъ Алкивіадъ. Надобно, думаешь, Эриксимахъ, напасть на этого человѣка и помучить его предъ вами?—А у тебя что на умѣ? примолвилъ Сократъ. Хочешь хвалить меня въ смѣшную сторону? или кàкъ поступишь?— Буду говорить правду; только смотри, позволишь ли?—Конечно; правду позволяю и приглашаю говорить.—Не замедлю, сказалъ Алкивіадъ; а ты съ своей стороны дѣлай такъ: если я вымолвлю неправду, прерви меня и объяви, что тутъ
215. ложь. Вѣдь по доброй волѣ я не солгу. Если же, говоря, буду припоминать непослѣдовательно,—не удивляйся; потому что человѣку, такъ нагруженному, исчислять твои странности по порядку—нелегко.

Хвалить Сократа, друзья, я намѣреваюсь подобіями. Можетъ быть, онъ приметъ это въ смѣшную сторону: но подобіе будетъ для истины, а не для смѣха. Такъ вотъ я говорю, что Сократъ весьма похожъ на этихъ силеновъ [1], которые си-

---

[1] О сходствѣ Сократа съ силенами см. Theaet. p. 143 E. *Xenoph.* Symp. IV, 19 и тамъ же interpr. V, 6. *Creuzer.* Studior. T. II, p. 231. 271. 290 sqq. et al. Художники въ Аѳинахъ имѣли обыкновеніе украшать свои мастерскія большими шкафами, имѣвшими форму силеновъ, и въ эти шкафы становить драгоцѣнныя свои произведенія. Итакъ, Алкивіадово сравненіе показываетъ, что въ Сократѣ скрываются такія драгоцѣнности, о которыхъ, судя по наружности его, и не подумаешь. Это сравненіе тѣмъ лучше, что и внѣшнія черты Сократовой фигуры выражали что-то силеновское, насмѣшливое. Впрочемъ Юліанъ (orat. VI, p. 184 A) такой же силеновской статуѣ уподобляетъ и киническую философію: *Φημὶ γὰρ δὴ τὴν κυνικὴν φιλοσοφίαν ὁμοιοτάτην εἶναι τοῖς Σειληνοῖς τούτοις τοῖς ἐν τοῖς ἑρμογλυφείοις καθημένοις, οὕστινας ἐργά-*

дятъ въ мастерскихъ ваятелей, изображаются съ свирѣля- B.
ми или флейтами въ рукахъ, и раскрываясь пополамъ, даютъ видѣть внутри себя изображенія боговъ. Говорю также, что онъ походитъ на Марсіасова сатира [1]. И по виду-то ты, Сократъ, подобенъ имъ, въ чемъ, вѣроятно, и самъ не сомнѣваешься; а что подобенъ и въ прочемъ, слушай далѣе. Насмѣшникъ ты, или нѣтъ? если не соглашаешься, представлю свидѣтелей. Не игрокъ ли ты на флейтѣ? даже болѣе удивительный, чѣмъ Олимпъ, который обворожалъ людей си- C.
лою своихъ устъ, при посредствѣ инструмента, и котораго пѣсни иные поютъ еще нынѣ. Вѣдь Олимпъ игралъ на флейтѣ, бывъ наученъ этому искуству, говорю, Марсіасомъ, котораго пѣсни,—играетъ ли ихъ хорошій флейтистъ, или плохая флейщица, приводятъ человѣка въ изступленіе сами собой и, какъ божественныя, обнаруживаютъ желаніе боговъ и людей посвященныхъ: ты же тѣмъ только отличаешься отъ него, что производишь то же самое просто рѣчами, безъ инструмента. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы слушаемъ кого другаго, хотя бы иныя рѣчи говорилъ и хорошій риторъ,—нико- D.
му, просто сказать, и нужды нѣтъ: а когда кто слушаетъ тебя, или передаетъ какія-нибудь рѣчи твои; то, пусть передаватель былъ бы и плохъ, — женщина ли то, мужчина или дитя слушаетъ ихъ, — всѣ мы поражаемся и бываемъ въ изступленіи. Да, друзья, еслибы я не опасался показаться слишкомъ пьянымъ, то съ клятвою сказалъ бы вамъ, что̀ перечувствовалъ самъ отъ его рѣчей, и что̀ чувствую еще нынѣ; потому E.
что когда слушаю его, — сердце у меня бьется сильнѣе, чѣмъ у Коривантовъ, и отъ рѣчей его текутъ слезы. Вижу и весьма многихъ другихъ, которые то же чувствуютъ. Слушая Пе-

---

ζονται οἱ δημιοῦργοὶ σύριγγας ἢ αὐλοὺς ἔχοντας, οἱ δὲ διοιχθέντες ἔνδον φαίνονται ἀγάλματα ἔχοντες θεῶν.

[1] *На марсіасова сатира.* Марсіасъ, Фригіянинъ, лицо миѳическое, спутникъ Бахуса, см. *Boettiger.* p. 279. *Rlupfer.* Lexic. Mytholog. s. v. Ученикомъ его, παιδικὰ, былъ, говорятъ, Олимпъ. *Aristot.* Polit. VIII, 5, p. 326, ed. Schneid. *Plutarh.* de Musica p. 1133.

рикла и иныхъ отличныхъ риторовъ, я полагалъ, что они хо-
рошо говорятъ; однакожъ ничего такого не чувствовалъ, и
не волновалась моя душа, не досадовала, зачѣмъ она нахо-
дится въ рабствѣ: напротивъ, этотъ Марсіасъ часто настро-
216. ивалъ меня такъ, что не стóитъ, казалось мнѣ, жить, какъ я
живу. И объ этомъ, Сократъ, не скажешь ты: неправда. Со-
знаю даже и теперь еще, что еслибы я захотѣлъ слушать
тебя, то не удержался бы, чтобъ не чувствовать этого. Вотъ
онъ заставляетъ меня согласиться, что будучи недостаточенъ
еще радѣть о самомъ себѣ, я занимаюсь дѣлами Аѳинянъ[1]: но
я затыкаю уши и изо всей силы бѣгу отъ него, будто отъ си-
ренъ, чтобы, сидя здѣсь подлѣ него, не состарѣться. Предъ
B. этимъ однимъ изъ всѣхъ людей я чувствую то, чего никто во
мнѣ не подумалъ бы предполагать,—чувствую стыдъ въ отно-
шеніи къ кому-нибудь. Только его я стыжусь. Сознавая свое
безсиліе противорѣчить, что не надобно поступать вопреки
его приказанію, я какъ скоро удаляюсь отъ него,—тотчасъ
поддаюсь чести со стороны народа; поэтому укрываюсь отъ
него и бѣгаю, а встрѣчаясь съ нимъ, стыжусь, что согла-
шался съ его словами. И часто съ удовольствіемъ представ-
C. лялъ бы я, что онъ не существуетъ между людьми; но еслибы
это въ самомъ дѣлѣ случилось, хорошо чувствую, что скор-
бѣлъ бы гораздо болѣе. Такъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать съ
этимъ человѣкомъ.

Отъ игры этого сатира, вмѣстѣ со мною, то же чувствуютъ
и многіе другіе: впрочемъ вы уже слышали, какъ онъ похожъ
на тѣхъ, кому я уподобилъ его, и какою дивною владѣетъ онъ
D. силою. Будьте увѣрены, что изъ васъ никто не знаетъ его: но
я, такъ какъ уже началъ, могу объявить о немъ. Вотъ вы ви-
дите, что Сократъ расположенъ любить прекрасныхъ, всегда
бываетъ около нихъ и поражается ими; но тутъ же—все ему

---

[1] Этими словами Платонъ явно указываетъ на одинъ изъ моментовъ содержанія, заключающагося въ діалогѣ подъ заглавіемъ: Алкивіадъ первый. Отсюда необходимо заключить, что Алкивіадъ первый есть подлинное сочиненіе Платона, и что этотъ діалогъ написанъ ранѣе Пира.

неизвѣстно, ничего онъ не знаетъ: такова его маска, не силеновская ли она? — И очень: вѣдь эту-то одежду надѣваетъ онъ сверху, какъ изваянный силенъ; внутри же, когда раскроется, вамъ извѣстно, друзья-сочашники, сколько набито въ немъ разсудительности. Знайте, что если кто и прекрасенъ, — ему нѣтъ нужды; такого онъ презираетъ столько, что E.
и не подумалъ бы, — будь онъ хоть богатъ, имѣй хоть иное какое достоинство, ублажаемое чернью. Всѣ эти пріобрѣтенія вмѣняетъ онъ ни во что, равно какъ и насъ, и цѣлую свою жизнь проводитъ, притворяясь и подшучивая надъ людьми. Не знаю, видѣлъ ли кто внутри его изображенія, такъ чтобы онъ серьёзничалъ и былъ открытъ: а я нѣкогда видѣлъ, и они казались мнѣ такими божественными, золотыми, прекраснѣйшими и чудными, что приказанія Сократа надлежало 217.
исполнять скоро. Полагая, что онъ серьёзно расположенъ былъ къ моей красотѣ, я считалъ это [1] находкою и чрезвычайнымъ своимъ счастіемъ — въ той мысли, что, доставляя удовольствіе Сократу, услышу все, что онъ знаетъ, ибо удивительно какъ много расчитывалъ на свою красоту. Размышляя такимъ образомъ, я сперва, по привычкѣ имѣть при себѣ провожатаго, бывалъ съ нимъ не одинъ, а потомъ провожатаго сталъ отсылать и оставался наединѣ. Надобно вѣдь высказать вамъ B.
всю правду. Обратите же вниманіе, — и если солгу, ты, Сократъ, обличи. Итакъ, друзья, былъ я съ нимъ глазъ-на-глазъ и думая, что вотъ онъ заведетъ со мною рѣчь о томъ, о чемъ говорятъ наединѣ любители съ любимцами, радовался. Но ничего такого не бывало: побесѣдовавъ со мною, какъ обыкновенно и проведши день, онъ пошелъ домой. Послѣ того я пригласилъ его вмѣстѣ съ собою къ гимнастическимъ упражненіямъ и упражнялся, надѣясь, что тутъ сколько-нибудь ус- C.
пѣю. Раздѣлялъ мои занятія и онъ и часто боролся со мною, когда при этомъ никого не было.... Но къ чему говорить? ничто не помогало. Наконецъ, такъ какъ успѣха не оказа-

[1] *Я считалъ это находкою*—ἕρμαιον ἡγησάμην. См. Euthyd. p. 273 E.

лось, вздумалъ я напасть на этого человѣка посильнѣе и не отставать, когда взялся, но разузнать, что̀ это значитъ. Итакъ, я приглашаю его къ ужину, замышляя противъ него,
D. точно любовникъ противъ любезнаго: но и тутъ онъ не съ перваго зова послушалъ меня, а со временемъ. Пришедши въ первый разъ, онъ поужиналъ и захотѣлъ уйти, и на ту пору я, удерживаемый стыдомъ, отпустилъ его. Впослѣдствіи же былъ опять замыслъ: когда онъ поужиналъ, — я заговорился съ нимъ до глубокой ночи и, какъ скоро задумалъ онъ уйти,—подъ предлогомъ [1] поздняго времени, заставилъ его остаться. Онъ легъ спать на скамьѣ, которая стояла подлѣ моей и склонившись на которую ужиналъ, и кромѣ насъ въ
E. комнатѣ не спалъ никто другой. До этого мѣста разсказъ мой могъ идти хорошо, кому бы я ни разсказывалъ; но отсюда— вы не стали бы меня слушать, развѣ по пословицѣ: вино и съ мальчиками и безъ мальчиковъ говоритъ правду [2], да впрочемъ и потому, что взявшись хвалить Сократа, несправедливо было бы, мнѣ кажется, скрыть прекрасный его поступокъ. Притомъ, и я тоже страдаю отъ укушенія змѣи: а говорятъ, что кто страдаетъ отъ этого, тотъ разсказывать, каково его страданіе, согласится лишь укушеннымъ; такъ какъ они од-
218. ни поймутъ и извинятъ все, что̀, подъ вліяніемъ своего страданія, смѣлъ онъ надѣлать и наговорить. Итакъ, я укушенъ тѣмъ, что̀ причиняетъ особенно тяжкую боль, укушенъ въ то, что чувствуетъ укушеніе съ особенною болью,—сердцемъ ли, душою, или какимъ инымъ именемъ назовите это, — пораненъ и укушенъ философскими рѣчами, которыя, когда овладѣютъ юною и даровитою душою, впиваются въ нее ужас-

---

[1] *Подъ предлогомъ* — *σκηπτόμενος* — то же, что *προφασιζόμενος*. См. *Ruhnken*. p. 232.

[2] *Вино и съ мальчиками и безъ мальчиковъ говоритъ правду* — *οἶνος ἄνευ παίδων καὶ μετὰ παίδων ἦν ἀληθής*. Эта пословица выражалась собственно такъ: *οἶνος καὶ ἀληθεία*. Смыслъ словъ Алкивіада раскрываетъ *Photii* Lexic., гдѣ указываются въ одной пословицѣ двѣ: одна *οἶνος καὶ ἀλήθεια*, другая *οἶνος καὶ παῖδες ἀληθεῖς*. По-русски говорятъ: правда на днѣ рюмки; что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.

нѣе змѣи и заставляютъ дѣлать и говорить, что угодно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я вижу Федровъ, Агатоновъ, Эриксимаховъ, Павзаніевъ, Аристодемовъ, Аристофановъ: о Сократѣ и дру- B.
гихъ подобныхъ что и говорить? Всѣ вы знакомы съ философскимъ неистовствомъ и вакханствомъ; поэтому всѣ вы услышите меня и извините въ томъ, что дѣлалъ я тогда и говорю теперь. А вы—рабы, или кто бы ни былъ иной нечистый и необразованный, закройте свои уши большими дверями [1].

Итакъ, друзья, когда лампа была потушена и слуги вы- C.
шли, мнѣ показалось, что нечего съ нимъ церемониться, надобно прямо сказать, что думаю. Толкнувши его, я спросилъ: спишь ты, Сократъ? — Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ. — Знаешь ли, что мнѣ показалось?—Что особенно? спросилъ онъ.—Мнѣ кажется, сказалъ я, что ты одинъ достойный меня любовникъ и, повидимому, только медлишь открыться мнѣ въ этомъ. А я думаю такъ: считаю безуміемъ не сдѣлать тебѣ удовольствія и въ этомъ и въ иномъ, еслибы, напримѣръ, нужны бы- D.
ли тебѣ мое имущество, или мои друзья. Вѣдь для меня нѣтъ ничего важнѣе того, чтобы сдѣлаться, сколько можно, лучшимъ; а для этого, думаю, нѣтъ у меня помощника превосходнѣе тебя. Такъ не доставляя удовольствія такому человѣку, гораздо больше стыдился бы я предъ людьми умными, чѣмъ сколько, доставляя его, стыдно было бы мнѣ предъ толпою и безумцами.—Выслушавъ это, онъ иронически и свойственнымъ себѣ образомъ сказалъ: Любезный Алкивіадъ! ты, должно быть, въ самомъ дѣлѣ не плохъ, когда дѣйствительно такъ думаешь о мнѣ, какъ говоришь; и если я обладаю такою си- E.
лою, чрезъ которую ты можешь сдѣлаться наилучшимъ, то видишь во мнѣ чрезвычайную красоту, которая несравненно превосходнѣе твоего благообразія. Поэтому, какъ скоро, видя ее, ты рѣшаешься сообщиться со мною, обмѣнять красоту на красоту, то думаешь воспользоваться отъ меня немалымъ,—

[1] Этими словами указывается на извѣстный стихъ Орфея p. 447, ed. Herm.: Φθέγξομαι οἷς θέμις ἐστί· θύρας δ'ἐπίθεσθε βέβηλοι. См. *Ruhnk.* ad Tim. p. 60. *Creuzer* ad. Plot. de Pulchrit. p. 332.

219. хочешь, вмѣсто мнимыхъ прелестей [1], пріобрѣсть истинныя, замышляешь на дѣйствительное золото промѣнять мѣдь. Но разсматривай лучше, почтеннѣйшій, чтобы не утаилось отъ тебя мое ничтожество. Да, око ума начинаетъ смотрѣть остро, когда зрѣніе глазъ теряетъ свою силу; а ты еще далекъ отъ того.—Выслушавъ это, я сказалъ: по моему, пусть такъ, и я ничего не говорилъ иначе, чѣмъ какъ думаю; а ты разсуди самъ съ собою, что почитаешь лучшимъ и для тебя и для меня.—Это-то хорошо говоришь ты, сказалъ онъ; въ настоящее время поразсудивши, мы будемъ дѣлать конечно то, что
B. покажется намъ наилучшимъ въ отношеніи и къ этому, и ко всему иному. — Слушая все такое и говоря, я полагалъ, что мои слова поранили его, будто пущенныя стрѣлы; поэтому, вставши и не позволяя ему болѣе говорить, накрылъ его моимъ одѣяломъ—(ибо была зима), и легши подъ его плащь, обнялъ своими руками этого божественнаго и по-истинѣ удиви-
C. тельнаго человѣка, и проспалъ съ нимъ всю ночь. И объ этомъ опять ты не скажешь, Сократъ, что я лгу. Послѣ такого моего поступка, какъ рѣшительно побѣдилъ онъ меня! какъ презрѣлъ, осмѣялъ, унизилъ мою красоту! А я думалъ, друзья-судьи, что она-то нѣчто значитъ (вѣдь вы судьи Сократовой гордости). Будьте увѣрены, клянусь богами, что я всталъ, не иначе проспавши съ Сократомъ, какъ еслибы спалъ съ от-
D. цомъ или старшимъ братомъ. Послѣ того какая, думаете, занимала меня мысль? Я почиталъ себя, конечно, униженнымъ, однакожъ восхищался природою Сократа, его разсудительностію, мужествомъ и тѣмъ, что встрѣтился съ такимъ человѣкомъ, какого, по уму и твердости, встрѣтить никогда не думалъ; такъ что мнѣ не представлялось ни то, за что бы сер-

---

[1] ***Вмѣсто мнимыхъ прелестей пріобрѣсть истинныя***—ἀντὶ δόξης ἀλήθειαν καλῶν κτᾶσθαι, то-есть, ἀντὶ καλῶν ἃ δοκεῖ καλὰ εἶναι, κτᾶσθαι ἐπιχειρεῖς καλὰ ἃ ἐστὶν ὡς ἀληθῶς. Слѣдующими же за этимъ словами дѣлается аллюзія на слова Омира (Iliad. VI, v. 234 sqq.):

Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онъ Діомеду герою доспѣхъ золотой свой на мѣдный,
Во сто цѣнимый тельцовъ обмѣнялъ на стоющій девять.

диться на него и лишиться обращенія съ нимъ, ни то, какимъ бы способомъ привязать его къ себѣ. — Вѣдь я хорошо
зналъ, что деньгами во всякомъ случаѣ еще менѣе можно ра- E.
нить его, чѣмъ Аякса желѣзомъ; а то, чѣмъ только и думалъ поймать его, мнѣ не удалось. Итакъ, я недоумѣвалъ и, порабощенный этимъ человѣкомъ, какъ никто другой никѣмъ другимъ, продолжалъ обращаться съ нимъ.

Все это происходило со мною прежде; потомъ оба мы участвовали въ потидейскомъ походѣ и тамъ имѣли общій столъ. Въ то время своими трудами онъ превосходилъ нетолько меня, но и всѣхъ другихъ. Когда гдѣ-то запертые, что́ на похо-
дѣ бываетъ, мы принуждены были голодать,—другіе, относи- 220.
тельно къ терпѣнію, передъ нимъ ничего не значили; даже и въ пирушкахъ онъ одинъ не хотѣлъ какъ наслаждаться всѣмъ другимъ, такъ и пить; но когда принуждали его, былъ впереди всѣхъ, и что особенно удивительно,—пьянымъ никогда не видывалъ его никто,—что докажетъ, повидимому, и теперь. Что же касается опять до перенесенія зимняго холода — а тамъ морозы страшные [1], — то онъ дѣлалъ чудеса и другія и слѣ-
дующее: Когда случился жесточайшій морозъ, и никто не B.
выходилъ изъ дома, либо, если и выходилъ, то чрезвычайно какъ окутавшись, обувшись и обернувъ ноги войлокомъ и овечьей кожей,—онъ въ это время вышелъ, имѣя на себѣ такую одежду, какую обыкновенно носилъ прежде, и босыми ногами ходилъ по льду легче, чѣмъ другіе обутыми. Солдаты смот-
рѣли на него, какъ на человѣка, презирающаго ихъ. C.

Что это такъ, то ужъ такъ, а что̀ онъ—

Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ предпринялъ и исполнилъ [2] —

тамъ, на походѣ,—стоитъ послушать. Вошедши мыслію въ се-

---

[1] Потидея находилась во Ѳракіи, на берегу Эгейскаго моря. Объ этомъ походѣ, въ которомъ принимали участіе Сократъ и Алкивіадъ, упоминается у Платона нерѣдко. См. Apolog. Socr. p. 28 E. Charmid. p. 153 A. C.

[2] Это стихъ изъ Омировой Одиссеи IV, 242.

бя съ утра, онъ сталъ и задумался; а такъ какъ ему не удавалось,—успѣха не было, то онъ не переставалъ размышлять и настойчиво изслѣдывалъ. Вотъ уже и полдень, и многіе, замѣтивъ его отсутствіе, разсказывали другъ другу, что Сократъ съ ранняго утра стоялъ и о чемъ-то думалъ. Наконецъ
D. нѣкоторые изъ Іонянъ, ввечеру, послѣ ужина, такъ какъ тогда было лѣто, вынесши свои постели изъ домовъ, чтобы спать на открытомъ воздухѣ, стали вмѣстѣ съ тѣмъ караулить, будетъ ли Сократъ стоять и ночью. Оказалось, что онъ стоялъ до разсвѣта, до солнечнаго восхода, а потомъ, помолившись солнцу, пошелъ и скрылся изъ глазъ. Не угодно ли также знать, каковъ онъ въ сраженіяхъ? — Тутъ-то уже особенно надобно отдать ему справедливость; потому что, когда происходила битва, за которую военачальники дали мнѣ награду, никто другой изъ людей, кромѣ его, не спасъ меня: онъ не
E. хотѣлъ оставить меня раненаго, но сохранилъ и мое оружіе, и меня самого. Я тогда же, Сократъ, просилъ военачальниковъ, чтобы они наградили тебя; и за это ты, конечно, не будешь порицать меня, равно какъ не скажешь, что я лгу. А когда военачальники, имѣя въ виду мои заслуги, хотѣли наградить меня,—съ твоей стороны было больше усердія, чѣмъ со стороны начальниковъ, чтобы получилъ ее скорѣе я, не-
221. жели ты. Стоило, друзья, посмотрѣть на Сократа и въ то время, когда войско бѣжало отъ Деліи [1]. Мнѣ случилось тогда быть коннымъ, а ему пѣшимъ. По разсѣяніи воиновъ, началъ отступать и онъ вмѣстѣ съ Лахесомъ. Вотъ я встрѣчаю ихъ, вижу и тотчасъ возбуждаю къ благодушію, говоря, что не оставлю ихъ. Здѣсь мои наблюденія надъ Сократомъ были еще лучше, чѣмъ при Потидеѣ; потому что самъ я, сидя на конѣ, чувствовалъ меньше страха, стало-быть, могъ видѣть, на-

---

[1] Сраженіе при Деліи, городѣ Беотіи, происходило въ 1 году 84 олимп. См. *Thucyd.* IV, 96 sqq. *Атеней* утверждаетъ, будто Сократъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи (L. V, p. 329 sqq.). Но его основательно опровергаютъ *Perizon.* ad Aelian. V, II, III, 17. *Luzac.* Orat. de Socrate cive, p. 75. См. *Plat.* Lachet. p. 181 B.

сколько имѣлъ онъ больше присутствія духа, чѣмъ Лахесъ; B.
потомъ мнѣ показалось, что онъ и здѣсь, какъ тамъ, говоря твоими словами [1], Аристофанъ, шелъ величаво, съ презрительнымъ взглядомъ, спокойно смотря на друзей и враговъ; такъ что для каждаго и на весьма далекомъ разстояніи ясно было, что если тронуть этого человѣка,—онъ будетъ сильно защищаться. Потому-то безопасно прошли и тотъ и другой; ибо мужей, такъ настроенныхъ во время войны, почти не тро- C.
гаютъ, — преслѣдуютъ только тѣхъ, которые бѣгутъ безъ оглядки. Можно бы похвалить въ Сократѣ и иное многое, что столь же удивительно; но тѣ иныя его дѣла, можетъ быть, нашлись бы и въ комъ другомъ; а по этимъ нѣтъ подобнаго ему между людьми—ни изъ древнихъ, ни изъ современныхъ,—эти достойны всякаго удивленія. Вѣдь каковъ былъ Ахиллесъ, такимъ могутъ изображать и Бразида и иныхъ [2]; и опять — каковъ Периклъ, такими описываются и Несторъ и Антеноръ,— D.
а есть и другіе, которыхъ изображаютъ подобными чертами. Но каковъ этотъ человѣкъ по странной своей природѣ, и каковы его рѣчи,—такого, хоть ищи, не найдешь и приблизительно похожаго ни между нынѣшними, ни между древними, развѣ уподобишь его тѣмъ, кому я говорю,—уподобишь и самого, и рѣчи его не изъ людей кому-нибудь, а силенамъ и сатирамъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ своего разсказа я пропустилъ, что и рѣчи его очень походятъ на открытыхъ силеновъ. Вѣдь кто E.
захотѣлъ бы слушать разсужденія Сократа, тому они сперва показались бы очень смѣшными: внѣшнею одеждою ихъ служатъ такія слова и выраженія, что походятъ на кожу насмѣшника сатира; потому что онъ толкуетъ о большихъ ос-

---

[1] Здѣсь Алкивіадъ указываетъ на слова Аристофана Nubb. V, 361: *ὅτι βρενθύει τ'ἐν ταῖσιν ὁδοῖς καὶ τὠφθαλμὼ παραβάλλει. Βρενθύεθαι—μεγαλοφρονεῖ, ὑπερηφανεύεται, ἐπαίρεται.* Tim. Glos p. 64. Слово произведено отъ *βρένθος*—цапля, имѣющая длинныя ноги. Отсюда *βρενθύεσθαι*—гордиться, величаво выступать. Тоже и выраженіе *τὠφθαλμὼ παραβάλλειν* значитъ смотрѣть вкось съ презрѣніемъ.

[2] Бразидъ былъ мужественный лакедемонскій вождь въ пелопонезской войнѣ. Онъ палъ въ сраженіи подъ Амфиполисомъ въ 3 году 89 олимп. См. *Thucyd.* W. 70. V. 6.

лахъ, о какихъ-то мѣдникахъ, да о сапожникахъ, да о кожевникахъ, и повидимому, всегда говоритъ то же чрезъ то же, такъ что надъ его рѣчами всякій человѣкъ неопытный и несмысленный сталъ бы смѣяться. Но кто заглянетъ въ эти рѣ-
222. чи открытыя [1] и проникнетъ внутрь ихъ, тотъ сперва найдетъ ихъ изъ рѣчей отлично умными, потомъ божественными, заключающими въ себѣ множество изображеній добродѣтели, и простирающимися на многое, особенно же на все то, что долженъ созерцать человѣкъ, желающій быть добрымъ и честнымъ.

Вотъ, друзья, то, что̀ я хвалю въ Сократѣ; примѣшаны въ моей рѣчи вамъ и нанесенныя мнѣ оскорбленія, за которыя я порицаю его. Впрочемъ онъ наносилъ ихъ не мнѣ од-
B. ному, но и Хармиду, сыну Главкона, и Эвтидему [2], сыну Діоклея, и весьма многимъ инымъ, которыхъ обманывая, будто любовникъ, вмѣсто любовника, становился скорѣе самъ любезнымъ. Говорю это и тебѣ, Агатонъ: не обманывайся имъ, но зная, что̀ мы терпѣли, будь остороженъ, чтобы ты, по пословицѣ [3], не оказался уменъ заднимъ умомъ, какъ ребенокъ.

Когда сказалъ это Алкивіадъ, откровенность его, что онъ
D. какъ будто и теперь еще любитъ Сократа, возбудила смѣхъ. А Сократъ проговорилъ: Ты, Алкивіадъ, мнѣ кажется, трезвъ; потому что иначе, прикрываясь такимъ хитрымъ оборотомъ, не рѣшился бы утаивать цѣль, для которой все это произнесъ, и которую въ концѣ самъ же указываешь, говоря, буд-

---

[1] Этимъ словомъ выдерживается сходство Сократовой рѣчи съ фигурою силена, которая снаружи смѣшна, а внутри заключаетъ драгоцѣнныя сокровища.

[2] О Хармидѣ, сынѣ Главкона, см. *Plat.* Charm. p. 157 sqq. *Xenoph.* Memor. III, 7. Sympos. III, 9. IV, 29. Онъ происходилъ изъ благороднаго дома Критіевъ и отличался прекрасными свойствами души. Подъ Эвтидемомъ, сыномъ Діоклея, разумѣется тотъ самый Эвтидемъ, который въ Запискахъ Ксенофонта (IV. 2. 40). вводится въ бесѣду съ Сократомъ, а не тотъ, именемъ котораго названъ одинъ изъ разговоровъ Платона.

[3] Эта пословица взята у Омира Iliad. XVII. v. 52. и XX v. 198. *πρίν τι κακὸν παθέειν, ῥέχθὲν δέ τε νήπιος ἔγνω.* *Hesiod.* Εργ. v. 216. *παθὼν δέ τε νήπιος ἔγνω.* *Erasm.* Adagg. p. 29.

то мимоходомъ, что словами своими ты имѣлъ въ виду поссорить меня съ Агатономъ — въ той мысли, что я долженъ любить тебя, и никого другаго, а Агатонъ долженъ быть любимъ тобою, и никѣмъ другимъ. Но ты не утаился: эта сатировская и силеновская твоя драма [1] сдѣлалась явною. Пусть, любезный Агатонъ, она не будетъ имѣть успѣха; распорядись такъ, чтобы никто не поссорилъ меня съ тобою. — А Агатонъ на это сказалъ: ты, должно быть, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ говоришь правду; — заключаю изъ того, что и воз- E.
легъ онъ въ срединѣ между мною и тобою, желая раздѣлить насъ. Но это ему не удается; пойду къ тебѣ и возлягу. — Конечно, сказалъ Сократъ; возляжь здѣсь, ниже меня. — О Зевсъ! воскликнулъ Алкивіадъ, что̀ я опять терплю отъ этого человѣка! Онъ рѣшается вездѣ опереживать меня. Но если ужъ не иначе, почтеннѣйшій, то позволь Агатону возлечь хоть между нами. — Да невозможно, сказалъ Сократъ: вѣдь ты хвалилъ меня; такъ теперь я долженъ хвалить его, какъ возлежащаго у меня справа. — Если же Агатонъ будетъ возлежать за тобою, то ему придется хвалить опять меня, прежде чѣмъ онъ будетъ хвалимъ мною. Оставь же, добрякъ, и 223.
не завидуй моимъ похваламъ, направляемымъ къ юношѣ; потому что мнѣ очень хочется хвалить его. — Увы, Алкивіадъ! воскликнулъ Агатонъ, никакъ не могу здѣсь остаться, но тотчасъ же перемѣщусь, чтобы выслушать похвалу отъ Сократа. — Да, ужъ обыкновенно такъ, примолвилъ Алкивіадъ. Въ присутствіи Сократа, привлечь къ себѣ красавцевъ другому нельзя. Вотъ и теперь нашелъ же онъ причину, да еще какую уважительную, — помѣстить за собою этого.

Тутъ Агатонъ всталъ, чтобы помѣститься за Сократомъ; B.
но вдругъ у дверей явилась огромная толпа гулякъ, и, такъ

---

[1] Сатировскою и силеновскою драмою здѣсь указывается на сравненіе Сократа съ силеномъ и сатиромъ; какъ будто бы, то-есть, Алкивіадъ такимъ сравненіемъ разыгрывалъ съ Сократомъ такое представленіе, какія въ тѣ времена нерѣдко даваемы были на театральной сценѣ подъ именемъ сатировскихъ и силеновскихъ. *Ruhnken*. ad Tim. p. 236.

какъ двери, послѣ чьего-то выхода, оставались незатворенными, ввалилась прямо къ нимъ и возлегла. Тогда поднялся большой шумъ, брошенъ всякій порядокъ и всѣ принуждены были пить много вина. Поэтому Эриксимахъ, Федръ и дру-
C. гіе нѣкоторые, говоритъ Аристодемъ, пошли домой, а самъ онъ заснулъ и спалъ очень долго; потому что ночь была длинная. Проснулся онъ уже по наступленіи дня, при пѣніи пѣтуховъ, и проснувшись, увидѣлъ, что одни спали, другіе ушли; бодрствовали только Агатонъ, Аристофанъ и Сократъ, и пили изъ большаго фіала по порядку справа. При этомъ Сократъ разговаривалъ съ ними; но тѣхъ рѣчей, говорилъ Аристодемъ, я не припомню, потому что отъ дремоты начала ихъ не слы-
D. шалъ. Главное, Сократъ заставлялъ ихъ согласиться, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ умѣть написать комедію и трагедію, и что, по искуству трагикъ, есть комикъ. Принуждаемые къ согласію, они наконецъ отъ дремоты не могли достаточно за нимъ слѣдовать, — и сперва заснулъ Аристофанъ, а потомъ, по наступленіи уже дня, и Агатонъ. Сократъ же, усыпивъ ихъ, всталъ и ушелъ; послѣдовалъ за нимъ, по обычаю, и я. Мы отправились въ Ликей, гдѣ онъ умылся и, проведши день по всегдашнему, ввечеру возвратился домой и успокоился.

ЛИЗИСЪ.

ЛИЗИСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

«Лизисъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ діалоговъ Платона, которые особенностію своей формы указываютъ на раннее свое происхожденіе. Эта форма состоитъ въ томъ, что Сократъ не самымъ дѣломъ вступаетъ съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ, а только пересказываетъ одному или нѣсколькимъ лицамъ о происходившей прежде когда-то бесѣдѣ его съ извѣстными лицами. Очень могло быть, что она казалась Платону легчайшимъ способомъ къ живому изображенію драмматическихъ и мимическихъ сторонъ предмета. Пользуясь ею, молодой философъ съ гибкимъ умомъ и вмѣстѣ съ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ могъ вводимымъ въ разговоръ собесѣдникамъ давать различныя положенія, оттѣнять ихъ характеры самыми тонкими чертами и, какбы на сценѣ, помогать раскрытію дѣла мѣткимъ изображеніемъ дѣятелей.

Членораздѣльность въ разговорѣ «Лизисъ» гораздо богаче, чѣмъ въ прочихъ раннихъ сочиненіяхъ Платона. Сценою его служитъ вновь построенная палестра. Въ общемъ введеніи (p. 203—206 C) Иппоталъ является предметомъ сатиры Ктизиппа, который слишкомъ откровенно смѣется надъ нимъ по поводу его стихотвореній и непрестанныхъ разсказовъ о любезномъ его Лизисѣ. Такихъ Иппоталовыхъ отношеній не одобряетъ и Сократъ, говоря, что это можетъ сдѣлать любимца только надменнымъ и высокомѣрнымъ, и что этимъ обнару-

живается лишь стремленіе къ эгоистической цѣли — пользоваться его привязанностію.

За общимъ вступительнымъ разговоромъ, который происходилъ внѣ палестры, у Платона слѣдуетъ другой — частный (р. 206 С—207 D), ведущій собесѣдниковъ въ самую палестру, для бесѣды съ Лизисомъ, которая должна представить Иппоталу образецъ того, какъ истинная любовь старается, на оборотъ, внѣдрить въ любимца нравственно добрыя качества, приводя его особенно къ сознанію своей недостаточности и своего незнанія, и чрезъ то, вмѣсто надменности, поселить въ немъ скромность (р. 207 Е—210 Е).

Все содержаніе этого разговора представляется въ четырехъ отдѣлахъ, въ которыхъ дѣти — Лизисъ и Менексенъ бесѣдуютъ съ Сократомъ поперемѣнно. Вездѣ, гдѣ дѣло касается діалектическаго развитія какихъ-нибудь понятій, — вводится въ разговоръ спорчивый, смѣлый и остроумный Менексенъ, о которомъ Сократъ, конечно не безъ ироніи, отзывается, какъ о такомъ молодомъ человѣкѣ, который уже ознакомленъ съ тонкостями діалектики. Ἀλλ᾽ ὅρα, говоритъ онъ, ὅπως ἐπικουρήσεις μοί, ἐάν με ἐλέγχειν ἐπιχειρῇ ὁ Μενέξενος· ἢ οὐκ οἶσθα, ὅτι ἐριστικός ἐστιν; (р. 211 В). Или опять: δεινὸς γὰρ ὁ ἄνθρωπος, Κτησίππου μαθητής. Когда же, напротивъ, нужно найти либо элементарное основаніе разсматриваемаго предмета, либо конкретное содержаніе его, — въ разговорѣ участвуетъ дѣтски робкій, но глубоко воспріимчивый и чувствительный Лизисъ; потому что основаніе истины, чаще всего недоступное для формальной дѣятельности разсудка, постигается только восторгаемымъ идеею сердцемъ, а конкретное содержаніе вещи не находитъ для себя иного органа, кромѣ чувства.

Въ первой, начальной бесѣдѣ съ Лизисомъ (р. 207 Е—210 Е), Сократъ, имѣя въ виду пропедевтическую цѣль, связываетъ съ нею основное положеніе собственной своей темы и показываетъ, что только знаніемъ и способностію пріобрѣтается любовь другихъ. Дружба при этомъ разсматривается еще совершенно сократически — со стороны ея полезности;

ибо нельзя сомнѣваться, что Сократъ училъ уважать дружбу за ея пользу. Это видно изъ словъ Ксенофонта (Mem. II, 4, 5), который, излагая Сократово ученіе относительно сего предмета, достоинство дружбы поставляетъ особенно въ томъ, что друзья помогаютъ себѣ взаимно словомъ и дѣломъ, и чрезъ то легче избѣгаютъ опасностей и пріобрѣтаютъ пользу. Но съ болѣе строгою діалектикою обсуживается тотъ же предметъ въ бесѣдѣ съ Менексеномъ (p. 211 A—213 D), и необходимою его формою представляется взаимность, которой, судя по указанному выше мѣсту Ксенофонта, тоже требовалъ Сократъ, чтобы взаимная услуга друзей была вѣрною порукою за обоюдныя ихъ выгоды. Эта форма потомъ въ третій разъ (тутъ собесѣдникъ—снова Лизисъ) получаетъ содержаніе, чрезъ принятіе двухъ взаимно противорѣчущихъ философскихъ положеній — о влеченіи другъ къ другу предметовъ однородныхъ (Эмпедоклъ) и объ отчужденіи другъ отъ друга вещей противуположныхъ (Гераклитъ). Что касается перваго положенія, то оно въ иѳическомъ отношеніи примѣнимо только къ добрымъ, и основываясь на немъ, дружескія отношенія можно допустить единственно между добрыми. Съ этимъ согласно мнѣніе Сократа и у Ксенофонта Mem. II, 6, гдѣ онъ учитъ, что люди злые друзьями не могутъ быть ни себѣ, ни добрымъ. Такого же мнѣнія держался и Платонъ, сколько можно заключать объ этомъ изъ прекраснаго мѣста въ Платоновомъ Федрѣ —p. 251 A sqq., а особенно p. 252 C D E, также въ Государствѣ—VIII, p. 837 A B C и Горг. p. 510 B sqq., гдѣ объясняется извѣстное правило, впослѣдствіи перешедшее къ стоикамъ: *τὴν φιλίαν ἐν μόνοις τοῖς σπουδαίοις εἶναι διὰ τὴν ὁμοιότητα.* Имѣло справедливую сторону и второе положеніе, противорѣчившее первому и заставлявшее производить дружбу изъ расположеній неподобныхъ. Оно могло казаться тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что исторія эллинской мудрости сохранила преданіе о происхожденіи всемірной гармоніи изъ враждебнаго взаимоотношенія стихій. Но оба эти положенія, по ихъ несовмѣстимости, не могли быть совершенно оправданы: послѣднее — по-

тому, что дружба, какъ сказано, возможна только между добрыми; а первое — потому, что оно односторонне, добро же, какъ односторонность, въ высшемъ, абсолютномъ смыслѣ, представляется чѣмъ-то такимъ, что ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Поэтому, добрые другъ другу не полезны; а если не полезны, то и не друзья. Впрочемъ далѣе (p. 215 D—218 C) недостаточное это положеніе подвергается новому анализу и добро принимается по крайней мѣрѣ въ значеніи добра относительнаго, какбы оно было ни добро ни зло, и потому влечется любовію къ добру по чувству собственнаго несовершенства, или по присущію къ нему зла. Въ послѣднемъ же отдѣлѣ (p. 218 C — 223 A) постановляется различіе между добромъ абсолютнымъ, какъ высочайшимъ предметомъ любви (πρῶτον φίλον), и благами относительными, которыя для перваго служатъ средствами, и при этомъ косвенно указывается на допущенное прежде смѣшеніе относительныхъ благъ человѣка съ благомъ первымъ. Тутъ же открывается и противорѣчіе въ сдѣланныхъ изысканіяхъ: прежде, то-есть, чувство недостаточности, которое одно побуждаетъ воздыхать о добрѣ, названо было зломъ; тогда какъ основывающееся на сознаніи недостаточности желаніе скорѣе надобно почитать и не добромъ и не зломъ, а побужденіемъ восполнять естественныя жизненныя отправленія души; зло же, напротивъ, есть разрушеніе ихъ. Притомъ любовь стремится къ свойственному, на что сдѣланъ былъ намекъ еще прежде, и что̀ непосредственно вытекаетъ изъ предъидущаго; такъ какъ свойственное есть благо, котораго недостаетъ человѣку, и которое поэтому любитъ онъ въ другомъ, будто свое. Изъ направленія къ свойсвенному объясняется взаимность, а изъ взаимности, относительно добра, выводится стремленіе къ подобному и неподобному; ибо этими свойствами указывается нетолько послѣдняя цѣль — высочайшее благо, но и ближайшій предметъ — самоусовершеніе посредствомъ дружбы, или приближеніе къ идеалу высочайшаго блага, чрезъ восполненіе своего существа. Усовершать насъ можетъ только абсолютное добро, ко-

тораго неподобіе должно состоять единственно въ томъ, что въ насъ отражаются различныя его стороны, а само оно должно быть существенно равнымъ себѣ. Поэтому въ другѣ мы любимъ сторону абсолютнаго блага, которой у насъ нѣтъ; ибо только природы неоднокачественныя могутъ сообщить что-либо одна другой.

Итакъ, въ постепенномъ развитіи разговора «Лизисъ» мы ясно усматриваемъ, какимъ образомъ юный умъ Платона, начиная отъ эмпирическихъ основаній своего учителя, нечувствительно восходилъ въ область идеальнаго созерцанія и устанавливалъ для своего философствованія новую, возвышеннѣйшую точку зрѣнія. Сократъ, какъ лицо, которому исторія приписываетъ опредѣленное философское ученіе, разсматривалъ дружбу, сказали мы, только со стороны эмпирической пользы, и доказывалъ ея возможность единственно между добрыми. Но какъ польза и добро у Сократа тожественны, то Платонъ, стремившійся къ систематическому построенію мнѣній своего учителя, требовалъ, чтобы другъ въ своемъ другѣ любилъ добро, и даже простерся еще далѣе,—признавалъ тожественными равно добродѣтель и знаніе, и заключалъ, что стремиться къ добродѣтели значитъ философствовать. Но если Сократъ свои отношенія къ ученикамъ означалъ именемъ дружбы и даже любви (Mem. 1, 2. 7 sq. 6, 14. 11, 6, 28. IV, 1, 2), тогда какъ другіе цѣнили въ нихъ лошадей, собакъ или птицъ (Mem. I, 6, 14); то его можно по-истинѣ почитать любителемъ друзей (φιλαίτερος — p. 211 E), и Платонъ имѣлъ право заключить, что нѣтъ другой дружбы, кромѣ философской, и что подъ дружбою не надобно разумѣть ничего, кромѣ сократическаго общенія въ философіи. Сократовское же философствованіе, соединявшее добродѣтель и знаніе въ любви, было только стремленіемъ къ тому, чего не имѣлось; слѣдовательно, стремленіе это надлежало приписывать не добрымъ, а скорѣе тѣмъ, которые стоятъ въ срединѣ между зломъ и добромъ; такъ что друзья должны были представляться Платону только взаимно ограничивающимися органами стремленія

къ высочайшему добру. А этимъ заявилъ онъ отличіе блага абсолютнаго, какъ цѣли философскихъ стремленій, отъ благъ относительныхъ, характеризующихся просто полезностію, и своимъ созерцаніемъ сталъ выше эмпирическаго взгляда Сократова. Выраженія *πρῶτον φίλον, ὡς ἀληθῶς φίλον*, ради котораго мы все другое называемъ *φίλα*, относятся уже къ языку послѣдующаго идеализма (сравн. Symp. p. 210 E), и частныя блага становятся теперь какбы *εἴδωλα* того перваго (p. 219 C. D).

Съ другой стороны, это высочайшее благо здѣсь—еще чистая форма, безъ всякихъ конкретныхъ ограниченій содержанія. Это видно изъ того уже, что Сократъ представляетъ зло, какъ абсолютное противорѣчіе или отрицаніе блага (p. 214 D; сравн. 217 C D); а стремящееся къ добру желаніе кажется ему обнаруженіемъ естественныхъ жизненныхъ отправленій не менѣе тѣла, какъ и духа. Все это были, очевидно, только зародыши мыслей, которыхъ дальнѣйшія слѣдствія теперь пока еще указаны быть не могутъ. Впрочемъ сократическое понятіе блага, даже и въ предѣлахъ разговора, недалеко было отъ реальности; потому что Сократъ различаетъ здѣсь существенныя и случайныя ограниченія, которыми опредѣляется благо (p. 217 C D), хотя въ то же время словомъ *παρουσία* напоминаетъ объ ученіи идеальномъ. Обѣ эти стихіи позднѣйшаго идеализма — формально-логическая и реальная, понятіе и образъ—идутъ въ «Лизисѣ», такъ сказать, еще раздѣльно, одна подлѣ другой.

Къ содержанію разговора «Лизисъ» ближайшимъ образомъ примѣнены количество и качества бесѣдующихъ лицъ; такъ что въ этомъ отношеніи здѣсь нѣтъ ничего ни лишняго, ни произвольнаго. Между лицами, введенными въ разговоръ, Иппоталъ есть образецъ любви не-истинной и не-нравственной: онъ въ любимомъ предметѣ любитъ только себя самого, а о взаимномъ воспитаніи на началахъ нравственности, или о самовоспитаніи другъ чрезъ друга и мысли не имѣетъ. Лизисъ и Менексенъ—образцы личностей неоднокачественныхъ, и потому

взаимно привлекающихся подъ формою дружбы. А Ктизиппъ и Менексенъ представляются природами сродными. Только одинъ Сократъ является истиною всестороннею, и потому дружбою сознательною, отчетливо созерцающею ея предметъ, средства и цѣль. Не даромъ онъ приписываетъ себѣ единственное умѣнье — узнавать, кто истинно любитъ и истинно любимъ (p. 204 C).

Что касается методы, то въ «Лизисѣ», сознаніе направляется больше отъ отрицанія къ положительности: здѣсь принимается во вниманіе собственно философское отношеніе дружбы; дѣло идетъ о томъ, чтобы двухъ неиспорченныхъ, съ отличными способностями юношей расположить къ философіи. Поэтому эленктика въ «Лизисѣ» является только приготовленіемъ и вспомогательнымъ средствомъ къ потрептикѣ. Разумѣется, что Сократу не было никакого труда, въ первой части разговора, увѣрить неиспорченнаго Лизиса въ скудости его познаній, и только съ спорчивымъ Менексеномъ воспользовался онъ собственно діалектическими пріемами — частію для того, чтобы предостеречь его отъ заблужденій, которымъ, по живости естественныхъ своихъ способностей и по ходу своего образованія, могъ онъ подвергаться, а частію для того, чтобы въ этой даровитой природѣ развить элементъ положительно философскій, предложивъ ему разрѣшить задачу, къ распутанію которой онъ приступилъ съ однимъ остроумнымъ различеніемъ, подобно тому, какъ во второмъ отдѣлѣ поступилъ съ смѣшеніемъ различныхъ значеній слова φίλος, а въ четвертомъ съ словами ἕνεκα и διά. Но вмѣстѣ съ этимъ въ «Лизисѣ» сократическое незнаніе почти вовсе незамѣтно: теперь Сократъ приписываетъ себѣ, по крайней мѣрѣ, знаніе о томъ, кто любитъ и любимъ, то-есть не отказывается отъ взгляда на природу философскаго стремленія. Это вяжется и съ установленнымъ здѣсь глубокимъ изслѣдованіемъ любви и дружбы, которое историческому Сократу непосредственно не можетъ быть усвоено. Тутъ скользитъ легкій намекъ на то, что истинный философъ бываетъ обратно любимъ мудростію (p.

212 D). Неудовлетворенная жажда знанія здѣсь уступила мѣсто болѣе спокойному и удовлетворительному способу познанія истины. Можетъ еще казаться, что требованіе взаимности въ дружбѣ, или взаимное возбужденіе къ философствованію несовмѣстимо съ односторонне-вопросительною методою, которую Платонъ заставляетъ Сократа постоянно выдерживать: но тутъ все клонится къ тому, чтобы обоимъ, еще незнакомымъ съ наукою юношамъ сообщить первое побужденіе къ самомышленію. Весь этотъ разговоръ имѣетъ характеръ только пропедевтическій: онъ въ ту же минуту прервался бы, какъ скоро Сократъ захотѣлъ бы продолжить его съ кѣмъ-нибудь изъ людей зрѣлаго возраста.

Не смотря на опредѣленность содержанія, которое разсматривается въ «Лизисѣ», и методическую отчетливость, съ какою развивается содержаніе этого разговора, критики неодинаково понимаютъ цѣль его. По нашему мнѣнію, менѣе всѣхъ справедливъ въ этомъ отношеніи Штальбомъ, при указаніи его цѣли, имѣющій въ виду одну методу и полагающій, что Платонъ написалъ разсматриваемый діалогъ съ намѣреніемъ посмѣяться надъ софистическимъ направленіемъ воспитанія, какое въ новой палестрѣ даваемо было молодымъ людямъ подъ руководствомъ софиста Микка. Это мнѣніе не можетъ держаться и потому уже, что Миккъ въ самомъ началѣ бесѣды почитается *Σωκράτους ἑταῖρος καὶ ἐπαινέτης*, и что самъ Сократъ, безъ всякой ироніи, называетъ его *οὐ φαῦλον ἄνδρα, ἀλλ᾽ ἱκανὸν σοφιστήν*. Кромѣ того, мы замѣтили, что во всемъ ходѣ «Лизиса» господствуетъ болѣе спокойное и серьезное изслѣдованіе предмета, чѣмъ какое открывается въ другихъ, собственно обличительныхъ разговорахъ Платона; такъ что здѣсь почти нисколько не проглядываетъ сократическая иронія. Гораздо удовлетворительнѣе опредѣляется цѣль «Лизиса» у Шлейермахера: онъ говоритъ, что задачею этого сочиненія Платонъ имѣлъ — представить любовь, какъ побужденіе къ философствованію, хотя она является теперь еще совершенно закрытою объективнымъ отношеніемъ дружбы. Боко-

вою же цѣлію почитаетъ онъ — дать руководство къ нравственно-эротическому образованію любимца. Но Шлейермахеръ упустилъ изъ виду мысль Платона о высочайшемъ благѣ, и методическое развитіе разговора поставилъ внѣ отношенія къ его содержанію. Поэтому намъ болѣе нравится взглядъ Штейнгарта, который говоритъ, что «Лизисъ» долженъ былъ представить физическое основаніе и нравственную сущность дружбы, — первое въ формѣ любви, а послѣднюю — подъ образомъ восполняющаго себя обоюднаго стремленія сродныхъ и вмѣстѣ различныхъ природъ къ высочайшему благу. Но и это опредѣленіе цѣли невполнѣ соотвѣтствуетъ духу и направленію діалога. Физическое основаніе любви — элементъ въ немъ вовсе незамѣтный. Мы видѣли, что любовь у Сократа имѣла значеніе чисто философское, и очень можно думать, что изъ этого сократическаго понятія о любви Платонъ впослѣдствіи развилъ идею Эроса, какъ божества, соединяющаго небо съ землею. Притомъ Штейнгартъ не обратилъ вниманія на намѣреніе Сократа возбудить въ юношахъ расположеніе къ философіи; а это, при опредѣленіи цѣли діалога, долженствовало представляться прежде всего. Итакъ, поставляя философію какбы центральнымъ понятіемъ въ разговорѣ, а любовь — какбы проводникомъ, соединяющимъ блага относительныя съ благомъ абсолютнымъ, мы можемъ безошибочно утверждать, что Платонъ своимъ «Лизисомъ» предполагалъ дружбу молодыхъ людей вывесть на поприще философской любви и чрезъ то направить ее къ благу абсолютному.

Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что изложеніе «Лизиса» необыкновенно просто и безъискуственно, а изъ этого, по крайней мѣрѣ не безъ вѣроятности, можно заключить, что «Лизисъ» написанъ Платономъ въ лѣтахъ еще молодыхъ, именно въ томъ періодѣ его жизни, когда онъ слушалъ Сократа и не развилъ еще своей идеи до той полноты, съ какою впослѣдствіи выразилась она въ Пирѣ, Федрѣ, Государствѣ и другихъ его сочиненіяхъ. Мы не имѣемъ никакой причины подвергать сомнѣнію свидѣтельство Діогена Лаерція (III, 35), который

говоритъ, что Сократъ, выслушавъ «Лизиса», прочитаннаго ему самимъ Платономъ, сказалъ: Ἡράκλεις, ὡς πολλά μου καταψεύδεται ὁ νεανίσκος! А извѣстно, что Платонъ слушалъ Сократа до самой смерти послѣдняго. Поэтому мнѣніе Шлейермахера, будто «Лизисъ» вышелъ въ свѣтъ послѣ Федра, нисколько неправдоподобно: Федръ есть произведеніе, очевидно, ума зрѣлаго, обнимавшаго своимъ взглядомъ всю область созерцанія и полагавшаго уже начала для познанія отношеній между міромъ—ноуменовъ и феноменовъ; напротивъ, въ «Лизисѣ» берется вопросъ самъ по себѣ частный и только возводится къ значенію общему; здѣсь не видно еще даже и намека на теорію Платоновыхъ идей, а только замѣтно юношеское усиліе привести въ связь конечное съ безконечнымъ, и отъ эмпирическихъ началъ своего учителя подняться къ основанію абсолютному.

Шлейермахеръ изъ многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Аристотеля (Ethic. Nicom. VIII, c. 1, 2, 10=p. 50 A D, p. 63 B; Magn. Moral. II, c. 11=p. 111 E, p. 112 C; Eudem. VII, 2, 2=p. 162 B C, p. 165 B, ed. Casaub. 1529) заключаетъ, что Аристотель не могъ не читать Платонова «Лизиса». Но Астъ, соглашаясь, что въ означенныхъ мѣстахъ указывается дѣйствительно на ученіе Платона, полагаетъ, что Аристотель слышалъ это ученіе, какъ преподавалъ его Платонъ устно, подлинность же «Лизиса» совершенно отвергаетъ. Причины, по которымъ не хочетъ онъ приписать этого разговора Платону, такъ ничтожны, что объ нихъ не стоитъ и говорить.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ, ИППОТАЛЪ, КТИЗИППЪ, МЕНЕКСЕНЪ, ЛИЗИСЪ.

Шелъ я изъ Академіи прямо къ Ликею, по дорогѣ за стѣ- 203.
ною и подлѣ самой стѣны. Находясь близъ калитки, что у
ручья Панопсова [1], я встрѣтилъ Иппотала, сына Іеронимо-
ва, Ктизиппа Пэанійца и многихъ другихъ, стоявшихъ съ
ними юношей. Когда я былъ недалеко отъ нихъ, Иппоталъ,
увидѣвъ меня, закричалъ: откуда идешь, Сократъ, и куда?—
Изъ Академіи, отвѣчалъ я, иду прямо къ Ликею.—Иди-ка сю-
да, прямо къ намъ, сказалъ онъ. Не идешь? а вѣдь стоитъ.— В.
Куда же, говоришь ты? спросилъ я, и къ кому къ вамъ?—Сю-
да, сказалъ онъ, указавъ мнѣ на какой-то противъ стѣны за-
боръ и на отворенную калитку. Тамъ проводимъ время и мы
сами, и многіе другіе прекрасные юноши.—Такъ что жъ это
такое [2]? что за препровожденіе времени?—Палестра, сказалъ 204.

---

[1] Идучи изъ Академіи въ Ликей, за городскою стѣною, Сократъ долженъ былъ идти вдоль мимо южной стѣны города, по направленію къ восточной его части, до воротъ ахарнейскихъ, недалеко отъ которыхъ и вблизи Ликея протекалъ ручей Панопсовъ. Подъ именемъ Академіи здѣсь нельзя разумѣть основанной Платономъ школы и думать, будто Лизисъ написанъ Платономъ уже въ то время, когда эта школа была открыта. Академіею называлось аѳинское пригородное мѣсто,—паркъ или садъ, гдѣ Аѳиняне иногда прогуливались. Это урочище Платонъ пріобрѣлъ гораздо позднѣе, по возвращеніи изъ Сициліи, и сталъ тамъ преподавать свою философію (см. Сочин. Платона Т. I, стр. 8). Мѣстомъ загородной прогулки и тѣлесныхъ упражненій былъ также Ликей, котораго сады орошалъ ручей Панопсовъ (*Srab.* IX, 397, ed. Almel.) и въ который вела между прочимъ упоминаемая здѣсь калитка.

[2] Объ Иппоталѣ, сынѣ Іеронимовомъ, изъ другихъ источниковъ ничего неизвѣстно; но Ктизиппъ, двоюродный братъ Менексена, вводится разгова-

онъ; недавно выстроена. А время проводимъ въ рѣчахъ, кото-
рыми съ удовольствіемъ подѣлились бы мы и съ тобою.—Да
и хорошо сдѣлаете, примолвилъ я; кто же тамъ учитъ?—Твой
другъ и хвалитель Миккъ, сказалъ онъ.—Клянусь Зевсомъ!
воскликнулъ я, не плохой человѣкъ, но удовлетворительный
софистъ.—Такъ хочешь ли слѣдовать за нами, спросилъ онъ,
B. чтобы видѣть находящихся тамъ?—Я желалъ бы слышать
сперва главное [1], (для чего и вхожу), кто тамъ красавецъ.—
Всякому изъ насъ, Сократъ, кажется такимъ иной, сказалъ
онъ.—А тебѣ-то кто, Иппоталъ?—это скажи мнѣ. При моемъ
вопросѣ онъ покраснѣлъ; а я продолжалъ: Сынъ Іеронима,
Иппоталъ! хотя бы ты и не говорилъ,—любишь кого или
нѣтъ, я вѣдь знаю, что ты нетолько любишь, но и далеко уже
зашелъ въ своей любви. Въ другихъ отношеніяхъ я, конечно,
C. плохъ и безполезенъ, но то дано мнѣ какбы отъ Бога, что
тотчасъ могу узнать, кто любитъ и кто любимъ. Услышавъ
это, онъ еще болѣе покраснѣлъ.—Забавно однакожъ, замѣ-
тилъ при этомъ Ктизиппъ, что ты краснѣешь, Иппоталъ, а
сказать Сократу имя медлишь. Между тѣмъ, если онъ прове-
детъ съ тобою хоть немного времени, ты убьешь его, то и дѣ-
ло повторяя это слово. Иппоталъ уже оглушилъ и забилъ на-
D. ши уши Лизисомъ, Сократъ: а если еще подопьетъ, то намъ и
проснувшись легко будетъ думать, будто слышимъ имя Лизи-
са. Притомъ ужасно, конечно, бываетъ хотя, и не очень, когда

ривающимъ и въ Эвтидемѣ (273 A), гдѣ изображается онъ юношею хотя даровитымъ, однакожъ слишкомъ дерзкимъ, неумѣющимъ обуздывать своего языка. Какъ родственникъ Менексена, любимаго ученика Сократова, Ктизиппъ вмѣстѣ съ Менексеномъ былъ свидѣтелемъ смерти Сократа (Phaedon. p. 59 A). Менексенъ между товарищами особенно друженъ былъ съ Лизисомъ, сыномъ Димократа и внукомъ Лизиса старшаго. Домъ Лизисовъ былъ богатѣйшимъ въ Аѳинахъ, а Лизисъ младшій—самымъ прекраснымъ и умнымъ мальчикомъ между своими сверстниками.

[1] *Слышать сперва главное*—αὐτοῦ πρῶτον—ἀκοῦσαιμι. Въ этомъ значеніи αὐτὸ употребляется во многихъ мѣстахъ сочиненій Платона. Напр. Charm. p. 166 B: 'Επ' αὐτό ἥκεις ἐρευνῶν—постарайся изслѣдовать главное. De Rep. II, p. 362 D. αὐτὸ οὐκ εἴρηται, ὃ μάλιστα ἔδει ῥηθῆναι — *не сказано главнаго, о чемъ сказать надлежало.*

ведетъ онъ живую рѣчь, а что̀ какъ вздумаетъ еще заливать
насъ стихотвореніями и сочиненіями? Но всего ужаснѣе, если
свою любовь начинаетъ онъ воспѣвать дивнымъ голосомъ, ко-
торый должны мы слушать терпѣливо. А теперь, при твоемъ во-
просѣ, краснѣетъ.—Этотъ Лизисъ, видно,—дитя, примолвилъ
я: заключаю изъ того, что слышимаго мною имени я не зналъ. E.
—Да, имя Лизиса какъ-то еще не очень произносятъ, сказалъ
онъ; его называютъ пока по отцу, который весьма извѣстенъ.
Посему, я хорошо знаю, что это лицо никакъ не можетъ быть
тебѣ незнакомо; уже по одному этому ты долженъ его знать.
—Да скажи мнѣ, спросилъ я, чей онъ сынъ.—Старшій сынъ
Димократа эксонскаго [1], отвѣчалъ онъ.—Хорошо, Иппоталъ,
сказалъ я; ты нашелъ любовь благородную и во всѣхъ отно-
шеніяхъ превосходную. Ну, покажи же ее и мнѣ, какъ показы-
ваешь этимъ, чтобы я зналъ, разумѣешь ли ты, что̀ долженъ 205.
говорить любящій о любимомъ самому любимцу и другимъ.
—Но развѣ изъ того, что этотъ толкуетъ, какое-нибудь сло-
во имѣетъ вѣсъ? сказалъ онъ.—Неужели же ты отрекаешься
отъ той любви, о которой этотъ говоритъ? спросилъ я.—Нѣтъ,
отвѣчалъ онъ; но я не пишу ни стиховъ, ни прозы [2] о люб-
ви.—Онъ нездоровъ, примолвилъ Ктизиппъ,—онъ въ изступ-
леніи, въ помѣшательствѣ.—Мнѣ нужно слышать, Иппоталъ,
не что-нибудь метрическое и не пѣснь, сказалъ я, если ты
писалъ это на твоего юношу, а мысли, чтобы знать твои къ B.
нему отношенія.—Вѣроятно, онъ скажетъ тебѣ, отвѣчалъ Ип-
поталъ; ибо твердо знаетъ и помнитъ, когда этимъ я, какъ
говоритъ, прожужжалъ ему уши.—И очень, клянусь богами,
примолвилъ Ктизиппъ. Да вѣдь и смѣшно, Сократъ: любя мо-
лодаго своего человѣка и обращая на него вниманіе преиму-
щественно предъ другими, не мочь сказать ничего отъ себя, че-

---

[1] Αἰξώνη было мѣстечко въ трибѣ Кекропсовой, о которой см. Svid., *Steph. Byz.* *Zonar.* etc.

[2] *Не пишу ни стиховъ, ни прозы*—μὴ ποιεῖν μηδὲ συγγράφειν. Ποιεῖν, стоящее отрѣшенно, значитъ писать стихи, и тогда этому глаголу противуполагается συγγράφειν, то-есть писать прозою. Phaedr. p. 235 B.

го не говорилъ бы тотъ молодой человѣкъ,—какъ это не смѣш-
C. но! Вѣдь что̀ поетъ цѣлый городъ и о Димократѣ и о дѣдѣ мо-
лодаго человѣка Лизиса, и о всѣхъ его предкахъ, какъ они,
будучи богаты, воспитывали лошадей и одерживали побѣды на
пиѳійскихъ, истмійскихъ и немейскихъ играхъ, ѣздя и чет-
вернею и на скакунахъ; то самое, да еще глупѣе, стихотвор-
ствуетъ и говоритъ [1] этотъ. Вотъ недавно разсказалъ онъ намъ
въ стихахъ о пріемѣ Иракла, какъ предокъ ихъ, родившійся
D. самъ отъ Зевса и дочери родоначальника демы, по родству съ
Иракломъ, принималъ его у себя гостемъ,—и многое подобное
этому, о чемъ поютъ старухи [2], Сократъ. О такихъ-то вещахъ
разсказы и пѣсни принуждаетъ онъ слушать и насъ. — Вы-
слушавъ это, я сказалъ: какъ ты смѣшонъ, Иппоталъ! еще
не одержавши побѣды, уже пишешь и поешь въ похвалу себѣ
стихи. — Но и не себѣ, Сократъ, и не пишу, и не пою, ска-
залъ онъ. — И не думаешь? примолвилъ я. — А это что зна-
E. читъ? спросилъ онъ. — Тѣ оды всего болѣе касаются тебя,
сказалъ я. Вѣдь еслибы ты поймалъ такой предметъ любви,
то разсказываемое и воспѣваемое дѣйствительно послужило
бы въ честь и похвалу тебѣ, какъ побѣдителю, овладѣвшему
такимъ любимцемъ. Если же, напротивъ, онъ убѣжитъ отъ те-
бя, то чѣмъ больше наговорилъ ты похвальнаго о немъ, тѣмъ
больше, кажется, лишишься прекраснаго и добраго самъ, и бу-
206. дешь тѣмъ смѣшнѣе. Итакъ, другъ мой, кто въ любви мудръ,
тотъ не хвалитъ любимца, прежде чѣмъ не поймаетъ его, бо-
ясь, не думаетъ ли онъ какъ-нибудь уйти. Притомъ, красав-
цы, когда кто хвалитъ и величаетъ ихъ, становятся само-
мнительны и высокомѣрны. Или не думаешь? — Думаю, ска-
залъ онъ. — А чѣмъ они высокомѣрнѣе, тѣмъ труднѣе бы-
ваетъ ловить ихъ. —Ужъ вѣроятно. —Каковъ же, по твоему

[1] *Стихотворствуетъ и говоритъ*—ποιεῖ καὶ λέγει. Явно, что первымъ глаголомъ здѣсь указывается на сочиненія стихотворныя, а послѣднимъ на глаголъ συγγράφειν, или на прозу.

[2] *Поютъ старухи*—αἱ γραῖαι ᾄδουσι. Разумѣется безъ сомнѣнія пословица γραῶν ὕθλος—бабьи сказки. См. Gorg. p. 527 A. Theaet. p. 176 B.

мнѣнію, былъ бы ловецъ, еслибы онъ поднялъ звѣря и чрезъ
то ловлю сдѣлалъ самою безуспѣшною?—Явно, что плохой. B.
—Такъ рѣчами и одами не обворожать, а ожесточать, есть
важная неловкость. Не правда ли?—Мнѣ кажется.—Смотри
же, Иппоталъ, какъ бы чрезъ поэзію не подвергнуться тебѣ
всему этому. Вѣдь ты, думаю, не захочешь согласиться, что
человѣкъ, вредящій себѣ поэзіею, есть хорошій поэтъ, по-
колику онъ вредитъ себѣ.—Конечно нѣтъ, клянусь Зевсомъ,
сказалъ онъ; это было бы великое неблагоразуміе. Но для
того-то я и сношусь съ тобою, Сократъ, чтобы ты, если имѣ-
ешь что-нибудь иное, посовѣтовалъ мнѣ, какую рѣчь вести, C.
или что дѣлать, чтобы сдѣлаться пріятнымъ любимцу. — Это
нелегко сказать, замѣтилъ я. Впрочемъ, еслибы ты захо-
тѣлъ заставить его войти въ разговоръ со мною, то, можетъ
быть, я и въ состояніи былъ бы показать тебѣ, о чемъ должно
говорить съ нимъ, вмѣсто того, чтò, по свидѣтельству этихъ,
ты говоришь и поешь.—Да тутъ нѣтъ ничего труднаго, ска-
залъ онъ: если ты войдешь съ этимъ Ктизиппомъ, сядешь и
будешь разговаривать; то я думаю, Сократъ, что онъ самъ по-
дойдетъ къ тебѣ, потому что любитъ слушать больше, чѣмъ D.
другіе. Притомъ, такъ какъ теперь празднуютъ Эрмеи, и юно-
ши смѣшаны съ дѣтями въ одну толпу; то онъ подойдетъ къ
тебѣ непремѣнно: когда же нѣтъ, — вотъ Ктизиппъ, съ кото-
рымъ онъ знакомъ чрезъ двоюроднаго его брата Менексена; а
ужъ съ Менексеномъ-то онъ въ дружбѣ больше всѣхъ. Итакъ,
Ктизиппъ пусть позоветъ его, если не подойдетъ онъ самъ.—
Надобно сдѣлать это, сказалъ я,—и, взявъ съ собою Ктизип-
па, пошелъ въ палестру; прочіе же всѣ слѣдовали за нами. E.

Вошедши туда, мы нашли тамъ, что дѣти, принесши жерт-
ву и, относительно священнодѣйствія, почти все уже окон-
чивши, играли въ кости и всѣ были украшены [1]. Многіе бѣга-

---

[1] Были украшены, *κεκοσμημένοι*. Въ чемъ могло состоять это украшеніе и по какому случаю? Изъ словъ Казавбона (ad Theophr. p. 212, ed. Fisch.) видно, что у Аѳинянъ, какъ и у Римлянъ, при жертвоприношеніи всѣ имѣли на себѣ платье бѣлаго цвѣта, или вообще *λαμπρὰ ἀναδύματα*, но къ этому, вѣроятно,

ли внѣ дома по двору, а нѣкоторые въ углу раздѣвальницы иг-
рали въ четъ и нечетъ [1], имѣя въ рукахъ множество играль-
ныхъ костей, которыя предварительно брали изъ какихъ-то
корзинокъ. Ихъ окружали другіе, какъ зрители, и между ни-
ми находился также Лизисъ. Онъ стоялъ среди дѣтей и юно-
207. шей, былъ въ вѣнкѣ и, отличаясь лицомъ, стоилъ имени юно
ши нетолько прекраснаго, но прекраснаго и добраго. Ото-
шедши въ противуположную сторону (раздѣвальницы), мы
сѣли — ибо тамъ было потише — и кое-о-чемъ разговаривали
между собою. Лизисъ то и дѣло оборачивался и смотрѣлъ на
насъ, и явно было, что ему хотѣлось подойти къ намъ. Но онъ
недоумѣвалъ и медлилъ приблизиться одинъ — до тѣхъ поръ,
пока не пришелъ со двора Менексенъ, участвовавшій тамъ
B. въ играхъ. Увидѣвъ меня и Ктизиппа, Менексенъ подошелъ
и сѣлъ подлѣ насъ. Тогда и Лизисъ послѣдовалъ ему и сѣлъ
съ нимъ рядомъ. Пришли тутъ и другіе. Да и Иппоталъ, ког-
да увидѣлъ вокругъ насъ большую толпу, прячась за нее, по-
дошелъ и думалъ, какъ бы не замѣтилъ его Лизисъ, потому
что боялся возбудить въ немъ досаду, и, стоя такимъ обра-
зомъ, слушалъ.

Взглянувъ на Менексена, я спросилъ его: сынъ Димофон-
C. товъ! который изъ васъ старше? — Не знаемъ навѣрное, отвѣ-
чалъ онъ. — А который благороднѣе, — сказалъ бы? спросилъ я
опять. — Конечно, отвѣчалъ онъ. — И даже, равнымъ образомъ,
который прекраснѣе? — Тутъ оба засмѣялись. — Но я не спро-
шу, кто изъ васъ богаче, продолжалъ я; потому что вы друзья.
Не правда ли? — Конечно, сказали они. — А у друзей, по посло-
вицѣ, все общее [2]; такъ что этимъ-то вы не будете различать-
ся, если разумѣете дружбу истинную. — Подтвердили. —

надобно присоединить еще увѣнчиваніе, или украшеніе головы лентами, либо цвѣтами. *Spanhem*. ad Callim. p. 546. *Plat*. de Rep. init.

[1] Объ игрѣ въ четъ и нечетъ, τὸ ἀρτιάζειν, или, какъ говорили Римляне, ludere par impar, см. *Sveton*. August. c. 71. *Horat*. serm. II, sat. 3, v. 248. *Pollux*. lib. IX, cap. ult.

[2] *У друзей все общее* — κοινὰ τὰ φίλων. Пиѳагорейская пословица. См. de Rep. p. 424 A. Menag. ad Diog. L. VIII, 10.

После этого хотелъ я спросить, который изъ нихъ спра- D.
ведливее и мудрее. Но тутъ кто-то подошелъ и поднялъ Менексена, говоря, что его зоветъ педотривъ; потому что Менексену, кажется, пришлось быть наблюдателемъ жертвъ [1]. Итакъ, онъ ушелъ, а я спросилъ Лизиса: тебя, Лизисъ, должно быть, очень любятъ отецъ и мать? сказалъ я. — Конечно, отвечалъ онъ. — Поэтому они хотели бы, чтобы ты былъ самымъ счастливымъ человекомъ.—Какъ не хотеть?—А кажет- E.
ся ли тебе счастливымъ человекъ рабствующій и неимеющій позволенія делать, что желаетъ? — Не кажется, клянусь Зевсомъ, отвечалъ онъ.—Итакъ, если отецъ и мать любятъ тебя и желаютъ, чтобы ты былъ счастливъ; то всячески явно, что они стремятся доставить тебе наслажденіе счастіемъ.—Какъ не стремиться? сказалъ онъ.—Следовательно, позволяютъ тебе делать, что хочешь, и не выговариваютъ, не препятствуютъ делать, что желаешь?—Да, клянусь Зевсомъ; мне-то, Сократъ, они во многомъ-таки препятствуютъ. — Что ты говоришь? спросилъ я: желая, чтобы ты блаженствовалъ, препят- 208.
ствуютъ делать, что хочешь? Да скажи мне вотъ что: еслибы ты пожелалъ ехать на одной изъ военныхъ колесницъ твоего отца и взять въ руки вожжи, когда онъ сражается, неужели онъ не позволилъ бы тебе, а воспретилъ?—Клянусь Зевсомъ, никакъ не позволилъ бы! — Кому же позволилъ бы?—У отца есть возничій, получающій жалованье.—Что ты говоришь? наемщику больше позволяютъ они делать, что хочется, въ отношеніи къ лошадямъ, чемъ тебе, да еще за это самое платятъ деньги?—Такъ что же? сказалъ онъ.—Ну а пару муловъ, думаю, доверяютъ твоему управленію, и хотя бы ты, взявши B.
плеть, сталъ ихъ бить, позволили бы?—Куда позволить! отвечалъ онъ.—Что же? сказалъ я; разве никому не позволяется бить ихъ?—И очень позволяется, отвечалъ онъ,—погоньщику муловъ.—Рабу, или свободному?—Рабу, сказалъ онъ.—И раба, видно, больше ценятъ они, чемъ тебя—сына, и больше соб-

[1] Наблюдатель жертвъ, ἱεροποιός, по Ульпіану (ad Midian. p. 367), былъ ὁ ἐπισκοπῶν τὰ θύματα, μὴ ἀδόκιμα καὶ πηρά.

ственности ввѣряютъ ему, чѣмъ тебѣ,—тому позволяютъ дѣ-
C. лать, что хочетъ, а тебѣ препятствуютъ. Скажи мнѣ еще это:
тебѣ самому позволяютъ начальствовать надъ собою, или и
этого не довѣряютъ?—Какъ ты говоришь, не довѣряютъ? спро-
силъ онъ. — Да начальствуетъ ли кто-нибудь надъ тобою?—
Дядька, сказалъ онъ. — Ужели рабъ? — А почему же? вѣдь
нашъ, сказалъ онъ.—Какъ это ужасно! свободному быть подъ
начальствомъ раба! примолвилъ я. Что же тамъ дѣлаетъ этотъ
дядька, когда начальствуетъ надъ тобою?—Ну да водитъ меня
къ учителю, сказалъ онъ. — Ужъ не начальствуютъ ли надъ
D. тобою и эти учители-то [1]?—Ну да, всячески —Слѣдовательно,
отецъ, по своей волѣ, поставилъ надъ тобою очень много гос-
подъ и начальниковъ. Но можетъ быть, когда приходишь ты
домой, къ матери,—она, чтобы ты былъ у ней счастливъ, поз-
воляетъ тебѣ дѣлать все, что хочешь, съ шерстью и съ осно-
вою, если тогда ткетъ? Вѣдь ужъ конечно, не препятствуетъ
она трогать и бедро, и челнокъ, и другія орудія, относящіяся къ
пряденію шерсти.—При этомъ онъ засмѣялся и сказалъ: кля-
нусь Зевсомъ, Сократъ, —нетолько что препятствуетъ, но и
E. прибила бы, еслибы дотронулся. — Иракль! воскликнулъ я,
ужъ не оскорбилъ ли ты чѣмъ-нибудь отца или матери?—Кля-
нусь Зевсомъ, нѣтъ, сказалъ онъ.—Но за что же они такъ силь-
но препятствуютъ тебѣ быть счастливымъ и дѣлать, что хо-
чешь, и цѣлый день воспитываютъ тебя такъ, чтобы ты кому-
нибудь рабствовалъ, — однимъ словомъ: чтобы ты, хоть не-

[1] *Ужъ не начальствуютъ ли и эти учители-то*—μῶν μὴ καὶ οὗτοι ἄρχουσιν οἱ διδάσκαλοι; хотя это выраженіе и не представляетъ различныхъ чтеній, но, кажется, лучше было бы читать: οἱ διδάσκαλοι γέ. Притомъ, такъ какъ частица μῶν сложена изъ μή и οὖν, то съ перваго взгляда можетъ представляться страннымъ, что послѣ μῶν стоитъ опять μή. Но простое μή означаетъ рѣчь вопросительную, выражающую желаніе или нежеланіе, а потому спрашиваетъ какбы съ опасеніемъ. Такъ Protag. p. 310 B: μή τι νεώτερον ἀγγέλλεις; Между тѣмъ, когда послѣ μη слѣдуетъ οὖν, то обѣ эти частицы, сливаясь въ одну, становятся частицею почти вовсе неотрицающею и невопрошающею. Поэтому, еслибы требовалось усилить вопросъ и отрицаніе, то μῶν допускаетъ особое μή, какъ, напримѣръ, ниже: μῶν μή τι ἠδίκηκας τὸν πατέρα; — *ужъ не оскорбилъ ли ты чѣмъ-нибудь отца?* Нисколько также неудивительно, если послѣ μῶν иногда повторяется οὖν.

множко пожелай чего-нибудь, никакъ не дѣлалъ? Поэтому тебѣ, 209.
какъ видно, нѣтъ пользы ни въ деньгахъ,—хотя сколько ихъ! и надъ ними больше начальствуютъ всѣ, чѣмъ ты, — ни въ столь благородномъ тѣлѣ, когда и его также пасетъ и холитъ другой: а ты, Лизисъ, не начальствуешь ни надъ чѣмъ и не дѣлаешь ничего, чего желаешь. — Должно быть, потому, что я еще не въ такомъ возрастѣ, Сократъ, сказалъ онъ.—А что, если не это, сынъ Димократа, препятствуетъ тебѣ? Вѣдь есть, думаю, много вещей, которыя и отецъ и мать повѣряютъ тебѣ, не ожидая, пока придешь въ возрастъ. Когда, напримѣръ,
угодно имъ, чтобы что-нибудь было прочитано или написа- B.
но,—думаю, тебя перваго въ домѣ назначаютъ къ тому. Не правда ли?—Конечно, сказалъ онъ.—И въ этомъ случаѣ ты, вѣроятно, можешь, какое хочешь письмо писать—во-первыхъ, и какое хочешь—во-вторыхъ; такимъ же образомъ и читать. А когда, думаю, берешь лиру,—ни отецъ, ни мать не препятствуютъ тебѣ натянуть или ослабить какую хочешь струну, и либо сотрясать ее пальцами, либо ударять плектромъ. Или препятствуютъ?—Нѣтъ.—Такъ какая же могла бы быть при-
чина, Лизисъ, что въ этомъ они не препятствуютъ, а въ томъ, C.
о чемъ сейчасъ сказано, препятствуютъ?—Думаю, та, отвѣчалъ онъ, что это я знаю, а того нѣтъ. — Хорошо, почтеннѣйшій, сказалъ я; слѣдовательно, не возраста твоего дожидается отецъ, чтобы ввѣрить тебѣ все, но въ который день найдетъ, что ты разумѣешь вещи лучше, чѣмъ онъ, въ тотъ ввѣритъ тебѣ и себя и свое.—Думаю, сказалъ онъ.—Пускай, продолжалъ я. Что же? у сосѣда не то же ли понятіе о тебѣ,
какое у отца? Думаешь ли, что управленіе своимъ домомъ D.
онъ ввѣритъ тебѣ, когда найдетъ, что ты лучше его разумѣешь домоводство, или будетъ распоряжаться самъ?—Думаю, ввѣритъ мнѣ.—Что жъ? Аѳиняне не ввѣрятъ тебѣ, думаешь, своего, когда замѣтятъ, что ты удовлетворительно уменъ? —Согласился.—А что, ради Зевса, великій царь, спросилъ я,
старшему ли сыну, который управляетъ Азіею, скорѣе довѣ- E.
рилъ бы, когда варится мясо, положить въ похлебку, что ему

хочется, или намъ, еслибы мы, отправившись къ нему, доказали, что умѣемъ лучше, чѣмъ его сынъ, приготовлять съѣстное?—Явно, что намъ, сказалъ онъ.—И тому-то не позволилъ бы нисколько класть приправы; а намъ, хотя бы мы захотѣли положить цѣлую горсть соли, позволилъ бы.—Какъ не позволить?—А что, еслибы его сынъ страдалъ глазами, позволилъ ли бы онъ этому сыну прикасаться къ своимъ глазамъ,
210. не почитая его врачемъ, или запретилъ бы?—Запретилъ бы.—Напротивъ, намъ-то, еслибы онъ признавалъ насъ врачами, хотя бы мы захотѣли, открывши глаза больнаго, насыпать въ нихъ пыли, думаю, не запретилъ бы, полагая, что мы правильно разумѣемъ дѣло.—Правду говоришь.—Стало-быть, онъ больше, чѣмъ себѣ и своему сыну, довѣрилъ бы намъ и все другое, въ отношеніи къ чему мы показались бы ему мудрѣе ихъ.—Необходимо, Сократъ, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, бываетъ такъ, любезный Лизисъ, примолвилъ я: въ
B. чемъ мы оказываемся разумными, въ томъ всѣ намъ довѣряютъ—Эллины и варвары, мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи мы будемъ дѣлать, что ни захотѣли бы, и никто добровольно не станетъ намъ препятствовать; въ этомъ отношеніи сами мы будемъ свободны, управляя другими,—и это будетъ наше, потому что изъ этого мы станемъ получать пользу: напротивъ, въ чемъ не пріобрѣли мы разумѣнія, въ отношеніи къ тому никто не довѣритъ намъ дѣлать, что покажется, а еще всѣ будутъ препятствовать, сколько могутъ,—
C. нетолько чужіе, но и отецъ и мать, и если есть что ближе ихъ; въ отношеніи къ тому мы сами будемъ слушаться другихъ, и то у насъ будетъ чужое, потому что изъ того мы ничѣмъ не воспользуемся. Согласенъ ли ты, что такъ бываетъ?—Согласенъ.—Итакъ, будемъ ли мы кому-нибудь друзьями, и будетъ ли кто-нибудь любить насъ въ отношеніи къ тому, въ чемъ мы были бы ему безполезны?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Стало-быть, теперь ни отецъ не любитъ тебя, ни кто другой не любитъ никого другаго, поколику онъ безполезенъ.—Повидимому, нѣтъ, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, еслибы ты

былъ мудрецомъ, дитя, то всѣ были бы твоими друзьями, всѣ— твоими домашними; ибо тогда ты былъ бы полезенъ и добръ: D. а когда нѣтъ,—не будетъ тебѣ другомъ ни иной кто-либо, ни отецъ, ни мать, ни домашніе. Итакъ, можно ли, Лизисъ, высокоумничать въ томъ, чего еще не разумѣешь?—Да какъ же можно? сказалъ онъ.—Но если ты имѣешь нужду въ учителѣ, то еще не уменъ.—Правда.—Слѣдовательно, ты не заносчивъ, если еще не уменъ. — Кажется, нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ онъ.—

Услышавъ это, я взглянулъ на Иппотала и едва не сдѣлалъ E. ошибки. Мнѣ приходило на мысль сказать, что такъ-то, Иппоталъ, надобно разговаривать съ любимцами—усмирять ихъ и успокоивать, а не такъ, какъ ты,—надмевать и изнѣживать. Но видя, что онъ отъ нашего разговора въ пыткѣ и возмущеніи, я вспомнилъ, что, стоя тутъ, ему хотѣлось укрыться отъ Лизиса, а потому одумался и продолжалъ рѣчь.

Въ это время возвратился Менексенъ и сѣлъ возлѣ Ли- 211. зиса (на то мѣсто), откуда всталъ. Тогда Лизисъ очень дѣтски и мило, но скрытно отъ Менексена, проговорилъ мнѣ въ полголоса и сказалъ: Сократъ! скажи то же и Менексену, что говорилъ ты мнѣ. — А я отвѣчалъ: это разскажешь ему ты, Лизисъ, потому что слушалъ внимательно.—Безъ сомнѣнія, примолвилъ онъ.—Впрочемъ постараюсь, сказалъ я, припоминать о томъ, сколько можно чаще, чтобы ты могъ яснѣе B. передать ему весь нашъ разговоръ. Если же что забудешь, опять, при первой встрѣчѣ со мною, спроси меня.—Такъ и сдѣлаю, Сократъ, сказалъ онъ; непремѣнно сдѣлаю, будь увѣренъ. Но скажи ему что-нибудь иное, чтобы и мнѣ послушать, пока придетъ время идти домой.—Да, надобно это сдѣлать, когда и ты приказываешь, сказалъ я. Но смотри, чтобы помогать мнѣ, если Менексенъ захочетъ обличать меня. Развѣ ты не знаешь, что онъ спорщикъ?—Да, клянусь Зевсомъ, и большой, сказалъ онъ. Для того-то я и хочу, чтобы ты съ C. нимъ поговорилъ.—Чтобы мнѣ быть осмѣяннымъ? сказалъ я.—О нѣтъ, клянусь Зевсомъ; но чтобы наказать его.—Ку-

да! нелегко, сказалъ я; онъ человѣкъ сильный, ученикъ Ктизиппа. А вѣдь онъ и самъ тутъ — Ктизиппъ-то, не видишь? — Не заботься ни о комъ, Сократъ, только говори съ нимъ. —Надобно говорить, сказалъ я.

Тогда какъ мы сообщали это одинъ другому, Ктизиппъ сказалъ: зачѣмъ вы пируете одни, а намъ не передаете сво-
D. ихъ рѣчей?—Да, конечно, надобно передать, отвѣчалъ я; потому что изъ моихъ словъ этотъ кое-чего не понимаетъ и, полагая, что непонимаемое знаетъ Менексенъ, приказываетъ спросить его. — Что же не спрашиваешь? сказалъ онъ.—Да, спрошу, отвѣчалъ я. Скажи мнѣ, Менексенъ, о чемъ я спрошу тебя. Съ самаго дѣтства у меня бываетъ желаніе получить что-нибудь, какъ у другаго—получить другое: вѣдь одинъ желаетъ пріобрѣсть лошадей, другой — собакъ, тотъ — золото,
E. этотъ—почести; но я къ этому равнодушенъ, за то къ пріобрѣтенію друзей весьма склоненъ и болѣе желалъ бы имѣть у себя добраго друга, чѣмъ наилучшаго въ свѣтѣ [1] перепела или пѣтуха, и — клянусь Зевсомъ — болѣе желалъ бы имѣть это, чѣмъ коня и собаку. Думаю даже, клянусь собакою, что я гораздо скорѣе избралъ бы пріобрѣтеніе друга, чѣмъ Даріева золота, или и самого Дарія. Такъ я друголюбивъ! Поэтому, смотря
212. на васъ—на тебя и Лизиса, изумляюсь и почитаю васъ счастливыми, что вы въ столь ранней молодости могли скоро и легко пріобрѣсть это стяжаніе, что ты такого друга скоро и сильно полюбилъ въ этомъ, а этотъ—въ тебѣ. Напротивъ, я столь далекъ отъ подобнаго стяжанія, что даже не знаю, какимъ образомъ одинъ становится другомъ другаго, и объ этомъ самомъ хочу спросить тебя, какъ опытнаго. Скажи же мнѣ,— когда кто кого любитъ,—который изъ нихъ котораго бываетъ
B. другомъ, любящій ли—другомъ любимаго, или любимый— любящаго? Или это все равно?—Мнѣ кажется, все равно, сказалъ онъ.—Что ты говоришь? спросилъ я: стало-быть, оба они

---

[1] *Наилучшаго въ свѣтѣ*—ἄριστον ἐν ἀνθρώποις. Примѣры употребленія слова ἐν ἀνθρώποις въ такомъ значеніи собраны Гейндорфомъ. О страсти Аѳинянъ содержать перепеловъ для боя и игръ см. *Meurs.* in Themid. Attic. II, 25.

—друзья другъ друга, когда только одинъ любитъ другаго?— Мнѣ кажется, отвѣчалъ онъ.—Какъ же? любящему развѣ нельзя быть любимымъ отъ того, кого онъ любитъ?—Можно. Что же? можно ли и ненавидѣть любящаго,—какъ иногда терпятъ это, повидимому, любящіе отъ своихъ любимцевъ? ибо любя ихъ, сколько могутъ болѣе, иные изъ нихъ думаютъ, что имъ не отвѣчаютъ любовью, а иногда и ненавидятъ ихъ. C.
Какъ тебѣ кажется? не правда ли это?—Да и совершенная правда, сказалъ онъ.—Итакъ, въ этомъ случаѣ одинъ любитъ, а другой бываетъ любимъ, примолвилъ я.—Да.—Который же изъ нихъ котораго другъ? Любящій ли—другъ любимаго,— хоть отвѣчаетъ ему послѣдній любовью, хоть ненавидитъ его, —или любимый—другъ любящаго? Или, въ томъ случаѣ, когда не оба они любятъ другъ друга, никоторый не есть другъ никотораго?—Да, кажется, такъ.—Стало-быть, теперь намъ кажется иначе, чѣмъ казалось прежде; ибо тогда,—если одинъ D.
любилъ,—оба были друзьями, а теперь,—если не оба любятъ, —никоторый не другъ.—Должно быть, сказалъ онъ.—Итакъ, ничто не дружественно любящему, что не отвѣчаетъ ему любовью.—Выходитъ, что нѣтъ.—Стало-быть, нѣтъ ни любителей лошадей, когда не отвѣчаютъ имъ любовью лошади, ни любителей перепеловъ, ни любителей собакъ, ни любителей вина, ни любителей палестры, ни любителей мудрости, если не отвѣчаетъ имъ любовью мудрость. Или, хотя каждый изъ E.
нихъ и любитъ это, однакожъ они—не друзья, и поэтъ обманывается, когда говоритъ:

Счастливъ, кому дѣти друзья, и твердокопытные кони,
И гончіе псы, и гость иностранецъ [1]?—

Я полагаю, что не обманывается, сказалъ онъ.—Такъ слова его кажутся тебѣ справедливыми?—Да.—Значитъ, любимое, Менексенъ, любящему, должно быть дружественно,—лю-

---

[1] Изъ того, что писалъ *Ruhnken.* ad Callimach. Fragm., p. 421, ed. Ern., видно, что авторомъ этихъ стиховъ былъ Солонъ.

бить ли оно, или ненавидитъ, подобно тому, какъ новорож-
313. денное дитя, иногда еще нелюбящее, а иногда и ненавидящее, если матерью либо отцомъ бываетъ наказываемо, не смотря на его ненависть въ то время, всего болѣе, однакожъ, бываетъ дорого родителямъ. — Мнѣ кажется, это такъ, сказалъ онъ. — Стало-быть, другъ — не тотъ, кто любитъ, а тотъ, кто любимъ? — Выходитъ. — Стало-быть, и врагъ — не тотъ, кто ненавидитъ, а тотъ, кто ненавидимъ? — Явно. — Стало-быть, многіе врагами бываютъ любимы, а друзьями ненави-
B. димы, и врагамъ бываютъ друзья, а друзьямъ враги, если другъ есть любимое, а не любящее; хотя великая несообразность, или лучше, думаю, дѣло невозможное — врагомъ быть другу, а другомъ — врагу, любезный другъ. Повидимому, ты говоришь правду, Сократъ, сказалъ онъ. — Если же это невозможно, то любящій будетъ другомъ любимаго. — Явно — Стало-быть, ненавидящее опять будетъ врагомъ ненавидимаго. — Необходимо. — Но такъ-то намъ придется по необ-
C. ходимости согласиться на то же самое, на что согласились прежде, что другъ часто бываетъ другомъ не-друга, либо даже врага, когда кто или не любитъ любящаго, или любитъ и ненавидящаго, и что врагъ часто также бываетъ врагомъ не-врага, либо даже друга, когда кто или не любитъ ненавидящаго, или ненавидитъ любящаго. — Должно быть, сказалъ онъ. — Такъ что же мы положимъ, спросилъ я, если друзьями не будутъ ни любящіе, ни любимые, ни тѣ ни другіе? Неужели, и кромѣ этихъ, признаемъ друзьями еще иныхъ какихъ-нибудь? — Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ, сказалъ
D. онъ; тутъ я не слишкомъ находчивъ. — Да не въ томъ ли дѣло [1], Менексенъ, спросилъ я, что мы вовсе неправильно искали? — Мнѣ кажется, Сократъ, сказалъ Лизисъ и, сказавши, покраснѣлъ. — Мнѣ показалось, что это слово вырвалось

[1] *Да не въ томъ ли дѣло* — ἆρα μή. Въ подобномъ соединеніи μή употребляется отрѣшенно и теряетъ значеніе отрицательное; а потому въ сужденіяхъ дѣйствительно отрицательныхъ послѣ него ставится οὐ. Напр., Menon. p. 89 C: ἀλλὰ μὴ τοῦτο οὐ καλῶς ὡμολογήσαμεν.

у него невзначай—вслѣдствіе того, что онъ былъ очень внимателенъ къ разговору, слѣдовательно и слушалъ его со вниманіемъ.

Итакъ, съ одной стороны, желая дать отдыхъ Менексену, а съ другой, радуясь любознательности Лизиса, я обратилъ свою рѣчь къ послѣднему и сказалъ: Ты, мнѣ кажется, прав- E.
ду говоришь, Лизисъ, что еслибы-мы правильно изслѣдовали, то, вѣроятно, такъ не заблуждались бы. Не пойдемъ же больше этимъ путемъ,—потому что наше изслѣдованіе походитъ на путь очень трудный: — мы, кажется, должны идти тѣмъ, на которомъ можно извернуться, изслѣдывая предметъ съ точки зрѣнія поэтовъ; ибо они намъ — какбы отцы мудро- 214.
сти и вожди. Вѣдь поэты, вѣроятно, говорятъ нехудо, полагая, что друзья бываютъ не случайно, но что самъ Богъ дѣлаетъ ихъ друзьями, приводя ихъ одного къ другому; а говорятъ они, помнится, такъ, что Богъ

всегда подобнаго къ подобному ведетъ

и дѣлаетъ ихъ знакомыми [1]. Или ты не встрѣчалъ этихъ B.
стиховъ?—Встрѣчалъ, сказалъ онъ.—Не встрѣчался ли и съ сочиненіями мудрецовъ [2], которые говорятъ то же самое, что подобное съ подобнымъ всегда по необходимости дружно? А говорили и писали они это о природѣ и о всемъ.—Твоя правда, сказалъ онъ.—Такъ хорошо ли они учатъ? спросилъ я.—Можетъ быть, отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть, на половину, замѣтилъ я, а можетъ быть — и вполнѣ, мы не понимаемъ. Намъ кажется, что злой человѣкъ чѣмъ ближе подходитъ къ злому и больше обращается съ нимъ, тѣмъ дѣлается враж- C.
дебнѣе, ибо обижаетъ; а обижающій и обижаемый, вѣроятно, не могутъ быть друзьями. Не такъ ли?—Такъ, сказалъ онъ.—

---

[1] Эти стихи взяты изъ Одиссеи XVII, 218 и называются ἔπη, то-есть стихами героическими. См. Phaedr. p. 214 D.

[2] Платонъ могъ разумѣть здѣсь философовъ школы Анаксагоровой, а еще ближе—атомистовъ, или Димокрита съ его послѣдователями, которые говорили, что подобное обыкновенно приводится въ движеніе подобнымъ, и одно стремится къ другому по сродству. *Sympl.* Phys. 7.

Стало-быть, такимъ образомъ половина изреченія будетъ уже невѣрна, если злые другъ другу подобны.—Правду говоришь. —Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, мудрецы говорятъ о добрыхъ, что они-то подобны и друзья между собою; злые же, какъ и говорится о нихъ, никогда не бываютъ подобны самимъ себѣ,
D. будто отуманенные и неустойчивые. А что неподобно самому себѣ и отличается отъ себя, то-то едва ли ужъ можетъ [1] уподобляться другому, или быть его другомъ. Не такъ ли и тебѣ кажется?—Такъ, сказалъ онъ.—Значитъ, утверждающіе, что подобный подобному другъ, подразумѣваютъ, какъ я думаю, то, другъ мой, что одинъ добрый одному доброму другъ; злой никогда не соединяется истинною дружбою ни съ добрымъ, ни съ злымъ. Таково ли и твое мнѣніе? — Подтвердилъ.—Стало-быть, мы понимаемъ уже, что такое друзья:
E. изслѣдованіе намъ показало, что это будутъ люди добрые. — Конечно, сказалъ онъ; мнѣ кажется. — И мнѣ, примолвилъ я; хотя въ этомъ есть что-то досадное. Давай-ка, ради Зевса, посмотримъ, что я и тутъ подозрѣваю. Подобный подобному, поколику подобенъ, и потому другъ, долженъ ли быть также полезнымъ, какъ такой такому? или иначе: всякій подобный всякому подобному какую могъ бы принесть пользу, либо какой вредъ, чего не принесъ бы самъ себѣ? или
215. что заставилъ бы терпѣть, чего не терпѣлъ бы самъ по себѣ? Такіе-то какъ были бы любимы другъ другомъ, не имѣя попеченія другъ о другѣ? Могли ли бы какъ-нибудь? — Не могли бы. — А что̀ не было бы любимо, — какъ было бы другомъ? —Никакъ не было бы.—Ну такъ подобный подобному не другъ: другомъ былъ бы добрый доброму, поколику добръ, а не поколику подобенъ. — Можетъ быть. — Что же? добрый, поколику добрый, не будетъ ли достаточенъ для себя?—Да.—А достаточный-то, по достаточности, не нуждается ни въ чемъ.

---

[1] ***Едва ли ужъ можетъ уподобляться*** — *σχολῇ γέ που τῷ ἄλλῳ ὅμοιον γένοιτο.* Частицею *ποῦ* обыкновенно выражается сомнѣніе; но если она слѣдуетъ за частицею *γέ*, то сообщаетъ предложенію значеніе мнѣнія и бываетъ тожественна съ словомъ *ἴσως*. Hermann.

— Какъ же иначе? — Ненуждающійся же ни въ чемъ не будетъ ничего и любить. — Конечно нѣтъ. — Но кто не будетъ любить, тотъ не будетъ и дружиться. — Да, такъ. — А кто не будетъ дружиться-то, тотъ не будетъ другомъ. — Явно, что нѣтъ. — Какимъ же образомъ добрые, по принятому основанію [1], будутъ у насъ друзьями добрыхъ, когда и отсутствуя, они не стремятся другъ къ другу, — ибо и въ отдѣльности достаточны для самихъ себя, — и присутствуя, не нуждаются другъ въ другѣ? Да такимъ-то людямъ что за причина уважать одному другаго? — Никакой, сказалъ онъ. — А друзьями-то могутъ быть только тѣ, которые будутъ уважать одинъ другаго. — Правда. — Сообрази же теперь, Лизисъ, куда насъ бросило. Развѣ не въ цѣломъ чемъ-то мы обманываемся. — Какъ такъ? спросилъ онъ. — Нѣкогда я уже слышалъ отъ кого-то [2] и сейчасъ вспомнилъ, что подобное съ подобнымъ и добрые съ добрыми находятся въ сильной враждѣ, и этотъ кто-то ссылался даже на свидѣтельство Исіода, говоря, что «гончаръ порицаетъ гончара, пѣвецъ пѣвца, нищій нищаго», и таково, говоритъ, все прочее: вещамъ самымъ подобнымъ между собою крайне необходимо исполняться ненавистію, любопреніемъ и враждою, а самымъ неподобнымъ — дружбою; потому что бѣдному необходимо быть другомъ богатаго, слабому — другомъ сильнаго, ради попеченія, больному — другомъ врача, и вообще-таки — незнающему необходимо любить знающаго и дружиться съ нимъ. Даже онъ простираетъ свое положеніе еще далѣе, говоря, что подобное нетолько недружественно съ подобнымъ, но и совершенно противно ему; потому что самое противное съ самымъ противнымъ особенно дружно, и не подобнаго, а этого желаетъ каждая вещь, какъ, напримѣръ, сухое — влажнаго, холодное — теп-

B. C. D. E.

---

[1] *По принятому основанію* — *ἀρχήν*, то есть по положенному началу: *ὅμοιον τῷ ὁμοίῳ φίλον εἶναι*.

[2] *Уже слышалъ отъ кого-то* — разумѣетъ Гераклита. О Гераклитовой *παλιντόνῳ ἁρμονίᾳ* см. Symp. p. 187 A. Приведенный здѣсь стихъ взятъ у Исіода Opp. et Dierr. 25 sqq.

лаго, полное — пустаго, и все прочее такимъ же образомъ. Вѣдь противное есть пища противнаго; а подобное ничѣмъ не можетъ наслаждаться отъ подобнаго. И сказавшій это,
216. другъ мой, кажется, былъ острякъ, потому что хорошо сказалъ. А вы, спросилъ я, какъ находите слова его?—Хорошими, отвѣчалъ Менексенъ, сколько по крайней мѣрѣ слышали ихъ.—Такъ скажемъ ли, что особенно дружественно противное противному?—Конечно.—Пусть, сказалъ я; но вѣдь не удивительно, Менексенъ, что тѣ люди со всеобъемлющею мудростью, тѣ хитрые спорщики тотчасъ радостно подскочатъ къ намъ и спросятъ: дружба не есть ли самое против-
B. ное враждѣ? Что отвѣтимъ мы имъ? Развѣ не необходимо будетъ согласиться, что они говорятъ правду?—Необходимо.— Стало-быть, скажутъ, вражда дружбѣ, или дружба враждѣ дружественна?—Ни то, ни другое, сказалъ онъ.—Ну а справедливое несправедливому, или разсудительное необузданному, или доброе злому?—И это, мнѣ кажется, не въ такомъ отношеніи.—Однакожъ, если что чему дружественно по противуположности, сказалъ я, то необходимо, чтобы и это было дружественнымъ.—Необходимо.—Стало-быть, ни подобное подобному не дружественно, ни противное противному.— Выходитъ, что нѣтъ.—Но разсмотримъ еще слѣдующее,—
C. чтобы отъ насъ никакъ уже болѣе не скрылось, что дружба дѣйствительно не есть что-нибудь такое, но что, не будучи ни добромъ ни зломъ, она бываетъ дружественна добру.— Какъ ты это говоришь? спросилъ онъ.—Клянусь Зевсомъ, не знаю, отвѣчалъ я, и, по-истинѣ, самъ колеблюсь отъ недоумѣнія. Дружественное, по старинной пословицѣ, должно быть, есть прекрасное; по крайней мѣрѣ это представляется чѣмъ-то нѣжнымъ, гладкимъ, свѣженькимъ, и оттого, можетъ быть,
D. будучи такимъ, легко ускользаетъ и уходитъ отъ насъ; ибо я говорю, что доброе прекрасно. А ты не думаешь?—И я тоже.—Итакъ, говорю гадательно, что прекрасному и доброму дружественно и не доброе и не злое. А почему говорю гадательно,— слушай. Мнѣ представляются тутъ какбы три

рода: доброе, злое и ни-доброе-ни-злое[1]. А тебѣ что?—И мнѣ,
сказалъ онъ.—И ни доброе доброму, ни злое злому, ни доброе
злому не дружественно, какъ не допустило этого и прежнее
наше разсужденіе. Значитъ, остается,—если что чему друже- E.
ственно,—быть дружественнымъ ни-доброму-ни-злому,—дру-
жественнымъ либо доброму, либо такому, каково само. Вѣдь зло-
му-то, вѣроятно, ничто не можетъ быть дружественно.—Правда.
—А недавно сказано, что и подобное тоже нѣтъ. Не такъ ли?—
Такъ.—Стало-быть, ни-добру-ни-злу не будетъ дружественно
что-либо такое, каково оно само.—Очевидно, нѣтъ.—Слѣдова-
тельно, ни-добро-ни-зло остается почитать дружественнымъ
только одному добру.—Какъ видно, необходимо.—Такъ хорошо 217.
ли поведетъ насъ, дѣти, то, что мы сказали? спросилъ я.—Ес-
либы, напримѣръ, мы захотѣли размыслить о здоровомъ тѣлѣ,
которое не нуждается ни въ врачеваніи, ни въ пособіи,—такъ
какъ оно довольно собою;—то никто здоровый, конечно, не
былъ бы другомъ врача ради здоровья. Не правда ли?—Ни-
кто.—Напротивъ, думаю, больной—ради болѣзни.—Какъ B.
же иначе?—И болѣзнь, однакожъ, зло, а врачебное искуство—
польза и добро.—Да.—Но тѣло-то, какъ тѣло, вѣроятно, не
есть ни-добро-ни-зло.—Такъ.—Поэтому тѣло-то, ради болѣз-
ни, принуждено бываетъ входить въ связь и дружиться съ вра-
чебнымъ искуствомъ.—Мнѣ кажется.—Стало-быть, ни-добро-
ни-зло бываетъ дружественно добру ради присущія зла.—Вы-
ходитъ.—Явно, однакожъ, что прежде, чѣмъ оно становится
существенно зломъ, отъ присущаго ему зла; ибо сдѣлавшись
зломъ-то, оно уже не желало бы добра и не дружилось бы съ C.
нимъ, такъ какъ зло, сказали мы, не можетъ быть дружествен-
нымъ добру.—Конечно, не можетъ.—Разсмотрите же, что я го-
ворю: я говорю, что иное и само таково, каково ему присущее,

[1] *Ни-доброе-ни-злое.* Надобно помнить, что и здѣсь, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ соединяются эти понятія, Платонъ разумѣетъ ихъ какъ одно подлежащее, и поставляетъ съ нимъ въ связь прилагательныя и мѣстоименія, какъ съ обыкновеннымъ существительнымъ. Наприм., немного ниже: ни-добру-ни-злу не дружественно что-либо такое, каково *оно само*—*οἷον αὐτό*.

иное—нѣтъ. Такъ, еслибы кто хотѣлъ навесть что-нибудь из-
вѣстною краскою, вещи наводимой, вѣроятно, было бы прису-
ще наводимое [1].—Конечно.—И вещь, на которую наводится,
D. по цвѣту, не такова ли была бы, каково наводимое [2]?—Не по-
нимаю, сказалъ онъ.—Да вотъ какъ, продолжалъ я: еслибы кто
золотистые твои волосы навелъ бѣлильною краскою, были ли
бы они тогда, или казались ли бы бѣлыми?—Казались бы, от-
вѣчалъ онъ.—Но хотя и была бы присуща имъ бѣлизна...—Да.
—Однакожъ отъ этого они не болѣе, вѣроятно, сдѣлались бы
бѣлыми: напротивъ, по присущію бѣлизны, были бы ни бѣлы,
ни черны.—Правда.—Когда же этотъ самый цвѣтъ наведенъ
будетъ на нихъ старостью; тогда они станутъ такими, какъ
присущее, то-есть, по присущію бѣлизны,—бѣлыми.—Какъ
E. уже не стать?—Такъ вотъ о чемъ я спрашиваю: то, чему нѣ-
что присуще, таково ли будетъ, имѣя это, каково присущее?
Или, когда это какимъ-нибудь образомъ присуще, — будетъ,
а если нѣтъ, то нѣтъ?—Скорѣе такъ, сказалъ онъ.—Слѣдо-
вательно, ни-добро-ни-зло иногда, только по причинѣ прису-
щія зла, еще не есть зло, и становится зломъ, когда уже быва-
етъ такимъ.—Конечно.—Но какъ скоро оно, въ присутствіи
зла, еще не есть зло,—самое это присутствіе зла возбуждаетъ
въ немъ желаніе добра; если же, напротивъ, присутствіе зла
дѣлаетъ его зломъ, то вмѣстѣ отнимаетъ у него самое это же-
218. ланіе и дружество съ добромъ. Вѣдь тогда оно не есть уже ни-
зло-ни-добро, но зло; а добро съ зломъ у насъ не было [3] друже-
ственно. — Конечно, не было. — Посему-то мы можемъ ска-
зать, что и мудрецы,—боги ли они, или люди,—уже не любятъ
мудрости [4]; да и тѣ также не любятъ мудрости, которые не зна-

---

[1] ***Вещи наводимой, вѣроятно, было бы присуще наводимое***—*πάρεστι πού τῷ ἀλλειφθέντι τὸ ἐπαλειφθέν*. Здѣсь надобно различить три предмета: наводящее—*ἀλείφον*, вещь наводимую—*ἀλειφθέν*, и наводимое, или краску,—*ἐπαλειφθέν*, и наводимое—*ἐπαλειφθέν*—понимать какъ присущее вещи наводимой—*ἀλειφθέντι*; такъ что эта вещь должна имѣть уже противуположныя свойства.

[2] ***Каково наводимое***—*οἷον τὸ ἐπόν*, то-есть *ἐπαλειφθέν, ἐπί τινι ὄν*.

[3] ***Добро съ зломъ у насъ не было дружественно***. Прошедшею формою глагола указывается здѣсь на стр. 216 E.

[4] ***Мудрецы уже не любятъ мудрости:***—мысль высокая, яснѣе раскрытая

ютъ, что они злы, такъ какъ ни одинъ злой и невѣжда не есть любитель мудрости. Слѣдовательно, остаются тѣ, которые хотя и имѣютъ это зло — незнаніе, однакоже еще не сдѣлались отъ него незнающими и невѣждами, но продолжаютъ думать, что не знаютъ того, чего не узнали. Такъ поэтому любятъ мудрость, вѣроятно, и не добрые и не злые: злые же и добрые не любятъ ея; потому что ни противное противному, ни подобное подобному, по прежнимъ нашимъ изслѣдованіямъ, не показалось намъ дружественнымъ. Или не помните? — Очень помнимъ, сказали они. — Стало-быть, теперь, Лизисъ и Менексенъ, примолвилъ я, мы со всею точностію опредѣлили, что дружественно и что нѣтъ: положили [1], то-есть, что, и по душѣ и по тѣлу, ни-добро-ни-зло, ради присущія зла, всегда C.
бываетъ дружественно добру. — Они совершенно подтвердили и согласились, что это такъ.

Тутъ я и самъ очень обрадовался, будто какой ловчій, любующійся тѣмъ, что̀ поймалъ. Но потомъ, не знаю откуда, вошло въ меня какое-то весьма странное подозрѣніе, — что̀ если допущенное нами невѣрно, — и я тотчасъ съ досадою сказалъ: увы! Лизисъ и Менексенъ, наше сокровище, должно быть, — сонъ. — Что еще? спросилъ Менексенъ. — Боюсь, от- D.
вѣчалъ я, не встрѣтились ли мы съ такими же ложными понятіями о дружбѣ, каковы бываютъ хвастливые люди. — Какъ

въ Симпосіонѣ (p. 204 A), гдѣ говорится такъ: «изъ боговъ никто не философствуетъ (φιλοσοφεῖ, т.-е. φιλεῖ τὴν σοφίαν) и не желаетъ быть мудрецомъ; ибо онъ уже—таковъ. Не философствуетъ и—если есть какой—иной мудрецъ. Но, съ другой стороны, не философствуютъ (т.-е. οὐ φιλοῦσι τὴν σοφίαν) и невѣжды, и не желаютъ быть мудрецами; ибо то-то и худо въ невѣжествѣ, что, не будучи ни прекраснымъ и добрымъ, ни умнымъ, оно кажется себѣ достаточнымъ. Астъ (de vit. et script. Plat. p. 432), къ удивленію, порицаетъ эту мысль Платона въ Лизисѣ и почитаетъ нелѣпымъ положеніе, что мудрецы не любятъ мудрости.

[1] ***Положили, то-есть,*** — *φαμὲν γὰρ αὐτό.* Тѣ филологи ошибаются, которые здѣсь мѣстоименіе *αὐτὸ* находятъ излишнимъ и изгоняютъ изъ текста. Оно часто имѣетъ значеніе мѣстоименія указательнаго, указывающаго на мысль, непосредственно за нимъ слѣдующую. Такое значеніе принадлежитъ ему и въ этомъ мѣстѣ, а потому по-русски оно въ этомъ случаѣ можетъ быть выражаемо словомъ *то-есть*, или *это*.

это? спросилъ онъ.—Посмотримъ сюда, сказалъ я: другъ, кто бы онъ ни былъ, есть другъ кому-нибудь, или нѣтъ?—Необходимо, отвѣчалъ онъ.—Другъ не ради чего-нибудь и не почему-нибудь, или ради чего-нибудь и почему-нибудь?—Ради чего-нибудь и почему-нибудь.—Другъ есть ли другъ той вещи, ради которой онъ есть другъ другу, или въ отношеніи
E. къ ней онъ—и не другъ и не врагъ?—Я не очень слѣдую за тобою, сказалъ онъ.—И естественно, примолвилъ я; но можетъ быть, будешь слѣдовать инымъ образомъ; да и я лучше уразумѣю, что̀ говорю. Больной, сказали мы теперь, есть другъ врача. Не такъ ли?—Да.—Не по болѣзни ли, ради здоровья, онъ—другъ врача?—Да.—Но болѣзнь-то—зло.—Какъ не зло?—А здоровье что? спросилъ я: добро, или зло, или ни
219. то ни другое?—Добро, отвѣчалъ онъ.—Такъ вотъ мы и говорили, какъ видно, что тѣло, не будучи ни-добромъ-ни-зломъ, есть другъ врачебнаго искуства, которое — добро, по причинѣ болѣзни, то-есть зла. Но врачебное искуство берется въ друзья ради здоровья; а здоровье—добро. Не такъ ли?—Да.—Такъ здоровье—другъ или не другъ?—Другъ.—А болѣзнь—врагъ?—Конечно.—Слѣдовательно, ни-добро-ни-зло,
B. по причинѣ зла и врага, есть другъ добра ради добра и друга.—Явно.—Стало-быть, другъ есть другъ друга по причинѣ врага.—Выходитъ.—Пусть, сказалъ я; пришедши къ этому, дѣти, будемъ внимательны, чтобы не обмануться. Вѣдь что другъ былъ у насъ другомъ друга, и что подобное бываетъ другомъ подобнаго,—положеніе, признанное невозможнымъ,—съ этимъ я прощаюсь. Но разсмотримъ и то, не обманываетъ ли насъ также принимаемое нами теперь. Врачебное искуство,
C. сказали мы, есть другъ ради здоровья.—Да.—Неужели и здоровье тоже другъ?—Конечно.—Стало-быть, другъ ради чего-нибудь.—Да.—То-есть ради чего-нибудь дружественнаго, если будемъ слѣдовать тому, что прежде допущено.—Конечно.—А то дружественное не будетъ ли опять ради дружественнаго?—Да.—Но идя такимъ образомъ, не необходимо ли утомиться намъ и придти къ нѣкоему началу, которое уже не будетъ въ

отношенiи къ иному дружественному, но принадлежитъ тому, что есть первое дружественное и ради чего мы все прочее называемъ дружественнымъ?—Необходимо.—Такъ это-то я разумѣю, говоря, какъ бы не обманули насъ всѣ прочiе пред- D.
меты, которые мы называемъ дружественными ради того (перваго), и которые суть какбы его образы, тогда какъ по-истинѣ дружественное есть то первое. Размыслимъ объ этомъ такъ: кто чему-нибудь приписываетъ высокую цѣну, какъ, напримѣръ, отецъ иногда предпочитаетъ своего сына всему прочему; тотъ, ради того, что цѣнитъ сына больше всего, можетъ ли и чему другому приписывать высокую цѣну? Еслибы, напримѣръ, отецъ замѣтилъ, что сынъ его выпилъ ядъ, E.
то подорожилъ ли бы виномъ, думая, что оно спасетъ его сына? — Какъ дорожить? сказалъ онъ. — Не то же ли и сосудомъ, въ которомъ находится вино?—Конечно.—Фарфоровая чаша была ли бы для него столь же цѣнна, какъ его сынъ, и три котила вина, какъ сынъ? Или будетъ такъ, что при этомъ вся заботливость обращается не на то, для чего что-нибудь приготовлено, а на то, для чего все подобное при- 220.
готовляется. Хотя мы часто говоримъ, что дорого цѣнимъ золото и серебро; однакожъ смотрите, чтобы это-то не оказалось несправедливымъ. Не такъ ли сказать, что изъ всего, что является существующимъ, мы выше всего ставимъ то, для чего приготовляется и золото, и все приготовляемое?—Конечно.—Но не то же ли слово и о дружбѣ? Вѣдь сколькони говорили мы, что дружественное у насъ бываетъ ради чего-то дружественнаго,—все однако выражали, повидимому, одно B.
и то же худымъ [1] словомъ. Существенно же дружественное должно быть то самое, чѣмъ заканчиваются всѣ эти такъ называемыя дружества. — Должно быть, сказалъ онъ. — Значитъ, существенно-то дружественное есть дружественное не

[1] *Выражали одно и то же худымъ словомъ.....* ἑτέρῳ ῥήματι. Не перевожу—*другимъ словомъ,* потому что это выраженiе у Платона въ подобныхъ случаяхъ означаетъ худое, или несоотвѣтствующее мысли слово. Такъ Phileb. p. 13 A: προσαγορεύεις αὐτὰ ἀνόμοια ὄντα ἑτέρῳ, φήσομεν, ὀνόματι.

ради чего-то дружественнаго? — Правда. — Такъ это рѣшено, — не ради чего-нибудь дружественнаго дружественное есть дружественное. Но добро дружественно ли? — Мнѣ кажется. — Не по причинѣ ли зла бываетъ любимо добро, и вотъ
C. какъ: еслибы изъ трехъ видовъ, о которыхъ мы теперь говорили, то-есть изъ добраго, злаго и ни-добраго-ни-злаго, были взяты два, а зло исчезло бы и не касалось ни тѣла ни души, ни другаго чего, что само по себѣ называется ни-зломъ-ни-добромъ, — добро было ли бы тогда къ чему-нибудь полезно для насъ, или сдѣлалось бы безполезнымъ? Вѣдь еслибы ничто уже не вредило намъ, мы не имѣли бы нужды ни въ ка-
D. кой пользѣ. И такимъ-то образомъ тогда стало бы явно, что мы любили добро и дружились съ нимъ по причинѣ зла, такъ какъ въ добрѣ видѣли лекарство противъ зла, которое почитали болѣзнію; когда же болѣзни нѣтъ, — не нужно и лекарство. Такова ли природа добра, что, будучи между зломъ и добромъ, мы любимъ добро по причинѣ зла, а само ради себя оно нисколько не требуется? — Выходитъ, что такъ, сказалъ онъ. —
E. Стало-быть, то дружественное, которымъ оканчивалось все прочее, что называли мы дружественнымъ ради другаго дружественнаго, у насъ вовсе не походитъ на это. Вѣдь это названо дружественнымъ ради дружественнаго: а существенно дружественное является по природѣ совершенно ему противуположнымъ; ибо оно показалось намъ дружественнымъ ради враждебнаго, которое когда удаляется, дружественное намъ болѣе, какъ видно, недружественно. — Мнѣ кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ какъ теперь говорится, сказалъ онъ. — Ужели же, ради Зевса, если зло исчезнетъ, спросилъ я, — не будетъ у
221. насъ ни голода, ни жажды, и ничего подобнаго? Или, хотя и будетъ голодъ, такъ какъ будутъ люди и другія животныя, но, по крайней мѣрѣ, не вредоносный? хотя будутъ также — и жажда, и другія пожеланія, но не злыя, потому что зло погибнетъ? Впрочемъ, не смѣшонъ ли вопросъ, что будетъ тогда и чего не будетъ? Кому знать это? Мы знаемъ только то, что и теперь: кто алчетъ, тотъ можетъ получить вредъ, а можетъ —

и пользу. Не такъ ли?—Конечно.—Нельзя ли подобнымъ образомъ и жаждущему, и движимому всѣми иными этого рода пожеланіями, желать иногда съ пользою, иногда со вредомъ, B.
а иногда ни такъ ни сякъ?—И очень.—Итакъ, если зло погибнетъ, то тому-то, что не есть зло, какая причина погибнуть вмѣстѣ съ зломъ?—Никакой.—Стало-быть, если зло и погибнетъ, желанія ни-добрыя-ни-злыя будутъ. — Явно. — Но тому, кто желаетъ и стремится, возможно ли не любить того, чего желаетъ и къ чему стремится?—Кажется, невозможно.—Слѣдовательно, и по погибели зла будетъ что-либо дружествен- C.
ное? — Да. — Но этого не было бы, еслибы причиною того, что есть нѣчто дружественное, было зло; — по уничтоженіи зла, не было бы дружественно одно другому; ибо, какъ скоро исчезла причина, уже невозможно быть и тому, чего она — причина.—Ты правильно говоришь.—Однакожъ, не согласились ли мы, что дружественное дружественно чему-нибудь и почему-нибудь,—и тогда-то положили, что ни-доброе-ни-злое любитъ добро по причинѣ зла?—Правда.—А теперь-то, какъ видно, открывается какая-то другая причина любить и быть D.
любимымъ.—Выходитъ.—Такъ не желаніе ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ мы сейчасъ сказали, есть причина дружбы, и не желающее ли дружественно тому, чего оно желаетъ и когда желаетъ? а что прежде называли мы дружественнымъ, не была ли это болтовня, похожая на растянутое стихотворное сочиненіе [1]?—Должно

[1] *Похожая на растянутое стихотворное сочиненіе,* ὥσπερ ποίημα μακρὸν συγκείμενον. Здѣсь представляется страннымъ, что ποίημα μακρὸν, какбы потому только, ὅτι μακρόν ἐστι, называется болтовнею—ὕθλος. Это заставило Аста предполагать, что, вмѣсто μακρόν, надобно читать μάτην; но такимъ измѣненіемъ показывалось бы, что ὕθλος у Платона поставляется въ безцѣльности сочиненія; а этого тоже было бы недостаточно. Посему Штальбому понравилось читать ὥσπερ ποίημα μακρὸν μάτην συγκείμενον. Такимъ образомъ μάτην, котораго въ этомъ мѣстѣ не имѣетъ ни одинъ списокъ Платоновыхъ сочиненій, вводится сюда какбы уже съ значеніемъ. Но ученые критики могли бы разрѣшить возбуждающееся здѣсь недоумѣніе, и не прибѣгая къ введенію новыхъ словъ, еслибы, вмѣсто ποίημα μακρὸν συγκείμενον, читали ποίημα μακρὰν συγκείμενον. Притомъ, надлежало вспомнить, что μακρὸν Платонъ могъ и не относить къ ποίημα, а принимать это слово въ значеніи нарѣчія, какъ нерѣдко принимаетъ онъ слова ὅσιον, φίλον и проч.

быть, сказалъ онъ.—Однакожъ, продолжалъ я, желающее-то
E. желаетъ того, чего ему недостаетъ. Не такъ ли?—Да.—Ста-
ло-быть, недостающее дружественно тому, въ комъ его недо-
стаетъ? — Мнѣ кажется.—А недостающимъ [1] бываетъ то, что
у кого-нибудь отнято.—Какъ же иначе?—Такъ любовь, друж-
ба и желаніе, Менексенъ и Лизисъ, какъ видно, направляются
къ собственному. — Подтвердили. — Стало-быть, вы, будучи
друзьями между собою, по природѣ, свойственники другъ дру-
гу. — И очень, сказали они. — Поэтому, когда кто одинъ же-
222. лаетъ и любитъ другаго, дѣти, сказалъ я,—не сталъ бы онъ
ни желать, ни любить, ни дружиться, еслибы не былъ какъ-
нибудь свойственникомъ любимому—или по душѣ, или по ка-
кой-нибудь душевной склонности, или по нраву, или по ви-
ду. — Конечно, сказалъ Менексенъ, а Лизисъ замолчалъ.—
Пусть, продолжалъ я. Такъ намъ, сказали мы, необходимо лю-
бить свойственное по природѣ. — Выходитъ. — Стало-быть,
дѣтямъ необходимо любить подлиннаго и непритворнаго лю-
B. бителя.—Лизисъ и Менексенъ на это едва кивнули, но Иппо-
талъ отъ удовольствія такъ и мѣнялся въ лицѣ.

Тогда, желая изслѣдовать предметъ, я сказалъ: если свой-
ственное что-нибудь отлично отъ подобнаго; то о дружбѣ, что
такое она, мы, какъ мнѣ кажется, Лизисъ и Менексенъ, сказа-
ли нѣчто дѣльное: а когда подобное и свойственное будутъ одно
и то же,—прежнее наше положеніе, что подобное для подобнаго,
по самому подобію его, безполезно, нелегко отвергнуть; потому
C. что признавать дружественнымъ безполезное—несообразно. И-
такъ, хотите ли, спросилъ я,—поколику мы опьянѣли уже отъ
нашего изслѣдованія,—согласиться и сказать, что свойствен-
ное есть нѣчто отличное отъ подобнаго?—Конечно.—Такъ по-
ложимъ ли, что всякому свойственно добро и чуждо зло? или

---

[1] *А недостающимъ бываетъ то...* ἐνδεὲς δὲ γίγνεται. Ἐνδεὴς имѣетъ двоякое значеніе· имъ означается иногда субъектъ, которому недостаетъ чего-нибудь, а иногда то, чего недостаетъ субъекту. Въ послѣднемъ случаѣ ἐνδεὴς обыкновенно принимается въ значеніи имени существительнаго и употребляется въ среднемъ родѣ съ членомъ, τὸ ἐνδεές. Поэтому Гейндорфъ, а за нимъ и Штальбомъ, напрасно говоритъ, что здѣсь aut ἐνδεής, aut τι legendum esse.

злу свойственно зло, добру —добро, а ни-добру-ни-злу—ни-
добро-ни-зло?—Имъ кажется, сказали они, что каждому свой-
ственно каждое. — Стало-быть, дѣти, замѣтилъ я, мы опять D.
попали на тѣ самыя положенія о дружбѣ, которыя прежде от-
вергли; вѣдь въ такомъ случаѣ справедливый справедливому
и злой злому будетъ ничѣмъ не меньше другомъ, какъ и доб-
рый доброму.—Выходитъ, сказалъ онъ.—Что же? когда доб-
рое и свойственное мы называемъ тѣмъ же,—иное ли что го-
воримъ, какъ не то, что добрый только доброму другъ?—Ко-
нечно. — Однакожъ и въ этомъ вѣдь, какъ намъ тогда каза-
лось, мы обличили себя. Или не помните?—Помнимъ.—Такъ E.
что же еще сдѣлаемъ съ своимъ изслѣдованіемъ? Не явно ли,
что ничего [1]? —Ничего. — Прошу же васъ, подражая мудре-
цамъ [2] въ судахъ, пересмотрѣть все прежде-сказанное. И если
уже ни любимые ни любящіе, ни подобные ни неподобные, ни
добрые ни свойственные, ни все прочее нами разсмотрѣнное
—вѣдь отъ множества такихъ вещей, я и самъ всего не пом-
ню—если ничто изъ этого не есть дружественное, то я ничего 223.
не могу сказать болѣе.

Сказавъ это, я думалъ было уже тронуть кого-нибудь другаго—постарше. Но тутъ, будто какіе демоны [3], подошли педагоги—одинъ Менексеновъ, другой—Лизисовъ, вмѣстѣ съ

---

[1] *Не явно ли, что ничего?* Этотъ вопросъ, очевидно, требуетъ отвѣта,—тѣмъ болѣе, что въ слѣдующихъ далѣе словахъ: *δέομαι οὖν*, союзъ *οὖν* явно предполагаетъ его. Посему я, вмѣстѣ съ Астомъ, нахожу умѣстнымъ послѣ: *ἢ δῆλον ὅτι οὐδέν*, поставить отвѣтъ: *οὐδέν*.

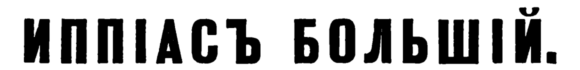
[2] *Подражая мудрецамъ въ судахъ.* Платонъ разумѣетъ риторовъ и говоритъ о нихъ съ насмѣшкою: это видно нетолько изъ того, что называетъ ихъ мудрецами, но и изъ употребленнаго далѣе и примѣненнаго къ нимъ глагола *ἀναπεμπάσασθαι*, что собственно значитъ — дѣлать отрыжку или пережевывать—cibos ad rumen revocare.

[3] *Будто какіе демоны—δαίμονες.* Явно, что здѣсь слово демонъ въ устахъ Сократа должно было означать непріязненнаго духа. Хотя въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона это слово въ подобномъ смыслѣ не встрѣчается; однакожъ ничто не препятствуетъ предполагать, что въ простомъ ежедневномъ разговорѣ оно было употребляемо. Поэтому германскіе критики, всегда ведущіе войну противъ бытія злыхъ духовъ (см. *Elsner*. Observ. ad. Matth. IX, 34), напрасно усиливаются доказать, что здѣсь Платону представлялись не злые духи.

ихъ братьями, и приказывали имъ идти домой; ибо уже было поздно. Сперва и мы, и окружавшіе отгоняли ихъ: но такъ какъ они не обращали на насъ вниманія и, ломанымъ [1] греческимъ языкомъ выражая свою досаду, не переставали звать,
B. то намъ показалось, что подпивши на Эрміевомъ праздникѣ, они не будутъ сговорчивы, и потому, уступивъ имъ, мы прервали свою бесѣду. Впрочемъ, когда собесѣдники уже уходили, я сказалъ: теперь, Лизисъ и Менексенъ, и я, старый человѣкъ, и вы сдѣлались смѣшными; теперь эти расходящіеся будутъ говорить, что мы одинъ другаго почитаемъ своимъ другомъ,—ибо я и себя причисляю къ вамъ,—а не въ состояніи были изслѣдовать, что такое другъ.

---

[1] *Ломанымъ греческимъ языкомъ*—ὑποβαρβαρίζοντες. Педагогами у Грековъ бывали особенно довѣренные въ домѣ рабы, какъ у насъ, въ старину, дядьки и нянюшки изъ дворовыхъ людей. И эти, конечно, не могли выражаться такъ чисто по-гречески, какъ люди свободные и образованные. Но впослѣдствіи у Грековъ, начинавшихъ уже изглаживать въ себѣ типъ народности, въ педагоги были избираемы, какъ нерѣдко и у насъ въ настоящее время, иностранцы, которые нетолько говорили съ своими питомцами ломанымъ языкомъ, но и передавали имъ ломаныя понятія о нравственной и гражданской жизни.

ИППІАСЪ БОЛЬШІЙ.

ИППІАСЪ БОЛЬШІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ни одно изъ собесѣдующихъ лицъ во всѣхъ діалогахъ Платона не изображается такъ выпукло и не подаетъ повода Сократу къ такой игривой, тонкой и колкой ироніи, какъ современный Платону софистъ Иппіасъ. Эта чрезвычайно характеристическая личность въ говорливомъ и шутливомъ обществѣ древнихъ Аѳинъ отличается прежде и болѣе всего хвастливымъ разглагольствованіемъ о своемъ всезнаніи. Въ самомъ дѣлѣ, чего не зналъ Иппіасъ! Что онъ былъ знатокъ политической риторики—объ этомъ и говорить нечего; этимъ болѣе или менѣе хвалились всѣ софисты. Нѣтъ, онъ обладалъ также мудростію и ариѳметиста, и геометра, и астронома, и грамматиста, и музыканта (Protag. p. 315 B); онъ былъ силенъ и въ живописи, и въ ваяніи, и въ поэзіи (Vit. Sophist. p. 495 sq. *Themist*. Orat. XXIX, p. 345 D); онъ и шилъ, и вязалъ, и вышивалъ, такъ что иногда все, что на немъ бывало надѣто, по его свидѣтельству, мастерили собственныя его руки (Hipp. min. init.). Поэтому Ѳемистій, въ означенной выше рѣчи, называетъ его *σῶρον καὶ ἑσμὸν σοφίας*, то-есть кучею и роемъ мудрости. Притомъ объ этой всесторонней своей образованности Иппіасъ всегда говорилъ важно, съ педантствомъ, выражаясь высокимъ слогомъ и блестящими фразами, какъ будто въ его головѣ возсѣдалъ вдохновенный оракулъ и, по своему

снисхожденію, вызывался вести человѣчество въ недоступное простымъ людямъ святилище мудрости. Между тѣмъ весь секретъ такой всеобъемлющей эрудиціи у Иппіаса состоялъ лишь въ томъ, что его разсудокъ постоянно и строго держался области отвлеченія и обнаруживалъ свою дѣятельность только въ сферѣ общихъ мыслей о чемъ бы то ни было. Выступить за черту этой сферы, спуститься къ частностямъ знанія, затрогивать факты науки—значило бы для софиста потерять балансъ и упасть въ такую стихію, которая должна была обличить его въ безсиліи, въ невѣжествѣ, даже въ бездарности; потому что, не имѣя ни малѣйшаго понятія о подробностяхъ разсматриваемаго предмета, онъ становился внѣ всякаго права на наведеніе, или, лучше сказать, самое-то наведеніе и обвиняло его во лжи, показывая, что общія его положенія не заключаютъ въ себѣ никакого содержанія и не опираются ни на чемъ реальномъ. Посему, какъ ни старайтесь всѣхъ на свѣтѣ Иппіасовъ удерживать въ предѣлахъ недѣлимостей, среди осязательныхъ фактовъ знанія, — они съ безпокойствомъ будутъ порываться къ общему и, если хоть немного ослабѣетъ ваше вниманіе, тотчасъ уйдутъ отъ васъ на высоту отвлеченія и оттуда будутъ съ презрѣніемъ смотрѣть на копотливость вашего анализа. Это—философы безъ логики, ораторы—безъ риторики, филологи—безъ грамматики, историки — безъ фактовъ. Эти люди все знаютъ, ничему не учившись.

Другою отличительною чертою Иппіаса была нарядность и изысканность во всемъ,—нетолько въ подборѣ словъ и выраженій, когда онъ говорилъ, но и въ самой одеждѣ и убранствѣ. Согласно съ иконографіею Платона (Hipp. maj. p. 219 A. Protag. p. 315 B), мы должны представлять его человѣкомъ блестящей наружности, выступающимъ изъ ряда людей вообще чисто одѣтыхъ и обутыхъ. Онъ, какъ видно, былъ довольно красивъ и отъ природы, но естественную свою красоту заботливо возвышалъ еще искуствомъ, и всѣ мелочи его туалета показывали, что онѣ являлись не случайно и не по обыкновеннымъ правиламъ приличія, а придуманы, изысканы и вы-

ставлены съ педантствомъ, съ суетностью, съ тщеславіемъ, что въ подборѣ ихъ энергически работала душа и чрезъ нихъ какбы овеществлялась, въ нихъ находила необходимый фокусъ своей жизни и любимую точку отношеній къ міру внѣшнему. Однимъ словомъ,—Иппіасъ, прежде чѣмъ узнавали въ немъ софиста по языку и образу мыслей, при первомъ на него взглядѣ, являлся уже прекрасною куклою, вычурно причесанною и изысканно одѣтою, являлся такою искуственною фигурою, которая невольно обращала на себя вниманіе множествомъ изящныхъ бездѣлокъ—перстней на пальцахъ, флаконовъ и щеточекъ за поясомъ, прикрасъ на обуви и т. п.

Встрѣтившись съ такимъ разукрашеннымъ мудрецомъ и силеновски посматривая на блестящую его наружность, Сократъ весьма естественно долженъ былъ сказать: прекрасный ты и мудрый Иппіасъ! и очень кстати могъ завести съ нимъ рѣчь о прекрасномъ. Нетрудно представить, что встрѣча этихъ двухъ личностей и сама по себѣ обѣщала много комизма, потому что поставляла лицомъ къ лицу двѣ разительныя противуположности, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней сторонѣ ихъ. Съ одной стороны стоялъ Сократъ съ физіогноміею крайне непривлекательною, съ другой Иппіасъ — съ наружностью весьма красивою и представительною. Тотъ обращалъ на себя вниманіе ветхостью и дырами своего плаща, а этотъ—изысканностью и богатствомъ своего наряда. Первый говорилъ просто, даже иногда тривіально, а послѣдній выражался свысока и отборными фразами. Умъ Сократа любилъ внѣдряться въ предметъ и разбирать его по атомамъ, чтобы дойти до общаго заключенія о его природѣ; а умъ Иппіаса терпѣть не могъ такого атомизма и довольствовался только переворачиваніемъ онтологическаго понятія о предметѣ, чтобы изумлять слушателей своею способностію говорить много и обо всемъ. Стало-быть, немало забавнаго надлежало предположить и въ одномъ сближеніи этихъ двухъ взаимно-противуположныхъ личностей. Чего же можно было ожидать, когда они приступили къ разсужденію о прекрасномъ, котораго Иппіасъ ка-

зался живымъ олицетвореніемъ, а Сократъ—самою смѣшною каррикатурою, и когда, однакожъ, послѣднему приходилось обличать перваго, что онъ вовсе не знаетъ, въ чемъ состоитъ прекрасное? Явно, что здѣсь открывалось Сократу обширное поле для ироніи, представлялся поводъ къ интересной игрѣ съ самохвальствомъ софиста и вмѣстѣ являлся случай разъяснить значеніе избраннаго предмета, сколько и какъ позволяла это обыкновенная сократическая метода. Но такимъ ли образомъ характеризуется въ своемъ развитіи и такое ли имѣетъ направленіе разсматриваемый діалогъ Платона—Иппіасъ большій,—это мы увидимъ, если прослѣдимъ ходъ логической нити, связующей частные отдѣлы его содержанія.

Возбуждаемый и направляемый вопросами Сократа, Иппіасъ полагаетъ, что древніе мудрецы, въ сравненіи съ позднѣйшими софистами, ничего не значатъ, и это положеніе доказываетъ тѣмъ, что позднѣйшіе софисты своими декламаціями наживаютъ огромныя суммы денегъ; больше же всѣхъ прочихъ обогатился такимъ средствомъ онъ самъ; слѣдовательно, онъ самъ, то-есть Иппіасъ, мудрѣе нетолько всѣхъ древнихъ мудрецовъ, но и современныхъ ему софистовъ. Чтобы искуснѣе обличить Иппіаса, что онъ хвастается предъ древними мудрецами, не изучивъ порядочно ихъ мудрости, Сократъ спрашиваетъ его: не больше ли, чѣмъ гдѣ-нибудь, собралъ онъ денегъ въ Лакедемонѣ? Иппіасъ, не видя цѣли этого вопроса, отвѣчаетъ отрицательно и говоритъ, что Лакедемоняне вовсе не интересовались его познаніями, повинуясь своему закону, который запрещаетъ ихъ юношамъ получать воспитаніе иностранное. Они охотно слушаютъ только о древнихъ герояхъ и поселеніяхъ, о происхожденіи древнихъ городовъ и вообще о древности; а потому, для удовлетворенія ихъ любознательности, онъ самъ принужденъ былъ учиться всему такому. Съ этою цѣлію, говоритъ, написалъ я прекрасную рѣчь о прекрасныхъ предметахъ, изученіемъ которыхъ должны заниматься юноши. Выслушавъ столь хвастливое признаніе Иппіаса, Сократъ останавливается на немъ и, ссылаясь на пытли-

вость вымышленнаго знакомца, который будто-бы безпокоитъ его вопросами именно о такихъ предметахъ, спрашиваетъ, чтȯ есть прекрасное? Это—вступленіе въ разговоръ, оканчивающееся показаніемъ главной его задачи. P. 281 A—287 B.

Чтобы Иппіасу легче было идти къ рѣшенію предположеннаго вопроса, Сократъ старается точнѣе опредѣлить его значеніе и, различивъ два выраженія: чтȯ прекрасно по чему-либо другому, и чтȯ есть прекрасное само по себѣ, проситъ своего собесѣдника взятую для изслѣдованія задачу о прекрасномъ понимать въ послѣднемъ смыслѣ, да такъ и рѣшать ее. Но софистъ никакъ не можетъ замѣтить различія между предметомъ и идеею предмета: ему все кажется, что прекраснаго надобно искать въ мірѣ вещей чувствопостигаемыхъ, а не въ области умственнаго созерцанія; съ его формализмомъ на поприщѣ знанія всего лучше мирится матеріализмъ въ практической жизни, подобно тому, какъ нынѣшніе гегелисты по необходимости становятся самыми грубыми идонистами. Итакъ, недолго задумываясь надъ рѣшеніемъ предложеннаго вопроса, онъ просто разсѣкаетъ этотъ Гордіевъ узелъ и, не имѣя силъ приблизиться къ идеѣ, съ дѣтскою наивностію полагаетъ, что прекрасное есть прекрасная дѣвица. Сократу, конечно, нетрудно было показать, сколь нелѣпо это положеніе, такъ поразительно противорѣчущее основнымъ законамъ сужденія. Ему достаточно было лишь нѣсколькихъ пріемовъ наведенія, чтобы въ одномъ и томъ же объемѣ прекраснаго поставить, какъ предметы счиненные, и лошадь, и лиру, и горшокъ, и множество другихъ вещей, когда онѣ бываютъ прекрасны. Иппіасъ охотно соглашается съ этимъ наведеніемъ и находитъ страннымъ только то, что прекрасный горшокъ подводится подъ одну категорію съ прекрасною дѣвицею, между тѣмъ какъ онъ, сравнительно съ послѣднею, вовсе непрекрасенъ. Это недоумѣніе Иппіаса даетъ Сократу поводъ сравнить такимъ же образомъ прекрасную дѣвицу съ красотою боговъ, и показать софисту, что при подобномъ сравненіи, она должна явиться безобразною. Отсюда само собою вытекало

заключеніе, что пока Иппіасъ ищетъ прекраснаго въ мірѣ вещей чувствопостигаемыхъ, онъ будетъ встрѣчать только прекрасное относительное, которое въ другихъ отношеніяхъ покажется непрекраснымъ; прекраснаго же самого по себѣ и для себя, чрезъ присущіе котораго всякій другой предметъ почитается прекраснымъ,—такого прекраснаго онъ здѣсь не нашелъ и не найдетъ. Но софистъ все еще, не выступая за черту явленій чувственныхъ, съ самонадѣянностію утверждаетъ, что такое прекрасное ему извѣстно, что быть прекраснымъ значитъ богатѣть, наслаждаться здоровьемъ, пользоваться уваженіемъ Эллиновъ, доживъ до старости, прекрасно украсить могилы умершихъ родителей и наконецъ прекрасно и великолѣпно быть погребеннымъ своими дѣтьми. Вотъ полный очеркъ человѣческаго блаженства съ языческой точки зрѣнія! Язычникъ не видѣлъ и не постигалъ ничего прекраснаго выше предѣловъ земнаго эвдемонизма, далѣе чувственныхъ наслажденій. И неудивительно: это былъ язычникъ. Гораздо удивительнѣе встрѣчать тотъ же самый взглядъ на прекрасное у современныхъ намъ писателей и публицистовъ христіанскихъ. Впрочемъ, оставимъ боковыя свои замѣчанія: ограниченность и ребяческую поверхностность этого взгляда ясно понималъ даже язычникъ Сократъ; онъ вдругъ замѣтилъ и высказалъ Иппіасу, что такое прекрасное не всегда прекрасно для тѣхъ людей и героевъ, которые, по миѳологическимъ сказаніямъ Грековъ, произошли отъ боговъ, и слѣдовательно, не могли погребсти своихъ предковъ; а иные и сами не могли быть погребены своими дѣтьми, потому что умерли послѣ ихъ. Этою мыслію оканчивается первая—обличительная часть діалога, состоящая въ обличеніи Иппіаса, что онъ не знаетъ прекраснаго самого по себѣ, по отношенію къ которому все другое почитается прекраснымъ.

Обличивъ Иппіаса въ незнаніи, что̀ такое прекрасное само по себѣ, Сократъ начинаетъ теперь самъ дѣлать пробы въ опредѣленіи прекраснаго и, предлагая мнѣніе за мнѣніемъ, располагаетъ своего собесѣдника послѣдовательно къ согла-

сію на каждое изъ нихъ. Но между тѣмъ какъ Иппіасъ то или другое мнѣніе находитъ справедливымъ, Сократъ тотчасъ показываетъ его неудовлетворительность и переходитъ къ новому, пока наконецъ софисту не наскучила эта бесѣда и пока онъ не обратился снова къ хвастливой декламаціи о важности ораторскаго своего таланта. Явно, что въ этой второй части разсматриваемаго діалога Платонъ имѣетъ цѣлію прослѣдить и опровергнуть всѣ, господствовавшія въ его время понятія о прекрасномъ. Эти понятія, по указанію Платона, суть слѣдующія.

Прекрасное, спрашиваетъ Сократъ, не есть ли приличное —τὸ πρέπον? Иппіасъ соглашается. Но едва произнесено имъ согласіе, какъ это опредѣленіе, подъ оселкомъ эротематической методы Сократа, тотчасъ оказывается, по матеріи, несправедливымъ. Приличное, говоритъ онъ, есть то, что или кажется прекраснымъ, или существенно прекрасно: но прекрасное, только кажущееся прекраснымъ, въ существѣ же дѣла непрекрасное, не заслуживаетъ имени прекраснаго; а то, которое само въ себѣ прекрасно, скрывается отъ насъ, и потому не можетъ быть названо приличнымъ. Слѣдовательно, приличное еще не есть прекрасное. Это, вложенное въ уста Сократа, опроверженіе мнѣнія о приличномъ въ значеніи прекраснаго у Платона проведено съ такимъ искуствомъ, что однимъ и тѣмъ же ходомъ достигаетъ двухъ цѣлей: явною и открытою стороною своего движенія оно направляется къ обличенію бездарности софиста, легкомысленно соглашающагося на двучленное дѣленіе понятія о приличномъ, тогда какъ оно, по своей природѣ, должно быть трехчленное; а заднею, или сокровенною стороною позволяетъ угадывать истинную мысль Платона, что приличное въ явленіи будетъ въ самомъ дѣлѣ прекрасно, если окажется прекраснымъ самимъ по себѣ —прекраснымъ въ бытіи (Phileb. p. 64 E).

Видя, что Иппіасъ не можетъ защитить понятія о прекрасномъ въ пользу приличнаго, Сократъ переходитъ къ другому, вѣроятно, современному также взгляду, и спрашиваетъ

своего собесѣдника: не слѣдуетъ ли прекраснымъ почитать полезное? А полезнымъ признаетъ онъ способность или силу что-нибудь совершать, равно какъ безполезнымъ — все, что лишено такой силы. Притомъ способность что-нибудь совершать можетъ быть направлена и къ добру и къ злу: но въ способности дѣлать зло нельзя допустить никакой пользы; слѣдовательно, находя прекрасное въ полезномъ, полезное надобно признать, какъ способность совершать какое-нибудь добро. На всѣ эти положенія и заключенія Сократа Иппіасъ съ удовольствіемъ соглашается. Но Сократъ вдругъ поворачиваетъ предметъ другою стороною и чрезъ постепенное изслѣдованіе находитъ, что прекрасное нельзя почитать и полезнымъ. Полезное, говоритъ онъ, направляется къ добру; но прекрасное—одно и то же съ полезнымъ; слѣдовательно, и прекрасное стремится къ совершенію добра. Если же прекраснымъ производится добро, то первое будетъ причиною, а послѣднее—ея произведеніемъ. Но причина и произведеніе, очевидно, различны между собою; и потому прекрасное не есть доброе, а доброе не есть прекрасное, не смотря на то, что между прекраснымъ и добрымъ должна быть какая-то внутренняя связь. Итакъ, прекрасное нельзя назвать и полезнымъ. Это мнѣніе объ отличіи прекраснаго, полезнаго и добраго, если смотрѣть на него съ сократической точки зрѣнія, явно противорѣчитъ ученію Сократа, который, по свидѣтельству Ксенофонта (Memor. III, 8, § 4 sqq. IV, 6, 9), доказывалъ, что прекрасное заключается въ полезномъ; не отдѣлялъ онъ также, говоритъ Ксенофонтъ (Memor. III, 8, 2—8, IV, 6, 8, 9), прекраснаго и отъ добраго. Кажется, что даже и Платонъ, въ ранніе годы своего философствованія, держался того же, Сократова взгляда на прекрасное: по крайней мѣрѣ, въ Горгіасѣ (p. 474 A) утверждаетъ онъ, что все прекрасное почитается прекраснымъ либо ради удовольствія, имъ доставляемаго, либо ради пользы, либо ради того и другаго; а въ Лизіасѣ (p. 216 C) и Алкивіадѣ I (pag. 115 sqq.) учитъ о внутреннемъ сродствѣ прекраснаго и добраго. Но позднѣе поня-

тіе о прекрасномъ возводится у Платона выше всѣхъ категорій человѣческаго мышленія и выводится непосредственно изъ идеи добра. *Clement. Alexandr.* Strom. V, p. 705, ed. Pott. Phileb. p. 64 sq.

Чрезъ опровержсніе втораго мнѣнія о прекрасномъ, т. е. чрезъ доказательство, что прекрасное не есть полезное, Иппіасъ приходитъ въ крайнее недоумѣніе и сознается, что въ настоящую минуту не можетъ представить, въ чемъ бы еще надлежало полагать природу прекраснаго; но еслибы онъ поразсудилъ, говоритъ, объ этомъ наединѣ — самъ съ собою, то вѣрно, придумалъ бы и осязательно показалъ, чтò есть прекрасное. Однакожъ Сократъ, не надѣясь услышать отъ него ничего дѣльнаго и въ будущемъ, предлагаетъ ему на обсужденіе новое понятіе о прекрасномъ, и спрашиваетъ, не состоитъ ли оно въ удовольствіи, получаемомъ чрезъ зрѣніе и слухъ. Иппіасу это предположеніе понравилось тѣмъ болѣе, что льстило всегдашнему стремленію софистовъ къ чувственнымъ наслажденіямъ; но Сократъ не даетъ ему остановиться на такомъ взглядѣ и тотчасъ замѣчаетъ, что этимъ своимъ опредѣленіемъ прекрасное уничтожаетъ удовольствія, пріобрѣтаемыя не чрезъ зрѣніе и не чрезъ слухъ, и совсѣмъ забываетъ о тѣхъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ чувственныхъ органовъ, каковыя, напримѣръ, получаются въ области наукъ, словесныхъ произведеній, гражданскихъ законовъ и проч. Притомъ, хотя бы мы и допустили, говоритъ, что прекрасное состоитъ въ удовольствіи, пріобрѣтаемомъ только чрезъ зрѣніе и слухъ, все еще не были бы въ состояніи примирить это понятіе даже съ самимъ собою. Удовольствіе отъ удовольствія, по своей природѣ, отличаться не можетъ; слѣдовательно, источникомъ удовольствій должны быть не зрѣніе и слухъ, которые, по устройству различны, а что-нибудь другое, общее обоимъ родамъ удовольствія. Въ этомъ-то общемъ и надлежало бы поставлять прекрасное. Но въ удовольствіи, поколику оно разсматривается какъ нѣчто общее, заключающееся въ частныхъ видахъ удовольствія, прекрасное содержаться не мо-

жетъ; потому что иначе прекраснымъ слѣдовало бы почитать также и удовольствія, пріобрѣтаемыя прочими чувствами. Послѣ сего оставалось допустить только развѣ одно, — что прекрасное состоитъ въ удовольствіи, пріобрѣтаемомъ чрезъ зрѣніе и слухъ, поколику это удовольствіе полезно. Иппіасъ согласился было и на такое ограниченіе; но Сократъ вслѣдъ за тѣмъ показываетъ невѣрность допущеннаго положенія. Полезное, говоритъ онъ, есть причина добраго: но уже прежде было доказано, что причина и произведеніе различны между собою; слѣдовательно, принявъ послѣднее мнѣніе, мы необходимо встрѣтили бы прежнее затрудненіе, т.-е., должны были бы согласиться, что прекрасное не есть доброе, и доброе не есть прекрасное. Это послѣднее мнѣніе о прекрасномъ, котораго софисты искали въ чувственныхъ удовольствіяхъ зрѣнія и слуха, Сократъ опровергъ совершенно согласно съ ученіемъ Платона. Платонъ въ Горгіасѣ (p. 475 A), особенно же въ Филебѣ (p. 51 sqq.), хотя и допускаетъ внутреннее сродство между прекраснымъ и пріятнымъ, а зрѣніе и слухъ называетъ даже божественными чувствами; однакожъ, смотритъ на эти предметы въ вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ ихъ формахъ, или идеяхъ; да и здѣсь, въ Иппіасѣ, ближайшимъ образомъ подходитъ къ тому же заключенію и только что не высказываетъ высокой, раскрытой въ Филебѣ истины. Этимъ оканчивается вторая, критическая часть діалога, раскрывающая значеніе и достоинство различныхъ понятій о прекрасномъ. P. 283 E—303 A.

Видя, что предъ Сократовою діалектикою не устояло и послѣднее мнѣніе о прекрасномъ, и не зная, какъ выдти изъ опутавшихъ его діалектическихъ сѣтей, Иппіасъ снова пускается въ хвастовство и многословіе. — Все, что ты доселѣ раскрывалъ, говоритъ онъ Сократу, обличаетъ въ тебѣ человѣка мелочнаго и ограниченнаго; все это обрывки образованія, между тѣмъ какъ человѣкъ истинно знающій долженъ своимъ взглядомъ обнимать всецѣлое образованіе и прилагать его на всякомъ поприщѣ жизни. Оставь эти пустяки, Сократъ,

и обратись къ лучшему. — Блаженъ ты, Иппіасъ, отвѣчаетъ ему Сократъ, что обладаешь такимъ образованіемъ; а мнѣ опредѣлено судьбою одно: держась обычнаго способа разсужденій, вѣчно не нравиться мудрецамъ; любя прекрасное, вѣчно не знать, въ чемъ состоитъ оно. Видно, справедлива старинная пословица: *χαλεπὰ τὰ καλά.*—Таково заключеніе діалога. P. 304 A—E.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И ИППІАСЪ.

281. *Сокр.* Прекрасный ты и мудрый Иппіасъ [1]; какъ давно не видно было тебя у насъ въ Аѳинахъ!

Ипп. Да недосугъ, Сократъ. Элея [2], когда нужно бываетъ вступить въ сношенія съ которымъ-нибудь изъ городовъ, всегда обращается ко мнѣ первому изъ гражданъ и избираетъ меня посланникомъ—въ той мысли, что по такимъ дѣламъ, ка-
B. кія совершаются между всѣми городами, я—самый удовлетворительный судья и вѣстникъ. Посему часто ѣздилъ я посломъ и въ другіе города, да неоднократно, по весьма многимъ и важнѣйшимъ дѣламъ, и въ Лакедемонъ. Такъ вотъ отчего, какъ ты спрашиваешь, я не учащаю въ эти мѣста.

Сокр. Таково-то, Иппіасъ, быть по-истинѣ добрымъ и совершеннымъ мужемъ. Ты, и какъ частный человѣкъ, спосо-

---

[1] *Прекрасный ты и мудрый Иппіасъ.* Ἱππίας ὁ καλός τε καὶ σοφός. Филологи полагаютъ, что здѣсь именительный падежъ употребленъ вмѣсто звательнаго: но такое предположеніе не можетъ быть подтверждено ни однимъ примѣромъ. Сократъ не взываетъ, а дѣйствительно называетъ Иппіаса мудрымъ и прекраснымъ. Подобнымъ образомъ и у насъ говорятъ: ты мальчикъ умный; поди ко мнѣ. Это называется nominativus per appositionem, и употребляется большею частію послѣ звательнаго. Напримѣръ: ὦ ἄνδρες οἱ παρόντες. Protag. p. 337 C. *Прекрасный*—καλός—у Грековъ было обыкновеннымъ выраженіемъ вѣжливости ласкателей въ отношеніи къ младшимъ и къ сверстникамъ (Creuzer ad Plot. de Pulchrit. p. XVI). Этимъ словомъ указывалось также и на изящество наряда, какъ французскимъ élégant. Въ такомъ значеніи оно прилагается и къ Иппіасу, что видно изъ словъ на стран. 291 A. Hipp. Minor. p. 368 B.

[2] Элея—отечество Иппіаса.

бенъ брать съ юношей большія деньги и доставлять имъ еще больше пользы, чѣмъ сколько берешь денегъ; и опять, какъ человѣкъ общественный, способенъ благодѣтельствовать сво- C.
ему городу, къ чему обязанъ всякій, кто намѣренъ быть предметомъ не презрѣнія, а уваженія со стороны народа. Однакожъ, Иппіасъ, что̀ бы это за причина, что тѣ древніе, которыхъ великія имена прославляются за мудрость, напримѣръ Питтакъ, Віасъ и Милетянинъ Өалесъ съ своими послѣдователями [1], также позднѣйшіе—до Анаксагора, если не всѣ, то многіе изъ нихъ, какъ видно, удерживались отъ дѣлъ гражданскихъ [2]?

Ипп. Что иное-то, думаешь, Сократъ, какъ не то, что они не могли и неспособны были обнять умомъ то и другое,—об- D.
щее и частное.

Сокр. Такъ, ради Зевса, неужели скажемъ, что какъ прочія искуства возрасли, и древніе художники предъ нынѣшними оказываются плохими, такъ выросло и ваше искуство софистическое, и древніе, относительно мудрости, плохи въ сравненіи съ вами?

Ипп. Да, выросло; ты говоришь весьма правильно.

Сокр. Стало-быть, Иппіасъ, еслибы теперь ожилъ и возвратился къ намъ Віасъ; то онъ возбудилъ бы въ васъ смѣхъ, 282.
подобно тому, какъ говорятъ статуйщики, что еслибы теперь

---

[1] *Милетянинъ Өалесъ съ своими послѣдователями*, τῶν ἀμφὶ τὸν Μιλήσιον Θαλῆν. Позднѣйшіе Греки форму ἀμφί τινα относили къ одному тому лицу, или къ одной той вещи, о которой говорится; но древніе писатели предлогомъ ἀμφί выражали лицо, или вещь, съ ихъ обстановкою. Для примѣра, на это самое мѣсто Иппіаса указываетъ *Matth.* Gr. Gr. § 583, 2.

[2] Говоря, что древніе, упоминаемые здѣсь, мудрецы удалялись отъ дѣлъ гражданскихъ, Сократъ, повидимому, отступаетъ отъ исторической истины: ибо извѣстно, что и эти, и другіе философы древняго міра часто бывали даже законодателями и правителями отечественныхъ своихъ городовъ. Но должно замѣтить, что наставленіе гражданъ и нравственное вліяніе на ихъ жизнь и образованіе тогда не входило въ формы гражданской дѣятельности. Люди, производившіе такое вліяніе на своихъ соотечественниковъ, назывались просто мудрецами и несли общественныя обязанности только въ случаяхъ чрезвычайныхъ. На такую то ихъ жизнь указываетъ Сократъ, и имѣетъ въ виду—представить софисту случай высказать свое мнѣніе и презрѣніе къ древности.

жилъ Дедалъ и то же работалъ, что прославило его имя, то былъ бы осмѣянъ.

Ипп. Это правда, Сократъ; это такъ, какъ ты говоришь. Конечно, я и самъ обыкновенно хвалю древнихъ и до насъ жившихъ, — хвалю ихъ первыхъ и больше, чѣмъ нынѣшнихъ, но только — опасаясь ненависти живущихъ и страшась гнѣва умершихъ [1].

B. *Сокр.* И ты, Иппіасъ, какъ мнѣ кажется, хорошо-таки ду-
маешь и разсуждаешь. Могу засвидѣтельствовать, что гово-
ришь истину и что ваше искуство дѣйствительно такъ вы-
росло, что съ дѣлами частными можетъ совершать и обществен-
ныя. Вѣдь и этотъ леонтинскій софистъ, Горгіасъ, пріѣхалъ
сюда изъ дома по дѣлу общественному, въ качествѣ послан-
ника, какъ человѣкъ самый способный исполнять обществен-
ныя порученія Леонтинянъ, а между тѣмъ, пріобрѣтши въ на-
родѣ мнѣніе отличнаго говоруна, онъ и частно показываетъ
C. себя въ разсужденіяхъ, учитъ юношей, и этимъ заработалъ
и взялъ съ города множество денегъ. Да если хочешь, и тотъ
другъ нашъ, Продикъ, нерѣдко бывалъ у насъ, какъ въ дру-
гія времена, по дѣламъ общественнымъ, такъ и въ послѣднее
время—недавно, по общественному же дѣлу прибылъ съ Цеоса
и очень понравился произнесенною имъ въ совѣтѣ рѣчью, а по-
томъ, показывая себя также частно и уча юношей, нажилъ ка-
кія-то изумительно большія деньги. Изъ тѣхъ древнихъ никто
D. никогда не хотѣлъ въ вознагражденіе требовать денегъ, — не
хотѣлъ и показывать свою мудрость различнымъ людямъ; такъ
были они просты и не замѣчали, что деньги высоко цѣнятся!
Изъ этихъ же каждый своею мудростію заработалъ денегъ
больше, чѣмъ всякій другой художникъ какимъ-нибудь своимъ
искуствомъ, а Протагоръ [2] — еще больше ихъ.

---

[1] *Страшась гнѣва умершихъ.* Иппіасъ слѣдуетъ убѣжденію греческаго народа, который, согласно съ миѳологическими преданіями и религіозными пѣснопѣніями поэтовъ, вѣровалъ, что боги за поношеніе умершихъ и благоугодныхъ имъ людей и героевъ отмщаютъ еще въ этой жизни и для отмщенія нерѣдко посылаютъ тѣни самихъ поносимыхъ.

[2] О софистахъ Горгіасѣ, Продикѣ и Протагорѣ см Charmid. p. 163 D.

Ипп. И ты еще не знаешь, Сократъ, ничего прекраснаго въ этомъ отношеніи. Вѣдь еслибы ты зналъ, сколько денегъ выработалъ я, то удивился бы. Оставляю другое; скажу только, что, прибывши нѣкогда въ Сицилію, гдѣ тогда жилъ, славил- E.
ся и былъ старѣйшимъ Протагоръ, я, — гораздо моложе его, въ короткое время выработалъ много больше ста пятидесяти минъ, даже въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ, Иникосѣ, нажилъ болѣе ста минъ. Прибывъ домой и принесши это серебро, я отдалъ его отцу, — и онъ, равно какъ другіе граждане, удивились и были поражены. Такъ мое мнѣніе таково, что я выработалъ денегъ больше, чѣмъ взятые вмѣстѣ два, какіе тебѣ угодно, софиста.

Сокр. Ты приводишь, Иппіасъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасное и великое доказательство мудрости—и твоей, и нынѣшнихъ 283.
людей, показывая, какъ они превосходятъ древнихъ; ибо прежніе [1], по твоимъ словамъ, находились въ великомъ невѣжествѣ. Вотъ съ Анаксагоромъ случилось, говорятъ, противное тому, что съ вами: получивъ себѣ въ наслѣдство много денегъ, онъ сталъ беззаботенъ и все потерялъ. Такъ-то неблагоразумно было софистическое его занятіе! Подобное въ этомъ родѣ разсказываютъ и о другихъ древнихъ. Итакъ, въ этомъ ты представляешь, мнѣ кажется, прекрасное доказательство муд- B.
рости нынѣшнихъ, сравнительно съ прежними. Да и многіе того же мнѣнія: мудрецъ долженъ быть мудрецомъ особенно для самого себя [2]; а это, стало-быть, можно опредѣлить [3] такъ:

Protag. p. 341 A. Menon. p. 96 D; также введенія въ діалоги Платона подъ именами Горгіаса, Протагора и Менона. О цѣнѣ, какую брали софисты за свои уроки, см. *Wolf.* Miscell. Litt. p. 42 sqq. *Athen.* T. I, p. 133 sqq. Первый, начавшій брать деньги за уроки, былъ Протагоръ. *Diog. L.* IX, 52.

[1] *Ибо прежніе*—τῶν γὰρ προτέρων. Слѣдующія за этимъ слова: περὶ Ἀναξαγόρου λέγεται, хотя стоятъ во всѣхъ спискахъ, но, очевидно, должны быть признаны за глоссему и внесены въ текстъ e margine; я не перевожу ихъ по-русски.

[2] *Мудрецъ долженъ быть мудрецомъ особенно для самого себя.* Здѣсь Платонъ, кажется, указываетъ на слова Эврипида: μισῶ σοφιστήν, ὅστις οὐχ αὑτῷ σοφός. См. *Matth.* Fragment. Eurip. p. 388.

[3] *А это можно опредѣлить такъ*, τούτου δ' ὅρος ἐστὶν ἄρα. Подъ словомъ ὅρος здѣсь разумѣется не опредѣленіе, а обусловливаніе. Поэтому въ слѣду-

чѣмъ больше кто выработалъ денегъ, тѣмъ больше тотъ пусть будетъ удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи. Но скажи мнѣ вотъ что: какіе города, въ которыхъ ты былъ, доставили тебѣ больше денегъ? не явно ли, что Лакедемонъ, гдѣ бывалъ ты многократно?

Ипп. О нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? весьма мало?

C. *Ипп.* Даже вовсе ничего и никогда.

Сокр. Ты разсказываешь чудеса и невѣроятности, Иппіасъ. Скажи же мнѣ: твоя мудрость не была ли въ состояніи — людей, которые обращаются съ нею и учатся, сдѣлать лучшими въ добродѣтели?

Ипп. И очень, Сократъ.

Сокр. Такъ видно, Сицилійцы желаютъ сдѣлаться лучшими, а Лакедемоняне — нѣтъ?

D. *Ипп.* Безъ сомнѣнія, и Лакедемоняне, Сократъ.

Сокр. Но не убѣгали ли они отъ твоей бесѣды по недостатку денегъ?

Ипп. Ну нѣтъ; денегъ у нихъ довольно.

Сокр. Такъ что же бы это могло быть, что, желая (сдѣлаться лучшими) и имѣя деньги, они, когда ты могъ бы доставить имъ великую пользу, отпустили тебя не съ полными карманами? Не то ли развѣ, что Лакедемоняне въ состояніи воспитать дѣтей своихъ лучше, чѣмъ ты? Скажемъ ли такъ? согласишься ли съ этимъ?

E. *Ипп.* Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Ужели же ты не могъ убѣдить юношей въ Лакедемонѣ, что, обращаясь съ тобою, они больше успѣли бы въ добродѣтели, чѣмъ обращаясь съ своими? или не въ силахъ былъ увѣрить ихъ отцовъ, что они, если сколько-нибудь заботятся о сыновьяхъ, должны ввѣрить ихъ лучше тебѣ, чѣмъ

ющемъ далѣе условіи: *ὅς ἂν πλεῖστον ἀργύριον ἐργάσηται*,—*ἂν* употреблено вмѣсто *ἐάν*, какъ употребляется эта частица весьма нерѣдко. Theaet. p. 208 E: *τοῦτ' ἄρα μὴ ἀποδεχόμεθα, ὅς ἂν λέγῃ συλλαβὴν μὲν γνωστὸν καὶ ῥητὸν, στοιχεῖον δὲ τοὐναντίον*. т.-е. *ἐάν τις*. Такую конструкцію допускаетъ и латинскій языкъ. *Ennius* ap. Gellium VII, 17: Ea libertas est, qui pectus purum et firmum gestitat.

пещись самимъ? Вѣдь отцы, вѣроятно, не завидовали же своимъ дѣтямъ, что послѣднія сдѣлаются лучше ихъ.

Инп. Не думаю, чтобы завидовали.

Сокр. И Лакедемонъ вѣдь городъ благозаконный.

Инп. Какъ не благозаконный.

Сокр. А въ благозаконныхъ-то городахъ добродѣтель весь- 284.
ма уважается.

Инп. Конечно.

Сокр. И ты умѣешь преподать ее другому превосходнѣе всѣхъ людей.

Инп. И очень, Сократъ.

Сокр. Но кто умѣетъ превосходно преподать верховую ѣзду, тотъ изъ цѣлой Эллады не въ Ѳессаліи ли [1] особенно бываетъ цѣнимъ и беретъ большія деньги, равно какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ этимъ занимаются?

Инп. Вѣроятно.

Сокр. А кто умѣетъ преподать выше всего цѣнимыя зна- B.
нія относительно добродѣтели, тотъ, еслибы захотѣлъ, былъ бы особенно почтенъ и выработалъ бы больше денегъ не въ Лакедемонѣ и не въ другомъ городѣ, который между эллинскими городами славится благозаконіемъ, а въ Сициліи, думаешь, другъ мой, и преимущественно въ Иникосѣ? Этому ли должны мы вѣрить, Иппіасъ? вѣдь если прикажешь, надобно вѣрить.

Инп. У Лакедемонянъ непатріотично, Сократъ, трогать ихъ законы и воспитывать сыновей противно ихъ обычаямъ [2].

Сокр. Что ты говоришь? У Лакедемонянъ непатріотично
соблюдать правильность, а патріотично—погрѣшать? C.

Инп. Я не сказалъ бы этого, Сократъ.

---

[1] О достоинствѣ ѳессалійскихъ лошадей и объ искуствѣ ѳессалійскихъ наѣздниковъ сравн. Legg. I, p. 625 D. Menon. p. 70 A. *Athen.* XII, D. 584 B.

[2] О воспитаніи юношества у Лакедемонянъ см. *Xenoph.* De Rep. Laced. c. II. *Plutarch.* inst. Lacon. § 12; Vit. Lycurg. c. 9: *οὐδ' ἐπέβαινε τῆς λακωνικῆς οὐ σοφιστὴς λόγων, οὐ μάντις ἀγυρτικός, οὐχ ἑταιρῶν τροφεύς, ἅτε δὴ νομίσματος οὐκ ὄντος.* Это было во времена, предшествовавшія могуществу лакедемонской республики, и приготовившія могущество ея.

Сокр. Правильно же поступали бы они, когда бы воспитывали юношей лучше, а не хуже?

Ипп. Правда; но давать дѣтямъ воспитаніе иностранное у нихъ незаконно: а иначе—знай, что если кто другой могъ бы когда-нибудь оттуда брать деньги за воспитаніе, то я бралъ бы ихъ тѣмъ больше. Вѣдь они рады слушать меня и хвалятъ, да говорю,—не законъ.

Сокр. А законъ порчею ли города называешь ты, Иппі-
D. асъ, или пользою?

Ипп. Законъ постановляется, думаю, для пользы, но иногда онъ и вредитъ, если худо постановляется.

Сокр. Что же? постановители постановляютъ законъ не въ смыслѣ ли величайшаго блага для города, такъ что безъ него нельзя жить благозаконно?

Ипп. Ты правду говоришь.

Сокр. Стало-быть, когда намѣревающіеся постановить законы погрѣшаютъ противъ добра, тогда не погрѣшаютъ ли они противъ законности и закона? Или какъ ты говоришь?

E. *Ипп.* Судя строго, Сократъ, это конечно такъ; однакожъ, люди обыкновенно не такъ думаютъ.

Сокр. Люди знающіе ли, Иппіасъ, или незнающіе?

Ипп. Чернь.

Сокр. А чернь-то знаетъ ли истинное?

Ипп. Не такъ-то.

Сокр. Однакожъ, знающіе держутся по крайней мѣрѣ того мнѣнія, что, въ разсужденіи истины, болѣе полезное для всѣхъ людей законнѣе того, что болѣе неполезно. Или не соглашаешься?

Ипп. Да, что въ разсужденіи истины-то, соглашаюсь.

Сокр. А не такъ ли есть и должно быть, какъ полагаютъ знающіе?

Ипп. Конечно.

Сокр. Но поэтому-то Лакедемонянамъ, какъ ты говоришь,
285. гораздо полезнѣе было бы давать дѣтямъ воспитаніе чрезъ тебя—иностранное, чѣмъ свое народное.

Ипп. И правду-таки говорю.

Сокр. Да вѣдь и то говоришь, Иппіасъ, что болѣе полезное больше и законно.

Ипп. Конечно говорилъ.

Сокр. Стало-быть, сыновьямъ Лакедемонянъ получать воспитаніе отъ Иппіаса, по твоимъ словамъ, законнѣе, а отъ своихъ отцовъ—незаконнѣе, если ты въ самомъ дѣлѣ могъ доставить имъ величайшую пользу.

Ипп. Конечно, могъ доставить пользу, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно, не давая тебѣ денегъ и не ввѣряя B.
своихъ сыновей, Лакедемоняне поступаютъ противузаконно.

Ипп. Въ этомъ уступаю; потому что твоя рѣчь, кажется, говоритъ за меня, и я нисколько не долженъ противорѣчить ей.

Сокр. Такъ мы находимъ, другъ мой, что Лакедемоняне, кажущіеся весьма вѣрными закону, поступаютъ противузаконно, и притомъ въ вещахъ важнѣйшихъ. Что же такое, ради боговъ, они хвалятъ въ тебѣ, Иппіасъ, и почему рады слушать тебя? Не явно ли, что то, что̀ ты наилучше знаешь, — C.
науку о звѣздахъ и небесныхъ явленіяхъ [1]?

Ипп. Отнюдь нѣтъ; этого-то они даже не терпятъ.

Сокр. Но рады слушать о геометріи?

Ипп. Никакъ; да у нихъ-то многіе, просто сказать, не умѣютъ и считать.

Сокр. Стало-быть, далеко уже не въ вычисленіяхъ показывалъ ты себя, когда они терпѣли.

Ипп. Конечно; далеко не въ томъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ видно, въ томъ, что ты знаешь точнѣе, чѣмъ всѣ люди, т.-е. въ различеніи значенія буквъ, слоговъ, риѳ- D.
мовъ и гармоній?

Ипп. Какихъ, добрякъ, гармоній и буквъ?

Сокр. Но что же это такое, о чемъ они съ удовольствіемъ слушаютъ тебя и хвалятъ? Скажи самъ, когда я не угадываю.

---

[1] Иппіасъ приписывалъ себѣ познанія во всѣхъ родахъ наукъ, а особенно любилъ удивлять слушателей познаніями космологическими. О такой хвастливости его см. *Cicer*. de Orat. III, 42; Hipp. Min. p. 36 D; Prot. p. 318 E.

Ипп. Они весьма охотно слушаютъ, Сократъ, о происхожденіи героевъ и людей, о населеніяхъ, о томъ, какъ встарину созданы были города, и вообще о всей древности [1]; такъ что
E. для нихъ я самъ принужденъ былъ изучать и изслѣдовать все это.

Сокр. Клянусь Зевсомъ, Иппіасъ, хорошо еще, что Лакедемоняне-то не рады, когда кто перечисляетъ имъ и нашихъ всѣхъ архонтовъ, начиная отъ Солона; а то ты озаботился бы изученіемъ и этого.

Ипп. Къ чему, Сократъ, одинъ разъ выслушавши пятьдесятъ именъ, я буду ихъ помнить?

Сокр. Ты правду говоришь. Я и не подумалъ, что ты обладаешь искуствомъ памятованія; а теперь понимаю, что Лаке-
286. демоняне по справедливости рады тебѣ, какъ человѣку многознающему, и пользуются тобою, какъ дѣти старушками, чтобы онѣ разсказывали занимательныя басни.

Ипп. И, клянусь Зевсомъ, Сократъ, недавно еще получилъ я тамъ одобреніе, разсуждая о прекрасныхъ предметахъ, которыми долженъ заниматься юноша. Вѣдь у меня сочинена объ этомъ прекрасная рѣчь [2], хорошо изложенная и съ другихъ сторонъ, и со стороны словъ. Форма и начало моей рѣчи таковы: когда Троя была взята, говорится въ рѣчи, тогда Нео-
B. птолемъ спросилъ Нестора, какіе предметы столь прекрасны, что, занимаясь ими, можно еще въ юности сдѣлаться человѣкомъ славнѣйшимъ. Послѣ сего вводится говорящимъ Несторъ и предлагаетъ ему весьма много законныхъ и превосходныхъ предметовъ. Эту-то рѣчь я тамъ произносилъ, и здѣсь намѣренъ произнесть ее чрезъ два дня въ Филостратовомъ училищѣ.

---

[1] Это—очень ловко схваченная характеристика Лакедемонянъ, державшихся старины и сохранявшихъ народные свои обычаи. Для нихъ, конечно, ничего не могло быть поучительнѣе исторіи великихъ предковъ, прославившихъ свое отечество.

[2] Объ этой рѣчи Иппіаса упоминаетъ и Филостратъ (p. 495): ἔστι δὲ αὐτῷ καὶ Τρωϊκὸς διάλογος οὐ λόγος. Что у Филострата она называется діалогомъ, а не рѣчью, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго; потому что и самъ Иппіасъ намекаетъ, что его сочиненіе имѣло форму діалогическую.

Скажу и много другаго, что̀ сто̀итъ послушать: объ этомъ просилъ меня Евдикъ, сынъ Апиманта. Такъ приходи и самъ ты, приведи и другихъ, способныхъ слушать и судить о томъ, что C.
будетъ сказано.

Сокр. Это будетъ, Иппіасъ, если захочетъ Богъ; а теперь отвѣчай покороче о томъ, о чемъ самъ ты кстати напомнилъ мнѣ. Недавно, почтеннѣйшій, одинъ человѣкъ поставилъ меня въ затрудненіе, когда я, по случаю разговора, иное порицалъ, какъ постыдное, а иное хвалилъ, какъ прекрасное. Онъ почти такъ спросилъ меня, и притомъ весьма оскорбительно: откуда знаешь ты, Сократъ, что̀ прекрасно и что̀ постыдно? да и D.
опять,—можешь ли сказать, что̀ такое прекрасное? (При этомъ вопросѣ) я, по своей неспособности, пришелъ въ затрудненіе и не могъ, какъ слѣдовало, отвѣчать ему. Посему, ушедши изъ собранія, я сердился на себя, досадовалъ и грозился, что какъ скоро встрѣчусь съ кѣмъ-нибудь изъ васъ, мудрецовъ, тотчасъ, услышавъ, научившись и вразумившись отъ него, пойду опять къ вопрошателю и буду снова защищать свое положеніе. Итакъ, теперь, говорю, ты кстати пришелъ: научи меня удовлетворительно о самомъ прекрасномъ, что̀ такое E.
оно, и въ своемъ отвѣтѣ постарайся сказать мнѣ это какъ можно точнѣе, чтобы я не былъ обличенъ и не сдѣлался смѣшнымъ въ другой разъ. Вѣдь ты, вѣроятно, ясно знаешь, и это знаніе, между множествомъ извѣстныхъ тебѣ, должно быть, какое-нибудь маловажное.

Ипп. Въ самомъ дѣлѣ, маловажное, клянусь Зевсомъ, Сократъ,—просто сказать, ничего не значитъ.

Сокр. Стало-быть, я легко научусь, и никто уже не обличитъ меня.

Ипп. Конечно, никто; ибо иначе мое дѣло [1] было бы пустое и глупое. 287.

---

[1] Мое дѣло, *τὸ ἐμὸν πρᾶγμα*, т.-е. просто я. Такъ обыкновенно употреблялось это выраженіе у Грековъ. *Μέμφεσθαι τούτῳ τῷ πράγματι*, т.-е. порицать этотъ народъ. Такъ употребляется оно и у насъ: мое дѣло маленькое, или, мое дѣло сторона.

Сокр. Хорошо же ты говоришь, Иппіасъ. Клянусь Ирою, что мы возьмемъ въ руки того человѣка. Но, подражая ему, не помѣшаю ли я тебѣ, если твои отвѣты буду прерывать возраженіями, чтобы ты тѣмъ лучше вразумилъ меня? Вѣдь въ возраженіяхъ я, можетъ быть, нѣсколько опытенъ. Итакъ, если для тебя нѣтъ какой-нибудь разницы, я, чтобы сильнѣе знать, хочу возражать.

Ипп. Пожалуй, возражай; потому что вопросъ, какъ я и сейчасъ сказалъ, неваженъ. Я научилъ бы тебя отвѣчать и
B. на вопросы гораздо труднѣе этого, такъ чтобы никто изъ людей не могъ тебя опровергнуть.

Сокр. О, какъ хорошо говоришь ты! Но когда таково твое приказаніе,—позволь, чтобы, сколько можно болѣе представляя того человѣка, я попытался спрашивать тебя. Вѣдь еслибы ты произнесъ ему ту рѣчь, въ которой, говоришь, разсуждается о прекрасныхъ занятіяхъ; то слушая, пока ты не переставъ бы говорить, онъ спросилъ бы тебя сперва не о чемъ другомъ, какъ о прекрасномъ—ужъ такой у него обычай—и
C. сказалъ бы: элейскій иностранецъ! справедливые справедливы не справедливостью ли? Отвѣчай же, Иппіасъ, такъ какбы онъ самъ спрашивалъ тебя.

Ипп. Отвѣчаю,—справедливостью.

Сокр. Но есть ли что-нибудь справедливость?

Ипп. Конечно.

Сокр. Не мудростью ли также мудры мудрые, и не добромъ ли дóбро доброе?

Ипп. Какъ же не этимъ?

Сокр. И это-то есть нѣчто сущее, а не-то-что несуществующее.

Ипп. Конечно сущее.

Сокр. Такъ и все прекрасное прекрасно не прекраснымъ ли?

D. *Ипп.* Да, прекраснымъ.

Сокр. Которое тоже есть нѣчто сущее?

Ипп. Сущее. Но что же это будетъ?

Сокр. Такъ скажи мнѣ, иностранецъ, спроситъ онъ, что это такое — прекрасное?

Ипп. Не то ли ужъ нужно знать этому вопрошателю, Сократъ, что̀ прекрасно?

Сокр. Мнѣ кажется, нѣтъ, Иппіасъ, но что есть прекрасное.

Ипп. Да чѣмъ же это отличается отъ того [1]?

Сокр. Тебѣ кажется, ничѣмъ?

Ипп. Нѣтъ никакого различія.

Сокр. Но явно, безъ сомнѣнія, что ты лучше знаешь. Впрочемъ, сообрази, добрякъ: вѣдь онъ спрашиваетъ тебя не о томъ, что̀ прекрасно, а о томъ, что̀ есть прекрасное. E.

Ипп. Понимаю, добрякъ, и вотъ готовъ отвѣчать ему, что̀ есть прекрасное, и никогда не буду опровергнутъ. Хорошо знай, Сократъ, что прекрасное, если сказать правду, есть прекрасная дѣвица.

Сокр. Прекрасно же, клянусь собакою, и славно отвѣтилъ ты, Иппіасъ. Такъ не это ли отвѣтъ, который если дамъ, вопросъ будетъ рѣшенъ, и притомъ вѣрно, и я не буду опровергнутъ? 288.

Ипп. Да какъ могъ бы ты быть опровергнутъ, Сократъ, въ томъ-то, что̀ всѣмъ кажется, и въ чемъ свидѣтели тебѣ — всѣ слушатели, что ты вѣрно говоришь?

Сокр. Пускай, безъ сомнѣнія; но позволь мнѣ, Иппіасъ, размыслить самому съ собой о томъ, что̀ ты говоришь. Онъ спроситъ меня какъ-нибудь такъ.—Ну-ка отвѣчай, Сократъ: все, что называешь ты прекраснымъ, не тѣмъ ли будетъ прекрасно, что̀ есть само прекрасное?—А я тутъ и скажу, что все это тѣмъ прекрасно, что прекрасная дѣвица есть прекрасное.

Ипп. И ты думаешь еще, что онъ рѣшится опровергать B. тебя, какбы, то-есть, то, что ты говоришь, не прекрасно? Да если и рѣшится, не будетъ ли смѣшонъ?

---

[1] Здѣсь Иппіасъ представляется такимъ эмпиристомъ, который никакъ не можетъ оторваться отъ предметовъ чувственнаго воззрѣнія и возвыситься къ идеѣ ума, созерцающаго во множествѣ прекрасныхъ вещей прекрасное само въ себѣ, какъ общій и вмѣстѣ реальный типъ ихъ.

Сокр. Что онъ рѣшится, чудный человѣкъ, это хорошо знаю я; а что, рѣшившись, будетъ смѣшонъ, это докажи ты. Я хочу сказать тебѣ, что̀ именно будетъ онъ говорить.

Ипп. Скажи-ка.

Сокр. Какъ сладокъ [1] ты, Сократъ! скажетъ онъ. Прекрасная кобылица развѣ не прекрасное, когда и богъ въ оракулѣ [2] хвалилъ её? — Что будемъ отвѣчать, Иппіасъ? Не то ли
C. скажемъ, что и кобылица, если только она прекрасна, есть прекрасное? ибо какъ смѣть намъ утверждать, что прекрасное не прекрасно?

Ипп. Ты правду говоришь, Сократъ: да и богъ сказалъ это также весьма правильно; ибо лошади у насъ [3] бываютъ очень красивы.

Сокр. Пускай. Потомъ онъ скажетъ: что? прекрасная лира—не прекрасное ли?—Согласимся, Иппіасъ?

Ипп. Да.

Сокр. А послѣ того, судя по его пріемамъ, — я это, можно сказать, хорошо знаю, — онъ спроситъ: добрѣйшій ты человѣкъ! что же? не прекрасное ли, стало-быть, прекрасный горшокъ?

D. *Ипп.* Фи, Сократъ! да кто же этотъ человѣкъ? какъ необразованъ онъ, когда осмѣливается въ важномъ дѣлѣ произносить такія низкія названія!

Сокр. Таковъ онъ и есть, Иппіасъ: это человѣкъ не вытянутый, а черный, ни о чемъ болѣе не заботится, какъ объ истинѣ; однакожъ, надо отвѣчать ему. И вотъ я самъ напередъ объявлю свое мнѣніе. Если горшокъ былъ сдѣланъ хо-

---

[1] Какъ сладокъ ты, ὡς γλυκὺς εἶ. У Грековъ это—вѣжливое обращеніе къ такому человѣку, котораго въ собственномъ смыслѣ хотѣли бы назвать дурачкомъ, или безтолковымъ. Такъ иногда употребляли и Римляне слово dulcis. *Terent.* Phorm. II, 3, 64.

[2] Здѣсь, по всей вѣроятности, указывается на провѣщаніе, данное Мегарцамъ и записанное въ схоліяхъ Θеокрита XIV, 48. Оно начинается такъ: Γαίης μὲν πάσης τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἄμεινον, ἵπποι Θρηΐκιοι, Λακεδαιμόνιαι δὲ γυναῖκες.

[3] *У насъ,* то-есть въ Элеѣ.

рошимъ горшечникомъ, гладокъ, круголъ и прекрасно обожженъ — (иные изъ прекрасныхъ горшковъ бываютъ съ ушками, и изъ нихъ вмѣщающіе шесть кружекъ — превосходны) — если онъ спрашиваетъ о такомъ горшкѣ, то его надобно признать прекраснымъ; ибо какъ намъ допустить, что прекрас- E.
ное не прекрасно?

Ипп. Никакъ нельзя, Сократъ.

Сокр. Такъ и прекрасный горшокъ, скажетъ, есть прекрасное? — Отвѣчай.

Ипп. Я думаю, будетъ такъ, Сократъ. Прекрасное есть и этотъ прекрасно отдѣланный сосудъ: но все это, въ сравненіи съ прекраснымъ въ конѣ, въ дѣвицѣ и во всемъ другомъ прекрасномъ, не стоитъ разсужденія.

Сокр. Хорошо, понимаю, Иппіасъ; предлагающему такой 289.
вопросъ надобно сказать вопреки слѣдующее: ты не знаешь, человѣкъ, хорошаго мнѣнія Ираклитова[1], что самая прекрасная обезьяна, содержась въ родѣ людей, будетъ безобразна, и самый прекрасный горшокъ, содержась въ родѣ дѣвицъ, будетъ безобразенъ, какъ говоритъ мудрый Иппіасъ. Не такъ ли, Иппіасъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ; ты правильно отвѣчалъ.

Сокр. Слушай же. Вѣдь послѣ этого, хорошо знаю, онъ скажетъ: что же, Сократъ? еслибы кто родъ дѣвицъ ввелъ въ B.
родъ боговъ, — не то же ли вышло бы, что выходитъ, когда родъ горшковъ вводится въ родъ дѣвицъ? Самая прекрасная дѣвица не явится ли безобразною? Не то же ли самое говоритъ и Ираклитъ, на котораго ты ссылаешься, что самый мудрый изъ людей, въ сравненіи съ богомъ, и по мудрости, и по красотѣ, и по всему другому, является обезьяною? — согласимся ли, Иппіасъ, что самая прекрасная дѣвица, въ сравненіи съ родомъ боговъ, безобразна?

[1] Ираклитово мнѣніе, вѣроятно, выражалось такъ: «самая прекрасная обезьяна покажется безобразною въ сравненіи съ высшимъ родомъ». Это согласно и съ кореннымъ взглядомъ Ираклита, какъ философа, который вездѣ и во всемъ видѣлъ только относительность явленій, слѣдующихъ закону постепеннаго развитія.

Ипп. Этому-то, Сократъ, кто сталъ бы противорѣчить?

C. *Сокр.* Но какъ скоро мы согласимся на это,—онъ засмѣется и спроситъ: помнишь ли, Сократъ, о чемъ тебя спрашивали?—Помню, скажу я,—о томъ, что̀ такое прекрасное.—Потомъ, когда спросили о прекрасномъ, что̀ такое оно, скажетъ онъ, ты отвѣчаешь, что оно, какъ самъ говоришь, не больше прекрасно, какъ и безобразно. — Выходитъ, скажу я. Или, что̀ присовѣтуешь мнѣ сказать, другъ мой?

Ипп. Я и самъ то же сказалъ бы. Вѣдь и дѣйствительно, человѣческій родъ, въ сравненіи съ богами-то, не прекрасенъ; онъ правду говоритъ.

Сокр. Если же я спросилъ бы тебя сначала, скажетъ онъ,
D. что̀ есть прекрасное и постыдное, и ты отвѣтилъ бы мнѣ то же, что теперь; то правильно ли отвѣтилъ бы? Вѣдь тебѣ все еще кажется прекраснымъ то, чѣмъ украшается и отчего является прекраснымъ все другое, какъ скоро чему приражцается тотъ родъ,—будетъ ли это дѣвица, или конь, или лира?

Ипп. Да, конечно, Сократъ, если онъ этого-то требуетъ,—разумѣется, всего легче отвѣчать ему, что прекрасно то, чѣмъ украшается все прочее и отъ прирожденности чего все яв-
E. ляется прекраснымъ. Это, видно, человѣкъ самый глупый и ничего не знаетъ о прекрасныхъ пріобрѣтеніяхъ. Если ты отвѣтишь ему, что прекрасное, о которомъ онъ спрашиваетъ, есть не иное что, какъ золото, то онъ остолбенѣетъ и не рѣшится опровергать тебя: вѣдь всѣ мы знаемъ, что чему золото приращдается, то, хотя прежде и казалось постыднымъ, будучи украшено золотомъ, является прекраснымъ.

Сокр. Ты не испыталъ того человѣка, Иппіасъ: онъ очень упрямъ и ничего легко не принимаетъ.

Ипп. Такъ что же это, Сократъ? Вѣдь правильно сказан-
290. ное необходимо ему или принять, или, не принимая, быть смѣшнымъ.

Сокр. А все-таки этого-то отвѣта, почтеннѣйшій, онъ нетолько не приметъ, но еще сильно осмѣетъ меня, и спроситъ:

ахъ ты сумасшедшій! думаешь ли, что Фидіасъ былъ худымъ мастеромъ?—А я, вѣроятно, скажу: отнюдь нѣтъ.

Инп. Да и правильно скажешь, Сократъ.

Сокр. Конечно правильно; однакожъ, какъ скоро я соглашусь, что Фидіасъ былъ мастеръ хорошій,—онъ потомъ скажетъ: такъ того прекраснаго, о которомъ ты говоришь, Фидіасъ, думаешь, не зналъ?—Какъ это? спрошу я.—Такъ, скажетъ онъ, что глаза Аѳины сдѣланы имъ не изъ золота, да и B.
все лицо, руки и ноги,—хотя золотыя-то должны бы казаться прекраснѣйшими, — а изъ слоновой кости. Видно, онъ ошибся въ этомъ, не зная, что золото все, къ чему прираждается, дѣлаетъ прекраснымъ.—На эти слова его что будемъ отвѣчать, Иппіасъ?

Инп. Тутъ нѣтъ ничего труднаго. Мы скажемъ: Фидіасъ C.
правильно поступилъ; потому что слоновая кость, думаю, тоже прекрасна.

Сокр. Для чего же онъ, скажетъ, и глазныхъ зрачковъ не сдѣлалъ изъ слоновой кости, а сдѣлалъ каменные, подобравши камень, сколько можно болѣе сходный съ слоновою костью? Или и прекрасный камень есть прекрасное?—Согласимся, Иппіасъ?

Инп. Конечно согласимся (прибавивъ только), если онъ употребляется, гдѣ прилично.

Сокр. А когда неприлично,—дуренъ?—Согласиться, или нѣтъ?

Инп. Согласись, когда—неприлично.

Сокр. Такъ что же? мудрецъ ты, скажетъ онъ: слоновая D.
кость и золото, если употребляются прилично, бываютъ, очевидно, прекрасны, а когда неприлично, — дурны? — Отвергнемъ ли это, или согласимся, что онъ говоритъ правильно?

Инп. На это-то согласимся; ибо что каждой вещи прилично, то каждую дѣлаетъ прекрасною.

Сокр. А когда у кого прекрасный горшокъ, о которомъ мы недавно говорили, стоитъ на огнѣ, полный прекрасной похлебки,—прилично быть въ немъ, спроситъ, золотому, или смоковничному уполовнику?

Ипп. Ираклъ! о какомъ человѣкѣ говоришь ты, Сократъ!
E. Не хочешь ли сказать мнѣ, кто онъ?

Сокр. Да ты, все равно, не зналъ бы его, хотя бы я и сказалъ тебѣ имя.

Ипп. Впрочемъ я и такъ понимаю, что это какой-то неучъ.

Сокр. Крайне несносный, Иппіасъ. Но, что же мы скажемъ? который изъ уполовниковъ приличенъ похлебкѣ и горшку? Или явно, что смоковничный? потому что похлебку онъ дѣлаетъ благовоннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ, другъ мой, не разобьетъ намъ горшка, не прольетъ похлебки, не загаситъ огня и имѣющихъ кушать не оставитъ безъ этой, очень благород-
291. ной пищи. А тотъ золотой могъ бы сдѣлать все это; такъ что смоковничный, мнѣ кажется, будетъ намъ гораздо приличнѣе золотаго, если ты не иное что-нибудь полагаешь.

Ипп. Да, гораздо приличнѣе, Сократъ, (сказалъ бы я), еслибы только могъ разговаривать съ человѣкомъ, предлагающимъ такіе вопросы.

Сокр. И правильно, другъ мой. Вѣдь тебѣ-то, такъ прекрасно одѣтому, прекрасно обутому, славящемуся мудростью у всѣхъ Эллиновъ, конечно, неприлично наполнять свою память такими именами; а мнѣ ничто не мѣшаетъ сталкиваться
B. съ этимъ человѣкомъ. Такъ ты продолжай [1] учить меня и ради меня отвѣчай.—Если смоковничный-то гораздо приличнѣе золотаго, скажетъ тотъ человѣкъ, то не будетъ ли и прекраснѣе, такъ какъ приличное, Сократъ, ты призналъ прекраснѣйшимъ сравнительно съ неприличнымъ? — Не согласимся ли мы, Иппіасъ, что смоковничный прекраснѣе золотаго?

Ипп. Хочешь ли, я скажу тебѣ, Сократъ, какъ опредѣлить прекрасное, чтобы отдѣлаться отъ многихъ вопросовъ?

C. *Сокр.* Безъ сомнѣнія; однако не прежде же, чѣмъ скажешь

---

[1] ***Продолжай учить меня***, *προδίδασκε*, т.-е. *πόρρω δίδασκε*: ибо *προδιδάσκειν* значитъ учить кого-нибудь такъ, чтобы въ познаніи истины онъ шелъ впередъ. ***Euthyd.*** p. 302 C: *Εὐφήμει τε καὶ μὴ χαλεπῶς με προδίδασκε*, Gorg. p. 489 D: *Πρᾳότερον με προδίδασκε, ἵνα μὴ ἀποστερήσω ἀπὸ σοῦ*. Отсюда латинское praelectio.

мнѣ, который изъ двухъ, сейчасъ упомянутыхъ уполовниковъ назвать въ отвѣтѣ болѣе приличнымъ и прекраснымъ.

Ипп. Отвѣчай ему, если хочешь, что сдѣланный изъ смоковницы.

Сокр. Говори же теперь, что̀ сейчасъ намѣренъ ты былъ сказать: ибо изъ того-то отвѣта, въ которомъ я назвалъ бы прекраснымъ золото, открывается, какъ видно, что золото нисколько не прекраснѣе смоковничнаго дерева. Теперь опять, что̀ еще назовешь ты прекраснымъ!

Ипп. Скажу тебѣ. Ты, кажется, ищешь для своего отвѣта D.
чего-то такого прекраснаго, что никогда, нигдѣ и никому не представлялось бы дурнымъ.

Сокр. Безъ сомнѣнія, Иппіасъ; и ты теперь, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно понимаешь.

Ипп. Слушай же. И если этому кто-нибудь будетъ противорѣчить,—знай, я назову себя человѣкомъ, ничего несмыслящимъ.

Сокр. Такъ скажи, ради боговъ, какъ можно скорѣе.

Ипп. Говорю: всегда, вездѣ и всякому человѣку прекрасно богатѣть, быть здоровымъ, пользоваться почтеніемъ Эллиновъ, дожить до старости, прекрасно украсить могилы умер- E.
шихъ родителей и наконецъ прекрасно и великолѣпно быть погребеннымъ своими дѣтьми.

Сокр. О, о! Иппіасъ, какъ дивно, величественно и достойно себя сказалъ ты! Клянусь Ирою, я радъ за тебя, что ты помогаешь мнѣ, кажется, такъ благоразсудительно, какъ только можешь. Однакожъ, вѣдь на того человѣка мы не попадаемъ; напротивъ, хорошо знай, что теперь-то онъ еще больше будетъ смѣяться.

Ипп. По крайней мѣрѣ, смѣхомъ негодяя, Сократъ. Вѣдь если онъ не можетъ ничего сказать на это, а смѣется; то станетъ смѣяться надъ собою, и за то самъ будетъ осмѣянъ при- 292.
сутствующими.

Сокр. Можетъ быть такъ; а можетъ быть и то, что послѣ

этого-то отвѣта, онъ, какъ я предугадываю, станетъ, должно быть, нетолько смѣяться надо мною,—

Ипп. А то что еще?

Сокр. Но и—если случится у него палка, и я, убѣгая отъ него, не уйду,—постарается порядочно попотчивать меня.

Ипп. Что ты говоришь? Господинъ твой, что ли, этотъ человѣкъ? и сдѣлавъ это, онъ не будетъ отведенъ въ судъ и приговоренъ къ наказанію? Развѣ вашъ городъ не имѣетъ законовъ и позволяетъ гражданамъ безъ причины бить другъ друга?

B. *Сокр.* Отнюдь не позволяетъ.

Ипп. Поэтому несправедливо-то бьющій тебя будетъ наказанъ.

Сокр. Мнѣ не кажется, Иппіасъ; нѣтъ, если только я дамъ этотъ отвѣтъ,—онъ, мнѣ кажется, прибьетъ меня справедливо.

Ипп. Да и мнѣ тоже кажется, Сократъ, если ты самъ такъ думаешь.

Сокр. Что же? не сказать ли тебѣ, отчего я думаю, что, давъ такой отвѣтъ, буду побитъ справедливо? Хочешь ли и ты побить меня безъ суда, или примешь объясненіе?

C. *Ипп.* Это было бы ужасно, Сократъ, еслибы я не принялъ; но что же ты скажешь?

Сокр. Скажу тебѣ такимъ же образомъ, какимъ доселѣ говорилъ, подражая ему, чтобы его словъ рѣзкихъ и злобныхъ, обращаемыхъ ко мнѣ, не относить къ тебѣ. Вѣдь онъ, хорошо знай, будетъ говорить такъ: скажи мнѣ, Сократъ, думаешь ли, что ты несправедливо принялъ побои, когда пропѣлъ такой длинный диѳирамбъ столь немузыкально, и отступилъ такъ далеко отъ вопроса?—Какъ же это? спрошу я.—Какъ? скажетъ онъ; развѣ ты не можешь помнить, что я спрашивалъ тебя о

D. самомъ прекрасномъ, которое всему, чему бываетъ прирождено, сообщаетъ красоту,—и камню, и дереву, и человѣку, и богу, и всякому дѣлу, и всякой наукѣ? Вѣдь объ этомъ-то прекрасномъ я спрашивалъ тебя, человѣкъ, что такое оно,—и ничего не могу сдѣлать съ тобою своимъ крикомъ, какъ будто

возлѣ меня сидитъ камень, и притомъ мельничный, — безъ ушей и безъ мозга. — Тутъ, еслибы я отъ страха послѣ этого сказалъ слѣдующее, — не разсердишься ты, Иппіасъ? — еслибы, то-есть, я сказалъ: однакожъ, это самое называетъ прекраснымъ Иппіасъ, когда я такъ же спрашивалъ его, какъ ты меня, о прекрасномъ для всѣхъ и всегда; то что скажешь: не разсердишься ты? E.

Инп. Но мнѣ хорошо вѣдь извѣстно, Сократъ, что прекрасное для всѣхъ есть и покажется то, что я назвалъ.

Сокр. Есть; да будетъ ли также? спроситъ онъ. Вѣдь прекрасное-то, вѣроятно, всегда прекрасно.

Инп. Конечно.

Сокр. Значитъ, оно и было? спроситъ онъ.

Инп. И было.

Сокр. Сказалъ ли элейскій иностранецъ, спроситъ онъ, что прекрасно было и для Ахилла — быть погребеннымъ послѣ предковъ, и для его дѣда Эака, и для другихъ происшедшихъ отъ боговъ, и для самихъ боговъ? 293.

Инп. Что это? ну его къ богу [1]! Эти-то вопросы того человѣка даже и неблагочестивы, Сократъ.

Сокр. Такъ что жъ? отвѣчать-то на вопросъ другаго, что это такъ, конечно, не очень нечестиво.

Инп. Можетъ быть.

Сокр. Такъ можетъ быть, это ты говоришь, скажетъ онъ, что прекрасное для всякаго и вездѣ есть — быть погребеннымъ дѣтьми и похоронить предковъ? Развѣ Ираклъ былъ не одинъ изъ всѣхъ? и тѣ, о которыхъ мы теперь только говорили, развѣ не всѣ?

---

[1] *Ну его къ богу!* βαλλ' ἐς μακαρίαν, то есть βαλλ' εἰς ᾅδου. Отсюда былъ обычай умершихъ называть Μακαρίδας. Послѣ прилагательнаго μακαρίαν, вѣроятно, надобно разумѣть ζωήν. А иные слово Μακαρία принимали за собственное имя и разумѣли называвшуюся этимъ именемъ дочь Иракла, которая добровольно умерла за родъ Ираклидовъ. Явно, впрочемъ, что βαλλ' ἐς μακαρίαν имѣло у Грековъ силу поговорки, которая соотвѣтствуетъ нашей: ну его къ Богу. *Alciphr.* Lib. I, Epist. 9, p. 32, Lib. III, Epist. 32, p. 344. Scholiast. Aristoph. ad Equit. v. 1148. *Eustath.* ad Odyss. A, p. 1405.

Ипп. Но я говорилъ не о богахъ.

B. *Сокр.* И не о герояхъ, какъ видно.

Ипп. Даже и не о дѣтяхъ боговъ, сколько ихъ ни было.

Сокр. Но о тѣхъ, сколько которыхъ не было?

Ипп. Конечно.

Сокр. Стало-быть, по твоему же опять, какъ видно, мнѣнію, изъ героевъ Танталу, Дардану и Зиѳу принадлежитъ ужасное, нечестивое и постыдное, а Пелопсу и другимъ такого же происхожденія—прекрасное [1].

Ипп. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ тебѣ кажется то, скажетъ онъ, чего прежде ты не говорилъ, что, то-есть, погребать предковъ и быть по-
C. гребеннымъ отъ дѣтей иногда и для нѣкоторыхъ бываетъ постыдно, —даже, какъ видно, еще болѣе; и нельзя, чтобы такое прекрасное бывало и было для всѣхъ, какъ теперь сталось съ этимъ-то, или, какъ прежде съ тѣми — съ дѣвицею и горшкомъ; всего же смѣшнѣе, что для однихъ оно оказывается прекраснымъ, а для другихъ непрекраснымъ. Итакъ, ты и теперь еще, Сократъ, скажетъ онъ, не въ состояніи отвѣчать на вопросъ о прекрасномъ, чтò такое оно.—Такія-то и подобныя оскорбленія нанесетъ онъ мнѣ справедливо, если я такъ
D. отвѣчу ему. По большей части въ этомъ видѣ, Иппіасъ, идетъ бесѣда его со мною. Но иногда, какбы сжалившись надъ моею неопытностью и неученостью, онъ самъ наводитъ меня вопросами на то, не такимъ ли чѣмъ-нибудь кажется мнѣ прекрасное, либо что другое, о чемъ случается ему спрашивать, или что бываетъ предметомъ рѣчи.

Ипп. Какъ это понимаешь ты, Сократъ?

Сокр. Я разскажу тебѣ.—Перестань-ка давать такіе отвѣты, чудный Сократъ, говоритъ онъ; ибо они слишкомъ простоваты и удобоопровергаемы: но разсмотри слѣдующее. Не

---

[1] Такъ какъ Танталъ, Дарданъ и Зиѳъ были божественнаго происхожденія, то для нихъ было бы нечестиво, слѣдуя понятію Иппіаса о прекрасномъ, похоронить своихъ предковъ, а для Пелопса и подобныхъ ему, которые происходили отъ смертныхъ, сдѣлать это было бы прекрасно.

покажется ли тебѣ прекраснымъ то, съ чѣмъ мы сталкивались уже въ отвѣтѣ, когда говорили, что золото, чему приличествуетъ, прекрасно, а чему неприлично, — нѣтъ? подобнымъ образомъ и все прочее, —къ чему что идетъ. Такъ разсмотри-ка это самое — приличествующее, и природу самого Е.
приличествующаго: не оно ли, можетъ быть, есть прекрасное? — На такія предложенія я привыкъ всегда соглашаться, потому что не могу ничего сказать. А тебѣ приличествующее кажется ли прекраснымъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Разсмотримъ, однакожь, чтобы намъ какъ-нибудь опять не ошибиться.

Ипп. Да, надо разсмотрѣть.

Сокр. Такъ смотри. То ли мы называемъ приличествующимъ, что, бывъ прирождено, заставляетъ являться прекрас- 294.
нымъ каждый предметъ, которому это бываетъ присуще, или то, что дѣлается такимъ, или ни то ни другое.

Ипп. Мнѣ кажется [1], то и другое.

Сокр. Не это ли заставляетъ являться прекраснымъ, когда кто, хотя бы былъ и смѣшонъ, является прекраснѣе, надѣвая пристойное платье или обувь?

Ипп. Да.

Сокр. Но если приличествующее заставляетъ предметъ являться прекраснѣе, нежели каковъ онъ есть, то не будетъ ли приличествующее чѣмъ-то обманчивымъ относительно прекраснаго, и не окажется ли не тѣмъ, чего мы ищемъ, Ип-

---

[1] *Ипп. Мнѣ кажется, то и другое* — ἔμοιγε δοκεῖ ἀμφότερα. Греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ, очевидно, перепутанъ и испорченъ. Во-первыхъ, отвѣтъ Иппіаса ἔμοιγε δοκεῖ не заключаетъ въ себѣ ни утвержденія, ни отрицанія; во-вторыхъ, въ началѣ Сократова монолога слово πότερα стоитъ внѣ всякаго отношенія къ послѣдующему. Вмѣсто πότερα, здѣсь, по всей вѣроятности, надобно читать ἀμφότερα, и отнесть его къ отвѣту Иппіаса, монологъ же Сократа начать словомъ ἆρα, — такъ чтобы вышелъ слѣдующій порядокъ рѣчи:

Ἱππ. Ἔμοιγε δοκεῖ ἀμφότερα.

Σωκρ. Ἆρα ὃ ποιεῖ φαίνεσθαι καλά, φαίνεται;

Ἱππ. Ναί.

Σωκρ. Οὐκοῦν εἴπερ καλλίω κ. τ. λ.

піасъ? Вѣдь мы, вѣроятно, искали того, почему бываютъ пре-
B. красны всѣ прекрасные предметы, равно какъ почему велики всѣ великіе, то-есть, по преизбытку: ибо этимъ все велико, хотя бы не являлось; тому необходимо быть великимъ, что имѣетъ избытокъ. Такъ то же скажемъ и о прекрасномъ, по которому все прекрасно, является ли нѣчто такимъ, или нѣтъ. Что могло бы быть оно? Это будетъ не то, что приличествующее; ибо приличествующее, какъ ты сказалъ, заставляетъ предметъ являться прекраснѣе, чѣмъ онъ есть, а тому, что есть, являться не позволяетъ. Намъ надобно постараться, какъ
C. я сейчасъ говорилъ, изслѣдовать то, что дѣлаетъ прекраснымъ, является ли нѣчто, или нѣтъ. Вѣдь это мы ищемъ, если ищемъ прекрасное.

Ипп. Но приличествующее, Сократъ, своимъ присутствіемъ заставляетъ предметы и быть и являться прекрасными.

Сокр. Стало-быть, невозможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы предметы существенно прекрасные, въ присутствіи того, что заставляетъ являться-то, не явились такими?

Ипп. Невозможно.

Сокр. Такъ въ томъ ли согласимся, Иппіасъ, что всѣ существенно прекрасныя учрежденія и дѣйствія всегда всѣмъ
D. кажутся и по бытію и въ явленіи прекрасными? или, совершенно напротивъ, что мы ихъ не знаемъ, и что въ разсужденіи ихъ бываетъ болѣе всего споровъ и вражды, какъ частно —между людьми, такъ и всенародно—между городами?

Ипп. Болѣе такъ, Сократъ; мы не знаемъ.

Сокр. Нѣтъ, не такъ, если имъ свойственно было являться-то. А имъ это было бы свойственно, еслибы приличествующее было прекрасное и заставляло предметы нетолько быть, но и казаться прекрасными; такъ что приличествующее, какъ скоро оно заставляетъ предметъ быть прекраснымъ, было бы тѣмъ прекраснымъ, котораго мы ищемъ, не заставляя его уже
E. являться. Но если опять заставляющее являться есть приличествующее, то оно не было бы прекраснымъ, котораго мы ищемъ: потому что приличествующее-то заставляетъ быть;

заставлять же являться и быть—прекраснымъ ли то, или чѣмъ другимъ,—одно и то же, вѣроятно, не можетъ. Итакъ, изберемъ:—являться ли прекраснымъ, по твоему мнѣнію, заставляетъ приличествующее, или быть?

Ипп. Мнѣ кажется, являться, Сократъ.

Сокр. Увы! стало-быть, отъ насъ, Иппіасъ, бѣгмя бѣжитъ знаніе того, что такое — прекрасное, если только приличествующее является чѣмъ-то особымъ отъ прекраснаго.

Ипп. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, и мнѣ представляется это очень страннымъ.

Сокр. Однакожъ, другъ мой, мы не оставимъ-таки вопро- 295.
са: у меня есть еще нѣкоторая надежда открыть, что такое—прекрасное.

Ипп. Да и сомнѣнія нѣтъ, Сократъ; потому что нетрудно найти. Вѣдь хорошо знаю, что еслибы мнѣ на короткое время уединиться и поразмыслить самому съ собою, то я сказалъ бы тебѣ объ этомъ точнѣе всякой точности.

Сокр. Охъ, не говори такъ самонадѣянно, Иппіасъ: видишь, сколько безпокойствъ надѣлалъ уже намъ этотъ вопросъ! Разсердившись, какъ бы, не убѣжалъ онъ еще далѣе.
Впрочемъ, я ничего не говорю: ты-то, конечно, легко, думаю, B.
найдешь, когда будешь наединѣ. Но, ради боговъ, выищи отвѣтъ на это передо мною; а если хочешь, ищи его, какъ было сейчасъ, вмѣстѣ со мною. И если мы найдемъ, то будетъ превосходно: а когда нѣтъ,—я покорюсь, думаю, своей участи, а ты пойдешь и легко найдешь. Но найди мы это теперь,—я, вѣроятно, не буду докучать тебѣвопросами, чтò такое открылъ ты самъ по себѣ. Такъ разсмотри, кажется ли тебѣ C.
прекрасное вотъ чѣмъ,—но я такъ только говорю; ты наблюдай за мною самъ своимъ вниманіемъ, чтобы мнѣ не сбиться съ толку. Пусть прекраснымъ будетъ у насъ то, что полезно. Я сказалъ это, имѣя въ виду слѣдующее. Прекрасны, говоримъ мы, глаза: но не тѣ кажутся намъ прекрасными, которые не могутъ видѣть, а тѣ, которые могутъ и полезны для зрѣнія. Не такъ ли?

Ипп. Да.

Сокр. Не назовемъ ли мы прекраснымъ поэтому и цѣлое тѣло — иное для бѣганья, иное для битвы, — прекраснымъ и всѣхъ животныхъ—лошадь, пѣтуха, перепела, и всѣ сосуды,
D. колесницы на сушѣ, суда и военные корабли на морѣ, и всѣ орудія—какъ для музыки, такъ и для прочихъ искуствъ, а если хочешь, и занятія, и законы? Не назовемъ ли мы такимъ же образомъ прекраснымъ почти все это? Смотря на каждую изъ вещей, какова она по природѣ, какова по отдѣлкѣ, въ какомъ находится состояніи, и видя, что она полезна, какъ полезна, къ чему полезна и когда полезна, мы почитаемъ ее пре-
E. красною, а во всѣхъ этихъ отношеніяхъ безполезную относимъ къ дурнымъ. Не такъ ли и тебѣ кажется, Иппіасъ?

Ипп. И мнѣ.

Сокр. Стало-быть, мы теперь правильно говоримъ, что прекрасное есть болѣе всего полезное.

Ипп. Конечно правильно, Сократъ.

Сокр. Но всякая вещь не къ тому ли полезна, что̀ можетъ она сдѣлать, поколику можетъ, а когда не можетъ, безполезна?

Ипп. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, мочь — прекрасно, а не мочь — постыдно?

Ипп. И очень. Намъ, Сократъ, и все другое свидѣтель-
296. ствуетъ, что это такъ, да и политика; ибо въ дѣлахъ политическихъ и въ городѣ — мочь есть превосходнѣе всего, а не мочь всего постыднѣе.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Не потому ли, ради боговъ, Иппіасъ, и мудрость всего прекраснѣе, а невѣжество всего постыднѣе?

Ипп. А ты какъ думаешь, Сократъ?

Сокр. Молчи, любезный другъ; я очень боюсь: что̀ это мы опять говоримъ?

B. *Ипп.* Чего ты боишься еще, Сократъ, когда рѣчь твоя шла впередъ такъ прекрасно?

Сокр. Хотѣлъ бы; но разсмотри вмѣстѣ со мною слѣдую-

щее: въ состояніи ли кто сдѣлать что-нибудь такое, чего и не знаетъ, и вовсе не можетъ?

Ипп. Отнюдь нѣтъ. Какъ сдѣлать то-то, чего не можешь?

Сокр. Такъ не правда ли, что погрѣшающіе и не-хотя совершающіе и дѣлающіе зло никогда не сдѣлали бы этого, еслибы не могли сдѣлать?

Ипп. Ужъ очевидно.

Сокр. Но могущіе-то могутъ, конечно, мочью, — вѣдь не немочью же? C.

Ипп. Разумѣется.

Сокр. А могутъ то всѣ дѣлающіе — дѣлать то, что дѣлаютъ?

Ипп. Да.

Сокр. И вотъ всѣ люди, начиная съ дѣтства, дѣлаютъ-то гораздо больше зла, чѣмъ добра, и грѣшатъ не-хотя.

Ипп. Такъ.

Сокр. Что же? Эту мочь и ту пользу, которая полезна для дѣланія чего-нибудь злаго, назовемъ ли прекраснымъ, или далеко нѣтъ?

Ипп. Мнѣ кажется, далеко, Сократъ. D.

Сокр. Стало-быть, мочь и польза, Иппіасъ, у насъ, какъ видно, не есть прекрасное?

Ипп. А если мочь-то для добра, Сократъ?—это будетъ полезно.

Сокр. По крайней мѣрѣ, мысль, что просто мочь и польза есть прекрасное,—идетъ прочь. Видно, наша душа то-то и хотѣла сказать, что польза и мочь для дѣланія чего-нибудь добраго—это есть прекрасное.

Ипп. Мнѣ кажется. E.

Сокр. А это-то полезно, или нѣтъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Значитъ, и прекрасныя дѣла, и прекрасныя учрежденія, и мудрость, и все, о чемъ мы теперь говорили, есть прекрасное, поколику полезное.

Ипп. Явно, что такъ.

Сокр. Стало-быть, выходитъ: прекрасное у насъ есть полезное.

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Но полезное-то есть нѣчто дѣлающее добро.

297. *Ипп.* Конечно такъ.

Сокр. А дѣлающее-то есть не что иное, какъ причина. Не такъ ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, прекрасное есть причина добра.

Ипп. Конечно такъ.

Сокр. Но причина-то, Иппіасъ, и то, чего она причина,— не одно и то же. Вѣдь причина-то, вѣроятно, не можетъ быть причиною причины. Смотри сюда: причина является ли дѣлающею?

Ипп. Конечно.

Сокр. Отъ дѣлающаго же дѣлается не иное что, какъ бывающее, а не дѣлающее?

Ипп. Такъ.

Сокр. И не правда ли, что иное есть бывающее, и иное дѣлающее?

Ипп. Да.

Сокр. Стало-быть, причина-то есть причина не причины, а того, что бываетъ отъ ней.

B. *Ипп.* Конечно.

Сокр. Итакъ, если прекрасное есть причина добра, то отъ прекраснаго можетъ произойти добро. И потому-то, какъ видно, мы стараемся о разумности и о всемъ прекрасномъ, что дѣло и порожденіе этого есть добро и что прекрасное, должно быть, находимъ въ идеѣ какого-то отца доброты.

Ипп. Безъ сомнѣнія; ты, въ самомъ дѣлѣ, хорошо говоришь, Сократъ.

Сокр. Не хорошо ли говорю и то, что ни отецъ не есть сынъ, ни сынъ не есть отецъ?

C. *Ипп.* Конечно хорошо.

Сокр. И причина-то не есть бывающее, а бывающее не есть причина.

Инп. Правду говоришь.

Сокр. Стало-быть, клянусь Зевсомъ, почтеннѣйшій, ни прекрасное не есть доброе, ни доброе не есть прекрасное. Не кажется ли тебѣ, что изъ вышесказаннаго это такъ?

Инп. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ не представляется.

Сокр. Такъ нравится ли намъ, и хотѣли ли бы мы говорить, что прекрасное не добро, и доброе не прекрасно? D.

Инп. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ не нравится.

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, Иппіасъ; и мнѣ-то всего менѣе нравится то, что сказали мы.

Инп. Выходитъ такъ.

Сокр. Слѣдовательно, положеніе, недавно показавшееся намъ превосходнѣйшимъ, что, то-есть, полезное, выгодное [1] и все, чѣмъ можетъ быть сдѣлано какое-либо добро, есть прекрасное,—должно быть не таково: напротивъ, оно, если возможно, еще смѣшнѣе тѣхъ первыхъ, въ которыхъ прекраснымъ мы почитали дѣвицу и другіе прежде высказанные предметы.

Инп. Выходитъ.

Сокр. И теперь уже я-то не вижу, Иппіасъ, куда обратиться; я—въ недоумѣніи. А ты можешь ли что сказать? E.

Инп. Въ настоящую-то минуту, какъ я недавно говорилъ тебѣ, не могу; а разсмотрѣвши, хорошо знаю, что найду.

Сокр. Но отъ сильной жажды знать, я не въ состояніи, кажется, ждать отъ тебя будущаго. И вотъ уже, повидимому, сейчасъ что-то открылъ. Смотри-ка, не то ли можемъ мы назвать прекраснымъ, что заставляетъ насъ радоваться,—разумѣю не всѣ удовольствія, а только получаемыя чрезъ слухъ и зрѣніе. Какъ и чѣмъ могли бы мы защищать это? Вѣдь всѣ 298.
прекрасные люди, Иппіасъ, всѣ украшенія и произведенія

---

[1] *Полезное, выгодное*, τὸ ὠφέλιμον καὶ τὸ χρήσιμον. Эти слова, обыкновенно почитаемыя тожественными, филологи справедливо различаютъ. Χρήσιμον есть то, что можетъ способствовать также ἐπὶ τὸ κακὸν ἐργάζεσθαι; напротивъ, ὠφέλιμον есть собственно полезное καὶ τὸ δυνατὸν ἐπὶ τὸ ἀγαθόν τι ποιῆσαι. Heindorf.

живописи и ваянія, когда они прекрасны, веселятъ наше зрѣніе. То же самое производятъ и прекрасные звуки, и всякая музыка, и рѣчи, и разсказы. Поэтому, еслибы тому дерзкому человѣку мы отвѣтили: благороднѣйшій человѣкъ! прекрасное есть удовольствіе, получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ; то не удержали ли бы мы его, думаешь, отъ дерзости?

Ипп. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, теперь кажется, Сократъ, что
B. о прекрасномъ постановлено хорошо.

Сокр. Что же, стало-быть? прекрасныя занятія и законы, Иппіасъ, назовемъ мы прекрасными потому ли, что это доставляетъ намъ удовольствіе чрезъ слухъ и зрѣніе, или они относятся къ какому-нибудь другому роду [1]?

Ипп. Мнѣ и самому, когда ты говоришь, представляется, что относительно законовъ тутъ дѣло другое.

Сокр. Молчи, Иппіасъ; должно быть, съ этимъ-то прекраснымъ мы попали въ такое затрудненіе, въ какомъ находимся теперь, когда думаемъ, что идемъ иною, хорошею дорогою.

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, что̀ мнѣ представляется, если только
D. въ моихъ словахъ есть дѣло. Вѣдь что касается до законовъ и занятій, то, можетъ быть, они являются не внѣ чувства, или доходятъ до насъ чрезъ слухъ и зрѣніе. Будемъ же отстаивать наше положеніе, что получаемое чрезъ нихъ удовольствіе есть прекрасное, не приводя ничего со стороны законовъ. Но еслибы спросилъ насъ тотъ ли, котораго я разумѣю, или кто другой: что это, Иппіасъ и Сократъ, вы отъ удовольствія отдѣляете извѣстное удовольствіе и называете его пре-

---

[1] Слѣдущій за этимъ текстъ: Ἱππ. Ταῦτα δ'ἴσως, ὦ Σώκρατες, κἂν παραλάθοι τὸν ἄνθρωπον. Σωκρ. Μὰ τὸν κύνα, ὦ Ἱππία, οὐχ ὅν γ' ἂν ἐγὼ μάλιστ' αἰσχυνοίμην ληρῶν καὶ προσποιούμενός τι λέγειν μηδὲν λέγων. Ἱππ. Τίνα τοῦτον; Σωκρ. Σωκράτη τὸν Σωφρονίσκου, ὅς ἐμοὶ οὐδὲν ἂν μᾶλλον ταῦτα ἐπιτρέποι ἀνερεύνητα ὄντα ῥᾳδίως λέγειν ἢ ὡς εἰδότα ἃ μὴ οἶδα, очевидно есть глосса, внесенная e margine; потому что Сократъ, ссылаясь на какого-то безотвязнаго вопрошателя и разумѣя подъ нимъ самого себя, сохраняетъ это свое incognito до конца разговора; слѣдовательно, здѣсь неумѣстно было ему объявлять, что тотъ вопрошатель есть не иной кто, какъ самъ онъ. Чтобы не прерывать хода діалога этою неумѣстною вставкою, я счелъ приличнымъ оставить ее безъ перевода.

краснымъ, а удовольствій, получаемыхъ чрезъ другія чувства, отъ блюдъ, напитковъ, любовныхъ дѣлъ и отъ всего подобнаго, не называете прекраснымъ? неужели ни въ этомъ, ни въ чемъ другомъ, кромѣ зрѣнія и слуха, вы вовсе не признаете ни пріятности, ни удовольствія? Что̀ скажемъ, Иппіасъ? E.

Ипп. Безъ сомнѣнія скажемъ, Сократъ, что и въ другихъ ощущеніяхъ есть очень великія удовольствія.

Сокр. Такъ для чего же, скажетъ, у этихъ удовольствій, которыя ничѣмъ не меньше—удовольствія, какъ и тѣ, вы отнимаете ихъ имя и лишаете ихъ названія прекрасныхъ? — 299. Для того, скажемъ мы, что не было бы никого, кто не осмѣялъ бы насъ, еслибы мы захотѣли утверждать, что ѣсть не пріятно, а прекрасно, и обонять пріятное не пріятно, а прекрасно. Что же касается до дѣлъ любовныхъ, то всѣ спорили бы съ нами, что это весьма пріятно, а между тѣмъ, кто дѣлалъ бы подобное, тотъ долженъ былъ бы дѣлать такъ, чтобы никто не видѣлъ его; ибо быть видимымъ тутъ очень постыдно. Тогда какъ мы говорили бы это,—онъ, можетъ быть, примолвилъ бы: Теперь я понимаю, Иппіасъ, что вы давно уже стыдитесь назвать эти удовольствія прекрасными потому, что они людямъ не кажутся. Но я спрашивалъ не о томъ, что только кажется прекраснымъ, а о томъ, что̀ есть прекрасное.—После этого мы, думаю, повторили бы прежнее свое положеніе, что прекраснымъ почитаемъ часть пріятнаго, получаемую чрезъ слухъ и зрѣніе. Этимъ ли отвѣтомъ воспользуешься ты, или отвѣтимъ что-нибудь другое, Иппіасъ? B.

Ипп. Судя по твоимъ-то словамъ, Сократъ, необходимо сказать это, а не что-либо другое.

Сокр. Хорошо же говорите вы, скажетъ онъ. Итакъ, если прекрасное есть пріятное, получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ; то пріятное, относящееся не къ этому роду, очевидно, уже не будетъ прекраснымъ?—Согласимся ли? C.

Ипп. Да.

Сокр. Такъ пріятное, ощущаемое чрезъ зрѣніе, скажетъ онъ, есть ли пріятное чрезъ зрѣніе и слухъ? или, ощущаемое

чрезъ слухъ есть ли также пріятное чрезъ слухъ и зрѣніе? — Получаемое чрезъ одно которое-нибудь чувство, скажемъ мы, отнюдь не можетъ быть пріятнымъ чрезъ оба. Это тебѣ угодно такъ говорить намъ; а мы говоримъ, что и которая-нибудь изъ этихъ пріятностей сама по себѣ есть прекрасное, и обѣ вмѣстѣ. Не такъ ли отвѣтимъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія.

D. *Сокр.* Но пріятное отъ пріятнаго, — что-нибудь отъ чего-нибудь, скажетъ онъ, отличается ли этимъ—пріятностью? Не то что одно удовольствіе больше или меньше, либо сильнѣе или слабѣе: не различаются ли они тѣмъ, что изъ пріятностей одна есть удовольствіе, а другая — неудовольствіе? — Намъ-то это не кажется.

Ипп. Конечно не кажется.

Сокр. Посему, скажетъ, изъ прочихъ удовольствій вы предъизбираете эти удовольствія ради чего-то другаго, а не ради того, что они удовольствія; вы видите въ обоихъ нѣчто
E. такое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ, и на что смотря, называете ихъ прекрасными. Вѣроятно, не ради того прекрасно удовольствіе, получаемое чрезъ зрѣніе, что оно получается чрезъ зрѣніе; ибо еслибы оно было прекрасно по этой причинѣ, то другое удовольствіе, получаемое чрезъ слухъ, не было бы прекрасно, такъ какъ оно получается не чрезъ зрѣніе.—Скажемъ ли: правду говоришь?

Ипп. Конечно скажемъ.

300. *Сокр.* И опять удовольствіе, получаемое чрезъ слухъ, не ради того прекрасно, что получается чрезъ слухъ; ибо иначе оно не было бы прекрасно чрезъ зрѣніе, котораго удовольствіе не чрезъ слухъ. Истину ли, скажемъ, Иппіасъ, говоритъ тотъ человѣкъ, говоря такимъ образомъ?

Ипп. Истину.

Сокр. И однакожъ, оба эти удовольствія, какъ говорите, прекрасны.—Говоримъ вѣдь?

Ипп. Говоримъ.

Сокр. Стало-быть, они имѣютъ нѣчто тожественное, что

дѣлаетъ ихъ прекрасными, нѣчто общее, находящееся нераздѣльно въ обоихъ и въ каждомъ изъ нихъ порознь; ибо не B.
иначе, вѣроятно, и оба они, и взятыя отдѣльно, могли бы быть прекрасными.—Отвѣчай мнѣ, какбы ему.

Ипп. Отвѣчаю: и мнѣ тоже кажется, что̀ ты говоришь.

Сокр. Стало-быть, если оба эти удовольствія, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ какое-нибудь свойство, а которое-нибудь отдѣльно не имѣетъ его, то не по этому, конечно, свойству они будутъ прекрасны?

Ипп. Да какъ это возможно, Сократъ, чтобы, тогда какъ ни то ни другое удовольствіе не имѣютъ какого-нибудь такого свойства, то самое свойство, котораго нѣтъ ни въ томъ ни въ другомъ, было потомъ свойствомъ обоихъ?

Сокр. Тебѣ не кажется? C.

Ипп. Я никакъ не могу понять ни природы этихъ удовольствій, ни значенія настоящихъ словъ.

Сокр. Какъ пріятно, Иппіасъ! А вѣдь мнѣ, должно быть, представляется, что я что-то вижу такимъ, хотя, если ты находишь это невозможнымъ, вовсе ничего не вижу.

Ипп. Не то что, должно быть, видишь, Сократъ, а намѣренно не хочешь видѣть.

Сокр. Да, конечно; чего-то предъ моею душою носится много, но я не вѣрю этому; потому что не представляешь того же ты — человѣкъ, своею мудростью выработавшій уже кучу денегъ, тогда какъ я, напротивъ, никогда ничего не вы- D.
работалъ, и думаю въ себѣ, другъ мой, не шутишь ли ты надо мною, и не забавляешься ли обманываніемъ меня. Это мнѣ очень часто приходитъ въ голову.

Ипп. Никто лучше тебя не узнаетъ, Сократъ, шучу ли я, или нѣтъ, если рѣшишься говорить, что̀ носится предъ тобой. Тогда вѣдь откроется для тебя, что въ твоихъ словахъ нѣтъ ничего; потому что никогда не найдешь, чтобы, чего не имѣемъ ни ты, ни я, то самое имѣли оба мы.

Сокр. Какъ ты говоришь, Иппіасъ? Можетъ быть, твои E.
слова и значатъ что-нибудь, да я не понимаю. Но послушай

меня, не будетъ ли яснѣе, что хочу я сказать. Вѣдь мнѣ представляется возможнымъ, чтобы то, что̀ не есть ни я и мнѣ не свойственно, ни ты, было свойственно обоимъ намъ. И другое опять: чтобы свойственное обоимъ намъ не принадлежало никоторому изъ насъ.

Ипп. Опять чудеса въ твоемъ отвѣтѣ, Сократъ, и еще больше ихъ, чѣмъ передъ этимъ. Вникни-ка: если оба мы
301. справедливы, то не каждый ли изъ насъ то же? или, если каждый изъ насъ несправедливъ, то не оба ли также? либо, когда оба здоровы, то и не каждый ли? Равнымъ образомъ, если каж дый изъ насъ захворалъ, пораненъ, ушибся, либо потерпѣлъ что другое,—не потерпѣли ли мы того же самаго и оба? Да и это: если оба мы золотые, или серебряные, или изъ слоновой кости, или, когда угодно, благородные, мудрые, почтенные, старые, молодые, либо, что хочешь другое, между людьми бывающее; то не по крайней ли необходимости и каждый изъ насъ есть то же самое?

B. *Сокр*. Безъ сомнѣнія такъ.

Ипп. Ну такъ вотъ, Сократъ; на цѣлое-то въ вещахъ ты не смотришь, равно какъ и тѣ, съ которыми у тебя обыкновенно бываетъ разговоръ. Взявъ прекрасное, вы пробуете его и каждое сущее разсѣкаете своими рѣчами. Поэтому великая и сплошная по природѣ цѣлость сущности скрывается отъ васъ. То же скрылось отъ тебя и теперь; такъ что свойство или сущность ты почитаешь чѣмъ-то либо въ обоихъ нахо-
C. дящимся, а въ каждомъ нѣтъ, либо опять въ каждомъ находящимся, а въ обоихъ нѣтъ. Такъ-то вы нелогичны, неосмотрительны, простоумны и неразсудительны!

Сокр. Наше дѣло, Иппіасъ, таково, что, по ежедневной въ народѣ пословицѣ, не то дѣлай, что хочется, а что можется [1].

---

[1] ***Не то дѣлай, что хочется, а что можется***—*οὐχ' οἷα βούλεταί τις, ἀλλ' οἷα δύναται*. Эту пословицу сохранилъ Свида: *ζῶμεν γὰρ οὐχ ὡς θέλομεν, ἀλλ ὡς δυνάμεθα*, и прибавляетъ, что она относится *ἐπὶ τῶν μὴ κατὰ προαίρεσιν ζώντων κέχρηται (τούτῳ) Πλάτων ἐν Ἱππίᾳ*. Не худо замѣтить, что при этомъ противуположеніи понятій—*βούλεσθαι* и *δύνασθαι*—никогда не употребляется глаголъ *ἐθέ-*

Но ты своими внушеніями всегда помогаешь намъ. Вотъ и теперь, прежде чѣмъ тобою внушено, что мы были простоумны, я хотѣлъ показать тебѣ еще больше, сказавъ, какъ мы разсуждаемъ объ этомъ. Или не говорить? D.

Ипп. Ты будешь говорить знающему, Сократъ; потому что я знаю, каковъ тотъ, кто ведетъ свою рѣчь о чемъ бы то ни было. Впрочемъ, если тебѣ угодно, говори.

Сокр. Ужъ конечно угодно. Вѣдь мы, умнѣйшій человѣкъ, были такъ неумны, пока ты не сказалъ намъ объ этомъ, что думали о мнѣ и тебѣ, будто каждый изъ насъ есть одинъ; а это значитъ, что каждый изъ насъ есть что-то, и что слѣдовательно, каждый—не оба; потому что мы — не одинъ, а два. Такъ простодушны были мы! Но вотъ теперь ты ужъ научилъ насъ, что если мы два — оба, то необходимо быть дву- E.
мя и каждому изъ насъ; а когда каждый — одинъ, — необходимо быть однимъ и обоимъ; ибо сплошному бытію сущности, по мнѣнію Иппіаса, иначе быть невозможно, но что̀ — оба, то — и каждое, и что̀ — каждое, то — оба. Теперь уже я сижу здѣсь, убѣжденный тобою. Напомни же мнѣ сперва, Иппіасъ, одинъ ли мы—я и ты, или ты—два, и я—два?

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. То, что говорю: вѣдь боюсь говорить ясно, чтобы ты не разсердился, когда что-нибудь покажется сказаннымъ на твой счетъ. Однакожъ, скажи мнѣ, каждый изъ насъ—не 302.
одинъ ли и не имѣетъ ли свойства быть однимъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Если же одинъ, то каждый изъ насъ не есть ли нечетъ? Или единицы не почитаешь нечетомъ?

Ипп. Почитаю.

Сокр. Такъ не нечетъ ли и оба мы—двое?

Ипп. Невозможно, Сократъ.

Сокр. Напротивъ, оба-то — четы. Не такъ ли?

λειν, но всегда βούλεσθαι. Причина заключается въ самомъ значеніи этихъ глаголовъ.

Ипп. Конечно.

Сокр. Но такъ какъ оба мы четы, то и каждый изъ насъ есть четъ?

Ипп. Ну, нѣтъ.

B. *Сокр.* Стало-быть, нѣтъ крайней необходимости, какъ ты теперь же говорилъ, чтобы, чтò оба, то былъ и каждый, или, чтò — каждый, то были бы оба.

Ипп. Да не это, а то, что я прежде говорилъ.

Сокр. Довольно, Иппіасъ; любо, когда и одно такъ представляется, хотя бы другое было и нетаково. Вѣдь я уже говорилъ, если помнишь, съ чего началась эта рѣчь, что удовольствія чрезъ зрѣніе и чрезъ слухъ прекрасны не тѣмъ, C. чтò которому-либо изъ нихъ свойственно, а обоимъ нѣтъ, или что обоимъ свойственно, а которому-либо нѣтъ, но тѣмъ, чтò свойственно какъ обоимъ, такъ и каждому порознь. Да ты самъ тогда соглашался, что и оба эти удовольствія, и каждое порознь—прекрасны. Посему-то я думалъ, что если оба они прекрасны, то должны быть прекрасными именно по этому— по заключающейся въ обоихъ сущности, а не по тому, чего въ которомъ-либо изъ нихъ недостаетъ. Такъ я думаю и теперь. Скажи же мнѣ какбы сначала: удовольствіе чрезъ зрѣ- D. ніе и удовольствіе чрезъ слухъ, если оба они прекрасны и каждое порознь, — не въ обоихъ ли ихъ, и не въ каждомъ ли порознь заключается то, что дѣлаетъ ихъ прекрасными?

Ипп. Конечно.

Сокр. И не по тому ли они прекрасны, что какъ то и другое, такъ и оба суть удовольствіе? Или по этому-то и всѣ другія были бы нисколько не меньше ихъ прекрасны? Вѣдь если помнишь, послѣднія представлялись нисколько не меньше удовольствіями.

Ипп. Помню.

Сокр. А между тѣмъ мы говорили, что эти-то потому прекрасны, что получаются чрезъ зрѣніе и слухъ.

E. *Ипп.* Такъ и было сказано.

Сокр. Смотри же, правду ли я говорю. Говорено было,

сколько я помню, что пріятное прекрасно, но не всякое, а получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ.

Ипп. Правда.

Сокр. Такъ это-то свойство принадлежитъ ли обоимъ, а каждому порознь не принадлежитъ? ибо каждое-то изъ нихъ порознь, какъ и прежде было говорено, бываетъ не чрезъ оба: вѣдь оба, конечно, чрезъ оба, но каждое порознь—нѣтъ. Такъ ли это?

Ипп. Такъ.

Сокр. Стало-быть, каждое изъ нихъ порознь не тѣмъ прекрасно, что не принадлежитъ каждому; ибо оба не принадлежатъ каждому порознь: такъ что самыя-то оба можно назвать прекрасными по предположенію, а каждое порознь невозможно. Или какъ скажемъ? не необходимо ли?

Ипп. Видимо. 303.

Сокр. Итакъ, оба мы назовемъ прекрасными, а каждое порознь не назовемъ?

Ипп. Что же мѣшаетъ?

Сокр. Мнѣ кажется, мѣшаетъ то, другъ мой, что у насъ были такія принадлежности каждаго порознь, которыя, если содержатся въ обоихъ, то и въ каждомъ порознь, а когда въ каждомъ порознь, то и въ обоихъ,—вообще все, что ты изслѣдовалъ. Не такъ ли?

Ипп. Да.

Сокр. А что я-то опять изслѣдовалъ,—нѣтъ. И къ этому относились—каждое само по себѣ и оба. Не такъ ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. На которой же сторонѣ, Иппіасъ, кажется тебѣ, пре- B.
красное? на той ли, которую ты опредѣлилъ? Если, то-есть, я силенъ и ты, то и оба; если я справедливъ и ты, то и оба, а когда оба, то и каждый порознь? Такимъ же образомъ, если я прекрасенъ и ты, то и оба, а когда оба, то и каждый порознь? Или ничто не мѣшаетъ, чтобы, когда оба образуютъ какой-нибудь четъ,—взятыя порознь, они образовали то нечетъ, то четъ, и чтобы, когда, взятыя порознь, они невыра·

зимы,—ставъ въ соединеніи обоими, сдѣлались то выразимыми, то опять невыразимыми [1],—и такихъ вещей, какъ я сказалъ, носящихся предо мною, безчисленное множество? Такъ
C. на которой сторонѣ положишь ты прекрасное? Относительно къ нему не то же ли представляется и тебѣ, что мнѣ? Вѣдь мнѣ кажется большою нелогичностію, что когда оба мы прекрасны, каждый порознь—нѣтъ, или,—каждый порознь прекрасенъ, а оба—нѣтъ. Равнымъ образомъ и другое подобное. Такъ ли скажешь, какъ я, или по прежнему?

Ипп. Такъ и я, Сократъ.

Сокр. И хорошо дѣлаешь, Иппіасъ,—чтобы избавиться намъ отъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Вѣдь если прекрасное
D. относится къ этому, то пріятное чрезъ зрѣніе и слухъ уже не можетъ быть прекраснымъ; потому что оно чрезъ зрѣніе и слухъ дѣлаетъ пріятнымъ оба, каждое же порознь—нѣтъ. А это, Иппіасъ, какъ я и ты—согласились, было невозможно.

Ипп. Да, согласились.

Сокр. Стало-быть, пріятному чрезъ зрѣніе и слухъ нельзя быть прекраснымъ; потому что иначе, сдѣлавшись прекраснымъ, оно представлялось бы чѣмъ-то невозможнымъ.

Ипп. Правда.

Сокр. Такъ вы говорите опять сначала, скажетъ тотъ человѣкъ, потому что погрѣшали въ этомъ. Что же такое на-
E. зываете вы прекраснымъ въ обоихъ удовольствіяхъ, ради чего, предпочитая ихъ всѣмъ прочимъ, именуете прекрасными? —Мнѣ-то кажется, необходимо отвѣчать, Иппіасъ, что это—самыя безвредныя и наилучшія изъ удовольствій, берутся ли они вмѣстѣ, или порознь. А ты имѣешь сказать нѣчто другое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ?

Ипп. Отнюдь нѣтъ; эти удовольствія существенно наилучшія.

---

[1] Понятія: *выразимый*, *невыразимый*—*ῥητόν*, *ἄρρητον*—не то, что у математиковъ величина соразмѣримая и несоразмѣримая, а скорѣе то, что на языкѣ философскомъ называется истиною раціональною—*ῥητὸν*, и нераціональною—*ἄῤῥητὸν*, или *ἄλογον*.

Сокр. Стало-быть, вы назовете также прекраснымъ и полезное удовольствіе? спроситъ онъ. — Выходитъ, скажу я. А ты?

Ипп. И я.

Сокр. Но полезное, скажетъ онъ, есть то, что дѣлаетъ добро; а дѣлающее и дѣлаемое, какъ уже было найдено, отличны одно отъ другаго; слѣдовательно, ваше слово не возвращается ли къ прежнему? то-есть, ни доброе не можетъ быть 304.
прекраснымъ, ни прекрасное—добрымъ, если то и другое изъ нихъ есть иное.—Всего болѣе, скажемъ мы, Иппіасъ, если только есть у насъ здравый смыслъ. Вѣдь непозволительно не соглашаться, когда говорятъ правильно.

Ипп. Но что же, наконецъ, все это значитъ, Сократъ? обрывки и обломки рѣчей, раздробленныхъ на малѣйшія части, какъ я прежде сказалъ. Между тѣмъ, прекрасно и весьма цѣнно то, чтобы быть въ состояніи произнесть превосходное слово либо въ судѣ, либо въ совѣтѣ, либо въ какомъ другомъ B.
правительственномъ собраніи, къ которому могла бы быть обращена рѣчь,—произнесть слово убѣдительное, имѣющее цѣлью принесть оратору не маловажную, а величайшую награду, то-есть спасеніе его самого, его имущества и друзей. Къ этому надобно стремиться, распрощавшись со всѣми мелочными тонкостями, чтобы не показаться слишкомъ неразумнымъ, позволяя себѣ такія дурачества и такую болтливость, какъ теперь.

Сокр. Ахъ, любезный Иппіасъ! блаженъ ты, что знаешь, чѣмъ долженъ человѣкъ заниматься и уже, говоришь, довольно занимался. А меня, какъ видно, держитъ въ своей власти какая-то сверхъестественная судьба. Я блуждаю и вѣчно въ C.
недоумѣніи. Когда же свое недоумѣніе открываю вамъ, мудрецамъ, вы закидываете меня обидными словами, зачѣмъ открылъ его, ибо говорите то же, что и ты теперь, будто я занимаюсь глупостями, мелочами и ничего нестоющимъ дѣломъ. Но если опять, убѣжденный вами, я говорю то же, что вы, что, то-есть, гораздо лучше быть въ состояніи составить и

произнесть превосходную рѣчь либо въ судѣ, либо въ дру-
D. гомъ какомъ собраніи, то начинаю выслушивать всевозможныя укоризны и отъ другихъ здѣшнихъ гражданъ, и отъ того, всегда обличающаго меня человѣка; ибо онъ весьма близкій мой родственникъ и живетъ въ томъ же домѣ. Поэтому, какъ скоро прихожу къ себѣ домой, и онъ услышитъ, что я это говорю, — спрашиваетъ: Не стыдно ли тебѣ смѣть разговаривать о прекрасныхъ дѣлахъ, если, столь явно обличаемый, относительно прекраснаго, ты не знаешь даже того, что̀ есть прекрасное. Какимъ образомъ будешь ты знать, прекрасно ли
E. кто составилъ свою рѣчь, или нѣтъ, либо какое другое дѣло, когда не знаешь прекраснаго? Если же ты таковъ, то думаешь ли, что тебѣ лучше жить, чѣмъ умереть? Итакъ, мнѣ приходится, какъ говорю, выслушивать и отъ васъ поношенія, и отъ него укоризны. Но можетъ быть, нужно теперь все это; ибо нѣтъ ничего страннаго, если отъ этого получу пользу. И въ самомъ дѣлѣ, Иппіасъ, я думаю, что бесѣда съ обоими вами мнѣ полезна; кажется, я понимаю, что значитъ пословица: прекрасное—трудно.

МЕНЕКСЕНЪ.

МЕНЕКСЕНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Однимъ изъ превосходнѣйшихъ постановленій въ аѳинской республикѣ было ежегодное, торжественное поминовеніе падшихъ на войнѣ Аѳинянъ. Оно имѣло, правда, характеръ торжества не столько религіознаго, сколько гражданскаго, и больше льстило житейскому тщеславію человѣка, чѣмъ сколько окрыляло душу загробными надеждами; однакожъ, мысль вступающаго въ битву Аѳинянина, что отечество почтитъ его подвигъ всенародными похвалами, и будетъ сопровождать его память своими благожеланіями за самые предѣлы гроба, не могла не питать и не поддерживать патріотическихъ его стремленій. Установленіе этого праздника риторъ Анаксименъ у Плутарха (Poplic. § 9, p. 102 A) приписываетъ Солону; а другіе, вмѣстѣ съ Діодоромъ сицилійскимъ (XI, 33) и Діонисіемъ (Archaeolog. II, 291) начало его относятъ ко временамъ персидской войны. Обрядъ совершенія поминовенія убитыхъ въ сраженіи воиновъ описывается у Ѳукидида (II, 34) слѣдующимъ образомъ: «Кости покойниковъ, говоритъ онъ, выставляютъ въ построенной за три дня палаткѣ, въ которую вмѣстѣ съ тѣмъ каждый приноситъ что-нибудь отъ себя, если ему угодно. По окончаніи такого сноса, вывозятся на колесницахъ кипарисныя урны,—по одной изъ всякой филы,—заключающія въ себѣ тѣ или другія кости, смотря по филѣ, къ которой кто принадлежалъ. Приносится также и одинъ порож-

ній одръ, постланный для тѣхъ умершихъ, которые не были найдены на полѣ битвы и не унесены. Кто хочетъ, сюда же приноситъ кости горожанъ и иностранцевъ. Приходятъ и женщины, принадлежащія къ обществу надгробныхъ плакальщицъ. Привезенныя урны кладутъ въ общественную могилу, въ самомъ лучшемъ предмѣстіи города, и всякій разъ, кромѣ убитыхъ при Мараѳонѣ, погребаютъ въ ней всѣхъ падшихъ на войнѣ; ибо, отличая блестящее мужество мараѳонскихъ подвижниковъ, Аѳиняне для нихъ-то и устроили эту могилу. По погребеніи же въ землѣ упомянутыхъ костей, избранный отъ города человѣкъ, съ умомъ, здравымъ смысломъ и гражданскимъ достоинствомъ, говоритъ надъ ними приличное похвальное слово; а затѣмъ расходятся.» Такой обычай, по свидѣтельству Димосѳена (adv. Leptin. p. 399 R), существовалъ только у Аѳинянъ; въ исторіи другихъ греческихъ республикъ ничего подобнаго не находимъ (см. *Wolf.* ad Leptin. p. 362). Да и Римляне убитымъ своимъ воинамъ торжественнаго погребенія не дѣлали, а совершали погребеніе частное (*Ernesti* de panegyrica eloquentia Romanorum aureae aetatis in Opuscul. orat. et philol. p. 175 sqq.).

Аѳинскіе ораторы при погребальныхъ случаяхъ, кажется, издавна любили съ похвалами умершимъ соединять похвалы ихъ предкамъ, и такимъ образомъ значеніе похвальныхъ своихъ рѣчей болѣе или менѣе распространять на многихъ. Объ этомъ не безъ основанія можно заключать изъ словъ Перикла у Ѳукидида (II, 36). И здѣсь-то, между прочимъ, риторы и софисты впослѣдствіи открыли себѣ обширное поле, на которомъ могли выказывать свои дарованія и прославлять свою науку, —особенно съ того времени, какъ всенародно произнесъ надгробное слово Горгіасъ леонтинскій (*Philostrat.* vit. Sophist. 1, 9. cnec. *Fuss.* De Gorgia leontin. p. 64 sqq.). Впрочемъ, хотя содержаніе такихъ рѣчей было обширно, однакожъ оно не могло много разнообразиться; а потому ораторы недостатокъ его разнообразія должны были вознаграждать новостію оборотовъ и блескомъ выраженій. — вообще изысканностію формы, и

этимъ особенно способомъ старались вызвать одобреніе и рукоплесканія народнаго собранія. Но отсюда результатъ былъ таковъ, что дѣйствительная исторія событій оставалась только канвою искуства ораторскаго. Главное вниманіе обращалось уже не на то, что̀ и какъ происходило, а на то, что̀ въ какихъ формахъ высказано. Народъ жаждалъ похвалъ, надлежало лелѣять его тщеславіе, — и историческіе факты должны были расширяться, или съуживаться, показывать ту или другую сторону, по требованію льстивой фразы декламатора. Это требованіе такъ властвовало надъ истиною событій, что если она не могла нравиться народу, то заставляли ее молчать; а когда въ ней было меньше благопріятнаго, чѣмъ неблагопріятнаго слушателямъ,—немногому и маловажному сообщали особенную выпуклость, главное же и самое замѣтное оставляли въ тѣни, либо непріятную правду прикрашивали пріятнымъ вымысломъ. Примѣры такого свободнаго ораторства собралъ еще риторъ Цецилій, о которомъ говоритъ Воссій (De Histor. Gr. p. 178 sq:), и который, по свидѣтельству Свиды, писалъ *περὶ τῶν καθ' ἱστορίαν ἢ παρ' ἱστορίαν εἰρημένων τοῖς ῥήτορσι*. Это сочиненіе Цецилія, къ сожалѣнію, до насъ не дошло; но наше мнѣніе о надгробныхъ ораторскихъ рѣчахъ не менѣе подтверждается и сохранившимися памятниками краснорѣчія греческихъ панигиристовъ. Извѣстно, что и Исократъ въ похвальной своей рѣчи не всегда вѣренъ истинѣ (*Benseler*. opp. Isocrat. german. vers. t. 1, p. 13 sqq. praefat.), и Лизіасъ въ своей эпитафіи не соблюлъ столько строгости, чтобы не пожертвовать кое-чѣмъ ораторскому искуству (*Schönborn* p. XIV); а о надгробной рѣчи, приписываемой Димосѳену, и говорить нечего (*Taylor* lectt. lysiacc. c. III).

Такое-то похвальное слово надъ могилою падшихъ въ битвахъ воиновъ написалъ и Платонъ отъ лица Сократа. Въ этой эпитафіи Сократъ обозрѣваетъ подвиги Аѳинянъ съ первыхъ временъ историческаго существованія Аттики, и доводитъ свое обозрѣніе до времени анталкидскаго мира, т.-е. до 2-го года 98-й олимпіады, или до 387 года предъ Р. Х. По содер-

жанію и языку, Сократова рѣчь есть не иное что, какъ пародія рѣчей, произносимыхъ современными Платону риторами. Въ ней многія событія военной и гражданской жизни Аѳинянъ изображены невѣрно, нѣкоторыя описаны несогласно съ хронологіею; но всѣ представлены такъ, что клонятся къ похвалѣ аѳинскаго народа и потворствуютъ его славолюбію. А чтобы эта пародія была полнѣе, ораторъ не жалѣетъ въ ней никакихъ внѣшнихъ украшеній и, подражая Горгіасу, скучиваетъ тропы и фигуры, непрестанно щеголяетъ антитезами и искуственнымъ сближеніемъ словъ для составленія болѣе эффектной фразы. У него тотчасъ являются такъ называемыя *παρισώσεις*, *παροιμιώσεις*, *ὁμοιοκατάληκτα* и проч., и все это переплетается поэтическими блестками, каковы — *πόνων ἀρωγή* (о маслѣ), *πηγαί τροφῆς* (о молокѣ), *μῖσος ἐντέτηκε τῇ πόλει*, и другія тому подобныя.

Разсматривая съ этой стороны произнесенную Сократомъ надгробную рѣчь, не вдругъ можно понять, чего хотѣлъ достигнуть ею Платонъ. Неужели намѣреніе его было только передразнить современныхъ ему риторовъ? Но въ такомъ случаѣ нельзя было бы объяснить себѣ того высокаго понятія Аѳинянъ о его рѣчи, какое впослѣдствіи выразили они своимъ требованіемъ, чтобы эта рѣчь, какъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ (Orat. c. 44), всякій годъ торжественно читана была въ честь убитыхъ въ сраженіи воиновъ. Видно, позднѣйшіе Аѳиняне, не менѣе жаждавшіе похвалъ, какъ и ихъ предки, находили ее лучшею, чѣмъ сочиненія другихъ писателей въ томъ же родѣ (снес. *Dionys*. II, p. 40. *Hermogenes* De Id. II, 10). Видно, не замѣчая въ ней скрытаго тона насмѣшливости, они удивлялись какимъ-то хорошимъ ея качествамъ. Чтò же именно въ рѣчи Платона могло нравиться имъ больше, чѣмъ въ рѣчахъ другихъ ораторовъ? Они слышали въ ней тѣ же преувеличенныя похвалы, тѣ же особенности выраженія, тѣ же искуственные обороты краснорѣчія, то же изысканное сближеніе словъ,—слышали все это и восхищались ею, какъ памятью вѣстника, перечислявшаго имъ славные ихъ подвиги: но въ этомъ перечисленіи сверхъ того замѣчали они

больше ясности, раздѣльности и послѣдовательности,—замѣчали правильное движеніе, гармонію, методу, чего не находили въ другихъ подобныхъ рѣчахъ,—и потому предпочитали ее всѣмъ прочимъ (*Schönborn* l. c.). Если это предположеніе можно принять, какъ вѣроятное, то рѣчь Сократа въ Платоновомъ Менексенѣ должна была имѣть такое же отношеніе къ эпитафіямъ другихъ ораторовъ, какое первая рѣчь Сократова въ Платоновомъ Федрѣ имѣетъ къ эротической рѣчи Лизіаса. Содержаніе обѣихъ этихъ рѣчей, какъ извѣстно, одно и то же: однакожъ, когда Сократъ, по прочтеніи рѣчи Лизіасовой, произнесъ свою о томъ самомъ предметѣ,—Федръ нашелъ ее далеко лучше первой. Между тѣмъ превосходство Сократовой рѣчи заключалось отнюдь не въ содержаніи, а только въ логической правильности, то-есть въ точномъ опредѣленіи предмета, въ естественномъ расчлененіи его и въ послѣдовательномъ раскрытіи каждой его части. Но всѣми качествами, которыми рѣчь Сократа въ Федрѣ превосходитъ Лизіасову, отличается и рѣчь, произнесенная имъ въ память убитыхъ въ сраженіи воиновъ: и здѣсь тотъ же самый предметъ, который раскрывали другіе ораторы смѣшанно, неопредѣленно и темно, Сократъ раскрылъ методически, т.-е. строго держась основныхъ правилъ логическаго мышленія, чему, говоритъ, научился онъ у Аспазіи и Конна. Можно даже полагать, что, готовя своего Менексена, Платонъ имѣлъ въ виду именно надгробное слово Лизіаса, которое долженствовало быть издано имъ немного ранѣе Платоновой эпитафіи и находилось тогда у всѣхъ еще въ свѣжей памяти. Этой догадки держутся Кеппенъ, Шлейермахеръ и Шенборнъ, и догадка ихъ мнѣ нравится. Весьма вѣроятно, что Федра и Менексена Платонъ поставлялъ въ одинаковое отношеніе къ Лизіасу, только первый подалъ Платону случай доказать, что Лизіасъ не умѣетъ писать рѣчи эротическія, а послѣдній,—что ему неизвѣстны правила составленія рѣчей надгробныхъ (*Socherus* de scriptis Platonis p. 328 sq.). Такимъ образомъ Платонъ въ своемъ Менексенѣ, при одномъ и томъ же направ-

леніи сочиненія, достигъ двоякой цѣли: во-первыхъ, искусно показалъ, что современные ему писатели часто измѣняютъ истинѣ, и потому только удостоиваются одобренія, что хвалятъ Аѳинянъ въ присутствіи самихъ Аѳинянъ; во-вторыхъ, ясно и практически научилъ, какъ надобно прилагать правила хорошей методы къ составленію эпитафій.

При такомъ взглядѣ на Платонова Менексена, легко рѣшаются всѣ недоумѣнія, заставляющія нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности и внутреннемъ достоинствѣ этого сочиненія. Читая его, люди ученые иногда удивлялись, какъ это Платонъ столь невѣрно пересказываетъ въ немъ самыя извѣстныя историческія событія. Но онъ намѣренно не хотѣлъ передавать ихъ съ историческою точностію; онъ и не думалъ исправлять вздорные разсказы ораторовъ, а напротивъ старательно подражалъ имъ и, чтобы свою насмѣшку сдѣлать замѣтнѣе, еще увеличивалъ лживость ихъ сказаній. Такъ должно думать и о пестротѣ его языка. Въ Федрѣ (p. 266) онъ сильно смѣется надъ такою пестротою; слѣдовательно здѣсь, въ Менексенѣ, допускаетъ ее въ значеніи шутки надъ усиліемъ софистовъ — прикрашивать ею уродливость фактовъ. Еслибы такъ понималъ Менексена и Діонисій галикарнасскій, то не сталъ бы порицать Платона за отступленіе отъ истины (см. T. VI, p. 1027 sqq.) и столь жестоко нападать на него: тогда онъ увидѣлъ бы, что Платонъ все это говорилъ, желая пошутить надъ лживостью современныхъ ораторовъ.

При такомъ взглядѣ на Платонова Менексена, не покажется страннымъ и признаніе Сократа, что рѣчь, которую намѣренъ онъ произнесть, заимствована имъ у Аспазіи. Въ лицѣ Аспазіи онъ видитъ женщину нетолько краснорѣчивую (De Aspasiae facundia v. Fr, *Jacobs* Vermischte schriften T. IV, p. 383 sqq.), но и проницательную, съ тонкимъ умомъ, чуткимъ вкусомъ и философскимъ образованіемъ (*Groen van Prinsterer* Prosopogr. Plat. p. 124 sqq., p. 141), — такую женщину, которая имѣетъ способность вдругъ замѣчать, что говорится въ

порядкѣ, и что нѣтъ. По смыслу Сократовыхъ разсужденій, того-то и недоставало Лизіасу и другимъ современнымъ ему ораторамъ, что они не учились у Аспазіи, не обладали ея инстинктомъ чувствовать прекрасное, происходящее отъ строгой методы изложенія предметовъ, которая всякому смѣшенію сообщаетъ раздѣльность, все неопредѣленное опредѣляетъ и все темное дѣлаетъ яснымъ. Сократъ очень пріятно шутитъ, говоря, что и Периклъ надгробную свою рѣчь сложилъ чуть не подъ диктовку Аспазіи. Но извѣстно, что о Перикловой эпитафіи онъ имѣлъ высокое понятіе, смотря именно на логическую стройность ея изложенія (Phaedr. p. 270 sqq.). Слѣдовательно, и здѣсь, намѣреваясь произнесть рѣчь, заимствованную у Аспазіи, онъ намекаетъ не на иное что-либо, какъ на методу, по которой должны быть излагаемы надгробныя рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ, если внимательно разсмотримъ ходъ Платоновой эпитафіи въ Менексенѣ и сравнимъ его съ порядкомъ Перикловой рѣчи у Ѳукидида, то замѣтимъ, что въ этомъ отношеніи одна отъ другой немного отличается. Изобразивъ кратко доблесть предковъ (Thucyd. II, c. 36), Периклъ потомъ прибавляетъ: «Показавъ такое стремленіе ихъ, перейдемъ и къ тому, каково было ихъ общество, каковы нравы, содѣйствовавшіе ихъ величію. Разсмотрѣвъ же это, приступимъ затѣмъ и къ похвалѣ умершихъ воиновъ.» Почти такой же порядокъ рѣчи предначертывается и въ Менексенѣ (p. 237 A): «Мнѣ кажется и хвалить ихъ надобно такъ, какъ они родились добрыми, то-есть по природѣ; а добрыми родились они потому, что родились отъ добрыхъ. Итакъ, сперва будемъ величать ихъ благородство, потомъ питаніе и образованіе; а затѣмъ укажемъ на совершенныя ими дѣла, сколь прекрасными и достойными ихъ оказались они.» Сходство предначертываемыхъ плановъ въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ очевидно. Поэтому ссылка Сократа на содѣйствіе Аспазіи, способствовавшей развитію Периклова таланта, нисколько не представляется странною.

Къ мнимымъ странностямъ въ содержаніи Платонова Менексена Шлейермахеръ относитъ и то, что надгробной рѣчи

въ немъ предшествуетъ разговоръ Сократа съ Менексеномъ, будто бы неимѣющій къ цѣлому никакого существеннаго отношенія. Но еслибы въ Менексенѣ не было этой бесѣды, мы дѣйствительно не могли бы понять цѣли Платоновой эпитафіи и объяснить многія, встрѣчающіяся въ ней несообразности. Разговоръ-то именно и показываетъ какъ побужденіе произнести надгробную рѣчь, такъ и цѣль, которой Сократъ хотѣлъ достигнуть ею; изъ разговора-то и видно, что приступая къ изложенію эпитафіи, Платонъ поставилъ себѣ задачею показать, въ чемъ должно состоять истинное достоинство рѣчи ораторской, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмѣяться надъ преувеличенными похвалами и нелѣпыми вымыслами народныхъ декламаторовъ, а особенно Лизіаса. Имя этого оратора въ Менексенѣ, конечно, не упомянуто; но упоминать о немъ, собственно говоря, не было и надобности, когда Сократа, умершаго за тринадцать лѣтъ до времени владычества тридцати тиранновъ, Платонъ заставляетъ говорить объ этомъ событіи именно потому, что имъ оканчивается надгробная рѣчь Лизіаса. Самый этотъ анахронизмъ есть лучшее указаніе на то лицо, противъ котораго философъ направляетъ свою эпитафію. Дѣйствительно, можно ли думать, чтобы Платонъ или не зналъ преемства современныхъ себѣ событій, или, по какой-то странной опрометчивости, не обращалъ вниманія на то, какъ они слѣдовали, что неумышленно позволилъ себѣ такой анахронизмъ? Нѣтъ, никогда ничего не говорилъ онъ безъ цѣли; такъ что даже кажущіяся погрѣшности въ развитіи его діалоговъ были предварительно расчитаны и допущены по извѣстнымъ, сознательно представляемымъ причинамъ. Зачѣмъ ему было прямо указывать на Лизіаса? Это могло бы возбудить въ ораторѣ личную ненависть. Онъ призналъ за лучшее заставить умершаго уже Сократа говорить о написанной послѣ него рѣчи, чтобы слушатели сами догадались, кѣмъ она написана, и видѣли, кого дѣло касается.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ характеръ, направленіе и цѣль Платонова Менексена, мы не находимъ въ немъ ничего,

что было бы недостойно имени великаго греческаго философа, и потому никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Аста, будто бы это сочиненіе надобно почитать подложнымъ. Астъ говоритъ, что въ Менексенѣ нѣтъ того изящества и благородства рѣчи, какое замѣчается въ подлинныхъ сочиненіяхъ Платова. Но для опредѣленія подлинности его сочиненій недостаточно однихъ этихъ признаковъ. Нельзя не согласиться, что Платонову генію въ тогдашнія времена республики свойственно, даже почти необходимо было приходить въ столкновеніе съ софистами и риторами и смѣяться надъ ихъ хвастовствомъ, лживостью и тщеславіемъ; а въ такомъ случаѣ рѣчь его не могла не ниспускаться ниже обыкновеннаго своего полета и не запутываться въ мелочи, чтобы предохранить согражданъ отъ гибельнаго вліянія софистики. Притомъ отвергать подлинность Менексена значило бы почти сомнѣваться и въ подлинности Федра, съ которымъ это сочиненіе находится въ самой тѣсной связи. Но Федръ всегда и всѣми приписываемъ былъ Платону; слѣдовательно, ему же долженъ быть усвоенъ и Менексенъ. Надобно также уступить и авторитету древнихъ свидѣтелей, которыми это сочиненіе постоянно признаваемо было за Платоново. Такъ, напримѣръ, Аристотель, (Rhetor. 1, 9. III, 14) говоритъ: ὅ λέγει Σωκράτης ἐν τῷ ἐπιταφίῳ. О Менексенѣ, какъ твореніи Платона, упоминаютъ, кромѣ того, *Dionys. Hal.* T. VI, p. 1627 sqq. De composit. verbor. p. 116. *Athen.* XI, p. 506. *Plutarch.* vit. Pericl. T. 1, p. 638, Reisk. *Cicer.* Tusc. v. 12, etc.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И МЕНЕКСЕНЪ.

234. *Сокр*. Съ площади, или откуда Менексенъ [1]?

Мен. Съ площади, Сократъ, и изъ совѣта.

Сокр. Зачѣмъ же ты въ совѣтъ? Впрочемъ, не явно ли, что почитаешь себя достигшимъ совершенства въ образованіи и философіи [2] и, сознавая въ себѣ уже довольно силъ, думаешь обратиться къ большему; находясь еще въ такомъ возрастѣ [3], намѣреваешься, почтеннѣйшій, начальствовать надъ

---

[1] ***Или откуда Менексенъ?*** ἢ πόθεν Μενέξενος. Здѣсь именительный Μενέξενος употребленъ отнюдь не вмѣсто звательнаго, а такъ, какбы подразумѣвающій-ся глаголъ стоялъ въ третьемъ лицѣ. Подобнымъ образомъ у Горація (Serm. II, 4, 1): unde et quo Catius? Поэтому предъ Μενέξενος не должно быть запятой.

[2] Подъ словомъ «философія» въ этомъ мѣстѣ разумѣется образованіе ума вообще науками и искуствами, которыхъ изученіе приготовляло аѳинскаго гражданина къ принятію участія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ этомъ смыслѣ и Исократъ (ad Demonic. p. 4, ed. Reisk.) употребляетъ слово: φιλοσοφεῖν: «Ты желаешь образованія; а я берусь образовать другихъ. У тебя есть способность философствовать; а я поправляю философовъ.

[3] ***Находясь еще въ такомъ возрастѣ***, τηλικοῦτος ὤν. Аѳинскіе юноши, выслушавъ тѣ науки, которыя преподаваемы были отрочеству, на 18 году почитаемы были уже эфебами и поступали въ разрядъ гражданъ, способныхъ носить оружіе (ληξιαρχικοί). Съ этого времени они начинали пользоваться правами общественныхъ дѣятелей, имъ позволялось жениться, входить въ судъ, принимать наслѣдство, обвинять другихъ и пр. Но участвовать въ народныхъ собраніяхъ могли они, кажется, не прежде 20 года (*Platner*. Symboll. ad jus Attic., p. 172 sqq.). Изъ этого видно, въ какомъ возрастѣ находился Менексенъ, вступившій теперь въ разговоръ съ Сократомъ.

нами, стариками, чтобы вашъ домъ [1] никогда не переставалъ давать намъ какого-нибудь попечителя. B.

Мен. Постараюсь, если только ты позволишь, Сократъ, и посовѣтуешь начальствовать; а когда нѣтъ,—не будетъ этого. Теперь же я ходилъ въ совѣтъ, получивъ извѣстіе, что тамъ намѣрены были избрать человѣка, имѣющаго говорить на случай [2] убитыхъ въ сраженіи воиновъ. Вѣдь ты знаешь, что готовится имъ торжественное погребеніе [3].

Сокр. Конечно; кого же избрали [4]?

Мен. Никого; отложили на завтра. Впрочемъ, будетъ избранъ, думаю, Архинъ, либо Діонъ [5].

Сокр. Такъ-то вотъ, Менексенъ, должно быть, по многимъ C.
причинамъ хорошо умереть на войнѣ: и погребеніе сдѣлаютъ прекрасное и пышное, хотя бы кто умеръ бѣднякомъ; и почтутъ похвалами, хотя бы былъ человѣкомъ пустымъ. А будутъ хвалить мужи мудрые и хвалящіе не наобумъ, но приго-

---

[1] *Вашъ домъ.* Менексенъ былъ сынъ Димофона пеанійскаго, какъ это видно изъ Платонова Лизиса (p. 206 D), гдѣ упоминается о двоюродномъ братѣ Менексена, Ктизиппѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Ктизиппомъ Менексенъ былъ въ темницѣ Сократа въ день его смерти (см. Phaed. p. 59 B). Отсюда видно, что онъ принадлежалъ къ числу самыхъ преданныхъ учениковъ сына Софронискова, и потому нисколько не странны дальнѣйшія его слова: «постараюсь, если только ты позволишь».

[2] *Будетъ говорить на случай убитыхъ въ сраженіи воиновъ* — ἐρεῖ ἐπὶ τοῖς ἀποθανοῦσι. Небезполезно замѣтить особенное сочиненіе глагола ἐρεῖν съ предлогомъ ἐπί. Ἐρεῖν или λέγειν ἐπί τινι—значитъ стать на что-нибудь и говорить о томъ, на чемъ стоишь. Отсюда λόγοι ἐπιτάφιοι... Отсюда у насъ: *слово на день...*

[3] *Готовится торжественное погребеніе* — μέλλουσι ταφὰς ποιεῖν. Этого выраженія не должно смѣшивать съ глаголомъ: θάπτειν: ταφὰς ποιοῦσι — старѣйшины, утверждающіе погребальную церемонію; а θάπτουσι — тѣ, которые погребаютъ, или закапываютъ тѣло. Здѣсь указывается на аѳинскій законъ ежегодно совершать торжественное поминовеніе по убитымъ въ сраженіяхъ воинамъ. *Thucyd.* II, 34.

[4] *Кого же избрали?* Ораторовъ, для произнесенія рѣчей на торжественные случаи, въ Аѳинахъ избирали сенаторы и народъ. *Demosth.* de coron. p. 320, edit. Reisk.

[5] Объ этихъ ораторахъ упоминаетъ также *Dionysius* de admir. vi Demosth. p. 1627. Изъ Архиновой надгробной рѣчи многое внесъ въ свой панигирикъ Исократъ. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ *Photius* (cod. CCLX, p. 794 et p. 490).

товляющіе рѣчи задолго [1]; и хвалятъ они такъ хорошо, что
235. говорятъ все, что къ кому идетъ и не идетъ, и какъ-то изящ-
но разцвѣчивая рѣчь словами, обворожаютъ наши души. Они
всячески превозносятъ и городъ, и умершихъ на войнѣ, и всѣхъ
прежнихъ нашихъ предковъ, и насъ самихъ, еще продолжаю-
щихъ жить; такъ что, хвалимый ими, я, Менексенъ, сильно
возношусь духомъ и каждый разъ, слушая ихъ, стою какъ оча-
рованный: мнѣ представляется, что въ ту минуту я сдѣлался
B. и больше, и благороднѣе, и прекраснѣе. Притомъ, за мною по-
чти всегда слѣдуетъ и вмѣстѣ со мною слушаетъ толпа ино-
странцевъ, и я тогда бываю для нихъ почтеннѣе; ибо, убѣж-
даемые говорящимъ, и они, мнѣ кажется, такимъ же обра-
зомъ смотрятъ какъ на меня, такъ и на весь городъ, то-есть,
почитаютъ его болѣе удивительнымъ, чѣмъ прежде. И эта
C. почетность остается при мнѣ болѣе трехъ дней: рѣчь и голосъ
говорящаго такою флейтою звучатъ въ ушахъ, что едва на чет-
вертый, или на пятый день я бываю въ состояніи опомниться
и почувствовать, гдѣ я на землѣ, а до того времени думаю
только, не на островахъ ли я блаженныхъ душъ. Такъ ловки
у насъ риторы!

Мен. Ты, Сократъ, всегда шутишь надъ риторами. Впрочемъ, тотъ, кого изберутъ теперь, будетъ говорить, думаю, неслишкомъ свободно; потому что избраніе совершится вовсе неожиданно [2], такъ что говорящему, можетъ быть, необходимо будетъ говорить прямо, безъ приготовленія.

---

[1] *Приготовляющіе рѣчи задолго.* Эта похвала ораторамъ есть колкая насмѣшка надъ тѣми изъ нихъ, которые, желая пощеголять своими рѣчами въ торжественныхъ собраніяхъ, писали ихъ задолго такъ, чтобы онѣ годились на всякій случай, т.-е. наполняли ихъ похвалами аѳинскому народу и общими мѣстами, дѣлали множество эпизодовъ и пестрили свое слово вычурными оборотами и выраженіями.

[2] *Совершится неожиданно*—ἐξ ὑπογυίου γέγονεν. Grammaticus Beckeri anecdot. I, p. 313, ὑπόγυον: τό παραυτίκα μέλλον γίγνεσθαι. *Eustath.* ad Iliad. v. 61, 920, 32: δῆλον δε, ὅτι παρὰ τά γυία, ὁ τὰς χεῖρας ἰδίᾳ δηλοῖ πολλαχοῦ, γίγνεται καὶ ἡ ἐγγύη, ἡ ὡσανεὶ ἐν χερσὶ τιθεῖσα τὸ κατεγγυηθέν, καὶ τὸ ὑπόγυον, ὅ εξ ὑπογύου λέγεται, τό ἐγγὺς; φασί, προςδόκιμον ἤ παραυτίκα γεγονός καὶ, ὡς εἰπεῖν, πρόχειρον, ἢ μάλλον ὑπόχειριον. Etymol. Magna: ὑπόγυιον, παρά τό γυίον, ὅ σημαίνει τὸ μέλος,

Сокр. Съ чего ты [1] взялъ, добрякъ? У каждаго изъ нихъ D.
рѣчи заранѣе готовы; да объ этомъ-то и безъ приготовленія говорить нетрудно. Вотъ еслибы надлежало хвалить Аѳинянъ въ Лакедемонѣ, или Лакедемонянъ въ Аѳинахъ; то, конечно, нуженъ былъ бы риторъ добрый, умѣющій убѣдить и представить предметъ въ хорошемъ видѣ: а кто подвизается среди тѣхъ, кого хвалитъ, тому хорошо говорить,—кажется, дѣло невеликое [2].

Мен. Думаешь, нѣтъ, Сократъ?

Сокр. Конечно нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Мен. А думаешь ли, что ты былъ бы въ состояніи самъ сказать, еслибы надлежало и совѣтъ избралъ тебя?

Сокр. Да мнѣ-то, Менексенъ, нисколько неудивительно E.
быть въ состояніи сказать; потому что у меня была неслишкомъ плохая учительница риторики, а такая, которая сдѣлала добрыми риторами и многихъ другихъ, и одного отличнѣйшаго изъ Эллиновъ, Перикла, сына Ксантиппова [3].

οἷον τὸ ἐγγύς τῶν μελῶν, ἢ ἀπὸ του γυία, ὃ σημαίνει τὰς χεῖρας. Впрочемъ, смыслъ этого выраженія былъ бы еще яснѣе, еслибы вмѣсто: ἐξ ὑπογυίου стояло ἐξ ὑπογείου; по крайней мѣрѣ русская поговорка: явиться какъ изъ подъ земли, выражаетъ такую же неожиданность явленія.

[1] *Съ чего ты взялъ, добрякъ*,—πόθεν, ὦ γαθέ; Штальбомъ неправильно замѣчаетъ, что этотъ вопросъ имѣетъ здѣсь значеніе отрицательное, какъ у Римлянъ, quid ita? Нарѣчія πόθεν въ этомъ смыслѣ Греки не употребляли. Здѣсь обыкновенное опущеніе глагола λαμβάνειν. Πόθεν ἔλαβες, ὦ 'γαθέ.

[2] Сократъ высказываетъ ту мысль, что человѣкъ, плохо знающій свое дѣло, помогаетъ своему невѣжеству похвалами людямъ, которые должны быть его цѣнителями. Похвала имъ есть обаяніе, или очарованіе ихъ разсудка — нравственный опіумъ, подъ усыпительнымъ вліяніемъ котораго, людямъ хвалимымъ и самое глупое кажется чрезвычайно умнымъ, и самое постыдное представляется рѣдкою добродѣтелью.

[3] Все это, конечно, должно понимать какъ шутку, которою Сократъ искусно прикрываетъ свой догматизмъ, выдавая себя за ученика Аспазіи въ наукѣ краснорѣчія. Такъ разумѣлъ настоящія слова Платона и Плутархъ (vit. Per. T. 1, p. 638 B): ἐν δὲ τῷ Μενεξένῳ τῷ Πλάτωνος εἰ καὶ μετά παιδιᾶς τὰ πρῶτα γέγραπται, τοσοῦτόν γε ἱστορίας ἐνέστιν, ὅτι δόξαν εἶχε τὸ γύναιον ἐπὶ ῥητορικῇ πολλοῖς Ἀθηναίων ὁμιλεῖν. Объ Аспазіи, женщинѣ рѣдкой красоты и гибкаго ума, упоминаетъ и Ксенофонтъ (Mem. II, 6) и называетъ ее учительницею Перикла и Сократа, но конечно иронически, *Weiskius* ad loc. Xenoph. Memorab. Впрочемъ, сравн. *Max. Tyr*. XXIV, p. 461. XXXVIII, p. 225.

Мен. Кто же она? Впрочемъ явно, что ты говоришь объ Аспазіи.

Сокр. Говорю также и о Коннѣ [1], сынѣ Митровіевомъ. Они
236. оба были моими учителями. Послѣдній училъ меня музыкѣ,— а первая риторикѣ. Такъ человѣку, такимъ образомъ воспитанному, нисколько неудивительно быть сильнымъ въ словѣ. Нѣтъ, и тотъ, кто воспитанъ хуже меня, кто музыкѣ учился у Лампра, а риторикѣ у Антифона рамнусійскаго,—и тотъ, однакожъ, былъ бы въ состояніи прославить Аѳинянъ-то, хваля ихъ среди Аѳинянъ.

Мен. Что же имѣлъ бы ты сказать, еслибы надлежало тебѣ говорить?

Сокр. Самъ по себѣ, можетъ быть, ничего. Но я только
B. вчера слышалъ, какъ Аспазія произнесла надгробную рѣчь на этотъ самый случай. Вѣдь и она слышала о томъ, что ты говоришь, что, то-есть, Аѳиняне намѣрены избрать человѣка для произнесенія рѣчи, и частію мнѣ тогда же объяснила, что̀ надобно говорить, частію указала на прежній опытъ изслѣдованія, когда слагала ту надгробную рѣчь, которую произнесъ Периклъ, склеивъ нѣкоторые изъ ней отрывки.

---

[1] Конна Сократъ и въ Эвтидемѣ (p. 272) называетъ своимъ учителемъ музыки, и какъ тамъ, такъ и здѣсь говоритъ о немъ иронически. Шлейермахеру кажется страннымъ, зачѣмъ Сократу, говоря о своей учительницѣ риторики, вздумалось вспомнить и о своемъ учителѣ музыки. Это представляется ему до того нелѣпымъ, что онъ первую, или разговорную часть Менексена почитаетъ подложною:—заключеніе слишкомъ скорое и опрометчивое. Я думаю, напротивъ, что Сократу не было ничего естественнѣе, какъ по Аспазіи, per combinationem idearum, вспомнить о Коннѣ, такъ какъ обѣ эти личности представлялъ онъ своими наставниками и обѣ дѣлалъ предметомъ одной и той же ироніи. Но что его мнѣніе объ этихъ лицахъ надобно разумѣть въ смыслѣ ироническомъ, видно даже и изъ того, что Аспазію ставитъ онъ выше Антифона, а Конна выше Лампра; тогда какъ извѣстно, что Лампръ во всей Греціи почитаемъ былъ музыкантомъ превосходнѣйшимъ. *C. Nepot.* Epaminond. c. 2. *Plutarch.* de music. T. II, p. 1142. *Athen.* II, 6. Посему несправедливо порицаетъ Платона и Атеней (XI, p. 506), будто онъ въ этомъ мѣстѣ унижаетъ Лампра и Антифона; между тѣмъ какъ о нихъ имѣлъ высокое понятіе и Ѳукидидъ (l. VIII, c. 68). Принимая сравненіе Сократа въ смыслѣ ироническомъ, мы видимъ, что Платонъ нетолько не унижаетъ этихъ мужей, а напротивъ, знаменитость ихъ понимаетъ какъ дѣло уже извѣстное, запечатлѣнное общимъ приговоромъ всей Греціи.

Мен. А помнишь ли ты, что говорила Аспазія?

Сокр. Чтобы мнѣ не помнить[1]? вѣдь когда я учился у ней, тогда за свою забывчивость едва ли не получалъ ударовъ.

Мен. Почему же бы тебѣ не пересказать? C.

Сокр. Да какъ бы не разсердилась на меня учительница, если перескажу ея рѣчь.

Мен. Нисколько[2], Сократъ; скажи, и ты доставишь мнѣ большое удовольствіе,—Аспазіиною ли угодно тебѣ почитать эту рѣчь, или чьею бы то ни было, только скажи.

Сокр. Но, можетъ быть, ты будешь смѣяться надо мною, если тебѣ покажется, что я, старикъ, еще ребячусь[3].

Мен. Нисколько, Сократъ; непремѣнно скажи.

Сокр. Да ужъ надобно доставить тебѣ это удовольствіе — почти такъ же, какъ я доставилъ бы тебѣ его, еслибы ты при- D.
казалъ мнѣ раздѣться и плясать[4], потому что мы наединѣ. Слушай же. Она, если не ошибаюсь, начала свою рѣчь отъ самихъ умершихъ, и говорила такъ: Они на дѣлѣ[5] у насъ имѣ-

---

[1] *Чтобы мнѣ не помнить*—εἰ μὴ ἀδικῶ γε, т.-е. δίκαιος εἰμὶ λέγειν. Это—идіотизмъ, у Платона встрѣчающійся во многихъ мѣстахъ. De Rep. X, p. 608 D. Charmid. p. 156 A. По-русски всего ближе соотвѣтствуетъ ему простонародное выраженіе: если не положу на себя охулки.

[2] Нисколько--μηδαμῶς, то-есть ταῦτα δείσῃς. См. Phædr. p. 236 E.

[3] *Еще ребячусь.* Здѣсь глаголъ παίζειν выражаетъ не шутку; потому что въ этомъ случаѣ шутить было не надъ чѣмъ,—а ребячество, т.-е. дѣло, приличное дѣтямъ, пересказывающимъ чужое, передающимъ кому-нибудь слышанный урокъ.

[4] *Раздѣться и плясать.* Ὀρχεῖσθαι значитъ не просто скакать, но въ скаканьѣ сохранять тактъ, или производить движенія измѣренныя. *Jacobs.* ad Achill. Tat. 44, 15. Изъ этого понятно, что такое—раздѣвшись, плясать. Suidas: Ἀποδύντες ἀντὶ τοῦ ἀποδυσάμενοι, ἀπὸ μεταφορᾶς τῶν ἀθλητῶν, οἳ ἀποδύονται τὴν ἔξωθεν στολήν, ἵνα εὐτόνως χορεύσωσιν. Поэтому ἀποδύντα ὀρχήσασθαι значитъ плясать, не обнаживши тѣло, а только снявши верхнее, широкое платье, чтобы оно не скрывало искуственныхъ движеній тѣла и не препятствовало производить ихъ. Зная это, нельзя безъ удивленія читать мнѣніе Аста о настоящемъ мѣстѣ Менексена (de vita et scriptis Platonis, p. 449). Wie kindisch und albern ist es, говоритъ онъ, wenn Socrat es sagt, dem Menexenus zu gefallen, wolle er selbst nackt tanzen!

[5] *Они на дѣлѣ у насъ имѣютъ....* Съ перваго взгляда такое начало рѣчи кажется страннымъ, какъ это замѣтилъ еще Dionys. de compos. verb. T. V, p. 116, а особенно de admir. vi Demosth. T. VI, p. 1028 sqq., ed. Reisk. Но должно замѣтить, что Сократъ съ умысломъ такъ начинаетъ свою рѣчь, на-

ютъ то, что имъ прилично, что получивши, идутъ роковымъ путемъ, сопровождаемые городомъ вообще и домашними въ
E. частности. Теперь и законъ велитъ, да и должно этимъ мужамъ воздать уже послѣднюю честь рѣчью; ибо память и честь хорошо совершенныхъ дѣлъ воздается подвизавшимся посредствомъ прекрасной рѣчи, произносимой слушателямъ. Но тутъ требуется какая-нибудь такая рѣчь, которая и достаточно хвалила бы умершихъ, и благопріятно уговаривала живущихъ, повелѣвая дѣтямъ и братьямъ подражать ихъ добродѣтелямъ, а отцовъ и матерей, и другихъ еще дальнѣйшихъ предковъ, если они остаются, услаждая утѣшеніями. Какая же рѣчь по-
237. казалась бы намъ такою? Или съ чего правильно было бы начать хвалить доблестныхъ мужей, которые и въ жизни радовали своихъ добродѣтелью, и смерть вымѣняли на спасеніе живущихъ? Мнѣ кажется, и хвалить ихъ надобно такъ, какъ они родились добрыми, т.-е. по природѣ [1]; а добрыми они родились потому, что родились отъ добрыхъ. Итакъ, сперва будемъ величать ихъ благородство, потомъ питаніе и образованіе [2], а затѣмъ—укажемъ на совершенныя ими дѣла, сколь пре-
B. красными и достойными своихъ совершителей оказались они.

смѣшливо подражая софистическимъ пріемамъ ораторовъ, которые установленное закономъ общественное погребеніе убитыхъ воиновъ называли *ἔργον*. См. *Thucyd*. II, 46. *Εἴρηται-λόγῳ κατὰ τὸν νόμον, ὅσα εἶχον πρόσφορα — καὶ ἔργῳ οἱ θαπτόμενοι τὰ μὲν ἤδη κεκόσμηνται κ. τ. λ.*

[1] ***Родились добрыми**, **то-есть по природѣ**.* Греки всегда весьма много приписывали происхожденію. Отъ раба, по ихъ убѣжденію, не могло произойти природы свободной; и наоборотъ—свободный аѳинскій гражданинъ, по природѣ, раждаетъ дѣтей способныхъ судить и совѣтовать. Но впослѣдствіи, когда эти совѣтники начали имѣть въ виду не столько общее, сколько частное свое благо, и когда здравая философія за это укоряла ихъ, они, для оправданія себя, стали уже различать между дѣйствіями естественными и дѣйствіями законными, и говорили, что законъ — тираннъ и что надобно слѣдовать только природѣ, а голосъ природы узнавали большею частію по происхожденію. Кто, то-есть, родился отъ добрыхъ родителей, тотъ объявлялъ право на уваженіе, какъ гражданинъ добрый по природѣ, а закона и законодателей не хотѣлъ знать (*Plat*. Gorg. 491 E. 492).

[2] ***Питаніе и образованіе*** — *τροφήν τε καὶ παιδίαν*. *Παιδία* и *τροφή* различаются какъ образованіе и родъ жизни. См. Phædr. p. 107 D. Phileb. p. 55 D. Tim. p. 19 D. Crit. p. 50 D, et al.

Первымъ основаніемъ ихъ благородства служитъ родъ ихъ предковъ, не пришлый [1] какой, а потому потомки ихъ оказываются не переселенцами въ этой странѣ, пришедшими откуда-нибудь, а туземцами, которые обитаютъ и живутъ дѣйствительно въ отечествѣ, вскормлены не мачихою, какъ другіе, а матерью [2] страны, гдѣ жили, и теперь, по смерти, ле- C. жатъ [3] въ домашнихъ пріютахъ матери, ихъ родившей, вскормившей и воспринявшей. Итакъ, весьма справедливо напередъ почтить эту мать, ибо такимъ образомъ будетъ почтено вмѣстѣ и благородство ея сыновъ. Эта страна достойна того, чтобъ ее хвалили всѣ люди, а не мы одни, — достойна и по другимъ многимъ причинамъ, но по первой и величайшей причинѣ той, что она любима богами. А что слово наше вѣрно, свидѣтельствуютъ распря и судъ состязавшихся за нее бо- D. говъ [4]. Если же и боги хвалили ее, то не будетъ ли справедливо хвалить ее всѣмъ людямъ? Вторая похвала ей, по праву, та, что въ тѣ времена когда, вся земля производила и раждала различныхъ животныхъ, звѣрей и быковъ, — наша страна не выводила на свѣтъ дикихъ звѣрей и являлась чистою; изъ животныхъ выбрала и родила она человѣка — животное, превышающее всѣхъ прочихъ разумѣніемъ и одно признающее правду и боговъ. Великая сила этого слова состоитъ въ E. томъ, что та же земля произвела ихъ и нашихъ предковъ; ибо все раждающее имѣетъ пищу, годную для того, что отъ него

---

[1] *Не пришлый* — οὐκ ἔπηλυς, по объясненію Тимея, οὐκ ἄλλοθεν ἐπεληλυθώς, τουτ' ἔστιν, οὐχ ὁ ἀλλοεθνής.

[2] ***Вскормлены не мачихою, какъ другіе, а матерью страны.*** Этимъ гордились многіе изъ Аѳинянъ. *Isocrat.* Paneg. c. 4: μόνοις γάρ ἡμῶν τῶν 'Ελλήνων τὴν αὐτὴν τροφὸν καὶ πατρίδα καὶ μητέρα καλέσαι προσήκει.

[3] ***По смерти лежатъ*** — κεῖσθαι τελευτήσαντας. Здѣсь неокончательное стоитъ вмѣсто будущаго причастія, которое въ глаголѣ κεῖμαι не употреблялось. Надлежало бы сказать: κεισομένους τελευτήσαντας, или τελευτήσαντας, ἵνα κεῖσωσι. Но и эта форма также неупотребительна.

[4] *Судъ состязавшихся за нее боговъ.* Ораторы, говоря объ аѳинскихъ древностяхъ, въ угоду своимъ гражданамъ, любили смѣшивать человѣческое съ божескимъ, историческое съ миѳическимъ, и составили множество дивныхъ басень о началѣ аѳинскаго народа. *Lucian.* Philos. pseud. p. 328, T. II. О спорѣ Минервы и Нептуна за красоту Аѳинъ см. Ovid. Metamorph. VI, v. 70 sqq.

раждается [1]. Потому узнается и женщина, дѣйствительно ли родила она, или не родила, а только подложена, что для рожденнаго она не имѣетъ источника пищи. Такъ это-то удовлетворительное доказательство представляетъ и наша земля — наша мать, что ею рождены люди; такъ какъ она одна и пер-
238. вая въ то время произвела человѣческую пищу — пшеницу и ячмень, чѣмъ прекрасно и въ совершенствѣ питается человѣческій родъ, доказывая, что родила это животное дѣйствительно она. Такія доказательства еще болѣе надобно прилагать къ землѣ, чѣмъ къ женщинѣ; потому что въ беременности и рожденіи не земля подражаетъ женщинѣ, а женщина — землѣ. И на этотъ плодъ земля наша не скупилась, но удѣляла его и другимъ; а потомъ своему порожденію даровала новое по-
B. рожденіе, масло—помощь въ трудахъ. Вскормивши же и выростивши его до совершеннолѣтія, она привела къ нему правителей и учителей — боговъ, которыхъ имена здѣсь можно пропустить; ибо мы знаемъ, что они устроили нашу жизнь, преподавъ намъ первымъ, для ежедневныхъ нуждъ, искуства, и научивъ насъ, для охраненія страны, пріобрѣтать и употреблять оружіе.

Бывъ рождены и такимъ образомъ воспитаны, предки этихъ умершихъ жили въ устроенной формѣ правленія, о которой слѣдуетъ кратко упомянуть; потому что форма правленія есть
C. пища людей,—хорошая добрымъ, а противная злымъ. Итакъ, необходимо показать, что жившіе прежде насъ вскормлены въ формѣ правленія хорошей, что чрезъ нее и тѣ были добры, и нынѣшніе, къ числу которыхъ относятся также умершіе. Вѣдь форма правленія и тогда и теперь — та же самая, аристократическая [2], которою мы и нынѣ управляемся, и по боль-

---

[1] Такое же доказательство приводили и древніе Египтяне въ подтвержденіе своего убѣжденія, что первый человѣкъ родился въ Египтѣ. *Justin.* II, 1.

[2] *Форма правленія аристократическая.* Аристократія у Грековъ имѣла не такое значеніе, какое она получила впослѣдствіи. Нашу аристократію можно назвать фамильною и наслѣдственною; напротивъ, аристократія греческая была личная и опредѣлялась избраніемъ. У насъ аристократизмъ находится подъ покровительствомъ престола, а въ Греціи онъ покровительствуемъ былъ

шей части [1] управлялись во все время. А называетъ ее—тотъ димократіею, другой—какъ ему угодно; по истинѣ же, это— D.
аристократія, соединенная съ одобреніемъ народа. Вѣдь у насъ хотя всегда есть цари [2], однакожъ они бываютъ то природные, то избранные. Предержащая сила города есть народная сходка; а начальствованіе и власть она всегда ввѣряетъ тѣмъ, которые кажутся наилучшими, и никто не отвергается ни по слабости, ни по бѣдности, ни по незнатности отцовъ, равно и человѣкъ съ противными качествами не удостоивается чести, какъ это бываетъ въ другихъ городахъ. Здѣсь—одно опредѣленіе: получать власть и начальство прослывшему мудрымъ и добрымъ. Причина же такой формы правленія у насъ E.
есть равенство рода; ибо прочіе города составились изъ различныхъ и несходныхъ между собою людей; посему и формы правленія у нихъ несходны одна съ другою: тамъ бываютъ онѣ тиранскія, олигархическія; и люди въ тѣхъ городахъ живутъ, почитая себя—иные рабами, иные—господами другъ друга. Напротивъ, мы и наши, родившись всѣ, какъ братья, отъ одной матери, не хотимъ быть ни рабами, ни господами 239.
одни другихъ; но равнородство по природѣ заставляетъ насъ искать равнозаконности по закону, и никому иному не уступать, развѣ увлекаясь молвою объ умѣ и доблести.

народнымъ собраніемъ. De Rep. IV, p. 445 E. VIII, p. 545 D. Legg. III, p. 681 D. *Götling*. oratio de Aristocratia veterum in act. Acad. Jenens. Vol. I, p. 166 sqq. Посему Ѳукидидъ (Libr. II, 37), подобно многимъ другимъ, эту форму правленія называлъ димократіею, хотя въ существѣ дѣла не разногласилъ съ Платономъ; ибо говорилъ, что аѳинская республика управляема была не тѣми, которые знамениты были по своему происхожденію, а тѣми, которые отличались личными достоинствами; отчего доступъ къ правительственнымъ мѣстамъ открывался не однимъ богатымъ, но и бѣднымъ гражданамъ.

[1] *По большей части;* ибо извѣстно, что форма правленія въ аѳинской республикѣ иногда измѣнялась, какъ это было во времена тридцати тиранновъ.

[2] *Хотя всегда есть цари;* царемъ въ Греціи назывался архонтъ, завѣдывавшій дѣлами священными и занимавшій второе мѣсто въ совѣтѣ архонтовъ. *Tittmann*, Darstellung der griechischen Staatsverf., p. 257 sqq. Судя по тому, что архонты, по словамъ Платона, бывали то природные, то избранные, можно думать, что здѣсь метонимически царями называются всѣ они, то-есть, архонтъ природный былъ царь въ собственномъ смыслѣ слова, а архонты избранные получали имя царей въ смыслѣ переносномъ.

Такимъ-то образомъ отцы ихъ и наши, и сами эти, благорожденные и воспитанные во всякой свободѣ, проявили много дѣлъ прекрасныхъ для всѣхъ людей,—проявили частно и обществомъ—въ той мысли, что для сохраненія свободы, должно сражаться съ Греками за Грековъ, а съ варварами за цѣлую Грецію. Теперь мало времени, чтобы достойно разсказать о войнѣ ихъ противъ Евмолпа [1], Амазонокъ [2], и другихъ, еще прежде угрожавшихъ нашей странѣ, и о томъ, какъ они помогали Аргивянамъ противъ Кадмеянъ [3] и Ираклидянамъ противъ Аргивянъ [4]. О доблести ихъ довольно уже вспоминали и музыкально всѣмъ передали поэты. Если же и мы рѣшились бы прозаическимъ словомъ [5] украшать тѣ же подвиги, то,

---

[1] Краткое сказаніе Платона объ Евмолпѣ подробнѣе раскрывается у Өукидида (II, 15). Өукидидъ говоритъ, что Евмолпъ былъ вождь Элевзинянъ и велъ войну противъ аөинскаго царя Эрехтея. Эта война называется элевзинскою. А Исократъ (Paneg. c. 19 и Panath. p. 533) повѣствуетъ, что Евмолпъ былъ сынъ Нептуна и что подъ его предводительствомъ Өракіяне вторглись въ Аттику, которая тогда была еще малосильна. То же самое разсказываетъ и Ликургъ (advers. Leocr. p. 210, T. VI, ed. Reisk.), прибавляя, что царь Эрехтей, по совѣту дельфійскаго бога, для изгнанія изъ земли враговъ, принесъ въ жертву жену свою Пракситею, дочь Кефисову, каковое злодѣйство потомъ воспѣто было Еврипидомъ въ прекрасныхъ стихахъ. Исократъ упоминаетъ также, что Евмолпъ принесъ въ Аөины элевзинскія тайны (Paneg. c. 43).

[2] Амазонки, какъ разсказываетъ о нихъ Плутархъ (Vit. Thes., p. 86, ed. Reisk.), вышли изъ Понта, и проникнувъ даже въ Аттику, расположили свой лагерь въ самыхъ Аөинахъ. Но мужество Тезея вскорѣ превозмогло ихъ. Объ этой войнѣ съ Амазонками упоминаетъ и Лизіасъ (Epitaph. p. 55, ed. Reisk.) и Амазонокъ называетъ дочерями Марса, героинями съ великою душою. Однакожъ Аөиняне, по словамъ Лизіаса, такъ поразили ихъ, что не осталось и вѣстницы, которая бы объ этомъ пораженіи дала знать своему отечеству. Плутархъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ также, что Амазонки вторглись въ Аттику, мстя за Антіопу, которую похитилъ у нихъ Тезей.

[3] О войнѣ Аргивянъ противъ Кадмеянъ или Өивянъ, при помощи аөинскаго оружія, упоминается у Геродота (IX, 27), а подробнѣе у Лизіаса (Laud. funebr., p. 59, ed. Reisk.).

[4] Ираклидянамъ противъ Аргивянъ Аөиняне помогали по тому случаю, что Евристей, потребовавъ отъ Аөинянъ выдачи сыновей Геркулесовыхъ, которые пользовались ихъ покровительствомъ, и получивъ въ томъ отказъ, вторгся съ многочисленнымъ войскомъ въ Аттику. Впрочемъ Аөиняне встрѣтили его мужественно и Тезей обратилъ его въ бѣгство (*Herodot.* l. c. и *Lysias*, p. 65 sq.)

[5] *Прозаическимъ словомъ* — λόγῳ ψιλῷ. Что λόγος ψιλὸς есть дѣйствительно

можетъ быть, явились бы на второмъ планѣ. Итакъ, объ этомъ, по означенной причинѣ, мнѣ кажется, можно умолчать, хотя и это имѣетъ свое достоинство. Но о томъ, чего не бралъ за предметъ ни одинъ поэтъ и за что, хваля достойныхъ, не увѣнчалъ ихъ достойною славою,—что остается въ забвеніи,—о томъ, мнѣ кажется, надобно вспомнить въ похвальной рѣчи и вызвать другихъ, которые бы, соотвѣтственно дѣламъ, изложили это въ одахъ и въ иныхъ стихотвореніяхъ. Изъ дѣлъ, о которыхъ я говорю, первое мѣсто занимаютъ слѣдующія: D.
Когда Персы, владычествуя надъ Азіею, порабощали и Европу, тогда удержали ихъ выходцы изъ здѣшней страны—предки наши; поэтому справедливость требуетъ вспомнить о нихъ первыхъ и восхвалить ихъ добродѣтель. Но кто намѣренъ хвалить хорошо, тому надобно говорить, вращаясь своимъ словомъ въ томъ времени, въ которое вся Азія раболѣпствовала уже третьему царю. Первый изъ нихъ, Киръ, освободивъ своимъ умомъ согражданъ своихъ, Персовъ, вмѣстѣ порабо- E.
тилъ и господъ ихъ Мидянъ, и овладѣлъ прочею Азіею до Египта; потомъ сынъ его завоевалъ Египетъ и Ливію, сколько она была доступна; третій же, Дарій, сухопутно распространилъ свое царство до предѣловъ скиѳскихъ, а на корабляхъ овладѣлъ моремъ и островами, такъ что никто не смѣлъ противиться ему,—порабощены были умы всѣхъ людей. Столь- 240.
ко-то великихъ и воинственныхъ народовъ покорено было персидскою монархіею! Выдумавъ предлогъ, будто мы имѣли замыслы въ отношеніи къ Сардамъ, Дарій обвинялъ насъ и Эретрійцевъ, и, на судахъ и корабляхъ, которыхъ было триста, послалъ пятьсотъ тысячь войска [1] подъ предводительствомъ

прозаическая рѣчь, видно изъ Платонова же выраженія *λόγους ψιλοὺς εἰς μέτρα τιθέντες*. Legg., p. 669 D. Такимъ же образомъ *μουσική* противуполагается *τῇ πεζῇ λέξει*. (*Dionis. Halic.* de compos. verbor. c. II.)

[1] *Пятьсотъ тысячь войска*. Эта война есть событіе исторически извѣстное. *Nepos.* Miltiad. c. 4. Но по показанію Непота: hisque (Dati et Artapherni) Darius ducenta peditum, decem millia equitum dedit, тогда какъ ораторъ ввѣряетъ имъ до пятидесяти миріадъ, или до пятисотъ тысячь войска. Греческіе ораторы вообще, когда надлежало возвысить славу побѣды, любили увеличивать число непріятелей. *Lysias.*, p. 82, Reisk.

Датиса, сказавъ ему, чтобы онъ, если хочетъ имѣть голову на плечахъ, на возвратномъ пути привелъ плѣнныхъ Эрет-
B. рійцевъ и Аѳинянъ. Приплывъ въ Эретрію, гдѣ изъ тогдашнихъ Эллиновъ были люди, въ военномъ дѣлѣ знаменитѣйшіе и немалочисленные, Датисъ въ теченіе трехъ [1] дней овладѣлъ ими, и прослѣдилъ всю ихъ страну такъ, чтобы никто не ушелъ. Пришедши къ предѣламъ Эретріи, воины его протянулись отъ моря до моря и, схватившись за руки, прошли
C. чрезъ всю эту область, чтобы могли сказать царю, что никто изъ ней не ушелъ. Съ такимъ же намѣреніемъ изъ Эретріи прибыли они въ Мараѳонъ, думая, что имъ легко будетъ забрать и Аѳинянъ, застигнутыхъ тою же самою необходимостію, какою и Эретрійцы. Между тѣмъ какъ то совершалось, а это предпринималось, никто изъ Эллиновъ не подавалъ помощи ни Эретрійцамъ, ни Аѳинянамъ, кромѣ Лакедемонянъ. Да и эти пришли въ послѣдній день сраженія; всѣ же прочіе, пораженные страхомъ, помышляя въ настоящее время о соб-
D. ственномъ спасеніи, молчали. Вотъ тогда-то [2] кто жилъ бы, такъ узналъ бы, каковы по доблести были Мараѳоняне [3], встрѣтившіе силу варваровъ, наказавшіе [4] за высокомѣріе всю Азію и поставившіе прежде всѣхъ варварскіе трофеи, ставъ вождями и учителями другихъ, что персидская армія была не непобѣдима, и что всякая многочисленность и всякое
E. богатство уступаютъ добродѣтели [5]. Поэтому тѣхъ мужей я

---

[1] *Въ теченіе трехъ дней*,—по Геродоту, въ теченіе семи дней (VI, 102). Это опять риторическая ипербола

[2] *Вотъ тогда-то кто жилъ бы* — ἐν τούτῳ δὴ ἄν τις γενόμενος. Такъ часто употребляется δή, когда рѣчь обращается на преждесказанное. Въ подобныхъ случаяхъ оно, при меньшей точности выраженія, иногда опускается, но замѣнено быть не можетъ ни заключительнымъ οὖν или ἄρα, ни усиливающимъ γέ. Apol. Socr. p. 21 A. Sympos. p. 184 E.

[3] *Каковы Мараѳоняне*—οἱ Μαραθῶνι. Здѣсь, очевидно, опущенъ предлогъ ἐν, и опущеніе его въ подобныхъ случаяхъ бываетъ нерѣдко; напр., ниже p. 241 A. B. al. См. *Wernsdorf*. ad Himer. p. 58. *Schaef*. ad Jambl. Bos. p. 698.

[4] *Наказавшіе за высокомѣріе* — κολασάμενοι τὴν ὑπερηφανίαν. Нехудо замѣтить здѣсь употребленіе κολασάμενοι вмѣсто κολάσαντες. Точно такъ же въ дѣйствительномъ значеніи принято κολάζεσθαι. Protag. p. 324 C. Aristoph. Vesp.

[5] *Что персидская армія... уступаютъ добродѣтели*. Ὅτι οὐκ ἄμαχος εἴη...

называю отцами нетолько нашихъ тѣлъ, но и свободы, какъ
нашей, такъ и всѣхъ, живущихъ на этомъ материкѣ; ибо взи-
рая на сіе дѣло, Эллины отваживались на опасность и въ по-
слѣдующихъ сраженіяхъ за свое спасеніе, и были учениками
Мараѳонянъ. Итакъ, лучшую дань рѣчи надобно посвятить 241.
выдержавшимъ морское сраженіе и побѣдившимъ при Сала-
минѣ и Артемизіи. Вѣдь о тѣхъ мужахъ иной могъ бы разска-
зать многое: какія выдержали они нападенія на сушѣ и на
морѣ, и какъ эти нападенія были грозны; но я упомяну о
томъ, что кажется мнѣ и того превосходнѣе, и что соверши-
ли они вслѣдъ за подвижниками въ дѣлѣ мараѳонскомъ. Ма-
раѳоняне настолько лишь показали себя Эллинамъ, насколь-
ко можно было немногимъ отразить многихъ варваровъ на B.
сушѣ: но на корабляхъ это было еще неизвѣстно; шла молва,
что Персы и по многочисленности, и по богатству, и по ис-
кусству, и по силѣ, на морѣ непобѣдимы. Такъ то-то имен-
но въ сражавшихся тогда на морѣ мужахъ достойно похвалы,
что они разсѣяли страхъ, обуявшій Эллиновъ, и заставили
ихъ не бояться множества кораблей и людей. Такимъ-то об-
разомъ прочимъ Эллинамъ пришлось принять урокъ отъ тѣхъ
и другихъ,—и отъ пѣхотинцевъ мараѳонскихъ, и отъ моряковъ
саламинскихъ,—и отъ тѣхъ на сушѣ, а отъ этихъ на морѣ на- C.
учиться и привыкнуть не бояться варваровъ. Третьимъ же я
называю дѣло при Платеѣ,—третьимъ и по порядку, и по доб-
лести, изъ дѣлъ, совершенныхъ для спасенія Грековъ; но оно
было уже общее Лакедемонянамъ и Аѳинянамъ. Всѣ эти вои-

πᾶν πλῆθος..... ἀρετῇ ὑπείκει. Здѣсь при одной и той же зависимости глаголовъ отъ союза ὅτι, первый глаголъ стоитъ въ сослагательномъ, а другой въ изъявительномъ наклоненіи; и такое измѣненіе наклоненій въ одной и той же конструкціи случается нерѣдко, напримѣръ, Tim. p. 18 C. D. Gorg. p. 512 A. Protag. p. 355 A. al. Это происходило отъ того, что Греки обращали вниманіе не на внѣшнюю или грамматическую зависимость глаголовъ, а на логическое значеніе зависимыхъ выраженій. Напримѣръ, здѣсь выраженіе: «персидская армія была не непобѣдима,» имѣетъ значеніе только проблемматическое; а выраженіе: «всякое богатство уступаетъ добродѣтели,» есть аподиктическое, и потому глаголъ ὑπείκειν, не смотря на зависимость свою отъ ὅτι, поставленъ въ изъявительномъ наклоненіи.

ны отразили великое и страшное бѣдствіе, и за такую свою доблесть теперь нами восхваляются и будутъ восхваляемы
D. въ послѣдующія времена потомками. Впрочемъ, и послѣ того многіе эллинскіе города были еще на сторонѣ варваровъ и говорили, что самъ царь думаетъ опять приняться за Эллиновъ. Такъ справедливо будетъ вспомнить намъ и о тѣхъ, которые дѣламъ первыхъ положили спасительный конецъ, изгнавъ все варварское племя и очистивъ море [1]. Это были тѣ,
E. которые сражались на морѣ при Евримедонѣ [2], вели войну противъ Кипра [3], плавали въ Египетъ и во многія другія мѣста. Вспоминая о нихъ, мы должны воздать имъ благодарность, что они заставили царя опасаться за собственное свое спасеніе, а не замышлять истребленіе Эллиновъ.

Но тяжесть этой-то войны противъ варваровъ истощила
242. весь городъ [4], хотя ведена была имъ какъ за себя, такъ и за прочіе одноязычные города. Когда же наступилъ миръ и нашъ городъ былъ почтенъ,—возстала противъ него (что въ отношеніи къ благополучнѣйшимъ изъ людей обыкновенно случается) сперва зависть, а за завистью ненависть. И это противъ воли поставило его въ войну съ Эллинами. Послѣ

---

[1] Это сдѣлали Аѳиняне, подъ предводительствомъ Кимона, разбивъ Персовъ при Платеѣ. Впрочемъ здѣсь ораторъ, кажется, умышленно является слишкомъ краткимъ, чтобы не высказать кое-чего для Аѳинянъ унизительнаго.

[2] Эта война происходила въ одно и то же время на морѣ и на сушѣ, и окончена блистательною побѣдою Аѳинянъ за 469 лѣтъ до Р. Х. Подробно о ней говоритъ *Thucyd.* I, 100.

[3] Экспедиція противъ Кипра была въ связи съ экспедиціею въ Египетъ и продолжалась шесть лѣтъ, т.-е. отъ 462 до 457 года. Овладѣвъ Кипромъ, Аѳиняне начали помогать своимъ оружіемъ египетскому царю Инару, сыну Псамметиха, противъ Персовъ, но сражались съ перемѣннымъ счастіемъ и въ продолженіе шестилѣтняго времени весьма многіе изъ нихъ погибли. Наконецъ Египетъ занятъ былъ персидскими войсками; а Инаръ, выданный измѣною, повѣшенъ на крестѣ. *Thucyd.* I, 104, 109, 110. *Lys.* Epitaph. p. 108.

[4] *Истощила весь городъ*—πάσῃ τῇ πόλει διηντλήθη. Хотя это мѣсто не представляетъ различія въ чтеніяхъ, но членъ τῇ мнѣ представляется здѣсь излишнимъ. Членъ-то именно заставлялъ нѣкоторыхъ переводчиковъ выраженіе πάσῃ τῇ πόλει относить ко всѣмъ городамъ Греціи, чего связь мыслей отнюдь не допускаетъ.

сего, по случаю воспламенившейся войны [1], Аѳиняне вступили въ сраженіе съ Лакедемонянами при Танагрѣ, за свободу Бэотіи. Сраженіе колебалось; но послѣдняя битва рѣшила B.
дѣло: одни отступили и удалились, оставивъ Бэотянъ, которымъ помогали; а наши, на третій день одержавъ побѣду при Иноѳитахъ, справедливо возвратили несправедливо изгнанныхъ [2]. Они первые послѣ персидской войны, помогая воюющимъ за свою свободу Эллинамъ противъ Эллиновъ, явились мужами доблестными, освободителями тѣхъ, кому помо- C.
гали, и за то легли первые въ этомъ памятникѣ, которымъ почтилъ ихъ городъ. Послѣ того, когда возгорѣлась война великая [3], и всѣ Эллины, вооружившись противъ Аѳинянъ, разоряли ихъ страну и воздавали имъ недостойную благодарность, — наши, побѣдивъ ихъ въ морскомъ сраженіи и взявъ у нихъ въ Сфагіи лакедемонскихъ военачальниковъ, которыхъ могли бы умертвить, пощадили ихъ, отдали и за- D.
ключили миръ — въ той мысли, что съ единоплеменниками на-

---

[1] Первая война Аѳинянъ противъ Грековъ была съ Лакедемонянами за свободу Бэотійцевъ. Поводъ къ ней подали Ѳиванцы дружескимъ отношеніемъ къ Ксерксу, и этимъ навлекли на себя ненависть всѣхъ, а особенно Бэотянъ, — потому особенно Бэотянъ, что Ѳиванцы просили Лакедемонянъ помочь имъ подчинить нѣкоторые города бэотійскіе. Лакедемоняне съ удовольствіемъ обѣщали это и исполнили обѣщаніе, имѣя въ виду то, что облагодѣтельствованные ими Ѳивы будутъ передовымъ постомъ въ замышлявшейся тогда войнѣ съ Аѳинянами. *Diod. Sic.* XI, p. 467, ed. Wess.

[2] Ѳукидидъ объ этой войнѣ разсказываетъ нѣсколько иначе (I, c. 108). Лакедемоняне и ихъ союзники, говоритъ онъ, одержали побѣду надъ Аѳинянами, и послѣ большихъ потерь на той и другой сторонѣ, чрезъ Геранею и перешеекъ возвратились домой. Но Аѳиняне, чрезъ шестьдесятъ два дни послѣ сего сраженія, подъ предводительствомъ Мѵрониса, напали на Бэотянъ и при Иноѳитахъ одержали надъ ними такую блистательную побѣду, что овладѣли ихъ землею, разрушили стѣны Танагры и взяли сто заложниковъ.

[3] Ораторъ приступаетъ къ повѣствованію о пелопонезской войнѣ и, искусно умалчивая о ходѣ ея въ первые годы, когда для Аѳинянъ она была неблагопріятна, вдругъ переходитъ къ осадѣ и занятію Сфагіи, или Сфактеріи, что случилось уже на седьмомъ году борьбы двухъ сильнѣйшихъ республикъ Эллады, т.-е. въ 425 году до Р. Х.; а потомъ тотчасъ говоритъ о мирѣ, заключенномъ послѣ амфиполисской битвы, т.-е. въ 421 году; о войнѣ же сицилійской упоминаетъ будто объ особенной, хотя она, какъ извѣстно, была только продолженіемъ войны пелопонезской.

добно воевать до побѣды и не губить общаго блага Эллиновъ, потворствуя гордости своего города, а съ варварами—до истребленія ихъ. Такъ достойны похвалы мужи, участвовавшіе въ этой войнѣ и положенные здѣсь [1]; ибо они показали, что тотъ несправедливо сомнѣвается, кто думаетъ, будто въ прежней войнѣ противъ варваровъ были не тѣ Аѳиняне,—лучше
E. нынѣшнихъ. Да, ими здѣсь показано, что когда Эллада волновалась,—они, управляя войною, одерживали верхъ надъ вождями прочихъ Эллиновъ и, побѣждая ихъ, каждаго отдѣльно, вмѣстѣ съ ними побѣждали варваровъ. Третья война послѣ этого мира была неимовѣрная и ужасная, въ которую умерли и легли здѣсь многіе и доблестные мужи. Многіе изъ нихъ по-
243. ставили множество трофеевъ въ Сициліи, сражаясь за свободу Леонтинянъ, которымъ помогали, когда, для соблюденія клятвы [2], приплыли въ тѣ мѣста, и когда, по далекости плаванія, городъ нашъ, поставленный въ затрудненіе, не могъ поддержать ихъ, и плававшіе, отъ этого пришедши въ отчаяніе, испытали бѣдствіе. Впрочемъ, враги [3] ихъ на войнѣ за свою умѣренность и добродѣтель заслуживаютъ гораздо больше похвалы, чѣмъ у иныхъ друзья. Многіе также изъ Аѳинянъ, въ морскихъ сраженіяхъ на Геллеспонтѣ, въ одинъ день забрали всѣ непріятельскіе
B. корабли и одержали много другихъ побѣдъ [4]. А что эту войну я на-

---

[1] ***Положенные здпсь.*** Подъ этимъ *здпсь*—ἐνθάδε—должно разумѣть δημόσιον σῆμα, или, по схоліасту, τὸ καλούμενον κεραμεικόν. *Thucyd.* II, 34. Керамикомъ называлось нѣчто въ родѣ храма, назначеннаго для всенароднаго воспоминанія объ умершихъ. Названіе взято отъ глиняной урны,—сосуда, въ которомъ сохраняемъ былъ прахъ умершаго.

[2] Аѳиняне издавна были въ союзѣ съ Леонтинцами и обязались помогать имъ. *Thucyd.* III, 86.

[3] Эти слова оратора о великодушіи враговъ къ разбитымъ въ Сициліи Аѳинянамъ нисколько не оправдываются исторіею. Аѳиняне частію истреблены были, частію проданы въ рабство: великодушія не оказано никому. Да и странно, съ чего бы оратору вздумалось хвалить Мессинцевъ, когда онъ всячески избѣгаетъ случаевъ говорить о чемъ-нибудь, что тогда дѣлало честь непріятелямъ отечественнаго его города. Судя по всему, можно съ вѣроятностью полагать, что эта похвала врагамъ Аѳинянъ внесена въ текстъ Платоновой рѣчи чужою рукою. Такъ думаетъ и *Lörs.* (Plat. Menexenus).

[4] Говоря о забранныхъ Аѳинянами непріятельскихъ корабляхъ, ораторъ

валъ страшною и неимовѣрною, — то назвалъ потому, что прочіе Эллины, вступивъ въ состязаніе съ нашимъ городомъ, дерзнули отправить пословъ къ враждебнѣйшему царю, и этого варвара, котораго вмѣстѣ съ нами нѣкогда изгнали изъ Греціи, теперь сами по себѣ опять призывали на Эллиновъ [1], чтобы противъ нашего города собрать всѣхъ Грековъ и варваровъ. За то C.
тутъ-то и открылась его сила и доблесть. Когда полагали, что онъ сдѣлался жертвою войны, и что при Митиленѣ запертъ его флотъ, — вдругъ помощь изъ шестидесяти кораблей: на нихъ восходятъ эти самые, — и какъ мужи, по сознанію всѣхъ, отличнѣйшіе, побѣждаютъ враговъ и освобождаютъ [2] друзей; но, получивъ жребій недостойный, они не были вытащены изъ моря, и лежатъ здѣсь [3]. О нихъ помнить и ихъ хвалить должно всегда;

разумѣетъ корабли лакедемонскіе, которые посланы были въ помощь Хіосцамъ и Лесбосцамъ, замышлявшимъ отложиться отъ аѳинской республики. *Thucyd.* VIII, 9 sqq: явно, что это дѣло ораторомъ очень преувеличено. Вообще, здѣсь разумѣются побѣды, одержанныя Алкивіадомъ по возвращеніи его въ отечество изъ Персіи.

[1] Разумѣются конечно Лакедемоняне, которые, по совѣту изгнанника Алкивіада, жившаго въ то время въ Лакедемонѣ и управлявшаго умами спартанскаго правительства, вступили въ союзъ съ Даріемъ Нотомъ и получили отъ него деньги на постройку флота, чтобы дѣйствовать имъ противъ Аѳинянъ. *Thucyd.* VIII, 15.

[2] Здѣсь ораторъ говоритъ о побѣдѣ Аѳинянъ при Аргинузскихъ островахъ, когда аѳинскій полководецъ Кононъ, желая подать помощь Меѳимнѣ, вступилъ въ митиленскую гавань, но запертый въ ней съ сорока кораблями непріятельскимъ флотомъ, сразился съ лакедемонскимъ вождемъ Калликратидомъ и разбилъ его. *Xenoph.* Hellen. I, 6, 24. *Diod.* XIII, p. 602.

[3] *Не вытащены изъ моря и лежатъ здѣсь.* Ксенофонтъ (Hellen. I, 6 sq) говоритъ, что Аѳиняне, павшіе въ сраженіи при Аргушнзскихъ островахъ, вопреки тогдашнему обычаю Грековъ, не вытащены были изъ моря, и за то многіе изъ аѳинскихъ полководцевъ были казнены. Между тѣмъ ораторъ, подтверждая это же самое, говоритъ однакожъ, что невытащенные лежатъ здѣсь (въ керамикѣ) Чтобы освободить текстъ отъ столь явнаго противорѣчія, Готтлеберъ полагаетъ, что предъ глаголомъ *κεῖνται* пропущено *οὐ*, а Штальбомъ думаетъ, что слова: *οὐκ ἀναιρεθέντες ἐκ τῆς θαλάττης*, либо произошли отъ глоссемы, либо выражаютъ шуточный *ὀξύμωρον* самого оратора. Но эти ученые критики, конечно, не обратили вниманія на приведенныя нами въ предисловіи къ діалогу слова Ѳукидида, что въ керамикъ приносимъ былъ одинъ покрытый одръ — для тѣхъ умершихъ воиновъ, которыхъ тѣла не были найдены на полѣ битвы. Смотря на этотъ одръ, ораторъ могъ представлять лежащими на немъ кости тѣхъ Аѳинянъ, которыхъ тѣла не были вытащены изъ моря.

D. ибо ихъ доблестію мы выиграли нетолько тогдашнее морское сраженіе, но и успѣхъ дальнѣйшей войны: чрезъ нихъ о нашемъ городѣ составилось мнѣніе, что онъ не можетъ быть побѣжденъ и всѣми людьми,—и это мнѣніе справедливо. Если же наши и были побѣждены [1], то побѣждены внутреннимъ несогласіемъ, а не другими. Отъ другихъ-то мы и теперь еще непобѣдимы, а побѣждаемъ самихъ себя и побѣждены сами отъ себя.
E. Послѣ сего, когда настала тишина и миръ [2] съ другими,—у насъ возгорѣлась такая война домашняя [3], что еслибы людямъ суждено было возмущаться, то всякій желалъ бы, чтобы его городъ страдалъ неиначе какъ этою болѣзнію; ибо съ какимъ удовольствіемъ и дружескимъ расположеніемъ соединились между собою граждане и изъ Пирея, и изъ частей городскихъ, и, сверхъ чаянія прочихъ Эллиновъ, прекратили войну противъ
244. возмутителей элевзинскихъ [4]! И причина всего этого не иная, какъ сродность, не словомъ, а дѣломъ доставляющая твердое и, по единоплеменности, братское дружество. Итакъ, надобно имѣть память и объ умершихъ другъ отъ друга во время сей войны, и просить ихъ, какъ можемъ, молитвами и жертвами, чтобы лежащіе здѣсь побѣжденные примирились съ побѣдившими, если только мы сами возстановили миръ между собою; ибо не злобою взаимною и не враждою были они затронуты,
B. а несчастіемъ. Мы, живущіе,—сами свидѣтели этихъ бѣдствій. Принадлежа къ тому же роду, къ которому и они, мы про-

---

[1] Намекаетъ на пораженіе Аѳинянъ лакедемонскимъ полководцемъ Лизандромъ при Эгосъ-Потамосѣ. Намекъ легкій, нисколько неостанавливающій вниманія слушателей; даже не указывается мѣсто битвы. Такъ непріятно было Аѳинянамъ говорить и слышать о своихъ пораженіяхъ.

[2] Ораторъ указываетъ на постыдный миръ съ Спартою, по условіямъ котораго Аѳиняне должны были разрушить свои стѣны, свою гавань и не имѣть у себя больше двѣнадцати кораблей. *Xenoph.* H. Gr. II, p. 68.

[3] Ораторъ говоритъ о междоусобной войнѣ, которую велъ Тразибулъ противъ тридцати тиранновъ, или новаго правительства, установленнаго согласно съ условіями мира, заключеннаго съ Спартанцами. *Xenoph.* H. Gr. 3. *Diod.* XIV, 661.

[4] *Противъ возмутителей элевзинскихъ;* потому что тридцать олигарховъ, бывъ изгнаны изъ Аѳинъ, ушли въ Элевзину и тамъ старались собрать себѣ войско. *Xenoph.* I, 1 *Nepos* Tras. 2, 3.

щаемъ одинъ другому, что сдѣлали и что потерпѣли. Послѣ сего наступилъ у насъ совершенный миръ, и городъ наслаждался тишиною. Онъ простилъ варварамъ, которые, довольно пострадавъ отъ него, недостаточно отмстили за себя; но на Эллиновъ досадовалъ, помня, какъ, бывъ имъ облагодѣтельствованы, они отблагодарили его, когда, соединившись съ варварами, истребили его флотъ [1], который спасъ ихъ, и C. разрушили стѣны—за то, что мы отклонили разрушеніе ихъ стѣнъ. Поэтому нашъ городъ положилъ въ мысли не защищать Эллиновъ, —Эллины ли будутъ порабощать ихъ, или варвары, —и такъ жилъ. Между тѣмъ какъ мы держались такой мысли, Лакедемоняне подумали, что мы, покровители свободы, пали, а потому теперь ихъ дѣло — поработить другихъ, и начали это. Но для чего долго разсказывать? Вѣдь не древнія и не за D. много лѣтъ случившіяся событія стали бы мы припоминать послѣ этого. Сами знаемъ, какъ первые изъ Эллиновъ—Аргивяне, Бэотяне, Коринѳяне, пораженные страхомъ, приходили просить защиты у города; и что всего удивительнѣе, даже самъ царь находился въ такомъ затрудненіи, что не оставалось ему ниоткуда болѣе ожидать спасенія, какъ отъ того города, который прежде старался онъ погубить [2]. И вотъ, еслибы кто захотѣлъ справедливо осуждать нашъ городъ; то E.

---

[1] Предписавъ миръ Аѳинянамъ, Лизандръ, по условіямъ этого мира, взялъ аѳинскій флотъ и, при рукоплесканіяхъ и радостныхъ кликахъ своихъ союзниковъ, сжегъ его. *Plut.* v. *Lis.* c. 15.

[2] Тѣ событія, которыя здѣсь разумѣетъ ораторъ, выставлены имъ въ такомъ свѣтѣ, что болѣе благопріятствуютъ Аѳинянамъ, чѣмъ исторической истинѣ. Дѣло было такъ: Лакедемоняне, желая помочь Киру младшему противъ законнаго государя Персіи—Артаксеркса II, послали ему, подъ предводительствомъ Агезилая, значительный вспомогательный корпусъ. Артаксерксъ, не имѣя силъ противостоять этому войску, рѣшился дѣйствовать на Грековъ деньгами. Онъ отправилъ большія суммы разнымъ греческимъ республикамъ и побудилъ ихъ поднять союзную войну противъ Спартанцевъ, чтобы чрезъ то отвлечь Агезилая отъ его цѣли въ Азіи. Этотъ маневръ Артаксеркса удался совершенно: Аргивяне, Бэотяне, Коринѳяне и Аѳиняне объявили Спартѣ войну и вели ее очень успѣшно. Спартанцы, видя, что имъ не справиться съ союзниками, вызвали изъ Азіи Агезилая, который, возвратившись, остановилъ на сушѣ успѣхи непріятелей.

въ осужденіе его могъ бы справедливо сказать только то, что онъ всегда слишкомъ сострадателенъ и попечителенъ о слабомъ. Такъ то и въ тогдашнее время не въ состояніи былъ онъ утерпѣть и устоять въ своемъ словѣ—не помогать ни-
245. кому порабощаемому, кто обижалъ его, но склонялся и помогалъ и, подавъ помощь Эллинамъ, избавилъ ихъ отъ рабства, такъ что они были свободными до тѣхъ поръ, пока не поработили сами себя; помочь же царю онъ не отважился, стыдясь трофеевъ Мараѳона, Саламина и Платеи, а позволилъ только ссылочнымъ [1] и наемникамъ идти къ нему на помощь, и безспорно, спасъ его. Потомъ, возстановивъ стѣны и построивъ
B. флотъ, онъ ожидалъ войны, и когда принужденъ былъ воевать,—вступилъ въ войну съ Лакедемонянами за Парійцевъ [2].

Видя, что Лакедемоняне избѣгаютъ морскаго сраженія съ нашимъ городомъ, царь сталъ бояться его и старался отторгнуть отъ союза съ нимъ живущихъ на материкѣ Эллиновъ, которыхъ прежде предали ему Лакедемоняне [3], и за это обѣщался помогать своимъ оружіемъ какъ намъ, такъ и всѣмъ нашимъ союзникамъ; а такъ какъ на это они не согласятся, то и думалъ въ этомъ найти предлогъ къ возстанію. Но прочіе союзники обманули его ожиданіе: они соглашались предать ему живущихъ на материкѣ Эллиновъ; Коринѳяне, Аригивяне, Бэотяне и другіе условились и поклялись въ этомъ, если онъ дастъ имъ денегъ:

---

[1] Это, безъ сомнѣнія, надобно относить къ Конону, который, бывъ изгнанъ изъ Аѳинъ, тѣмъ не менѣе заботился объ освобожденіи своего отечества, и отправившись къ Фарнабазу, съ помощію его разсѣялъ флотъ Лакедемонянъ.

[2] Ни исторія, ни географія древне-греческаго міра не рѣшаетъ, что это были за Парійцы, за свободу которыхъ Кононъ воевалъ противъ Спарты. Филологи разнымъ образомъ измѣняли и объясняли слово Паріецъ: по мнѣнію *Дальмана* (l. c. p. 33), этимъ указывается на опустошеніе *Ферары*, лакедемонской колоніи въ Мессиніи (*Xenoph.* Hellen. IV, 8, 7), произведенное Кономомъ и Фарнабазомъ. Но вѣроятнѣйшею кажется догадка Шенборна (Uéber das Verhältniss von Platons Menexenos zu dem epitaphios des Lysias p. XI), что вмѣсто ὑπὲρ Παρίων ἐπολέμει, надобно читать: ὑπὲρ πάντων ἐπολέμει.

[3] Это предательство Грековъ, жившихъ въ малой Азіи, персидскому царю совершено Лакедемонянами чрезъ Анталкида, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ Конона на морѣ: поступокъ, оставившій самое черное пятно на политическомъ характерѣ Спарты.

одни только мы не дерзнули [1] ни продать своихъ единоплеменниковъ, ни поклясться. Такъ-то вотъ благороденъ, свободенъ, твердъ, неиспорченъ и по природѣ враждебенъ варварамъ нашъ городъ! Это — Эллины чистые, безъ примѣси стихіи варварской. Не Пелопсяне, не Кадмейцы, не Египтяне, не Данайцы и не другія, по природѣ варварскія, а по закону эллинскія племена живутъ съ нами, но самые Эллины, несмѣшавшіеся съ варварами. Отсюда нашему городу врождена чистая ненависть къ природѣ чуждой. Однакожъ, не согласившись совершить постыдное и нечестивое дѣло—предать Эллиновъ варварамъ, мы опять остались одни: только теперь, пришедши въ такія обстоятельства, въ которыхъ прежде были побѣждены, при помощи Божіей, лучше повели войну, чѣмъ тогда; ибо, имѣя корабли и стѣны [2], сохранили отъ войны и наши колоніи. Съ какою охотою старались отдѣлаться отъ ней и наши непріятели! Впрочемъ она тоже лишила насъ мужей доблестныхъ, изъ которыхъ одни погибли въ Коринѳѣ отъ мѣстныхъ неудобствъ, другіе—въ Лехеѣ—отъ предательства [3]. Доблест- 246.

D. (margin, at "городъ! Это — Эллины чистые…") E. (margin, at "такія обстоятельства…")

[1] Эту твердость и честность аѳинскаго народа въ отношеніи къ анталкидскому договору историки мало цѣнятъ, или по крайней мѣрѣ проходятъ молчаніемъ; а между тѣмъ здѣсь-то именно положено сѣмя послѣдующихъ несогласій и войнъ между Греками. Говорятъ, что одни Ѳиванцы отказались принять условія анталкидскаго договора, но и тѣ послѣ согласились (Лоренцъ I, 243); а о рѣшительномъ несогласіи Аѳинянъ не говорятъ ни слова.

[2] Возстановленіе аѳинскихъ стѣнъ произведено не по силѣ анталкидскаго договора, а независимо отъ него. Стѣны возстановлены Конономъ, съ помощію войскъ Фарнабаза и аѳинскихъ союзниковъ въ Греціи, особенно Ѳиванцевъ.

[3] Это предательство произошло слѣдующимъ образомъ. Благоразумнѣйшіе изъ Коринѳянъ не совѣтовали вступать въ войну съ Лакедемонянами и желали сохранить миръ, чтобы не лишиться плодовъ отъ засѣянныхъ полей. Узнавъ объ этомъ, Аргивяне, Бэотяне и Аѳиняне стали бояться, какъ бы Коринѳяне опять не перешли на сторону Лакедемонянъ, и тайно умертвили главныхъ защитниковъ мира, а пятьдесятъ человѣкъ изъ нихъ сослали (*Diod.* XIV, p. 709). Сосланные пришли къ лакедемонскому вождю Приксилѣ и взялись провести его съ войскомъ внутрь стѣнъ, прилежащихъ къ коринѳскому порту Лехеѣ. Получивъ его согласіе, они въ одну ночь приплыли къ берегу, и заняли это мѣсто (*Xenoph* Ages. c. 2). Тогда Бэотійцы и Аѳиняне съ Аргивянами и Коринѳянами придвинули свои войска къ Лехеѣ и тотчасъ вторгнулись въ фортъ. Но Лакедемоняне мужественно отразили ихъ и удалились побѣдителями. *Xenoph.* Hellen. IV, 2 et 4. *Diod.* XII, 33.)

ны были и освободившіе царя, и прогнавшіе съ моря [1] Лакедемонянъ. Я напоминаю вамъ объ этихъ мужахъ, а вы должны восхвалить и украсить ихъ память.

О дѣлахъ такихъ мужей, каковы здѣсь лежащіе, равно какъ и о другихъ, сколько ни умерло ихъ за отечество, говорено уже
B. было много прекрасныхъ рѣчей, но остается еще болѣе—прекраснѣйшихъ; ибо не достало бы многихъ дней и ночей тому, кто захотѣлъ бы прослѣдить все это. Итакъ, всякій человѣкъ [2], помня о нихъ, долженъ передавать ихъ потомкамъ, чтобы они на войнѣ не оставляли мѣста своихъ предковъ и не отступали назадъ, побѣждаемые зломъ. Да я и самъ, о дѣти мужей доблестныхъ, какъ теперь прошу, такъ и въ другое время, когда бы ни случилось встрѣтиться съ вами, буду просить
C. васъ, буду напоминать и приказывать вамъ, чтобы вы были людьми самыми отличными. Теперь же считаю долгомъ сказать то, что внушали намъ отцы передавать остающимся, когда послѣдніе будутъ въ опасности подвергнуться какому-нибудь бѣдствію. Я выскажу вамъ, что слышалъ отъ нихъ самихъ, и что сами они, еслибы могли, судя по тогдашнимъ ихъ словамъ, сказали бы вамъ. Представляйте же, что они слышатъ мои завѣщанія. Вотъ слова ихъ.

Дѣти! что у васъ были родители добрые, о томъ свидѣ-
D. тельствуетъ настоящее торжество. Могли мы худо жить, но предпочли лучше хорошо умереть, прежде чѣмъ покрыли бы безславіемъ васъ и позднѣйшихъ потомковъ, прежде чѣмъ посрамили бы нашихъ отцовъ и весь прежній родъ, — предпочли въ той мысли, что кто срамитъ своихъ, тому—жизнь не въ жизнь, и что никто ни изъ людей, ни изъ боговъ не будетъ ему другомъ, — на землѣ ли онъ умеръ, или подъ землею. Итакъ,

[1] Говорится о Кононѣ и Тимоѳеѣ, которые разбили лакедемонскій флотъ при Книдѣ и возвратили Аѳинянамъ владычество на морѣ. *Nepos Corn.* 4.

[2] *Всякій человѣкъ, помня о нихъ*, —μεμνημένος... πάντ' ἄνδρα. Полезно замѣтить, что πάντ' ἄνδρα точно также бываетъ употребительно въ соединеніи съ множественнымъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ ἕκαστος. Matth. § 302, потому что въ подобныхъ подлежащихъ единственнаго числа всегда разумѣются многія подлежащія.

помня наши слова, вы, если подвизаетесь и въ чемъ другомъ, должны подвизаться доблестно, зная, что всѣ стяжанія и занятія безъ этого постыдны и худы. Вѣдь ни богатство не доставляетъ блага тому, кто пріобрѣлъ его малодушно, — ибо такой богатѣетъ другимъ, а не себѣ [1], — ни красота тѣлесная и сила не къ благообразію служатъ тому, кто труслив и золъ, а къ безобразію, — ибо кто имѣетъ эти свойства, тотъ становится еще болѣе замѣтнымъ, когда обнаруживаетъ трусость. Всякое же знаніе, отдѣльно отъ справедливости и другой добродѣтели, представляется плутовствомъ, а не мудростію [2]. Посему и прежде, и послѣ, и во всякое время должны вы усердно стараться, какъ бы знаменитостью превзойти и насъ, и предковъ. А когда нѣтъ, — знайте, что если доблестью мы побѣдимъ васъ, эта побѣда покроетъ насъ стыдомъ; если же, напротивъ, будемъ побѣждены вами, — это пораженіе доставитъ намъ счастіе. А особенно были бы мы побѣждены и вы побѣдили бы насъ тогда, когда бы оказались готовыми не злоупотреблять славою предковъ и не помрачать ея, зная, что для человѣка, имѣющаго о себѣ нѣкоторое понятіе, нѣтъ ничего постыднѣе, какъ выдавать себя почтеннымъ не за себя, а за славу предковъ. Честь предковъ [3] для потомковъ есть, конечно, прекрасное и великолѣпное сокровище: но пользоваться этимъ сокровищемъ ихъ богатства и честей и, по недостатку собственныхъ своихъ стяжаній и славныхъ дѣлъ, не передавать ихъ потомкамъ — постыдно и малодушно. Если вы будете ста-

E. 247. B.

---

[1] *Богатѣетъ другимъ, а не себѣ*, — ἄλλῳ γὰρ πλουτεῖ, καὶ οὐχ ἑαυτῷ. Это выраженіе переводятъ такъ: «богатѣетъ для другаго, а не для ссбя». Но принимая во вниманіе логическій смыслъ рѣчи, я хотѣлъ бы понимать его, какбы оно было въ формѣ предложенія: ἀπ' ἄλλου γὰρ πλουτεῖ, καὶ οὐκ ἀπ' ἑαυτοῦ. Дательный безъ предлога можно встрѣчать нерѣдко. Напр.: Χερσὶν ὑπὸ Πατρόκλοιο δαμῆναι Il. II. 420.

[2] Эту самую мысль буквально выражаетъ Цицеронъ, Offic. 1, 12: Scientia, quae est remota a justitia, calliditas potius, quam sapientia est appellanda.

[3] *Честь предковъ* — εἶναι τιμὰς γονέων. Все это выраженіе надобно принимать за нераздѣльное подлежащее, какбы сказано было: τὸ εἶναι τιμὰς γονέων; тогда понятно будетъ, почему далѣе стоитъ καλὸς θησαυρός, а не καλὸν θησαυρόν.

раться объ этомъ, то, какъ друзья наши, когда потребуетъ то-
C. го неизбѣжная судьба, перейдете къ намъ, друзьямъ: напротивъ, кто пренебрежетъ насъ и обезчеститъ, того никто благосклонно не приметъ. Да будетъ сказано это нашимъ дѣтямъ.

А отцовъ нашихъ, у кого они есть, и матерей всегда должно увѣщавать, чтобы они какъ можно легче переносили случившаеся несчастіе и не присоединяли своего сѣтованія, — ибо умершіе не имѣютъ нужды въ прибавкѣ плачущихъ, случившееся бѣдствіе и само будетъ достаточно для возбужденія
D. слезъ, — но были здравомысленнѣе и спокойнѣе, помня, что чего они просили себѣ, какъ величайшаго блага, тому самому боги и вняли. Вѣдь не безсмертія просили они своимъ дѣтямъ, а доблести и знаменитости, — и дѣти получили эти величайшія блага. Но чтобы все въ жизни смертнаго человѣка выходило по его мыслямъ, — это нелегко. Мужественно перенося несчастія, они, какъ отцы дѣйствительно мужественныхъ дѣтей, и сами
E. покажутся такими же; а поддавшись скорби, возбудятъ подозрѣніе, что либо мы дѣти не этихъ отцовъ, либо хвалящіе насъ ошибаются. Между тѣмъ не должно быть ни того ни другаго; но тѣ, первые, пусть особенно хвалятъ насъ самымъ дѣломъ, показывая въ себѣ по истинѣ такихъ отцовъ, которые являются мужами мужей. Вѣдь старинная пословица: ничего слишкомъ[1], кажется, заключаетъ въ себѣ прекрасную мысль; ибо это, въ самомъ дѣлѣ, хорошо сказано. У кого все, относящееся къ счастію, или почти къ счастію, зависитъ отъ него са-
248. мого, а не отъ другихъ людей, которыхъ счастіе или несчастіе по необходимости увлекаетъ за собою и его судьбу; того жизнь устроилась превосходно, тотъ разсудителенъ, тотъ мужественъ и благоразуменъ, тотъ, — прибываютъ ли деньги или дѣти, или убываютъ, — остается вѣренъ этой пословицѣ и, вѣря ей, не будетъ слишкомъ ни радоваться, ни печалиться.
B. Этого-то требуемъ мы отъ своихъ, этого хотимъ и это говоримъ. Такими выставляемъ мы теперь и самихъ себя: не бу-

[1] *Ничего слишкомъ* — μηδὲν ἄγαν. Эта пословица, которую приписываютъ Хилону, надписана была на дельфійскомъ храмѣ. См. Protag. p. 343 B.

демъ слишкомъ ни тревожиться, ни бояться, еслибы даже надлежало умереть въ эту минуту. Итакъ, просимъ и отцовъ нашихъ, и матерей, проводить остальную жизнь съ этою самою мыслію, и знать, что не слезами и стонами особенно доставятъ они намъ удовольствіе: напротивъ,—если умершіе сохраняютъ какое-нибудь чувство въ отношеніи къ живущимъ, этимъ возбудилось бы въ насъ скорѣе неудовольствіе, что, тяжело C.
перенося несчастія, они безчестятъ себя; тогда какъ перенося ихъ легко и умѣренно, доставили бы намъ пріятное. Вѣдь наша жизнь тогда получитъ уже такую кончину, какая у людей почитается самою лучшею, такъ что ее приличнѣе украшать похвалами, чѣмъ оплакивать. Пусть они лучше примутъ на себя попеченіе о нашихъ женахъ и дѣтяхъ, кормятъ ихъ, и на это обратятъ вниманіе; а о несчастіи пусть забудутъ и живутъ какъ можно лучше, правѣе и для насъ благопріятнѣе. Для на- D.
шихъ отъ насъ довольно этого завѣщанія; городу же приказали бы мы заботиться о нашихъ отцахъ и дѣтяхъ, послѣднимъ давая благонравное воспитаніе, а первымъ—достойную старцевъ пищу. Впрочемъ знаемъ, что хотя бы мы и не приказывали, городъ будетъ имѣть о нихъ достаточную заботливость.

Это-то, дѣти и родители умершихъ, поручили намъ они возвѣстить, — и я съ наивозможнымъ усердіемъ возвѣщаю, E.
да и самъ прошу за нихъ,—прошу однихъ подражать своимъ, другихъ не безпокоиться касательно себя; потому что мы и частно и обществомъ будемъ снабжать вашу старость пищею, и имѣть о васъ попеченіе, гдѣ бы кому ни случилось встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ такихъ людей. А что касается до заботливости города о васъ, то вы и сами знаете, что закономъ положено пещись о дѣтяхъ и родителяхъ гражданъ, умершихъ на войнѣ, и что предписано высшему правительству [1] 249.

[1] Подъ высшимъ правительствомъ разумѣется ὁ πολέμαρχος, третій въ числѣ архонтовъ. На немъ лежали всѣ обязанности министра военныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ заботиться нетолько о средствахъ веденія войны, но и, по свидѣтельству Поллюкса (VIII, 91, p. 910), о публичныхъ играхъ въ честь убитыхъ, равно какъ о призрѣніи ихъ дѣтей и родителей. *Wesseling* ad Petit.

отцовъ ихъ и матерей, преимущественно предъ прочими граж-
данами, охранять отъ обидъ. Дѣтямъ же городъ даетъ сов-
мѣстное воспитаніе, всемѣрно стараясь, чтобы они не замѣ-
чали своего сиротства. Для этого онъ, во время ихъ отроче-
ства, становится имъ самъ вмѣсто отца, а когда наконецъ они
достигаютъ мужескаго возраста [1], посылаетъ ихъ на родину,
украшенныхъ полнымъ вооруженіемъ [2], и передавая ихъ па-
В. мяти знанія отца, даетъ имъ орудія отцовской добродѣтели, въ
родѣ предзнаменованія, что каждый изъ нихъ начнетъ управ-
лять ходомъ дѣлъ у отеческаго очага, облеченный оружіемъ
силы. А чтить самихъ умершихъ городъ никогда не переста-
етъ, но ежегодно [3] совершаетъ установленный закономъ празд-

---

p. 669. *Ulpian.* in Timocr. p. 445: «Ὁ πολέμαρχος ἐπεμελεῖτο τοῦ τρέφεσθαι ἐκ τοῦ δημοσίου τοὺς παῖδας τῶν ἀποθανόντων γενναίως ἐν τῷ πολέμῳ. *Gottleb.* Но Мейеръ (de Lite Attica p. 44, not. 47) полагаетъ, что для изъясненія этого мѣста указывать на упомянутаго архонта недостаточно.

[1] *Достигаютъ мужескаго возраста*, εἰς ἀνδρος τέλος ἴωσιν, т.-е. εἰς ἄνδρας ἐγγράφωνται. *Lobeck.*, ad Phrynich. p. 212, поправляетъ: εἰς ἄνδρας τελέσωσιν. Εἰς ἄνδρας τελεῖν читается Legg. XI, p. 924 B. Но исправленія тутъ не требуется. Loersius кстати сноситъ Epinom. p. 992 D: εἰς πρεσβυτου τέλος ἀφικόμενος.

[2] Мысль оратора такова: дѣти воиновъ, достигнувъ осьмнадцатилѣтняго возраста, во время публичнаго праздника τῶν ἐφηβίων (см. *Meurs.* Graciae Feriatae p. 129) вписываются въ роспись эфебовъ, надѣваютъ плащъ — знакъ вступленія въ званіе воина, и носятъ его до двадцатилѣтняго возраста. Посему этотъ плащъ и былъ отличіемъ эфебовъ (*Hemsterhus.* ad Poll. X, 164). Принявъ его, эфебы въ продолженіе перваго года упражняются въ гимназіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомятся съ ходомъ дѣлъ общественныхъ; потомъ поставляются стражами пирейской крѣпости, или занимаютъ посты внѣ города и носятъ имя των περιπόλων (*Terent.* Eun. II, 2, 59, interpr. ad Thucyd. IV, 62. *Petit.* Legg. Attic. VIII, 1, p. 654 sq.). Сюда относится замѣчательный отрывокъ изъ Аристотеля у Гарпократіона, p. 241: τὸν δεύτερον ἐνιαυτὸν, ἐκκλησίας ἐν τῷ θεάτρῳ γενομένης ἀποδεξάμενοι τῷ δήμω περὶ τὰς τάξεις καὶ λαβόντες ἀσπίδα καὶ δόρυ παρὰ τοῦ δήμου περιπολοῦσι τὴν χώραν καὶ διατρίβουσιν ἐν τοῖς φυλακτηρίοις. Послѣ же двадцати лѣтъ они получаютъ полное вооруженіе и поступаютъ на дѣйствительную службу. Это полное вооруженіе—πανοπλίαν—получали и тѣ, которые лишились родителей и воспитывались на счетъ общества. *Aeschin.* adv. Ctesiph. § 154, p. 372, ed. Brem. Эсхинъ (de fals. legat. p. 329) говоритъ, что и онъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, несъ должность стража въ крѣпости.

[3] Дальманъ недоумѣваетъ, то ли надобно разумѣть подъ этими словами, что подобныя торжества совершаемы были каждый годъ, или они указываютъ на обычай Аѳинянъ—совершать погребеніе убитыхъ воиновъ каждою зимою,

никъ и дѣлаетъ для всѣхъ вообще то самое, что частно дѣлается для каждаго отдѣльно. Сверхъ того, онъ установилъ въ память ихъ гимнастическія, конскія и всякія музыкальныя [1] игры. Просто сказать: въ отношеніи къ умершимъ отцамъ онъ принимаетъ жребій наслѣдника и сына, въ отношеніи къ дѣтямъ — жребій отца, а въ отношеніи къ родителямъ и родственни- C.
камъ—жребій попечителя, и имѣетъ попеченіе все, о всѣхъ и всегда. Размышляя объ этомъ, надобно спокойнѣе переносить несчастіе; ибо такимъ образомъ вы сдѣлаетесь любезнѣе и умершимъ и живущимъ, и вамъ будетъ легко какъ услуживать, такъ и принимать услуги. Теперь же и вы, и всѣ прочіе, по закону съобща оплакавши умершихъ, удалитесь. — Вотъ D.
тебѣ рѣчь Аспазіи мелисійской, Менексенъ!

Мен. Клянусь Зевсомъ, Сократъ, ты можешь назвать Аспазію очень блаженною, если, будучи женщиною, она въ состояніи сочинять такія рѣчи.

Сокр. А если не вѣришь, слѣдуй мнѣ, и услышишь, какъ она говоритъ.

Мен. Часто встрѣчался я съ Аспазіею, Сократъ, и знаю, какова она.

Сокр. Что же? не удивляешься ей, однако благодаришь ее за эту рѣчь?

Мен. Да и великую за эту рѣчь, Сократъ, приношу я бла- E.
годарность — ей, или ему, кто бы ни сказалъ ее; прежде же многихъ другихъ, благодарю произнесшаго.

послѣдовавшею за тѣмъ лѣтомъ, въ которое ведена была война. Вѣроятнѣйшимъ представляется первое мнѣніе, когда этотъ самый панигирикъ, какъ сказано нами во введеніи, предписано было произносить ежегодно. Впрочемъ, надобно согласиться, что ораторъ говоритъ здѣсь ὑπερβολικῶς.

[1] *И всякія музыкальныя игры*—καὶ μουσικῆς πάσης. *Pollux*. III, 141: οὐ ῥάδιον λέγειν ἀγῶνας μουσικούς, ἀλλὰ μουσικῆς. Но почему такъ? Хотя ἀγὼν μουσικῆς читается Legg. VII, p. 825 A: τοὺς μουσικῆς ἀγῶνας, ib. XII, p. 947 E: ἀγῶνα μουσικῆς αὐτοῖς καὶ γυμνικὸν τε θήσουσιν al.; однакожъ нельзя охуждать и другой формы. *Thucyd*. III, 104: ἀγὼν ἐποιεῖτο καὶ γυμνικὸς καὶ μουσικός; и далѣе: μόυσικὸς ἀγὼν ἦν. *Plat*. Legg. II, 658 A: εἰ ποτέ τις οὕτως ἁπλῶς ἀγῶνα θείη ὁντινοῦν, μηδὲν ἀφορίσας μήτε γυμνικὸν μηθ᾽ ἱππικὸν μήτε μουσικόν; ibid. VIII, p. 828 C: χορούς τε καὶ ἀγῶνας μουσικούς. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ неловко было сказать ἀγῶνας μουσικοὺς конечно отъ прибавленнаго слова πάσης.

Сокр. Хорошо; но не выдай меня, чтобы я и еще произнесъ тебѣ много прекрасныхъ ея рѣчей политическаго содержанія.

Мен. Не бойся, не выдамъ; только произноси.

Сокр. Такъ и будетъ.

IОНЪ.

IОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Между сочиненіями Платона есть діалогъ, озаглавленный именемъ современнаго Сократу рапсодиста, называвшагося Іономъ. Этотъ діалогъ такъ коротокъ и въ своемъ содержаніи такъ не разнообразенъ, что не было бы нужды и предварять его критическимъ разсужденіемъ, еслибы мы не имѣли въ виду нѣкоторыхъ противорѣчущихъ мнѣній, высказанныхъ филологами относительно его достоинства и подлинности. Такъ, Шлейермахеръ полагаетъ, что Іонъ имѣетъ значеніе только прибавленія или эпилога къ Платонову Федру, и что въ немъ нѣтъ ничего Платоновскаго, кромѣ сравненія поэтическаго восторга съ магнитомъ. Почти то же, только съ большею рѣшительностію, говоритъ Астъ: по его мнѣнію, писатель Іона, воспользовавшись нѣсколькими худо понятыми имъ мѣстами Федра (напр., на стр. 245 A) и Ксенофонта (Sympos. III, 6. Memor. IV, 2, 10), взялъ ихъ мысли за тему своего сочиненія и эту тему раскрылъ съ дѣтскою неопытностію. Но иначе смотрѣлъ на Іона Зохеръ. Онъ не сомнѣвался въ подлинности этого діалога и видѣлъ двоякую цѣль его изложенія: по его словамъ, Платонъ въ своемъ Іонѣ, во-первыхъ, хотѣлъ доказать, что поэты и ихъ любители чужды мудрости и не имѣютъ собственно такъ называемаго (философскаго) знанія; во-вторыхъ, предположилъ обнаружить ничтожество рапсодистовъ, комедіантовъ и другихъ подобныхъ имъ людей, — въ той мысли, что

они, распространяя превратныя понятія и расположенія въ народѣ, были косвенными причинами смерти Сократовой. Еще иначе намѣреніе Платона при изложеніи этой бесѣды опредѣляется Нитшемъ, по мнѣнію котораго, Платонъ въ своемъ Іонѣ хотѣлъ доказать, что друзья поэтовъ и рапсодистовъ, слушая ихъ, не принимаютъ въ себя ничего, кромѣ яда, отравляющаго ихъ души страстями, и что истинное искуство и знаніе пріобрѣтается только путемъ философскаго размышленія, а не слѣпымъ раздраженіемъ душевныхъ силъ. Такимъ образомъ основную мысль Іона Нитшъ поставляетъ въ непосредственную связь съ ученіемъ Платона, изложеннымъ въ его Государствѣ (l. X, p. 598. C. D): но не такой взглядъ на Іона виденъ у Штальбома. Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что Іонъ принадлежитъ Платону, онъ главнымъ побужденіемъ къ изложенію этого діалога почитаетъ желаніе научить, что родъ энтузіазма, или восторга, возбуждаемаго не внутреннимъ движеніемъ души, а внѣшнимъ вліяніемъ поэтической гармоніи, подъ которымъ находятся рапсодисты, происходитъ не отъ знанія искуства, а отъ случайнаго расположенія, и однакожъ ведетъ къ притязанію мудрости, какъ будто восторгающійся такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ точнымъ и тонкимъ знаніемъ тѣхъ вещей, о которыхъ рапсодируетъ по твореніямъ поэтовъ. А отсюда, по намѣренію философа, должно вытекать заключеніе, что этому, внѣшно возбуждаемому энтузіазму надобно приписывать немного цѣны. Но такъ какъ Платонъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ философское ученіе объ извѣстномъ предметѣ обыкновенно соединяетъ съ ироніею, направленною противъ современниковъ, непонимающихъ природы того предмета; то и въ Іонѣ онъ дѣлаетъ то же самое, то-есть нетолько опредѣляетъ значеніе внѣшно возбуждаемаго энтузіазма, но и затрогиваетъ своею ироніею самохвальство и тщеславіе рапсодистовъ. Поэтому, намѣреніе Платона, при изложеніи Іона, выразилось двояко—внутренно и внѣшно, и оба эти выраженія такъ тѣсно соединены между собою, что одно не можетъ быть отдѣлено отъ другаго. Съ такимъ взгля-

домъ Штальбома на этотъ діалогъ не имѣемъ причины не согласиться и мы.

Іонъ ясно дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ первая идетъ отъ начала до стр. 526 E, а вторая—отъ этой страницы до конца діалога. Въ первой части раскрывается та главная мысль, что всѣ поэты даромъ творчества обязаны не знанію искуства или науки, а божественному воодушевленію, и творятъ не сознательно—силою своего ума, а страдательно, какъ бы одержимые музами, поэтому и называются истолкователями воли боговъ. Подъ вліяніемъ такого же обаянія или одушевленія декламируютъ и рапсодисты; только они бываютъ одержимы не музами, а каждый тѣмъ поэтомъ, который нашелъ въ немъ свой органъ и своими твореніями приводитъ его въ состояніе восторга. Поэтому, какъ поэты истолковываютъ волю боговъ: такъ рапсодисты бываютъ истолкователями мыслей и чувствованій, высказываемыхъ поэтами, а своимъ собственнымъ знаніемъ и умомъ не обнимаютъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ говорятъ, и рапсодируютъ только какъ изступленные. Эта послѣдняя мысль Сократа показалась обидною для самолюбія Іона, и потому заставила собесѣдниковъ изслѣдовать, на знаніи ли и на какомъ знаніи основывается искуство рапсодиста. Рѣшеніемъ новаго, возбужденнаго теперь, вопроса занимается вторая часть діалога. Въ ней полагается, что любимый поэтъ Іона, Омиръ, говоритъ о разныхъ предметахъ, напримѣръ, объ управленіи колесницами, объ употребленіи лекарствъ, о вожденіи кораблей, о командованіи войскомъ: но всѣ эти дѣйствія болѣе извѣстны кучерамъ, врачамъ, кормчимъ, военачальникамъ, чѣмъ рапсодисту; слѣдовательно, рапсодистъ не знаетъ того, что рапсодируетъ изъ Омира. Іонъ соглашается; но чтобы указать въ Омирѣ предметъ, который былъ бы коротко знакомъ и рапсодисту, усвояетъ ему полное знаніе науки военачальничества, и такимъ образомъ, отвѣчая на вопросы Сократа, приходитъ къ нелѣпому заключенію, что отличный рапсодистъ есть превосходный генералъ.

Имѣлъ ли Сократъ какую-нибудь причину преслѣдовать своею ироніею рапсодистовъ?—Если предположимъ, что рапсодисты въ Греціи были то же, что на сѣверѣ у насъ древніе барды; то надлежало бы, повидимому, не преслѣдовать ихъ, а одобрять, какъ людей, съ благодарностію припоминавшихъ подвиги отечественныхъ героевъ и описывавшихъ доблести ихъ, въ образецъ для подражанія позднѣйшему потомству. Но греческихъ рапсодистовъ Сократова времени нельзя сравнивать съ сѣверными бардами. По изслѣдованіямъ Дрейсига (Comment. critic. de Rhapsodis, Lips. 1734) и Вольфа (Prolegg. ad Hom. XCIX sqq.), эти люди старались соединить въ своемъ лицѣ нетолько роли разсказчиковъ и комедіантовъ, но и комментаторовъ того поэта, котораго рапсодировали. Они обыкновенно отличались пестротою и театральною вычурностію наряда, по которой надлежало смотрѣть на нихъ больше какъ на шутовъ и балаганныхъ паяцовъ, чѣмъ какъ на декламаторовъ великихъ произведеній поэтическаго воодушевленія. Они свои декламаціи почти всегда соединяли съ дѣйствіями и, дѣйствуя, приходили въ изступленіе. Главною ихъ цѣлью было произвести сколько можно больше эффекта и потрясти души слушателей. Въ этомъ случаѣ мѣрою истины были не мысли и чувствованія поэта, а умственное и нравственное настроеніе рапсодиста, подъ вліяніемъ котораго онъ истолковывалъ своего вдохновителя иногда вовсе несогласно съ требованіями творческой его фантазіи. Между тѣмъ навыкъ разсказывать о всемъ, что воспѣваемо было поэтомъ, вкоренялъ въ немъ увѣренность, что онъ дѣйствительно знаетъ то, о чемъ разсказываетъ, и отсюда переводилъ его къ смѣшному притязанію на мудрость. Общество образованное, конечно, и тогда смѣялось надъ фарсами и лицедѣйствомъ рапсодистовъ, и на пиршествахъ замѣняло ихъ простыми чтецами поэтическихъ произведеній; но аѳинская толпа нерѣдко увлекалась ихъ изступленіемъ и, при тогдашней формѣ правленія, могла быть незамѣтно направляема къ извѣстной цѣли. Все это достаточно, кажется, оправдываетъ Платона, что онъ избралъ такую

тему для бесѣды Сократа съ рапсодистомъ. Сократъ въ Іонѣ отнюдь не порицаетъ истиннаго поэтическаго воодушевленія, а только доказываетъ, что оно внушается музами и потому зависитъ не отъ знанія, что оно состоитъ въ свободномъ стремленіи души къ предмету и никому недоступно, кромѣ того, чья нѣжная и дѣвственная душа проникается божественнымъ (Phaedr. p. 245 A). Но внѣшно возбуждаемый восторгъ рапсодистовъ столько же заслуживалъ порицаніе, сколько изступленіе коривaятовъ и вакханокъ. Поэтому легко понять, отчего Сократъ и его ученики къ рапсодистамъ постоянно выражали презрѣніе. Свидѣтельство объ этомъ мы находимъ и у Ксенофонта (Memor. IV, 2, 10), гдѣ сынъ Софрониска говоритъ такъ: *οἶδα τά μεν ἔπη ἀκριβοῦντας, αὐτοὺς δὲ πάνυ ἠλιθίους ὄντας*. Съ этимъ согласно и то, что читается въ Ксенофонтовомъ Симпосіонѣ —III, 5, гдѣ Антисѳенъ спрашиваетъ Никерата: *οἶσθά τι οὖν ἔθνος ἠλιθιώτερον ῥαψωδῶν*; а этотъ отвѣчаетъ: *οὐ μὰ τὸν Δία, οὔκουν ἔμοιγε δοκεῖ.*

Теперь можно еще предложить себѣ вопросъ: въ какое время Платонъ написалъ разговоръ, озаглавленный именемъ Іона. Опредѣленно отвѣчать на это, конечно, нельзя; однакожъ, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, форму и содержаніе діалога, съ другой, тогдашнее отношеніе поэтовъ, ораторовъ и рапсодистовъ къ Сократу, можно, по крайней мѣрѣ приблизительно, указать на время появленія Іона. Эти соображенія позволяютъ полагать, что Іонъ написанъ Платономъ еще при жизни Сократа, когда первый былъ слушателемъ послѣдняго и видѣлъ, какая сильная вражда возставала противъ его учителя со стороны тогдашнихъ личностей, занимавшихся литературою, но неполучившихъ философскаго образованія, надмеваемыхъ гордостію софистическаго многознанія и невыносившихъ тонкой Сократовой ироніи. Во-первыхъ, надобно замѣтить, что въ Іонѣ нѣтъ ничего такого, что свидѣтельствовало бы о широкомъ развитіи науки, какое видно въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Платона: здѣсь, напротивъ, все такъ просто, такъ осязательно, что въ писателѣ тотчасъ видишь Сокра-

това воспитанника, заимствующаго свои изображенія прямо изъ вседневной жизни. Даже и мысли о поэтическомъ и рапсодическомъ восторгѣ не поднимаются выше понятія древнихъ Грековъ и находятся въ такой тѣсной связи съ ученіемъ Сократа объ этомъ предметѣ, что можно почитать ихъ вполнѣ Сократовыми. Поэтому мнѣніе Шлейермахера, что на Іона надобно смотрѣть, какъ на прибавленіе къ Федру, кажется весьма страннымъ. Вѣдь еслибы это сколько-нибудь походило на правду; то въ Іонѣ мы должны были бы найти больше содержанія и больше углубленія въ предметъ изслѣдываемый: между Федромъ и Іономъ, въ матеріальномъ отношеніи и въ философскомъ взглядѣ, такое же различіе, какое—между возрастнымъ, особенно крѣпкимъ человѣкомъ, и невполнѣ созрѣвшимъ, хотя способнымъ юношею. На тотъ же періодъ Платоновой жизни указываетъ и форма разсматриваемаго діалога. Въ этомъ діалогѣ далеко нѣтъ еще той искуственности плана, той поступи и заманчивости наведенія, той тонкой и чарующей ироніи, какая непрестанно встрѣчается въ произведеніяхъ Платона, написанныхъ въ позднѣйшую пору его жизни. Здѣсь господствуетъ больше наивность и такая простота, какою Ксенофонтъ въ своихъ запискахъ характеризуетъ самого Сократа, и только уподобленіе воодушевленія магниту позволяетъ предвидѣть въ Платонѣ возвышенность и зоркость будущаго философа. Что Платонъ написалъ Іона еще въ ранней молодости, когда посѣщалъ школу Сократа, это нисколько неудивительно. Мы уже имѣли случаи говорить, что въ тотъ періодъ его жизни написаны имъ, кромѣ Іона, и нѣкоторые другіе разговоры, какъ-то Менонъ, Эвтифронъ, Лизисъ, —всѣ они направлены къ защитѣ Сократа отъ тѣхъ обвиненій, которыми тогда начинали преслѣдовать его: только эта защита обнаруживала характеръ апагогическій, то-есть доказывалось, что обвинители великаго философа — люди несмысленные, невѣжды, поставляющіе внѣшній и личный свой интересъ выше истинъ общечеловѣческихъ, которыхъ органомъ и проповѣдникомъ былъ Сократъ. Такъ, напримѣръ, извѣст-

но, что Эвтифронъ написанъ для обличенія лживыхъ провѣщателей въ томъ, что они, обвиняя Сократа въ неблагочестіи, сами не знаютъ, что такое—благочестіе; въ Менонѣ же доказывается, что софисты и политики, обвинявшіе Сократа въ развращеніи юношества, общественные свои приговоры износятъ не изъ основаній науки или искуства, которыхъ вовсе не знаютъ, а дѣлаютъ ихъ слѣпо, увлекаясь безотчетнымъ стремленіемъ ума, или самоувѣренно указывая на божественный, дарованный себѣ жребій. Итакъ, эти діалоги съ тою же цѣлію направлены противъ провѣщателей, софистовъ и политиковъ, съ какою Іонъ—противъ рапсодистовъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И ІОНЪ.

530. *Сократъ.* Здравствуй, Іонъ! Откуда ты теперь къ намъ пріѣхалъ [1]? Не съ родины ли—изъ Ефеса [2]?

Іонъ. Совсѣмъ нѣтъ, Сократъ; изъ Епидавра, съ асклепіадъ [3].

Сокр. Такъ вотъ, Епидавряне въ честь бога установили и состязаніе въ пѣніи?

Іонъ. Конечно; да и въ прочей музыкѣ.

Сокр. Ну что же? состязался? каково совершилъ подвигъ?

Іонъ. Получили первую награду, Сократъ.

B. *Сокр.* Хорошо; давай же, какъ-нибудь одержимъ побѣду и на панаѳинеяхъ [4].

---

[1] ***Откуда ты теперь къ намъ пріѣхалъ?*** Πόθεν τὰ νῦν ἡμῖν ἐπιδεδήμηκας; τὰ νῦν — форма времени, опредѣляемая вопросомъ *когда*, слѣдовательно однозначительная съ выраженіемъ ἐν τῷ νῦν. Дательный ἡμῖν въ разговорномъ языкѣ Платонъ часто употребляетъ вмѣсто πρός ἡμᾶς. Phaedr. p. 257 C. Resp. I, p. 343 A. Lysid. p. 208 D.

[2] ***Не съ родины ли — изъ Ефеса?*** Іону, какъ декламатору Омира, естественно было происходить изъ іонійскаго города Ефеса, потому что Іоняне особенно расположены были къ слушанію рапсодистовъ, которыхъ въ этой греческой области находилось очень много.

[3] Городъ Епидавръ находился въ Арголидѣ и извѣстенъ былъ, между прочимъ, по отправлявшемуся въ немъ въ честь Эскулапа празднику, который, ради своей торжественности, назывался μεγάλα ἀσκληπίεια, или также μεγαλα ασκλήπεια. На этомъ праздникѣ Греки преимущественно любили состязаться въ музыкѣ. *Spreng.* Geschichte d. Medicin. I, p. 180 sqq.

[4] Съ этого поворота бесѣды начинаютъ уже обрисовываться тщеславіе рапсодиста и иронія Сократа. Іонъ въ своемъ отвѣтѣ весьма выразительно употребляетъ множественное число вмѣсто единственнаго: ***получили*** первую награду, Сократъ; а Сократъ, поддѣлываясь подъ тонъ его хвастливости,

Іонъ. Да, это, при помощи божіей, сбудется.

Сокр. А вѣдь я, ради вашего искуства, Іонъ, часто завидовалъ вамъ, рапсодистамъ. Да и можно ли не завидовать? По его требованію, и тѣло-то ваше всегда разукрашено,—отчего вы кажетесь весьма красивыми,—и раждается необходимость заниматься какъ многими другими хорошими поэтами, такъ особенно [1] Омиромъ, превосходнѣйшимъ и божественнѣйшимъ изъ нихъ, и изучать его мысль, а не одни стихи. Вѣдь ужъ C.
вѣрно нѣтъ рапсодиста, который бы не понималъ, что говоритъ поэтъ. Рапсодистъ-то вѣдь для слушателей долженъ быть истолкователемъ мыслей поэта; но дѣлать это хорошо нельзя, когда не знаешь, о чемъ у него рѣчь. Итакъ, все такое достойно зависти.

Іонъ. Ты правду говоришь. По крайней мѣрѣ меня съ этой стороны искуство занимало весьма много, и я думаю, что могу превосходнѣе всѣхъ бесѣдовать объ Омирѣ; такъ что ни Мит- D.
родоръ лампсакскій, ни Стизимвротъ ѳасійскій, ни Главконъ [2], и вообще, никто изъ людей, когда-либо существовавшихъ, не въ состояніи высказать мыслей Омира столь многихъ и столь прекрасныхъ, какія высказываю я.

самъ говоритъ въ множественномъ числѣ: давай же, какъ-нибудь *одержимъ побѣду* и на панаѳинеяхъ. *Панаѳинеями* назывался торжественный праздникъ, совершавшійся въ Аѳинахъ чрезъ каждыя пять лѣтъ: на немъ постановлено было между прочимъ допускать къ состязанію рапсодистовъ, особенно же декламаторовъ твореній Омировыхъ. *Lycurg*. adv. Leocrat. c. 26, p. 209. *Isocrat*. Panegyr. c. 42.

[1] *Такъ особенно Омиромъ* — καὶ δὴ καὶ μάλιστα ἐν Ὁμήρῳ. Выраженіе καὶ δὴ καὶ μάλιστα, употребляемое вмѣсто οὕτω καὶ μάλιστα, встрѣчается у Платона весьма часто. См. Phaed. p. 112 E. Polit. p. 268 E, p. 270 C. Sophist. p. 216 A, p. 242 A alib. Поэтому невѣроятно мнѣніе Геккія (De simultate, quae Platoni et Xenophonti interest, p. 20), будто это мѣсто Платонъ взялъ цѣликомъ изъ Ксенофонтова Симпосіона C. III, § 6.

[2] Платонъ не безъ цѣли заставляетъ Іона сравнивать себя съ Митродоромъ лампсакскимъ, Стизимвротомъ ѳасійскимъ и Главкономъ. Первые два въ такомъ совершенствѣ высказывали, говорятъ, и раскрывали мысли Омира, что повѣствованія его превращали въ аллегоріи. *Lobeck*. Aglaoph. T. I, p. 155 sqq. *Wolff*. Proleg. CLXI. Поэтому въ Ксенофонтовомъ Симпосіонѣ Сократъ противуполагаетъ Стизимврота рапсодистамъ неученымъ. Что же касается до Главкона, то это, вѣроятно, былъ Регіецъ, написавшій книгу περὶ ποιητῶν. *Sydenham*. De script. Hist. Phil. I, 2, 4.

Сокр. Ты хорошо говоришь, Іонъ, и вѣдь явно, что не откажешься доказать мнѣ это.

Іонъ. Да и стоитъ-таки послушать, Сократъ, какъ хорошо я украшаю Омира. Мнѣ кажется, стоило бы Омиристамъ [1] увѣнчать меня золотымъ вѣнкомъ.

Сокр. Но я буду еще имѣть время слушать тебя. Теперь
531. отвѣчай-ка мнѣ вотъ на что: только ли въ Омирѣ силенъ ты, или и въ Исіодѣ, и въ Архилохѣ [2].

Іонъ. Нѣтъ, только въ Омирѣ: для меня онъ кажется достаточнымъ.

Сокр. А есть ли что-нибудь, о чемъ Омиръ и Исіодъ говорятъ одно и то же?

Іонъ. Я думаю, и много такихъ вещей.

Сокр. Такъ объ этомъ ты лучше разсказываешь по Омиру, чѣмъ по Исіоду?

Іонъ. О томъ-то, Сократъ, одинаково, о чемъ они говорятъ то же самое.

B. *Сокр.* Ну, а о чемъ говорятъ они не то же самое? Напримѣръ, о прорицаніи говоритъ нѣчто и Омиръ, и Исіодъ.

Іонъ. Конечно.

Сокр. Что же? Ты ли превосходнѣе разскажешь, или кто-нибудь изъ лучшихъ прорицателей, что̀ именно эти поэты говорятъ о прорицаніи одинаково, и что̀ различно?

Іонъ. Кто-нибудь изъ прорицателей.

---

[1] Подъ именемъ Омиридовъ или Омиристовъ у Грековъ, безъ сомнѣнія, понимаемы были хвалители мудрости Омира, на котораго творенія они смотрѣли, какъ на законодательное начало религіи, политики и философіи; поэтому, кто лучше и изящнѣе истолковывалъ ихъ, того должны были они награждать. Намеки на нихъ встрѣчаются de Rep. X, p. 599 E. Phaedr. p. 262 B.

[2] Что греческіе рапсодисты любили декламировать и стихи Архилоха, свидѣтельствуетъ Атеней (XV, p. 630 C). Считаю нужнымъ замѣтить, что Шлейермахеръ напрасно видитъ здѣсь несостоятельность Сократа, который прежде самъ вызывалъ Іона къ декламаціи стиховъ Омировыхъ, а теперь говоритъ, что онъ будетъ еще имѣть время слушать ихъ, и спрашиваетъ о другомъ. Въ томъ-то и состоитъ столь свойственное Сократу искуство завлекать молодыхъ людей въ изслѣдованіе, что онъ сперва затрогиваетъ интересы ихъ самолюбія и потомъ уже нечувствительно заставляетъ ихъ слѣдовать за собою.

Сокр. А еслибы ты былъ прорицатель, то, умѣя разсказать о томъ, что говорится одинаково, умѣлъ ли бы разсказать и о томъ, что сказано различно?

Іонъ. Явно, что умѣлъ бы.

Сокр. Какъ же это? Въ отношеніи къ Омиру ты силенъ, C.
а въ отношеніи къ Исіоду и прочимъ поэтамъ нѣтъ? Развѣ Омиръ говоритъ не о томъ, о чемъ всѣ другіе поэты? Не войну ли большею частію описываетъ онъ, не бесѣды ли другъ съ другомъ людей добрыхъ и злыхъ, лицъ частныхъ и дѣйствователей народныхъ [1], не бесѣды ли боговъ то съ богами, то съ человѣками, какъ они бесѣдуютъ, не явленія ли на небѣ и въ преисподней, не рожденіе ли боговъ и героевъ? Не объ этомъ ли Омиръ сложилъ свои пѣсни? D.

Іонъ. Ты правду говоришь, Сократъ.

Сокр. Ну, а прочіе поэты не о томъ же ли самомъ?

Іонъ. Да, Сократъ; но сложили они не такъ, какъ Омиръ.

Сокр. Что жъ? хуже?

Іонъ. Да и много хуже.

Сокр. А Омиръ лучше?

Іонъ. Конечно лучше, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Но любезная голова [2], Іонъ! представь, что изъ мно-

---

[1] *Дѣйствователей народныхъ* — δημιουργῶν. Δημιουργοὶ суть художники въ какихъ бы то ни было родахъ наукъ и искуствъ: въ ремеслахъ, это—цѣховые мастера; въ торговлѣ, это—главы компаній, въ театрѣ, это—антрепренёры. Вообще, это—лица, дающія направленіе и характеръ какому-нибудь общему дѣлу, или составляющія какбы пружину, которою приводится въ движеніе дѣятельность извѣстнаго круга людей, и по отношенію къ которой люди, находящіеся въ этомъ кругу дѣятельности, назывались ἰδιῶται, т.-е. лица частныя и знающія только частное, а объ общемъ въ наукахъ и искуствахъ неимѣющія понятія. Сравн. Plat. Sympos. p. 178 B. Protag. p. 322 C. de Rep. III, p. 389 A. Платонъ въ такомъ же смыслѣ употребляетъ слово δημιουργὸς, означая имъ существо Божіе; ибо тогда Богъ есть творецъ, распорядитель живыми силами природы.

[2] *Любезная голова, Іонъ,* — ὦ φίλη κεφαλὴ Ἴων. Шлейермахеръ думаетъ, что эти слова—плохое заимствованіе изъ Омира: Τεῦκρε φίλη κεφαλή, и что эта формула гораздо лучше перенесена въ Федра (p. 264 B): Φαῖδρε φίλη κεφαλή; потому что Платонъ въ этомъ случаѣ выдержалъ размѣръ. Но ученый критикъ не обратилъ вниманія на то, что слова: ὦ φίλη κεφαλή, встрѣчаются также въ Горгіасѣ (p. 513 C) и въ Эвтидемѣ (p. 293 E): μετὰ Διονυσιοδώρου τούτου φίλης κεφαλῆς. Эта формула, безъ сомнѣнія, была обыденною поговоркою.

гихъ, разсуждающихъ о числѣ, одинъ кто-нибудь говоритъ превосходно: можно ли отличить этого, хорошо говорящаго человѣка?

E. *Іонъ*. Полагаю.

Сокр. Кто же можетъ? тотъ ли, который отличитъ и худо говорящихъ людей, или иной?

Іонъ. Конечно тотъ самый.

Сокр. А это не есть ли человѣкъ, знающій искуство ариѳметическое?

Іонъ. Да.

Сокр. Что еще? когда изъ многихъ, разсуждающихъ о томъ, какая бываетъ здоровая пища, одинъ кто-нибудь говоритъ превосходно; то иной ли отличитъ говорящаго превосходно, что онъ превосходно говоритъ, и иной опять—говорящаго худо, что онъ худо говоритъ, или тотъ же самый?

Іонъ. Ужъ явно, что тотъ же самый.

Сокр. Кто жъ это? какъ ему имя?

Іонъ. Врачь.

Сокр. Итакъ, скажемъ вообще, что если объ одномъ и томъ же говорятъ многіе; то всегда отличитъ одинъ и тотъ же,
532. кто именно говоритъ хорошо, и кто—худо, и что, касательно одного и того же, неумѣющій отличить говорящаго худо, очевидно, не отличитъ и говорящаго хорошо.

Іонъ. Такъ.

Сокр. Стало-быть, одинъ и тотъ же бываетъ силенъ и въ томъ и въ другомъ?

Іонъ. Да.

Сокр. Между тѣмъ ты говоришь, что Омиръ и прочіе поэты, въ числѣ которыхъ также Исіодъ и Архилохъ, разсуждаютъ хоть и объ одномъ и томъ же, однакожъ неодинаково, но первый-то хорошо, а послѣдніе—хуже?

Іонъ. И говорю правду.

Сокр. Такъ если ты знаешь разсуждающаго хорошо, то, должно-быть, знаешь и разсуждающихъ хуже, что, то-есть, они хуже разсуждаютъ.

Іонъ. Вѣроятно. B.

Сокр. Значитъ, мы не ошибемся, почтеннѣйшій, если ска-
жемъ, что Іонъ одинаково силенъ и въ Омирѣ, и въ прочихъ
поэтахъ, поколику онъ самъ признается, что одинъ и тотъ же
будетъ достаточнымъ судьею всѣхъ, говорящихъ объ одномъ
и томъ же; а поэты почти всѣ разсуждаютъ объ одномъ и
томъ же.

Іонъ. Однако, что за причина, Сократъ, что когда кто раз-
говариваетъ о другомъ поэтѣ, я и вниманія не обращаю, и
не могу внести въ разговоръ ничего достойнаго замѣчанія,— C.
просто, сплю; а какъ скоро напомнятъ объ Омирѣ, тотчасъ
пробуждаюсь, обращаю вниманіе и получаю способность го-
ворить?

Сокр. Это-то нетрудно объяснить, другъ мой: всякому по-
кажется, что ты не можешь говорить объ Омирѣ на основаніи
искуства и знанія. Вѣдь еслибы твоею способностію управля-
ло искуство; то ты могъ бы разсуждать и о всѣхъ другихъ
поэтахъ; потому что поэзія есть цѣлое. Или нѣтъ?

Іонъ. Да.

Сокр. Пусть бы кто взялъ въ цѣлости и другое какое-ли- D.
бо искуство,—не тотъ же ли образъ изслѣдованія касательно
всѣхъ ихъ? Хочешь ли выслушать, Іонъ, какъ я разумѣю это?

Іонъ. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, я радъ слушать васъ,
мудрецовъ.

Сокр. Хотѣлось бы, Іонъ, чтобы слова твои были справед-
ливы; но мудры-то, должно быть, вы, рапсодисты, да комеді-
анты, да тѣ, которыхъ стихи вы поете: я же не говорю ни-
чего болѣе, кромѣ правды [1], какъ свойственно человѣку про- E.
стому. Заключай и изъ того, о чемъ я сейчасъ спросилъ тебя:
какъ ничтожны, простоваты и всякому извѣстны слова мои,

---

[1] ***Я не говорю ничего болѣе, кромѣ правды***,—οὐδὲν ἄλλο ἢ τἀληθῆ λέγω. Эти слова, кажется, несовсѣмъ идутъ къ Сократу, любившему притворяться, что онъ не знаетъ истины. Посему, вмѣсто τἀληθῆ λέγω, не слѣдуетъ ли читать τὰ εὐήθη λέγω? Это больше гармонируетъ и съ слѣдующими тотчасъ словами: οἷον εἰκὸς ἰδιώτην ἄνθρωπον.

что изслѣдованіе будетъ то же, когда кто возметъ искуство вполнѣ. Объяснимся. Живопись не есть ли искуство всецѣло?

Іонъ. Да.

Сокр. А нѣтъ ли и не было ли многихъ живописцевъ хорошихъ и худыхъ?

Іонъ. Конечно есть.

Сокр. Такъ неужели ты видывалъ кого-нибудь, кто силенъ дать мнѣніе, что̀ Полигнотъ, сынъ Аглаофона, пишетъ хорошо, и что̀ нѣтъ, о прочихъ же живописцахъ сказать это не въ си-
533. лахъ? И когда другой описываетъ дѣла прочихъ живописцевъ, неужели онъ спитъ, затрудняется и не знаетъ, какъ войти въ разговоръ, а если понадобится объявить свою мысль о Полигнотѣ, либо объ иномъ, которомъ угодно, одномъ живописцѣ,— тотчасъ пробуждается, обращаетъ свое вниманіе и готовъ разсказывать?

Іонъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не видывалъ.

Сокр. Ну, а между ваятелями—неужели видывалъ кого-нибудь, кто о Дедалѣ Митіоновомъ, или объ Эпеѣ Панопсовомъ,
B. или о Ѳеодорѣ Самосцѣ [1], или объ иномъ какомъ-нибудь одномъ ваятелѣ, силенъ разсказать, что̀ онъ изваялъ хорошо, касательно же работъ, принадлежащихъ прочимъ ваятелямъ, затрудняется, спитъ и не можетъ ничего сказать?

Іонъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, и такого не встрѣчалъ.

Сокр. Такъ значитъ, и между игроками на флейтѣ, либо на цитрѣ, и между пѣвцами подъ цитру, либо рапсодистами, ты, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, не видывалъ ни од-
C. ного человѣка, который объ Олимпѣ, или Тамирѣ, или Орфеѣ, или Фиміѣ, итакскомъ [2] рапсодистѣ, разсказывать былъ бы въ

---

[1] Говорятъ, что статуи Дедала сохранялись въ Греціи довольно долго, и потому-то, можетъ быть, Платонъ часто упоминаетъ о нихъ. Hipp. Maj. p. 282 A. Menon. p. 97 D. de Rep VIII, p. 529 D. О нихъ многое разсказываетъ *Pausan*. IX, 40, 2. И Эпею также усвояютъ много статуй, о которыхъ см. *Heinii* Excurs. ad. Virgil. Aeneid. II. 264. О Ѳеодорѣ же Самосцѣ говоритъ Плиній. Hist. Nat. 34. *Diodor*. *Sic*. 1, 1, 98.

[2] Произведенія вокальной музыки Олимпа,' вѣроятно, дошли до временъ Сократа. По крайней мѣрѣ о нихъ говоритъ *Aristophan*. Equit. 9, гдѣ см.

состояніи, а касательно Іона ефесскаго затруднялся бы и не могъ разговориться, что̀ онъ поетъ хорошо, и что̀ нѣтъ.

Іонъ. Въ этомъ противорѣчить тебѣ, Сократъ, я не могу, а сознаю только, что объ Омирѣ говорю и готовъ говорить превосходнѣе всѣхъ, и что мое пѣніе въ отношеніи къ нему всѣ находятъ хорошимъ, а въ отношеніи къ другимъ—нѣтъ. Смотри ужъ самъ, что это значитъ.

Сокр. Я и смотрю, Іонъ, и намѣренъ высказать тебѣ свое D.
мнѣніе. Вѣдь что ты хорошо говоришь объ Омирѣ, это, какъ я недавно замѣтилъ, не есть искуство, а божественная сила, движущая тебя и находящаяся въ тебѣ, какъ въ камнѣ, который у Эврипида названъ магнитомъ, а у многихъ—иракліемъ [1]. Да, этотъ камень нетолько притягиваетъ желѣзныя кольца сами по себѣ, но и сообщаетъ имъ силу дѣлать въ свою очередь то же самое, что дѣлаетъ камень, то-есть притягивать другія кольца; такъ что изъ взаимнаго сцѣпленія желѣзныхъ вещей E.
и колецъ иногда составляется очень длинная цѣпь [2]. Сила же

Schol. *Aristot.* Polit. VIII, 5. *Plutarch.* De music. p. 1133 C sqq. То же можно думать и о Тамирѣ, который, по свидѣтельству Плинія (Hist. Nat. VII, 36), первый началъ играть на цитрѣ, не сопровождая своей игры голосомъ. Еще съ большею вѣроятностію это самое можно утверждать объ Орфеѣ. *Lobeck.* Aglaopham. T. 1, p. 233 sqq. Менѣе всего въ этомъ отношеніи извѣстно о Фиміѣ.

[1] Платонъ въ этомъ мѣстѣ съ удивительною простотою и ясностію показываетъ различіе между поэтическимъ воодушевленіемъ и философскимъ созерцаніемъ. Какъ поэтъ, такъ и философъ,—оба проникнуты идеею предмета: но первый, дѣйствуя въ области фантазіи, не сознаетъ ея умомъ, какъ начало истиннаго и добраго, а чувствуетъ сердцемъ, какъ силу, порывающую его къ прекрасному; напротивъ, послѣдній, внося ее въ сферу разсудка не подвергается ея вліянію съ рабскою необходимостію, а стремится сознательно осуществить ее стройнымъ рядомъ понятій. У поэта чѣмъ сильнѣе порывъ восторга, тѣмъ меньше искуственности; напротивъ, у философа чѣмъ отчетливѣе мышленіе, тѣмъ удовлетворительнѣе наука. Поэтому порожденное музою твореніе поэта Платонъ весьма хорошо сравниваетъ съ магнитомъ, а рапсодиста съ желѣзнымъ кольцомъ, которое само не знаетъ, почему влечется къ магниту. Магнитъ у Платона называется также *иракліемъ* — по имени лидійскаго города Иракле, въ окрестностяхъ котораго находили значительное количество магнитовъ. *Hesychius.*

[2] По замѣчанію Геснера (ad Claud. idyll., подъ названіемъ Magnes, T. II, p. 653), это самое мѣсто Платонова разговора служило оригиналомъ Люкрецію для слѣдующихъ стиховъ (VI, v. 910 sqq.):

всѣхъ ихъ зависитъ отъ того камня. Такъ-то муза сама творитъ людей вдохновенными; а чрезъ этихъ вдохновенныхъ составляется уже цѣпь изъ другихъ восторженниковъ. Вѣдь всѣ добрые творцы поэмъ пишутъ прекрасныя стихотворенія, водясь не искуствомъ, а вдохновеніемъ и одержаніемъ. То же
534. и добрые творцы мелоса. Какъ кориванты пляшутъ не въ своемъ умѣ; такъ и творцы мелоса пишутъ эти прекрасные мелосы не въ своемъ умѣ: но лишь только напали на гармонію и размѣръ, то и вакханствуютъ, и являются одержимыми, будто вакханки, которыя, когда бываютъ одержимы, черпаютъ изъ рѣкъ медъ и молоко, пришедши же въ себя, этого не могутъ. Вѣдь душа творцовъ мелоса дѣлаетъ то, что они говорятъ; а говорятъ намъ поэты именно то, что свои мелосы
B. почерпаютъ изъ источниковъ, текущихъ медомъ въ какихъ-то садахъ и на лугахъ музъ, и несутъ ихъ намъ какъ пчелы, летая подобно имъ. И это справедливо; потому что поэтъ есть вещь легкая, летучая и священная: онъ не прежде можетъ произвесть что-либо, какъ сдѣлавшись вдохновеннымъ и изступленнымъ, когда въ немъ нѣтъ уже ума; а пока это стяжаніе есть, каждый человѣкъ безсиленъ въ творчествѣ и въ
C. изліяніи провѣщаній. Итакъ, кто говоритъ много прекраснаго о предметахъ, какъ ты, тотъ водится не искуствомъ: всякій можетъ хорошо творить по божественному жребію—и творить только то, къ чему кого возбуждаетъ муза,—одинъ диѳирамвы, другой — стихотворныя похвалы, иной—плясовыя стихотворенія, тотъ—эпосы, этотъ—ямвы [1]. Въ противномъ же слу-

Hunc homines lapidem mirantur: quippe catenam
Saepe ex annulis reddis pendentibus ex se.
Quinque etenim licet interdum pluresque videre
Ordine demisso levibus jactarier auris,
Unus ubi ex uno dependet subter adhaerens,
Ex alioque alius lapidis vim vinclaque noscit.

[1] Между различными родами поэтическихъ произведеній Платонъ помѣщаетъ: 1, диѳирамвы: это — стихотворенія въ честь Вакха, плоды фантазіи изступленной и кипучей, но притомъ всегда веселой и торжественной; 2, ἐγκώμια, или похвальныя оды, посвящавшіяся знаменитымъ мужамъ, оказавшимъ какія-нибудь услуги отечеству; 3, ὑπορχήματα, или стихотво-

чаѣ, каждый изъ нихъ слабъ. Явно, что они говорятъ это, водясь не искуствомъ, а божіею силою; иначе, умѣя по искуству хорошо говорить объ одномъ, умѣли бы и о всемъ прочемъ. Для того-то Богъ и дѣлаетъ ихъ служителями, вѣщунами и боже- D.
ственными провѣщателями не прежде, какъ по отнятіи у нихъ ума, чтобы, то-есть, слушая ихъ, мы знали, что не они говорятъ столь важныя вещи, поколику въ нихъ нѣтъ ума, а говоритъ самъ Богъ, только чрезъ нихъ издаетъ намъ членораздѣльные звуки. Сильнѣйшимъ доказательствомъ этого служитъ Халкидецъ Тиннихъ [1], который никогда не написалъ ни одного достойнаго памяти стихотворенія, кромѣ пэана; но этотъ пэанъ, всѣми воспѣваемый и лучшій почти изъ всѣхъ мелосовъ, по словамъ самого Тинниха, есть просто изобрѣтеніе музъ. Такъ этимъ-то, мнѣ кажется, Богъ особенно выво- E.
дитъ насъ изъ недоумѣнія, что прекрасныя стихотворенія суть не человѣческія и принадлежатъ не людямъ, а божіи и богамъ. Что же касается до поэтовъ, то они не иное что, какъ толмачи боговъ, одержимые—каждый тѣмъ, чѣмъ одержится. Съ этою цѣлію Богъ иногда нарочно воспѣвалъ прекраснѣйшій мелосъ устами самаго плохаго поэта. Или тебѣ кажется, Іонъ, что я говорю неправду? 535.

Іонъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ. Ты своими словами, Сократъ, какъ-то трогаешь душу. Я и самъ полагаю, что добрые поэты истолковываютъ намъ это волю боговъ, по божественному жребію.

Сокр. А вѣдь вы, рапсодисты, истолковываете творенія поэтовъ?

Іонъ. И это справедливо.

Сокр. Стало-быть, вы истолкователи истолкователей?

ренія лирическія, съ пѣніемъ которыхъ соединяема была мимическая пляска. *Boeckius* ad Pind. vol. I, p. II, p. 201 sq. T. II, P. II. p. 556. 596; 4, *ἴαμβοι* т.-е. поэтическіе разсказы и вымыслы, особенно назначавшіеся для сцены. *Schneider* ad Aristot. Polit. VII, 15, p. 447.

[1] Объ этомъ Тиннихѣ не упоминаетъ никто, кромѣ Порфирія (de abstinentia 1, 18), который приводитъ слова Эсхила, свидѣтельствующаго, что пэанъ, написанный Тиннихомъ, лучше всѣхъ произведеній этого рода.

Іонъ. Безъ сомнѣнія.

B. *Сокр*. Скажи же мнѣ, Іонъ, да отвѣчай откровенно на мой
вопросъ. Когда ты хорошо говоришь эпосъ и сильно поража-
ешь зрителей, когда, напримѣръ, воспѣваешь Одиссея, броса-
ющагося на порогъ [1], открывающагося женихамъ и разсыпа-
ющаго стрѣлы предъ ногами ихъ, или Ахиллеса, гонящагося
за Гекторомъ [2], или, когда разсказываешь что-нибудь жалкое
объ Андромахѣ, о Гекубѣ, о Пріамѣ [3]; тогда въ умѣ ли бы-
ваешь ты, или внѣ себя, такъ что твоя душа будто бы нахо-
C. дится близъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ она въ своемъ вос-
торгѣ воспѣваетъ, напримѣръ, въ Иттакѣ, въ Троѣ, вообще
тамъ, куда ведетъ ее эпосъ?

Іонъ. Какой поразительно ясный признакъ высказалъ ты, Сократъ! Буду отвѣчать тебѣ откровенно. Если я говорю что-нибудь жалкое, то глаза мои наполняются слезами, а если грозное и ужасное, то отъ страха у меня волосы становятся дыбомъ и бьется сердце.

D. *Сокр*. Такъ что же скажемъ мы, Іонъ? въ умѣ ли бываетъ тотъ человѣкъ, который, нарядившись въ разноцвѣтное [4] платье и увѣнчавшись золотыми вѣнками, плачетъ въ дни жертвоприношеній и праздниковъ, — плачетъ, ничего не потерявши, или поражается страхомъ, стоя среди многихъ тысячь дружественнаго себѣ народа, — поражается страхомъ, когда никто не грабитъ и не обижаетъ его?

Іонъ. Неслишкомъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ, если сказать правду.

---

[1] См. Homer. Iliad. XXII, 405 sqq. 437 sqq.

[2] *Нарядившись въ разноцвѣтное платье*. Объясняя это мѣсто, Миллеръ приводитъ слова Евстаѳія (*Eustath*. ad Iliad. κ, p. 6), который говоритъ: Позднѣйшіе довольно драматически декламировали творенія Омира. Для пѣнія Одиссеи они надѣвали пурпуровыя одежды, а когда намѣревались пѣть что-нибудь изъ Иліады, тогда являлись въ одеждахъ красныхъ. Первыя, по понятію древнихъ, приличны были мореплавателю - Одиссею (вѣроятно, при этомъ имѣлись въ виду пурпуроносныя раковины); а послѣднія напоминали объ убійствахъ и о пролитой крови подъ стѣнами Трои.

[3] См. *Homer*. Odyss. XXII нач.

[4] См. *Homer*. Iliad. XXII. 311 sqq.

Сокр. А знаешь ли, что вы и многихъ изъ зрителей заставляете то же дѣлать?

Іонъ. И весьма хорошо знаю; потому что съ высоты сво- E.
ихъ подмостокъ всякій разъ вижу, какъ они плачутъ, либо
бросаютъ грозные взгляды и цѣпенѣютъ, сочувствуя разсказываемымъ событіямъ. Мнѣ-таки и очень нужно обращать на них внимание; потому что если оставлю ихъ плачущими, то, получая деньги, самъ буду смѣяться, а когда—смѣющимися, то, лишившись денегъ, самъ заплàчу.

Сокр. Такъ тебѣ извѣстно, что послѣднее изъ колецъ, которыя, какъ я говорилъ, преемственно заимствуютъ свою силу отъ камня-иракліа, есть этотъ зритель, среднее—ты, рап-
содистъ и комедіантъ, а первое—самъ поэтъ? Богъ, исходная 536.
точка силы, чрезъ всѣ эти кольца, влечетъ души людей, куда
хочетъ, и отъ него, будто отъ того камня, тянется чрезвычай-
но сложная цѣпь хоревтовъ, ихъ учителей и подучителей [1],
прильнувшихъ со стороны къ кольцамъ, имѣющимъ связь съ
музою. Притомъ одинъ поэтъ зависитъ отъ той музы, дру-
гой — отъ той, и это мы называемъ одержимостію—довольно B.
близко, потому что онъ держится. Отъ первыхъ же колецъ,
то-есть поэтовъ, идутъ въ зависимости уже и прочіе, всякій
отъ своего, и восторгаются—одинъ Орфеемъ, другой—Музе-
емъ, а бóльшая часть бываетъ одержима и овладѣвается Оми-
ромъ. Къ числу послѣднихъ относишься и ты, какъ одержи-
мый Омиромъ: посему, когда кто воспѣваетъ иного поэта, ты
спишь и не чувствуешь въ себѣ способности говорить, а какъ
скоро отзывается мелосъ, принадлежащій твоему поэту, тот-
часъ пробуждаешься, душа твоя прыгаетъ, и ты готовъ раз- C.
сказывать; потому что не искуство и знаніе даютъ тебѣ сло-
ва, которыя говоришь, а божественный жребій и одержимость.

[1] *Тянется чрезвычайно сложная цѣпь хоревтовъ, ихъ учителей и подучителей.* Подъ именемъ хоревтовъ древніе Греки разумѣли то же, что нынѣ хористы или пѣвцы, назначаемые для пѣнія въ хорѣ; имъ противуполагаются солисты. *Wolf.* Prolegg. ad Demosth. Mldian. p. XCI. А учители и подучители, или помощники учителей, къ греческому театру принадлежали, какъ наставники въ хорномъ пѣніи. *Hesich.* v. ὑποδιδάσκαλος.

Какъ кориванты живо чувствуютъ только тотъ одинъ мелосъ, чрезъ который одержатся богомъ, и въ отношеніи къ которому богаты движеніями и словами, а о прочихъ не заботятся: такъ и ты, Іонъ, при воспоминаніи объ Омирѣ бываешь богатъ, а по отношенію къ другимъ—бѣденъ. Вотъ причина, о которой ты спрашивалъ меня, то-есть почему касательно
D. Омира ты обиленъ, а касательно прочихъ—нѣтъ: это потому, что ты сильный хвалитель своего поэта подъ вліяніемъ не искуства, а божественнаго жребія.

Іонъ. Хорошо говоришь ты, Сократъ; однакожъ было бы удивительно, еслибъ удалось тебѣ столь же хорошо доказать мнѣ, что я прославляю Омира, находясь въ состояніи одержимости и изступленія. Вѣроятно, я показался бы тебѣ не такимъ, еслибы ты послушалъ, каковъ обыкновенно бываетъ у меня разсказъ объ Омирѣ.

E. *Сокр.* Мнѣ и хочется-таки послушать, только не прежде, какъ ты отвѣтишь на слѣдующій вопросъ: о чемъ именно въ Омирѣ ты говоришь хорошо? вѣдь конечно, не о всемъ же.

Іонъ. Знай, Сократъ, что такого предмета у Омира нѣтъ.

Сокр. Значитъ, и о томъ, чего иногда ты не знаешь, а Омиръ говоритъ.

Іонъ. Да что же можетъ быть, о чемъ Омиръ говоритъ и
537. чего я не знаю?

Сокр. Да хоть объ искуствахъ—какъ часто и какъ много разсуждаетъ онъ! напримѣръ, о кучерскомъ. Если вспомню стихи, пожалуй скажу тебѣ.

Іонъ. Нѣтъ, я скажу; у меня это въ памяти.

Сокр. Такъ скажи мнѣ, что̀ говоритъ Несторъ сыну своему Антилоху, когда убѣждаетъ его быть осторожнымъ при поворотахъ на ипподромѣ въ память Патрокла.

Іонъ. Самъ же крѣпко держись въ колесницѣ красивоплетеной,
Влѣво легко наклонись, а коня, что подъ правой рукою,
B. Крикомъ гони и бичемъ, и бразды попусти совершенно;

Лѣвый же конь твой пускай подлѣ самой меты обогнется,
Такъ чтобъ казалось, поверхность ея колесо очертило
Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень [1].

Сокр. Довольно. Вотъ эти-то стихи, Іонъ,—правильно ли въ нихъ говоритъ Омиръ, или нѣтъ, кто лучше разберетъ, C. врачь, или кучеръ?

Іонъ. Конечно кучеръ.

Сокр. Потому ли, что онъ знаетъ это искуство, или по чему другому?

Іонъ. Ни почему, кромѣ этого.

Сокр. Каждому искуству не назначено ли богомъ какое-нибудь дѣло, которое ему можетъ быть извѣстно? Вѣдь, зная нѣчто чрезъ искуство кормчаго, мы, вѣроятно, не узнаемъ того же чрезъ искуство врачебное.

Іонъ. Конечно нѣтъ.

Сокр. А что чрезъ врачебное, того чрезъ плотническое.

Іонъ. Конечно нѣтъ.

Сокр. То же самое и въ отношеніи ко всѣмъ искуствамъ. D.
Что познаемъ чрезъ одно, того не узнаемъ чрезъ другое. Итакъ, отвѣчай мнѣ сперва вотъ на что: признаешь ли ты одно искуство отличнымъ отъ другаго?

Іонъ. Да.

Сокр. Но я называю одно отличнымъ отъ другаго, основываясь на томъ, что одно есть знаніе объ однихъ предметахъ, другое—о другихъ: такъ ли и ты?

Іонъ. Да.

Сокр. Вѣдь еслибы существовало какое-нибудь знаніе о E.
тѣхъ же предметахъ, то какимъ бы образомъ мы различали то и другое, когда изъ того и другаго узнавали бы то же самое? Напримѣръ, я знаю, что этихъ колецъ пять; знаешь и ты, какъ я; слѣдовательно, знаешь объ этомъ то же самое. И

---

[1] Эти стихи взяты изъ Иліады XXIII, 335 sqq.

еслибы я спросилъ тебя: изъ того же ли самаго искуства, тоесть изъ ариѳметики, оба мы узнали то же самое, или изъ другаго? — ты, вѣроятно, отвѣчалъ бы, что изъ того же самаго.

Іонъ. Да.

538. *Сокр*. Такъ отвѣчай же мнѣ теперь на тотъ вопросъ, который я недавно хотѣлъ предложить тебѣ: таково ли твое мнѣніе по отношенію ко всѣмъ искуствамъ, что изъ одного и того же искуства необходимо пріобрѣтаются однѣ и тѣ же знанія, а изъ различныхъ не однѣ и тѣ же, но какъ скоро искуство будетъ особое, то и знаніе должно быть отличное?

Іонъ. Мнѣ кажется, такъ, Сократъ.

Сокр. Стало-быть, кто не знаетъ какого-нибудь искуства, тотъ не будетъ въ состояніи хорошо знать относящихся къ тому искуству словъ и дѣлъ.

B. *Іонъ*. Твоя правда.

Сокр. Возвратимся же къ произнесеннымъ тобою стихамъ: кто лучше узнаетъ, хорошо ли говоритъ ихъ Омиръ, — ты, или кучеръ?

Іонъ. Кучеръ.

Сокр. Вѣроятно потому, что ты рапсодистъ, а не кучеръ?

Іонъ. Да.

Сокр. А искуство рапсодиста отлично отъ кучерскаго?

Іонъ. Да.

Сокр. Если же отлично, то и доставляемое имъ знаніе относится къ отличнымъ предметамъ.

Іонъ. Да.

Сокр. Что же теперь? когда Омиръ говоритъ [1], что Гекамида, наложница Нестора, предложила раненному Махаону
C. принять лекарственный напитокъ, и когда дѣло описывается какъ-то такъ:

Съ этимъ прамнійскимъ виномъ натерла козьяго сыру
Теркою мѣдной, а возлѣ питья былъ лукъ на закуску,—

тогда которому искуству лучше распознавать, правильно ли разсуждаетъ Омиръ,—врачебному, или рапсодическому?

---

[1] Омиръ говоритъ это въ своей Иліадѣ (XI. 639 sq.).

Іонъ. Врачебному.

Сокр. Ну, а когда онъ говоритъ [1]:

Быстро богиня, подобно свинцу, въ глубину погрузилась,
Ежели онъ, прикрѣпленный подъ рогомъ вола степоваго, D.
Мчится коварный, рыбамъ прожорливымъ гибель несущій,—

лучше ли, скажемъ, судить объ этомъ искуству рыболова, или рапсодическому, что значатъ и до какой степени справедливы слова его?

Іонъ. Очевидно, искуству рыболова, Сократъ.

Сокр. Смотри еще, положимъ, ты спросишь меня: если у Омира, Сократъ, ты находишь нѣчто такое, о чемъ должны E.
судить эти искуства порознь; то найди мнѣ также у него разсказъ, свойственный провѣщателю и провѣщанію,—такой разсказъ, въ которомъ только провѣщаніе могло бы распознать, хорошо или худо говоритъ поэтъ.—Смотри, какъ легко и вѣрно [2] я буду отвѣчать тебѣ. Этого предмета Омиръ касается во многихъ мѣстахъ Одиссеи. Вотъ что, напримѣръ, провѣщатель Өеоклименъ, изъ дома Мелamподидовъ, говоритъ женихамъ [3]:

Жалкіе люди! какія страданья вы терпите? Ночью 539.
Головы ваши, лица, всѣ члены до пятокъ закрыты;
Тяжкіе вздохи васъ жгутъ, а ланиты отъ слезъ раскраснѣлись;
Призраковъ сѣни полны, да и дворъ ими также наполненъ;
Въ мракѣ эреба они всѣ идутъ погрузиться; и солнце
Съ неба ушло, непріязни враждебная тьма наступила. B.

Много подобныхъ мѣстъ и въ Иліадѣ; напримѣръ, битва у стѣны, о чемъ Омиръ говоритъ такъ: [1]

---

[1] Эти стихи см. Iliad. XXIV, 80 sqq.

[2] Мы уже имѣли случаи много разъ замѣтить, что у Платона весьма нерѣдко употребляется имя прилагательное вмѣсто нарѣчія. Въ этомъ мѣстѣ употребленіе его тѣмъ замѣчательнѣе, что оно соединяется съ другимъ нарѣчіемъ: ὡς ῥαδίως τε καὶ ἀληθῆ ἐγὼ σοὶ ἀποκρινοῦμαι. Такое же соединеніе прилагательнаго съ нарѣчіемъ читаемъ Protag. p. 352 D: καλῶς γε σὺ λέγων καὶ ἀληθῆ; Phaedon. p. 79 D: καλῶς καὶ ἀληθῆ λέγεις; Phaedr. p. 234 E: σαφῆ—καὶ ἀκριβῶς.

[3] О Өеоклименѣ, происходившемъ изъ рода Меламопода см. Odyss. XV, 223—256.

[4] См. Иліад. XII, 200 sqq.

Ровъ перейти хотѣли они, но явилась имъ птица,
Въ выси парящій орелъ, отсѣкавшій войско налѣво;
C. Мчалъ онъ въ когтяхъ обагреннаго кровью огромнаго змѣя;
Змѣй еще живъ былъ, крутился и брани съ орломъ не оставилъ;
Взвившись назадъ, своего похитителя близъ самой шеи
Въ грудь уязвилъ онъ; и тотъ его бросилъ на землю, отъ боли
Сильно страдая; и змѣй очутился среди ополченья;
D. Самъ же онъ, крикнувши громко, понесся по вѣянью вѣтра.

Это и подобное этому, скажу я, долженъ разсматривать и оцѣнивать провѣщатель.

Іонъ. Ты правду-таки говоришь, Сократъ.

Сокр. Да и твои-то слова эти, Іонъ, справедливы. Выбери-ка и ты мнѣ, какъ я выбралъ тебѣ кое-что, частію изъ Одиссеи, частію изъ Иліады, и показалъ, что̀ относится къ
E. провѣщателю, что̀ къ врачу, что̀ къ рыболову, — выбери и ты мнѣ, такъ какъ въ стихотвореніяхъ Омира твоя опытность, Іонъ, выше моей, и укажи, что̀ относится къ рапсодисту и рапсодическому искуству, что̀ рапсодистъ можетъ разсматривать и различать лучше всѣхъ другихъ людей.

Іонъ. Я разсказываю все, Сократъ.

Сокр. Но прежде-то говорилъ, Іонъ, что не все: неужели ты такъ забывчивъ? вѣдь рапсодисту вѣрно не годилось бы имѣть слабую память.

Іонъ. Да что же я забываю?

540. *Сокр*. Ты не помнишь, что искуство рапсодическое признано тобою отличнымъ отъ кучерскаго?

Іонъ. Помню.

Сокр. И не согласился ли, что искуство, отличное отъ другаго, сообщаетъ и отличныя отъ другихъ познанія?

Іонъ. Да.

Сокр. Стало-быть, и рапсодическое; — и рапсодистъ, пользуясь своими способами, не все будетъ знать.

Іонъ. Но, можетъ быть, кромѣ такихъ только вещей, Сократъ.

Сокр. Однакожъ, подъ такими у тебя разумѣются предметы почти всѣхъ прочихъ искуствъ. Такъ что же онъ будетъ знать, если не все знаетъ? B.

Іонъ. Я думаю, то, что прилично говорить мужчинѣ, что женщинѣ, что рабу, что свободному, что подчиненному, что начальнику.

Сокр. Неужели рапсодистъ, по твоему мнѣнію, будетъ лучше знать, нежели кормчій, что̀ прилично говорить на морѣ начальнику корабля, обуреваемаго волнами?

Іонъ. Нѣтъ, это-то кормчій.

Сокр. А что прилично говорить начальнику больнаго, неужели рапсодистъ будетъ знать лучше, нежели врачь? C.

Іонъ. И это нѣтъ.

Сокр. Но что прилично рабу, утверждаешь ты?

Іонъ. Да.

Сокр. Напримѣръ, не волопасъ, а рапсодистъ будетъ знать, что прилично сказать рабу-волопасу, когда онъ хочетъ укротить разъяренныхъ воловъ?

Іонъ. Ну нѣтъ.

Сокр. Или что женщинѣ, прядильщицѣ шерсти, прилично сказать о пряжѣ шерсти?

Іонъ. Нѣтъ. D.

Сокр. Или что мужчинѣ-полководцу прилично сказать воинамъ, командуя ими?

Іонъ. Да, это будетъ знать рапсодистъ.

Сокр. Какъ? Стало-быть, рапсодическое искуство есть искуство полководца?

Іонъ. Однакожъ, я знаю, что̀ прилично сказать полководцу.

Сокр. Вѣдь можетъ быть, Іонъ, ты и знатокъ въ вожденіи войскъ; потому что еслибы, бывъ искусенъ въ верховой ѣздѣ, ты вмѣстѣ отличался и искуствомъ играть на цитрѣ, то это не помѣшало бы тебѣ знать, — хорошо, или худо выѣзжаны лошади. Но положимъ, я спросилъ бы тебя: которымъ искуствомъ, Іонъ, ты узнаешь хорошо выѣзжанныхъ лошадей? какъ ѣздокъ, или какъ цитристъ? Что отвѣчалъ бы ты мнѣ? E.

Іонъ. Какъ ѣздокъ, сказалъ бы я.

Сокр. А еслибы узнавалъ хорошо играющихъ на цитрѣ, то согласился бы, что узнаешь ихъ, какъ цитристъ, а не какъ ѣздокъ?

Іонъ. Да.

Сокр. Когда же ты узнаешь дѣла, относящіяся къ военачальнику, то узнаешь, какъ человѣкъ искусный въ управленіи войскомъ, или какъ отличный рапсодистъ?

Іонъ. Мнѣ кажется, это все равно.

541. *Сокр.* Какъ все равно? однимъ ли почитаешь ты искуство рапсодиста и искуство полководца, или двумя?

Іонъ. Мнѣ кажется, они — одно.

Сокр. Стало-быть, кто — хорошій рапсодистъ, тотъ бываетъ и хорошимъ полководцемъ?

Іонъ. Непремѣнно, Сократъ.

Сокр. А кто бываетъ хорошимъ полководцемъ, тотъ и хорошій рапсодистъ?

Іонъ. Этого-то не думаю.

Сокр. А то думаешь, что кто—хорошій рапсодистъ, тотъ и хорошій полководецъ?

B. *Іонъ.* Конечно.

Сокр. Но изъ Эллиновъ ты — самый отличный рапсодистъ?

Іонъ. И очень, Сократъ.

Сокр. Неужели, Іонъ, ты и самый отличный между Эллинами полководецъ?

Іонъ. Знай, Сократъ, что этому-то я научился у Омира.

Сокр. Что жъ это значитъ, Іонъ, ради боговъ? Будучи отличнѣйшимъ изъ Эллиновъ въ томъ и другомъ, — отличнѣйшимъ полководцемъ и рапсодистомъ, почему ты странствуешь по Греціи и рапсодируешь, а не предводительствуешь вой-
C. сками? Развѣ, думаешь, отъ рапсодиста, увѣнчаннаго золотымъ вѣнкомъ, Эллинамъ много пользы, а отъ военачальника—никакой?

Іонъ. Мое отечество, Сократъ, управляется и предводительствуется вами, а потому не имѣетъ нужды въ военачаль-

никѣ: вашъ же городъ и Лакедемонъ не изберутъ меня въ военачальники; потому что вы почитаете достаточными для этого самихъ себя.

Сокр. Не знаешь ли ты, почтеннѣйшій Іонъ, Аполлодора кизикскаго?

Іонъ. Какого это?

Сокр. Котораго Аѳиняне, не смотря на то, что онъ иностранецъ, часто избирали себѣ военачальникомъ; да и Фанос- D
ѳена Андрійца и Ираклида клазоменскаго, которыхъ, хоть и иностранцевъ, этотъ же городъ почтилъ своимъ мнѣніемъ, какъ людей, достойныхъ вниманія, и возлагаетъ на нихъ военачальническую и другія правительственныя должности [1]. Такъ Іона ли ефесскаго не почтитъ онъ и не изберетъ въ военачальники, если признаетъ его достойнымъ вниманія? Да что еще? развѣ Ефесяне, по происхожденію, не Аѳиняне [2], и раз-
вѣ Ефесъ меньше другихъ городовъ? Нѣтъ, ты, Іонъ, неспра- E.
ведливъ, когда справедливо, что твоя способность прославлять Омира зависитъ отъ искуства знанія: — ты увѣрялъ меня, что знаешь много прекраснаго изъ Омира и обѣщался показать это, а между тѣмъ обманываешь меня; ибо нетолько не по-

---

[1] Атеней (XI, c. 114, p. 506 A) говоритъ: *ὅτι δὲ καὶ δυςμενὴς ἦν* (Платонъ) *πρὸς ἅπαντας, δῆλον καὶ ἐκ τῶν ἐν τῷ Ἴωνι ἐπιγραφομένῳ. Ἐν ᾧ πρῶτον μὲν κακολογεῖ πάντας τοὺς ποιητάς· ἔπειτα καὶ τοὺς ὑπὸ τοῦ δήμου προαγομένους, Φανοσθένη τὸν Ἄνδριον, Ἀπολλόδωρον τὸν Κυζικηνόν, ἔτι δὲ τὸν Κλαζομένιον Ἡρακλείδην.* Но что въ этомъ мѣстѣ для упоминаемыхъ лицъ высказано оскорбительнаго или враждебнаго, — я не вижу. Скорѣе отсюда и изъ другихъ многихъ свидѣтельствъ этого дипнософиста видно собственное его враждебное чувство въ отношеніи къ Платону. Развѣ колкость словъ Платона находилъ онъ въ томъ что эти люди не сдѣлали для республики ничего замѣчательнаго, а между тѣмъ превознесены отъ Аѳинянъ почестями. Объ Аполлодорѣ и Ираклидѣ, дѣйствительно, ничего неизвѣстно; а Фаносѳенъ, по сказанію Ксенофота (Hist. Graec. 1, 5, 18 и 19), посылаемъ былъ съ войскомъ противъ его земляковъ, Андрійцевъ, и это было на 2 году 93 олимп. Отсюда Астъ заключаетъ, что Іонъ написанъ вскорѣ послѣ сего времени. Сравн. *Aelian.* V. H. XIV, 5.

[2] *Развѣ Ефесяне, по происхожденію, не Аѳиняне?* Извѣстно, что колонію въ Малой Азіи основали сыновья Кодра. Эта колонія, поселившаяся на западномъ берегу, впослѣдствіи получила самостоятельное политическое существованіе подъ именемъ Іоніи. *Perizon.* ad Aelian. V. H. VIII, 5.

казываешь, даже не хочешь сказать, въ чемъ именно ты силенъ, хоть я и давно докучаю тебѣ объ этомъ. Ты просто, какъ Протей, принимаешь разные образы, бросаемые туда и сюда, и наконецъ, думая ускользнуть отъ меня, являешься полководцемъ, лишь бы только не показать, въ чемъ состоитъ
542. твоя Омировская мудрость. Итакъ, если ты искусникъ, но, обѣщавшись, какъ я замѣтилъ, показать свое искуство въ Омирѣ, обманываешь меня; то дѣло твое неправое: напротивъ, если ты водишься не искуствомъ, а божественнымъ жребіемъ, поколику одержишься Омиромъ и, ничего не зная, говоришь изъ этого поэта много прекраснаго, какъ я и прежде упоминалъ; то неправды тутъ нѣтъ. Выбирай же теперь любое [1]: почитать ли намъ тебя человѣкомъ несправедливымъ, или божественнымъ?

B. *Іонъ*. Какая разница, Сократъ! Ужъ гораздо лучше называться божественнымъ.

Сокр. Такъ это-то лучшее и достается тебѣ отъ насъ, Іонъ, — достается быть божественнымъ, а не искуснымъ хвалителемъ Омира.

---

[1] *Выбирай любое*. Въ заключеніе діалога вышла дилемма, показывающая, что Іонъ либо есть человѣкъ божественный,—и въ такомъ случаѣ ничего не знаетъ, либо онъ дѣйствительно знаетъ нѣчто, — и тогда есть человѣкъ несправедливый. Выбирай любое.

ѲЕЛГЪ.

ѲЕАГЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ѳеагъ принадлежитъ къ числу тѣхъ разговоровъ, которые внесены древностью въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и долго украшались именемъ Платона, но наконецъ не могли защитить предъ критикою своей подлинности и признаны подложными. Есть, конечно, и между новѣйшими критиками такіе, которые сильно отстаиваютъ достоинство этого діалога. Зохеръ и Кнебелій смѣло возстаютъ противъ неумолимыхъ приговоровъ Бекка, Гейндорфа, Аста и Шлейермахера, почитающихъ его произведеніемъ позднѣйшимъ и даже весьма посредственнымъ: но доказательства защитниковъ относительно слабѣе тѣхъ, какіе приводятся обличителями.

Мнѣ представляются особенно три стороны, съ которыхъ подложность Ѳеага оказывается несомнѣнною: во-первыхъ, намѣреніе писателя, выражаемое въ діалогѣ,—таково, что оно не могло быть предполагаемо Платономъ, ибо несогласно съ его ученіемъ; во-вторыхъ, содержаніе Ѳеага въ цѣломъ и частяхъ изложено такъ неестественно и несогласно съ истиною, что эта отдѣлка его никакъ не можетъ быть приписана Платону; въ-третьихъ, мы видимъ въ этомъ діалогѣ съ начала до конца множество такихъ словъ и выраженій, которыя совершенно чужды рѣчи Платона и даже никѣмъ другимъ не были употребляемы въ его время.

Разговоръ происходитъ между Димодокомъ, Сократомъ и Ѳеагомъ. Димодокъ, уступая многократнымъ докукамъ сы-

на—Ѳеага, пріѣзжаетъ изъ деревни въ Аѳины—съ намѣреніемъ отдать его въ науку какому-нибудь софисту, который бы сдѣлалъ его мудрымъ, и случайно встрѣтившись съ Сократомъ, проситъ у него по этому предмету полезнаго совѣта. Сократъ совѣтуетъ сперва узнать отъ Ѳеага, чего хочетъ онъ подъ именемъ мудрости, и начинаетъ спрашивать его. Направляемый вопросами Сократа, Ѳеагъ свое понятіе о мудрости мало по малу опредѣляетъ желаніемъ управлять людьми въ обществѣ, или вообще — тиранствовать надъ ними, только не насильственно, а съ согласія самыхъ гражданъ. Остановившись на этомъ, совѣтовавшіеся должны были теперь рѣшить другой, возникшій за этимъ вопросъ: у кого Ѳеагъ долженъ учиться, чтобы получить понятую такимъ образомъ мудрость? Не у отличныхъ ли гражданъ—политиковъ? спрашиваетъ Сократъ.—Нѣтъ, это невозможно, отвѣчаетъ юноша; потому что отличные граждане не могутъ научить этому и собственныхъ дѣтей, — и высказываетъ свое желаніе слушать самого Сократа. Но почему бы не слушать ему лучше своего отца, который и лѣтами старше, чѣмъ Сократъ, и исправлялъ въ республикѣ почетнѣйшія должности? А не то,—почему бы не воспользоваться ему наставленіями одного изъ тѣхъ мужей, которые открыто выдаютъ себя за учителей мудрости? Но Ѳеагъ не отступаетъ отъ своего желанія войти въ обращеніе съ Сократомъ, — тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ многихъ своихъ сверстниковъ, которые прежде были очень посредственны, а потомъ, обращаясь съ нимъ, сдѣлались людьми превосходными. Сократъ хватается за это послѣднее замѣчаніе Ѳеага, и успѣхъ своихъ слушателей приписываетъ не себѣ, а говорящему въ немъ генію, изображая своего генія, какбы какую-то силу пророческую, которая предвидитъ и предсказываетъ будущее. Этотъ-то геній однимъ изъ учениковъ Сократа благопріятствуетъ, — и они становятся мудры, а другимъ — нисколько; да и изъ тѣхъ, которые пользуются его покровительствомъ, одни получаютъ отъ своего учителя задатки мудрости на всю жизнь, а другіе успѣваютъ, пока

только слушаютъ его. Узнавъ эти мысли Сократа о его геніѣ, Ѳеагъ приходитъ къ заключенію, что ему надобно вступить въ число Сократовыхъ учениковъ, по крайней мѣрѣ для того, чтобы испытать, будетъ ли благопріятствовать ему геній, или не будетъ.

Изъ этого содержанія и направленія разговора ясно открывается, что писатель его имѣлъ намѣреніе показать вліяніе Сократова генія на успѣшность и безуспѣшность его слушателей, что, то-есть, дѣйственность наставленій Сократа вполнѣ зависитъ отъ какой-то божественной силы, которая, живя въ душѣ его, сама чрезъ него или даруетъ ученикамъ желаемую мудрость, или отказываетъ въ ней. Чтобы доказать свое положеніе, онъ, кажется, основался на словахъ Платона въ Государствѣ (VI, p. 496 B), гдѣ этотъ философъ говоритъ: «Можетъ равнымъ образомъ удерживать при ней (при философіи) и узда нашего друга Ѳеага; ибо въ Ѳеагѣ все настроено такъ, чтобы удалиться отъ философіи, и только болѣзненность тѣла удерживаетъ его и отталкиваетъ отъ дѣлъ политическихъ. О нашемъ же божественномъ знаменіи не стоитъ и толковать; ибо подобнаго явленія, вѣроятно, не бывало ни у кого изъ прежнихъ людей». Но явно, что въ этихъ словахъ вовсе нѣтъ основанія для такой темы разговора, какая взята въ Ѳеагѣ. Противъ этой темы говоритъ здѣсь самъ Сократъ, полагая, что обычное въ немъ внушеніе генія къ философіи не имѣетъ никакого отношенія и должно быть понимаемо, какъ явленіе частное, принадлежащее ему одному и нераздѣляемое никѣмъ. Философію Сократъ ни здѣсь, ни гдѣ въ другихъ мѣстахъ не поставляетъ въ зависимость отъ чего-то геніальнаго, а почитаетъ ее свободнымъ выраженіемъ мыслящаго человѣческаго духа. И если Платонъ иногда упоминаетъ о Сократовомъ геніѣ, то мнѣніе его объ этомъ предметѣ заключаетъ въ себѣ далеко не тотъ смыслъ, въ какомъ принимаетъ его писатель Ѳеага. Мы видимъ, что въ Федрѣ, Теэтетѣ, Государствѣ, и въ другихъ діалогахъ тотъ геній приписывается одному Сократу и ему одному дѣлаетъ внушенія, если послѣдній

предпринимаетъ что-нибудь нетакъ—неправильно: напротивъ, въ Ѳеагѣ эта геніальная сила дѣйствуетъ еще и на Сократовыхъ учениковъ; потому что, по Ѳеагу, при содѣйствіи Сократова генія, все у нихъ идетъ благополучно, а когда онъ противится, — тщетны бываютъ всѣ усилія. Писатель Ѳеага, можетъ быть, имѣлъ также въ виду мысль Платона въ Теэтетѣ (p. 150 D), гдѣ Сократъ говоритъ такъ: «Богъ судилъ мнѣ исполнять дѣло повивальной бабки, а раждать возбранилъ. Самъ я вѣдь не очень мудръ, и нѣтъ во мнѣ такого изобрѣтенія — носить этотъ плодъ души: но обращающіеся со мною, — хотя нѣкоторые изъ нихъ сначала являются и большими невѣждами, — всѣ въ продолженіи собесѣдованій, кому Богъ поможетъ, дѣлаютъ удивительные успѣхи». Что жъ? неужели подъ словомъ θεὸς здѣсь можно разумѣть Сократова генія? Этого не допуститъ ни одинъ критикъ, хорошо знакомый съ направленіемъ, характеромъ и языкомъ Платоновыхъ сочиненій. θεὸς въ приведенномъ мѣстѣ имѣетъ, очевидно, общее значеніе, какъ высочайшее Существо, раздающее жребіи и дары жизни. Полагать, что Сократовъ геній есть сила, нетолько руководящая самого Сократа, но благопріятно или неблагопріятно дѣйствующая и на его учениковъ, значитъ навязывать Платону такое мнѣніе, какого онъ нигдѣ не высказывалъ и никогда не имѣлъ. И это тѣмъ менѣе умѣстно въ разговорѣ, направленномъ, повидимому, къ защитѣ Сократа; потому что такая защита нетолько не могла бы принести ему пользу, но еще подтвердила бы обвиненіе его враговъ, будто онъ дѣйствительно выдумываетъ новыя божества. Итакъ, содержаніе Ѳеага для показанной цѣли не могло быть измышлено Платономъ.

Въ Ѳеагѣ еще болѣе страннымъ представляется то, что многія, входящія въ него положенія стоятъ на своемъ мѣстѣ вовсе некстати и, бывъ взяты изъ разныхъ Платоновыхъ діалоговъ, скорѣе кажутся вставочными афоризмами, чѣмъ послѣдовательно идущими одна за другой истинами. Къ чему, напримѣръ, внесены въ діалогъ эти разсказы о пророчественной силѣ генія? Если получше вникнуть въ дѣло, то ясно

будетъ, что ими вовсе не доказывается тотъ предметъ, для доказанія котораго они предназначены. Сократъ, какъ видно изъ его же словъ, намѣревается раскрыть ту мысль, что успѣваютъ его ученики, или не успѣваютъ,—это зависитъ отъ генія. Желая доказать справедливость своего мнѣнія, философъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, будто, воодушевляемый своимъ геніемъ, онъ близкимъ къ себѣ людямъ предсказывалъ въ будущемъ зло. Но что же отсюда слѣдуетъ относительно успѣшности или неуспѣшности учениковъ, подъ вліяніемъ генія? — Ровно ничего. Разсказчикъ находитъ здѣсь только поводъ пересказать нѣсколько басень и, внесши ихъ некстати, нелѣпое содержаніе діалога возвышаетъ еще нелѣпою формою. Возьмемъ, напримѣръ, хоть разсказъ объ Аристидѣ. Въ Ѳеагѣ говорится, что Аристидъ, вышедши изъ школы Сократа и отправившись на войну, разучился разсуждать объ ученыхъ предметахъ. Но развѣ цѣль Сократовой науки состояла въ развитіи говорливости? Платонъ постоянно изображаетъ своего учителя, какъ человѣка, способнаго преподавать не науку слова, а правила жизни. Невольно также бросается въ глаза и тотъ недостатокъ этого діалога, что ни одно бесѣдующее въ немъ лицо не имѣетъ правильнаго и вѣрно очертаннаго характера, тогда какъ въ искуствѣ изображать характеры нельзя въ древнемъ мірѣ найти писателя превосходнѣе Платона. Вотъ, напримѣръ, Ѳеагъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста и еще ни съ кѣмъ необращавшійся для пріобрѣтенія гражданской мудрости, уже знаетъ, что Сократъ невысоко цѣнитъ наставленія гражданъ-политиковъ и подаетъ согласное съ нимъ въ этомъ отношеніи собственное мнѣніе. Вотъ опять Димодокъ, несшій когда-то въ Аѳинахъ важныя государственныя должности, и притомъ съ великою похвалою, въ продолженіи всей бесѣды говоритъ такъ, какъ будто бы никогда не оставлялъ деревни и не знаетъ ничего городскаго относительно способовъ высшаго образованія дѣтей. Особенно же невѣренъ и страненъ въ Ѳеагѣ характеръ Сократа. Сократъ здѣсь изображается не какъ философъ, а какъ

вѣщунъ какой-то, разсуждающій о геніѣ не съ тѣмъ, чтобы искусно притвориться чрезъ него незнающимъ, а съ тѣмъ, чтобы указать въ немъ оракулъ, предсказывающій будущее. Но это вовсе недостойно лица Сократова, какъ оно обыкновенно обрисовывается Платономъ.

Немало основаній для заключенія о подложности Ѳеага представляется и въ языкѣ его. Языкъ этого діалога во многихъ мѣстахъ чистъ и естественъ, — особенно же неукоризненъ тамъ, гдѣ писатель заимствовалъ у Платона частныя мысли, а вмѣстѣ съ мыслями болѣе или менѣе удерживалъ самыя его выраженія и обороты. Но въ Ѳеагѣ нерѣдко встрѣчаются и такія слова и словосоставленія, какихъ ни Платонъ, ни Платоновы современники употреблять не могли. Напримѣръ, глаголъ ἰδιολογεῖσθαι (p. 121 A) Димодокомъ употребленъ въ смыслѣ собесѣдованія глазъ-на-глазъ: но древнее аттическое нарѣчіе не знало такого глагола; онъ вошелъ въ языкъ уже позднѣе. См. *Dorvill.* ad Charit. p. 451, ed. Lips., p. 548. *Svicer.* Thes. Eccles. T. 1, p. 1434. Неплатоническое также слово и φυτευθέν вмѣсто βιῶναὶ, потому что значеніе его въ Тимеѣ (p. 77 C: ταῦτα δὴ τὰ γένη πάντα φυτεύσαντες οἱ κρείττους τοῖς ἥττοσιν ἡμῖν τροφήν, τὸ σῶμα αὐτὸ ἡμῶν διωχέτευσαν) сюда не идетъ. У древнихъ жителей Аттики едва ли найдемъ и конструкцію глагола τεκμαίρεσθαι ἀπό τινος εἴς τι — заключать отъ чего-нибудь къ чему-нибудь. Платонъ и Ксенофонтъ, какъ извѣстно, говорятъ: τεκμαίρεσθαί τι ἐκ или ἀπό τινος. То же надобно сказать о словѣ προςαγορεύειν вмѣсто ὀνομάζειν, и о выраженіи κυβερνᾶν τὰ ἅρματα. А выраженіе: ποιοῦμαι δεινὸς εἶναι (p. 128 B), показываетъ, что писатель несовсѣмъ понялъ употребленіе этой формы глагола ποιεῖν у Платона. Здѣсь Сократъ усвояетъ себѣ искуство любить, слѣдовательно, долженъ былъ сказать: οἴομαι или προςποιοῦμαι; напротивъ Платонъ употребляетъ ποιοῦμαι, какъ existimor, judicor. Напримѣръ, De Rep. VI, p. 498 A: ἀπαλλάττονται οἱ φιλοσοφώτατοι ποιούμενοι. VII. 538 C: πατρὸς δὲ ἐκείνου καὶ τῶν ἄλλων ποιουμένων οἰκείων. IX, p. 573 B: ἐπιθυμίας ποιουμενας χρηστάς. Всѣ эти выраже-

нія—не говоримъ о многихъ другихъ—показываютъ, что писателемъ Ѳеага былъ не Платонъ, а лицо позднѣйшее.

Впрочемъ, сколь ни очевидна подложность Ѳеага, должно согласиться, что между подложными сочиненіями Платона, это—одно изъ древнѣйшихъ. Оно приписывается Платону нетолько Эліаномъ (Varr. Hist. VIII, 1) и Плутархомъ (De Fato T. VIII, p. 367, ed. Reisk.), но и Тразилломъ у Діогена Лаэрція (III, 57), и Діонисіемъ галикарнасскимъ (T. V, p. 405, ed. Reisk.). А изъ этого видно, что Ѳеагъ почитаемъ былъ сочиненіемъ Платона еще въ вѣкъ Августа и Тиверія. Схоліастъ Ювенала (ad Sat. VI, 576, p. 258, ed. Cramer.) о Тразиллѣ говоритъ такъ: Thrasyllus multarum artium scientiam professus, postrema se dedit Platonicae sectae ac deinde mathesi, qua praecipue viguit apud Tiberium etc. См. *Sueton.* in Tiber. c. 14. *Taciti* Annal. VI. 20 sq. *Fabricii* Biblioth. Vol. III, p. 190. И то, конечно, надобно сказать, что древніе критики иногда вносили въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и такіе діалоги, въ подлинности которыхъ сами сомнѣвались. Такъ, напримѣръ, «Соперники» (ἐρασταί), по свидѣтельству Лаэрція (II, 57), внесены Тразилломъ въ тетралогіи; однакожъ Тразиллъ, какъ высказано опять Лаэрціемъ (IX, 37), не признавалъ ихъ за подлинныя. Могло быть, что въ тѣ времена иные сомнѣвались и въ подлинности Ѳеага; потому что ни Максимъ тирскій, ни Плутархъ, разсуждая о геніѣ Сократа, какъ будто не хотѣли обратить вниманія на этотъ разговоръ, что было бы удивительно, еслибы подлинность его не была заподозрѣна. Во всякомъ случаѣ, небезполезно, кажется, будетъ разсмотрѣть, къ какому времени можно отнесть этотъ памятникъ древней письменности.

Можно полагать за вѣрное, что Ѳеагъ неизвѣстнымъ писателемъ составленъ былъ тогда, когда разсказы о Сократовомъ геніѣ очень распространились и были старательно собираемы. Отчего происходило собираніе ихъ, скажемъ кратко. Говорили, что расположеніе толковать о геніѣ Сократа возникло еще въ Академіи, при Ксенократѣ, или во время, за тѣмъ послѣдовавшее; такъ какъ Ксенократъ, извѣстно, очень лю-

билъ разсуждать о геніяхъ, что подробно изслѣдываетъ Вимперзее (Diatrib. de Xenocrate Chalcedon. p. 96 sqq.). Но мы думаемъ, что такая догадка—пустое предположеніе. Ксенократъ, конечно, былъ неглубокій философъ; однакожъ, не представляетъ причины почитать его распространителемъ предразсудковъ относительно способности гадать, ворожить и предсказывать. Если же онъ разсуждалъ о геніяхъ, то, какъ последователь Платона, разсужденія свои, вѣроятно, основывалъ на началахъ своего учителя, примѣнительно къ религіознымъ понятіямъ народа, или, можетъ быть, возстановлялъ и переработывалъ взгляды на этотъ предметъ пиѳагорейскіе. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ показаній Плутарха (De Jsid. et Osir. p. 360 D. 361 B. De Defectu oracul. p. 416 C. 419 A) и Стобея (Eclogg. Phys. 1, 3 p. 5, sq., ed. Heeren.). Пересматривая также и весь рядъ философовъ, слѣдовавшихъ за Ксенократомъ и управлявшихъ Академіею, мы не находимъ ни одного, кто характеромъ своего философствованія могъ бы благопріятствовать такимъ предразсудкамъ, какіе подали поводъ къ возбужденію идеи Ѳеага. Поэтому надобно полагать, что она возникла изъ какого-нибудь другаго источника. Мы съ совершенною увѣренностію относимъ ея начало къ тѣмъ временамъ, когда достаточно раскрыто было и обобщилось ученіе стоиковъ, и полагаемъ, что Ѳеагъ изложенъ такимъ лицомъ, которое пользовалось ихъ сочиненіями о предметахъ сего рода. Увѣренность наша основывается на томъ, что стоики, по свидѣтельству Крейцера (Symb. T. 1, p. 215, ed. 2), весьма много силы и значенія приписывали τῇ μαντικῇ, а еще болѣе и тверже — на словахъ Цицерона, который (De Divinatione L. 1. 3) о занятіяхъ ихъ въ этомъ родѣ говоритъ такъ: Cratippus, familiaris noster, quem ego parem summis peripateticis judico, iisdem rebus fidem tribuit, reliqua divinationis genera rejecit. Sed quum Stoici omnia fere illa defenderent, quod et Zeno in suis commentariis quasi semina quaedam sparsisset et ea Cleanthes paulo uberiora fecisset; accessit acerrimo vir ingenio, qui totam de divinatione duobus libris explicavit sententiam, uno

praeterea de oraculis, uno de somniis: quem subsequens unum librum Babylonius Diogenes edidit ejus auditor; duo Antipater; quinque noster Posidonius. А въ книгѣ 1, 54 того же сочиненія Цицеронъ замѣчаетъ, что Антипатръ тарсійскій написалъ книгу de iis, quae mirabiliter a Socrate divinata essent. О содержаніи этой книги можно судить по тѣмъ разсказамъ, которые взяты изъ ней Цицерономъ. Изложивъ эти разсказы, онъ прибавляетъ: permulta collecta sunt ab Antipatro. Останавливая свое вниманіе на приведенныхъ словахъ Цицерона и соображая то, что о Сократовомъ геніѣ говорится въ Θеагѣ, мы невольно приходимъ къ мысли, что писатель этого діалога могъ заимствовать свои разсказы изъ упомянутаго сочиненія Антипатрова. Оттуда же, вѣроятно, почерпнуты и толки Плутарха въ книгѣ De genio Socratis (T. II, p. 1030, 1032); потому что они имѣютъ такой же характеръ. Если эта догадка наша правдоподобна; то касательно времени, въ которое вышелъ въ свѣтъ Θеагъ, почти не можетъ быть сомнѣнія. Антипатръ, бывшій учителемъ Панецiя и ученикомъ Діогена вавилонскаго, процвѣталъ, конечно, около 150 годовъ до Р. Х. Стало-быть, очень вѣроятно, что написаніе Θеага надобно относить къ первому вѣку предъ нашею эрою. И неудивительно, что этотъ діалогъ въ тѣ времена подложенъ былъ Платону; потому что тогда Птоломеи собирали творенія знаменитыхъ писателей и, вѣроятно, давали за нихъ значительныя вознагражденія; а это могло, въ видахъ корысти, сильно располагать людей посредственныхъ къ украшенію слабыхъ своихъ произведеній великими именами. Впрочемъ, подробнѣе объ этомъ говоритъ *Bentleius*. Opusenl. Crit. p. 155 sqq., ed. Lips.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ДИМОДОКЪ, СОКРАТЪ, ѲЕАГЪ.

121. *Дим.* Мнѣ нужно бы, Сократъ, о чемъ-то съ тобою поговорить [1], если тебѣ досужно. Да хотя бы ты былъ и занятъ, только не очень важнымъ дѣломъ,—для меня постарайся удосужиться.

Сокр. Я и такъ-таки свободенъ, а для тебя-то—и очень; поэтому, если хочешь о чемъ-нибудь говорить,—можешь.

Дим. Такъ не угодно ли, сойдемъ съ дороги, — туда, въ портикъ Зевса Элевѳерія [2]?

Сокр. Пожалуй, если тебѣ кажется.

B. *Дим.* Пойдемъ же, Сократъ [3]. Какъ всѣ растенія [4], всѣ

---

[1] ***О чемъ-то съ тобою поговорить*** — *ἄττα σοὶ ἰδιολογήσασθαι.* Самое начало греческой рѣчи въ Ѳеагѣ показываетъ, что этотъ діалогъ написанъ далеко послѣ временъ Платона; потому что глагола *ἰδιολογεῖσθαι* напрасно стали бы мы искать у писателей древнѣйшей Греціи. Въ какое время вошло въ употребленіе это слово, показываетъ *Свицеръ*, Thesaur. Eccles. T. I, p. 1134.

[2] Портикъ Зевса Элевѳерія, или освободителя, построенъ былъ въ Керамикѣ, близъ статуи того же имени. А Керамикомъ называлась часть или кварталъ города Аѳинъ. Керамиковъ, по свидѣтельству *Свиды*, въ Аѳинахъ было два: одинъ въ самомъ городѣ, другой за-городомъ. Въ одномъ погребали гражданъ, павшихъ въ сраженіи; въ другомъ находились позорные домы. Такое же показаніе см. *Hesych.* и *Meurs.* De Ceramic. c. 4.

[3] Естественно представлять, что Димодокъ, сказавъ: *пойдемъ же, Сократъ,* дѣлалъ этотъ переходъ до портика не молча, но тотчасъ началъ свой монологъ, служащій вступленіемъ въ бесѣду. Такое вступленіе напоминаетъ намъ о первой страницѣ Платонова Горгіаса.

[4] ***Всѣ растенія,*** *πάντα τὰ φυτά.* Подъ словомъ *φυτά* разумѣется все, что *φύεται.* На это слово писатель смотритъ, какъ на знакъ понятія родоваго, и различаетъ въ немъ два вида: *τὰ ἐκ τῆς γῆς φυόμενα καὶ τὰ ζῶα.* Подобное мѣсто встрѣчаемъ Phileb. p. 22 B: (*βίος*) *πᾶσι φυτοῖς καὶ ζώοις αἱρετός.* Legg. VI, p. 764 E.

произведенія земли, животныя, и прочее, такъ, должно быть,
живетъ и человѣкъ: ибо что касается растеній, то мы, зани-
мающіеся обработываніемъ земли, легко можемъ пригото-
вить все, предшествующее садкѣ ихъ, и самую садку; но по-
слѣ того, какъ посаженное стало жить, — уходъ за нимъ бы-
ваетъ и многосложенъ, и тяжелъ, и соединенъ съ препятствія-
ми. То же представляется и въ отношеніи къ людямъ. По
моимъ дѣламъ гадаю и о дѣлахъ чужихъ [1]. Насажденіе ли, C.
рожденіе ли надобно примѣнить къ этому моему сыну,—для
меня это было легче всего: но воспитаніе его соединено съ за-
трудненіями и всегда держитъ меня въ страхѣ, всегда боюсь
я за него. Такъ вотъ можно бы говорить и о многомъ другомъ;
но меня особенно пугаетъ теперешнее его желаніе. Оно, конеч-
но, не неблагородно, однакожъ опасно. Видишь, онъ у насъ,
Сократъ, говоря его словами, желаетъ сдѣлаться мудрецомъ. D.
Мнѣ кажется, нѣкоторые изъ его сверстниковъ и земляковъ,
хаживавшіе въ Аѳины [2], припоминаютъ какія-нибудь рѣчи и
ерошатъ его. Соревнуя этимъ своимъ товарищамъ, онъ дав-
но уже озабочиваетъ меня и проситъ, чтобы я постарался о
немъ и платилъ деньги кому-нибудь изъ софистовъ, который
бы сдѣлалъ его мудрецомъ. О деньгахъ-то я мало забочусь, а
думаю, не спѣшитъ ли онъ идти на немаловажную опасность.

---

[1] *По моимъ дѣламъ гадаю и о чужихъ дѣлахъ*, *ἀπὸ τῶν ἐμαυτοῦ τεκμαίρομαι καὶ ἐς τἄλλα*, т.-е. *καὶ εἰς τὰ τῶν ἄλλων*. Такой конструкціи, сколько помнимъ, не встрѣчали мы ни у Платона, ни у другихъ образцовыхъ греческихъ писателей. — Притомъ смѣшною и пошлою представляется мысль Димодока: *τὴν τοῦ υἱέος τουτουὶ εἴται φυτείαν εἴται παιδοποιίαν πάντων ῥᾴστην γεγονέναι*. Платонъ выразился бы конечно деликатнѣе. *Діонисій галикарнасскій* (Art. Rhetor. T. V, p. 405, ed. Reisk.), почитая Ѳеага сочиненіемъ подлиннымъ, старается извинить Платона и говоритъ: *τοῦτο δὲ οὐ χρὴ νομίζειν, ὅτι μεγάλῃ τῇ φωνῇ χρῆται ὁ Πλάτων*,—такъ какъ это говорилъ отецъ въ присутствіи сына,— *ἀλλ' ἐπειδὴ ὁ Δημόδοκος ἐργαστικὸς καὶ γεωργός, φωνὰς ἀφίησι τῆς τέχνης*. Но такое извиненіе неудовлетворительно.

[2] *Хаживавшіе въ Аѳины*, *εἰς τὸ ἄστυ καταβαίνοντες*. Штальбомъ и нѣкоторые другіе критики заключаютъ изъ этого, что Ѳеагъ жилъ въ Пиреѣ. Но *ἄστυ* здѣсь берется, очевидно, не какъ аѳинская цитадель, или центральное мѣсто города, а какъ резиденція правительства республики, и противуполагается *τοῖς δήμοις*. Поэтому-то Димодокъ и говоритъ: *νῦν οὖν ἥκω ἐπ' αὐτὰ ταῦτα*, т.-е. изъ своей демы въ Аѳины.

122. Донынѣ я удерживалъ его моими увѣщаніями: но такъ какъ далѣе удерживать уже не могу, то признаю за лучшее уступить ему, чтобы, и помимо меня, часто обращаясь съ кѣмъ-нибудь, онъ не испортился. Для того-то именно я теперь и пріѣхалъ, чтобы представить его которому-нибудь изъ этихъ кажущихся софистовъ. И ты кстати встрѣтился съ нами; потому что, приступая къ такому дѣлу, я хотѣлъ бы посовѣтоваться особенно съ тобою. Такъ если имѣешь дать какой-нибудь совѣтъ въ томъ, о чемъ отъ меня слышалъ, то можешь и долженъ.

B. *Сокр*. Вѣдь говорятъ же, Димодокъ, что совѣтъ есть дѣло священное [1]. Но если онъ — дѣло священное во всякомъ другомъ случаѣ, то и въ этомъ, въ которомъ ты совѣтуешься; ибо для человѣка совѣтующагося нѣтъ предмета столь божественнаго, какъ воспитаніе себя и своихъ родныхъ. Сначала, однако, я и ты—должны согласиться между собою, что такое то, касательно чего думаемъ мы совѣтоваться. Какъ бы не при-
C. шлось иногда разумѣть подъ этимъ — мнѣ одно, а тебѣ другое: тогда вѣдь, вошедши уже далеко въ свою бесѣду, мы сознали бы себя смѣшными, еслибы я, совѣтующій, и ты, совѣтующійся, понимали дѣло неодинакимъ образомъ.

Дим. Ты, мнѣ кажется, правильно говоришь, Сократъ. Такъ и надобно сдѣлать.

Сокр. Говорю-то я и правильно, да несовсѣмъ однако; потому что немного измѣняю мое слово. Мнѣ думается, что и ребенокъ этотъ желаетъ не того, чего, по нашему мнѣнію, желаетъ онъ, а другаго; да и мы опять, можетъ быть, еще без-
D. разсуднѣе его, что собираемся совѣтоваться объ иномъ. По-

---

[1] ***Совѣтъ есть дѣло священное***, *συμβουλὴ ἱερὸν χρῆμα*. Схоліастъ: *παροιμία ἐπὶ τῶν καθαρῶς καὶ ἀδόλως συμβουλευσάντων· δεῖ γὰρ τὸν συμβουλεύοντα μὴ τὸν ἴδιον σκοπεῖν· τὸ γὰρ ἱερὸν οὐδενὸς ἴδιον, ἀλλὰ τῶν χρωμένων ἐστὶ κοινόν· ἐπειδὴ καταφεύγομεν ὥσπερ εἰς τὰ ἱερὰ θέλοντες συμβουλεύεσθαι οἱ ἄνθρωποι. Προσήκει οὖν τοῖς συμβουλεύουσιν ἀψευδεῖν καὶ τὰ βέλτιστα κατὰ τὴν αὐτῶν γνώμην συμβουλεύειν.* Эту пословицу приводитъ и ***Аристофанъ*** въ *'Αμφιαρ.* ***Зенодотъ*** производитъ ее отъ Епихарма. *Schott*. ad. Zenob. Proverb. Centur. IV, 40. Epist. *Plat*. V init. *Alberti* ad Hesichium vol. II, p. 27.

этому, мнѣ кажется, будетъ правильнѣе начать съ него самого—расспросить, что такое то, чего онъ желаетъ.

Дим. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ лучше такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Скажи же мнѣ, какое прекрасное имя [1] молодому человѣку? какъ будемъ называть [2] его?

Дим. Имя ему—Ѳеагъ, Сократъ.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ прекрасное и священное имя [3] далъ ты своему сыну, Димодокъ. Скажи же намъ, Ѳеагъ: заявля- E.
ешь ли ты свое желаніе сдѣлаться мудрецомъ и просишь ли своего отца, чтобы онъ отыскалъ такого человѣка, бесѣда съ которымъ сообщила бы тебѣ мудрость?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. А мудрецами знатоковъ ли называешь ты, въ отношеніи къ чему были бы они знатоками, или незнатоковъ?

Ѳеагъ. Я—знатоковъ.

Сокр. Что же? развѣ не воспитывалъ тебя отецъ и не училъ тому, чему учатся здѣсь другіе—сыновья почтенныхъ отцовъ, напримѣръ, грамотѣ, играть на цитрѣ, бороться, и инымъ упражненіямъ [4]?

---

[1] ***Какое прекрасное имя?*** *τί καλὸν ὄνομα;* Прилагательное *καλὸν* поставлено здѣсь какбы для того только, чтобы естественнѣе было дальнѣйшее выраженіе: *καλόν γε τῷ υἱεῖ τὸ ὄνομα ἔθου.* Подобное употребленіе его едва ли встрѣтимъ у греческихъ писателей. Впрочемъ, это выраженіе можно понимать какъ формулу вѣжливости.

[2] ***Какъ мы будемъ называть его?*** *τί αὐτὸν προσαγορεύωμεν;* Платонъ сказалъ бы: *τί αὐτὸν ὀνομάζωμεν*, или *καλῶμεν;* а *προσαγορεύειν* употребляется только тогда, когда наименовывается должность, занятіе, добродѣтель и т. п. Напр., Phileb. p. 12 B: *καὶ νῦν τὴν μὲν Ἀφροδίτην ὅπῃ ἐκείνῃ φίλον, ταύτῃ προσαγορεύω.* Здѣсь говорится объ имени удовольствія. De Republ. V, p. 463 A: *τί ὁ ἐν ταῖς ἄλλαις δῆμος τοὺς ἄρχοντας προσαγορεύει;* alib.

[3] Ѳеагъ—*Θεάγης* – значитъ: сильно любящій божественное.

[4] ***Почтенныхъ отцовъ*** — *τῶν καλῶν κἀγαθῶν πατέρων. Καλοὶ κἀγαθοί*, въ отношеніи къ рангамъ гражданской жизни, суть люди благородные, вельможи и сановники государства, которымъ противуполагается *ὁ δῆμος*. Такъ ***Xenoph.*** Hellen. II, 3, 15: *εἴ τις ἐτιμᾶτο ὑπὸ τοῦ δήμου, τοὺς δὲ καλοὺς κἀγαθοὺς μηδὲν κακὸν εἰργάζετο.* ***Plutarch.*** vit. Pericl. p. 158 B: *οὐ γὰρ εἴασε τοὺς καλοὺς κἀγαθοὺς καλουμένους — συμμεμῖχθαι πρὸς τὸν δῆμον.* То, чему должны были учиться благородныя дѣти, достаточно показано въ Протагорѣ p. 325 D sqq. ***Aristoph.*** Nubb. v. 955—980.

Ѳеагъ. Конечно училъ.

123. *Сокр*. Такъ думаешь, недостаетъ еще какого-нибудь знанія, о доставленіи тебѣ котораго отецъ долженъ позаботиться?

Ѳеагъ. Думаю.

Сокр. Какое же это знаніе? Скажи и намъ, чтобы мы угодили тебѣ.

Ѳеагъ. Знаетъ и онъ, Сократъ,—потому что я многократно говорилъ ему,—и это нарочно [1] толкуетъ тебѣ, какъ будто бы не знаетъ, чего я желаю. Такими вѣдь и другими еще словами препирается онъ и со мною, и никому не хочетъ представить меня.

Сокр. Но то, что говорилъ ты ему прежде, говорено бы-
B. ло безъ свидѣтелей; а теперь возьми меня въ свидѣтели и объяви предо мною, что это за мудрость, которой ты желаешь. Положимъ, тебѣ желалось бы того знанія, помощью котораго люди правятъ кораблями, и мнѣ случилось бы спросить тебя: Ѳеагъ! въ какой мудрости нуждаясь, порицаешь ты отца, что онъ не хочетъ представить тебя тому, кто сдѣлалъ бы тебя мудрымъ? Что отвѣчалъ бы ты мнѣ? какая это мудрость? не кораблевожденіе ли?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. А еслибы ты пожелалъ быть мудрымъ въ такой муд-
C. рости, помощью которой правятъ колесницами [2], и тоже порицалъ бы отца; то, на мой вопросъ: что это за мудрость?—чѣмъ назвалъ бы ты ее? не возничествомъ ли?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Но та, которой ты теперь желаешь,—безъимянная ли какая, или имѣетъ имя?

---

[1] *Нарочно*—ἐξεπίτηδες, притворно, съ умысломъ, какъ будто бы, то-есть, Димодокъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какой мудрости желаетъ Ѳеагъ, тогда какъ послѣдній уже много разъ объяснялъ отцу, что̀ разумѣетъ онъ подъ именемъ мудрости. Слово *нарочно* въ этомъ смыслѣ выходитъ у насъ изъ употребленія и держится только почти въ простонародномъ говорѣ.

[2] *Правятъ колесницами*, τὰ ἅρματα κυβερνῶσιν. Шлейермахеръ правильно замѣчаетъ, что едва ли бы Платонъ сказалъ: κυβερνᾶν τὰ ἅρματα. Примѣровъ такого примѣненія этого глагола не представляется.

Ѳеагъ. Я думаю, имѣетъ.

Сокр. Такъ знаешь ли ты ее—по крайней мѣрѣ безъ имени, или и имя?

Ѳеагъ. Да, и имя.

Сокр. Скажи же, какое оно.

Ѳеагъ. Какое другое можно дать ей имя, Сократъ, какъ не D.
мудрость?

Сокр. Но не мудрость ли и возничество? Или оно кажется тебѣ невѣжествомъ?

Ѳеагъ. Нѣтъ.

Сокр. А мудростью?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Для чего мы пользуемся имъ? не для того ли, чтобы умѣть править парою коней?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Не мудрость ли также и кораблевожденіе?

Ѳеагъ. Мнѣ кажется.

Сокр. Не для того ли и оно, чтобы умѣть править кораблями?

Ѳеагъ. Конечно для того.

Сокр. А мудрость, которой ты желаешь,—что такое она?
Чѣмъ умѣемъ мы править, при ея помощи? E.

Ѳеагъ. Мнѣ кажется, людьми.

Сокр. Не недужными ли?

Ѳеагъ. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Потому что для этого есть искуство врачебное. Не такъ ли?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Но не умѣемъ ли мы, при ея помощи, управлять поющими въ хорахъ?

Ѳеагъ. Нѣтъ.

Сокр. Потому что для этого-то есть музыка.

Ѳеагъ. Конечно.

Сокр. Или чрезъ нее умѣемъ мы управлять тѣми, которые занимаются тѣлесными упражненіями?

Ѳеагъ. Нѣтъ.

Сокр. Потому что для этого-то есть гимнастика.

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Въ какомъ же дѣлѣ пользуемся мы ею? Постарайся сказать мнѣ, какъ я напередъ сказалъ тебѣ.

124. *Ѳеагъ*. Ею пользуемся мы, мнѣ кажется, въ городѣ.

Сокр. Но не въ городѣ ли и недужные?

Ѳеагъ. Да; однакожъ не этихъ только я разумѣю,—говорю и о другихъ, живущихъ въ городѣ.

Сокр. Такъ ужели я понимаю, на какое искуство указываешь ты? Вѣдь мнѣ кажется, ты говоришь не о томъ, посредствомъ котораго мы умѣемъ управлять жнецами, виноградарями, садовниками, сѣятелями, молотильщиками; потому что этимъ управляемъ мы при помощи науки земледѣлія. Не такъ ли?

Ѳеагъ. Да.

B. *Сокр*. И не о томъ говоришь ты, посредствомъ котораго мы умѣемъ управлять пильщиками, сверлильщиками, токарями и всѣми вообще вертельщиками; потому что такое искуство не есть ли строительное?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Впрочемъ, можетъ быть,—о томъ, посредствомъ котораго умѣемъ мы управлять всѣми этими: и самыми земледѣльцами и плотниками, и всѣми мастерами и не-мастеровыми [1], и мужчинами и женщинами,—можетъ быть, такое-то искуство называешь ты мудростью.

Ѳеагъ. Именно такое, Сократъ; давно уже хочу я назвать его.

Сокр. А можешь ли сказать, что Эгисѳъ [2], умертвившій

---

[1] *И не-мастеровыми*, *καὶ τῶν ἰδιωτῶν*. Ἰδιῶται здѣсь противуполагаются *τοῖς δημιουργοῖς*, и потому это такіе люди, которые не научены никакому мастерству и не знаютъ никакихъ искуствъ, — artium imperiti. Употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ см. Sympos. p. 178 B. Phaedr. p. 258 D. Ion. p. 531 C, al.

[2] Эгисѳъ, умертвившій двоюроднаго своего брата Агамемнона на пиру, семь лѣтъ господствовалъ въ Микенахъ и умерщвленъ Орестомъ, сыномъ Агамемнона. Odyss. I, 35.

въ Аргосѣ Агамемнона, управлялъ тѣми, о которыхъ ты го- C.
воришь,—мастерами и не-мастеровыми, всѣми мужчинами и женщинами, или нѣкоторыми иными?

Ѳеагъ. Нѣтъ, не тѣми, а этими.

Сокр. Что еще? Пелей [1], сынъ Эака, во Фтіи?—не тѣми ли самыми управлялъ онъ?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. А слыхалъ ли ты о Періандрѣ [2], сынѣ Кипсела, правившемъ въ Коринѳѣ?

Ѳеагъ. Слыхалъ.

Сокр. Не тѣми ли же самыми управлялъ онъ въ своемъ городѣ?

Ѳеагъ. Да. D.

Сокр. Что скажешь притомъ объ Архелаѣ, сынѣ Пердикки, который въ послѣднее время [3] сталъ править Македоніею? Не тѣми ли самыми, думаешь, управляетъ онъ?

Ѳеагъ. Думаю, тѣми.

Сокр. А Иппіасъ, сынъ Пизистрата, правившій въ этомъ городѣ, кѣмъ, думаешь, управлялъ онъ? Не этими ли?

Ѳеагъ. Какъ не этими.

Сокр. Можешь ли ты сказать мнѣ, какое имя даютъ Вакису, Сивиллѣ и нашему соотечественнику Амфилиту [4]?

---

[1] Пелей и Теламонъ, по зависти, умертвили своего брата Фоку. Изгнанные своимъ отцомъ, они удалились—одинъ во Фтію, другой на островъ Саламинъ.

[2] Періандръ коринѳскій обыкновенно считается однимъ изъ семи мудрецовъ Греціи; онъ жилъ около XXXVIII олимп. Платонъ причислялъ его не къ мудрецамъ, а къ жестокимъ тираннамъ. См. Protag. p. 339 C, примѣчаніе.

[3] *Въ послѣднее время сталъ управлять* (Архелай),—*τὸν νεωστὶ τούτων ἄρχοντα*. Объ этомъ много говорится въ Горгіасѣ p. 471 D sqq. Архелай возшелъ на македонскій престолъ въ концѣ 91 олимп., т.-е. за 413 лѣтъ до Р. Х. А такъ какъ ниже, p. 129 D, упоминается объ экспедиціи Тразилла къ берегамъ Іоніи, которая относится къ 4, 92 олимп., т.-е. къ 409 году до Р. Х.; то разговоръ этотъ долженствовалъ происходить въ семъ самомъ году. Поэтому словомъ *νεωστὶ* обнимаются предшествующіе четыре года.

[4] Вакисъ—беотійскій прорицатель, который, задолго до нашествія Ксеркса на Грецію, предсказывалъ Грекамъ все, что должно было произойти. Ге-

Ѳеагъ. Какое больше, Сократъ, какъ не имя прорицателей?

E. *Сокр.* Правильно говоришь. Постарайся же отвѣтить мнѣ и относительно этихъ: какое имя прилично Иппіасу и Періандру по ихъ управленію?

Ѳеагъ. Думаю, имя тиранновъ; какое же больше?

Сокр. Стало-быть, кто желаетъ управлять всѣми людьми въ городѣ, тотъ желаетъ одинакой съ ними власти — тираннической, — тотъ хочетъ быть тиранномъ.

Ѳеагъ. Оказывается такъ.

Сокр. И ты сказалъ, что желаешь ея.

Ѳеагъ. Изъ моихъ словъ, конечно, выходитъ.

Сокр. Злодѣй [1]! такъ ты, изъ-за желанія тиранствовать
125. надъ нами, давно уже порицаешь отца, что онъ не посылаетъ тебя въ школу какого-нибудь учителя тиранніи? А тебѣ, Димодокъ, не стыдно? Давно уже зная, чего желаетъ онъ, и будучи увѣренъ, что если будешь посылать его туда, то сдѣлаешь мастеромъ въ желаемой имъ мудрости, ты теперь завидуешь ему и посылать не хочешь? Но видишь, — въ эту минуту онъ оговорилъ тебя въ моемъ присутствіи: такъ посовѣтуемся съобща — я и ты, къ кому бы намъ посылать его и въ чьемъ бы сообществѣ могъ онъ сдѣлаться мудрымъ тиранномъ.

B. *Дим.* Да, ради Зевса, Сократъ, посовѣтуемся-таки, такъ какъ, по моему-то мнѣнію, это требуетъ совѣта немаловажнаго.

Сокр. Постой, добрякъ, сперва распросимъ получше его самого.

родотъ въ восьмой книгѣ (с. 20) приводитъ много его предсказаній. Сивилла здѣсь разумѣется эритрейская, о которой вмѣстѣ съ Вакисомъ и Амфилитомъ упоминаетъ *Themistius* p. 55, ed. Dind. Амфилитъ, по сказанію Геродота (1, 62), — Акарнанецъ: а что здѣсь называется онъ ἡμεδαπός, то это либо потому, что онъ долго жилъ въ Аѳинахъ, либо потому, что вмѣсто Ἀκαρνάν, у Геродота надобно читать Ἀχαρνεύς. Подробнѣе объ этихъ лицахъ см. *Wesseling.* ad Herodot. VIII, 20.

[1] *Злодѣй* — ὦ μιαρέ. Мы неправильно поняли бы въ этомъ мѣстѣ тонъ рѣчи Сократовой, еслибы, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ, принимали слова его серьёзно. Здѣсь Сократъ сперва Ѳеагу, а потомъ Димодоку говоритъ шуточно; поэтому и Димодокъ далѣе отвѣчаетъ ему шуткою.

Дим. Такъ спрашивай.

Сокр. Что, Ѳеагъ, еслибы мы нѣсколько воспользовались Эврипидомъ? Вѣдь Эврипидъ [1] гдѣ-то сказалъ:

Мудры тиранны бесѣдою мудрыхъ.

Но пусть бы кто спросилъ его: Эврипидъ! о чемъ бесѣда мудрыхъ дѣлаетъ, говоришь, мудрыми тиранновъ? Или пусть C.
бы, напримѣръ, сказалъ онъ:

Мудры земледѣльцы бесѣдою мудрыхъ.

А мы спросили бы: въ чемъ мудрыхъ?—Что отвѣчалъ бы онъ? иное ли нѣчто, или то, что мудрыхъ въ земледѣліи?

Ѳеагъ. Нѣтъ, именно это.

Сокр. Что же? еслибы сказалъ онъ:

Мудры повара бесѣдою мудрыхъ.

А мы спросили бы: въ чемъ мудрыхъ? — Что отвѣчалъ бы онъ? не то ли, что въ поварскомъ искуствѣ?

Ѳеагъ. Да.

Сокр. Что еще? еслибы сказалъ онъ:

Мудры бойцы бесѣдою мудрыхъ.

А мы спросили бы его: въ чемъ мудрыхъ? — Не отвѣчалъ ли бы онъ, что въ искуствѣ бороться?

Ѳеагъ. Да. D.

Сокр. Но когда онъ сказалъ:

Мудры тиранны бесѣдою мудрыхъ.

А мы хотимъ спросить его: въ чемъ мудрыхъ, говоришь ты, Эврипидъ? — Что отвѣтитъ онъ? въ чемъ состоитъ эта мудрость?

Ѳеагъ. Не знаю, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А хочешь ли, я скажу тебѣ?

Ѳеагъ. Если угодно...

---

[1] Этотъ стихъ Платонъ приписываетъ Эврипиду и здѣсь, и въ VIII кн. Государства (р. 568 А). Но другіе, напротивъ, находятъ его въ Софокловомъ Аяксѣ локрскомъ. *Gataker*. Opp. T. 1, p. 173.

Сокр. Въ томъ, что̀, по словамъ Анакреона, знала Калликрита. Или неизвѣстна тебѣ эта пѣсня?

Ѳеагъ. Извѣстна.

Сокр. Такъ что же? не желаешь ли и ты обращаться съ та-
E. кимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, который обладаетъ однимъ и тѣмъ же искуствомъ съ Калликритою [1], дочерью Кіаны, и знаетъ тираннію, какъ говоритъ о ней поэтъ, чтобы и тебѣ тиранствовать надъ нами и надъ городомъ?

Ѳеагъ. Давно уже, Сократъ, смѣешься ты и шутишь надо мною.

Сокр. Какъ! развѣ, по твоимъ словамъ, не той мудрости желаешь ты, посредствомъ которой могъ бы управлять всѣми гражданами? А дѣлая это, чѣмъ же инымъ былъ бы ты, какъ не тиранномъ?

Ѳеагъ. Конечно, согласился бы я, думаю, сдѣлаться тиранномъ—особенно надъ всѣми людьми; а если не то,—по край-
126. ней мѣрѣ надъ весьма многими, — желалъ бы даже, можетъ быть, сдѣлаться богомъ, хотя я и не говорилъ, что этого желаю.

Сокр. Такъ что же еще есть, чего тебѣ хочется? не сказалъ ли ты, что желаешь управлять гражданами?

Ѳеагъ. Только не насильственно,—не какъ тиранны, а по ихъ волѣ, какъ управляютъ въ городѣ и другіе знатные мужи.

Сокр. Такъ ли, говоришь, какъ Ѳемистоклъ, Периклъ, Кимонъ и всѣ, бывшіе сильными въ политикѣ?

Ѳеагъ. Да, клянусь Зевсомъ, этихъ я разумѣю.

B. *Сокр.* Такъ что же? еслибы случилось тебѣ пожелать сдѣлаться мудрецомъ въ верховой ѣздѣ, — къ кому естественно отправился бы ты [2], чтобы выдти отличнымъ всадникомъ? къ иному ли кому кромѣ берейтора?

---

[1] Что это была за Калликрита, — греческое преданіе не говоритъ ничего; да и стихи, написанные Анакреономъ, до насъ не дошли. Conf. edit. *Fischeri* p. 451 et *Bergk.* De Anacreontis Reliquiis p. 264. Судя по замѣчанію Сократа въ этомъ мѣстѣ, она любила толковать о политикѣ, и въ этомъ отношеніи была предшественницею Аспазіи и Діотимы, прославленныхъ греческимъ класcицизмомъ.

[2] *Къ кому бы отправился ты*, παρὰ τίνας ἂν ἀφικόμενος, конструкція у Пла-

Өеагъ. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, не къ иному.

Сокр. А къ тѣмъ самымъ искусникамъ въ этомъ отношеніи, у которыхъ есть лошади и которые всегда обращаются какъ съ своими, такъ и со многими чужими?

Өеагъ. Явно, что къ нимъ.

Сокр. Что же? еслибы тебѣ захотѣлось сдѣлаться мудрецомъ въ стрѣльбѣ,—не къ стрѣльцамъ ли бы задумалъ ты идти, чтобы быть мудрымъ,—къ тѣмъ, то-есть, у которыхъ есть стрѣлы и которые всегда употребляютъ ихъ много — какъ чужихъ, такъ и собственныхъ? C.

Өеагъ. Мнѣ кажется.

Сокр. Скажи же теперь: такъ какъ ты хочешь быть мудрецомъ въ политикѣ, то, съ цѣлію — сдѣлаться мудрымъ, къ иному ли кому думаешь отправиться, а не къ тѣмъ политикамъ, которые и сами сильны въ политикѣ, и всегда обращаются какъ съ своимъ городомъ, такъ и со многими другими, и входятъ въ сношеніе нетолько съ греческими, но и съ варварскими городами? Или тебѣ кажется, что обращаясь съ кѣмъ-нибудь инымъ, сдѣлаешься ты мудрецомъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ эти, а не съ ними самими?

Өеагъ. Слыхалъ я, Сократъ, какъ пересказывали твои рѣчи объ этихъ людяхъ. Сыновья подобныхъ политиковъ, говорили, нисколько не лучше, чѣмъ сыновья кожевниковъ. И ты, D.
мнѣ кажется, сколько я могу судить, говоришь весьма справедливо. Поэтому я былъ бы безуменъ, еслибы подумалъ, что кто-нибудь изъ нихъ мнѣ можетъ передать свою мудрость, а собственному своему сыну, при всей способности быть полезнымъ для кого бы то ни было изъ людей, никакой пользы принести не можетъ.

Сокр. Но чѣмъ бы ты, лучшій изъ мужей, помогъ себѣ, еслибы родился у тебя сынъ и сталъ вводить тебя въ такія хлопоты, говоря, что онъ желаетъ сдѣлаться хорошимъ жи-

---

тона неупотребительная. Вмѣсто *παρά τινας ἀφικνεῖσθαι* или *ἰέναι*, Платонъ сказалъ бы: *εἰς τινος ἰέναι*. По крайней мѣрѣ здѣсь надобно разумѣть уже не хожденіе въ школу, а посѣщеніе кого-нибудь для какой бы то ни было цѣли.

E. вописцемъ, и порицая тебя—отца, что ты не хочешь на этотъ предметъ тратить для него денегъ, а между тѣмъ мастеровъ сего самаго искуства,—живописцевъ, безчестилъ бы и не хотѣлъ у нихъ учиться? Тоже и флейтистовъ,—желая сдѣлаться флейтистомъ, тоже и цитристовъ. Что могъ бы ты съ нимъ сдѣлать и куда въ другое мѣсто послалъ бы его, еслибы онъ не захотѣлъ учиться у этихъ?

Ѳеагъ. Клянусь Зевсомъ, не знаю.

127. *Сокр.* Но теперь то же самое дѣлаешь ты съ своимъ отцомъ, а между тѣмъ удивляешься и порицаешь его, когда онъ недоумѣваетъ, какъ повестись съ тобою и куда послать тебя. Пожалуй, мы представимъ тебя кому-нибудь изъ отличнѣйшихъ въ политикѣ Аѳинянъ, который наставитъ тебя даромъ; и ты съ одной стороны, сбережешь деньги, съ другой, пріобрѣтешь гораздо больше расположенія отъ народа, чѣмъ учась у кого другаго.

Ѳеагъ. Такъ что же, Сократъ? развѣ ты не изъ отличнѣйшихъ мужей? Согласись только меня допустить къ своей бесѣдѣ,—и для меня довольно, я не буду искать никакого болѣе.

Сокр. Что это говоришь ты, Ѳеагъ?

B. *Дим.* А вѣдь онъ говоритъ нехудо, Сократъ; ты вмѣстѣ сдѣлаешь удовольствіе и мнѣ. Думаю, для меня не было бы находки больше той, какъ еслибы онъ понравился тебѣ, и ты согласился бы бесѣдовать съ нимъ. Я даже стыжусь сказать, какъ сильно хочу этого; посему прошу обоихъ васъ: тебя, чтобы ты согласился бесѣдовать съ нимъ; а тебя, чтобы ты не искалъ обращенія ни съ кѣмъ, кромѣ Сократа. Чрезъ это вы избавите меня отъ многихъ и страшныхъ безпокойствъ. Те-
C. перь вѣдь я очень боюсь за него, какъ бы не столкнуться ему съ кѣмъ другимъ, который можетъ развратить его.

Ѳеагъ. Съ этого времени за меня-то уже не бойся, батюшка, если ты въ состояніи убѣдить его, чтобы онъ принималъ меня въ свою бесѣду.

Дим. Очень хорошо говоришь. Послѣ этого, Сократъ, къ тебѣ уже обращаю мое слово. Я готовъ, говоря коротко, пред-

ложить тебѣ и меня и мое, что имѣю, самое драгоцѣнное, однимъ словомъ—все, чего ни потребуешь, лишь бы только ты полюбилъ этого Ѳеага и благодѣтельствовалъ ему, сколько D. можешь.

Сокр. Димодокъ! я не удивляюсь твоей заботливости, если ты думаешь, что сынъ твой особенно отъ меня получитъ пользу; ибо не знаю, о чемъ бы больше всего заботился всякій умный человѣкъ, какъ не о своемъ сынѣ, чтобы онъ былъ самымъ лучшимъ. Но почему тебѣ показалось, будто я въ состояніи принесть твоему сыну больше пользы, чтобы онъ вышелъ хорошимъ гражданиномъ, чѣмъ ты самъ, и съ чего взялъ сынъ твой, будто я буду для него полезнѣе тебя,—это для меня очень удивительно. Во-первыхъ, ты старше, чѣмъ я; по- E. томъ, ты, въ управленіи Аѳинянами, занималъ много правительственныхъ должностей, да еще и важнѣйшихъ; кромѣ того, ты пользуешься особеннымъ почетомъ какъ со стороны анагирасійскихъ гражданъ, такъ не меньше и со стороны всѣхъ жителей республики. Во мнѣ же никоторый изъ васъ не найдетъ ничего подобнаго. Да и то еще:—если этотъ Ѳеагъ, презирая бесѣду политиковъ, ищетъ какихъ-то другихъ, которые объявляютъ, что могутъ учить молодыхъ людей; то есть здѣсь и Продикъ хіосскій, и Горгіасъ леонтинскій, и Полосъ акрагантинскій, и другіе многіе, которые такъ мудры, 128. что, приходя въ города, убѣждаютъ благороднѣйшихъ и богатѣйшихъ между юношами, чтобы они, имѣя возможность даромъ бесѣдовать съ какими угодно гражданами, оставили

---

[1] Схоліастъ: Ἀναγυροῦς, δῆμος Αἰαντίδος, ἀφ' οὗ Ἀναγυράσιοι. Объ этой демѣ, которую писатели относятъ къ трибѣ эрехтійской, см. *Harpocrat. Stephan. Bysant. Boeck.* ad Corp. Inscript. n. 200 *Grotefend.* De Demis Atticae p. 18 sq.

[2] За этимъ слѣдуетъ монологъ, почти буквально выписанный изъ Апологіи Сократа (p. 19 E), гдѣ текстъ читается такъ: ἀλλὰ γὰρ οὔτε τούτων οὐδέν ἐστιν (а у писателя Ѳеага: ἐμοὶ δὲ τούτων οὐδὲν ἐνορᾷ οὐδέτερος ὑμῶν), οὐδέ γε εἴ τινος ἀκηκόατε, ὡς ἐγὼ παιδεύειν ἐπιχειρῶ ἀνθρώπους καὶ χρήματα πράττομαι, οὐδὲ τοῦτο ἀληθές. Ἐπεὶ τοῦτο γε и проч. Такого повторенія одного и того же текста Платонъ сдѣлать не могъ, и это представляется важнѣйшимъ доказательствомъ подложности Ѳеага.

ихъ бесѣды и обращались съ этими, а для вознагражденія, платили имъ очень большія деньги, съ придачею еще благодарности. Такъ изъ нихъ котораго-нибудь слѣдовало предъизбрать
B. и сыну твоему и самому тебѣ, а меня—не слѣдовало; потому что я не знаю ни одной изъ этихъ блаженныхъ и прекрасныхъ наукъ, хотя бы и желалъ, да и всегда-таки говорю, что мнѣ приходится, просто, не имѣть никакого знанія, кромѣ неважнаго, относящагося къ дѣламъ любовнымъ [1]: въ этомъ именно знаніи я почитаюсь сильнѣе кого бы то ни было и изъ прежнихъ людей, и изъ нынѣшнихъ.

Ѳеагъ. Видишь ли, батюшка, что Сократъ, какъ мнѣ кажется, не очень согласенъ обращаться со мною? Съ моей-то
C. стороны и есть готовность, еслибы ему угодно было; да онъ только шутитъ надъ нами. Я знаю нѣкоторыхъ моихъ сверстниковъ и юношей немногимъ постарше меня, которые до обращенія съ нимъ ничего не стоили, а вошедши въ его общество, въ весьма короткое время оказываются лучше всѣхъ тѣхъ, сравнительно съ кѣмъ сперва были хуже.

Сокр. Знаешь ли ты, сынъ Димодока, какъ это бываетъ?

Ѳеагъ. Да, ради Зевса, знаю, что еслибы ты захотѣлъ,—и я былъ бы въ состояніи сдѣлаться такимъ, каковы тѣ.

D. *Сокр.* Нѣтъ, добрякъ, тебѣ неизвѣстно, какъ это бываетъ; —а я тебѣ скажу. По божественному жребію, за мною съ дѣтства слѣдуетъ геній [2]: это — голосъ, который, когда прояв-

---

[1] Къ чему писатель навязываетъ здѣсь Сократу знаніе дѣлъ любовныхъ, — нисколько не видно. Предметъ рѣчи вовсе не требовалъ этого. Если въ Симпосіонѣ, p. 177 D, Сократъ говоритъ: *οὐδέν φημι ἄλλο ἐπίστασθαι, ἢ τὰ ἐρωτικά* (снес. Lysid. p. 204 B); то тамъ слова его понятны, — тамъ идетъ разсужденіе о любви, которой онъ своими изслѣдованіями старается сообщить высшее значеніе: а здѣсь діалогистъ чрезъ такую вставку является не больше, какъ слѣпымъ и бездарнымъ компиляторомъ, который любовался только отдѣльными оборотами Платонова діалога, не усвояя себѣ его идеи.

[2] Это опять выписка изъ Апологіи Сократа (p. 31 D). Притомъ Сократовы мысли о геніѣ приложены здѣсь къ тому, къ чему сынъ Софрониска никогда не прилагалъ ихъ. Изъ его упоминанія о геніѣ писатель Ѳеага сдѣлалъ какой-то даръ предсказыванія, чего Сократъ никогда себѣ не приписывалъ. Могло ли придти кому-нибудь въ голову, что несчастія Хармида и Тра-

ляется, всегда даетъ мнѣ замѣтить, что я долженъ уклониться отъ того, что намѣренъ дѣлать, но никогда не наклоняетъ къ чему бы то ни было. Поэтому, кто изъ моихъ друзей сносится со мною, и въ то же время проявляется голосъ,—это самое отклоняетъ меня и не позволяетъ мнѣ дѣлать. Въ этомъ я представлю вамъ свидѣтелей. Вѣдь вы знаете того бывшаго красавца Хармида [1], сына Главконова. Нѣкогда онъ объявилъ E.
мнѣ о своемъ намѣреніи пробѣжать въ Немеяхъ стадію. Едва началъ онъ говорить, что рѣшается на этотъ подвигъ,—вдругъ проявляется голосъ. Тогда я сталъ отсовѣтывать ему это и сказалъ: между тѣмъ какъ ты говорилъ,—проявился во мнѣ голосъ генія; такъ не подвизайся.—Можетъ быть, онъ даетъ знать, отвѣчалъ Хармидъ, что я не одержу побѣды? Что же? пусть не одержу, — по крайней мѣрѣ въ это время доставлю себѣ пользу тѣлеснымъ упражненіемъ. — Сказавъ такъ, пустился онъ въ подвигъ. Стоитъ спросить его самого, что случилось съ нимъ во время этого подвига. Если хоти- 129.
те, спросите и брата Тимархова, Клитомаха, что говорилъ ему Тимархъ, когда умиралъ, именно отого, что не послушался генія, — спросите, что говорилъ и онъ, и стадійный скороходъ Эватлъ, принявшій къ себѣ бѣжавшаго Тимарха. Онъ скажетъ вамъ, что Тимархъ говорилъ ему слѣдующее.

Ѳеагъ. Что такое?

Сокр. Клитомахъ! говорилъ онъ, я умираю теперь оттого, что не хотѣлъ послушаться Сократа. А что именно разумѣлъ подъ этимъ Тимархъ, —я разскажу. Когда Тимархъ и Филимонъ, сынъ Филимонида, встали съ пира, чтобы убить B.
Никіаса [2], сына Ироскамандрова,—а они только двое и питали этотъ умыселъ;—тогда первый изъ нихъ, вставши, сказалъ мнѣ: Что ты толкуешь, Сократъ? Вы пейте, а я долженъ

вилла зависѣли не отъ умственнаго и нравственнаго ихъ состоянія, а отъ случайнаго сцѣпленія обстоятельствъ, предсказанныхъ Сократомъ?

[1] Разсказъ о Хармидѣ ни изъ какого другаго источника неизвѣстенъ.

[2] Этого Никіаса, сына Ироскамандрова, о которомъ нигдѣ больше не упоминается, надобно отличать отъ знаменитаго аѳинскаго полководца, дѣйствовавшаго во время войны пелопонезской.

встать и куда-то идти; немного спустя возвращусь, если удастся.—А у меня на ту пору—голосъ, и я тотчасъ сказалъ: никакъ не вставай; вѣдь вотъ во мнѣ проявилось обычное знаменіе—геній. Онъ удержался; но спустя нѣсколько времени, снова порывался идти и сказалъ: иду, Сократъ. А во
C. мнѣ опять голосъ,—и я опять заставилъ его удержаться. Въ третій разъ, чтобъ утаиться отъ меня, онъ всталъ, не сказавъ мнѣ ни слова и, улучивъ минуту, когда мое вниманіе занято было чѣмъ-то другимъ, ушелъ потихоньку. Отправившись такимъ образомъ, онъ совершилъ то, отъ чего потомъ умеръ. Потому-то сказалъ онъ брату, какъ теперь сказалъ я вамъ, что причиною его смерти было невѣріе мнѣ. Конечно, отъ
D. многихъ слыхали вы и о томъ, что произошло въ Сициліи [1], какъ я говорилъ о погибели войска. О совершившемся вы можете слышать отъ тѣхъ, которые знаютъ дѣло: но этотъ случай можетъ служить пробою знаменія, правду ли оно говоритъ. Когда Санніонъ красивый отправлялся на войну,—мнѣ было знаменіе,—и между тѣмъ какъ теперь, чтобы сражаться съ Тразилломъ, идетъ онъ прямо къ Ефесу и Іоніи, мнѣ думается, что или его ожидаетъ смерть, или ему наскочить на что-нибудь подобное: вообще, я очень боюсь за ны-
E. нѣшнее предпріятіе [2]. Все это я говорилъ тебѣ—съ намѣреніемъ показать, что сила моего генія имѣетъ важное вліяніе на собесѣдованіе обращающихся со мною лицъ; потому что многимъ она противится, внушая, что отъ обращенія со мною

---

[1] Разумѣется несчастная экспедиція Аѳинянъ въ Сицилію, о которой см. *Thucyd.* VI, 8 sqq.

[2] Писатель не представляетъ никакой причины, почему Сократъ такъ боялся за этого неизвѣстнаго исторіи Санніона. Неизвѣстнымъ остается и то, почему Σαννίων названъ ὁ καλός. Корнарій, Фицинъ, Беккеръ, Шлейермахеръ и Квебелій принимаютъ ὁ καλός, какъ имя собственное, или какъ ограничительную черту собственнаго имени Σαννίων, хотя кодексами Платоновыхъ сочиненій это и не подтверждается. Надобно замѣтить, что здѣсь говорится объ экспедиціи, совершившейся въ 4,92 олимп. и предпринятой противъ Іоніи. См. *Xenoph.* Hellen. 1, 2, 1 sqq. *Diodor.* XIII, 64. Тразиллъ былъ одинъ изъ тѣхъ вождей, которые, потерпѣвъ пораженіе при аргинузскихъ островахъ, не привезли съ собою убитыхъ и за то приговорены были къ смертной казни.

не получить имъ пользы, такъ что и обращаться съ ними не позволяетъ. А многимъ быть моими собесѣдниками она и не препятствуетъ; но бесѣдованіе это нисколько имъ не полезно. Напротивъ, кому сила генія въ собесѣдованіи помогла бы, тѣ выходятъ такими, какими и ты знаешь ихъ,—необыкновенно скоро дѣлаютъ успѣхи. Впрочемъ, изъ этихъ
опять — успѣвающихъ, одни получаютъ пользу прочную 130.
и постоянную; многіе же во все время, пока обращаются со мною, удивительно успѣваютъ, а какъ скоро удаляются отъ меня, ничѣмъ не отличаются отъ всякаго. Такимъ нѣкогда оказался Аристидъ, сынъ Лизимаха, сына Аристидова. Обращаясь со мною, онъ въ короткое время успѣлъ очень много; потомъ выпала ему какая-то война, — и онъ поплылъ; пришедши же назадъ, нашелъ въ обращеніи
со мною Ѳукидида[1], сына Мелисіева, внука Ѳукидидова. Ѳу- B.
кидидъ на первыхъ порахъ нѣсколькими словами выразилъ мнѣ свое нерасположеніе. Поэтому, увидѣвшись со мною и поздоровавшись, Аристидъ сталъ разговаривать и между прочимъ сказалъ: я слышу, Сократъ, что Ѳукидидъ нѣсколько величается предъ тобою и надмевается, будто что значитъ. —Такъ и есть, отвѣчалъ я.—Что же? развѣ не знаетъ онъ, продолжалъ Аристидъ, что прежде, чѣмъ вступилъ въ собесѣдованіе съ тобою, былъ чуть не рабомъ?—Теперь-то не кажется такимъ, клянусь богами, отвѣчалъ я.—Впрочемъ, и
самъ-то я, Сократъ, кажусь для себя смѣшнымъ, сказалъ онъ. C.
—Почему особенно? спросилъ я.—Потому, отвѣчалъ онъ, что до отплытія могъ разговаривать со всякимъ человѣкомъ и никого не хуже являлся съ своимъ словомъ, такъ что искалъ случаевъ бесѣдовать съ людьми самыми пріятными: напротивъ, теперь, только что почую какого-нибудь ученаго,—тотчасъ бѣгу;—такъ стыжусь я своего простоумія.—Но вдругъ ли оставила тебя эта сила, или оставляла понемногу? спросилъ

---

[1] Объ Аристидѣ и Ѳукидидѣ см. Lachet. 179 A sqq. Сравн. Theaetet. p. 150 E.

D. я.—Понемногу, отвѣчалъ онъ.—Отъ чего же это приключилось тебѣ? спросилъ я: отъ того ли, что, учась у меня, получилъ ты такое расположеніе, или какимъ инымъ образомъ?—Я скажу тебѣ, Сократъ, отвѣчалъ онъ. Невѣроятно, клянусь богами, однакожъ истинно. У тебя, какъ самъ ты знаешь, я ничему не научился, однакожъ бесѣдуя съ тобою, успѣвалъ, даже когда жилъ только въ одномъ съ тобою домѣ, а не въ одной комнатѣ; живя же въ одной съ тобою комнатѣ, успѣвалъ еще болѣе. И мнѣ казалось, что успѣхи мои шли гораздо быстрѣе, когда, находясь въ одной съ тобою комнатѣ, во время твоей бесѣды, я
E. смотрѣлъ больше на тебя, чѣмъ куда-нибудь въ другую сторону; а еще замѣтнѣе и значительнѣе успѣвалъ, когда сидѣлъ возлѣ тебя и прикасался къ тебѣ. Теперь же, сказалъ онъ, тогдашнее состояніе мое совершенно исчезло. — Такъ вотъ каково наше собесѣдованіе, Ѳеагъ! Если угодно будетъ Богу, то ты очень много и скоро успѣешь; а когда нѣтъ,—не успѣешь. Поэтому, смотри, не безопаснѣе ли для тебя учиться у кого-нибудь изъ тѣхъ, которые сами ручаются за пользу, доставляемую ими людямъ, чѣмъ у меня, который предоставляетъ пользоваться тѣмъ, что случится.

131. *Ѳеагъ.* Мнѣ кажется, Сократъ, что мы должны поступить такъ: бесѣдуя другъ съ другомъ, испытать этого генія. Если онъ позволитъ намъ,—будетъ очень хорошо; а когда нѣтъ,—останется еще время посовѣтоваться, что дѣлать: — искать ли другаго руководителя, или попытаться живущее въ тебѣ божество умилостивить молитвами, жертвами и всѣмъ, чего требуютъ прорицатели.

Дим. Не противорѣчь больше юношѣ, Сократъ; вѣдь Ѳеагъ говоритъ хорошо.

Сокр. Если кажется, что такъ надобно сдѣлать, — сдѣлаемъ.

СОПЕРНИКИ.

СОПЕРНИКИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Діалогъ, находящійся въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій и носящій заглавіе Ἀντερασταί, въ вульгатныхъ кодексахъ надписывается просто Ἐρασταί. Это заглавіе его удерживаетъ и Олимпіодоръ (Vit. Plat. p. 5, ed. Fisch.). Но первая надпись, сохраненная Діогеномъ Лаэрціемъ (II, 57. IX, 37), Θеодоритомъ (p. 672, ed. Sirmond.) и Прокломъ (in Euclid. p. 19), безъ сомнѣнія, вѣрнѣе; потому что здѣсь вводится состязаніе влюбленныхъ соперниковъ.

Это краткое сочиненіе написано языкомъ чистымъ, правильнымъ и изящнымъ; такъ что не представляетъ ни одной фразы, которая была бы недостойна языка Платонова или Ксенофонтова. Но содержаніе его изложено такъ вяло, нестройно и несходно съ діалектикою Платона, что оно никакъ не можетъ быть почитаемо сочиненіемъ подлиннымъ. Поэтому мы, вмѣстѣ съ Беккомъ, Шлейермахеромъ, Астомъ, Зохеромъ, Кнебелліемъ и Штальбомомъ, смѣло относимъ его къ числу сочиненій подложныхъ.

Разговоръ «Соперники» состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной доказывается, что философія не есть пріобрѣтеніе многихъ и разнородныхъ познаній, заимствованныхъ изъ области различныхъ наукъ, а въ другой говорится, что философіи надобно искать въ союзѣ справедливости и разсудительности, такъ какъ этимъ условливается и познаніе, и улучшеніе человѣческой природы на всѣхъ путяхъ ея жизни.

Никоторая изъ этихъ частей не раскрыта такъ, чтобы не оставалось ничего желать: есть въ нихъ мысли, требующія объясненія, — и онѣ не объяснены, онѣ тощи и походятъ на какую-то недоговорку; есть и такія, которыми обезображивается цѣлое,—и хотѣлось бы изгнать ихъ изъ діалога, или замѣнить другими, болѣе приличными. Читая первую часть, невольно припоминаешь взглядъ софистовъ, поставлявшихъ философію въ накопленіи множества разнородныхъ познаній и въ хвастливомъ высказываніи ихъ; а между тѣмъ о софистахъ въ діалогѣ и намека нѣтъ, и Сократова иронія не нашла здѣсь самой богатой для себя матеріи. Возможно ли, чтобы Платонъ ни однимъ словомъ не обличилъ тѣхъ самыхъ хвастуновъ, противъ которыхъ, судя по роду вопросовъ, направляемо было его сочиненіе? Правда, нѣкоторые, основываясь на словахъ Діогена Лаэрція (IX, 37), полагали, что этотъ діалогъ написанъ не противъ софистовъ, а противъ той партіи людей, которая, вмѣстѣ съ представителемъ своимъ, влюбленнымъ музыкантомъ, почитала корифеемъ мудрости Димокрита и поставляла философію въ многознаніи. Но читая самое сочиненіе, мы не находимъ въ немъ никакого повода къ такой догадкѣ, ни одного слова о Димокритѣ или его школѣ. Въ подлинныхъ Платоновыхъ діалогахъ преданность разговаривающихъ лицъ извѣстному философскому началу, или какой нибудь идеѣ, обыкновенно обличается ироніею Сократа; а здѣсь нѣтъ ничего подобнаго. Вторая часть разговора, если будемъ смотрѣть на нее со стороны философской, представится намъ еще слабѣе первой. Въ этой части писатель, чтобы имѣть право почитать философа добрымъ царемъ, добрымъ судьею, добрымъ отцомъ семейства, и во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ человѣкомъ, приписываетъ ему разсудительность и справедливость. Но, во-первыхъ, справедливость, которую онъ понимаетъ какъ добродѣтель, воздающую всякому свое, смѣшивается у него съ судейскимъ дѣломъ, что далеко несогласно съ ученіемъ Платона. Во-вторыхъ, разсудительность, по его мнѣнію, имѣетъ такую силу, что даетъ

намъ возможность познавать не себя только, но и другихъ, и такимъ образомъ помогаетъ намъ судить о нихъ; а это опять несогласно съ Платоновымъ понятіемъ о разсудительности. Самый же очевидный признакъ подложности этого сочиненія состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что писатель его всю философію направляетъ единственно къ матеріальной пользѣ, чего Платонъ не дѣлалъ и тогда еще, когда находился въ школѣ Сократа. О другихъ несогласіяхъ этого діалога съ ученіемъ Платона и духомъ его философіи говорятъ Шлейермахеръ, Астъ и Зохеръ. Принявъ во вниманіе какъ ихъ, такъ и наши замѣчанія, легко понять, почему даже Тразиллъ, критикъ очень снисходительный, пришелъ къ мысли о подложности «Соперниковъ». *Diog. Laert.* IX, 37.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И СОПЕРНИКИ.

132. Вошелъ я въ школу грамматиста Діонисія [1] и увидѣлъ тамъ, повидимому, благовоспитаннѣйшихъ изъ юношей, съ ихъ отцами и любителями [2]. Случилось, что въ то время два мальчика спорили между собою, а о чемъ,—я не довольно разслушалъ: казалось только, будто или объ Анаксагорѣ, или объ Инопидѣ [3]. Они, замѣтно, описывали круги и, разводя руками,
B. старались движеніемъ ихъ выразить какія-то наклоненія [4].

---

[1] У этого Діонисія, по свидѣтельству Діогена Лаэрція (III, 5) и другихъ, учился грамматикѣ и Платонъ. По Олимпіодору, который признавалъ этотъ діалогъ подлиннымъ, Платонъ для того именно и избралъ сценою его школу Діонисіеву, ἵνα μηδὲ Διονύσιος ὁ διδάσκαλος ἄμοιρος εἴη τῆς παρὰ Πλάτωνι μνήμης. Но нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы философъ нашъ оставилъ такой памятникъ своему учителю, — во-первыхъ потому, что этотъ разговоръ слишкомъ коротокъ, во-вторыхъ потому, что имя Діонисія упомянуто въ немъ какбы мимоходомъ, и ничто другое не относится къ его чести. А что Сократъ зашелъ въ его школу, — изъ этого ничего не слѣдуетъ; потому что онъ посѣщалъ разныя мѣста общественныхъ собраній.

[2] Это вступленіе въ разговоръ напоминаетъ о вступленіяхъ Лизиса и Хармида. Можно думать, что первое есть подражаніе послѣднимъ.

[3] Объ Анаксагорѣ, философѣ іонійской школы, ученикѣ Анаксимена и учителѣ Перикла, Эврипида, а по нѣкоторымъ, и Сократа, говоритъ исторія философіи. Есть древнія свидѣтельства и объ Инопидѣ. Діодоръ сицилійскій, Эліанъ, Плутархъ, Секстъ Эмпирикъ, Стобей и другіе называютъ его Хіосцемъ, современникомъ Анаксагора, и говорятъ, что онъ путешествовалъ въ Египетъ, находился тамъ въ сношеніи съ жрецами и астрономами, и вывезъ оттуда множество свѣденій въ геометріи и астрономіи. *Aelian.* Varr. Hist. X, 6. *Procl.* in Eucl. p. 19, 75, 87.

[4] Они разсуждали, то-есть, о предметахъ астрономіи и руками изображали движеніе и наклоненіе небесныхъ тѣлъ, стараясь приблизиться къ воззрѣ-

Тогда я—а мнѣ пришлось сидѣть подлѣ любителя одного изъ нихъ—толкнулъ его локтемъ и спросилъ: о чемъ эти мальчики такъ серьезно разсуждаютъ? Видно, великъ и прекрасенъ предметъ, прибавилъ я, о которомъ идетъ у нихъ такая серьезная бесѣда.—Какой тамъ великій и прекрасный! отвѣчалъ онъ; говорятъ о небесныхъ явленіяхъ и вдаются въ философское пустословіе.—Удивившись его отвѣту, я сказалъ: молодой человѣкъ! развѣ стыдно, кажется тебѣ, философствовать? C.
Иначе зачѣмъ говоришь съ такою досадою?—А другой—соперникъ его въ любви, по случаю, сидѣвшій близко, выслушавъ мой вопросъ и его отвѣтъ, примолвилъ: ты не думаешь о своей пользѣ, Сократъ, когда обращаешься съ вопросами къ такому человѣку, который философію почитаетъ дѣломъ постыднымъ. Неужели не знаешь, что всю свою жизнь провелъ онъ, сгибая шею [1], наполняя брюхо и предаваясь сну. Посему что иное, думаешь, будетъ онъ отвѣчать тебѣ, какъ не то, что D.
философія есть дѣло постыдное?—Этотъ любитель наставленъ былъ въ музыкѣ, а другой, котораго онъ порицалъ,—въ гимнастикѣ [2]. И мнѣ показалось, что другаго, котораго я спра-

---

ніямъ Анаксагора и Инопида. А что это были за наклоненія, видно изъ ученія, приписываемаго Діогеномъ Лаэрціемъ Анаксагору: «звѣзды сначала восходятъ куполообразно, такъ что на высотѣ земли всегда бываетъ видима полярная звѣзда. Потомъ онѣ принимаютъ движеніе наклонное.» Причину этого наклоненія Плутархъ (de plac. Philosoph. II, 8) объясняетъ такъ: «оно бываетъ или *ἐκ τοῦ αὐτομάτου*, или, можетъ быть, *ὑπὸ προνοίας, ἵνα ἃ μέν τινα ἀοίκητα γένηται, ἃ δὲ οἰκητὰ μέρη τοῦ κόσμου κατὰ ψύξιν καὶ ἐκπύρωσιν καὶ εὐκρασίαν.*

[1] *Сгибая шею*—*τραχηλιζόμενος*. Этотъ глаголъ, по всей вѣроятности, имѣлъ употребленіе провербіальное и, кажется, значилъ то же, что у насъ—***гнуть шею,*** то-есть всѣмъ кланяться, у всѣхъ заискивать милости и покровительства. Что это именно значеніе надобно соединять здѣсь съ словомъ *τραχηλιζόμενος*, видно изъ того, что далѣе (р. 134 В) противуполагается ему *ἀτριβῆ τὸν τράχηλον ἔχων*, то-есть человѣкъ, у котораго ***не терта шея***, или, какъ у насъ говорятъ, у кого ***палка въ спинѣ***. Впрочемъ, употребленіе глагола *τραχηλίζεσθαι* объяснили *Cuper*. Obss. II, 12. ***Faber***. Agonist. I, 11.

[2] Указаніе на воспитаніе соперниковъ сдѣлано здѣсь, конечно, не безъ цѣли. Извѣстно, что на музыку и гимнастику Платонъ смотрѣлъ, какъ на искуства противуположныя: музыка, по его мнѣнію, относилась къ образованію души, а гимнастика — къ развитію и укрѣпленію тѣла. De Rep. II, p. 246. Legg. X, p. 795. Prot. p. 326. Поэтому музыканты причислялись къ людямъ

шивалъ, надобно оставить, потому что самъ онъ выдавалъ себя
опытнымъ не въ словѣ, а въ дѣлѣ, и распросить перваго, того,
который бралъ на себя роль человѣка мудрѣйшаго, чтобы, по
E. возможности, получить отъ него пользу. Итакъ, я сказалъ, что
вопросъ предложенъ былъ мною всѣмъ вообще; поэтому, если
ты думаешь отвѣтить лучше, чѣмъ онъ, то я спрашиваю тебя
о томъ же самомъ, о чемъ и его: — кажется ли тебѣ, или нѣтъ,
что философствовать — дѣло прекрасное?

133. Едва только начали мы говорить, мальчики, услышавъ
насъ, замолчали, прекратили свой споръ и стали насъ слу-
шать. Что почувствовали при этомъ влюбленные, — не знаю:
но я былъ пораженъ; потому что молодость и красота всегда
почти [1] поражаютъ меня. Казалось, впрочемъ, что и другой
былъ подъ пытками не меньше моего, и потому весьма почти-
тельно отвѣчалъ мнѣ. — Вѣдь еслибы, Сократъ, говорилъ онъ,
B. и я думалъ, что философствовать стыдно, то не могъ бы на-
звать человѣкомъ ни себя, ни другаго, имѣющаго такое на-
строеніе, указавъ при этомъ на своего соперника и говоря
громко, чтобы слышалъ его любимый имъ мальчикъ. — А я
сказалъ ему: стало-быть, философствовать, по твоему мнѣнію,
— хорошо? — И конечно, отвѣчалъ онъ. — Но что? спросилъ я:
кажется ли тебѣ, что возможно знать, прекрасно или постыд-
C. но какое-нибудь дѣло, не узнавъ напередъ, что такое оно? —
Невозможно, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, ты знаешь, при-
молвилъ я, что значитъ — философствовать? — И очень, отвѣ-
чалъ онъ. — Что же это такое? спросилъ я. — Что иное, какъ
не дѣло, указываемое Солономъ? Вѣдь Солонъ въ одномъ мѣ-
стѣ говоритъ [2]:

Старѣю, многому во всѣ дни научаясь.

мыслящимъ и ученымъ, а гимнастики — къ практикамъ; тѣ — *περὶ λόγων ἔμπειροι*, а эти — *περὶ ἔργων*.

[1] *Всегда почти* — *ἀεί ποτε*. Такое именно значеніе получаютъ эти частицы въ соединеніи. *Eurip.* Heracl. v. 330. *Sophocl.* Aiac. v. 320. *Herodot.* I, 58. VII, 193.

[2] Этотъ стихъ Солона приводится также въ Лахесѣ (p. 188 B) и въ Государствѣ (VII, p. 536 B).

И мнѣ кажется, что намѣревающійся философствовать, — мо-
лодъ ли онъ, или старъ,—всегда долженъ изучать что-нибудь
одно, такъ чтобы знать въ жизни какъ можно болѣе.—Съ пер-
ваго раза я подумалъ, что эти слова нѣчто значатъ, и потому,
нѣсколько поразмысливъ, спросилъ его: не почитаешь ли ты D.
философіи многознаніемъ?—А онъ въ отвѣтъ: и очень.—Но
представляется ли тебѣ, спросилъ я опять, что философія есть
дѣло только прекрасное, или и доброе?—И очень доброе, от-
вѣчалъ онъ.—А въ одной ли философіи усматриваешь эту осо-
бенность, или таковы и другія занятія? Напримѣръ, любовь
къ гимнастикѣ почитаешь ты расположеніемъ нетолько пре-
краснымъ, но и добрымъ, или нѣтъ?—Объ этомъ, сказалъ онъ
очень иронически,—на-двое: для этого пусть будетъ сказано,
говоритъ, что она—ни то ни сё; а для тебя, Сократъ,—почи-
таю ее дѣломъ прекраснымъ и добрымъ.—Но думаешь ли, что
въ гимназіяхъ многотруженичество есть свидѣтельство любви E.
къ гимнастикѣ?—Конечно, отвѣчалъ онъ; равно какъ и въ фи-
лософствованіи многознаніе я почитаю любовью къ мудрости[1].
— Потомъ я сказалъ: кажется ли тебѣ, что любители гимна-
стическихъ упражненій желаютъ чего-нибудь другаго, кромѣ
того, что можетъ улучшать ихъ тѣло?—Этого, отвѣчалъ онъ.
— А правда ли, спросилъ я, что большіе труды улучшаютъ тѣло?
—Да какъ же небольшими-то трудами могъ бы кто улучшить 134.
его?—Тутъ мнѣ показалось, что любитель гимнастическихъ
упражненій возбужденъ уже помогать мнѣ своею опытностію
въ гимнастикѣ. Поэтому я спросилъ другаго: а ты-то чтоже мол-
чишь у насъ, почтеннѣйшій, когда онъ говоритъ это? Не кажет-
ся ли и тебѣ, что люди улучшаютъ свои тѣла скорѣе большими
трудами, чѣмъ умѣренными?—Я думалъ, Сократъ, какъ вооб-
ще говорятъ объ этомъ, отвѣчалъ онъ, и теперь знаю, что

---

[1] Сократъ сравниваетъ *φιλοσοφίαν* и *φιλογυμναστίαν*; потому что какъ первой свойственна *πολυμάθεια*, такъ послѣдней—*πολυπονία*. Но потомъ онъ доказываетъ, что *πολυπονία*, которую почитаютъ средствомъ для укрѣпленія тѣла, въ самомъ дѣлѣ не полезна тѣлу: а потому и *πολυμάθεια*, говоритъ, не полезна философіи.

B улучшаютъ тѣло труды умѣренные [1]; а почему?—вотъ тебѣ
человѣкъ, отъ заботъ незнающій ни сна, ни пищи, ни гибко-
сти въ шеѣ, ни полноты въ тѣлѣ.—Когда онъ сказалъ это,—
мальчики выразили удовольствіе и засмѣялись, а тотъ покрас-
нѣлъ.—Потомъ я сказалъ: что? ты уже соглашаешься, что
и не большіе и не малые труды улучшаютъ человѣческое тѣло,
а умѣренные? Неужели хочешь пустить свое слово въ борь-
C. бу съ нами двумя?—А онъ въ отвѣтъ: побороться съ этимъ
мнѣ было бы пріятно, и я знаю, что могъ бы помочь сказан-
ному мною положенію, хотя бы даже предложилъ я другое, еще
слабѣе теперешняго; это ничего не значитъ: но съ тобою спо-
рить противъ убѣжденія не имѣю надобности, и соглашаюсь,
что благосостояніе человѣческому тѣлу доставляютъ труды не
большіе, а умѣренные.—А что пища? спросилъ я: когда она—
D. вмѣру, или когда ея много?—Согласился и касательно пищи.
Потомъ я заставлялъ его согласиться и во всемъ прочемъ
относительно тѣла, что, то-есть, полезнѣе ему умѣренное, а
не большое и не малое,—и онъ призналъ умѣренное. Что же
теперь касательно души? спросилъ я: умѣренное ли полезно
ей въ вещахъ предлагаемыхъ, или неумѣренное?—Умѣрен-
ное, отвѣчалъ онъ.—Но одно изъ вещей, предлагаемыхъ ду-
шѣ, не суть ли науки?—Согласился.—Стало-быть, и въ нау-
E. кахъ полезно умѣренное, а не многое?—Подтвердилъ.—Но
кого спрашивая, спросили бы мы справедливо объ умѣрен-
ныхъ трудахъ и объ умѣренной пищѣ относительно тѣла?—
Мы согласились всѣ трое, что врача и педотрива.—Кого опять
о посѣвѣ сѣмянъ,—сколько ихъ нужно вмѣру?—И тутъ согла-
сились, что земледѣльца.—Но о засажденіи души науками и
о засѣваніи ея, кого спрашивая, спросили бы мы справедливо,
—сколько и какихъ будетъ вмѣру?—Тутъ уже всѣ мы пришли
135. въ затрудненіе.—И вотъ я, шутя, спросилъ ихъ: хотите ли,—

---

[1] Это мнѣніе взято, кажется, у Иппократа, который, разсуждая о народныхъ болѣзняхъ (§ 6), говоритъ такъ: *πόνοι, σιτία, ποτά, ὕπνος, ἀφροδίσια, πάντα μέτρια.* И это мнѣніе было, повидимому, очень распространено, какъ показываетъ прибавленная здѣсь формула: *τὸ λεγόμενον δὴ τοῦτο.*

такъ какъ мы теперь въ недоумѣніи,—спросимъ этихъ мальчиковъ? Или, можетъ быть, намъ стыдно, какъ тѣмъ женихамъ, которые, по словамъ Омира[1], не соглашались, чтобы кто другой натянулъ имъ лукъ.

Видя, что они моимъ вопросомъ приведены въ отчаяніе, я попытался разсмотрѣть его иначе и сказалъ: какія особенно предполагаемъ мы науки, которыя долженъ изучать человѣкъ философствующій, если ему нужны не всѣ и не многія?— На этотъ вопросъ мудрѣйшій отвѣчалъ: прекрасно было бы и прилично знать тѣ науки, съ которыми можно бы внесть въ B. философію больше славы. Философія украшалась бы величайшею славою, еслибы казалась опытною во всѣхъ наукахъ, а не то,—по крайней мѣрѣ въ весьма многихъ и особенно важнѣйшихъ, изучая въ нихъ то, что изучать прилично людямъ свободнымъ, то-есть все, относящееся къ мыслящей силѣ, а не къ ручной работѣ[2].—Такъ ли ты разумѣешь это, какъ бываетъ въ дѣлѣ строительномъ? Тамъ отличнаго плотника можно нанять за пять или за шесть минъ: а архитектора не наймешь и за десять тысячь драхмъ; ихъ немного во всей C. Элладѣ. Не такое ли нѣчто говоришь ты? — Выслушавъ меня, онъ согласился, что и самъ такъ думаетъ. — Потомъ я спросилъ его: не невозможное ли дѣло — одному и тому же человѣку изучить даже только двѣ науки, не говоря уже о многихъ и важнѣйшихъ? — Но ты не такъ понимай меня, Сократъ, примолвилъ онъ, какбы я говорилъ, что философствующему надобно владѣть каждою наукою, такъ чтобы, то-есть, въ извѣстной наукѣ былъ онъ мастеръ, но лишь сколь- D.

---

[1] См. Odyss. XXI, v. 285 sqq.

[2] Говорящій это имѣетъ въ виду различіе искуствъ благородныхъ и низкихъ и колетъ своего соперника, полагающаго достоинство человѣка въ силѣ рукъ и въ ремесленническихъ упражненіяхъ. Подъ искуствами благородными здѣсь разумѣются тѣ, которыми развивается разсудокъ и пріобрѣтается способность мыслить и говорить обо всемъ. Впрочемъ, это видно и изъ слѣдующаго далѣе примѣра τῶν τεκτόνων и τοῦ ἀρχιτέκτονος: строители, или плотники, какъ ремесленники, сравнительно съ архитекторомъ, котораго цѣль состоитъ въ сообразительности и развитіи идеи, бываютъ дешевы.

ко прилично человѣку свободному и образованному, чтобы, слѣдуя за рѣчью мастера больше другихъ, могъ онъ присоединить и собственную мысль, и такимъ образомъ казался пріятнѣе и мудрѣе въ сравненіи съ тѣми, которые всегда присутствуютъ [1] при разсужденіяхъ и дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ извѣстнымъ наукамъ.—А я, такъ какъ все еще недоумѣвалъ, что хотѣлось ему выразить, сказалъ: Понимаю ли я, что ра-
E. зумѣешь ты подъ именемъ философа? Мнѣ кажется, ты говоришь, каковы на поприщѣ пентатлы [2] въ сравненіи съ скороходами и борцами: тѣ хотя и отстаютъ [3] отъ этихъ въ обычныхъ имъ подвигахъ, и сравнительно съ ними занимаютъ вторую степень; за то первенствуютъ предъ прочими подвижниками и побѣждаютъ ихъ. Можетъ быть, такое что-нибудь, по твоему мнѣнію, дѣлаетъ и философствованіе въ тѣхъ людяхъ, которые преданы ему. Относительно разумѣнія,—
136. они въ наукахъ отстаютъ отъ первыхъ, но занимая второе мѣсто, одолѣваютъ другихъ: такъ что человѣкъ философствующій бываетъ по всему подвысшимъ [4]. Повидимому, на та-

---

[1] *Присутствуютъ*, *τῶν παρόντων*, — указывается на силы исполнительныя или рабочія.

[2] Собесѣдникъ Сократа подъ именемъ философа хочетъ понимать, очевидно, энциклопедиста, который знаетъ всѣ науки, не изучая ни одной до точности. Замѣтивъ это, Сократъ представляемаго имъ философа сравниваетъ съ пентатломъ, разсматриваемымъ относительно къ скороходамъ и борцамъ. А пентатломъ древніе Греки провозглашали такого подвижника на публичныхъ гимнастическихъ играхъ, который одерживалъ побѣду, или получилъ вѣнокъ во всѣхъ пяти родахъ принятыхъ тогда состязаній тѣлесной силы. Эти состязанія были: бѣганье, скаканье, бросанье диска (круглаго каменнаго кружка), метанье копья, борьба. Симонидъ (Ἀνθολ. l. 1, c. 1) всѣ эти роды гимнастическихъ подвиговъ высказалъ въ слѣдующемъ стихѣ:

Ἅλμα, ποδωκείην, δίσκον, ἄκοντα, πάλην.

А Евстаѳій поставляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: *ἅλμα, πάλην, δίσκευμα, ἀκόντιον καὶ δρόμον.*

[3] Это мѣсто имѣлъ, кажется, въ виду Лонгинъ (De sublim. sect. 3, 4), сравнивая Иперида съ Димосѳеномъ: *ἔστι γὰρ αὐτοῦ* (Иперидъ) *πολυφωνότερος καὶ πλείους ἀρετὰς ἔχων καὶ σχεδὸν ὕπακρος ἐν πᾶσιν, ὡς ὁ πένταθλος, ὥστε τῶν μὲν πρωτείων ἐν ἅπασι τῶν ἄλλων ἀγωνιστῶν λείπεσθαι, πρωτεύειν δὲ τῶν ἰδιωτῶν.*

[4] *Подвысшимъ*—*ὕπακρόν τινα*, который, то-есть, уступаетъ только первому, или спеціалисту въ извѣстной наукѣ, и потому удерживаетъ за собою *τὰ δευτερεῖα*. Это слово, сколько можемъ помнить, у Платона нигдѣ не встрѣчается.

кое нѣчто указываешь ты. — А вѣдь хорошо, кажется мнѣ,
Сократъ, составилъ ты понятіе о философѣ, уподобивъ его
пентатлу [1]. Онъ въ самомъ дѣлѣ таковъ, что не порабощает-
ся никакому дѣлу и ни надъ чѣмъ не трудится до точности;
такъ что этимъ однимъ хотя и отстаетъ отъ занятія всѣхъ
другихъ, каковы, напримѣръ, мастера, однакожъ вмѣру всего B.
касается.

Послѣ этого отвѣта, я, желая ясно узнать, что онъ гово-
ритъ, спросилъ его: людей добрыхъ полезными ли почитаетъ
онъ, или безполезными [2]?—Конечно полезными, Сократъ, от-
вѣчалъ онъ.—Но правда ли, что если добрые полезны, то злые
безполезны?—Согласился.—Что жъ? философовъ полезными
ли почитаешь ты, или нѣтъ?—Онъ призналъ ихъ полезными;
и даже весьма полезными, говоритъ, почитаю ихъ. — Давай C.
же разузнаемъ, правду ли ты говоришь. Къ чему, намъ полез-
ны эти подвысшіе? Вѣдь явно, что философъ хуже каждаго изъ
лицъ, владѣющихъ наукою.—Согласился.—Положимъ, сказалъ
я, что либо самому тебѣ, либо кому изъ друзей твоихъ, о ко-
торыхъ имѣешь ты особенное попеченіе, случилось бы захво-
рать: желая возстановить здоровье, того ли высокаго филосо-
фа привелъ бы ты въ свой домъ, или взялъ бы врача?—Того
и другаго, отвѣчалъ онъ. — Не говори мнѣ: того и другаго,
примолвилъ я, но—кого особенно и прежде.—Въ томъ-то ни-
кто не будетъ сомнѣваться, что особенно и прежде—врача.— D.

---

[1] Древность многихъ ученыхъ людей называла пентатлами, когда видѣла, что они имѣютъ много свѣденій во всѣхъ родахъ наукъ. Такъ Діогенъ Лаэрцій (IV, 37) говоритъ о Димокритѣ: *ἦν γὰρ ὡς ἀληθῶς ἐν φιλοσοφίᾳ πένταθλος, ἤσκετο γὰρ τὰ φυσικὰ καὶ τὰ ἠθικά, ἀλλὰ καὶ τὰ μαθηματικὰ καὶ τοὺς ἐγκυκλίους λόγους, καὶ περὶ τεχνῶν πασῶν εἶχεν ἐμπειρίαν.* По той же причинѣ и Эратосѳенъ киринейскій прозванъ былъ *Βῆτα καὶ πένταθλος*, потому что *τὸ δευτερεύειν ἐν παντὶ εἴδει παιδίας τοῖς ἄκροις ἐγγίσατο.* См. *Svid.* h. v. *Plat.* Hipp. min. p. 368 sqq. Hipp. maj.

[2] Когда собесѣдникъ Сократа опредѣлилъ философію такъ, что поставилъ ее въ обладаніи многими познаніями по всѣмъ наукамъ; тогда Сократъ начинаетъ доказывать, что *ὕπακρος ἀνὴρ* имѣетъ меньше значенія сравнительно съ спеціалистами по каждой наукѣ, и что, слѣдовательно, пока спеціалисты есть,—философы безполезны. Такимъ образомъ прежнія положенія собесѣдника оказываются опровергнутыми.

А что? на застигнутомъ бурею кораблѣ кормчему ли ввѣрилъ бы ты себя и свое, или философу?—Кормчему.—Не такъ ли и во всемъ прочемъ,—пока есть какой-нибудь мастеръ,—фило-
E. софъ безполезенъ? — Явно, сказалъ онъ. — Такъ нуженъ ли намъ теперь философъ? Вѣдь у насъ есть мастера, и мы согласились, что добрые полезны, а злые безполезны.—Принужденъ былъ согласиться.—Что же? спрашивать ли тебя о томъ, что отсюда слѣдуетъ[1]? Нельзя ли предложить вопросъ погрубѣе?—Спрашивай, о чемъ хочешь. — Не ищу ничего, кромѣ соглашенія высказанныхъ положеній, примолвилъ я. Бесѣда шла
137. такъ: мы согласились, что философія—дѣло прекрасное[2], что философы добры, и что добрые полезны, а злые безполезны. Потомъ опять согласились, что философы, пока есть мастера, безполезны; а мастера всегда есть. Не дано ли на это согласіе?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Стало-быть, мы, какъ видно, согласились, по крайней мѣрѣ на твоемъ основаніи, что если философствовать значитъ быть знатокомъ наукъ по тому способу, о какомъ ты говоришь; то философы, пока между людьми есть науки[3], также злы (и безполезны[4]). Но какъ бы не на-

---

[1] *Что же? спрашивать ли тебя о томъ, что отсюда слѣдуетъ?* Греческій текстъ читается такъ: τί οὖν μετὰ τοῦτο ἔρωμαί σε; то-есть, *о чемъ послѣ этого спросить тебя?* Но такой вопросъ представляется крайне нелѣпымъ. Какъ будто бы, то-есть, Сократъ недоумѣвалъ, о чемъ бы еще говорить, тогда какъ изъ вышесказаннаго явно слѣдовало, что философы нетолько безполезны, но и злы; и выводъ этого слѣдствія могъ казаться дѣйствительно грубымъ или жесткимъ. Посему Стефанъ, мнѣ кажется, справедливо догадывается, что приведенный текстъ надобно читать такъ: τί οὖν; τὸ μετὰ τοῦτο ἔρωμαί σε; формула τὸ μετὰ τοῦτο въ такомъ смыслѣ употребляется и у Платона, Criton. p. 49 E. Euthyphr. p. 12 D. При этомъ изъясненіи, понятенъ будетъ и тонъ дальнѣйшей рѣчи: *не ищу ничего, кромѣ соглашенія высказанныхъ положеній.*

[2] Послѣ словъ: *философія — дѣло прекрасное*, слѣдуетъ по-гречески: καὶ αὐτοὶ φιλόσοφοι εἶναι. Но это — явная вставка, даже искажающая конструкцію. Посему эти слова надобно почитать глоссемою. Здѣсь дѣлается указаніе на стр. 133 D.

[3] *Пока между людьми есть науки*, ἕως ἂν ἐν ἀνθρώποις τέχναι ὦσιν. Гевзде правильно замѣчаетъ, что здѣсь, вмѣсто τέχναι, надобно читать τεχνῖται; потому что безполезность философовъ доказывается существованіемъ не наукъ, а старшинъ, большаковъ или мастеровъ въ наукахъ.

[4] *И безполезны*—καὶ ἀχρήστους. Это слово здѣсь мнѣ кажется вовсе излиш-

шлось, что они не таковы другъ мой, и не открылось, что фи- B.
лософствовать значитъ не то, что заниматься науками и, развлекаясь пытливостію, проводить жизнь въ корпѣньи и многознаніи, а нѣчто другое. Вѣдь мнѣ думалось, что люди, занимающіеся науками, составляютъ ненавистный классъ чернорабочихъ.

Мы яснѣе узнаемъ, правду ли я говорю, если ты отвѣтишь на слѣдующій вопросъ: кто умѣетъ правильно наказывать лошадей? тѣ ли, которые дѣлаютъ ихъ лучшими, или иные?—
Которые дѣлаютъ лучшими.—Ну а собакъ—не улучшающіе ли C.
ихъ умѣютъ правильно и наказывать?—Да.—Стало-быть,—та же наука какъ дѣлаетъ лучшими, такъ и правильно наказываетъ?—Полагаю, сказалъ онъ.—Что еще? та ли наука, которая дѣлаетъ лучшими и правильно наказываетъ,—эта ли самая различаетъ добрыхъ и худыхъ, или иная?—Эта самая, сказалъ онъ.—Но захочешь ли то же принять и относительно лю-
дей? Та ли наука, которая дѣлаетъ ихъ лучшими, эта ли са- D.
мая и правильно наказываетъ и различаетъ добрыхъ отъ худыхъ?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—И которая одного, та и многихъ, а которая многихъ, та и одного?—Да.—То же ли въ отношеніи къ лошадямъ и ко всѣмъ другимъ животнымъ?—Полагаю.—Какое же есть знаніе, правильно наказывающее въ городахъ людей развратныхъ и беззаконныхъ? не судебное ли?—Да.—А инымъ ли какимъ называешь и справедливость [1], или этимъ?—Не инымъ, а этимъ.—Но которымъ правильно
наказываютъ, не тѣмъ же ли узнаютъ, кто добръ и кто золъ?— E.
Тѣмъ.—И кто знаетъ одного, тотъ узнаетъ и многихъ?—Да. —А кто не знаетъ многихъ, тотъ не узнаетъ и одного?—Полагаю.—Поэтому, если лошадь не знаетъ добрыхъ и худыхъ

нимъ, какъ ни къ чему неслужащее повтореніе того, что сказано передъ этимъ: *τοὺς φιλοσόφους ὡμολογήσαμεν, ἕως ἂν δημιουργοὶ ὦσιν, ἀχρήστους εἶναι.*

[1] Писатель здѣсь смѣшиваетъ науку судопроизводства съ справедливостью. Платонъ въ Горгіасѣ говоритъ нетакъ. Наука судопроизводства опредѣляется формою законовъ; а справедливость имѣетъ въ виду самое существо ихъ и, основываясь на идеѣ истины и добра, стоитъ выше всякаго положительнаго закона.

лошадей, то не знаетъ и себя, какова она?—Полагаю.—И если быкъ не знаетъ худыхъ и добрыхъ быковъ, то не знаетъ и себя, каковъ онъ [1]?—Да, сказалъ онъ.—То же, если и собака?—Согласился.—Что же, когда человѣкъ какой не знаетъ
138. добрыхъ и злыхъ людей, неужели не знаетъ и себя, добръ ли онъ, или золъ, такъ какъ и самъ человѣкъ?—Уступилъ.— А не знать себя — разсудительнымъ ли значитъ быть, или неразсудительнымъ? — Неразсудительнымъ.—Слѣдовательно, знать самого себя—значитъ быть разсудительнымъ [2]?—Полагаю, сказалъ онъ.—Это-то, видно, предписываетъ и дельфійская надпись, когда внушаетъ разсудительность и справедливость?—Вѣроятно.—Ею же умѣемъ мы и правильно наказывать [3]?—Полагаю.—Но то, чѣмъ умѣемъ мы правильно
B. наказывать, не есть ли справедливость, а то, чѣмъ различаемъ себя и другихъ, не есть ли разсудительность?—Вѣроятно, сказалъ онъ.—Стало-быть, справедливость и разсудительность— одно и то же.—Видимо.—Да вѣдь такъ-то и города благоденствуютъ, когда люди, поступающіе несправедливо, бываютъ наказываемы.—Ты правду говоришь, примолвилъ онъ.—Стало-быть, и политика — то же самое.—Подтвердилъ.—Что же? когда правильно устрояется городъ однимъ человѣкомъ,—имя

---

[1] Нетрудно ни для кого замѣтить, какъ нелѣпо приводятся эти примѣры. У Платона, если берутся они и изъ низшей области предметовъ, то всегда какъ-то кстати, и приводятся со вкусомъ.

[2] Это самое опредѣленіе разсудительности читается въ Хармидѣ (р. 164 D. E) и въ Алкивіадѣ I-мъ (р. 124 A); писатель, вѣроятно, имѣлъ въ виду эти мѣста.

[3] Этими словами начинается доказательство того, что для философа πολυμαθεία ненужна, а требуется только σωφροσύνη и δικαιοσύνη. Есть наука наказывать людей и дѣлать ихъ лучшими, говоритъ Сократъ, и эта наука называется *справедливостью.* Но справедливость должна соединяться съ познаніемъ себя и другихъ; а это познаніе себя есть *разсудительность;* слѣдовательно, разсудительность и справедливость — одно и то же. Потомъ, справедливость состоитъ въ сохраненіи правды при управленіи обществомъ и домомъ; а наука управлять обществомъ есть *политика*, наука же управлять домомъ называется *экономикою;* слѣдовательно, справедливость, политика и экономика опять— одно и то же. Но такъ какъ во всемъ этомъ философъ занимаетъ не второе, а первое мѣсто, то философія должна состоять не въ пріобрѣтеніи многоразличныхъ познаній, а только въ справедливости и разсудительности.

ему не тираннъ ли и царь?—Полагаю.—И не царскою ли и ти-
ранскою наукою устрояетъ онъ?—Такъ.—Стало-быть, эти на-
уки однѣ и тѣ же съ прежними?—Видимо.—Что же? когда одинъ C.
человѣкъ правильно устрояетъ домъ,—какое имя ему,—не до-
моправитель ли и господинъ?—Да.—Справедливостью ли так-
же и онъ благоустрояетъ домъ, или иною какою наукою?—
Справедливостью.—Стало-быть, царь, тираннъ, политикъ, до-
моправитель, господинъ, человѣкъ разсудительный, справед-
ливый, какъ видно,—одно и то же; и наука царская, тиранни-
ческая, политическая, властительная, домоправительная, спра-
ведливость, разсудительность—наука одна.—Явно, что такъ,
сказалъ онъ.—А не стыдно ли философу, когда врачь говоритъ D.
о больныхъ, не имѣть силы ни слѣдовать за нимъ, ни прини-
мать участіе въ словахъ и дѣлахъ его, равно какъ и всякаго
другаго мастера? Такимъ же образомъ, когда говоритъ судья,
царь, или другой кто изъ тѣхъ, о которыхъ недавно разсуж-
дали, не стыдно ли ему не мочь ни слѣдовать за ихъ рѣчами,
ни привносить собственное слово о предметахъ ихъ бесѣды?—
Какъ не стыдно, Сократъ, о такихъ-то важныхъ дѣлахъ не
умѣть ничего промолвить съ своей стороны?—Такъ неужели
и тутъ скажемъ мы, говорилъ я, что философъ долженъ быть E.
пентатломъ, лицомъ подвысшимъ, и занимая между всѣми вто-
рое мѣсто, въ то же время оставаться безполезнымъ, пока есть
кто-нибудь изъ тѣхъ? Во-первыхъ, онъ не можетъ ввѣрять свой
домъ другому и имѣть въ немъ второе мѣсто; но надобно на-
казать его, чтобы онъ судилъ правильно, и тогда только домъ
его будетъ хорошо управляемъ.—Онъ уступилъ мнѣ.—А если
потомъ-то уже и друзья станутъ ввѣрять ему ходатайство [1],
и городъ велитъ разбирать общественныя дѣла либо судить; то 239.

---

[1] У Аѳинянъ было два рода ходатаевъ по дѣламъ, или адвокатовъ: одни избираемы были жребіями публично на годъ и потому ихъ называли *κληρωτοὺς διαιτητάς*; а другіе, о которыхъ здѣсь говорится, были *κατ' ἐπιτροπὴν διαιτηταί*. Къ этимъ обращались люди частные и ввѣряли веденіе тяжебныхъ своихъ дѣлъ. О тѣхъ и другихъ подробнѣе говоритъ *Буддей* Comment. in lingv. Gr. p. 150. Этотъ же вопросъ хорошо раскрытъ въ книгѣ *Гутвалькера* über die öfentlichen u. Privatschiedsrichter in Athen.

въ этомъ случаѣ, другъ мой, стыдно ему являться вторымъ или третьимъ, и не занимать перваго мѣста. — Мнѣ кажется.—Стало-быть, далеко намъ до того, почтеннѣйшій, чтобы философствованіе поставлять въ многознаніи и занятіяхъ науками.

Когда я сказалъ это,—тотъ мудрецъ, пристыженный вышесказанными разсужденіями, замолчалъ; а этотъ, неученый, подтвердилъ мои слова. Прочіе же похвалили все, что было говорено.

ИППАРХЪ.

ИППАРХЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

О содержаніи Иппарха мы по мѣстамъ дѣлали свои замѣчанія подъ чертою переведеннаго нами текста; стало-быть, здѣсь нѣтъ надобности много говорить о немъ. Не считаемъ также нужнымъ входить въ длинныя изслѣдованія относительно достовѣрности и важности этой книги; довольно уже и того, что сказано нами по поводу разсмотрѣнія греческаго ея подлинника. А кто пожелаетъ бо́льшихъ подробностей, тотъ можетъ найти ихъ въ разсужденіяхъ Волькенара (De Fragm. Callimachi p. 22; ad Herodot. p. 398 ed. Wessel. Diatrib. in Eurip. Fragm. p. 291), Вольфія (Prolegg. ad Homer. p. CXIV sq.), Бекка (in Min. et Legg. p. 34 sqq.), Аста (De vita et scriptis Plat. p. 497), Зохера (de scriptis Plat. p. 122 sq.). Всѣ эти критики согласны въ томъ, что Иппархъ и по своей формѣ, и по господствующему въ немъ образу изложенія мыслей, никакъ не можетъ быть приписанъ Платону; что ни предметъ его недостоинъ имени этого философа, ни въ методѣ раскрытія понятій нѣтъ ничего ему свойственнаго. Беккъ (in Minoem et Legg. p. 43 sqq.), основываясь на словахъ Діогена Лаэрція (II, 122 sqq.), старался доказать, что этотъ разговоръ, вмѣстѣ съ Миносомъ и сочиненіями о праведникѣ и добродѣтели надобно приписывать Симону Сократику. Но все еще можно сомнѣваться, дѣйствительно ли Симонъ былъ писателемъ Иппарха; кажется, всего легче придти къ убѣж

денію, что Иппархъ написанъ какимъ-то ремесленникомъ, неполучившимъ изящнаго научнаго образованія. Правда, въ языкѣ этого разговора нѣтъ ничего, чуждаго современной Платону письменности; но сочетаніе мыслей въ немъ такъ неестественно и нелѣпо, исчисленіе примѣровъ по мѣстамъ такъ скучно и сухо, заключенія выводятся такъ изысканно и принужденно, что не могъ, кажется, столь худо изложить его нетолько Платонъ, но и никакой другой, порядочно образованный Аѳинянинъ. Это сочиненіе написано, по всей вѣроятности, кѣмъ-нибудь въ школахъ риторовъ послѣдующаго времени, которыя, какъ извѣстно, породили много подобныхъ образцовъ учености.

Самая идея этого діалога противорѣчитъ характеру и направленію Платоновой философіи. Очеркъ ея можно сдѣлать немногими словами. Всякая корысть, говоритъ писатель Иппарха, есть добро для того, кто ее желаетъ; поэтому любить корысть не болѣе преступно, какъ и любить добро. Корысть любятъ всѣ люди, добры ли они, или злы. Надобно только знать, что то, что составляетъ корысть или добро, не есть та или другая внѣшняя видимость, но есть внутренняя и реальная цѣнность вещи. Этого-то реальнаго значенія ея мудрецъ никогда не теряетъ изъ виду. Итакъ, надобно прояснять и направлять корыстолюбіе, а не изгонять его.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И ДРУГЪ.

Сокр. Что такое—корыстолюбіе? Что оно? и кто корыстолюбцы [1]? 225.

Др. Мнѣ кажется, это тѣ, которые домогаются получить корысть отъ вещей ничего нестоющихъ [2].

Сокр. Но знаютъ ли они, по твоему мнѣнію, что эти вещи ничего не стоютъ, или не знаютъ? Если не знаютъ, то корыстолюбцевъ ты называешь несмысленными.

Др. Нѣтъ, не несмысленными я называю ихъ, а лукавыми и людьми дурными, преданными корысти: они знаютъ, что B.
тѣ вещи ничего не стоютъ, въ которыхъ дерзаютъ находить пищу своему корыстолюбію, и однакожъ, по безстыдству, всетаки осмѣливаются питать его.

Сокр. Но не такимъ ли почитаешь ты корыстолюбца, ка-

---

[1] Самое начало этого діалога показываетъ его подложность, какъ замѣтилъ это еще *Valkenar.* ad Callimach. Fragm. p. 32. Правда, и Платонъ иногда вводитъ своихъ читателей какбы прямо въ средину рѣчи: но у него это бываетъ иначе; стоитъ только сравнить, напримѣръ, вступленіе Кратила и Филеба. Притомъ, начальная фраза Иппарха: Tί γάρ τὸ φιλοκερδές — вовсе не платоническая. Кчему здѣсь это *γάρ?* Посему Беккъ (Præfat. ad. Simonis Socratici Dialogos p. XXVII) хотѣлъ читать этотъ текстъ такъ: Tί γαρ; τὸ φιλοκερδὲς τί ποτέ ἐστι, καὶ τίνες οἱ φιλοκερδεῖς; чрезъ это вступительная рѣчь представляется, конечно, не такъ странною.

[2] Опредѣленіе корыстолюбія слишкомъ странное и дѣтски наивное. Писатель при этомъ, кажется, имѣлъ въ виду только игру словъ: οἱ κερδαίνειν ἀξιῶσιν ἀπὸ τῶν μηδενὸς ἀξίων, и предпосланіе такого положенія, которое своею неопредѣленностію давало бы поводъ къ противорѣчущимъ заключеніямъ.

ковъ бываетъ земледѣлецъ, когда, сажая растеніе, хотя и знаетъ, что оно ничего не стоитъ, однакожъ выращаетъ его, чтобы получить корысть? Не такимъ ли почитаешь его?

Др. Корыстолюбецъ-то думаетъ, Сократъ, что надобно отъ всего получать пользу.

C. *Сокр*. Ты отвѣчай мнѣ внимательно а не такъ легкомысленно, будто обиженный кѣмъ-нибудь [1]. Я спрашиваю тебя какбы опять сначала. Не согласишься ли ты, что корыстолюбецъ есть знатокъ въ достоинствѣ того, чѣмъ желаетъ онъ корыстоваться?

Др. Согласенъ.

Сокр. А кто знатокъ въ достоинствѣ растеній и въ томъ, когда и въ какой почвѣ слѣдуетъ сажать ихъ? Давай-ка, и мы привнесемъ нѣсколько умныхъ словъ, какими люди, способные въ дѣлопроизводствѣ, украшаютъ свои рѣчи.

D. *Др*. Я думаю, земледѣлецъ.

Сокр. Но желать корыстоваться — не значитъ ли, по твоему, думать, что надобно корыстоваться?

Др. По моему, это.

Сокр. Такъ ты, — человѣкъ такой молодой, не берись об-
226. манывать меня, старика [2], давая мнѣ, какъ сейчасъ, такой отвѣтъ, какого нѣтъ въ твоей головѣ, но скажи правду [3]: точно ли есть, думаешь, какой-нибудь земледѣлецъ, который зна-

---

[1] Явно, что такой тонъ рѣчи нисколько несвойственъ Сократу. Собесѣдникъ его, какъ видно изъ предшествующихъ отвѣтовъ, и не думалъ сердиться или обижаться чѣмъ-нибудь, а только настаивалъ на объявленномъ своемъ мнѣніи съ надлежащею скромностью, такъ какъ оно не было еще достаточно опровергнуто Сократомъ. Напротивъ, Сократъ досадуетъ, что онъ не вдругъ соглашается съ его словами, и относится къ нему съ какими-то вовсе неприличными выраженіями педанта-наставника, что никакъ не въ тонѣ и характерѣ истиннаго Сократа.

[2] Этотъ оборотъ есть явное подражаніе словамъ Сократа въ Менонѣ p. 76 A. 81 E.

[3] Прежде, то-есть, собесѣдникъ утверждалъ, что корыстолюбцы хотятъ корыстоваться отъ вещей ничего нестоющихъ, а теперь полагаетъ, что вещамъ, которыми корыстуются, они приписываютъ нѣкоторую цѣнность. Въ этомъ-то Сократъ замѣчаетъ хитрость или неискренность своего собесѣдника. Но какъ это неловко, неестественно, несократически!

етъ, что сажаемое имъ ничего не стоитъ, и однакожъ предполагаетъ отъ него корыстоваться?

Др. Клянусь Зевсомъ, не думаю.

Сокр. Что же? берейторъ, зная, что лошади даетъ онъ кормъ ничего нестоющій, не знаетъ, думаешь, что портитъ лошадь?

Др. Не думаю.

Сокр. Стало-быть, онъ не полагаетъ уже и корыстоваться отъ этого ничего нестоющаго корма. B.

Др. Нѣтъ.

Сокр. Что же? кораблеводитель, приготовившій для корабля ничего нестоющіе паруса и рули, не знаетъ, думаешь, что онъ потерпитъ вредъ и подвергнется опасности — какъ самъ погибнуть, такъ и корабль погубить, и все, что везетъ?

Др. Не думаю.

Сокр. Стало-быть, онъ не предполагаетъ же корыстоваться отъ ничего нестоющей снасти.

Др. Конечно нѣтъ. C.

Сокр. А военачальникъ, зная, что войско у него снабжено ничего нестоющимъ оружіемъ, думаетъ и желаетъ корыстоваться отъ этого?

Др. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Но флейщикъ, у котораго ничего не стоютъ флейты, или цитристъ, у котораго такова лира, или стрѣлокъ, у котораго таковъ лукъ, или вообще какой-бы ни былъ мастеръ, либо иной благоразумный человѣкъ, имѣющій у себя ничего нестоющія орудія, или какіе другіе снаряды, думаетъ ли отъ нихъ корыстоваться?

Др. Ужъ явно, что нѣтъ. D.

Сокр. Кого же называешь ты корыстолюбцами? — Вѣдь ужъ конечно, не тѣхъ же, которыхъ мы перечислили, которые, то-есть, зная, что вещи у него ничего не стоютъ, думаютъ, что надо отъ нихъ корыстоваться. Такимъ-то образомъ, почтеннѣйшій, какъ ты говоришь, между людьми никто не корыстолюбивъ.

Др. Но корыстолюбивыми, Сократъ, я хочу называть тѣхъ, которые, по ненасытности, всегда чрезвычайно жадничаютъ и корыстуются даже маловажнымъ, мало или ничего нестоющимъ [1].

E. *Сокр*. Вѣроятно, не зная, почтеннѣйшій, что это ничего не стоитъ; потому что иначе — въ невозможности этого убѣдило насъ наше же разсужденіе.

Др. Мнѣ кажется.

Сокр. А если не зная, то явно, что безъ сознанія думаютъ они, будто ничего нестоющее стоитъ много.

Др. Явно.

Сокр. Корыстолюбивые-то иное ли что любятъ, какъ не корысть?

Др. Да, не иное.

Сокр. А корысть называешь ты противуположнымъ убытку?

Др. Да.

227. *Сокр*. Такъ теперь убытокъ добро ли кому-нибудь?

Др. Никому.

Сокр. Напротивъ—зло?

Др. Да.

Сокр. Стало-быть, отъ убытка люди терпятъ вредъ?

Др. Терпятъ вредъ.

Сокр. Слѣдовательно, убытокъ—зло.

Др. Да.

Сокр. А корысть противуположна убытку.

---

[1] Это—второе опредѣленіе корыстолюбія. Корыстолюбивыми называются тѣ, которые, по жадности, сильно домогаются вещей маловажныхъ, или даже ничего нестоющихъ. Достойно замѣчанія, какимъ образомъ Сократъ обличаетъ собесѣдника во лжи. Сперва опять поставляется на видъ мнѣніе его, что корыстолюбивые желаютъ τὰ ὀλίγου καὶ οὐδενὸς ἄξια, и отсюда выводится, что такіе люди находятся въ крайнемъ заблужденіи и невѣжествѣ. Потомъ полагается, что корысть, поколику она противуположна убытку, есть добро; слѣдовательно, корыстолюбивые любятъ добро. А такъ какъ любовь къ добру надобно приписать всѣмъ людямъ, то корыстолюбіе есть свойство всѣхъ людей. Софизмъ, очевидно, заключается въ томъ, что изъ понятія корысти, какъ добра ad hominem, дѣлается заключеніе къ добру pro genere humano, т.-е. изъ частнаго выводится общее.

Др. Противуположна.

Сокр. Стало-быть, корысть—добро.

Др. Да.

Сокр. Такъ корыстолюбивыхъ называешь ты любителями добра.

Др. Походитъ.

Сокр. Не сумасшедшими же, другъ мой, почитаешь ты ко- B.
рыстолюбцевъ. А самъ любишь ли то, что—добро, или не любишь?

Др. Люблю.

Сокр. Но то, чего не любишь, доброе ли что-нибудь есть, или злое?

Др. Клянусь Зевсомъ, недоброе.

Сокр. Напротивъ, все доброе, ты, можетъ быть, любишь.

Др. Да.

Сокр. Спроси же и меня, не люблю ли и я,—и я призна-
юсь тебѣ, что люблю доброе. Да и кромѣ меня и тебя, всѣ C.
другіе люди,—не кажется ли тебѣ?—доброе любятъ, а злое ненавидятъ.

Др. По мнѣ, это явно.

Сокр. Но корысть признали мы добромъ?

Др. Да.

Сокр. Такъ вотъ и открывается, что всѣ люди корыстолюбивы. А прежде мы говорили, что никто не корыстолюбивъ. Которое же мнѣніе принять, чтобы не ошибиться?

Др. Думаю, мнѣніе того, Сократъ, кто правильно понимаетъ человѣка корыстолюбиваго; а правильно понимаетъ его
тотъ, кто занимается подобными дѣлами и желаетъ получать D
корысть отъ того, чѣмъ добрые корыстоваться не смѣютъ [1].

Сокр. Но видишь, милый мой, мы недавно согласились, что корыстоваться значитъ получать пользу.

---

[1] Собесѣдникъ дѣлаетъ здѣсь третье опредѣленіе корыстолюбія, полагая, что корыстолюбивыми называются тѣ, которые хотятъ корыстоваться вещами, невыносимыми для человѣка честнаго и совѣстливаго. Посему это опредѣленіе тѣмъ только отличается отъ прежняго, что тамъ принимаемы были въ расчетъ вещи ничего незначущія, а здѣсь берутся постыдныя.

Др. Такъ что жъ изъ этого?

Сокр. То, что вмѣстѣ съ этимъ мы признали справедливымъ, что всѣ и всегда хотятъ себѣ добра.

Др. Да.

Сокр. Поэтому и люди добрые хотятъ всякихъ корыстей, если только корысть—добро.

E. *Др.* Но не тѣхъ, Сократъ, отъ которыхъ по крайней мѣрѣ ожидаютъ вреда.

Сокр. А получать вредъ, — значитъ ли, скажешь, терпѣть убытокъ, или представляешь иное что-нибудь?

Др. Нѣтъ, говорю, терпѣть убытокъ.

Сокр. Такъ отъ корысти ли люди терпятъ убытокъ, или отъ убытка?

Др. Отъ того и другаго: они терпятъ убытокъ и отъ убытка, и отъ дурной корысти.

Сокр. Но кажется ли тебѣ, что какое-нибудь благодѣтельное и доброе дѣло бываетъ дѣломъ худымъ?

Др. Не кажется.

228. *Сокр.* Не согласились ли мы немного прежде, что убытку, какъ злу, корысть противуположна?

Др. Полагаю.

Сокр. А противуположное злу есть добро?

Др. Согласились.

Сокр. Видишь ли? ты берешься меня обмануть: нарочно говоришь-противное тому, въ чемъ мы недавно согласились.

Др. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ: напротивъ, ты обманываешь меня и, не знаю, какъ-то вертишься въ рѣчи туда и сюда.

B. *Сокр.* Говори лучше: вѣдь я, конечно, нехорошо сдѣлалъ бы, не слушаясь человѣка добраго и мудраго.

Др. Кого это, и въ чемъ?

Сокр. Моего и твоего согражданина, сына Пизистратова изъ демы филедской, Иппарха [1], который между дѣтьми Пи-

---

[1] Сократъ, съ намѣреніемъ оправдать себя предъ собесѣдникомъ, что не хочетъ его обманывать, приводитъ мнѣніе Иппарха, что друзей обманывать

зистрата былъ самымъ старшимъ и самымъ мудрымъ. Этотъ
Иппархъ показалъ много и другихъ прекрасныхъ опытовъ
мудрости [1], да первый принесъ на эту землю и поэмы Оми- C.
ра [2] и заставилъ рапсодовъ преемственно читать ихъ по-по-
рядку [3] на панаѳинеяхъ, какъ дѣлаютъ они это и теперь.
Онъ же привезъ въ нашъ городъ и Анакреона теосскаго, по-
славъ за нимъ пятидесяти-весельное судно; а Симонида кеос-
скаго всегда имѣлъ при себѣ и располагалъ его къ тому ве-
ликими наградами и дарами [4]. Это дѣлалъ онъ, желая образо-

не должно и по сему поводу разсказываетъ объ учрежденіяхъ Пизистратидовъ. Этотъ разсказъ самъ по себѣ не непріятенъ, но въ отношеніи къ главному вопросу діалога почти вовсе неумѣстенъ. Составляя едва не четвертую часть всего сочиненія, онъ направляется только къ убѣжденію собесѣдника, что Сократъ не намѣренъ его обманывать. Стало-быть, это совершенно произвольная и чуждая предмета вставка. Между тѣмъ, по этому-то, вѣроятно, разсказу діалогъ получилъ и самое свое надписаніе, если только писателемъ его не былъ какой-нибудь Иппархъ.

[1] Примѣры его мудрости выставляются у Геродота (IV, 76, 5), гдѣ разсказываетъ о нихъ Анахарсисъ, γῆν πολλὴν θεωρήσας καὶ ἀποδεξάμενος κατ' αὐτὴν σοφίην πολλήν.

[2] То, что здѣсь приписывается одному Иппарху, другіе писатели усвояютъ большею частію Солону и Пизистрату. См. *Wolfii* Prolegg. ad Hom. p. XCIX, CX, CXI sq. ***Heynii*** Excurs. ad Iliad. XXIV, T. VIII, p. 809. ***Heinrich.*** Epimenid. p. 157. Его же De diasceustis Homeri, p. 17 sq., а особенно ***Perizon.*** ad Aelian. V. Hist. VIII, 2. Поэтому не лишнее изслѣдовать, откуда взялъ свое сказаніе писатель Иппарха. Можно сказать почти съ увѣренностью, что возбуждаемый страстью къ ораторству, онъ находилъ приличнымъ всѣ установленія, приписываемыя Солону и Пизистрату, отнесть къ своему герою. Если это справедливо, то нельзя не согласиться съ *Нитшемъ*, который въ книгѣ De Historia Homeri (p. 164) говоритъ, что для правильной оцѣнки излагаемаго въ Иппархѣ разсказа нужно бы рѣшить другой вопросъ, гдѣ у Аттиковъ былъ Омиръ, и откуда Иппархъ могъ принесть его. Писатель Иппарха ясно сказалъ: τὰ Ὁμήρου ἔπη πρῶτος ἐκόμισεν εἰς τὴν γῆν ταυτηνί. Потомъ это сказаніе безъ всякой критики принялъ *Эліанъ* и сталъ въ прямое противорѣчіе съ своими же словами (Libr. XIII, c. 14) о Пизистратѣ, оговариваясь только: εἰ δὴ ὁ Ἵππαρχος Πλάτωνός ἐστι τῷ ὄντι.

[3] Діогенъ Лаэрцій приписываетъ это Солону, говоря (in Solone § 57), что онъ первый установилъ читать омирическіе стихи ἐξ ὑποβολῆς, т.-е. ἐξ ὑπολήψεως. Снес. *Wolf.* Prolegg. ad Hom. p. 140. Съ этимъ почти согласно сказаніе Цицерона (de Orat. III, 34, 137), который говоритъ, что книги Омира, сначала смѣшанныя, Пизистратъ привелъ въ извѣстный порядокъ. Объ этомъ же постановленіи, скрывъ только имя постановителя, говоритъ *Исократъ* — Panegyr. c. 42. ***Lycurg.*** adv. Leocr. c. 26.

[4] Объ Анакреонѣ и Симонидѣ то же говоритъ и Эліанъ (Vitt. VIII, 2);

вать гражданъ, чтобы управлять ими, какъ наилучшими, и не считалъ нужнымъ завидовать кому-нибудь въ мудрости, такъ какъ былъ человѣкъ прекрасный и добрый. Когда же жите-
D. ли городскіе вышли у него образованными и удивлялись его мудрости,—онъ задумалъ дать образованіе и жителямъ сельскимъ; а для этого по дорогамъ—и среди города и по демамъ поставилъ эрміады [1], потомъ изъ запаса своей мудрости, какая частію была изучена, частію изобрѣтена имъ самимъ, избралъ по своимъ мыслямъ наимудрѣйшее и, изложивъ это въ элегіяхъ [2], свои стихотворенія и образцы своей мудрости начерталъ на тѣхъ эрміадахъ, чтобы граждане его не удивля-
E. лись уже мудрымъ надписямъ дельфійскимъ, каковы: «познай себя,» «ничего слишкомъ,» и другія подобныя, но считали болѣе мудрыми изреченія Иппарха и, при прохожденіи взадъ и впередъ мимо эрміадъ, перечитывая начертанное на нихъ и наслаждаясь мудростію Иппарха, приходили изъ деревень для образованія себя и во всемъ прочемъ. Надписей было двѣ. На лѣвой сторонѣ каждой эрміады написанъ былъ эрмій, говоря-
229. щій, что онъ стоитъ на срединѣ между городомъ и демою, а на правой,—

а Перизоній прибавляетъ: *καὶ γὰρ ὡς ἦν φιλοχρήματος ὁ Σιμωνίδης, οὐδεὶς ἀντιφήσει.*

[1] *Эрміады*—*Ἑρμᾶς ἔστησεν.* Эрміады или эрмы были у Грековъ *τετράγωνοι κίονες*—четырехугольныя статуи, мѣдныя или мраморныя, безъ рукъ, и безъ тѣлесныхъ формъ, но съ человѣческою головою. Онѣ представляли Меркурія и отъ того получили свое имя. Ихъ нерѣдко поставляли предъ дверьми храмовъ и предъ домами знаменитыхъ гражданъ, чаще же всего на перекресткахъ, или въ такихъ пунктахъ, гдѣ сходилось много дорогъ. Въ этомъ случаѣ на нихъ были надписи, показывавшія, куда ведетъ дорога, а другія заключали въ себѣ какія-нибудь нравственныя правила жизни. Объ этихъ-то эрміадахъ говоритъ *Cornel. Nepos* (v. Alcib. c. 3), что въ одну ночь въ Аѳинахъ всѣ онѣ были опрокинуты, кромѣ одной, стоявшей предъ дверьми Андокида и называвшейся эрміадою Андокидовою. *Herman.* Lex. v. Hermae.

[2] Здѣсь говорится объ эрміадахъ придорожныхъ, стоявшихъ по путямъ между Аѳинами и демами. На нихъ было по двѣ надписи: одна на правой сторонѣ, другая на лѣвой. По изслѣдованію Фурмонція, съ одной стороны начертывался пентаметръ, съ другой гексаметръ; и это писатель Иппарха называетъ *ἐλεγεῖον*, только, кажется, неправильно; потому что *ἐλεγεῖον* есть двустишіе, какимъ гномическіе философы древности обыкновенно выражали ту или другую мысль.

Правило Иппарха: водись помысломъ правды.

На другихъ эрміадахъ написаны другія стихотворенія, и было много прекрасныхъ. Такъ, напримѣръ, на стиріакской дорогѣ надпись говорила:

Правило Иппарха: друга не обманывай. B.

Посему, я никакъ не рѣшился бы обмануть тебя, моего друга, и не послушаться того, столь мудраго человѣка, ради котораго Аѳиняне, и по смерти его, находились три года подъ владычествомъ брата его, Иппіаса. И ты могъ бы услышать отъ всякаго старика, что только въ эти годы была въ Аѳинахъ тираннія, а въ другія времена Аѳиняне жили какбы подъ скипетромъ Кроноса. Люди говорливые разсказываютъ, а за C.
ними повторяетъ и чернь, будто смерть его послѣдовала отъ того, что онъ обезчестилъ сестру Армодія, носительницу священной корзины: но этотъ разсказъ нелѣпъ. Нѣтъ, Армодій былъ любимъ Аристогитономъ и воспитывался у него. Аристогитонъ очень заботился о его воспитаніи и, въ отношеніи къ нему, почиталъ своимъ соперникомъ Иппарха. Въ то время и самъ Армодій любилъ одного изъ прекрасныхъ и благородныхъ тогдашнихъ юношей,—сказывали и имя его, но я не помню. Этотъ юноша сперва удивлялся Армодію и Аристогито- D.
ну, какъ мудрецамъ; а потомъ, познакомившись съ Иппархомъ, презрѣлъ ихъ. Оскорбленные такимъ безчестіемъ, Армодій и Аристогитонъ умертвили Иппарха.

Др. Такъ должно быть, ты, Сократъ, или не почитаешь меня другомъ, или и почитаешь, да не слушаешься Иппарха. Вѣдь я не могу убѣдиться твоими словами, что ты, не знаю, какимъ-то образомъ, не обманываешь меня.

Сокр. Пускай же будетъ и въ рѣчахъ, какъ бываетъ въ шахматной игрѣ: я согласенъ взять, какое угодно, мое слово E.
назадъ, лишь бы ты не думалъ, что я тебя обманываю. Хочешь ли, возьму назадъ то, что всѣ люди желаютъ благъ?

Др. Никакъ не хочу.

Сокр. Или то, что оставаться въ убыткѣ и самый убытокъ —зло?

Др. И этого не хочу.

Сокр. Ну такъ то, что корысть и корыстоваться есть противуположное убытку и несенію убытка?

230. *Др*. И это также.

Сокр. Да не то ли, что корыстоваться, какъ дѣйствіе, противуположное злу, есть добро?

Др. Не бери у меня назадъ ничего этого.

Сокр. Значитъ, тебѣ кажется, что въ корысти одно—добро, а другое—зло.

Др. Да, кажется.

Сокр. Такъ я беру назадъ: пусть одна корысть будетъ нѣчто доброе, а другая нѣчто злое.—Но добрая корысть есть не болѣе корысть, какъ и злая. Не такъ ли?

Др. Какъ ты спрашиваешь меня?

Сокр. Я скажу. Хлѣбъ бываетъ хорошій и худой?

Др. Да.

B. *Сокр*. Но одинъ изъ нихъ больше ли хлѣбъ, чѣмъ другой, или оба они равно то самое—хлѣбъ, и съ этой стороны ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго, поколику, то-есть, оба—хлѣбъ, отличаются же тѣмъ, что одинъ хорошъ, другой худъ?

Др. Да.

Сокр. Не то же ли самое—о питьѣ и о всемъ другомъ? Эти вещи тожественны между собою, и хотя однѣ изъ нихъ хороши, а другія нехороши, однакожъ, сами въ себѣ,—съ этой стороны взаимно не различаются, какъ и человѣкъ не различается отъ человѣка, хотя одинъ будетъ добръ, другой золъ.

Др. Да.

C. *Сокр*. Человѣкъ-то, думаю, кто бы онъ ни былъ, не больше и не меньше другаго, — ни добрый больше злаго, ни злой больше добраго.

Др. Ты говоришь правду.

Сокр. Не такъ ли мыслить намъ и о корысти, что корысть-то,—зла она, или добра,—равно корысть?

Др. Необходимо.

Сокр. Стало-быть, ничѣмъ не больше корыстуется человѣкъ, имѣющій добрую корысть, какъ и злую; потому что никоторая корысть, какъ мы согласились, не является больше корыстью.

Др. Да.

Сокр. Такъ какъ ни къ которой изъ нихъ не прибавляет- D.
ся ни больше ни меньше.

Др. Конечно не прибавляется.

Сокр. Какъ же можетъ кто-либо дѣлать что, или терпѣть больше или меньше—тою вещью, къ которой ничто такое не прибавляется?

Др. Невозможно.

Сокр. Итакъ, если обѣ эти корысти равно корыстны, то намъ теперь надобно изслѣдовать, на что смотря, какъ на тожественное въ той и другой, ты въ обѣихъ находишь причину называть ихъ корыстью? Положимъ, тебѣ захотѣлось E.
бы спросить меня: почему я и хорошій хлѣбъ и худой—равно тотъ другой называю хлѣбомъ?—Я отвѣчалъ бы: потому, что тотъ и другой есть сухая пища тѣла. Вѣдь согласишься, конечно, и ты, что таково понятіе хлѣба. Не такъ ли?

Др. Такъ.

Сокр. И о питьѣ была бы та же формула отвѣта, что, то- 231.
есть, жидкой пищѣ тѣла,—хороша она или худа,—имя одно это—питье; подобнымъ образомъ отвѣчалъ бы я и о другихъ вещахъ. Такъ постарайся и ты подражать мнѣ въ своемъ отвѣтѣ. Корысть добрую и корысть злую — ту и другую называя корыстью, что видишь ты въ ней тожественное, почему она есть корысть? А если самъ отвѣчать не можешь, то вникни, что буду говорить я. Корыстью почитаешь ты всякое ли пріобрѣтеніе, какое кому достается, когда пріобрѣтшій получаетъ много, ничего не истративъ, или истративъ малость?

Др. Кажется, это называю я корыстью. B.

Сокр. Не такъ ли разумѣешь ты ее? Человѣкъ—на пиру: онъ ничего не тратитъ, но, разгулявшись, пріобрѣтаетъ болѣзнь.

Др. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. А пріобрѣтши отъ пира здоровье, корысть ли пріобрѣлъ бы, или убытокъ?

Др. Корысть.

Сокр. Стало-быть, не то-то корысть — пріобрѣсть, какое ни случилось, стяжаніе.

Др. Конечно не то.

Сокр. Не получитъ корысти тотъ ли, кто не получитъ чего худаго, или тотъ, кто—добраго?

Др. Видимо, кто добраго-то.

Сокр. А кто получитъ худое, тотъ потерпитъ, видно, убытокъ?

C. *Др*. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ видишь? ты опять перебѣгаешь къ тому же: корысть представляется тебѣ добромъ, а убытокъ—зломъ.

Др. Но я въ недоумѣніи,—что сказать.

Сокр. И недоумѣніе твое—не безъ причины. Отвѣчай мнѣ и на это. Кто меньше истратилъ и больше пріобрѣлъ, тотъ имѣетъ ли, скажешь, корысть?

Др. Да, лишь бы было, го̀ворю, не худое; лишь бы меньше истратилъ и больше получилъ золота или серебра.

D. *Сокр*. Объ этомъ и буду я спрашивать. Положимъ, кто-нибудь, истративъ полфунта золота, получилъ вдвое серебра: корысть, или убытокъ получилъ онъ?

Др. Вѣроятно, убытокъ, Сократъ; потому что вмѣсто двѣнадцати частей, къ нему возвратилось только двѣ части серебра [1].

Сокр. Однакожъ онъ получилъ больше. Развѣ двукратное не больше половины?

Др. Но по цѣнности-то, серебро ниже золота.

Сокр. Стало-быть, къ корысти должно, какъ видно, присоединяться это—цѣнность. Вотъ теперь серебро, хотя его боль-

[1] Отношеніе фунта золота къ фунту серебра было какъ 12 къ 1. Это мѣсто изъяснилъ *Letronne* въ своемъ отвѣтѣ г-ну Гарнье. См. Les considérations générales sur l'évaluation des monnais greques et romaines. Paris. 1817.

ше, не стоитъ, говоришь, золота, а золото, хотя его меньше, стоитъ, говоришь, серебра. E.

Др. Непремѣнно; это такъ.

Сокр. Стало-быть, корыстна цѣнность,—мало ли будетъ чего, или много,—а нецѣнность некорыстна.

Др. Да.

Сокр. Подъ цѣннымъ же иное ли что разумѣешь ты, какъ не то, что стоитъ пріобрѣтенія?

Др. Да, что стоитъ пріобрѣтенія.

Сокр. А стоющее пріобрѣтенія безполезно ли, говоришь опять, или полезно?

Др. Вѣроятно, полезно. 232.

Сокр. Но полезное не есть ли доброе?

Др. Да.

Сокр. Поэтому, неустрашимѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, не приходится ли намъ опять—въ третій или четвертый разъ согласиться, что корысть есть доброе?

Др. Вѣроятно.

Сокр. Помнишь ли, откуда вышло наше слово?

Др. Думаю.

Сокр. А не то,—я напомню. Ты спорилъ со мною, что добрые хотятъ корыстоваться не всякою корыстью; но если она—добро, корыстуются, а зло,—нѣтъ.

Др. Такъ.

Сокр. Теперь же изслѣдованіе не заставило ли насъ согласиться, что всякая корысть,—мала она, или велика,—есть добро?

Др. Заставило, Сократъ, по крайней мѣрѣ меня—больше, B. чѣмъ убѣдило.

Сокр. Но послѣ этого, можетъ быть, и убѣдитъ. Теперь, по убѣжденію, или какъ иначе, ты соглашаешься съ нами, что всякая корысть,—мала ли она, или велика,—есть добро.

Др. Конечно соглашаюсь.

Сокр. А всѣ добрые люди хотятъ всякаго добра,—соглашаешься ты, или нѣтъ?

Др. Соглашаюсь.

Сокр. Но и злые то, сказалъ ты самъ, любятъ корысть малую и великую.

Др. Сказалъ.

Сокр. Такъ, по твоимъ словамъ, всѣ люди корыстолюбивы—добрые и злые.

Др. Явно.

Сокр. Стало-быть, кто порицаетъ кого за корыстолюбіе, тотъ неправильно порицаетъ; потому что таковъ же и самъ порицатель.

КЛИТОФОНЪ.

КЛИТОФОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Краткое сочиненіе, озаглавленное именемъ Клитофона, съ древнихъ временъ занимало мѣсто между сочиненіями Платона и, какъ подлинное Платоново, вошло въ сборникъ Стефана. Но доказать его подлинность — дѣло весьма трудное; потому что для этого надлежало бы напередъ рѣшить другой вопросъ: есть ли это нѣчто цѣлое, законченное, или только небольшой отрывокъ цѣлаго, которое въ полномъ своемъ составѣ до насъ не дошло?

Если на Клитофона будемъ смотрѣть, какъ на сочиненіе полное, то нетолько не найдемъ никакой причины относить его къ числу несомнѣнныхъ діалоговъ Платона, но еще увидимъ твердое основаніе для заключенія о его подложности. Такимъ основаніемъ будетъ тогда просто соображеніе цѣли, на которую Клитофонъ указываетъ своимъ содержаніемъ. Все содержаніе этого сочиненія можно въ нѣсколькихъ словахъ выразить такъ: ты, Сократъ, прекрасно хвалишь справедливость и располагаешь къ ней, а не знаешь, что значитъ поступать справедливо, или, покрайней мѣрѣ, не хочешь сказать этого. Отсюда естественно вытекаетъ цѣль Клитофона—показать слабую сторону Сократовыхъ бесѣдъ и чрезъ то возбудить недовѣрчивость къ нимъ въ его слушателяхъ. Могъ ли Платонъ въ своихъ діалогахъ нетолько стремиться къ такой цѣли, но и предполагать ее? Притомъ, незнаніе, что значитъ

поступать справедливо, ни въ какомъ случаѣ не могло быть обращено въ укоризну Сократу, когда это самое незнаніе онъ постоянно ставилъ на первомъ планѣ и всѣ способы философскаго изслѣдованія направлялъ не къ передачѣ знанія другимъ, а къ тому, чтобы, прикрываясь ироніею, отъ незнанія самому, вмѣстѣ съ другими, перейти къ знанію. Откуда же Платону могло бы придти на мысль въ этомъ краткомъ сочиненіи требовать отъ Сократовой философіи такого характера, какой поставилъ бы ее въ прямое противорѣчіе съ характеромъ Сократова мышленія во всѣхъ подлинныхъ его сочиненіяхъ? Поэтому мнѣ нравится догадка Шлейермахера, что Клитофонъ могъ выдти изъ какой-нибудь лучшей аѳинской школы краснорѣчія, враждовавшей противъ Сократа и его послѣдователей, не исключая самаго Платона.

Но еслибы мы предположили, что подъ именемъ Клитофона въ сборникѣ Платоновыхъ діалоговъ сохранилось сочиненіе неполное, — одна только часть его, или даже одно вступленіе; то не было бы, по крайней мѣрѣ, ничего страннаго допускать его подлинность. Тогда этотъ, дошедшій до насъ отрывокъ давалъ бы поводъ думать, что за содержащимся въ немъ монологомъ Клитофона должна была слѣдовать бесѣда Сократа, въ которой надлежало ему либо указать на способы— доктринальную справедливость переводить въ самую жизнь, слѣдовательно начертать, напримѣръ, политику, либо сослаться на божественное внушеніе и руководство, къ которому нерѣдко обращается онъ въ сочиненіяхъ Платона. Это предположеніе дѣйствительно могло бы имѣть силу основанія, еслибы подлинность Клитофона подтверждалась сверхъ того и другими внѣшними признаками, еслибы, напримѣръ, въ самомъ изложеніи и выраженіи его выдерживался характеръ рѣчи истинно платоновской. Но разборчивая филологическая критика этого не найдетъ, и потому придетъ почти къ несомнѣнному заключенію, что Клитофонъ есть сочиненіе подложное.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И КЛИТОФОНЪ.

Одинъ человѣкъ недавно разсказывалъ намъ, что Клитофонъ, сынъ Аристонима, разговаривая съ Лизіасомъ, порицалъ собесѣдованія Сократовы и превозносилъ похвалами обращеніе Тразимахово [1]. 406.

Клит. Кто бы это ни былъ, Сократъ,—онъ неправильно передалъ тебѣ мой относительно тебя разговоръ съ Лизіасомъ; потому что я частію не хвалилъ тебя, а частію хвалилъ. Такъ какъ явно, что ты бранишь меня, хотя и притворяешься, будто это нисколько не тревожитъ тебя; то я съ особеннымъ удовольствіемъ желалъ бы сообщить тебѣ нашу бесѣду, — тѣмъ болѣе, что мы одни: тогда ты убѣдился бы, что я не такъ худо думаю о тебѣ. Теперь тебѣ, можетъ быть, невѣрно передали ее, и оттого ты, повидимому, сердишься на меня болѣе надлежащаго. Такъ еслибы дана была мнѣ воля говорить, я съ удовольствіемъ воспользовался бы ею и сталъ бы говорить.

Сокр. Но вѣдь стыдно было бы мнѣ не допустить твоего 407.
разсказа, когда ты расположенъ къ моей пользѣ; ибо узнавъ,

---

[1] Эти первыя строки Клитофона походятъ болѣе на надписаніе, или на схолію, показывающую поводъ, по которому происходилъ разговоръ между Клитофономъ и Сократомъ. Здѣсь между начальною замѣткою и самымъ текстомъ нѣтъ никакой связи, и замѣтка эта о Сократѣ и Клитофонѣ говоритъ въ третьемъ лицѣ, чего Платонъ въ своихъ сочиненіяхъ никогда не дѣлаетъ.

что̀ во мнѣ хуже и что̀ лучше, одно буду я развивать и преслѣдовать, а другаго всѣми силами избѣгать [1].

Клит. Слушай же. Обращаясь съ тобою, Сократъ, и слушая тебя, я часто изумлялся; мнѣ казалось, что ты говоришь гораздо превосходнѣе другихъ, когда, укоряя людей, восклицаешь, будто богъ изъ трагической машины, и проповѣдуешь: Куда мчитесь вы, люди? Развѣ не замѣчаете, что дѣлаете не-
B. должное, когда всю свою заботу направляете къ деньгамъ, чтобы собрать ихъ, а о дѣтяхъ, которымъ передадите свои деньги, какимъ бы образомъ съумѣли они пользоваться этимъ, нерадѣете: вы не ищете для нихъ учителей справедливости, если только она изучима, — а какъ скоро можно питаться и заниматься ею, — не ищете, кто бы достаточно питалъ и занималъ ихъ этою добродѣтелью; да и прежде еще — не образовали въ томъ же отношенiи самихъ себя, но видя, что и сами вы,
C. и дѣти ваши достаточно научились грамотѣ, музыкѣ и гимнастикѣ, — что̀ почитаете полнымъ курсомъ воспитанiя въ добродѣтели, — тѣмъ не менѣе находите себя худыми со стороны матерiальной. Зачѣмъ же пренебрегаете вы своимъ воспитанiемъ и не ищете, кто бы избавилъ васъ отъ такой несообразности? Между тѣмъ отъ этой-то безпечности, отъ этого нерадѣнiя, а не отъ того, что нога бьетъ тактъ не подъ лиру, несоразмѣрно и негармонично относятся и братъ къ брату, и
D. города къ городамъ, — отъ этого возмущаются они и, враждуя одни съ другими, какъ въ дѣйствiяхъ, такъ и въ страданiяхъ доходятъ до крайностей. А вы, напротивъ, говорите, что несправедливые бываютъ несправедливы не отъ необразованности и не отъ невѣжества, но по доброй волѣ. Вы осмѣливаетесь также говорить, что несправедливость есть дѣло постыдное и богоненавистное: но какимъ же образомъ такое-то

---

[1] *Всѣми силами избѣгать*, φεύξομαι κατὰ κράτος, — выраженiе, часто встрѣчающееся у Омира и древнихъ греческихъ трагиковъ; но невидно, чтобы употреблялъ его въ своихъ сочиненiяхъ Платонъ, если исключимъ дiалогъ подъ именемъ Димодоха, въ которомъ оно есть, но который относится также къ сочиненiямъ подложнымъ.

зло избралъ бы кто-нибудь по доброй волѣ? Изберетъ, скажете, тотъ, кто побѣждается удовольствіемъ: но и это есть ли дѣло невольное, когда побѣждать зависитъ отъ нашей воли? Итакъ, выходитъ, что несправедливость всячески бываетъ поступкомъ невольнымъ, и что на это, какъ частно всякій человѣкъ, такъ и публично—всѣ города, должны обращать боль- Е.
ше вниманія, чѣмъ сколько обращается теперь. Такъ вотъ, Сократъ, сколь ни часто слышу я такія твои рѣчи, всегда восхищаюсь и хвалю тебя съ восторгомъ. Хвалю я и твой выводъ изъ этого, что люди, имѣющіе попеченіе о тѣлахъ и нерадѣющіе о душѣ, дѣлаютъ не иное что, какъ нерадѣютъ о начальственномъ и пекутся о подвластномъ. Хвалю и тѣ твои слова, что чѣмъ кто не умѣетъ пользоваться, пользованіе тѣмъ лучше ему оставить: кто, напримѣръ, не умѣетъ употреблять ни глазъ, ни ушей, ни всего тѣла, тому лучше совсѣмъ не слышать, не видѣть и не пользоваться тѣломъ, чѣмъ пользоваться какъ-нибудь. Да то же надлежитъ сказать и объ искуствѣ. 408.
Кто, напримѣръ, не умѣетъ пользоваться собственною лирою, тотъ, очевидно, не умѣетъ—и лирою сосѣда; а кто не умѣетъ пользоваться лирою другихъ, тотъ не умѣетъ—и своею; такимъ же образомъ, не съумѣетъ онъ пользоваться и другимъ инструментомъ, или какою-нибудь вещью. Прекрасно и оканчивается у тебя эта рѣчь, что кто не умѣетъ пользоваться душою, тому лучше дать душѣ покой и не жить, чѣмъ жить, дѣйствуя по произволу; а кому жить велитъ необходимость, тому лучше проводить жизнь въ рабствѣ, чѣмъ на свободѣ: пусть онъ кормило своей мысли, будто корабля, передастъ В.
иному, знающему науку править людьми,—ту науку, которую ты, Сократъ, называлъ политикою, разумѣя подъ нею судебность и справедливость. Этимъ твоимъ словамъ и другимъ подобнымъ, каковыхъ было множество и которые высказаны прекрасно, что, напримѣръ, добродѣтель изучима и что о ней надобно стараться больше всего,—этимъ твоимъ словамъ я никогда почти и прежде не противорѣчилъ, и, думаю, не буду противорѣчить послѣ; потому что почитаю ихъ убѣдительны-

C. ми и весьма полезными, такъ что они будто пробуждаютъ насъ отъ сна. Потомъ я приложилъ стараніе услышать, что слѣдовало за этимъ, и сперва не тебя, Сократъ, спрашивалъ о томъ, а сверстниковъ своихъ и соревнователей,—твоихъ друзей, или какъ иначе сказать о нихъ, относительно къ тебѣ; притомъ изъ этихъ спрашивалъ особенно тѣхъ, которые слывутъ у тебя первыми, стараясь разузнать, что говорено было
D. послѣ сего, и подражая тебѣ, держалъ къ нимъ такую рѣчь: Почтеннѣйшіе! какъ же теперь разумѣть слышимыя нами увѣщанія Сократа къ добродѣтели? Только ли всего требуется тутъ, и идти далѣе въ этомъ дѣлѣ нельзя, чтобы овладѣть имъ окончательно, но во всю жизнь считать своею обязанностью—убѣждать еще неполучившихъ убѣжденія, и чтобы послѣдніе въ свою очередь убѣждали другихъ? Или, согласившись, что это самое долженъ дѣлать человѣкъ, слѣдуетъ намъ спросить
E. Сократа и другъ друга [1],—что же изъ этого? какимъ образомъ, скажемъ, начать намъ ученіе о справедливости? Пусть бы кто-нибудь, видя, что мы, будто дѣти, и не подозрѣваемъ, что есть какая-то гимнастика и медицина, увѣщавалъ насъ имѣть попеченіе о тѣлѣ, да еще и укорялъ, говоря, что стыдно намъ всячески заботиться о пшеницѣ, ячменѣ, садовыхъ растеніяхъ и о всемъ, надъ чѣмъ трудимся и что̀ пріобрѣтаемъ для тѣла,—а относительно того самаго не отыскиваемъ никакого искуства или способа, какъ бы вышло наилучшимъ наше тѣло, хотя такое искуство и есть. Мы, конечно, спросили бы тогда своего увѣщателя: скажешь ли ты намъ, какія это ис-
409. куства? А онъ, можетъ быть, отвѣчалъ бы: гимнастика и медицина. Спросимъ же мы и теперь: въ чемъ состоитъ искуство о добродѣтели души? и пусть Сократъ отвѣчаетъ.—Тутъ казавшійся изъ нихъ самымъ сильнымъ взялся отвѣчать на это и

---

[1] *Спросить Сократа и другъ друга*, τὸν Σωκράτην καὶ ἀλλήλους ἐπανερωτᾶν. Эта фраза представляется намъ вовсе неплатоновскою. Платонъ соединяетъ собственныя имена нерѣдко съ какимъ-нибудь мѣстоимѣніемъ, но никогда не поставляетъ предъ ними члена, если не требуется особеннаго указанія на лицо, или когда членъ принимается ве вмѣсто мѣстоимѣнія указательнаго.

сказалъ мнѣ: искуство, о которомъ ты слышишь отъ Сократа, есть не иное, какъ справедливость. — А я возразилъ: не имя мнѣ нужно, а вотъ что: Медицина, вѣроятно, называется какимъ-нибудь искуствомъ; а она совершаетъ два дѣла [1]: во-первыхъ, кромѣ наличныхъ врачей, всегда приготовляетъ другихъ; во-вторыхъ, возстановляетъ здоровье. Но одно изъ этихъ B.
дѣлъ есть еще не искуство, а только способъ научить и научиться искуству, называемому возстановленіемъ здоровья. То же самое и въ занятіи домостроительномъ: одно — домъ, другое — домостроительство; то — дѣло, а это — наука. Подобное должно быть и въ справедливости: одно пусть дѣлаетъ справедливыми, какъ тамъ—художниками, а другое—то, что можетъ дѣлать намъ справедливый. Скажи же мнѣ, какъ назвать это послѣднее?—Собесѣдникъ мой, помнится, отвѣчалъ, что это есть полезное, другой,—что это должное, третій,—что это выгод- C.
ное, четвертый, — что это прибыльное. — А я опять сказалъ: вѣдь и тамъ — въ другихъ искуствахъ тѣ же имена, то-есть, дѣлать правильно—значитъ дѣлать прибыльное, полезное и иное тому подобное; но къ чему все это клонится? Каждое искуство выскажетъ свое собственное дѣло, какъ напримѣръ, строительное объявитъ своимъ дѣломъ—хорошо, красиво, по надлежащему приготовлять деревянныя вещи, что самое еще не составляютъ искуства. Пусть же подобно этому сказано будетъ и о дѣлѣ справедливости.—Тогда наконецъ, Сократъ, D.
кто-то изъ твоихъ друзей, говорившій, повидимому, съ самоувѣренностью, отвѣчалъ мнѣ, что особенное дѣло справедливости, неотносящееся ни къ какому иному искуству, есть— установлять въ городахъ дружбу. Этотъ, по поводу дѣлаемыхъ ему вопросовъ, полагалъ, что дружба есть добро и никогда не бываетъ зломъ. Но какъ скоро спросили его о дружескихъ отношеніяхъ дѣтей и звѣрей, означаемыхъ у насъ тоже именемъ дружбы,—онъ не хотѣлъ признать этого дружбою, ибо прихо-

---

[1] *Совершаетъ два дѣла, διττὰ τὰ ἀποτελούμενα*: выраженіе неплатоновское и вообще неточное, хотя оно было въ употребленіи, особенно во времена позднѣйшія.

дилось ему согласиться, что тѣ отношенія больше вредоносны,
E. чѣмъ добры. Итакъ, избѣгая сдѣланнаго возраженія, онъ въ такой дружбѣ не видѣлъ дружбы и говорилъ, что тѣ лгутъ, которые такъ называютъ ее: напротивъ, существенно и по-истинѣ дружба, очевидно, есть единомысліе. Потомъ, на вопросъ о единомысліи, — согласіе ли въ мнѣніяхъ, или знаніе разумѣется подъ нимъ, — согласіе мнѣній онъ унизилъ; ибо у людей, по необходимости, бываетъ много такихъ согласныхъ мнѣній, которыя вредоносны тогда какъ дружбу признавалъ онъ во всякомъ случаѣ добромъ и дѣломъ справедливости, и потому говорилъ, что съ единомысліемъ тожественно знаніе, а не мнѣ-
410. ніе. Когда же мы въ своемъ недоумѣніи дошли до этого, — присутствовавшіе казались способными сдѣлать ему возраженіе и говорили, что его слово возвратилось къ прежнему положенію: вѣдь и медицина, замѣчали они, и всѣ искуства суть нѣкоторое единомысліе относительно къ тому, о чемъ они разсуждаютъ; стало-быть, все еще неизвѣстно, къ чему стремится разсматриваемая тобою справедливость, или единомысліе, и невидно, въ чемъ состоитъ ея дѣло. Послѣ всѣхъ, Сократъ, спрашивалъ я и тебя самого, и ты сказалъ мнѣ, что
B. дѣло справедливости вредить врагамъ, а друзьямъ дѣлать добро. Но впослѣдствіи оказалось, что вредить-то — справедливый никому не вредитъ, ибо дѣлаетъ все на пользу всѣмъ. И этого домогался я отъ тебя не разъ и не два, но настойчиво докучалъ тебѣ въ теченіе долгаго времени — съ той мыслію, что хотя ты и прекрасно дѣлаешь, увѣщавая людей стараться о добродѣтели, но тутъ одно изъ двухъ: — либо это только и можешь ты, а далѣе ничего, — что̀ умѣстно въ отношеніи ко всякому другому искуству, какъ напримѣръ, и не будучи корм-
C. чимъ, можно усердно хвалить кораблевожденіе, для людей весьма важное; — то же касательно другихъ искуствъ, то же вмѣнитъ тебѣ иной и касательно справедливости, полагая, что сколь ни прекрасно превозносишь ты справедливость, это еще не дѣлаетъ тебя знатокомъ ея, и такое мнѣніе, однакожъ, не мое, — такъ тутъ одно изъ двухъ: или ты не знаешь справед-

ливости, или не хочешь сообщить мнѣ о ней. Поэтому съ своимъ недоумѣніемъ я пойду, думаю, и къ Тразимаху, и всюду, D. куда могу, пока не захочешь ты прекратить эти обращаемыя ко мнѣ увѣщанія. Еслибы, напримѣръ, тебѣ вздумалось убѣждать меня относительно гимнастики, что не должно пренебрегать тѣломъ; то въ заключеніе увѣщательной своей рѣчи ты сказалъ бы, каково по природѣ мое тѣло и въ какомъ ухаживаніи оно нуждается. Пусть то же будетъ и теперь. Положимъ, Клитофонъ согласенъ, что смѣшно объ иномъ имѣть попеченіе, а о душѣ, ради которой предпринимаются нами всѣ прочіе труды, нерадѣть; положимъ, то же говорю я и о другомъ, что за тѣмъ слѣдовало и что сейчасъ было мною изложено: такъ вотъ убѣдительно прошу тебя отнюдь не дѣлать такъ, чтобы я, какъ теперь, за одно хвалилъ тебя предъ Лизіасомъ, или предъ кѣмъ бы то ни было, а за другое порицалъ. Вѣдь я буду говорить, Сократъ, что для человѣка, неубѣжденнаго тобою, ты дороже всего; а кто почти уже убѣжденъ, тому ты полагаешь препятствіе для усовершенія себя въ добродѣтели и для достиженія счастія.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ 4-й части соч. Платона.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Напечатано:	Читай:
174	γάναι	γεύεσθαι
238	бываетъ хотя, и не очень,	бываетъ, хотя и не очень,
239	стихобъ	стиховъ
256	ποῦ	που
—	ἀλλειφθέντι	ἀλειφθέντι
291	о всемъ	во всемъ